НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

I.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ.

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ ФРАНЦІИ.

Переводъ подъ редакціей проф. **И. М. Гревса.**

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ГЕРМАНСКОЕ ВТОРЖЕНІЕ и КОНЕЦЪ ИМПЕРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер. 17—9.
1904.

ГЕРМАНСКОЕ ВТОРЖЕНІЕ и КОНЕЦЪ ИМПЕРІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА РУССКАГО ПЕРЕВОДА.

Русскій переводъ II-го тома сочиненія Фюстель де-Куланжа появляется въ свѣтъ гораздо позже, чѣмъ разсчитывали издатели и редакторъ. Произошло это вслѣдствіе различныхъ задержекъ. Редакторъ самъ долженъ признать, что у него не хватало часто времени, необходимаго для того, чтобы быстро двигать изданіе, требующее самой тщательной обработки текста. Въ будущемъ, можно надѣяться, препятствія устранятся, и выходъ слѣдующихъ томовъ значительно ускорится. Бо́льшая половина третьяго тома уже напечатана, и онъ не замедлитъ появиться. Въ типографскомъ отношеніи удалось, кажется, устранить несовершенства, указывавшіяся въ предисловіи перваго. Достойная выдающагося научнаго произведенія внѣшность, скромная, но опрятная и красивая, обезпечивающая приличіе книги, удобство пользованія ею и прочность, по прежнему озабочиваетъ издателей [1]. Къ одному изъ послѣдующихъ томовъ будетъ приложенъ портретъ Фюстель де-Куланжа

[1] Въ замѣткѣ, появившейся въ одномъ изъ петербургскихъ общихъ журналовъ по поводу выхода русскаго перевода перваго тома труда Фюстель де-Куланжа былъ сдѣланъ упрекъ издателямъ за назначеніе будто бы „двойной“ цѣны выпускаемой книгѣ. Слова эти обличаютъ въ рецензентѣ малое знакомство съ условіями у насъ книжнаго производства и сбыта. Большіе расходы, требуемые для обезпеченія какъ внутренней, такъ и наружной стороны изданія, едва окупятся,

Представляя русскимъ читателямъ настоящую часть „Исторіи общественнаго строя древней Франціи“, редакторъ напутствуетъ ее искреннимъ пожеланіемъ найти среди новаго круга людей, ищущихъ историческаго образованія, которымъ не доступенъ французскій языкъ, заслуженный ею по существу ея содержанія высокій и серьезный интересъ. Со второго именно тома расцвѣтаютъ въ полной силѣ замѣчательныя внутреннія качества крупнаго произведенія знаменитаго историка. Когда въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка выходили первымъ изданіемъ главы, относящіяся къ послѣднимъ вѣкамъ римской имперіи, многія положенія, признанныя впослѣдствіи за истину и составляющія теперь основу научнаго зданія европейской исторіи, высказывались тогда авторомъ какъ совершенно новыя идеи. На эти первыя формулы опирались дальнѣйшія изслѣдованія въ той же области даже тѣхъ ученыхъ (преимущественно изъ школы германистовъ), которые враждебно поднялись противъ общей концепціи Фюстель де-Куланжа, но которымъ онъ противъ воли ихъ на многое открылъ глаза. Въ дѣлѣ опредѣленія внутренней природы политическихъ учрежденій и со-

когда оно все разойдется въ публикѣ; а интересующіеся судьбами научной литературы у насъ хорошо представляютъ себѣ, какъ малочисленъ до сихъ поръ контингентъ ея потребителей. Тѣмъ не менѣе редакторъ солидарно съ издателями опредѣленно стоитъ за улучшеніе формы выходящихъ въ Россіи книгъ, особенно такихъ капитальныхъ, и издатели для достиженія этого берутъ на себя немалыя жертвы. Второй томъ почти вдвое больше перваго, потому онъ долженъ быть и дороже; но для учащихся въ виду облегченія имъ пользованія русскимъ переводомъ Фюстель де-Куланжа, издатели охотно предоставятъ возможныя льготы.

ціальныхъ порядковъ поздней римской имперіи и преемственной связи ея общественнаго строя съ развитіемъ такъ называемаго ранняго средневѣковья—это былъ смѣлый, но твердый новаторъ: онъ открывалъ обширные горизонты, оригинально и глубоко разыскивалъ и съ рѣдкимъ искусствомъ возстановлялъ эволюціонную нить.—Вторая часть настоящаго тома—Германское вторженіе—вызываетъ больше недоумѣній и требуетъ во всякомъ случаѣ ограничительнаго толкованія: авторъ мѣстами слишкомъ далеко заходитъ въ своемъ отрицаніи активной роли варваровъ, какъ силы, слагавшей новыя условія соціальной жизни въ V вѣкѣ. Но, при болѣе внимательномъ чтеніи всего отдѣла въ цѣломъ, безпристрастный и вдумчивый читатель убѣждается, что такія мѣста являются скорѣе преувеличенными выраженіями языка, чѣмъ ошибочными историческими взглядами. Во всякомъ случаѣ превосходный французскій историкъ очень много сдѣлалъ и здѣсь для того, чтобы разрушить неправильное освѣщеніе перваго выхода Германцевъ на всемірно-историческую сцену будто бы въ видѣ быстраго и грознаго завоеванія. Изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа окончательно изгнало изъ сферы общеисторическихъ понятій пресловутый образъ „великаго переселенія народовъ“ (Völkerwanderung), превратившаго будто бы все созданное римскимъ міромъ въ развалины, расчистившаго почву для свободнаго и безпрепятственнаго культурнаго воздѣйствія „германскаго духа“. Съ этою исторической иллюзіею въ качествѣ объясненія исходнаго начала древней исторіи германо-романскихъ народовъ послѣ работъ Фюстель де-Куланжа можно серьезно уже не считаться. Если отбросить пробивающуюся у автора полемическую рѣзкость нѣкоторыхъ выводовъ, то и здѣсь въ его описаніи и интерпретаціи „варварскихъ вторженій“ и ихъ результатовъ надобно будетъ согласиться со многимъ, что онъ выставляетъ какъ самое существенное для пониманія даннаго вопроса. При такомъ отношіи къ его взглядамъ даже то, что составляетъ заблужденіе, явится для изучающаго исторію полезнымъ орудіемъ, развивающимъ критическое чутье и самостоятельное научное сужденіе. Все же построеніе, несомнѣнно, вызоветъ въ читателѣ возбужденную работу мысли и идейное одушевленіе. Будить энтузіазмъ—это удѣлъ однихъ первостепенныхъ ученыхъ талантовъ, и въ этомъ—сила Фюстель де-Куланжа, которая и дѣлаетъ его превосходнымъ наставникомъ юношества. Потому то, повторяемъ, всякій, заинтересованный духовными судьбами учащихся русскихъ поколѣній, долженъ, думается, съ особеннымъ сочувствіемъ указывать именно имъ на его сочиненія [1].

СПб. 21 мая 1904 г. *Проф. Ив. Гревсъ.*

[1] Приложены всѣ старанія, чтобы довести языкъ перевода хоть до приближающагося соотвѣтствія съ подлинникомъ. Но достиженіе такой цѣли не легко въ виду оригинальныхъ особенностей рѣчи Фюстель де-Куланжа, спокойной и строгой по внѣшности, но скрывающей обильный источникъ удивительной красоты во внутреннемъ изяществѣ прозрачнаго воплощенія возвышенной, богатой и самостоятельной мысли, въ чуждомъ наружнаго блеска, но проникающемъ все произведеніе огнѣ научной страсти. Для общей характеристики Фюстель де-Куланжа редакторъ позволяетъ себѣ сослаться на свою статью, помѣщенную подъ его именемъ въ 72-мъ полутомѣ „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза-Ефрона. Переводъ настоящаго тома сдѣланъ Н. И. Лихаревой.

ПРЕДИСЛОВІЕ КАМИЛЛЯ ЖЮЛЛІАНА

къ третьему посмертному изданію

Настоящій томъ составляется изъ двухъ книгъ, разсматривающихъ одну и ту же историческую эпоху. Въ первой изучается соціальное и политическое состояніе Галліи въ IV и V вѣкахъ; вторая посвящена выясненію причинъ и характера германскихъ вторженій, которыя происходили въ этой странѣ въ тотъ же промежутокъ времени. Одна книга изслѣдуетъ театръ борьбы и міръ, захваченный вторженіемъ, другая—природу нападавшихъ и особенности завоеванія. Несмотря на различіе самыхъ предметовъ, легко обнаружить единство обѣихъ частей: въ нихъ изображается конецъ римской Имперіи въ Галліи. Проникая глубже въ самую мысль Фюстель де-Куланжа, который не вѣритъ въ завоеваніе, хотя и принимаетъ терминъ «вторженіе», мы откроемъ еще яснѣе основную идею, проходящую черезъ весь трудъ: имперія разложилась бы и помимо варваровъ; конечно, это совершилось бы позже и медленнѣе, но въ формѣ однородной, и порядокъ, который бы ее смѣнилъ, существенно бы не отличался отъ того, который сложился во франкской монархіи.

Матеріалъ, обработанный во всемъ данномъ томѣ, занималъ вдвое меньше страницъ во второмъ изданіи «Общественнаго строя древней Франціи». Очевидно изъ этого—еще болѣе, чѣмъ примѣнительно къ «Римской Галліи»,—что мы даемъ нынѣ не переизданіе прежняго сочиненія, а совершенно переработанный, почти новый трудъ.

Что касается первой книги, то авторъ оставилъ лишь очень недостаточныя указанія на расчлененіе текста, то-есть, количество, заглавія, величину и классификацію главъ. Поэтому необходимо было выполнить задачу самостоятельно. Мы расположили изложеніе, придерживаясь возможно ближе привычной системы автора. Самая редакція почти вездѣ воспроизводитъ его собственное слово. Только нѣкоторыя изъ главъ (именно II-я и III-я) приведены въ порядокъ помощью объединенія найденныхъ примѣчаній, отрывковъ или уже напечатанныхъ кусковъ. Для другихъ мы пользовались либо совсѣмъ новыми рукописями автора (главы VI и VII-я), либо болѣе старыми чтеніями, приспособленными къ новому изложенію труда (главы I, IV и XII), либо, наконецъ, частями прежняго изданія. Все это, впрочемъ, было пересмотрѣно въ цѣломъ и дополнено на основаніи замѣтокъ и выписокъ, оставшихся отъ самого Фюстель де-Куланжа, или набросковъ и мыслей, найденныхъ въ его бумагахъ. Кое-гдѣ приходилось добавлять по нѣсколько переходныхъ и соединительныхъ фразъ [1].

По отношенію ко второй книгѣ работа наша облегчалась: распредѣленіе и заглавія отдѣловъ были, въ значительной мѣрѣ, установлены авторомъ. Редакція текста большей части главъ также выработана имъ самимъ, причемъ нѣкоторыя (самыя многочисленныя) составлены заново (таковы, напримѣръ главы I, § 1—3 и III—X), другія сохранены въ томъ видѣ, какъ онѣ появились во второмъ изданіи. И тѣ, и другія точно такъ же дополнены нами при помощи множества ру-

[1] Въ русскомъ изданіи II-го тома такъ же, какъ и въ первомъ, пропущены скобки, которыми французскій редакторъ добросовѣстно отмѣчаетъ всѣ свои прибавленія къ тексту печатаемаго сочиненія учителя: они въ общемъ и здѣсь незначительны, и скобки только мѣшали бы спокойному чтенію.

(Прим. редактора русск. перевода).

кописныхъ замѣтокъ, приготовленныхъ историкомъ. Такъ какъ въ иныхъ мѣстахъ новой редакціи не доставало вводныхъ или заключительныхъ предложеній, мы заимствовали послѣднія съ незначительными поправками изъ прежняго печатнаго текста (см. главы I, III, IV, X). Мы не рѣшились увеличить сравнительно со вторымъ изданіемъ объемъ послѣднихъ главъ, разсматривающихъ послѣдствія вторженія: Фюстель де-Куланжъ предоставлялъ себѣ — и онъ это исполнилъ—детально изучить вопросъ въ слѣдующихъ трехъ томахъ, посвященныхъ франкской Галліи. Кое-гдѣ лишь вставлены примѣчанія, извлеченныя изъ авторскихъ рукописей.

Общее заключеніе цѣликомъ составлено нами согласно воззрѣніямъ, которыя историкъ самъ развилъ въ своемъ сочиненіи.

Мы воздерживались преднамѣренно отъ всякаго дополненія, которое безъ нужды увеличило бы объемъ настоящей книги. Ясно само собою, что можно было бы прибавить много данныхъ о первобытныхъ учрежденіяхъ Германцевъ, о римской сенаторской знати IV-го вѣка, о comites и о foederati, о царствованіи Хлодовеха, извлекая эти данныя изъ различныхъ новѣйшихъ изслѣдованій; но намъ казалось неумѣстнымъ слишкомъ часто отсылать читателя къ работамъ, вдохновленнымъ идеями и изслѣдованіями Фюстель де-Куланжа, или направленнымъ противъ его теорій. Съ другой стороны представлялась легкая возможность умножить цитаты, особенно изъ надписей; но мысль историка, навѣрно, не оказалась бы укрѣпленною такою выставкою эрудиціи, которая придала бы книгѣ внѣшній видъ руководства и тѣмъ самымъ исказила бы внутренній духъ труда. Въ этомъ томѣ такъ же какъ и въ остальныхъ, мы не сочли допустимымъ указывать въ примѣчаніяхъ пункты нашего разногласія съ авторомъ.

Мы неуклонно стремились выступать какъ можно меньше съ личною нашею работою и всегда неприкосновенно сохранять слово автора. Выпускаемый нынѣ трудъ построенъ такъ сжато и твердо, мысль автора выражена такъ отчетливо и выпукло, аргументація такъ тонка и убѣдительна, что прежде всего приходилось опасаться, какъ бы не разстроить единства, не исказить направленія идей. Все должно находиться въ тѣсномъ равновѣсіи въ этомъ сложномъ и могучемъ произведеніи, можетъ быть, самомъ смѣломъ и самомъ индивидуальномъ изъ всего, что вообще создалъ Фюстель де-Куланжъ.

Данный томъ заканчиваетъ собою первый большой отдѣлъ всего труда объ «Общественномъ строѣ древней Франціи». Можно превосходно прослѣдить чрезъ всѣ четыре книги, изъ которыхъ онъ составляется, магистральную мысль Фюстель де-Куланжа и безъ усилія усвоить теорію, которую онъ строилъ съ такимъ терпѣніемъ. Авторъ раскрываетъ при помощи методы, поразительной по своей почти невѣроятной точности, и съ искусствомъ совершеннаго мастера борьбу или сочетаніе монархической идеи и аристократическихъ нравовъ. Въ дальнѣйшихъ частяхъ этого великаго труда онъ задается цѣлью показать торжество послѣднихъ и ослабленіе первой въ меровингской Франціи. Трудно еще сказать, насколько намъ удастся, редактируя слѣдующіе томы, возстановить остающіеся элементы громаднаго зданія; но, что бы ни вышло, произведеніе Фюстель де-Куланжа, уже теперь предстаетъ въ своемъ безукоризненномъ единствѣ и сильной простотѣ.

Бордо, 27 августа 1890.

К. Жюлліанъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

ко 2-му изданію.

Въ настоящей книгѣ я, долженъ въ этомъ признаться, безъ достаточнаго сожалѣнія нападаю на ходячія мнѣнія. Но прочитавъ всѣ письменные памятники различнаго рода, какіе только завѣщали намъ пятое и шестое столѣтія, я былъ пораженъ тѣмъ, какъ рѣшительно отличается картина, которую нынѣшніе историки рисуютъ о такъ называемомъ германскомъ вторженіи, отъ того, какъ это событіе понималось и описывалось его современниками. Въ наши дни представляютъ себѣ большое завоеваніе, совершенное одною расою надъ другою. Такое воззрѣніе настолько же невѣрно, насколько былъ ошибоченъ нѣкогда высказывавшійся взглядъ, что Франковъ призвали въ Галлію сами жители этой страны. Документы не допускаютъ ни того, ни другого построенія. Германское вторженіе было фактомъ слишкомъ спорнымъ для того, чтобы оно могло уложиться въ рамкахъ той или другой теоріи. По правдѣ сказать, дѣло тутъ даже не идетъ о событіи, индивидуальномъ и простомъ; нашествіе составилось изъ большого комплекса фактовъ и происшествій, чрезвычайно различныхъ. Я попытался подвергуть ихъ анализу.

Попадаются въ исторической наукѣ положенія, которыя первоначально высказывались какъ гипотезы, но въ силу многократнаго повторенія превратились вь аксіомы. Я же не говорю ни о духѣ свободы, вдохновлявшей будто бы франкскихъ воиновъ, ни объ избирательной королевской власти, ни о народныхъ собраніяхъ, ни о конфискаціи земель побѣдителями у побѣжденныхъ, ни объ аллодахъ, розданныхъ пер-

вымъ. Я искалъ всего этого въ источникахъ и ничего не нашелъ. Но взамѣнъ этого памятники открываютъ намъ нѣсколько несомнѣнныхъ фактовъ; укажу, напримѣръ, сохраненіе права земельной собственности безъ всякой перемѣны, переживаніе прежняго административнаго устройства, по крайней мѣрѣ формально, особенно же живучесть соціальныхъ различій и въ частности непрерывность существованія въ обществѣ послѣ вторженія варваровъ аристократіи, въ которую, правда, вошли многочисленные германскіе элементы, но которая составлялась не изъ однихъ Германцевъ. Мысль современныхъ намъ ученыхъ вся переполнена этнографическими или націоналистскими теоріями, и онѣ вносятъ свои субъективныя воззрѣнія въ истолкованіе прошлаго. Люди VI-го вѣка одушевлялись совсѣмъ иными понятіями, которыя еще дышатъ въ памятникахъ, дошедшихъ до насъ отъ тѣхъ временъ.

1877.

Фюстель де-Куланжъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Римская Имперія.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ И ГАЛЛІЯ ВЪ ЭПОХУ ГЕРМАНСКИХЪ ВТОРЖЕНІЙ.

(Съ начала IV до конца V вѣка).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ теченіе III вѣка совершился цѣлый рядъ политическихъ фактовъ, въ силу которыхъ мало по малу переродилось государственное устройство римской Имперіи. Въ опредѣленіи верховной власти и формахъ центральной администраціи, въ областномъ и мѣстномъ управленіи, наконецъ въ системѣ налоговъ произошли большія измѣненія. Въ то же время распространеніе новой религіи, занявшей въ Имперіи господствующее положеніе и обладавшей крѣпкою сплачивающею силою, также породило новыя условія въ жизни общества. Изучивъ въ предшествующемъ томѣ настоящаго сочиненія политическое состояніе Галліи въ три первые вѣка римскаго владычества, мы должны теперь изслѣдовать, какъ сложился общественный строй этой страны въ послѣдній періодъ Имперіи. Мы поставимъ вопросъ, каково было ея состояніе въ IV и V вѣкахъ, то-есть, въ эпоху, когда происходили тѣ вторженія, которыя заставятъ исчезнуть императорскую власть на западѣ и приведутъ къ установленію новаго типа политическаго объединенія.

Затѣмъ, намъ придется разсмотрѣть, усвоили ли

дѣйствительно императоры послѣднихъ вѣковъ, измѣняя формы администраціи и наименованія чиновниковъ, новые принципы управленія людьми.

Мы перенесемся въ ту же эпоху, чтобы познакомиться съ обстановкою частной жизни, организаціею собственности, правами личностей, строемъ общества. Необходимо знать, какъ жили люди подъ властью имперскаго правительства, какимъ образомъ сочетались между собою организовавшіяся изъ нихъ группы. Можетъ быть, послѣ всего этого подъ политической оболочкою монархическихъ учрежденій намъ удастся подмѣтить бытовыя черты и соціальныя теченія, которыя помогутъ намъ предугадать зарожденіе новаго порядка вещей.

ГЛАВА I.

О государственномъ устройствѣ и организаціи общественной власти въ началѣ V вѣка.

I.

Императорская власть.

Галлія не только не распадалась въ изучаемое время на нѣсколько государствъ, какъ раньше, но сама представляла лишь часть одного гораздо болѣе обширнаго, чѣмъ она, государства, простиравшагося отъ Атлантическаго океана до Евфрата. Громадная Имперія не была раздѣлена на двѣ половины со смерти Θеодосія, какъ иногда говорятъ. Было бы не точно утверждать, что съ тѣхъ поръ появились двѣ Имперіи. Правда, что два императора правили тогда вмѣстѣ, и каждый имѣлъ свою особую столицу; но ни изъ чего не видно, чтобы люди признавали существованіе двухъ римскихъ Имперій. Подобные раздѣлы власти

повторялись неоднократно, начиная съ III вѣка; они происходили особенно часто въ IV-мъ; но это обстоятельство нисколько не нарушало теоретическаго принципа единства Имперіи. Дѣлилось собственно не государство, а его управленіе; правители распредѣляли между собою провинціи, доходы, должности, которыя они могли раздавать, дворцовыя канцеляріи [1]; но предполагалось, что они царствовали въ Имперіи сообща [2]. Поэтому всякій новый законъ долженъ былъ подписываться одновременно обоими императорами; оба консула назначались обоими государями; годы въ Галліи считались по именамъ этихъ двухъ консуловъ, одинъ изъ которыхъ пребывалъ въ Константинополѣ. Основаніемъ конституціи было, что одинъ императоръ не могъ царствовать безъ признанія другого; поэтому мы видимъ, что каждый новый государь, получившій власть на западѣ, отправлялъ посольство въ Константинополь, чтобы испросить согласіе другого на его вступленіе въ санъ. Ихъ взаимное отношеніе обозначалось очень выразительнымъ терминомъ «*unanimitas*», какъ будто оба правителя должны были имѣть лишь одну душу, одну волю, являться лишь однимъ императоромъ въ двухъ лицахъ [3].

Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что теорія много разъ опровергалась практикою, но все же до-

[1] „Diviso palatio", какъ говоритъ Аммiанъ Марцеллинъ (XXVI, 5, 4).

[2] Въ 399 г. римскій сенатъ воздвигаетъ памятникъ Гонорію и Аркадію: „Imperatoribus invictissimis dominis nostris Arcadio et Honorio senatus populusque romanus" (*Orelli*, 1132; cfr. 1135, 1137, 1144, 1149, 1150, 1154).—Симмахъ въ письмѣ къ Стилихону называетъ Аркадія такъ же, какъ и Гонорія „dominus noster". См. *Symmach*. Epist. IV, 4.

[3] Объ „unanimitas" см. *Idaci*, ann. 455 (*Bouquet*, I, p. 620).

стойно вниманія, что въ представленіи людей того времени существовала только одна римская Имперія; и мы увидимъ, что этотъ принципъ приводилъ къ важнымъ послѣдствіямъ [1].

Желательно было бы знать въ самомъ дѣлѣ, какое понятіе о государствѣ составляли себѣ люди той эпохи, въ какомъ видѣ представлялась имъ общественная власть: это важно потому, что указанное понятіе въ той мѣрѣ, въ какой оно ясно и глубоко формулируется въ сознаніи какого-нибудь поколѣнія людей, опредѣляетъ форму правленія, которую эти люди для себя вырабатываютъ. Трудно, правда, отвѣтить на этотъ вопросъ съ полной увѣренностью; но мы можемъ, во всякомъ случаѣ, указать, каково впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія различнаго рода текстовъ IV и начала V вѣковъ.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ языкѣ людей того времени римское государство всегда называлось *respublica,* равно какъ всѣ личности, которыя являлись его членами, именовались еще *cives romani* [2]. Терминъ *respublica* безпрестанно попадается въ документахъ; императоры употребляютъ его въ своихъ законодательныхъ актахъ, а подданные въ своихъ рѣ-

[1] Еще въ „*Notitia dignitatum*" (памятникѣ начала V вѣка) мы находимъ воинскіе отряды, состоявшіе изъ жителей Галліи и Испаніи, расквартированные въ Египтѣ или Азіи.

[2] Встрѣчаются еще такія выраженія, какъ „imperium romanum" или „orbis romanus", но чаще всего повторяется терминъ „respublica" со спеціальнымъ значеніемъ „государство". См. *S. Augustin.* In Psalmos, 58, 1: „Omnes romani facti sunt et omnes romani dicuntur".—*Prudent.* Advers. Symm. 501: „Deus undique gentes Inclinare caput docuit sub legibus isdem Romanosque omnes fieri". — *Rutil.* Itiner. 63: „Fecisti patriam diversis gentibus unam.". *Claudian.* De consulatu Stilichonis, III, 151: „Humanumque genus communi nomine fecit".

чахъ государямъ, въ историческихъ сочиненіяхъ или интимныхъ письмахъ; слѣдовательно, онъ принадлежалъ и къ оффиціальному, и къ разговорному языку [1]. Имъ означались въ одно и то же время совокупность обитателей Имперіи, сумма ихъ интересовъ и общественная сила, ими управляющая. Совершенно невозможно сомнѣваться, читая писателей IV-го и V-го вѣковъ Аміана, Зосима, Евнапія, Сульпиція Севера, Авзонія, Сидонія Аполлинарія, Рутилія, Симмаха и даже Сальвіана, что въ людяхъ того времени было еще очень живо понятіе о великой римской гражданской общинѣ и объ «общественныхъ интересахъ» — *respublica,* — которые были связаны съ ея существованіемъ. Такое частое употребленіе даннаго термина подаетъ мысль, что въ основаніи политическихъ концепцій этихъ людей всегда лежало хотя бы смутное представленіе о государствѣ, какъ объ «общемъ дѣлѣ» — *res publica.* Патріотизмъ могъ быть ослабленъ, въ особенности благодаря великимъ религіознымъ распрямъ, но онъ еще не погибъ; идея единаго міроваго государства продолжала существовать во всѣхъ душахъ, и нигдѣ нельзя найти выраженія, которое бы указывало, что уваженіе къ Риму исчезло. Въ теченіе всего IV вѣка галльскіе легіоны сражались за Римъ и даже въ Азіи, въ войнѣ противъ Персовъ, обнаружили свою воинскую доблесть [2].

Но, кажется, никто и не помышлялъ о томъ, чтобы «всѣ» управляли этою «res publica». Общепринятымъ мнѣніемъ было, что народъ, истинный верховный вла-

[1] См. одну надпись въ сборникѣ *Orelli,* 3192: „Ob egregia eius in rempublicam merita", etc.

[2] *Ammian. Marcell.* XIX, 6.

дыка, делегировалъ свою власть императору. Эта теорія, происхожденіе которой мы наблюдали при первыхъ императорахъ, нашла ясное выраженіе во второмъ вѣкѣ у Гая, въ третьемъ—у Ульпіана [1]; позднѣе самъ Юстиніанъ напоминаетъ о ней въ предисловіи къ Дигестамъ [2]. Одинъ византійскій писатель Лаврентій Лидъ [3], учитъ, что Имперія не представляетъ собою ни монархіи, ни тираніи, а является лишь властью, на которую возложено управленіе общиною и устраненіе опасностей, которыя могли бы угрожать ея благосостоянію. Это соединеніе идеи общины или общаго дѣла съ идеею абсолютной власти представляетъ собою характерный признакъ политическихъ воззрѣній той эпохи. Оно отличаетъ ихъ равнымъ образомъ отъ республиканскихъ теорій прежнихъ временъ, отъ принципа личнаго права, утвердившагося въ средніе вѣка, и отъ божественнаго права позднѣйшихъ періодовъ.

Въ теченіе пяти вѣковъ, пока существовала Имперія, нигдѣ не видно, чтобы у кого-нибудь являлась хотя бы только одна мысль бороться противъ общественной власти, то-есть, противъ императорскаго правительства [4]. Бывали междоусобныя войны, но онѣ

[1] *Ulpian.* Dig. I, 4, 1.

[2] *Dig.* Praef. I, 7 (изд. Моммзена, p. VIII).

[3] *Lydus,* De magistratibus, I, 3, 4; Изд. *Fuss* и *Hase*, стр. 14—16.

[4] Мы не утверждаемъ, что въ продолженіе такого большого промежутка времени внутри Имперіи не происходило ни одного волненія. Біографъ Марка Аврелія свидѣтельствуетъ, напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ: „Res in Sequanis turbatas Marcus censura et auctoritate repressit“ (*Capitolin.* Marcus, 22, 10). Но онъ не говоритъ ни о характерѣ, ни о причинахъ этого движенія; разсказывая о немъ, онъ не упоминаетъ ни о чемъ, что

имѣли цѣлью замѣнить одного государя другимъ, а не установить иную форму правленія. Изучая писателей IV и V вѣковъ, поражаешься свободою языка многихъ изъ нихъ. Лактанцій, Сульпицій Се-

походило бы на великое національное возстаніе, и указываетъ, что волненіе было легко и быстро успокоено. Аббатъ Дюбо утверждалъ, а всѣ за нимъ повторяли, что еще до вторженія варваровъ часть Галліи отдѣлилась отъ Имперіи и установила свое республиканское правительство. Это утвержденіе достаточно важно, чтобы мы задали себѣ вопросъ—на чемъ оно основывается?—Дюбо ссылается только на одинъ текстъ, принадлежащій Зосиму (VI, 5); мы и должны тщательно разсмотрѣть его. Греческій историкъ разсказываетъ, что въ 408 году узурпаторъ Константинъ захватилъ въ свои руки власть надъ Галліей, а другой узурпаторъ, Геронтій, возсталъ противъ него; всѣ галльскія войска находились тогда въ Испаніи или на югѣ Галліи съ Геронтіемъ, и варварскіе отряды, отправлявшіе воинскую службу въ странѣ, присоединились къ Геронтію; Галлія, такимъ образомъ, осталась совершенно беззащитною: „Тогда варвары изъ-за Рейна вторглись безпрепятственно повсюду, принудили („κατέστησαν εἰς ἀνάγκην) Британцевъ и вообще многіе галльскіе народцы выйти изъ подъ власти Римлянъ и управляться самостоятельно (таковъ собственный смыслъ словъ „καθ' ἑαυτὸν βιοτεύειν“), требуя, чтобы они не исполняли болѣе приказаній римскихъ властей. Британцы, взявъ въ руки оружіе, начали мужественно сражаться во имя своихъ собственныхъ интересовъ и освободили свои города отъ варваровъ (ἐλευθερῶσαν τῶν ἐπικειμένων βαρβάρων τὰς πόλεις). Въ то же время Арморика и многія галльскія провинціи поступили, какъ Британцы, и освободились тѣмъ же способомъ, прогнавъ отъ себя римскихъ намѣстниковъ и установивъ подходящее для себя правительство“. Вотъ содержаніе этого отрывка. Въ немъ надо отмѣтить двѣ черты: во-первыхъ, это отдѣленіе было не добровольно, а вынуждено; во-вторыхъ, говоря объ освобожденіи, Зосимъ подразумѣваетъ, что населеніе избавилось не отъ римской власти, а отъ варваровъ. Его мысль такова: почти вся Галлія и островъ Британія остались совершенно безъ имперскихъ войскъ; Германцы вторглись повсюду; вслѣдствіе ихъ нашествія обѣ эти

веръ, Сальвіанъ, Амміанъ, Зосимъ говорятъ не только независимымъ тономъ, слова ихъ часто даже дышатъ ненавистью. Но надо остерегаться слишкомъ

страны оказались отдѣленными отъ Имперіи и отрѣзанными отъ сношеній съ императоромъ Гоноріемъ; населеніе, предоставленное, такимъ образомъ, самому себѣ, однако, сопротивляется и, въ концѣ концовъ, освобождается отъ варваровъ. Правда, историкъ прибавляетъ, что оно прогнало римскихъ должностныхъ лицъ; но надо имѣть въ виду, что тутъ можетъ идти рѣчь только о чиновникахъ, назначенныхъ узурпаторомъ Константиномъ, а послѣдній настолько мало представлялъ собою Имперію, что самъ призвалъ на помощь Германцевъ. Если города хотѣли остаться подъ властью Римлянъ, они должны были прежде всего избавиться отъ этихъ чиновниковъ и свергнуть власть узурпатора Константина; именно такъ, по словамъ Зосима, они и сдѣлали. Всѣ эти событія, кажущіяся неясными, благодаря чрезмѣрной краткости разсказа Зосима, становятся понятными, если изучить ихъ по даннымъ другихъ писателей, которые также сообщаютъ о нихъ. Кромѣ того, разсказъ Зосима, останавливающійся на 410-омъ годѣ, продолженъ для послѣдующихъ лѣтъ Павломъ Орозіемъ, Олимпіодоромъ Созоменомъ и Ренатомъ Фригеридомъ, о которомъ упоминаетъ Григорій Турскій (II, 9). Мы убѣждаемся изъ ихъ повѣствованія, что города сѣверной Галліи въ теченіе того времени, когда Константинъ и его варвары господствовали надъ южной частью страны, и отрѣзывали всякія сношенія съ сѣверной Италіею, были отдѣлены отъ Имперіи, т.-е., не находились подъ властью Гонорія. Это продолжалось до 411 года. Наконецъ, Гонорій послалъ въ Галлію войско подъ начальствомъ одного Римлянина по имени Констанція, „и тогда, — говоритъ Орозій (VII, 42),—всѣ почувствовали, какую силу проявляетъ Имперія, когда ея войска находятся подъ командою Римлянина, всѣ убѣдились, что виною испытанныхъ раньше несчастій были варварскіе полководцы, которые находились во главѣ галльскихъ войскъ“. Напрасно Константинъ вызвалъ изъ-за Рейна новыя силы варваровъ (*Sozomen.* IX, 14); онѣ были побѣждены и разсѣяны военачальникомъ Имперіи. Узурпаторы изъявили покорность, „и съ этого момента вся страна вновь признала власть Гонорія и стала повиноваться его намѣстникамъ“ (*Idem*, 15). Современникъ этихъ событій прибавляетъ, что послѣ гибели всѣхъ узурпаторовъ „миръ и единство были возстановлены въ Имперіи“ (*Oros.* VII, 42). Отдѣленіе Галліи отъ Имперіи было, такимъ образомъ, вынужденнымъ и продолжалось только три года. Въ 417 г. Рутилій, который былъ родомъ изъ Галліи, говоритъ въ своемъ *Itinerarium* о другѣ своемъ Эксуперанціи, который занималъ въ этомъ году должность правителя Арморики. Сидоній (*Epist.* V, 9) опредѣленно заявляетъ, что вся Галлія подчинялась префектамъ Валентиніана III. Григорій Турскій и всѣ гагіографы во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій показываютъ, что сѣверъ Галліи остался во власти Римлянъ; никто изъ этихъ писателей не говоритъ, хотя бы въ видѣ намека, о независимости Арморики. Несомнѣнно, что въ V вѣкѣ во всей этой части Галліи постоянно происходили волненія; это именно доказывается однимъ мѣстомъ Проспера Аквитанскаго (*Chronic. ad annum 435*) и нѣсколькими стихами Сидонія Аполлинарія (*Carmina*, VII, 246); но отсюда далеко еще до учрежденія арморинанской республики: это было дѣло, о которомъ тогда, вѣроятно, никто и не помышлялъ.

поспѣшнаго вывода: писатель-христіанинъ ненавидитъ императора-гонителя, писатель-язычникъ — императора-христіанина; писатель - католикъ — императора - аріанина; но никто изъ нихъ не питаетъ ненависти къ императорской власти самой по себѣ. Это — религіозная ненависть, а не политическая оппозиція.

Какова бы ни была посредственность большинства государей того времени и низость многихъ изъ нихъ, сознаніе людей упорно продолжало чтить императорскую власть. Въ ея образѣ воплощался, такъ сказать, высшій разумъ, носителя котораго ставили внѣ круга человѣческихъ существъ. Какъ человѣкъ, императоръ могъ быть презираемъ, но какъ императоръ, онъ являлся

почти богомъ [1]. Титуломъ, примѣнявшимся къ императору, постоянно было слово *augustus*—терминъ, который въ латинскомъ языкѣ всегда означалъ понятіе «почитаемый, святой, божественный» и прилагался лишь къ богамъ до того времени, пока не придумали прилагать его къ господину римскаго міра. Иногда встрѣчаются также термины: *princeps, imperator* и даже *rex* [2]; но вполнѣ оффиціальнымъ выраженіемъ, которое употреблялось въ законахъ, которое чаще всѣхъ другихъ попадается въ надписяхъ и на монетахъ, было именно слово—*augustus;* такимъ образомъ, старый эпитетъ религіознаго языка сдѣлался первымъ титуломъ монарха.

Обращаясь къ императору, его называли «твоя Милость», «твоя Свѣтлость», «твое Величество». Ему даже говорили: «твоя Божественность», «твоя Вѣчность», «твое божеское Величество», «твоя небесная Благость» [3]. Даже въ письмахъ мы видимъ, что под-

[1] *Cassiod.* Variarum, I, 4: „Rerum dominus“.

[2] Употребленіе слова *rex* для обозначенія императора является весьма частымъ. *Spartian.* Hadr. 23: „Servi regis, sedile regium...“—*Iul. Capitol.* Marcus, 5: „Quum a Marco quaererent, cur tristis in adoptionem regiam transiret“.—*Idem,* 18: „Regium funus“ (говорится о Маркѣ Авреліи). — Аммiанъ, говоря объ императорской фамиліи, выражается: „regia stirps“ (XIV, 1), а жену Цезаря Галла онъ называетъ „regina“. — Cfr. *Sulp. Sever.* Vita Martini, 2, 2: „Sub rege Constantino“.—*Rutil.* 563: „Regia tecta“ (объ императорскомъ дворцѣ).

[3] *Symmach.* X, 29 и 38: „Vestra Serenitas“; *Idem.* X, 71; X, 57; X, 60; X, 67; X, 83: „Vestra Maiestas“; *Idem,* X, 27: „Vestrum Numen“.—*Spartian.* Helius Verus, 1: „Numen Tuum“.—*Symmach.* X, 47: „Divino arbitrio Numinis Vestri“; *Idem,* X, 26; 34: „Vestra Aeternitas“; *Idem,* X, 54: „Divina Maiestas Tua“. — *Apul.* Metamorphos. VII, 212: „Precibus ad Caesaris numen porrectis“.—*Iul. Capitol.* Marcus, 19: „Sacratissime imperator“.—*Symmach.* I, 7: „Domini nostri Gratiani caelestis oratio“.

данные, говоря о государѣ между собою, обыкновенно употребляли слѣдующія выраженія: «нашъ Господинъ», «нашъ божественный Государь», «нашъ вѣчный Государь» [1].

Все, что касалось Императора, было священно; его дворецъ называли священнымъ (*sacrum palatium*); священною являлась его опочивальня (*sacrum cubiculum*); письмо отъ него было священнымъ письмомъ (*sacrae litterae*) или прорицаніемъ (*oracula*). Его имущество называлось *divina domus*, его приказанія—небесными, *caelestia iussa* [2]. Языкъ этотъ кажется намъ страннымъ, но истинный историкъ не станетъ смѣяться надъ нимъ, а будетъ разсматривать его, какъ симптомъ и признакъ извѣстнаго состоянія умовъ, которое составляло духовную природу очень многочисленнаго общества въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ [3].

Вся полнота верховной власти воплощалась въ особѣ императора. Народныя собранія больше не существовали, и до насъ не дошло ни одного указанія, которое обнаруживало бы сожалѣніе общества объ ихъ исчезновеніи. Что касается сената, то онъ продолжалъ

[1] *Symmach.* II, 31: „Aeternus princeps“; *Idem,* IX, 31: „Divinus princeps“; VII, 13.—*Orelli,* 1129, 1140: „Aeternorum principum“; *Idem,* 1146: „Domino rerum humanarum Valentiniano“.—Ясно что христіане избѣгаютъ употребленія такихъ выраженій. Они, довольствуются названіями—„Maiestas Vestra“, „Pietas Vestra“, „Serenitate Tua rempublicam gubernante“ (см. письмо папы Анастасія къ Императору Анастасію у *Mansi,* VIII, 188); „Sacratissimum serenitatis Tuae pectus“ (*Ibidem,* 190).

[2] *Symmach.* Epist. X, 76: „Sacrum palatium“. *Idem,* 1, 60: „Sacrum aerarium“. *Auson.* Grat. act. I, VIII, 1, 5: „In sacrario imperialis oraculi“. *Symmach.* II, 63: „Sacrae litterae“; *Idem,* V, 38: „Diploma sacrum“; *Idem,* X, 83; V, 32: „Statuta caelestia“.

[3] Слово μεγαλειότης, maiestas, прилагается въ одной и той же фразѣ и, къ императору, и къ Богу. (*Mansi,* t. VI, p. 67).

существовать и даже по прежнему былъ окруженъ почетомъ [1]. Сами государи подчеркивали свое уваженіе къ нему. Въ теоріи онъ раздѣлялъ верховную власть съ императоромъ; на дѣлѣ компетенція его сведена была къ нѣкоторымъ судебнымъ функціямъ и къ обязанности вести списки законовъ.

Императоръ одинъ распоряжался войною и миромъ, сношеніями съ чужеземными государствами и внутреннимъ управленіемъ. Почти все правосудіе исходило отъ него; онъ могъ судить лично или черезъ представителей. Онъ налагалъ подати и опредѣлялъ ихъ цифру. Онъ устанавливалъ по своему произволу доходы и расходы Имперіи. Онъ объявлялъ воинскіе наборы и предводительствовалъ арміею. Онъ владѣлъ законодательною властью; правда, въ теоріи настоящими законами считались лишь тѣ, которые исходили отъ сената: по этой именно причинѣ мы видимъ, что кодексы Θеодосія и Юстиніана были представлены сенату и какъ бы подвергнуты его разсмотрѣнію; но на практикѣ всякое постановленіе императора — будь то эдиктъ, декретъ, простой ре-

[1] См. какъ императоръ Пробъ обращается къ сенату (*Vopiscus*, Probus, 11): „Vobis qui estis mundi principes et semper fuistis et in vestris posteris eritis“t — Ср. *Ammian.* XVI, 10, 5. *Cod. Theod.* XII, 1, 74: „Amplissimi ordinis collegium“.—См. въ особенности письмо Маіоріана къ сенату (*Novell.* изд. *Haenel*, стр. 291): „Imperatorem me factum vestrae electionis arbitrio“.

[2] *Ulpian.* Dig. I, 1, 4: „Quod principi placuit legis habet vigorem“.—I, 4: „Quodcumque imperator per epistulam et subscriptionem statuit, vel cognoscens decrevit, vel edicto praecepit, legem esse constat; haec sunt, quas vulgo constitutiones appellamus“. — *Cod. Iust.* I, 14, 12: „Veteris iuris conditores constitutiones, quae ex imperiali decreto processerunt, legis vicem obtinere aperte dilucideque definiunt“.

скриптъ или даже письмо — имѣло силу закона [1]. Императоры обладали даже большою властью надъ религіей; по отношенію къ язычникамъ они были великими жрецами, и если правда, что, начиная съ правленія Граціана, они отказались отъ этого титула, то, конечно, они не выпустили изъ рукъ того могущества, которое понтификатъ давалъ имъ въ области культа и въ руководствѣ жреческими коллегіями. По отношенію къ христіанамъ ихъ религіозная власть была не менѣе значительна. Они не избирали епископовъ, но созывали соборы, предсѣдательствовали на нихъ, держали тамъ рѣчи, брали на себя обнародованіе ихъ рѣшеній; они предписывали догматы религіи, указывали народамъ, во что̀ надо вѣрить, и наказывали тѣхъ, кто отступалъ отъ установленнаго Церковью ученія [1].

2.

Центральное управленіе.

Императорская власть, столь неограниченная и всеобщая, осуществлялась помощью двухъ основныхъ пружинъ: въ центрѣ управлялъ «дворецъ», въ провинціяхъ дѣйствовала іерархія чиновниковъ. До насъ дошелъ драгоцѣнный памятникъ, изображающій административное зданіе римской Имперіи послѣдняго періода: это—списокъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ го-

[1] См. коллекцію соборныхъ актовъ. — Каждый соборъ IV и V вѣковъ созывался особою грамотою государя; эта грамота устанавливала, чѣмъ соборъ долженъ заниматься, иногда же въ ней указывались и тѣ предметы, о которыхъ запрещалось разсуждать. См., напримѣръ, одно посланіе Констанція къ епископамъ Ариминскаго собора; у *Mansi*, III; 297: „Super his tantum tractare debebitis... Adversus Orientales nihil statuere vos oportet, aut id quod fuerit irrito evanescet effectu“.

сударствѣ, *Notitia dignitatum*, нѣчто вродѣ импер-скаго альманаха, составленнаго въ первые годы V вѣка. Надо прочитать его безъ предвзятой мысли, воздерживаясь отъ презрительнаго отношенія; тогда мы увидимъ, что этотъ документъ обнаруживаетъ передъ нами очень хорошо устроенный политическій механизмъ [1]. То, что называлось священнымъ дворцомъ, *sacrum palatium*, или *sacrarium* [2], было не только зданіемъ, гдѣ обиталъ императоръ: на языкѣ того времени этими словами обозначалась вся совокупность людей, которые его окружали, служили ему или работали съ нимъ. Тѣ, которые принадлежали къ населявшему его персоналу, именовались *palatini* или *ministri aulici*, или еще *officia palatina* [3]. Когда хотѣли обозначить службу во дворцѣ, говорили *militare in palatio* [4].

Palatium былъ цѣлымъ міромъ, очень многочисленнымъ и чрезвычайно разнообразнымъ. Прежде всего въ составъ его входили люди, служившіе самой особѣ государя. То была толпа камергеровъ (*cubicularii*) [5],

[1] *Notitia dignitatum tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis*, ed. *Boecking* (Bonn, 1853) съ комментаріемъ. Лучшій текстъ дается въ изданіи *O. Seeck*. См. въ этомъ послѣднемъ указаніе всѣхъ должностей, которыя будутъ ниже упомянуты.

[2] „Sacrarium“, *Cod. Theod.* VI, 9, 1. Говорятъ также: „aula, domus imperialis“, „aulica officia“ (См. *Symmach.* Epist. I, 60 и 66). Употребляли также слово, „comitatus“.

[3] *Vopiscus*, Aurelian. 13: „Presente exercitu praesente etiam officio palatino“.—*Amm. Marcell.* XXVI, 5, 4: „Divisio palatio“.—*Lamprid.* Heliogab. 6: „Palatina officia“. — *Symmach.* Epist. V, 76; I, 60: „Militia palatina“; *Idem*, IV, 43: „Miles aerarii“.

[4] *Cod. Theod.* VI, 35: „De privilegiis eorum qui in sacro palatio militant“. *Cod. Iust.* XII, 29.—Cfr. *Lamprid.* Alex. 15.

[5] *Amm. Marcell.* XX, 8, 4.

надзирателей (*silentiarii*) [1], хранителей одежды (*sacrae vestis*), камерлакеевъ (*cellarii*), курьеровъ (*mensores*), пажей (*paedagogium*) [2]. Эти должности находились подъ начальствомъ нѣсколькихъ особыхъ лицъ; между ними надобно назвать: *primicerius sacri cubiculi*, *comes castrensis*; послѣдній былъ чѣмъ - то вродѣ дворцоваго маршала [3]; затѣмъ слѣдовали шталмейстеры (*comites stabuli*) [4], *curator palatii* [5]; все это были важные сановники, еще выше которыхъ стоялъ великій камергеръ или главный начальникъ императорскаго дома, *praepositus sacri cubiculi* [6].

Вслѣдъ за только что перечисленными должностными лицами слѣдуетъ назвать тѣхъ чиновниковъ, которые окружали государя во время отправленія имъ высшихъ функцій его власти. Когда государь творилъ судъ, въ трибуналѣ присутствовали особые засѣдатели—*auditores*. Это дворцовое судилище—*auditorium palatii*—составлялось изъ высокопоставленныхъ особъ, которыхъ источники обозначаютъ терминомъ *proceres* [7]. Точно также, когда императоръ законодательствовалъ, онъ былъ окруженъ другою группою должностныхъ лицъ, организованныхъ въ Государственный Совѣтъ, который обыкновенно именовался *consistorium* и со-

[1] *Orelli*, 3194, 3193.

[2] О paedagogiani pueri см. у Аммiана, XXVI, 6, 15; XXIX, 3, 3.

[3] *Cod. Theodos.* VI, 32.

[4] „Stabuli tribuni“, или „comites stabuli“, см. у Аммiана, XIV, 10, 8; XX, 4, 3; XXVIII, 2, 10; XXX, 5, 19; XXXI, 13, 18. *Orelli*, 1134.

[5] Curator или cura palatii см. *Amm. Marcell.* XXII, 3, 7; XXXI, 12, 15; XXXI, 13, 18; XIV, 7, 19.

[6] *Amm. Marcell.* XIV, 10, 5; XV, 3, 2; XX, 2, 3, Ср. *Idem*, XXII, 3, 12: „Cui thalami cura commissa“.

[7] *Cod. Iust.* I, 14, 2: „Quae in commune florentissimorum sacri nostri palatii procerum auditorium introducto negotio statuimus“.

ставлялся также изъ *proceres* [1]. Члены этого Совѣта назывались *comites consistoriani* [2], или совѣтниками, *consiliarii* [3]. Такимъ образомъ, государь, никогда не дѣйствуетъ одинъ: судитъ ли онъ, или законодательствуетъ, ему служатъ главные сановники его дворца. Впрочемъ, памятниками устанавливается съ очевидностью, что эти сановники избираются имъ самимъ; онъ назначаетъ и увольняетъ ихъ по своему произволу.

Внутри *palatium'a* кромѣ того работали еще особые *notarii;* они нисколько не походили на нашихъ нотаріусовъ, а скорѣе являлись какъ бы секретарями при различныхъ дѣлопроизводствахъ, напоминая собою такъ называемыхъ *clercs du secret*. Послѣдніе присутствовали на засѣданіяхъ государева совѣта старой французской монархіи, составляли протоколы происходившихъ тамъ преній и, вѣроятно, формулировали рѣшенія, которыя въ немъ постановлялись; такимъ образомъ, эти-то люди и выполняли настоящую работу въ высшемъ административномъ учрежденіи Имперіи [4]; они легко входили въ довѣренность къ императору, и на нихъ часто возлагались весьма важныя порученія въ провинціяхъ [1]. Это были, стало быть, опять очень высокопоставленные чиновники; они были распредѣлены на три класса, и каждому, принадлежавшему къ высшему изъ нихъ, присвоивалось званіе *tribunus et notarius* [2]; выходя изъ должности, нотари получали въ управленіе большія провинціи и, слѣдовательно, приравнивались по достоинству къ самымъ первымъ сановникамъ государства [3]. Далѣе, *referendarii* были также видными должностными лицами, содѣйствовавшими государю при отправленіи правосудія. Они докладывали дѣла и произносили приговоры въ духѣ, предписанномъ императоромъ [4]. *Cancellarii* выполняли аналогичное назначеніе: они служили посредниками между государемъ и тѣми, кто искалъ правды въ его судѣ [5].

Въ рамки дворцоваго управленія (*palatium*) входили еще многочисленныя канцеляріи, вѣдавшія различныя отрасли центральной администраціи, которыя въ нынѣшнихъ государствахъ находятся подъ вѣдѣніемъ различныхъ министерствъ. Самымъ важнымъ изъ «министровъ», являвшихся начальниками этихъ кан-

[1] *Idem*, I, 14, 8: „Ab omnibus proceribus nostri palatii... in sacro consistorio recitari“.

[2] *Idem*, XII, 10, 1: „Eos qui Tranquillitatis Nostrae consistorii dici comites meruerint“ (anno 399).—*Idem*, XII, 10, 2: „Viros spectabiles comites consistorianos“ (законъ Анастасія).—*Amm. Marcell.* XIV, 7, 11; XV, 5, 12; XV, 5, 18; XXV, 10, 10; XXXI, 12, 10.

[3] *Amm. Marcell.* XXV, 3, 14; XXVIII, 1, 21; XXVIII, 6, 21.—Ср. „Consiliarius Augustorum“ (*Orelli*, 3192); „comes ordinis primi intra consistorium“ (*Idem*, 3184, 3185, 3192); „Comes consistorii“ (*Idem*, 3194, 6471, 6473).

[4] *Cod. Theod.* VI, 35, 7: „Qui intra consistorii secreta veneranda notariorum funguntur officio“.—*Ibidem*, VI, 10, 2: „Notariorum primicerios, si, prout eorum voluntas fuerit, de consistorio nostro sine administratione discesserint“.—*Cassiodor.* Epist. I, 4: „Sub Valentiniano principe gessit tribuni et notarii dignitatem; honor qui tunc dabatur egregiis, dum ad imperiale secretum tales constet eligi...“—*Idem*, VI, 16: „Formula notariorum“.—Ср. *Lydus*, III, 9, который говоритъ объ эпохѣ, когда должность нотарія ужа потеряла значеніе. *Orelli*, nº 1140: „Notarius in consistorio sacro“.

[1] *Ammian.* XX, 4, 2; XXVIII, 6, 12; XXV, 10, 6; XX, 9, 9; XXII, 11, 1; XXVI, 5, 14; XIV, 5, 6; XVII, 9, 7; XXI, 7, 2.

[2] *Idem*, XVII, 5, 15; XIX, 9, 9. *Symmach.* V, 39.

[3] *Cod. Theod.* VI, 10.—*Ammian.* XXIX, 2, 5: „Bassianus, procerum genere natus notarius militans inter primos“.

[4] См. *Cassiodor.* VI, 17: „Formula referendariorum“.

[5] *Cassiodor.* XI, 6; *Lydus*, III, 36—37.

целярій, былъ *magister officiorum*. О кругѣ его дѣятельности можно судить на основаніи длинной формулы, по которой составлялась императорская грамота о его назначеніи: [1] «Должность главноначальствующаго дворцовыми канцеляріями (magister officiorum) есть высоко почетная служба. Ему принадлежитъ управленіе дворцомъ и охрана порядка среди многочисленнаго, наполняющаго его персонала, между которымъ встрѣчается не мало буйныхъ людей. Онъ, далѣе, допускаетъ сенаторовъ до нашего присутствія и докладываетъ намъ ихъ прошенія. Онъ же завѣдуетъ допущеніемъ различныхъ лицъ въ нашъ совѣтъ. Мы полагаемся на него при рѣшеніи большинства процессовъ. Черезъ него мы совѣщаемся съ чужеземными народами. Его власть такъ велика, что провинціальные намѣстники вступаютъ въ должность не иначе, какъ въ силу подписанныхъ имъ прика-

[1] *Cassiodor*. VI, 6: „Reverendum honorem sumit quisquis magistri nomen acceperit... Ad eum palatii pertinet disciplina; ipse insolentium scholarum mores procellosos disserenat. Tam multi ordines sine confusione aliqua componuntur... Per eum senator veniens nostris obtutibus præsentatur; admonet trepidum, componit loquentem, sua etiam verba solet inserere, ut nos decenter omnia debeamus audire... Gloriosus donator aulici consistorii... Causarum maximum pondus in eius audientiæ finibus optima securitate reponimus, ut eius curis fideliter sublevati utilitatibus publicis vivacius occupemur. Veredorum quin etiam velocitatem custodit... Per eum exteris gentibus ad laudem reipublicæ nostrae ordinatur humanitas... His etiam laboribus æstimatis potestatem maximam huic decrevit antiquitas, ut nemo iudicum per provincias fasces assumeret, nisi hoc et ipse fieri decrevisset. Subdidit eius arbitrio aliena iudicia... Dignitas ad levamen principis instituta... Ipse gaudium populis, ipse nostris temporibus præstat ornatum“.—Cfr. *Cod. Theod.* I, 9; VI, 9; *Cod. Iust.* I, 31; *Procop.* De bello persico, 8.—*Priscus*, Excerpta c. 5: „Πασῶν τῶν βασιλέως βουλῶν ὁ μάγιστρος κοινωνός“.—*Lydus*, II, 10; 23.

зовъ. Всѣ апелляціи на рѣшенія судовъ направляются къ нему. Его должность учреждена для облегченія труда государева. Отъ него зависятъ счастье народовъ и слава нашего царствованія».—*Magister officiorum* или *magister palatii* [1] былъ, такимъ образомъ, какъ бы представителемъ императора, или посредникомъ между нимъ и самыми высокопоставленными изъ его подданныхъ. Ему былъ подчиненъ весь дворецъ; отъ него зависѣли самые главные чиновники областного управленія; онъ судилъ за мѣсто и отъ имени императора. Это былъ своего рода первый министръ Имперіи; всѣ пружины управленія находились въ его рукѣ. Въ его вѣдѣніи состояла императорская почта, *cursus publicus*, служившая однимъ изъ главныхъ орудій администраціи [2]. Онъ завѣдывалъ оружейными заводами, управленіе которыми правительство не довѣряло военнымъ начальникамъ [3]. Онъ же стоялъ во главѣ полицейской власти во всей Имперіи, отправляя ее черезъ своихъ *curiosi* [4]. Онъ руководилъ сношеніями съ иностранными государствами, почему въ его канцеляріяхъ можно было найти переводчиковъ, говорившихъ на всѣхъ языкахъ [5]. Ему подчинены были, кромѣ того, очень дѣятельные и чрезвычайно цѣнные для верховной власти органы государственной полиціи, которые были извѣстны подъ именемъ *agentes in rebus*: это были люди, всегда находившіеся въ распоряженіи го-

[1] Сидоній Аполлинарій называетъ его должность „magisterium palatinum“.

[2] *Cassiodor*. Ibidem.—*Notitia dignitatum Orientis*, XI, 50.

[3] *Notitia dignitatum* (edit. Seeck), *Orientis*, XI, 18—39; *Occidentis*, IX, 16—39.

[4] *Notitia Orientis*, XI, 53; *Occidentis*, IX, 45.

[5] *Notitia Orientis*, XI, 52; *Occidentis*, IX, 46.

сударя, чтобы исполнять его предписанія или порученія самаго щекотливаго характера въ провинціяхъ [1].

Внѣ компетенціи *magister officiorum* оставались только финансы. Предусмотрительность императорскаго правительства выдѣлила ихъ въ особую отрасль управленія и ввѣрила ихъ двумъ спеціальнымъ министрамъ или высшимъ сановникамъ. Одинъ изъ нихъ назывался *comes sacrarum largitionum*, другой—*comes rerum privatarum*. Первый былъ въ нѣкоторомъ родѣ министромъ государственныхъ расходовъ [2]; черезъ него проходили выдачи жалованья и наградъ, а вслѣдствіе этого всѣ провинціальные чиновники такъ же, какъ и всѣ высшіе чины дворцовой службы, т. е., весь персоналъ центральнаго и областного управленія, были извѣстнымъ образомъ подчинены ему [3]. Затѣмъ, онъ направлялъ всю торговлю Имперіи [4], завѣдывалъ рудниками, чеканкою монеты и т. д. [5]. *Comes rerum privatarum*

[1] *Cod. Theod.* VI, 27. *Notitia Orentis* XI, 11; *Occidentis*, IX, 9: „Schola agentum in rebus et deputati eiusdem scholæ". Ср. *Cod. Theod.* I, 9; *Orelli*, 3182.—Объ „agentes in rebus" см. *Symmach.* Epist. VI, 36; VII, 34, 59, 107; IX, 16; X, 51; 58.

[2] *Ibidem*, I, 10; VI, 30. *Novell. Valentin.* tit. 7. *Ammian*, XXI, 8, 1: „Qui largitiones curat"; XX, 11, 5: „Qui ærarium tuebatur".

[3] *Cassiodor.* VI, 7: „Parum est autem quod provinciarum iudices Tuæ subiaceant Dignitati; ipsis quoque proceribus chartarum confirmas officium, dum perfectum non creditur nisi a te fuerit pro solemnitate completum".

[4] *Ibidem*: „Curas quoque littorum adventitia lucri provisione committis; negotiatores, quos humanæ vitæ constat necessarios, huic potestati manifestum est esse subiectos; quidquid in vestibus, in ære, in argento, in gemmis ambitio humana potest habere pretiosum, tuis ordinationibus obsecundat, et ad iudicium tuum confluunt qui de extremis mundi partibus advenere".—Ср. *Lydus*, II, 27.

[5] *Notitia dignitatum* (edit. Seeck), *Orientis*, XIII; *Occidentis*, XI.

держалъ въ рукахъ весьма важную отрасль администраціи, именно, управленіе императорскимъ имуществомъ [1].

Въ распоряженіи всѣхъ указанныхъ первыхъ сановниковъ имперскаго центральнаго управленія находились канцеляріи, носившія названіе *scrina;* каждая изъ нихъ состояла изъ начальника, его помощниковъ, *magistri, primicerii* [2], и очень многочисленнаго штата низшихъ служащихъ. Кромѣ того, имъ же служило не малое количество чиновниковъ, также низшаго ранга, именовавшихся *procuratores*, которые были распредѣлены по различнымъ провинціямъ.

3.

Провинціальное управленіе.

Отдѣльно отъ дворцоваго вѣдомства, но въ іерархическомъ отношеніи связанная съ нимъ, то-есть, подчиненная ему, стояла провинціальная администрація. Вся Имперія раздѣлена была на шесть префектуръ; обѣ столицы—Римъ и Константинополь—съ ихъ окрестностями составляли двѣ изъ нихъ. Четыре префекта преторіи управляли: одинъ Востокомъ, то-есть, провинціями Азіей, Египтомъ и Ѳракіей; другой—Иллиріей съ Македоніей и Греціей; третій—Италіей съ Африкой; четвертый—Галліей съ Испаніей и островомъ Британіей [3]. Каждая префектура подраздѣлялась на діоцезы. Галлія образовывала двѣ діоцезы,

[1] *Cod. Theod.* VI, 9;—*Notitia Orientis*, XIV; *Occidentis*, XII.

[2] O scrinia, см. *Lydus*. III, 31;. *Cod. Theod.* VI, 26; *Cod. Iust.* XII, 19. *Notitia*, passim.

[3] *Notitia Orientis,* II и III; *Occidentis*, II и III.

изъ которыхъ одна управлялась непосредственно префектомъ. Діоцезы въ свою очередь распадались на провинціи, а провинціи на муниципальныя общины. Во главѣ діоцезы стоялъ *vicarius,* или подпрефектъ, во главѣ провинцій находились также особые правители, носившіе различныя имена — *proconsules*, *consulares*, *correctores*, или *praesides*.

Префекты преторіи, которые при первыхъ императорахъ являлись спеціальными начальниками гвардіи, а въ III вѣкѣ пріобрѣли, рядомъ съ военными, также и гражданскія полномочія, со временъ Константина обладали только гражданскою властью [1]. Впрочемъ, въ такихъ предѣлахъ, то-есть, за исключеніемъ командованія войсками, имъ подчинены были всѣ отрасли областного управленія—администрація въ собственномъ смыслѣ, юстиція и даже финансы. Они контролировали въ административномъ порядкѣ дѣйствія муниципальныхъ совѣтовъ, обнародывали законы и приводили въ исполненіе императорскіе указы; они производили воинскіе наборы, наблюдали за исправностью путей сообщенія. Какъ носители судебной власти, они разсматривали либо прямо, либо въ качествѣ аппеляціонной инстанціи [2] уголовныя дѣла или гражданскіе процессы; имъ же была подчинена низшая юрисдикція такъ называемыхъ *iudices pedanei*, и муниципальныхъ магистратовъ. Въ области податного устройства они производили раскладку налоговъ, заботились о взысканіи, принимали поступленія и производили необходимые расходы по области.

Викаріи и завѣдующіе провинціями дѣйствовали

[1] Эта реформа Константина описана у Зосима, II, 32 и 33.

[2] Ихъ юрисдикція являлась безаппеляціонной. *Cod. Iust.* VII 62, 39.

на основаніи предписаній префектовъ. Такъ сложилась цѣлая іерархія, по ступенямъ которой передавались распоряженія и производился надзоръ [1].

Каждая провинція подраздѣлялась, какъ сказано, на извѣстное число муниципальныхъ общинъ. Послѣднія, сами по себѣ, занимали обширныя территоріи, заключавшія въ себѣ главный центръ (*civitas*), нѣсколько другихъ болѣе мелкихъ городовъ (*urbes*, *oppida*, *castra*) и большое число сельскихъ поселеній (*pagi*, *vici*).

Какова была форма общиннаго управленія въ началѣ V вѣка—это очень темный вопросъ. *Notitia dignitatum* ничего не сообщаетъ по этому пункту. Извѣстно, что въ первые вѣка Имперіи установилось правило, чтобы каждый городъ самъ и за своею отвѣтственностью завѣдывалъ мѣстными дѣлами своей территоріи черезъ муниципальный совѣтъ, называвшійся *ordo,* сенатомъ, куріей, и черезъ коллегію или группу выборныхъ магистратовъ. Очевидно по памятникамъ, что курія и магистраты, *duumviri* или *defensores,* существовали въ Галліи еще въ началѣ V вѣка [2]. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что во многихъ,

[1] Вотъ формула власти префекта преторіи, которую даетъ Кассіодоръ (*Variar.* VI, 3): „...Exhibet sine præscriptione longinquos, magna quantitate mulctat errantes, fiscum pro sua deliberatione distribuit, evectiones simili potestate largitur, vacantia bona proscribit, delicta provinciarum iudicum punit, verbo sententiam dicit. Quid est quod non habeat commissum, cuius est vel ipse sermo iudicium? Pene est ut leges possit condere, quando eius reverentia potest negotia sine appellatione finire. Ingressus palatium nostra consuetudine frequenter adoratur... Potestate nulla dignitas est æqualis. Vice sacra ubique iudicat".

[2] Въ слѣдующей главѣ мы возвратимся къ муниципальной организаціи и въ частности къ defensores.

если не во всѣхъ, общинахъ на-ряду съ муниципальными магистратами утвердился имперскій чиновникъ, носившій наименованіе *comes*.

Кассіодоръ, говоритъ о подобныхъ *comites civitatis* въ такихъ выраженіяхъ, которыя позволяютъ думать, что это учрежденіе было довольно широко распространено въ провинціальномъ мірѣ [1]. Сидоній Аполлинарій упоминаетъ о *comes* города Марсели и наводитъ на мысль, что въ эпоху упадка Имперіи такіе правительственные чиновники постоянно утверждались повсюду въ муниципіяхъ [2].

Та же система административныхъ должностей и канцелярскихъ учрежденій, которая, какъ мы видѣли, была организована вокругъ особы государя, повторялась въ меньшихъ размѣрахъ при каждомъ изъ префектовъ преторіи, викаріевъ и провинціальныхъ намѣстниковъ. Каждый изъ нихъ обладалъ своимъ маленькимъ дворомъ. Они жили въ *palatium*'ѣ или *praetorium*'ѣ [3]. У нихъ были особые совѣты, *consilia*,

[1] *Cassiodor*. VI, 22: „Comitiva Syracusanæ civitatis.“ — *Ibid*. VI 23 (comitiva Neapolitana): „Ut et conventus nobilium occursione celebri colligatur, et causarum nodi iuris disceptatione solvantur... ut civilia negotia æquus trutinator examines“. —*Idem*, VII, 26 (Formula comitivæ diversarum civitatum): „Per illam indictionem in illa civitate comitivæ honorem secundi ordinis tibi largimur, ut et cives commissos æquitate regas et publicarum ordinationum iussiones constanter adimpleas“. —*Idem*, VII, 27: „Ut causis vestris ferat remedium et iussionibus publicis procuret effectum.“ — *Sid. Apoll*. VII, 2.

[2] Ср. томъ III-й настоящаго сочиненія—„Франкская монархія“, соотвѣтствующую главу.

[3] *Cod. Iust*. I, 40, 159; XII, 41 (40), 3; VIII, 12, 4; *Cod. Theod*. VII, 8, 6; XV, 1, 8 и 35; X, 2, 1. — *Cassiodor*. VI, 23: „Praetoria tua officia reflent, militum turba custodit“.

подобные верховному императорскому *consistorium* [1], а также свои трибуналы, *auditoria* [2], секретаріаты, *secretaria* [3], которые являлись всѣ вѣрною уменьшенною копіею совѣтовъ, окружавшихъ императора.

Наконецъ, у каждаго изъ названныхъ сановниковъ были спеціальныя канцеляріи, совокупность которыхъ называлась *officium* [4], совершенно такъ же, какъ канцеляріи государева дворца. Составъ ихъ опредѣлялся уставами. Онъ указанъ въ *Notitia dignitatum:*

1) Во главѣ стоялъ *princeps*, начальникъ и завѣдывающій всѣмъ *officium*, которому поручалось поддержаніе порядка въ его дѣятельности, то-есть, возлагались функціи, аналогичныя съ обязанностью *magister officiorum* въ императорскомъ дворцѣ; на немъ же лежало, вѣроятно, распредѣленіе труда между отдѣльными канцеляріями [5].

За нимъ слѣдовали:

2) Высокопоставленный чиновникъ, называемый *cornicularius* [6].

[1] *Sidon. Apollin*. I, 3: „Consilium praefecturae“.—*Henzen*, 6519. „Adhibito in consilium praefecti praetorio“.

[2] *Dig*. XII, 1, 40; 1, 22, 5; XXXVI, 1, 22 (23).

[3] *Sanct. August*. Contra Cresconium, III, 56: „Secretarium praetorii;“ *idem*, Ad Donatistas, 25 ; 35.— *Evodius Uzalensis,* De miraculis Sancti Stephani, 5: „Secretarium proconsulis“. *Mansi*, Acta conciliorum, IV, 31, anno 411. — Ср. *Cod. Iust*. III, 24, lex ultima; IX, 2, 16; XII, 19, 2; I. 48, ultima.—*Cod. Theod*. I, 7, 2; II, 1, 8.

[4] *Cassiodor*. VI, 3. *Cod. Theod*. VIII, 8, 4; *Cod. Iust*. 1, 27

[5] См. *Cod. Theod*. VIII, 8, 4, гдѣ онъ называется primiscrinius officii. Ср. *Cod. Iust*. XII, 52, 3.

[6] См. это слово у *Ducange*, Lexicon. О значеніи этого должностного лица можно судить по Кодексу Θеодосія, VIII, 7, 8; ср. *Cassiodor*. XI, 19; *Lydus*, III, 22.

3) *Adiutor*, родъ какъ бы главнаго помощника, который встрѣчается во всѣхъ officia.

4) *Commentariensis*, которому поручалось составленіе и храненіе различныхъ бумагъ, всегда накопляющихся въ административныхъ мѣстахъ и относящихся какъ къ самимъ служащимъ, такъ и къ дѣламъ и актамъ, документы которыхъ необходимо было беречь.

5) *Ab actis*, секретарь, составлявшій *acta fori*, или судебныя рѣшенія, родъ главнаго регистратора [1]; мы находимъ этого чиновника при всякомъ лицѣ, которое обладаетъ юрисдикціей.

6) *Numerarii* или счетчики [2].

7) Редакторы, *ab epistolis* или *cura epistolarum*, которымъ поручалось составленіе циркуляровъ и инструкцій, адресуемыхъ крупными чиновниками своимъ подчиненнымъ, а также различныхъ другихъ грамотъ и бумагъ, исходящихъ изъ канцеляріи [3].

8) Другіе редакторы, обязанные вести регистры, *regesta*, описи, инвентари, которые должны были сохраняться въ канцеляріи; ихъ именовали *regerendarii* [4].

[1] *Lydus*, III, 21; *Cassiodor*. XI, 23.

[2] *Isidor*. Origin. IX, 4. — *Cod. Theod.* VIII, 1, 4: „Vorax et fraudulentum numerariorum propositum qui diversis rectoribus obsequuntur".—*Ibid.* VIII, 1, 6 (законъ Юліана): „Numerarii qui rationes civitatum versutis fraudibus lacerare didicerunt".—Сидоній Аполлинарій, II, 1, называетъ одного человѣка, который вступаетъ съ ними въ соглашеніе, „conludens numerariis".—Кассіодоръ (XII, 23) упоминаетъ о нихъ также, какъ о чиновникахъ, обязанностью которыхъ было веденіе счетовъ налога. Ихъ называли также *tabularii* (*Orelli*, 3662, 6571; *Cod. Theod.* VII, 1, 7).

[3] Ср. *Cod. Iust.* II, 8, 7 II, 7, 26. *Orelli*, № 3868. Cfr. *Lydus*, III, 20. *Cassiodor*. XI, 22.

[4] Ср. предисловіе къ Кодексу Θеодосія: „Quae in regestis divinorum officiorum relata sunt" (XI, 29). Кассіодоръ (XI, 29) называетъ ихъ regerendarii.

9) Еще особые редакторы, назначавшіеся спеціально въ суды и уполномоченные записывать протоколы показаній и допросовъ; они назывались *exceptores* [1].

10) Далѣе слѣдуютъ чиновники, обозначавшіеся словомъ *singulares* или *singularii*, назначеніе которыхъ не опредѣлено ясно, но, повидимому, ими пользовались для всякаго рода порученій [2].

11) Ниже всѣхъ перечисленныхъ должностныхъ лицъ, въ канцеляріяхъ работала еще толпа служителей и писцовъ, различныхъ *apparitores, praecones, viatores*; въ общей сложности изъ нихъ составлялся очень многочисленный персоналъ.

Таковы *officia*, которыя можно было наблюдать въ Трирѣ, при префектѣ преторіи, въ Арлѣ, при его викаріи, а также въ главныхъ городахъ 17 провинцій, на которыя распадалась тогдашняя Галлія. Эти чиновники и канцеляріи на дѣлѣ управляли страною гораздо больше, чѣмъ сами провинціальные намѣстники. Опасность, которая всегда угрожаетъ подобнаго рода административной системѣ, заключается въ томъ, что областные чиновники легко могутъ пріобрѣсти независимость отъ центральной власти и обратить себя изъ простыхъ агентовъ верховной власти въ самостоятельныхъ и наслѣдственныхъ мѣстныхъ вождей. Такое перерожденіе дѣйствительно произошло въ Европѣ нѣсколько вѣковъ спустя послѣ разсматриваемой эпохи; но въ римской Имперіи примѣнялись нѣкоторыя правила, устранявшія подобную опасность.

Первымъ изъ такихъ пріемовъ, который былъ при-

[1] *Ducange*, v° Exceptor.

[2] Присоедините къ этому *notarii praetoriani* (*Orelli*, 3159); *cancellarii praefectorum* (*Henzen*, 6336), *cartularii* (*Orelli*, 2351), *scribae* и т. д.

думанъ политикой императоровъ III-го вѣка, являлось отдѣленіе военной власти отъ гражданской въ управленіи государствомъ. Гражданскія должности въ Имперіи IV и V вѣковъ стояли выше военныхъ въ административной іерархіи; но лица, занимавшія ихъ, не имѣли никакой власти надъ войскомъ, которое подчинялось особымъ начальникамъ. На первыхъ мѣстахъ среди послѣднихъ должны быть названы *magistri militum,* спеціально *magistri peditum* или *equitum,* или иногда—*utriusque militiae;* число ихъ не было неизмѣнно опредѣлено навсегда; въ эпоху, когда была составлена *Notitia*, въ западной части Имперіи ихъ насчитывалось трое: двое имѣли мѣстопребываніе тамъ же, гдѣ императоръ, одинъ—въ Галліи. Ниже ихъ стояли такъ называемые *comites rei militaris,* или *duces*, которые какъ бы командовали отдѣльными корпусами войска, или военными округами. Въ Галліи ихъ было шесть: *comes tractus Argentoratensis, dux provinciae Sequanicae, dux tractus Armoricani et Nervicani*, власть котораго простиралась до Аквитаніи; затѣмъ, еще три особые военачальника (*duces*) пребывали во Второй Бельгійской провинціи, въ Майнцѣ и въ Первой Германіи [1]. Власть всѣхъ этихъ военачальниковъ простиралась на обширныя территоріи; у каждаго изъ нихъ были канцеляріи, составлявшія полный *officium*, какъ у префектовъ преторіи и правителей провинцій. Наконецъ, еще ниже ихъ располагались начальники менѣе значительныхъ отдѣловъ арміи, командующіе легіонами, ихъ частями или варварскими отрядами, *praefecti* или *tribuni legionis, alae, cohortis, numeri*.

[1] *Notitia Occidentis*, XXVII, XXXVI, XXXVII; см. index, къ ней въ изд. Seeck, p. 104.

Другія правила административной системы императоровъ восходятъ своимъ происхожденіемъ къ традиціямъ, заложеннымъ первыми основателями принципата [1]. Самое главное заключалось въ томъ, чтобы всѣ вліятельные члены административной іерархіи назначались центральною властью. Одни изъ нихъ зависѣли отъ другихъ; но начальникъ не избиралъ самъ своего подчиненнаго. Намѣстникъ провинціи не назначался префектомъ преторіи. Они не имѣли даже права выбирать себѣ по произволу начальника для своей канцеляріи и опредѣлять въ нее чиновниковъ. Движеніе и повышеніе чиновъ по службѣ совершалось по строго установленной системѣ: служащіе начинали и проходили карьеру по совершенно опредѣленнымъ правиламъ. Напримѣръ, чиновникъ государственной полиціи вступалъ въ одно изъ отдѣленій (*schola*) корпуса *agentes in rebus* и повышался тамъ изъ класса въ классъ. Онъ достигалъ послѣдовательно званія *centenarius*, то есть сотника, центуріона (военныя наименованія употреблялись тогда и въ гражданской службѣ); потомъ получалъ должность *ducenarius*, то-есть, начальника двухъ сотенъ или полицейскихъ отрядовъ; вслѣдъ затѣмъ его переводили въ областное управленіе въ качествѣ завѣдывающаго канцеляріей (*princeps officii*) викарія (помощника префекта). Или же онъ занималъ какую-нибудь менѣе видную должность въ провинціальномъ управленіи и, достигнувъ, послѣ кратковременнаго пребыванія тамъ, званія *cornicularius,* возвращался обратно въ центральную администрацію, для занятія въ ней одного изъ высокихъ мѣстъ [2].

[1] Ср. Римская Галлія, стр. и сл.

[2] Ср. *Cassiodor*. XI, 17 и слѣд. Одинъ *cursus honorum* важнаго чиновника приведенъ у *Orelli,* 2352.—Вотъ еще *cursus honorum*,

Всѣ чиновники получали жалованіе; никто изъ нихъ не имѣлъ права вознаграждать себя самъ; никто не управлялъ за свой счетъ и не долженъ былъ пользоваться произвольными доходами [1].

Наконецъ, надобно отмѣтить, что всѣ административныя должности въ принципѣ были лишь временными. Префектъ преторіи назначался только на годъ. Чиновники не могли, такъ сказать, укореняться въ одной провинціи, прирастать къ ней надолго [2]. Ихъ постоянно перемѣщали. Одна надпись, относящаяся ко второй половинѣ IV вѣка, указываетъ намъ нѣкоего Петронія, который былъ четыре раза префектомъ преторіи, но все въ различныхъ префектурахъ [3]. Авзонію также пришлось оставить префектуру Италіи, чтобы занять префектуру Галліи. Могло случиться, что то же лицо оставалось управляющимъ одною и тою же префектурою на другой годъ, но для этого требова-

именитой особы V вѣка: „Claudius Postumus Dardanus, vir inlustris et patriciae dignitatis, ex consulari provinciae Viennensis, ex magistro serinii libellorum, ex quaestore, ex praefecto praetorio Galliarum et Nevia Galla, clarissima et inlustris femina, materfamilias eius loco cui nomen Theopoli est, viarum usum caesis utrimque montium lateribus praestiterunt, muros et portas dederunt, quod in agro proprio constitutum tuetioni omnium voluerunt esse commune; adnitente etiam viro inlustri comite ac fratre memorati viri Claudio Lepido ex consulari Germaniae primae, ex magistro memoriae, ex comite rerum privatarum, ut erga omnium salutem eorum studium et devotionis publicae titulus possit ostendi“ См. *Herzog*, nº 490, надпись, найденная въ Sisteron (Basses-Alpes). Ср. *C. I. L.* XII, nº 1524. Это тотъ же самый Дарданъ, о которомъ говорятъ Сидоній (V, 9), св. Іеронимъ (Epist. 129) и св. Августинъ (Epist. 157).

[1] См. *Trebell. Poll.* Claudius, 14.—*Lamprid.* Alexander, 42, 4. *Cassiodor.* VI, 7.

[2] *Cassiodor.* V, 6: „Per indictionem illam committimus“.

[3] *Orelli*, 1130.

лось новое назначеніе, и между такими возобновленіями сроковъ службы, обыкновенно, соблюдался перерывъ [1].

Правительству не было даже нужды спеціально отрѣшать отъ должности своихъ чиновниковъ, чтобы они не засиживались на мѣстахъ, хотя оно прибѣгало и къ такому средству, когда находило это полезнымъ [2]; само собою разумѣлось, что чиновникъ покидалъ свою должность послѣ довольно короткаго періода пребыванія въ ней. Въ этомъ не заключалось никакой немилости. Онъ сохранялъ пріобрѣтенный на службѣ чинъ и получалъ иногда почетное отличіе—вещь, которая очень цѣнилась въ обществѣ того времени. Для чиновника было невозможно освободиться отъ подчиненія центральной власти. Онъ всегда оставался связаннымъ съ нею. Встрѣчаются примѣры, когда нѣкоторые изъ нихъ, достигнувъ высокаго могущества, домогались сами императорской власти и предпринимали возстаніе, чтобы захватить ее; но мы совсѣмъ не видимъ между ними такихъ, которые пытались бы отдѣлить свою область отъ Имперіи.

Такимъ образомъ, императоры IV вѣка не измѣнили ничего существеннаго въ установленныхъ раньше принципахъ управленія. Власть государя всегда была также абсолютна и священна, іерархія чиновниковъ—также правильна и ихъ полномочія также широки. Канцеляріи центральнаго управленія (*officia palatii*) лишь увеличились постепенно въ числѣ, и возросло ихъ значеніе. Административная централизація и все-

[1] *Orelli*, 1146, 3185; *Henzen*, 5593, 5587.

[2] См. напр. *Amm. Marcell.* XXVIII, 2, 5 и 9. Авторъ разсказываетъ, что одинъ notarius, по имени Сіагрій, былъ отрѣшенъ отъ должности, sacramento exutus.

могущество монархіи продолжали быть основными правилами публичнаго права. Населеніе находилось подъ управленіемъ, охраною и надзоромъ очень отдаленной отъ нихъ и очень высоко поднявшейся надъ ними власти, воля которой осуществлялась надъ ними, передаваясь черезъ посредство іерархіи чиновниковъ.

ГЛАВА II.

Сохраненіе провинціальныхъ и муниципальныхъ вольностей до послѣднихъ временъ Имперіи.

Описанная административная централизація и всемогущество государства совмѣщались, однако, съ нѣкоторыми вольностями, предоставленными населенію. Провинціальные намѣстники пользовались весьма обширными правами, но въ провинціяхъ существовали собранія, которыя могли обсуждать способъ примѣненія этихъ правъ на дѣлѣ. Города находились подъ опекою государства, но имъ предоставлено было самоуправленіе и самостоятельные источники доходовъ. Съ теченіемъ вѣковъ императорская власть и вліяніе канцелярій центральнаго правительства все возростали, но привилегіи провинцій и городовъ, повидимому, не пострадали отъ такого хода развитія устройства и управленія государствомъ, и верховная власть, какъ кажется, никогда не думала ихъ ограничивать.

I.

Провинціальныя собранія [1].

Провинціальные совѣты, или сеймы просуществовали до послѣднихъ временъ Имперіи. Сохранился

[1] См. Т. I, кн. 2, гл. 4.

законъ отъ 355-го года, гласящій, что провинціи должны пользоваться полной свободою при выраженіи своихъ пожеланій на собраніяхъ и поддерживать ихъ передъ верховнымъ правительствомъ черезъ своихъ пословъ [1]. Константинъ издалъ законъ, запрещавшій измѣнять или вычеркивать что-либо въ полномочныхъ грамотахъ, составленныхъ для пословъ провинціальнымъ собраніемъ [2]. Еще позже, императоры Граціанъ и Валентиніанъ подтвердили, чтобы каждая провинція, изложивъ письменно свои пожеланія, избирала трехъ депутатовъ для доставленія этихъ пожеланій государю [3]. Они прибавили, что провинціальные намѣстники ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права требовать выдачи имъ записки или наказа, составленнаго провинціалами, или препятствовать депутатамъ отправляться къ императору. Въ видѣ особой, рѣдко дававшейся милости, имъ предоставлялось пользоваться во время путешествій даже государственной почтой [4].

Мы не встрѣчаемъ нигдѣ никакого указанія на то, чтобы городскія или провинціальныя собранія были

[1] *Cod. Theod.* XII, 12, 1: „In Africanis provinciis universis conciliis liberam tribuo potestatem, ut congruente arbitrio studii condant cuncta decreta, aut commodum quod credunt consulant sibi, quod sentiunt eloquantur decretis conditis missisque legatis.“

[2] *Ibidem*, XII, 12, 4. *Cod. Iust.* I, 40, 3.

[3] *Cod. Theod.* XII, 12,7: „Habito tractatu conventuque, tres e provincia, qui petitiones advehant, delegentur.“

[4] *Ibid.* XII, 9 (изд. *Haenel*): „Sive integra dioecesis in commune consuluerit, sive singulae inter se voluerint provinciae convenire, nullius iudicis potestate tractatus utilitati earum congruus differatur, neque provinciae rector aut praesidens vicariae potestati aut ipsa etiam praefectura decretum aestimet requirendum. Illud etiam addimus, ut si integra dioecesis unum vel duos elegerit, quibus desideria cuncta committat, redae cursualis hisdem tribuatur evectio... Licere volumus oppressis deflere quae perferunt“.

когда-либо запрещены. Амміанъ Марцеллинъ разсказываетъ, что въ одинъ моментъ опаснаго кризиса, когда Имперія подверглась жестокому нападенію со стороны внѣшнихъ враговъ, провинціальныя и муниципальныя собранія сходились повсюду, и даже высказывали свое мнѣніе по вопросу о назначеніи военачальника, котораго они считали наиболѣе способнымъ защитить Имперію [1]. Собранія эти не созывались и не распускались представителями имперской администраціи; они сами назначали время и мѣсто своего созванія. [2] Правда, что они не были въ строгомъ смыслѣ учрежденіемъ, пополнявшимся при помощи общихъ выборовъ: но во всякомъ случаѣ членами ихъ являлись всѣ тѣ, кто былъ облеченъ муниципальными магистратурами въ городахъ провинціи [3].

Въ составъ ихъ, кромѣ того, по праву входили самые богатые собственники области; тогда думали, что крупное землевладѣніе, носители котораго воплощали самые могущественные интересы въ странѣ, было достаточнымъ основаніемъ для предоставленія личности участвовать въ собраніи; собраніе это именно и должно было служить выразителемъ нуждъ края [4]. Иногда

[1] *Amm. Marcellin.* XVIII, 6.

[2] *Cod. Theodos.* XII, 12, 13: „Provinciale concilium, quo tempore inire debeat cum assensu omnium proprio auctoritate definiat".

[3] „Ad provinciae concilium cunctos volumus convenire qui primatum honorantur insignibus" (*Ibidem*, XII, 12, 12).—Эти муниципальные магистраты, возвышенные исполняемыми ими должностями до званія первыхъ гражданъ города—*primates*—должны быть отожествлены съ тѣми, которыхъ эдиктъ 418 года называетъ *honorati*.

[4] Такіе крупные собственники на оффиціальномъ языкѣ IV и V вѣка обозначались словомъ *possessores*. См. ниже эдиктъ Гонорія 418 года, въ которомъ есть указаніе, что провинціальныя собранія должны составляться изъ *honorati* и *possessores*.

дозволялось замѣщать себя уполномоченнымъ на сеймѣ, и даже—отсылать свое мнѣніе письменно. Всѣ предложенія обсуждались сообща, и рѣшенія принимались по большинству голосовъ [4]. Затѣмъ избирались послы, на которыхъ возлагалось доставленіе императору декретовъ, постановленныхъ собраніемъ.

Депутаты эти отправлялись въ Римъ и съ полной свободою выполняли тамъ порученіе, довѣренное имъ провинціей [1]. Знаменитый эдиктъ Гонорія 418-го года не создалъ ничего новаго. Дѣло было только въ томъ, что смуты, происходившія въ теченіе семи предшествовавшихъ ему лѣтъ, прервали правильное функціонированіе собраній, и Гонорій лишь позаботился возстановить ихъ.

«Мы почитаемъ весьма своевременнымъ и полезнымъ, провозглашаетъ императоръ, чтобы старый обычай былъ отнынѣ соблюдаемъ каждый годъ, и чтобы впредь семь провинцій Галліи держали свои собранія въ назначенное время въ городѣ Арлѣ; мы преслѣдуемъ тутъ интересы всѣхъ и каждаго; мы желаемъ, чтобы эти собранія самыхъ именитыхъ гражданъ представляли свое мнѣніе относительно общихъ нуждъ. Этимъ мы возстановляемъ древній обычай. Собраніе будетъ сходиться ежегодно и оставаться въ сборѣ отъ августовскихъ до сентябрьскихъ идъ. Въ составъ его войдутъ бывшіе магистраты, крупные собственники и намѣстники каждой провинціи. Тотъ, кто не будетъ

[1] *Ibidem*, XII, 12, 16: „Civitatum postulata, decreta urbium, desideria populorum liquido Tua Sublimitas recognoscit ad imperialis responsi officium pertinuisse, admissosque legatos dixisse libere quae illorum fuerant a communi fidei constantiaeque commissa".

посѣщать этихъ собраній, подвергнется пенѣ въ три фунта золота» [1].

Мы можемъ прослѣдить исторію провинціальныхъ собраній еще дальше. Сидоній Аполлинарій говоритъ о нихъ наканунѣ возникновенія на римской почвѣ германскихъ государствъ, которыя должны были ихъ уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, преобразовать. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящемся къ 468 году, онъ разсказываетъ, что одинъ префектъ Галліи былъ обвиненъ жителями своей провинціи передъ римскимъ сенатомъ. Мѣстное собраніе, говоритъ онъ, составило соотвѣтствующее постановленіе и избрало троихъ депутатовъ, чтобы доставить его въ Римъ [2]. Въ другомъ письмѣ, тотъ же авторъ начертываетъ интересную картину, которая даетъ намъ понятіе объ обычномъ характерѣ провинціальныхъ сеймовъ того времени. Онъ сообщаетъ, что люди изъ знатныхъ семействъ входили туда въ силу своего земельнаго богатства; что тамъ засѣдали равнымъ образомъ магистраты, избранные городами; онъ говоритъ, что мѣста тамъ распредѣлялись по званіямъ, которыми были облечены члены собранія; что одни сидѣли, другіе стояли—смотря по своему чину; что даже порядокъ подачи голосовъ устанавливался возрастомъ, состояніемъ, рожденіемъ и, въ особенности, общественными службами, которыя каждый выполнялъ [1]. Конечно, эти собранія не отличались демократическимъ характеромъ: въ нихъ были представлены всѣ самые заслуженные, самые знатные элементы изъ населенія края, и они, нѣкоторымъ образомъ, воплощали интересы наиболѣе вліятельныхъ въ обществѣ группъ.

Принимались ли къ свѣдѣнію прошенія, съ которыми собранія обращались къ государю? Мы не можемъ установить точное отношеніе между тѣми изъ

[1] Текстъ эдикта находится въ *Diplomata*, изд. Pardessus, т. I. стр. 3. — Вотъ названія семи представленныхъ на сеймѣ провинцій: Вьенская, обѣ Нарбонскія, Новемпопуланія, обѣ Аквитаніи и Морскія Альпы. Эти семь провинцій раньше составляли спеціальную діоцезу, отдѣльную отъ остальной Галліи, и хотя впослѣдствіи обѣ діоцезы, быть можетъ, были соединены въ одну, различіе продолжало сохраняться на практикѣ. См. въ видѣ примѣра одно письмо папы Зосима (*Sirmond*, стр. 42): „Episcopis per Gallias et Septem Provincias constitutis“. Указанное различіе сохраняется даже въ *Notitia dignitatum* (см. ed. *Seeck*, p. 262): „Civitates in Galliis“; p. 268: „Civitates in Provinciis Septem.“ Ср. *Guiraud*, Les assemblées provinciales, livre III, Ch. 4.

[2] *Sidon.* Epist. I, 7: „Legati provinciae Galliae Arvandum publico nomine accusaturi cum gestis decretalibus insequuntur. Provinciale mandatum profertur“. Тотъ же самый писатель въ своемъ Панегирикѣ Авиту говоритъ объ одномъ избранномъ провинціей депутатѣ, который долженъ былъ отправиться къ императору и просить его объ уменьшеніи налоговъ. Одна надпись V вѣка упоминаетъ еще о *concilium* одной изъ галльскихъ провинцій. См. *Le Blant*, Inscriptions chrétiennes de la Gaule, № 595 A.

[1] См. *Sidon.* Epist. I, 6. Здѣсь онъ упрекаетъ одного изъ своихъ друзей въ томъ, что тотъ живетъ въ своихъ помѣстьяхъ, пренебрегаетъ политической карьерой и даетъ болѣе молодымъ людямъ опередить себя на государственной службѣ. Онъ прибавляетъ: „Придетъ день собранія, и ты увидишь, что младшіе займутъ мѣста впереди тебя, раньше тебя будутъ подавать свои мнѣнія; они будутъ сидѣть, а ты—стоять; къ чему послужитъ тебѣ твой возрастъ, твоя знатность? Оставаясь въ неизвѣстности и не имѣя иного званія, кромѣ званія землевладѣльца, деревенскаго жителя, ты будешь лишенъ вліянія въ собраніи. Мнѣніе человѣка болѣе бѣднаго, чѣмъ ты, но прошедшаго общественныя должности, возьметъ верхъ надъ твоимъ“. — Хорошо сблизить съ этимъ отрывкомъ одинъ текстъ Кодекса Θеодосія (XII, 1, 4), изъ котораго видно, что въ этихъ собраніяхъ люди, выполнявшіе муниципальныя магистратуры, сидѣли на почетныхъ мѣстахъ, остальные присутствовали стоя.

нихъ, которыя выслушивались верховною властью и тѣми, которыя не достигали цѣли [1].

Существовала одна причина, которая способствовала внимательному отношенію къ нимъ высшаго правительства: императоръ былъ лицомъ, наиболѣе заинтересованнымъ въ подавленіи важныхъ злоупотребленій администраціи. Но была также причина, парализовавшая силу этихъ петицій общества къ государю; дѣло въ томъ, что достигнуть особы государя было очень трудно.

Между послами, приносившими пожеланія подданныхъ, и государемъ, къ которому они обращались, располагались цѣлые ряды посредствующихъ лицъ, являвшихся именно людьми наиболѣе заинтересованными въ томъ, чтобы жалобы не были выслушаны наверху.

Безъ сомнѣнія, описываемыя собранія вовсе не похожи на собранія XIX-го вѣка. Это не національныя представительства; здѣсь нѣтъ ни правильныхъ выборовъ, ни настоящаго обсужденія вопросовъ, ни голосованія законовъ; имъ не предоставляется верховной власти въ области вотированія налоговъ и опредѣленія обязанностей воинской службы. Однако это были областные сеймы въ томъ видѣ, какъ ихъ понимало общественное и національное сознаніе людей IV вѣка по Р. Х.

2.

Пришелъ ли въ упадокъ муниципальный строй?

Чтобы понять послѣдовательность между событіями въ исторіи римской Имперіи и внутреннюю связь между

[1] Примѣры прослушанныхъ прошеній см. въ Дигестахъ: V, 1, 37; XLVII, 14, 1; XLIX, 1, 1; въ Кодексѣ Ѳеодосія: II, 19, 3; III, 12, 1; VII, 1, 6; VIII, 4, 2; IX, 34, 5; XI, 30, 5; XII, 5, 2. У Амміана, XXX, 5, 8.— О петиціяхъ, не дошедшихъ до императора, упоминаетъ также Амміанъ (см. XXVIII, 6).

ея учрежденіями, надобно разсмотрѣть, сохранились-ли во все время существованія ея описанные нами выше муниципальные порядки, и могли ли выработавшіяся внутри Имперіи формы мѣстнаго самоуправленія пережить послѣднюю.

Представлять себѣ муниципальныя общины и центральную власть оспаривающими другъ у друга право избранія магистратовъ—значило бы составить себѣ весьма превратное представленіе о политическихъ нравахъ того времени: противоположность, установившаяся теперь между принципомъ власти и принципомъ свободы, была тогда неизвѣстна. Муниципальная независимость, которою пользовались города римской Имперіи, не была силою вырвана ими изъ рукъ центральнаго правительства. Съ другой стороны—обратно: утрата городами этой независимости совершалась также не по насилію или проискамъ деспотизма. Не видно, чтобы Имперія сначала даровала эти вольности съ сожалѣніемъ, ни чтобы она потомъ стремилась ихъ отнять. Напротивъ, она сама учредила и организовала муниципальные порядки и, если прослѣдить рядъ ея законодательныхъ актовъ, можно изъ нихъ убѣдиться, что политикой Имперіи было всегда — заботиться о поддержаніи мѣстнаго самоуправленія. Покровительство муниципальнымъ сенатамъ и мѣстнымъ магистратурамъ являлось предметомъ ея постоянныхъ усилій. Если въ самомъ дѣлѣ между муниципальными общинами и Имперіей въ два послѣдніе вѣка происходила своего рода борьба, то она объясняется тѣмъ, что само населеніе склонялось къ отреченію отъ муниципальныхъ правъ, а Имперія принуждала его къ сохраненію послѣднихъ. Природѣ людей того времени стало свойственно стремленіе освобождаться отъ обя-

зательствъ, налагаемыхъ муниципальнымъ правомъ. Управлять самимъ собой и вершить самому всѣ свои дѣла—это тяжелый трудъ, и народы, обыкновенно, любятъ сваливать съ себя такую заботу на правительство.

Нужна была вся строгость императорскихъ законовъ, чтобы заставить населеніе римскаго міра нести тягости земскаго управленія. Говорили, будто принципъ прикрѣпленія каждой личности къ ея званію и службѣ—куріала къ куріи, земледѣльца къ обрабатываемой имъ почвѣ, рабочаго къ ремеслу, вообще—каждаго человѣка къ мѣсту, гдѣ онъ родился, былъ придуманъ и установленъ правительствомъ римскихъ императоровъ. Утвержденіе это является однимъ изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, къ которымъ часто прибѣгаютъ историки для объединенія плохо изученныхъ фактовъ, не умѣя, или забывая ихъ доказать. Слѣдуетъ опредѣлить путемъ детальнѣйшаго анализа, какъ и почему произошло, что куріалъ оказался прикрѣпленнымъ къ куріи родного города, а рабочій къ своей мастерской. Причины этого процесса были многочисленны и многоразличны. Документы не открываютъ намъ общаго принципа, который могъ бы прилагаться безразлично ко всѣмъ соціальнымъ явленіямъ подобнаго порядка. Этотъ принципъ былъ изобрѣтенъ духомъ новаго времени.

Правда, что въ III и IV вѣкахъ замѣчается извѣстный упадокъ, какое то ослабленіе энергіи муниципальнаго порядка [1]. Но причину этого надо искать не въ угнетеніи его со стороны имперскаго правительства, доказательства котораго не находится, а въ другихъ обстоятельствахъ. Тиранія центральной власти не играла никакой роли въ происхожденіи болѣзни, которою въ концѣ концовъ былъ пораженъ муниципальный строй. Надо въ самомъ дѣлѣ ясно помнить, что въ ту самую эпоху совершалась религіозная революція, которая должна была внести большую смуту въ муниципальную жизнь. Мы указали, что въ первые вѣка Имперіи каждая муниципальная община имѣла свое божество, и что для служенія ему она избирала своего спеціальнаго жреца, такъ же, какъ и другихъ магистратовъ. Управленіе муниципальной общиною было такимъ образомъ связано съ религіей [1]. Сенатъ, составленный изъ куріаловъ, устраивалъ свои засѣданія въ помѣщеніи, освященномъ религіозными обрядами, и началу его совѣщаній обыкновенно предшествовали молитвы и жертвоприношенія. Общественныя празднества были религіозными церемоніями; игры цирка и театральныя представленія составляли часть культа. Въ числѣ обязанностей муниципальныхъ магистратовъ чуть ли не самою важною считалась лежащая на нихъ забота о выполненіи всѣхъ

[1] Впрочемъ, и тутъ слѣдуетъ сдѣлать оговорки. Одинъ текстъ указываетъ намъ, что *honores curiales* были предметомъ честолюбія многихъ людей даже во времена Діоклетіана. Житіе св. Эфизія, написанное, повидимому, на основаніи документовъ того времени (по крайней мѣрѣ, таково мнѣніе издателей его, Болландистовъ: „Acta ex iis quae tradidisse litteris Marcus presbyter testis oculatus dicitur“), разсказываетъ, что мать святого, которая была язычницей, подготовляла его къ прохожденію куріальной карьеры: „Quem curialium honorum procuratione promovere, eorumdemque functione confirmare et simul gloriae cupida ad laiquod dignitatis fastigium tendebat evehere“. *Acta S. Ephisii*, cap. 3 (*Acta Sanctorum*, II, 280, 15-го января).

[1] См. Римская Галлія, стр. 300 и сл. Въ языкѣ того времени существовало одно замѣчательное выраженіе: для обозначенія принятія какого-нибудь лица въ курію, говорили: „initiari curiae sacris“. Терминъ этотъ еще сохранился въ Кодексѣ Юстиніана. См. X, 31, 52 (законъ 397 года).

священныхъ обрядовъ [1]. Вступленіе ихъ въ должность ознаменовывалось жертвоприношеніемъ, послѣ чего устраивалось религіозное пиршество, на которомъ они должны были предсѣдательствовать [2]. Муниципальныя должности являлись такимъ образомъ съ извѣстной стороны жречествами.

Но въ теченіе III вѣка усилилось и распространилось христіанство, особенно въ кругу среднихъ классовъ общества. А именно эти средніе классы состояли изъ собственниковъ, которые наполняли куріи, и на которыхъ возлагалось муниципальное управленіе. Новая религія совершенно естественно и неизбѣжно должна была воспретить своимъ послѣдователямъ совершать акты языческаго культа. Запрещеніе же приносить жертвы богамъ являлось, стало быть, одновременно и запрещеніемъ быть декуріономъ и магистратомъ въ городѣ.

Церковные соборы осуждали сценическія представленія; христіанинъ, слѣдовательно, не могъ исполнять обязанности эдила или дуумвира. Тѣ изъ адептовъ новой вѣры, которые принимали участіе въ священныхъ пиршествахъ, подвергались отлученію отъ Церкви [3]. Вслѣдствіе этого человѣку оказалось невозможнымъ сразу выполнять обязанности куріала и христіанина. На одномъ соборѣ было формально постановлено, что если

[1] „Duumvir, aedilis, praefectus, quicumque erit, curato uti magistri ad fana, templa, delubra, suo quoque anno fiant, eique suo quoque anno ludos circenses, sacrificia, pulvinariaque facienda curent“ (см. въ Оссунской бронзовой таблицѣ, § CXXVIII).

[2] Объ этихъ священныхъ пиршествахъ см. *Orelli*, 2489, 3678.

[3] „Quotquot ascenderunt in templa et recumbentes manducaverunt, poenitentiam triennii temporis...“ (Акты Анкирскаго собора 314 года, статья 5, см. *Harduin.* I, p. 275). — „De his qui festis diebus paganorum, eorum conviviis interfuerunt“ (*Ibid.* art. 7). — Ср. Акты собора въ Арлѣ 314 года (*Ibid.* p. 264).

кто изъ христіанъ будетъ вынужденъ принять магистратуру, онъ подвергнется исключенію отъ общенія съ единовѣрцами въ теченіе года, т. е. до срока окончанія имъ магистратуры [1]. Одинъ изъ римскихъ первосвященниковъ запретилъ духовнымъ лицамъ вступать въ залу совѣщаній куріи «по той причинѣ, что въ этомъ мѣстѣ, пояснялъ онъ, проливается кровь жертвенныхъ животныхъ и совершаются приношенія идоламъ» [2]. Другой папа объявилъ, что тѣ, кто «служили куріи» не могутъ быть допущены къ духовному сану [3]. Для христіанина такимъ образомъ являлось невозможнымъ участвовать въ муниципальной жизни. Община и Церковь оказывались непримиримы между собой. Община оставалась языческою, и Церковь объявляла ей войну. Можно легко догадаться, что должно было вслѣдствіе этого происходить повсюду.

Сначала христіанинъ отказался занимать муниципальныя должности, затѣмъ—вступать въ курію. Чтобы остаться христіаниномъ онъ принужденъ былъ отказаться отъ званія гражданина [4]. Тогда то императорскіе законы удвоили строгость; они возвращали въ курію насильно тѣхъ, кто хотѣлъ уйти изъ нея. Они постановили даже, какъ кажется, чтобы всякій собственникъ, имѣющій болѣе чѣмъ 25 югеровъ земли становился обязательно ея членомъ. Христіанинъ сталъ продавать свою землю, дарилъ ее, со-

[1] „Magistratum eo anno quo agit duumviratum prohibendum placuit ut se ab ecclesia cohibeat“ (*Harduin.* t. I, p. 255).

[2] „Nemo clericus vel diaconus vel presbyter... intret in curiam‘ quoniam omnis curia a cruore dicitur et immolatio simulacrorum est“ (Constitutio Sylvestris papae, *Harduin.* I, 293).

[3] Decreta Stephani papae (*Ibid.* I, 142).

[4] „Curiales qui ecclesiis malunt servire quam curiis“ (*Cod. Th.* XII, 1, 104; 115). Cfr. *St. Ambros.* Epistola 40, ad Theodosium.

глашаясь быть бѣднымъ; тогда законы воспретили ему такія продажи и даренія. Они приковали человѣка къ куріи, они предписали муниципальнымъ гражданамъ становиться магистратами по очереди. Эта глухая и постоянная борьба тянулась въ теченіе четырехъ или пяти поколѣній. Тутъ то муниципальный строй и утратилъ свою силу. Населеніе, среди котораго шире и шире распространялось христіанство, все болѣе и болѣе отворачивалось отъ гражданскаго долга. Участіе въ мѣстномъ управленіи стало бременемъ, тяжело давившимъ не только на состояніе, но и на совѣсть. Его уже ненавидятъ и проклинаютъ. Сердечная привязанность была отдана Церкви, на долю куріи оставалось осужденіе. Муниципальный порядокъ погибъ бы тогда совершенно, онъ погибъ бы по волѣ народа, если бы императорское правительство не употребляло всѣхъ своихъ силъ для поддержанія въ немъ остатка жизни. Окончательная побѣда христіанства въ IV вѣкѣ положила конецъ этому долгому и болѣзненному кризису. Боги, покровители муниципіевъ, были ниспровергнуты, муниципальные культы исчезли. Праздники, общественныя пиршества, игры цирка, если и не прекратились совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, утратили прежній характеръ священныхъ актовъ, и магистраты не были больше обязаны руководить жертвоприношеніями. Тогда муниципій и Церковь примирились. Христіанство перестало бороться съ муниципальнымъ порядкомъ—оно нашло себѣ мѣсто въ немъ. Епископъ унаслѣдовалъ древнему фламину, какъ христіанскіе праздники замѣнили священныя пиршества и театральныя представленія языческаго времени. Священникамъ предоставлено было полное право засѣдать въ куріяхъ,

сдѣлавшихся христіанскими, и епископъ города занялъ тамъ постъ перваго и самаго вліятельнаго члена [1].

Преобразованный такимъ образомъ муниципальный строй пріобрѣлъ вновь на время нѣкоторую силу. Онъ просуществовалъ во все время римской Имперіи и, какъ увидимъ позднѣе,—даже пережилъ ее [2].

Если мы мысленно перенесемся въ послѣднія времена римской Имперіи, т. е. къ началу V вѣка, мы увидимъ дѣйствительно, что муниципальный порядокъ еще держался тогда. Въ немъ произошли нѣкоторыя перемѣны, но существенныя черты и основныя нормы его оставались такими же, какъ и во времена Антониновъ. Нигдѣ въ муниципіяхъ нѣтъ народныхъ комицій, и общинное управленіе, какъ и тогда, сохраняетъ аристократическій характеръ. Классъ декуріоновъ держитъ въ рукахъ привилегію и въ то же время несетъ обязанность завѣдыванія дѣлами общины. Онъ составляетъ родъ сената, который долженъ вѣдать всѣ муниципальные интересы и назначать магистратовъ.

Число членовъ такихъ курій послѣднихъ временъ Имперіи въ общемъ правилѣ оставалось довольно многочисленнымъ, хотя могли встрѣчаться города, гдѣ оно оказывалось недостаточно для того, чтобы нести тяжелое бремя денежныхъ и административныхъ повинностей. Внутри куріи, которая по составу соотвѣтствовала буржуазіи или среднему классу современнаго общества, различался высшій слой; члены его назывались на оффиціальномъ языкѣ «первѣйшими» [3] или «почетными» граж-

[1] *Cod. Iust.* I, 55, 8: „Episcoporum necnon clericorum et honoratorum ac possessorum et curialium decreto".

[2] См. „Франкская Монархія" въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

[3] *Cod. Theod.* XII, 1, 5: „Qui decuriones vel *principales* constituti".— *Ibid.* 151: „Trium *principalium* praesentia".—*Ibid.* 171: „*Principales* viros in Gallis". — *Cod. Iust.* X, 31, 42: „Principales

данами (*principales, honorati*) [1], а на разговорномъ—благородными или именитыми. Слой этотъ состоялъ изъ лицъ, отбывшихъ муниципальную службу въ самыхъ высшихъ должностяхъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что крупное состояніе являлось также достаточнымъ основаніемъ, чтобы лицо было зачислено въ его составъ. Подобно тому, какъ мелкіе собственники по праву фигурировали среди простыхъ «куріаловъ», крупные по праву считались среди «принципаловъ».

Классъ первѣйшихъ или почетнѣйшихъ гражданъ не былъ отдѣленъ отъ куріи; онъ являлся какъ бы вершиною или первымъ рядомъ ея. Онъ пользовался въ ней особеннымъ уваженіемъ. У насъ мало свѣдѣній о дѣятельности муниципальныхъ совѣтовъ V вѣка. Нѣсколько бытовыхъ черточекъ, разбросанныхъ у писателей, даютъ намъ, однако, возможность представить себѣ ихъ общую картину. Списокъ членовъ куріи составлялся каждые 5 лѣтъ. Принципалы, гонораты, знатные помѣщались всегда во главѣ его; мѣсто каждаго въ *album curiae* опредѣлялось по должностямъ, которыя онъ занималъ, а также по возрасту и состоянію [2]. Того же порядка держались въ залѣ совѣщаній: садятся лишь одни первѣйшіе, простые же куріалы стоятъ; первѣйшіе говорятъ рѣчи, развиваютъ свои взгляды, объясняютъ свои мнѣнія. Простые куріалы, какъ древніе *pedarii* римскаго сената, имѣютъ только право молча становиться позади тѣхъ, чье мнѣніе они раздѣляютъ [1]. Все собраніе находится подъ предсѣдательствомъ высшаго муниципальнаго магистрата, и рядомъ съ послѣднимъ засѣдаетъ епископъ [2].

Названіе главной магистратуры измѣнилось. Дуумвиры исчезли почти повсюду и уступали мѣсто должностному лицу, именуемому «защитникомъ общины». Этотъ новый терминъ не знаменуетъ однако очень глубокаго перерожденія муниципальнаго строя. Защитникъ назначался не центральною властью, а граж-

viri".—*Salvian.* De gubernatione Dei, V, 4: „Principales civitatum".—Этихъ людей называли также *primates* или *primarii.*

[1] Слово *honor* всегда означало магистратуру. Слово *honoratus* прилагалось къ человѣку, который уже исполнилъ магистратуру (*Cod. Theod.* VII, 11, 3).

[2] Эти правила были довольно старыми; о нихъ упоминаетъ уже Ульпіанъ (*Dig.* L, 3, 2): „Decuriones in albo ita scriptos esse oportet eo ordine quo quisque eorum maximo honore in municipio functus est, puta qui duumviratum gesserunt, deinde hi qui secundo post duumviratum honore functi sunt, post eos qui tertio, mox hi qui nullo honore functi sunt."—*Ibid.* L, 3, 1: „In albo decurionum nomina ante scribi oportet eorum qui dignitates principis iudicio consecuti sunt, postea eorum qui tantum municipalibus honoribus functi sunt". См. еще извѣстную Канузинскую надпись у *Orelli* 3721; она представляетъ собою списокъ куріи (album curiae) одного маленькаго итальянскаго городка; члены ея раздѣлены на нѣсколько категорій, смотря по положенію, занимаемому ими въ общинѣ, и по должностямъ, которыя они исполняли. Ср. Римская Галлія, стр. 282.

[1] „In sententiis quoque dicendis idem ordo spectandus est quem in albo scribendo duximus" (*Ulpian.* Dig. L, 3, 1).—Сидоній Аполлинарій (*Epist.* I, 6) указываетъ, какъ мы видѣли выше, на „honorati sedentes censentesque", тогда какъ человѣкъ, не занимавшій никогда никакой должности, стоитъ и хранитъ молчаніе.

[2] Куріи V вѣка изображались иногда угнетенными и потому безсильными корпораціями. Между тѣмъ *curiales* и особенно *principales* были еще людьми могущественными. Сальвіанъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они являются тиранами по отношенію къ населенію: „Quot curiales, tot tyranni... Hoc nomine gratulentur, quia potens et honoratum esse videatur. Quis locus est ubi non a *principalibus* civitatum viduarum et pupillorum viscera devorentur?" (*Salvian.* De gubernatione Dei, V, 4, édit. Pauly). Извѣстно, что Сальвіанъ охотно нападаетъ на высокопоставленные классы общества.

данствомъ общины. Такъ же, какъ и прежніе дуумвиры, онъ избирался куріей, т. е. собраніемъ принципаловъ и простыхъ куріаловъ. Христіанскіе императоры предписывали, чтобы епископъ и клирики принимали участіе въ этомъ избраніи [1].

Въ современной наукѣ высказывалась мысль, будто *defensor* представлялъ собою главу простого народа, являлся демократическимъ элементомъ въ городскомъ устройствѣ. Но это—заблужденіе, которое не подтверждается ни единымъ текстомъ. Напротивъ, согласно правилу, которому всегда слѣдовали по отношенію къ дуумвирамъ, дефензоръ могъ избираться лишь изъ среды самаго высшаго класса общества. Эту самую высшую должность можно было занять, только пройдя раньше всѣ остальныя [2].

Утверждали еще, что епископы захватили въ свои руки эту магистратуру и въ большинствѣ случаевъ заставляли избирать ихъ въ *defensores civitatum*. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ заблужденій, которыя новѣйшіе ученые повторяютъ, перенося ихъ изъ одной книги въ другую и не давая себѣ труда провѣрить основанія своего утвержденія. Они не ссылаются ни на одинъ текстъ, и имъ никогда не удастся найти ни одного примѣра, гдѣ епископъ дѣйствительно занималъ бы должность *defensor*'а [3].

[1] См. законъ Валентиніана II въ кодексѣ Ѳеодосія (I, 29, 6).—Ср. также законъ Гонорія, въ кодексѣ Юстиніана (I, 55, 8), и законъ Маіоріана, въ V-й Новеллѣ этого императора (см. ed. Haenel, стр. 176).

[2] Законъ Валентиніана и Валента въ кодексѣ Юстиніана, I, 55, 2. Ср. съ закономъ Константина, въ кодексѣ Ѳеодосія, XII, 1, 20, и Новеллу Юстиніана, XV.

[3] Такъ какъ наше мнѣніе объ этой магистратурѣ расходится съ общепринятымъ, то мы должны представить документы, на которые мы опираемся. Въ Кодексахъ имѣется лишь 4 закона, относящіеся къ избранію *defensor'a*. Первый принадлежитъ Валентиніану II: „Hi instituantur defensores, quos decretis elegerint civitates“ (*Cod. Theod.* I, 29, 6). Второй—Гонорію: „Defensores ita praecipimus ordinari, ut reverendissimorum episcoporum necnon clericorum et honoratorum ac possessorum et curialium decreto constituantur“ (*Cod. Iust.* I, 55, 8); здѣсь перечисляются только всѣ высшіе классы; о простомъ народѣ нѣтъ рѣчи. Третій законъ изданъ Маіоріаномъ (*Novellae*, V); въ немъ упоминаются плебеи, но только послѣ *honorati* и *municipes*: „Municipes honoratos plebemque commoneat, ut adhibito consilio sibi eligant defensorem“.—Этотъ текстъ показываетъ, что избраніе производилось цѣлою общиною, но изъ него нельзя вывести заключеніе, чтобы оно было дѣломъ, спеціально принадлежавшимъ простому народу. Четвертый законъ—Юстиніана: „In unaquaque civitate defensor decreto factus omnium possessorum in civitate consistentium“ (*Novellae*, XV); тутъ дефензоръ избирается какъ бы одними земельными собственниками. Мы не думаемъ, чтобы эти документы позволяли утверждать, что дефензоръ былъ избранникомъ и представителемъ исключительно низшихъ классовъ; изъ четырехъ приведенныхъ законодательныхъ текстовъ, три изображаютъ его избираемымъ высшими или средними классами, и лишь одинъ присоединяетъ къ послѣднимъ плебеевъ.—Затѣмъ еще говорили, что *defensor* долженъ самъ избираться изъ среды плебеевъ; это мнѣніе также не согласуется съ текстами. Одинъ законъ 365 (?) года гласитъ, что „муниципальные дефензоры не должны избираться ни изъ сословія декуріоновъ, ни изъ состава *cohortales*, а изъ другихъ лицъ, достойныхъ этой обязанности“ („non ex decurionum seu cohortalium corpore, sed ex aliis idoneis personis“. *Cod. Iust.* I, 55, 2). Этотъ законъ означаетъ, что искать дефензоровъ слѣдуетъ среди членовъ высшаго класса сравнительно съ декуріонами или когорталами. Въ самомъ дѣлѣ, мы указывали, что декуріоны представляли собою лишь средній классъ провинціальныхъ жителей, и что въ IV вѣкѣ правительство и знать смотрѣли

Дефензоръ, какъ и предшествовавшіе ему муниципальные магистраты, обладалъ административною и судебною властью. Онъ долженъ былъ, кромѣ того, взымать налоги, изготовлять и хранить юридическіе

акты различныхъ категорій, какъ, напримѣръ, завѣщанія, дарственныя записи и грамоты объ освобожденіи рабовъ. Онъ разбиралъ всѣ гражданскія тяжбы, не превышавшія цѣнностью пятьдесятъ золотыхъ солидовъ. Въ то же время онъ былъ органомъ полицейской власти; онъ долженъ былъ преслѣдовать воровъ

на него съ пренебреженіемъ. Такъ въ одномъ законѣ Кодекса Θеодосія (XVI, 5, 52) выше ихъ ставятся шесть категорій людей: *illustres*, *spectabiles*, *senatores*, *clarissimi*, *sacerdotales* и *principales*, а ниже ихъ только двѣ: *negotiatores* и *plebei*. Дефензора муниципія, какъ видно изъ текста, слѣдовало избирать въ средѣ *principales*. Этотъ законъ, запрещающій выбирать его между простыми декуріонами, имѣетъ тотъ же смыслъ, что и законъ, въ которомъ Константинъ запрещалъ избирать простого декуріона въ должность *curator civitatis* (*Cod. Theod.* XII, 1, 20). Чтобы достигнуть этихъ высокихъ должностей, выше которыхъ въ городѣ ничего не было, надо было пройти черезъ всѣ муниципальныя должности и получить званіе *principalis*. То же самое хорошо выяснено еще въ одной новеллѣ Юстиніана. Этотъ императоръ жалуется, что съ нѣкоторыхъ поръ должность дефензора оказывается приниженною; онъ приписываетъ это обстоятельство тому, что вошло въ привычку избирать его среди людей темныхъ („viri obscuri“); поэтому императоръ предписываетъ возвратиться къ старымъ правиламъ и выбирать его всегда изъ самыхъ богатыхъ людей „nobiliores“ (*Nov. Iust.* XV).— Должность дефензора, какъ и всѣ вообще муниципальныя службы, была безвозмездной и даже очень дорого стоила лицу, занимавшему ее; поэтому законъ требовалъ, чтобы соотвѣтствующія лица исправляли ея функціи, хотя бы помимо воли, поочередно, какъ было установлено и относительно дуумвировъ (*Cod. Iust.* I, 55, 10). Подобнаго рода правила не могли быть примѣняемы къ демократической магистратурѣ.— Предполагали еще, что дефензоръ являлся вождемъ плебеевъ муниципія и противопоставлялся дуумвирамъ, которые были главами куріаловъ. Но нѣтъ ни одного законодательнаго текста и ни одной надписи, которые указывали бы, что эти двѣ магистратуры существовали одновременно, а тѣмъ болѣе, что онѣ соперничали между собою. Повсюду дефензоръ появлялся на мѣстѣ дуумвировъ и съ тѣми же самыми аттрибутами власти, какъ послѣдніе.— Ни въ законахъ, ни у авторовъ того времени не отмѣчено, чтобы спеціальнымъ назначеніемъ дефензора было защищать бѣдные классы, какъ бы по аналогіи съ римскими народными трибунами. Онъ не могъ защищать плебеевъ, во-первыхъ, противъ декуріоновъ и principales, потому что избирался послѣдними; ни во-вторыхъ, противъ муниципальныхъ магистратовъ, потому что самъ былъ верховнымъ главою общины. Онъ представлялъ собою покровителя всего населенія безъ различія (*Cod. Iust.* I, 55, 8 и 9).—Ошибка произошла тутъ оттого, что въ источникахъ упоминается магистратъ, называемый *defensor plebis*; но надо думать, что въ V вѣкѣ слово *plebs* употреблялось иногда въ значеніи сельскаго округа. *Defensor plebis* или *loci* былъ начальникомъ той территоріи, которая впослѣдствіи получила наименованіе „прихода“; къ тому же, самые аттрибуты такого *defensor plebis* или *loci* въ его округѣ походили на функціи *defensor civitatis* въ муниципіи.

и преступниковъ, арестовывать ихъ и препровождать въ руки намѣстника провинціи [1].

Для муниципальной общины, его избравшей, дефензоръ являлся одновременно и главою администраціи, и покровителемъ. Онъ былъ обязанъ защищать интересы муниципія и частныхъ лицъ отъ противозаконныхъ притѣсненій имперскихъ чиновниковъ [2]. Императорскіе законы часто повторяютъ, что дефензоръ долженъ оказывать поддержку правамъ собственниковъ противъ неправильныхъ требованій агентовъ фиска [3].

[1] *Cod. Theod.* I, 29 и *Cod. Iust.* I, 55: „De defensoribus civitatum“. Ср. *Cod. Theod.* XI, 7, 12; VIII, 12, 8. *Nov. Iust.* XV.

[2] *Cod. Iust.* I, 55, 4, законъ 385 года: „Officialium insolentiae et iudicum procacitati occurras“.

[3] *Cod. Iust.* I, 55, 8: „Si quid in laesionem possessorum fieri cognoverint defensores.“—*Ibid.* 55. 8: „Iubemus cura et sollertia defensorum minime possessores a susceptoribus praegravari“. Въ другомъ мѣстѣ мы разсмотримъ положеніе собственности въ это время и тогда увидимъ, что эти possessores въ большинствѣ случаевъ были крупными землевладѣльцами.

Несомнѣнно, что его покровительство должно было распространяться въ равной мѣрѣ и на низшіе классы. Законъ гласитъ, что онъ—«охрана противъ злыхъ людей для всѣхъ—будь они декуріоны или плебеи» [1].

Чтобы дать дефензору средства для выполненія его обязанностей, императоры постановили, что росписи налоговъ получаютъ силу и могутъ приводиться въ исполненіе лишь послѣ того, какъ онѣ будутъ предъявлены ему. Къ этому было присоединено еще постановленіе, что дефензоръ можетъ всегда пользоваться правомъ являться къ провинціальному намѣстнику и присутствовать при его судебныхъ разбирательствахъ. Наконецъ, законодатели пожелали, чтобы этотъ магистратъ имѣлъ возможность непосредственно сноситься съ высшими сановниками государства и даже съ самимъ государемъ [2].

Такимъ образомъ, въ послѣднія времена римской Имперіи муниципальныя общины сохраняли собранія или совѣты, въ которыхъ обсуждались мѣстныя дѣла и выборныхъ магистратовъ. Слѣдовательно, въ нихъ для управленія мѣстными интересами и для обезпеченія правъ частныхъ лицъ еще существовала цѣлая система живучихъ учрежденій. Едва ли, конечно, можно утверждать, что въ этомъ муниципальномъ порядкѣ не ослабѣла вся та дѣятельная энергія, которою онъ былъ силенъ въ первые два вѣка. Напротивъ, въ немъ замѣчаются признаки разложенія; въ настроеніи его членовъ проявляются симптомы того общественнаго равнодушія, которое для благосостоянія земскихъ учрежденій такъ

[1] *Cod. Theod.* I, 29, 7: „Plebem vel decuriones ab omni improborum insolentia tueantur".

[2] *Nov. Maior.* V: „Quaequmque utilitatem publicam respiciunt, insinuandi auribus Mansuetudinis Nostrae habeant potestatem."

же опасно, какъ атонія для здоровья индивидуальнаго организма. Не доставало вдохновенія, порыва, мощной силы; все это обнаруживалось тогда лишь внутри христіанской Церкви.

Однако, какъ бы блѣденъ и обезсиленъ ни былъ разстроившійся муниципальный порядокъ, въ немъ еще продолжалась жизнь. Слишкомъ слабый, чтобы оказывать большое вліяніе на судьбы общества того времени, неспособный спасти его отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей, которыя ему угрожали, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ достаточно жизнеспособенъ, чтобы поддерживать въ тѣни свое существованіе непрерывно въ глубинѣ нѣсколькихъ столѣтій средневѣковья и даже не умереть среди расцвѣта феодальныхъ учрежденій [1].

ГЛАВА III.

Повинности населенія Имперіи.

Обязательство платить налоги являлось въ изучаемую эпоху еще болѣе, чѣмъ въ первые вѣка послѣ утвержденія императорскаго правленія въ римскомъ

[1] Меровингскія формулы, напримѣръ, турскія или буржскія, обнаруживаютъ, что курія еще собирается на засѣданія, что существуютъ еще *principales* и *defensores*; это, безъ сомнѣнія, не означаетъ, что муниципальный организмъ сохранилъ большую энергію, но это доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, что онъ не былъ уничтоженъ. Совершенно справедливо, что съ первыхъ годовъ V вѣка императорское правительство посадило въ нѣкоторыхъ муниципіяхъ своихъ представителей (comites), какъ уже было замѣчено выше. Но мы не знаемъ въ точности, каковы были функціи послѣднихъ; весьма возможно, что сначала они были только военачальниками. Кромѣ того, ихъ власть могла развиться скорѣе на счетъ власти провинціальнаго намѣстника, чѣмъ на счетъ правъ городовъ.

мірѣ, главнымъ бременемъ, возложеннымъ на населѐніе Галліи: военная служба становилась все менѣе и менѣе обременительной, денежныя взысканія все болѣе и болѣе тяжелыми. Впрочемъ, эти два теченія объясняются одно другимъ: подданные Имперіи должны были оплачивать людей, замѣнившихъ ихъ на службѣ, отъ которой ихъ освобождали.

Старые налоги были распространены на новыя категоріи объектовъ или личностей, либо увеличены; рядомъ съ этимъ придумывались новые, и лишь небольшое число ихъ оказалось уничтожено. Умные и искусные императоры эпохи четверовластія (съ конца III-го в.) дополнили и исправили прежнюю финансовую организацію и, какъ можно видѣть по кодексу Θеодосія, она сдѣлалась самымъ сложнымъ орудіемъ во всемъ механизмѣ администраціи.

Система налоговъ, утвердившаяся въ римской Имперіи съ IV вѣка, заслуживаетъ нашего вниманія, такъ какъ она на много вѣковъ пережила Имперію [1]. Перевороты послѣдующихъ эпохъ не разрушили ея; она прошла черезъ всѣ превратности, пережитыя обществомъ, приспособляясь къ каждому новому порядку.

Главными видами налоговъ были слѣдующіе:

1) Поземельный налогъ, называвшійся *census*, *tributum* или *capitatio terrena*; его несли всѣ земельные собственники [2].

2) Подушный налогъ, *capitatio humana*, лежавшій на всякомъ, кто не обладалъ недвижимою собственностью. Этой подати подчинялись главнымъ образомъ колоны, слуги и съемщики чужой земли. Онъ соотвѣтствовалъ тому, что въ позднѣйшія времена получило названіе таліи (la taille), и представлялъ собою спеціальную подать простого народа (*capitatio plebeia*), такъ какъ свидѣтельствовалъ, что человѣкъ, его платившій, не былъ землевладѣльцемъ.

[1] Ср. соотвѣтствующій отдѣлъ тома III-го („Франкская монархія").

[2] *Cod. Theod.* XI, 1.

3) Существовалъ еще налогъ на доходъ торговцевъ и ремесленниковъ, но онъ плохо извѣстенъ. Документы упоминаютъ о немъ впервые во времена Александра Севера [1]. Позже, въ IV вѣкѣ Зосимъ обвиняетъ Константина въ установленіи его [2], желая тѣмъ, быть можетъ, сказать, что этотъ императоръ увеличилъ его или распространилъ на такія отрасли, которыя до тѣхъ поръ не подлежали ему. Еще нѣсколько позднѣе мы находимъ въ Кодексѣ цѣлый рядъ законовъ, относящихся къ этому налогу и обозначающихъ его наименованіями: *lustralis collatio*, *lustralis functio*, *aurum et argentum*, по гречески χρυσάργυρον [3]. Этотъ налогъ уплачивался всякимъ торговцемъ пропорціонально количеству продукта, которое онъ пускалъ въ оборотъ. Онъ походитъ на нынѣшніе патентные сборы. Намъ неизвѣстно, какова была его такса, мы знаемъ только, что онъ платился разъ въ четыре года [4].

4) Налогъ на торговлю въ общественныхъ рынкахъ [5].

5) Дорожныя пошлины, взымавшіяся при проѣздѣ черезъ мосты или при входѣ въ гавани; ихъ называли *telonea*, и онѣ просуществовали подъ тѣмъ же наиме-

[1] *Lamprid.* Alexander, 32: „Aurum negotiatorium Romae remisit".

[2] *Zosim.* II, 38.

[3] *Cod. Theod.* XIII, 1.

[4] *Zosim. Ibid.* „Μέλλοντος τοῦ τετραετοῦς ἐνίστασθαι χρόνου".

[5] Въ теченіе всей исторіи Имперіи мы встрѣчаемъ „vectigal rerum venalium" (*Ulpian.* Dig. L, 16,17; *Cod. Theod.* VII, 20, 2; *Cassiodor.* Variarum, IV, 19),

нованіемъ въ теченіе всего средневѣковья. Новыя государства видоизмѣнили, но отнюдь не упразднили ихъ [1].

6) Соляная монополія, изобрѣтенная и установленная уже во время римской Республики, а затѣмъ прошедшая черезъ весь императорскій періодъ и перешедшая въ новыя государства [2].

7) Натуральные сборы (*annonae*); это были поставки провіанта для арміи, а также военной одежды и оружія, лошадей, фуража для конницы и для почты, продовольствія и утвари для чиновниковъ. Эти поборы сохранились до временъ Карла Великаго [3].

8) Обязательство принимать и давать постой проходящимъ войскамъ, содержать во время путешествія императора или лицъ, странствующихъ по его приказанію. Мы находимъ здѣсь начало того права крова (droit de gîte), которое продолжали требовать отъ подданныхъ и вассаловъ государи и сеньоры среднихъ вѣковъ [4].

9) Барщины; это были настоящіе налоги; только

[1] Подробности о таможенныхъ пошлинахъ всякаго рода въ послѣднія времена Имперіи можно найти въ соотвѣтствующихъ главахъ III-го тома настоящаго сочиненія.

[2] *Liv.* XXIX, 37; *Cod. Iust.* IV, 61, 11.

[3] См. въ кодексахъ главы: De annonis; De erogatione militari; De operibus publicis; De equorum collatione; De militari veste.

[4] *Ulpian.* Dig. L, 4, 3, § 13 и 14: „Eos milites quibus supervenientibus hospitia praeberi in civitate oportet, per vices ab omnibus, quos id minus contingit, suscipi oportet“. *Idem*, Dig. I, 16, 4: „Observare proconsulem oportet, ne in hospitiis praebendis oneret provinciam“. Ср. *Dig.* I, 18, 6; L, 5, 10; *Cod. Iust.* XII, 41 (40); *Cod. Theod.* VII, 8 и 9.— Сидоній Аполлинарій слѣдующими словами намекаетъ на эти обычаи: „metatoria pagina“ и „parato hospitio“. См. *Epist.* VIII, 11.

вносились они плательщиками, которые имъ подлежали, не цѣнностями, а трудомъ. Нѣкоторыя категоріи подданныхъ императора должны были извѣстное число дней въ году работать при проведеніи и починкѣ дорогъ и мостовъ, доставлять лошадей и возы для передвиженія военнаго провіанта и фуража [1]. Все это также вновь отыскивается и въ средніе вѣка [2].

Въ императорскій періодъ существовалъ еще налогъ на наслѣдства, равнявшійся 5% стоимости наслѣдуемаго имущества; но онъ, впрочемъ, не прилагался къ наслѣдованію по прямой линіи. Этотъ налогъ исчезъ еще до паденія Имперіи. Одинъ законъ Юстиніана упоминаетъ [3] о немъ, какъ объ отмѣненномъ сборѣ. Въ какое время онъ исчезъ—въ точности неизвѣстно. Такъ какъ на него не встрѣчается ссылокъ, начиная съ IV вѣка, можно допустить что его отмѣнили Діоклетіанъ и Константинъ [4].

Освобожденіе рабовъ также облагалось налогомъ,

[1] *Cod. Theod.* XI, 7; XV 3.—*Dig.* L, 5, 11.

[2] Въ нашъ предметъ не входитъ подробное изложеніе системы налоговъ въ римской Имперіи; относительно этого вопроса можно обращаться къ слѣдующимъ пособіямъ: примѣчаніямъ Годфруа къ XI книгѣ кодекса Θеодосія; сочиненіямъ: *Naudet*, Des changements survenus dans l'administration de l'Empire; *Dureau de la Malle*, Economie politique de Romains; *Giraud*, Histoire du droit fançais, ch. 3, art. 3; *Baudi di Vesme*, Etude sur les impôts en Gaule à la fin de l'Empire romain; *E. Levasseur*, De pecuniis publicis apud Romanos, 1854; *Marquardt*, Römische Staatsverwaltung, t. II (2-ое изд. 1884 г.).

[3] *Cod. Iust.* VI, 33, 3: „Vicesima hereditatis a nostra recessit republica“.

[4] Одно мѣсто Назарія (c. 38, p. 243, ed. Baehrens), по мнѣнію *C. Jullian*, Transformations politiques de l'Italie (p. 195), намекаетъ на эту отмѣну. Для меня не вполнѣ ясно, чтобы таковъ былъ смыслъ этого текста.

но и этотъ послѣдній довольно рано исчезаетъ; со временъ царствованія Діоклетіана не видно болѣе его слѣдовъ[1].

Приведенный длинный перечень налоговъ ничего не можетъ сказать нашему уму, если мы не въ состояніи будемъ составить себѣ понятіе о денежной цѣнности, которую они представляли. Но добиться этого чрезвычайно трудно, такъ какъ до насъ не дошло никакого статистическаго документа, современнаго той эпохѣ. Правда сохранился списокъ поземельныхъ податей, лежавшихъ на собственникахъ одной муниципальной общины, составленной въ 323 г. Но послѣдняя—городъ Италии[2].

Можно догадываться, что налоги постепенно становились тяжелѣе, и что Галлія обѣднѣла отъ нихъ; однако ни одинъ внимательно изученный текстъ не можетъ подтвердить такое предположеніе[3]. Только

[1] *Cagnat*, Les impôts indirects chez les Romains, p. 156.

[2] Это Volcei въ Бруттіи. См. *Corp. inscr. lat.* X, 407.

[3] Часто ссылались на одинъ текстъ Лактанція (*De mortibus persecutorum*, c. 7), изъ котораго, какъ можетъ казаться, вытекаетъ, что налогъ этотъ былъ подавляюще высокъ; но при этомъ не обращали вниманія на то, что въ данномъ мѣстѣ христіанскій писатель, преслѣдующій память императора Діоклетіана, указываетъ лишь фактъ частнаго характера. Рѣчь идетъ о возвышеніи налога, которое было предписано этимъ государемъ, и которое, если вѣрить Лактанцію, пагубно отразилось на населеніи.—Въ другомъ мѣстѣ (гл. 23) тотъ же авторъ нападаетъ еще на одного гонителя христіанъ, Галерія; но онъ жалуется не на самые налоги, а лишь на жестокость, съ которою императоръ произвелъ въ томъ году перепись для ихъ распредѣленія: „Census in provincias et civitates missus; censitoribus ubique diffusis et omnia exagitantibus, tumultus et captivitatis horrendae species erant; agri glebatim metiebantur, arbores numerabantur; aestimabantur aetates singulorum... Non tamen iisdem censitoribus fides habebatur, sed alii super alios mittebantur, tanquam plura inventuri“. Все это мѣсто

для 355 года одинъ историкъ даетъ намъ наконецъ опредѣленную цифру. Аммiанъ Марцеллинъ,

составляетъ часть картины гоненій Галерія и относится лишь къ одному мѣропріятію, постановленному этимъ государемъ. — Для V вѣка опираются на Сальвіана; но пусть внимательно прочтутъ сочиненія этого христіанскаго священника — въ немъ не найдется ни одного слова противъ податной системы Имперіи; единственно, на что онъ жалуется—это на способъ взыманія, о которомъ мы скажемъ дальше, и въ особенности на несправедливость муниципальныхъ сборщиковъ податей—куріаловъ и принципаловъ. См. *De gubernatione Dei*, книга V (изд. Baluze, стр. 106): „Plurimi proscribuntur a paucis quibus exactio publica peculiaris est praeda“ и т. д. Чтобы увидѣть, кто были эти *exactores*, сборщики, обращавшіе взыманіе налоговъ въ источникъ личнаго дохода, слѣдуетъ прочитать всю главу. Надобно замѣтить, что тотъ же писатель говоритъ дальше объ уменьшеніи налоговъ, которое постановляется правительствомъ, и которое, если вѣрить ему, куріалы принимаютъ въ разсчетъ лишь по отношенію къ себѣ самимъ. Сальвіанъ жалуется на неравномѣрность раскладки: „Omnium onus non omnes sustinent... Divitum tributa pauperculos premunt“.—Самые горькіе его упреки направлены противъ *exactores* и противъ того, что онъ называетъ *vis exactionis* (см. *Salv.* V, 17—29, ed. Pauly).—Аммiанъ обрушивается на неумѣренную финансовую требовательность Валентиніана (XXX, 5; 6), но нигдѣ не приводитъ цифръ. Далѣе онъ сообщаетъ даже, что Валентініанъ щадилъ плательщиковъ и облегчилъ тяжесть налоговъ (XXX, 9, 1); послѣднія слова ослабляютъ значеніе вышеуказаннаго утвержденія.—Для доказательства, что римская Галлія была разорена налогами ссылались кромѣ того на свидѣтельства Мамертина и Паката; но это не основательно, потому что ни одинъ изъ обоихъ ораторовъ ни слова не говорилъ о налогахъ. Мамертинъ въ цитируемомъ обыкновенно мѣстѣ (*Gratiarum actio Iuliano*, c. 4) съ одной стороны упоминаетъ о грабежахъ, производимыхъ варварами, съ другой, о плохомъ состояніи правосудія въ годы, предшествовавшіе восшествію на престолъ Юліана. Что касается Паката, то въ своемъ панегирикѣ Өеодосію, онъ рисуетъ самую мрачную картину управленія узурпатора Максима въ Галліи; но, говоря о совершенныхъ имъ узурпаціяхъ и о жестокой расправѣ его съ противниками, онъ ни од-

большой другъ императора Юліана, сообщаетъ, что до прибытія этого государя въ Галлію налогъ опре-

нимъ словомъ не упоминаетъ о налогахъ. Ни у Мамертина, ни у Паката мы не находимъ никакихъ данныхъ о податномъ строѣ Имперіи, ни о бѣдствіяхъ, будто бы вытекавшихъ изъ него. Указывали еще Хронику Идатія въ отрывкѣ, относящемся къ 410 году, но при этомъ не подумали, что испанскій епископъ указываетъ здѣсь опять же на факты совершенно частнаго происхожденія: онъ говоритъ, что узурпаторъ Константинъ, который сумѣлъ овладѣть Испаніей, несмотря на сопротивленіе жителей, истощилъ поборами эту страну, опустошенную въ тоже время чумою, голодомъ и варварами: „Debacchantibus per Hispanias barbaris et saeviente pestilentiae malo, opes et conditam in urbibus substantiam tyrannicus exactor diripit". На языкѣ того времени *tyrannus* означаетъ всегда узурпатора, *exactor*—сборщика податей. Разсказъ Орозія (VII, 40) объясняетъ фразу Идатія. Опираясь наконецъ на текстъ самого Павла Орозія, который, разсказывая о тѣхъ же фактахъ, прибавляетъ, что нѣсколько позднѣе варвары, утвердившіеся въ Испаніи, выказали себя настолько благосклонными по отношенію къ мѣстнымъ жителямъ, что нѣкоторые изъ послѣднихъ предпочитали свободу и бѣдность среди варваровъ постоянной тревогѣ объ уплатѣ податей, которая тяготѣла на нихъ, какъ на Римлянахъ: „...ut inveniantur quidam Romani, qui malint inter barbaros pauperem libertatem, quam inter Romanos tributariam sollicitudinem sustinere" (*Oros.* VII, 41). Возможно, конечно, что нѣкоторые изъ подлежащихъ подати жителей Имперіи дѣйствительно искали пріюта у варваровъ, чтобы избавиться отъ уплаты налоговъ; но какіе твердые выводы можетъ строить серьезный историкъ на основаніи такихъ неопредѣленныхъ утвержденій? Въ дѣйствительности ни одинъ документъ не доставляетъ намъ точныхъ фактовъ и опредѣленныхъ цифръ. То, что говорится о великихъ страданіяхъ населенія, опирается на фразы, вырванныя изъ связи, въ которой онѣ стоятъ, и цитируемыя изъ вторыхъ рукъ; онѣ, однако, принимаются за данныя, относящіяся къ изображенію системы налоговъ въ послѣднюю эпоху римской Имперіи; между тѣмъ, если ихъ разсмотрѣть въ контекстѣ, онѣ заключаютъ совершенно иной смыслъ. Справедливо, что Сидоній Аполлинарій много разъ жалуется на тяжесть налоговъ (*Epistolae*, II, 1; V, 13; VII, 7; *Carmina*, V, 446); но онъ

дѣлялся въ 25 солидовъ на 1000 солидовъ цѣнности земли, и что Юліанъ понизилъ его до 7 на 1000 [1].

Первая изъ этихъ цифръ была, безъ всякаго сомнѣнія, чрезмѣрно высока: поэтому историкъ и говоритъ, что Галлія не могла болѣе дышать подъ такимъ бременемъ: «Anhelantibus extrema penuria Gallis»; вторая показалась легкою, такъ какъ согласно свидѣтельству того-же историка, «галльское населеніе въ порывѣ радости сравнивало Юліана съ благодѣтельнымъ солнцемъ, приносящимъ плодородіе». На нашъ взглядъ первая изъ указанныхъ таксъ подати могла существовать лишь въ видѣ исключенія, ибо матеріально невозможно, чтобы какое нибудь правительство могло взымать въ видѣ налога, въ теченіе многихъ лѣтъ подъ рядъ 25 единицъ изъ 1000 капитализированной стоимости недвижимыхъ имуществъ; вторая цифра, можетъ

писалъ въ серединѣ V вѣка въ Галліи, которую тогда разрывали на части Вестготы и Бургунды, и было бы неразумно представлять себѣ эти жалобы за истинное выраженіе того, какою оказывалась тяжесть налоговъ до нашествія.

[1] *Ammian. Marcell.* XVI, 5: „Pro capitibus singulis tributi nomine vicenos quinos aureos reperit flagitari; discedens vero septenos tantum". Этотъ текстъ, конечно, очень неясный, далъ поводъ возникновенію многочисленныхъ толкованій; самымъ вѣроятнымъ и теперь наиболѣе общепризнаннымъ является то, которое объясняетъ, что слово *caput* должно быть отнесено здѣсь не къ *capitatio plebeia*, а что оно означаетъ кадастровую единицу („сοху"), служившую для опредѣленія поземельнаго налога. Дѣйствительно, слово *caput* употреблялось въ такомъ смыслѣ, какъ синонимъ *iugum* и *millena*, и примѣнялся къ куску земли, оцѣненному въ 1000 aurei (см. *Novell. Maiorian.* VII, 16, ed. Haenel. p. 322; *Novell. Valentin.* III, 5, §4; *Cassiod.* Var. II, 37, и комментарій Годфруа къ отдѣлу „De Censu" въ кодексѣ Θеодосія). Такимъ образомъ, Амміанъ хотѣлъ сказать, что до Юліана налогъ равнялся 25 aurei на всякій земельный участокъ, капитализированный въ 1000 золотыхъ монетъ (aurei т. е. солидовъ).

быть, являлась, наоборотъ, исключительно низкою. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о повинностяхъ, лежавшихъ на жителяхъ римской Галліи, необходимо взять среднее число изъ этихъ двухъ цифръ [1]. Таковы единственныя свѣдѣнія, доставляемыя намъ древностью по данному вопросу. Разумѣется, они не позволяютъ намъ утверждать, что налоги въ римской Имперіи были легки; но они также не даютъ права думать, что послѣдніе подавляли населеніе.

Достигнуть точнаго результата при изслѣдованіи вопроса невозможно, и будетъ благоразумно, по меньшей мѣрѣ, воздержаться отъ тѣхъ слишкомъ безусловныхъ сужденій, которыя высказывались относительно

[1] Отмѣтимъ однако, что пятая новелла Валентиніана (Haenel, p. 143) устанавливаетъ, какъ нормальную высоту подати съ каждаго кадастроваго участка (*millena*), цифру семь солидовъ (золотыхъ монетъ—*aurei*).—Приведенный нами разсказъ Амміана даетъ понять, что этотъ поземельный налогъ 7 на 1000, заключаетъ въ себѣ почти всю совокупность денежныхъ повинностей, лежавшихъ на галльскихъ собственникахъ: „Septenos aureos munera universa complentes". Но онъ не считаетъ себя обязаннымъ принимать въ разсчетъ ни торгово-промысловаго налога, который правда платился лишь разъ въ 5 лѣтъ, ни таможенныхъ пошлинъ. Савиньи и Ш. Жиро, дѣйствительно, держатся мнѣнія, что косвенные налоги были очень незначительны по сравненію съ поземельнымъ. Они были сильно понижены Пертинаксомъ, затѣмъ Александромъ Северомъ (*Herodian.* II, 4; *Lamprid.* Alexander Severus, 39).—Мы оставляемъ въ сторонѣ разъясненіе вопроса о томъ, представляли ли *caput* и *millena* реальные участки земли, оцѣненные въ извѣстную сумму, или это были лишь кадастральныя цифры, служившія для пропорціональнаго установленія долей плательщиковъ. Этотъ вопросъ разсматривался Жиро (Histoire du Droit français, p. 104) и Серриньи (Droit public romain, II, p. 87). При настоящемъ состояніи документовъ онъ кажется намъ неразрѣшимымъ.

финансовой системы римской Имперіи [1]. Когда убѣждаешься въ отсутствія источниковъ и видишь, что неизбѣжно оставаться въ полномъ сомнѣніи при рѣшеніи изучаемаго вопроса, фактъ господства среди современныхъ ученыхъ теоріи о невыносимомъ гнетѣ налоговъ въ римской Имперіи кажется на первый взглядъ изумительнымъ. Нужно думать, что такое воззрѣніе вытекаетъ вообще изъ того понятія, которое составляютъ себѣ теперь о деспотическихъ правительствахъ: полагаютъ, что они могутъ взымать столько налоговъ, сколько захотятъ. Но исторія показываетъ, что такое сужденіе ошибочно. Деспотическія правительства являются, наоборотъ, самыми безсильными въ дѣлѣ организаціи финансовъ. Въ странахъ, гдѣ царствуетъ свобода, правительство мо-

[1] Дюро де-ла-Малль и другіе послѣ него (ср. Маркуардтъ, стр. 222—235) пытались вычислить сумму, до которой доходилъ поземельный налогъ Галліи, по одному слѣдующему тексту Евменія: „Septem milia capitum remisisti, quartam amplius partem nostrorum censuum; remissione ista septem milium capitum, viginti quinque milibus dedisti vires" (*Eumen.* Gratiarum actio Constantino, c. 11). Но такіе остроумные разсчеты кажутся намъ мало достовѣрными. Прежде всего слѣдовало бы тутъ спросить себя, означаетъ ли въ этомъ отрывкѣ слово *capita* земельныя имущества, оцѣненныя въ 1000 *aurei*, или оно употреблено въ своемъ буквальномъ смыслѣ человѣческихъ головъ. Если прочесть цѣликомъ весь отрывокъ (главы 11 и 12) до словъ „parentes adultorum filiorum non poenitet, quorum onera sibi remissa laetantur", то обнаружится, что рѣчь идетъ о личномъ налогѣ, лежавшемъ на безземельныхъ людяхъ; благодѣяніе императора, о которомъ авторъ упоминаетъ, фактически и несомнѣнно заключалось въ освобожденіи отъ этого налога 7000 человѣкъ; такимъ образомъ, вѣроятно, Евменій говоритъ здѣсь о *capitatio plebeia*, т. е., подушной подати. Во всякомъ случаѣ толкованіе текста остается слишкомъ спорнымъ, чтобы его можно было положить въ основаніе какого-нибудь разсчета.

жетъ довольно легко создавать новые налоги или удваивать старые, деспотическая же власть не имѣетъ возможности это осуществить. Населеніе, иногда охотно отдающее деспоту жизнь извѣстнаго числа людей, неохотно отдаетъ ему свой кошелекъ. Оно постоянно находитъ, что платитъ слишкомъ много и изъ-за налоговъ въ четыре раза менѣе высокихъ, чѣмъ тѣ, которые населеніе вотировало-бы, если бы пользовалось политическою свободой, оно начинаетъ роптать и бунтоваться. Такимъ образомъ, намъ слѣдуетъ отказаться отъ той апріорной идеи, будто римское правительство, какъ деспотическое, должно было взымать съ населенія громадные налоги. Въ дѣйствительности мы не знаемъ, какъ высоки были налоги, которые оно взымало. Надо также помнить, что воинская служба была сильно облегчена въ IV вѣкѣ. Это облегченіе съ необходимостью повлекло за собою пропорціональное возвышеніе денежныхъ повинностей. Военная служба въ самомъ дѣлѣ, обратилась въ настоящій налогъ, ложившійся на поземельную собственность, присоединяясь къ другимъ сборамъ, которыми она уже была обложена. Слѣдуетъ высказать здѣсь еще одно соображеніе. Можно въ случаѣ отсутствія другихъ данныхъ возстановить бюджетъ доходовъ какого-нибудь государства, зная бюджетъ его расходовъ; опредѣлить же расходы римскаго императорскаго правительства невполнѣ невозможно. Они должны были удовлетворять потребностямъ трехъ вѣдомствъ: двора, администраціи и арміи. Общественнаго долга въ римской Имперіи, по которому надо было бы платить проценты, не существовало. Она не должна была содержать ни духовенства, ни судебнаго сословія, ни дипломатическаго персонала, ни обширной сѣти правительственныхъ школъ. Правда, дворъ отличался большою роскошью, но администрація требовала гораздо меньшаго личнаго состава чиновниковъ, чѣмъ управленіе современныхъ государствъ [1].

Что касается войска, то оно не превосходило численностью цифры 400,000 человѣкъ. При этомъ конница была немногочисленна; войска рѣдко передвигались; войны стоили безконечно дешевле, чѣмъ теперь [2]. Пусть вычислятъ на современныя деньги, что могли стоить этотъ дворъ, эта администрація и эта армія; пусть прибавятъ сюда издержки, необходимыя на содержаніе нѣсколькихъ флотилій, состоявшихъ изъ весельныхъ судовъ, и то, что тратилось на прокормленіе римскаго пролетаріата; въ результатѣ получится приблизительно до 750 милліоновъ франковъ. Пусть удвоятъ, если угодно, эту сумму, чтобы принять во вниманіе раздачи и пожалованія, всякаго рода непроизводительные расходы государей и хищенія чиновниковъ, всетаки итогъ едва достигнетъ двухъ третей той суммы, которую платитъ въ видѣ налоговъ нынѣшняя Франція; а мы имѣемъ дѣло здѣсь съ Имперіей въ десять разъ большей, чѣмъ Франція, которая, если и лишена была крупнаго

[1] Во всей громадной Имперіи было лишь 4 префектуры, 14 діоцезъ, 119 провинцій, для управленія которыми нужно было всего 138 высшихъ чиновниковъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что при каждомъ изъ послѣднихъ служили подчиненные секретари, образовывавшіе то, что тогда называлось *cohors* (или *scrinia*), и что мы назвали бы канцеляріями.

[2] Правда, одинъ писатель сообщаетъ, что „въ то время, когда правили четыре императора, арміи были умножены, и каждый изъ нихъ держалъ для себя больше войска, чѣмъ прежде было во всей Имперіи“. Но это говоритъ Лактанцій, а ему нужно здѣсь очернить память Діоклетіана и Галерія, потому что они были гонителями христіанской церкви (De mortibus persecurtorum, 7).

движимаго капитала, то, по крайней мѣрѣ, обладала весьма значительнымъ земельнымъ богатствомъ. Правда, населеніе различныхъ мѣстностей Имперіи должно было, кромѣ того, поддерживать дороги, храмы, школы и вообще покрывать всѣ расходы на мѣстныя нужды. Надо прибавить также, что провинціи должны были еще прокармливать неимущихъ жителей города Рима. Это обстоятельство было язвою Имперіи; у правительства не хватало силы или мужества принудить столичный пролетаріатъ къ производительному труду. Оно покорялось притязаніямъ этой массы, кормило ее даромъ, предоставляя жить ничего не дѣлая, и унижалось до того, чтобы забавлять ее. Провинціямъ дешевле стоило содержать императорскій дворъ, чѣмъ римскій пролетаріатъ. Всѣ вычисленія, какія только можно сдѣлать, не дали бы понятія о томъ, какая доля дохода отнималась каждый годъ у трудящагося населенія этою лѣнивою, праздною, невѣжественною толпою. Міръ обѣднѣлъ изъ-за нея, Имперія была ею обезчещена. Дѣйствительно, великою и, быть можетъ, единственною ошибкою императорскаго правительства былъ недостатокъ рѣшимости по отношенію къ ней. Несомнѣнно, что населеніе часто жаловалось на налоги, которые съ него взыскивались; но это не даетъ намъ основанія утверждать, что налоги эти были чрезмѣрны. Справедливѣе думать, что пропорціонально народному богатству того времени они являлись тѣмъ-же, чѣмъ оказываются налоги настоящаго времени для богатства населенія нынѣшнихъ государствъ, и что, достигая предѣловъ возможнаго, они не превышали ихъ. То обстоятельство, что Галлія въ теченіе, по крайней мѣрѣ, трехъ вѣковъ процвѣтала и богатѣла, позволяетъ думать, что налоги не были чрезмѣрно тяжелы.

Бѣдствія послѣднихъ временъ римской Имперіи объясняются иными причинами, чѣмъ непосильный гнетъ налоговъ [1]. Римское правительство держалось въ финансовой области принципа равенства всѣхъ въ отношеніи податей. Его иногда обвиняли въ томъ, что оно освобождало отъ налоговъ высшіе классы; но это невѣрно: если сенаторскій классъ былъ избавленъ отъ нѣкоторыхъ сборовъ, то только потому, что члены его платили другіе, спеціально возложенныя на нихъ и очень тяжелыя подати [2]. Если земельные собственники не несли подушнаго налога, то потому, что платили поземельный, который былъ несравненно выше перваго [3].

Установилось, правило, чтобы всѣ налоги были пропорціональны. Натуральные сборы и обязательныя работы опредѣлялись соотвѣтственно цѣнности собственности плательщика [4]. Промысловый налогъ измѣнялся сообразно размѣру оборотовъ торговца или производителя. Что касается поземельнаго налога, то римское правительство проявляло особенную заботливость, чтобы онъ находился всегда въ точномъ соотношеніи со

[1] См. *E. Levasseur*, De pecuniis publicis, p. 83.

[2] Сенаторское обложеніе, gleba senatoria, колебалось отъ 2 до 8 ливровъ золота, т. е., приблизительно отъ 1500 до 6000 франковъ.—См. *Baudi di Vesme*, p. 28 и *Levasseur*, p. 20.—Сенаторы, кромѣ того, должны были платить aurum oblatitium, равнявшееся въ большинствѣ случаевъ пяти золотымъ монетамъ на человѣка (*Dio Cass.* LXXII, 16; *Symmach.* X, 33, 50; *Cod. Theod* VI, 2,5).

[3] Немногія исключенія относились: 1) къ помѣстьямъ, дарованнымъ ветеранамъ; 2) къ доманіальнымъ землямъ; 3) къ людямъ, безусловно бѣднымъ; 4) къ лицамъ, занимавшимъ нѣкоторыя привилегированныя профессіи, напримѣръ, врачей и профессоровъ права.

[4] *Cod. Theod.* XI, 1, 15; *Cod. Iust.* X, 25,2.

стоимостью земли. Въ часто возобновлявшихся кадастровыхъ описяхъ отмѣчалось качество всякой земли, виды ея продуктовъ, средняя доходность, количество рабочихъ рукъ, употреблявшихся для воздѣлыванія участка, число рабочаго скота, количество плодовыхъ деревьевъ, пространство, занятое виноградникомъ и другими насажденіями [1]. Не слѣдуетъ обманывать себя нѣсколькими декламаторскими фразами двухъ или трехъ писателей. Когда Лактанцій жалуется, что сборщики считаютъ участки земли и деревья [2], онъ порицаетъ то, что наиболѣе заслуживало похвалы. Лучшей заслугою финансоваго управленія въ государствѣ, самымъ драгоцѣннымъ благодѣяніемъ, какого населеніе можетъ ожидать отъ него, всегда будетъ стремленіе съ его стороны поддерживать равенство плательщиковъ въ податной тягости. Въ распоряженіи имперскаго правительства стоялъ цѣлый рядъ агентовъ, распредѣлителей налоговъ, наблюдателей сбора, контролеровъ. Естественно, что населеніе мало симпатизировало всѣмъ этимъ чиновникамъ. Жалобы, выразителями которыхъ являются Сальвіанъ и Лактанцій весьма понятны. Плательщикъ почти въ равной мѣрѣ ненавидитъ того финансоваго чиновника, который освобождаетъ его отъ повинности, какъ и того, который налагаетъ на него подать; однакоже слѣдуетъ сказать по справедливости,

[1] *Hygin.* De limit. const. (p. 205, ed. Lachm): „Praestant pecuniam per soli aestimationem; certa pretia agris constituta sunt, arvi primi, arvi secundi, prati, silvae glandiferae, silvae vulgaris, pascuae; his omnibus vectigal ad modum ubertatis per singula iugera constitutum“.—*Dig.* L, 15, 4: „Forma censuali cavetur, ut agri sic in censum referantur... Arvum quot iugerum sit, vinea quot vites habeat, olivae quot arbores habeant... Si agri portio chasmate perierit, debebit per censitorem relevari; si vites mortuae sint, iniquum eum numerum inseri censui“

[2] *Lactant.* De mortibus persecutorum, 23.

что эти чиновники работали столько-же въ интересахъ населенія, какъ и къ выгодѣ правительства.

Нельзя сказать, чтобы описанная финансовая система была совершенно свободна отъ важныхъ недостатковъ. Самая тщательность, съ которою составлялись писцовыя книги, влекла за собою различныя неудобства. Въ пріемахъ, примѣнявшихся чиновниками, заключалось нѣчто инквизиторское, что должно было оскорблять населеніе. По древнему обычаю римскаго ценза всѣхъ жителей одного города или одного округа собирали при этомъ въ одно мѣсто. Такія перемѣщенія людей и скопленіе ихъ въ опредѣленныхъ пунктахъ производили уже гибельное вліяніе. Далѣе выработано было правило, чтобы плательщикъ самъ объявлялъ цѣнность своего состоянія [1]. Такая форма, по первому взгляду свободная, давала поводъ къ возникновенію споровъ и борьбы между плательщикомъ и сборщикомъ: она побуждала перваго къ обману, второго—къ насилію. Къ тому-же подобныя столкновенія происходили не втайнѣ, за стѣнами какой-нибудь канцеляріи, съ глазу на глазъ; они совершались публично, среди толпы, собравшейся для распредѣленія налоговъ, которая была вся заинтересована исходомъ распри. Подобный способъ дѣлопроизводства обращалъ кадастровую операцію въ настоящую борьбу между населеніемъ и правительствомъ. Не удивительно, что въ такіе дни, какъ говоритъ Лактанцій, воздухъ оглашался звукомъ ударовъ и бряцаніемъ орудій пытки.

Другимъ недостаткомъ этой системы было то,что многіе налоги платились натурою, т. е., въ видѣ провіанта фуража, поставки лошадей или работы, возовъ и вообще средствъ передвиженія. Этотъ родъ поборовъ всегда яв-

[1] Это называлось professio (см. *Digest.* L, 15, 4).

ляется очень тягостнымъ, благодаря большому количеству времени, которое отнимается у плательщика, вслѣдствіе того, что въ привычки его вносится смута, и самъ онъ подвергается притѣсненіямъ [1]. Хотя подданные римскихъ императоровъ всегда сохраняли право жаловаться на чиновниковъ администраціи и постоянно пользовались этимъ правомъ черезъ періодически отправлявшіяся ими въ столицу посольства, можно думать однако, что центральное правительство не имѣло ни времени, ни средствъ обезпечить ихъ болѣе или менѣе удовлетворительно противъ злоупотребленій чиновниковъ властью. Пока правительство было богато, оно еще могло охранять населеніе противъ чрезмѣрнаго усердія своихъ агентовъ; но когда оно впадало въ бѣдность и затрудненія, какъ это часто случалось, оно оказывалось во власти этихъ самыхъ агентовъ, и населеніе неизбѣжно приносилось въ жертву [2]. Самыя справедливыя и свободныя установленія могутъ приводить къ печальнымъ результатамъ. Римское правительство пожелало, чтобы раскладка подати производилась самими плательщиками. Поземельный налогъ, напримѣръ, послѣ того, какъ правительство опредѣлило его цифру для каждой муниципальной общины, распредѣлялся между плательщиками муниципія куріалами, т. е., главными собственниками его территоріи. Равнымъ образомъ, главнѣйшіе торговцы и промышленники извѣстной мѣстности распредѣляли между всѣми остальными промысловый налогъ (*chrysargyrum*). Такой способъ дѣйствія могъ привести къ несправедливостямъ или, по крайней мѣрѣ, дать поводъ думать, что послѣднія совершались, а одно это уже являлось большимъ зломъ. Бѣдные люди могли предполагать, какъ намекаетъ Сальвіанъ, что богатые сговаривались между собою, чтобы взваливать на нихъ наибольшую долю податной тяжести [1].

Наконецъ, взыманіе налоговъ не производилось государственными чиновниками. Каждая муниципальная община или каждая корпорація была обязана сама взымать сборы, падавшіе на ея членовъ, и вносить собранныя суммы высшимъ должностнымъ лицамъ имперской финансовой администраціи [2]. Между тѣмъ, заставлять жителей взыскивать подати съ самихъ себя, несомнѣнно, значитъ сильно увеличить тяжесть послѣднихъ. Невозможно вычислить, сколько такое дѣло вноситъ безпорядка въ существованіе людей и ненависти въ ихъ сердца. Сальвіанъ говоритъ: «сколько куріаловъ, столько тирановъ». Мы можемъ вѣрить этому: куріалы, обязанные преслѣдовать неисправныхъ

[1] Мы видимъ, поэтому, что населеніе не разъ просило о замѣнѣ налоговъ натурою денежными. Григорій Турскій приводитъ примѣръ этого (*Vitae patrum*, II, 1): „Sanctus Illidius obtinuit ab imperatore, ut Arverna civitas, quae tributa in specie triticea ac vinaria dependebat, in auro dissolveret, quia cum gravi labore penui inferebantur imperiali".

[2] Можно найти примѣры у Зосима, IV, 3; IV, 32. Ср. *Ammian. Marcell.* XXX, 5.

[1] *Salv.* De gubernatione Dei, кн. IV и V. Можно видѣть что Сальвіанъ меньше обвиняетъ императорскихъ чиновниковъ, чѣмъ муниципальныхъ магистратовъ (см. выше, стр. 42, прим. 2).

[2] Для этой цѣли каждая курія должна была ежегодно назначать изъ своихъ членовъ сборщиковъ, *susceptores*. Эти сборщики, кромѣ потери времени и различныхъ непріятностей, связанныхъ съ исполненіемъ такой обязанности, отвѣчали имущественно за всѣхъ плательщиковъ, такъ же какъ курія солидарно отвѣчала за своихъ сборщиковъ. См. *Cod. Theod.* XII, 6, De susceptoribus.—Что касается косвенныхъ налоговъ, то обычай отдавать ихъ на откупъ публиканамъ продолжалъ существовать и во времена Имперіи. См. *Orelli*, 3331, ss; *Henzen*, 6652, ss; *Dig.* III, 4, 1; XXXIX, 4, 12; L, 16, 16; *Cod. Theod.* VII, 20, 2; *Cod. Iust.* IV, 61, 11.

плательщиковъ, должны были проявлять тѣмъ болѣе суровости по отношенію къ нимъ, чѣмъ болѣе отвращенія они сами чувствовали къ этому занятію. Кромѣ того, они были отвѣтственны за уплату налоговъ полностью [1]; въ несостоятельномъ сосѣдѣ они поэтому видѣли врага, который разорялъ ихъ. Самою худшею системою взыманія налоговъ является та, которая выполняется самими плательщиками. Токвилль описалъ несчастія сборщиковъ (les collecteurs) XVIII вѣка; этимъ самымъ онъ далъ описаніе и бѣдствій куріаловъ римской Имперіи.

Среди пагубныхъ пріемовъ въ податной системѣ Имперіи надобно указать еще на такъ называемыя *indulgentiae*, т. е., скидки недоимокъ [2]. Установилось обыкновеніе, чтобы каждый императоръ даровалъ такія скидки при вступленіи во власть. Въ области же податного вопроса всякая милость является несправедливостью. *Indulgentia* вознаграждала плохихъ плательщиковъ. Есть основаніе думать, что самыми неаккуратными среди нихъ были вовсе не маленькіе люди, потому что послѣднихъ легко можно было принудить къ уплатѣ, а скорѣе крупные собственники, надъ которыми *exactor* не имѣлъ никакой власти. Такимъ образомъ, дерзкимъ и могущественнымъ магнатамъ давалось въ руки средство вполнѣ или отчасти избавиться отъ уплаты налоговъ: надо было только выпроваживать сборщика, задерживать свои платежи, дождаться новаго царствованія и воспользоваться новою *indulgentia*. Когда читаешь отдѣлы римскихъ законодательныхъ сводовъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о налогахъ, поражаешься ихъ жестокостью и непреклонностью. Но неправильно выводить отсюда заключеніе, что императорское правительство было болѣе алчно и требовательно, чѣмъ правительство древнихъ республикъ или государствъ послѣдующихъ вѣковъ. Подданные римской Имперіи платили, вѣроятно, менѣе налоговъ, чѣмъ Аѳиняне во времена Демосѳена и Англичане теперь. Но императорское правительство не старалось скрыть отъ плательщиковъ повинности, какія оно на нихъ налагало. Ему незнакомы были различныя средства смягчать связанную съ ними горечь и, особенно, самое вѣрное изъ нихъ: предоставить самому населенію вотировать налоги и давать ему отчетъ о томъ, на что послѣдніе употребляются.

[1] См. въ Кодексахъ главу—De susceptoribus.

[2] *Cod. Theod.* XI, 28.

Въ новѣйшихъ государствахъ налоги гораздо болѣе тяжелы, чѣмъ въ римской Имперіи; доля средствъ, которую государство беретъ отъ каждаго частнаго лица,—теперь гораздо значительнѣе; однако-же мы утратили привычку жаловаться. Въ римской Имперіи было наоборотъ. Жалобы на налоги представляли одну изъ любимыхъ литературныхъ темъ. Проклинать ихъ—являлось признакомъ хорошаго тона. Авзоній даже въ одной оффиціальной рѣчи, въ панегирикѣ, съ которымъ онъ, какъ консулъ, обращался къ императору Граціану, сообщаетъ въ изысканныхъ выраженіяхъ, что податные регистры являются сѣтью несправедливостей и что сжечь ихъ—значитъ совершить благое дѣло [1]. Серьезно-ли онъ говорилъ? Совѣтуетъ-ли онъ здѣсь своему воспитаннику уменьшить налоги? Заключается-ли въ его словахъ что-либо иное, кромѣ прекрасно построеннаго въ риторическомъ отношеніи періода? Я не знаю, какъ отвѣтить; я отмѣчаю только, что въ торжественномъ краснорѣчіи того времени допускалось и даже было принято жаловаться на налоги.

[1] *Panegyr. Gratiano*, c. 16, 17 (ed. Schenkl, p. 28).

ГЛАВА IV.

Христіанская Церковь въ ея отношеніяхъ къ императорской власти.

I.

Церковь независима отъ Государства.

Въ теченіе IV-го и V-го вѣковъ, когда императорская власть господствовала надъ всѣми и все подавляла, одно лишь учрежденіе оказалось въ состояніи избѣгнуть подчиненія ей: то была христіанская Церковь. Среди порабощеннаго міра она одна сумѣла остаться свободною. Одинъ великій принципъ спасъ ее въ самой колыбели отъ всеобщаго рабства, утвердившагося кругомъ. Ея основатель провозгласилъ, что надобно воздавать цезарево—Цезарю, божье—Богу. Такое различеніе, которое кажется намъ теперь общеизвѣстною мыслью, тогда являлось совершенно новою и очень смѣлою идеею. Подъ этими словами слѣдовало разумѣть, что религія, смѣшивавшаяся въ предшествующія времена съ государствомъ, отнынѣ становилась независимою отъ него, что судьбы обоихъ уже не могли оставаться связанными, что ни первая, ни второе не должны были въ будущемъ оказывать никакого давленія другъ на друга. Нельзя было выразить съ большею силою и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большею справедливостью, что религія и совѣсть не должны подчиняться общественной власти. Повинуясь такому принципу, христіанское общество въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ не выставляло никакой политической доктрины. Оно не

поддерживало государства и не нападало на него; оно не восхваляло и не осуждало свободы. Правительство, политическая власть, соціальныя реформы, ходъ земныхъ дѣлъ вообще,—все это было ему чуждо и не касалось его. Изъ того, что оно слѣдовало правилу—быть покорнымъ Цезарю, мы не должны заключать о его преданности императорскому строю. Оно совершало актъ повиновенія и ничего болѣе. Оно принимало государство какъ фактъ, противъ котораго не стоило возмущаться. Основою отношенія Церкви къ Государству было равнодушіе.

Въ первоначальную эпоху своего историческаго существованія Церковь стремилась лишь къ одному: она добивалась, чтобы религія не стояла подъ рукою государства. Она сама не хотѣла вліять на государственныя учрежденія, но и обратно: она также не допускала, чтобы на нее распространялся авторитетъ государственной власти. Совѣсть и вѣра являлись для нея внутреннимъ міромъ, который долженъ былъ стоять внѣ всякаго соприкосновенія съ міромъ внѣшнимъ.

Рядомъ съ римскою Имперіей, свѣтскимъ государствомъ, которое жившія тогда поколѣнія называли еще именемъ гражданской общины—*civitas*, возникло, такимъ образомъ, христіанское государство. Рядомъ съ градомъ Цезаря, становился градъ Божій—*civitas Dei*. Христіанство не интересовалось государствомъ императоровъ; но оно требовало, чтобы и императоръ не вмѣшивался въ жизнь христіанскаго царства. Именно, чтобы отстоять эту независимость, христіанство такъ мужественно выдерживало гоненія. Императоры, въ дѣйствительности, преслѣдовали въ немъ лишь принципъ освобожденія, полной независимости въ отношеніи государства, и для спасенія этого принципа

христіанство выдвинуло своихъ мучениковъ. Въ такой борьбѣ каждая битва была для него побѣдою. Римская Имперія со всѣми ея силами не смогла пробить той преграждающей стѣны, которая была воздвигнута христіанскимъ обществомъ между нею и имъ. Въ теченіе трехъ вѣковъ наблюдалось зрѣлище, которое тогда должно было казаться очень необычайнымъ: какъ бы цѣлый народъ, живя внутри Имперіи, сумѣлъ однако уединиться отъ нея; подчиняясь ей, онъ сумѣлъ освободиться отъ нея; сумѣлъ сохранить подъ гнетомъ такого суроваго порядка независимость духа, свой образъ мыслей, свои собственныя учрежденія и правила поведенія, совершенно противоположныя нравамъ гражданскаго общества, которое окружало его со всѣхъ сторонъ. Никогда до тѣхъ поръ не встрѣчалось примѣра такого слабаго могущества правительства надъ подданными, какимъ оказалось безсиліе Имперіи этого времени надъ христіанскимъ обществомъ.

Въ концѣ концовъ при Константинѣ Имперія сама даже оффиціально признала христіанство, и мало-помалу сама приняла его. Но нужно сказать, что это былъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ кризисовъ, черезъ которые суждено было пройти христіанству, такъ какъ государство, сдѣлавшись христіанскимъ, пріобрѣло надъ Церковью гораздо больше силы и власти, чѣмъ пока оно оставалось языческимъ. Доставляя новой религіи свое покровительство, оно могло наложить на нее руку и соблазниться желаніемъ захватить господство на нею. Церковь однако избѣжала этой опасности. Она не потерпѣла, чтобы императоръ занялъ въ ней мѣсто первосвященника, подобно тому какъ онъ былъ великимъ жрецомъ древней религіи. Авторитетъ государей римскаго міра никогда не распространился

надъ вѣроученіемъ Церкви. Правда, они созывали соборы, и имъ всегда принадлежало предсѣдательство, когда они присутствовали на засѣданіяхъ послѣднихъ; но было бы неправильно заключать изъ этого, что они когда бы то ни было обладали хоть малѣйшею властью при рѣшеніи догматическихъ вопросовъ.

Христіанское ученіе оставалось всегда независимымъ отъ государственной власти. Государство обезпечило себѣ лишь два высшихъ права надъ церковною корпораціею: во-первыхъ, никакой соборъ не могъ состояться помимо разрѣшенія свѣтскаго правительства; во-вторыхъ, соборныя постановленія могли быть обнародованы и пріобрѣтали обязательную силу только послѣ утвержденія ихъ императоромъ. Въ этихъ двухъ пунктахъ къ Церкви лишь прилагались основанія общаго права; какъ извѣстно, вообще было принято, что никакое собраніе не могло имѣть мѣста безъ соизволенія власти, и что никакой законодательный актъ не могъ исходить изъ другого источника кромѣ верховной главы государства.

Намъ незачѣмъ говорить здѣсь о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ, къ которымъ прибѣгало императорское правительство, чтобы помѣшать всѣмъ живымъ элементамъ населенія найти пріютъ въ рядахъ христіанскаго духовенства; оно дѣйствительно запрещало военнымъ, куріаламъ, гражданскимъ чиновникамъ дѣлаться священниками безъ спеціальнаго на то дозволенія начальства; но въ этомъ надо видѣть только необходимый противовѣсъ финансовымъ и судебнымъ привилегіямъ, которыми оно пожаловало духовенство, и распространеніе которыхъ выше всякой мѣры оно не могло допустить. Цѣлая особая книга въ кодексѣ Ѳеодосія полна эдиктами императоровъ, относящими-

ся къ Церкви. Почти всѣ, какъ кажется, исходятъ отъ иниціативы самихъ епископовъ. Изъ этого видно, что государство, дѣйствительно, много занималось Церковью, быть можетъ, даже больше, чѣмъ было нужно; но оно занималось ею, только отвѣчая на ея желанія и слѣдуя ея внушеніямъ. Особенно достойно замѣчанія то, что Имперія никогда не пыталась завладѣть правомъ назначенія епископовъ. Въ данной области она уважала правила, установленныя Церковью. Епископы продолжали избираться духовенствомъ и народомъ каждаго города; при этомъ ни изъ законодательныхъ актовъ, ни изъ историческихъ событій не видно, чтобы императорская власть, какъ ни велико было искушеніе, считала себя въ правѣ вмѣшиваться въ избраніе этихъ главныхъ церковныхъ начальниковъ, пользовавшихся тогда большою властью [1].

Такимъ образомъ, христіанская Церковь осталась независимою, не смотря на неизбѣжное покровительство государства, но попала подъ его надзоръ. Свобода, изгнанная отовсюду, нашла пріютъ въ ея стѣнахъ. Потому то Церковь спасла себя отъ того разслабляющаго вліянія, которое производило государство на всѣ учрежденія или стороны жизни. Она сохранила свою энергію; она оставалась живою и дѣятельною, когда все изнемогало. Даже въ періодъ упадка Имперіи она умѣла держаться достаточно въ сторонѣ отъ государ-

[1] Императорскіе законы (см. *Cod. Iust.* I, 3, 42; 48 [4, 48]; *Novell.* VI; CXXIII) начертываютъ правила избранія и не говорятъ ни слова объ утвержденіи императоромъ избранныхъ. Изъ житія св. Германа Оксерскаго видно, что для его избранія въ епископы оказалось нужнымъ просить разрѣшенія префекта преторіи, но это объясняется только тѣмъ, что св. Германъ былъ имперскимъ чиновникомъ. См. *Acta Sanctorum*, 31 іюля.

ства, чтобы нерасположеніе людей къ имперскимъ учрежденіямъ не коснулось ее. Она предохранила себя отъ непопулярности, отъ которой пострадала Имперія, и не допустила завлечь себя въ ея паденіе. Когда Имперія рухнула, Церковь устояла, опираясь на собственную силу; она была вполнѣ готова взять въ свою очередь на себя руководство жизнью общества. Епископы не замедлили занять въ городахъ мѣста среди высшихъ сановниковъ: они съ этихъ поръ засѣдаютъ въ городскихъ совѣтахъ и дѣлаются скоро первыми лицами въ муниципальной администраціи [1].

2.
Вліяніе Имперіи на Церковь.

Говоря объ отношеніяхъ между Церковью и Имперіею, слѣдуетъ однако сдѣлать оговорку, что даже примѣнительно къ христіанскому обществу римское государство не вдохновлялось принципомъ свободы. Оно никогда не провозглашало независимости совѣсти. Право личности, которое оно не признавало ни въ чемъ, самое понятіе котораго даже отсутствовало въ сознаніи императорской администраціи, не могло быть установлено тогда государствомъ даже въ области религіозныхъ вѣрованій. Имперія покровительствовала христіанству, какъ она раньше покровительствовала древнимъ культамъ, т. е. при помощи нетерпимости. Она издавала законы, чтобы заставить людей вѣрить. Въ тотъ день, когда большинство епископовъ объявило себя за аріанство, государство принуждало подданныхъ быть аріанами. Когда аріанство было въ свою очередь осуждено епископскою властью, Θеодосій въ своемъ знаменитомъ законѣ *Cunctos populos* предписалъ всѣмъ

[1] См. выше, въ главѣ о муниципальномъ устройствѣ.

православіе. Наказанія, которымъ подвергались еретики, сдѣланы были болѣе строгими: ссылка стала сопровождаться конфискаціею имущества, потомъ замѣнена была смертною казнью. Система принужденія, которая распространена была всюду дыханіемъ Имперіи, проникла тогда и въ Церковь. Многіе новѣйшіе историки отмѣчали, иногда даже въ преувеличенныхъ размѣрахъ, то вліяніе, которое христіанская Церковь оказывала тогда на управленіе Имперіи и особенно на законодательство. Вліяніе Имперіи на Церковь было не меньше. Какъ только Церковь вступила въ союзъ съ государствомъ, въ ней стало совершаться замѣтное перерожденіе. Свободныя традиціи, господствовавшія въ ней раньше, сразу ослабѣли и скоро исчезли. Христіанское общество почувствовало тотчасъ же стремленіе къ установкѣ неизмѣнныхъ правилъ и абсолютныхъ догматовъ. Вѣроученіе опредѣлилось, сузилось, пріобрѣло обязательную силу. Даже по второстепеннымъ пунктамъ свобода толкованія больше не допускалась. Изслѣдованіе подвергалось осужденію; свободный выборъ религіозныхъ мнѣній подводился подъ понятіе преступленія, и самое слово «ересь» пріобрѣло оскорбительный смыслъ. За отсутствіемъ свободы вѣры, приходилось вѣрить по принужденію. Существуетъ одинъ законъ Юстиніана, который запрещаетъ свѣтскимъ людямъ разсуждать о вопросахъ религіи. Подчиненіе и дисциплина поднялись на степень перворазрядныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Кажется, будто частица души Имперіи перешла въ тѣло Церкви. Воздѣйствіе Имперіи и вліяніе ея традицій и обычаевъ особенно проявились въ образованіи церковной іерархіи. Въ два первые вѣка нашей эры, т. е., въ то время, когда христіанское общество жило въ полнѣйшей незави-

симости и внѣ соприкосновенія съ Имперіей, оно создало себѣ вполнѣ демократическое и республиканское устройство. Оно организовалось почти по образцу древнихъ общинъ и перенесло къ себѣ учрежденія античнаго муниципальнаго строя. Христіане каждаго города составляли особую церковь, ecclesia, т. е. собраніе. Всѣ вѣрующіе занимали въ ней равное положеніе и званіе [1]. Собраніе избирало духовныхъ вождей общины, какъ древніе комиціи избирали своихъ магистратовъ. Эти начальники, называемые старшинами πρεσβύτεροι или надзирателями ἐπίσκοποι, были въ самомъ дѣлѣ простыми магистратами по религіознымъ дѣламъ, и нельзя даже опредѣлить, являлась ли ихъ должность пожизненною и постоянною, или же только срочною. Не они одни обладали правомъ проповѣди и поученія: всѣ вѣрующіе могли учить и проповѣдывать. Такая организація могла соотвѣтствовать положенію первоначальной Церкви; но она измѣнилась, какъ только христіанское общество стало болѣе многочисленнымъ и задача управленія—болѣе трудною.

Съ III вѣка начальники духовныхъ общинъ, то-есть, пресвитеры и епископы, сдѣлались постоянными, несмѣняемыми чинами Церкви; они образовали собою настоящую корпорацію—духовенство, κλῆρος, которое отдѣлилось отъ толпы мірянъ—λάος, то-есть, свѣтскихъ людей и стало отличаться отъ нихъ. Пресвитеры и епископы получили съ тѣхъ поръ священный характеръ и большую власть надъ совѣстью вѣрующихъ [2];

[1] Посланія ап. Петра, 1, 5: „Старцы, иже въ васъ молю, яко старецъ сый... Пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею... ни, яко обладающе причту, но образи бывайте стаду".

[2] Изъ Тертулліана (De baptismo, I,8 1) видно, что міря-

культъ сдѣлался функціею, принадлежащею исключительно имъ; даже проповѣдь и поученіе были предоставлены почти имъ однимъ. Справедливо прибавить, впрочемъ, что духовенство не образовало въ силу этого замкнутой касты. Оно жило среди вѣрующихъ, жило ихъ жизнью. Отъ нихъ получало оно свои должности и свою власть. Священники и епископы избирались мірянами. По отношенію къ религіозному обществу духовенство являлось какъ бы руководящею группою—правительствомъ; но это правительство не выходило изъ какого-либо другого источника, кромѣ самого религіознаго общества. Мало-по-малу внутри этого духовенства установилась іерархія, и авторитетъ церковной власти обозначался все болѣе и болѣе. Епископъ, который долгое время стоялъ наравнѣ со священникомъ, возвысился надъ нимъ [1]. Потомъ

не, которые раньше могли совершать таинства, потеряли это право.

[1] Сначала священники и епископы, какъ кажется, не различались между собою. Ап. Петръ, начертывая обязанности различныхъ категорій христіанъ, отмѣчаетъ лишь πρεσβύτεροι и νεώτεροι, при чемъ послѣдніе соотвѣтствовали тѣмъ, кого позднѣе стали называть мірянами. См. Посланія Петра, I—5.—Ап. Павелъ въ посланіи къ жителямъ Филиппъ обращается ко „всѣмъ святымъ о Христѣ Іисусѣ сущымъ... съ епископы и діаконы“ (Посланіе къ Филипписіямъ, I, 1). Слѣдовательно въ городѣ находилось много епископовъ, которые, очевидно, были лишь священниками. Въ другомъ мѣстѣ Св. Павелъ (къ Тимоѳею, I, 3), говоря о пастыряхъ Церкви, упоминаетъ только епископовъ и діаконовъ; въ Посланіи къ Титу (I, 1—7) тѣже пастыри называются пресвитерами и епископами.—Первоначально епископъ посвящался возложеніемъ рукъ духовенства: „... дарованіе живущее въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества“, „πρεσβυτερίου“. Это слово означаетъ, кажется, простой совѣтъ (Къ Тимоѳею 1, 4, 14).

митрополитъ возвысился надъ простымъ епископомъ. Основаніемъ для этого служило то, что митрополитъ пребывалъ въ главномъ городѣ или митрополіи провинціи [1]. Первенство однихъ городовъ надъ другими повлекло за собою первенство епископскихъ каѳедръ, связанныхъ съ этими городами. Уже въ этомъ пунктѣ видно, что свѣтское общество начало класть свою печать на религіозное. Церковная іерархія незамѣтно слагалась по формѣ административной. Въ силу такого принципа столицы Имперіи должны были стать впереди главныхъ городовъ провинцій, и императоры V-го вѣка рѣшили, чтобы митрополичьи столы Рима и Константинополя главенствовали во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Правда, что учрежденіе этой іерархіи не измѣнило тотчасъ-же управленія Церкви. Сначала первенство не связывалось непремѣнно съ правомъ приказывать, и митрополитъ не имѣлъ никакой власти надъ простымъ епископомъ. Равнымъ образомъ и епископъ не имѣлъ ясно опредѣленной власти надъ пресвитеромъ. Строй христіанскаго общества того времени слѣдуетъ представлять себѣ въ республиканскихъ формахъ. Каждая община (*civitas*) или, какъ тогда говорили, каждая церковь, имѣла своего, выбраннаго ею епископа и свою, также выбранную, группу пресвитеровъ. Епископъ походилъ на магистрата, пресвитеры на сенатъ древнихъ общинъ. Эти старѣйшіе составляли

[1] Чтобы стать митрополитомъ, не надо было раньше пройти черезъ епископатъ. Можно было сдѣлаться имъ сразу. Стать митрополитомъ было не болѣе трудно, чѣмъ получить званіе простого епископа. Митрополитъ имѣлъ преимущество надъ епископомъ единственно лишь потому, что главный городъ провинціи стоялъ выше простой муниципальной общины.

совѣтъ, съ которымъ долженъ былъ совѣщаться епископъ, и безъ котораго онъ не могъ ничего предпринять. Этотъ совѣтъ раздѣлялъ съ нимъ управленіе дѣлами церкви и распоряженіе общимъ имуществомъ, какъ онъ раздѣлялъ съ ними обязанности совершать обряды культа и заботы по отправленію правосудія. Тѣ же правила соблюдались примѣнительно къ цѣлому христіанскому обществу. Разъ дѣло касалось общихъ интересовъ, рѣшеніе принадлежало всегда братіи. Существовали подобныя собранія по діоцезамъ: они состояли изъ священниковъ и происходили подъ предсѣдательствомъ епископовъ. Бывали также провинціальныя собранія, составлявшіяся изъ епископовъ и священниковъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита. Наконецъ, должны быть названы общія собранія Церкви или вселенскіе соборы, состоявшіе изъ епископовъ и предсѣдательствуемые однимъ изъ нихъ. Всѣ эти собранія, состоящія изъ церковныхъ начальниковъ, избранныхъ различными общинами, были по истинѣ представительными собраніями. Такимъ образомъ, христіанское общество управлялось само собою, выливаясь въ формы, въ которыхъ примирялась свобода частей съ единствомъ цѣлаго. Но когда Имперія, сдѣлавшись христіанскою, взяла на себя обязанность оказывать Церкви покровительство и наблюдать за нею, ея духъ проникъ въ Церковь такъ сильно, что все только что описанное ея древнее устройство подверглось существеннымъ измѣненіямъ. Въ ней пріобрѣли господство властные принципы абсолютизма. Пріемы имперской администраціи овладѣли ею. Она все болѣе и болѣе подражала устройству гражданскаго общества. Въ ней подъ вліяніемъ государства укрѣпилась, власть правительства, то-есть, духовной іерархіи. Въ Церкви незамѣтно установилось стремленіе превратить вѣрующихъ въ подданныхъ, епископовъ—въ государей. Имперія толкнула ее на эту наклонную плоскость. Законъ, запрещавшій мірянамъ разсуждать о религіозныхъ вопросахъ и не допускавшій даже никакихъ собраній по такимъ предметамъ [1], соотвѣтствовалъ политическому порядку, воспрещавшему подданнымъ заниматься обсужденіемъ правительственныхъ мѣропріятій. Выше мы сказали, что Имперія не захватила въ свои руки права назначать епископовъ; но она измѣнила правила избранія, приблизивъ ихъ къ политическимъ обычаямъ эпохи. Ей было трудно согласиться, чтобы епископъ избирался толпою вѣрующихъ, то-есть, чтобы церковная власть находила свой источникъ въ волѣ подданныхъ. Не имѣя возможности уничтожить немедленно это старое правило, она, по крайней мѣрѣ, ослабила его: императорское законодательство установило, что населенію каждаго города при епископскихъ выборахъ впредь будетъ принадлежать лишь совѣщательный голосъ; назначеніе же епископа будетъ производиться другими епископами и митрополитомъ провинціи. Въ концѣ концовъ народъ сохранилъ лишь право называть трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ митрополитъ выбиралъ одного [2]. Такимъ способомъ церковные порядки были въ извѣстной степени согласованы съ господствующимъ въ политическомъ обществѣ принципомъ, по которому власть исходила всегда свыше и подданные принуждались покоряться ей.

Благодаря поддержкѣ Имперіи и воздѣйствію ея учрежденій, епископатъ рѣшительнымъ образомъ возвысился надъ пресвитеріатомъ. Онъ пріобрѣлъ настоя-

[1] *Cod. Theod.* XVI, 4, 2, 3.

[2] Это правило, кажется, не вошло въ обычай въ Галліи.

щую власть, нѣчто въ родѣ *imperium'а*. Дѣйствительно, въ это время ему были предоставлены три прерогативы, которыми онъ не обладалъ до тѣхъ поръ. Прежде всего, епископъ пріобрѣлъ неограниченную власть надъ священниками, которые отнынѣ стали назначаться и отрѣшаться по его произволу [1]. Во-вторыхъ, за нимъ однимъ сохранено теперь право юрисдикціи, то-есть, теперь онъ долженъ былъ судить единолично и отъ своего имени, тогда какъ раньше онъ это дѣлалъ при участіи вѣрующихъ и священниковъ. Наконецъ, онъ сдѣлался единственнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ имущества каждой церкви и ея доходовъ; въ этомъ отношеніи незамѣтно совершился переворотъ, въ силу котораго земли церковныхъ общинъ мало-по-малу стали превращаться въ епископскія, такъ же какъ въ государственномъ управленіи *ager publicus* сдѣлался предметомъ собственности императорскаго фиска. Что касается представительной системы, какъ будто крѣпко утвердившейся въ Церкви, то имперское правительство старалось ослабить, а потомъ уничтожить ее. Корпорація священниковъ потеряла значеніе независимаго совѣта при епископѣ. Какъ всякій имперскій чиновникъ, епископъ видѣлъ кругомъ себя только подчиненныхъ. Низшіе чины лишились права контроля надъ дѣйствіями высшихъ въ религіозномъ обществѣ совершенно такъ же, какъ въ гражданскомъ. Епископъ сталъ всемогущимъ господиномъ своего духовенства, равно какъ духовенство пріобрѣло всемогущество надъ мірянами. Каждая церковь монархически управлялась высокимъ духовнымъ са-

[1] *Cod. Th.* XVI, 2, 39 (408 г.): „Quemcumque clericorum indignum officio suo episcopus indicaverit et ab eccelesiae ministerio segregaverit“.

новникомъ. Митрополиты получили право надзора надъ простыми епископами совершенно такъ же, какъ въ административномъ строѣ чиновники высшаго званія пользовались такимъ правомъ надъ низшими. Если Имперія не провела дальше монархическій принципъ въ устройствѣ Церкви, если она не даровала главенства въ управленіи ею римскому первосвященнику или константинопольскому патріарху, то только потому, что это не соотвѣтствовало интересамъ самого государства. Такимъ образомъ, для всего христіанскаго міра сохраненъ былъ федеративный порядокъ съ системой епископскихъ соборовъ, но внутри каждой діоцезы установленъ былъ монархическій строй и привились формы абсолютнаго властвованія. Христіанство стало федераціей церковныхъ сановниковъ, изъ которыхъ каждый былъ государемъ въ своей церкви.

Такъ произошло, что, когда императорская власть исчезла, христіанская Церковь носила на себѣ образъ и подобіе учрежденій Имперіи и уже восприняла многіе элементы ея духа. Черезъ Церковь политическія традиціи и административныя привычки римской Имперіи перешли къ послѣдующимъ поколѣніямъ.

ГЛАВА V.

Императоры не переставали укрѣплять право собственности.

Нельзя составить себѣ точнаго понятія и правильнаго сужденія о какомъ-нибудь государственномъ порядкѣ, если не разсмотришь, каково было его отношеніе къ правамъ личностей и, въ особенности, къ праву собственности, которое является основаніемъ и самымъ прочнымъ обезпеченіемъ всѣхъ другихъ правъ.

Надобно, поэтому, изслѣдовать, каково было во времена римской Имперіи положеніе земельной собственности, и опредѣлить, на какіе принципы опиралось тогда землевладѣніе.

Если мы бросимъ взглядъ на древнѣйшее гражданское право города Рима въ томъ видѣ, въ какомъ оно передано намъ юристами временъ Антониновъ, у насъ прежде всего явится мысль, что оно почти совсѣмъ устраняло частную собственность. Дѣйствительно, мы читаемъ у нихъ, что право владѣнія на началахъ полной собственности, признавалось лишь за римскимъ гражданиномъ, и что оно прилагалось лишь къ землѣ, также чисто римской, то-есть, лежавшей въ тѣсныхъ предѣлахъ исконной территоріи Рима. Старое постановленіе публичнаго права требовало отобранія собственности у покоренныхъ народовъ; ставшій подданнымъ не могъ оставаться собственникомъ: завоеваніе разбивало всякую законную связь между человѣческой личностью и землею. Въ силу такого правила провинціальная земля (подъ этимъ именемъ подразумѣвалась покоренная территорія) не должна была имѣть иного собственника кромѣ римскаго государства; она вся въ полномъ составѣ обращалась въ государственное владѣніе, *ager publicus*. Поэтому, юристы совершенно отчетливо говорили: «Собственность на провинціальную землю принадлежитъ или римскому государству, или императору; частные люди обладаютъ лишь правомъ владѣнія и пользованія ею» [1].

[1] *Gaius*, II, 7: „In provinciali solo dominium populi Romani est vel Caesaris; nos possessionem tantum et usumfructum habere videmur". — Надобно, впрочемъ, понимать этотъ текстъ лишь съ оговорками и ограниченіями. Ср. первый томъ настоящаго сочиненія—„Римская Галлія", стр. 337, пр. 5.

Это правовое положеніе относится не къ эпохѣ паденія Имперіи, а происходитъ отъ римской Республики. Оно стоитъ въ связи съ первобытнымъ публичнымъ правомъ Италіи и Греціи. Если бы оно прилагалось во всей полнотѣ, надо было бы думать, что Галлы, какъ всѣ побѣжденные, потеряли всякое право на свою землю, и что частная собственность исчезла тогда въ большей части обитаемой земли.

Но такое суровое правило не могло на практикѣ обойтись безъ значительнаго смягченія. Нѣкоторые народы вошли въ римскую Имперію какъ союзники, а не какъ подданные; они, слѣдовательно, сохранили право собственности на свои земли [1]. Другіе позже достигли того, что называлось «италійскимъ правомъ», то-есть, также права полной частной собственности [2]. Это италійское право мало по малу стало прилагаться ко многимъ территоріямъ, расположеннымъ на провинціальной почвѣ [3]. Такимъ образомъ произошло что понятіе «провинціальной земли», печальное положеніе которой отмѣчается юристами, все болѣе и болѣе суживалось, а сфера частной собственности незамѣтно вновь расширялась, захватывая пространство, которое у нея было отнято завоеваніемъ.

Въ то же время производилась переработка стараго права, и десять поколѣній юристовъ, магистра-

[1] См. *Lex Antonia de Termessibus* и *Lex vulgo dicta Thoria* (*C. I. L.* I). Ср. *Cicer.* In Rullum, I, 4: „Excipit in vendendis agris eos agros, de quibus cautum sit foedere". Цицеронъ же (Pro Flacco, 32) указываетъ, что въ провинціяхъ могли находиться „praedia, quae haberent ius civile, quae mancipi essent".

[2] *Ius italicum* опредѣляло вовсе не положеніе личности, а прилагалось именно къ землѣ. См. *Ch. Giraud*, Recherches sur le droit de propriété chez les Romains. p. 295.

[3] *Plin.* Hist. nat. III, 3, 25.—*Dig.* L, 15.

товъ, императоровъ, государственныхъ дѣятелей безъ перерыва занимались изысканіемъ средствъ, какъ упрочить за владѣльцами провинціальной земли всѣ гарантіи, въ которыхъ имъ отказывало старое гражданское право [1].

У насъ есть, впрочемъ, доказательство того, что частная собственность даже съ самаго начала не была уничтожена въ Галліи послѣ утвержденія римскаго господства. Римскіе историки отмѣтили какъ замѣчательный фактъ, что уже первый императоръ Августъ производилъ цензъ въ Галліи [2].

Было бы большимъ заблужденіемъ полагать, что здѣсь подразумѣвается лишь административно-финансовая операція, подобная той, которая теперь называется народною переписью или кадастромъ. То, что римскій языкъ обозначалъ именемъ ценза, прилагалось спеціально и исключительно къ описямъ именно частной собственности. Занести землю въ регистры ценза значило легально констатировать, что эта земля не принадлежитъ государству, а является помѣстьемъ, принадлежащимъ какой-нибудь семьѣ частныхъ людей.

Внесеніе въ цензъ служило основаніемъ вещнаго права [3]. Такимъ образомъ цензъ, совершенный Августомъ въ Галліи, приводилъ къ двоякому результату: имъ устанавливалось основаніе для раскладки поземельной подати, и онъ въ то же время обезпечивалъ владѣльцамъ полную и неограниченную собственность на ихъ земли [1].

[1] Во времена Республики установлено было строгое различіе между полною гражданскою собственностью—*ius Quiritium*—и простымъ владѣніемъ. Это различіе исчезло незамѣтнымъ образомъ въ эпоху Имперіи. Сохраняясь еще въ текстахъ юрисконсультовъ, оно мало-по-малу перестало существовать на практикѣ.

[2] *Liv.* Epist. 134.—*Dio Cass.* LIII, 22.

[3] Старый римскій *census* захватывалъ лишь такъ называемыя *res mancipi*; то, что не являлось предметомъ полной и безраздѣльной собственности, не могло попадать въ его списки. См. *Cicer.* Pro Flacco, 32: „At haec praedia in censu dedicavisti; illud quaero, sintne ista praedia censui censendo? habeant ius civile? sint, necne, mancipi? subsignari apud aerarium, apud censorem possint?“—Продолженіе текста ясно обнаруживаетъ, что имущества, объявленныя для ценза, послѣ того, какъ они принимались цензорами и вносились въ оффиціальные регистры, признавались находящимися въ полной собственности частнаго лица.

Указанное право собственности никогда не оспаривалось у нихъ впослѣдствіи. Писатели императорской эпохи, рисующіе намъ картину обычаевъ и соціальнаго быта, которая находилась передъ ихъ глазами, ясно обнаруживаютъ, что земли, расположенныя въ провинціяхъ передавались, продавались, завѣщались съ полною свободою и на прочныхъ началахъ, и что землевладѣльцы считали себя тамъ настолько же полными собственниками, какъ если бы они пользовались старымъ правомъ квиритовъ. Въ теченіе всего разсматриваемаго пятивѣкового періода мы не находимъ жалобъ или вообще такихъ выраженій, въ которыхъ сказывалось бы сожалѣніе объ упадкѣ полнаго наслѣдственнаго права собственности, и нельзя найти ни одной провинціи, гдѣ бы оно дѣйствительно исчезло. Эпиграфическіе памятники открываютъ намъ, наоборотъ, во всѣхъ частяхъ римскаго міра, большое число семействъ, недвижимое богатство которыхъ поддержи-

[1] Ср. *Liber coloniarum*, ed. Lachmann, p. 239. — См. еще о значеніи ценза *Cassiodor.* Var. III, 52.—Измѣненіе, произведенное цензомъ Августа, въ провинціальномъ землевладѣніи, не было правильно оцѣнено современными историками. Имъ главнымъ образомъ объясняется то расположеніе къ императорскому строю, которое высказывалось въ провинціяхъ.

валось въ теченіе всей эпохи Имперіи, и послѣдовательныя поколѣнія которыхъ, смѣняя другъ друга, жили на одной и той же, принадлежавшей имъ землѣ.

Политика императорскаго правительства далеко не была враждебна частной собственности. Злоупотребленіе конфискаціями, въ которомъ можно упрекнуть Имперію, какъ и вообще всѣ античныя государства, вытекало скорѣе изъ суровости уголовныхъ законовъ, чѣмъ изъ политическаго разсчета Цезарей или постояннаго желанія ихъ захватить въ свои руки возможно больше территоріальнаго богатства. Нельзя найти ни одного намека, чтобы правительство Цезарей хотѣло стѣснить право индивидуальной собственности на недвижимости, предоставляя самому себѣ нѣчто въ родѣ права верховнаго распоряженія ими; всѣ мѣропріятія императоровъ и всѣ ихъ законодательные акты противорѣчатъ предположенію о подобномъ притязаніи съ ихъ стороны [1]. Кодексы постоянно упоминаютъ о классѣ собственниковъ (*domini*); форма легальной связи этихъ людей съ землею опредѣляется въ законахъ двумя равно выразительными терминами: *dominium* и *proprietas* [2]. Императоры безчисленное множество разъ повторяютъ, что личность имѣетъ право на землю. Наслѣдственность владѣнія признается безспорною. Не ставилось никакихъ препятствій для продажи, завѣщанія и даренія земли. Государство не присваивало себѣ никакой привилегіи въ области распоряженія землею [3].

[1] Мы возвратимся къ этому вопросу въ началѣ четвертаго тома настоящаго сочиненія.

[2] Въ послѣдніе вѣка Имперіи слово *possessio* получило тотъ же смыслъ, что и эти два выраженія.

[3] *Cod. Iust.* VII, 25: „Sit plenissimus et legitimus quisque pominus"

Правда, государственныя владѣнія были огромны, но они могли отчуждаться. Путемъ продажи они постоянно обращались въ частную собственность. Если насъ поражаютъ нѣкоторые законы, въ которыхъ императорскій фискъ выставляется алчнымъ и цѣпкимъ въ захватѣ земель по судебнымъ приговорамъ, то наряду съ ними существуетъ много другихъ законовъ, указывающихъ, съ какою легкостью онъ выпускалъ недвижимыя имущества изъ своихъ рукъ. Драгоцѣнный сборникъ римскихъ землемѣровъ—*agrimensores*—часто отмѣчаетъ земли фиска, которыя уступались частнымъ лицамъ и никогда не отбирались назадъ [1]. Когда изучаешь исторію римской Имперіи, невозможно пользоваться статистическимъ методомъ; тѣмъ не менѣе, вѣроятно предположить, что, несмотря на конфискаціи, государственныя владѣнія все уменьшались, а частная собственность въ теченіе пяти вѣковъ, наоборотъ, все возрастала.

Пріемомъ, очень часто примѣнявшимся императорами и превосходно характеризующимъ ихъ традиціонную политику, являлось основаніе колоній. Количество послѣднихъ было неисчислимо; онѣ покрыли собою Италію и провинціи. Но эти колоніи не имѣли ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ, что мы теперь обозначаемъ этимъ именемъ. Онѣ были совершенною противоположностью эмиграціи населенія въ чужія края. Основать колонію значило тогда—общественную землю обратить въ частную собственность. Раздавалась ли земля ветеранамъ или римскимъ гражданамъ, оставлялась ли она, какъ это часто случалось, за тѣми, кто занималъ ее до тѣхъ поръ безъ опредѣленнаго права только на

[1] *Agrimensores seu Gromatici veteres*, ed. Lachmann. См. въ особенности стр. 20, 54, 111, 163, 284.

томъ основаніи, что самъ ее распахалъ, учрежденіе колоніи вводило всегда полноправную частную земельную собственность въ ту мѣстность, гдѣ оно совершалось. Это было мѣропріятіе, аналогичное тому, какое пытается нынѣ проводить въ Алжирѣ французское правительство, желая обратить въ личную собственность землю, находящуюся до сихъ поръ въ общинномъ владѣніи арабскихъ племенъ [1].

Римское правительство всегда производило актъ основанія колоній съ особенною заботливостью. Для каждой изъ нихъ издавался законъ, утверждавшій съ тою опредѣленностью, тайна которой извѣстна была однимъ римскимъ законодателямъ, что земля, которая принадлежала раньше государству, обращается въ частную собственность и вслѣдствіе этого освобождается отъ всякихъ повинностей по отношенію къ государству и можетъ свободно передаваться въ другія руки путемъ завѣщанія, продажи и даренія[2].

Чтобы закрѣпить за колоніальною почвою такой новый характеръ, правительство римскихъ императоровъ не считало достаточною силу одного гражданскаго закона и потому прибѣгало еще къ посредничеству религіи. Когда наступалъ назначенный для основанія колоніи день, являлись на мѣсто *agrimensores*. Эти оффиціальные межевщики носили почти жреческій характеръ, по крайней мѣрѣ, они являлись преемниками служителей древняго культа земельной собственности и

[1] *Lex dicta Thoria*: „Ex publico facere privatum". — *Cicer.* In Rullum, II, 25: „Omnibus legibus agris publicis privatos esse deductos".—*Hygin.* (ed. Lachmann, p. 117): „Divisi et assignati agri sunt, qui veteranis aliisve personis dati sunt aut redditi".—См. *Libri coloniarum*, ibidem.

[2] См. Lex Aemilia Roscia, въ *Gromatici veteres*, ed. Lachmann, p. 263. Ср. *Ibid.* p. 11, 169, 201, 215, 224, 233.

блюстителями старыхъ обрядовъ. Они начертывали на землѣ священныя линіи, какъ учили древнія преданія; затѣмъ, призвавъ боговъ въ свидѣтели, они дѣлили землю на правильные участки [1]. При этомъ не требовалось, чтобы участки были равны между собою, но признавалось необходимымъ, чтобы они были размежеваны сообразно издревле установленному ритуалу и заключены въ предѣлы священныхъ линій. На границахъ каждаго участка, въ опредѣленныхъ пунктахъ врывались въ землю «пограничные знаки» (*termini*); эти межевые камни или стволы деревьевъ считались предметами, освященными религіей, образами, почитавшимися какъ божественныя существа. Имъ приносились ежегодныя жертвоприношенія, къ нимъ обращались съ молитвами; считалось большимъ нечестіемъ коснуться ихъ сошникомъ, и римское законодательство карало такое преступленіе суровыми наказаніями.

Есть основаніе думать, что во времена Имперіи религія бога Термина не сохраняла уже своего древняго могущества, но все же она жила еще въ глубинѣ души людей той эпохи, и императорское правительство разбудило это чувство для установленія или упроченія права собственности.

Когда участки земли были такимъ образомъ отмѣчены печатью религіи, надобно было распредѣлить ихъ между новыми собственниками по жребію. Можно сомнѣваться въ томъ, что это правило было установлено изъ желанія обезпечить равенство при раздѣлѣ, такъ какъ извѣстно, что участки не были равны, и что они находились въ соотвѣтствіи съ званіемъ или

[1] *Hygin.* p. 113: „Mensura peracta, sortes dividi debent".

положеніемъ каждаго колониста (*colonus*) [1]. Метаніе жребія было древнимъ обычаемъ, который всегда примѣнялся населеніемъ Греціи и Италіи при надѣленіи землею, и безъ котораго утвержденіе частной собственности казалось невозможнымъ. Древнія вѣрованія приписывали этому акту нѣкоторое чудесное свойство: на него смотрѣли какъ на способъ получить выраженіе божественной воли. Земля, участки которой назначались человѣку жребіемъ, казались ему дарованными самими богами. Съ этихъ поръ между человѣкомъ и полученной имъ землей навсегда устанавливалась священная связь. Право собственности дѣлалось такимъ образомъ совершенно неоспоримымъ.

Въ изучаемую нами эпоху подобныя мысли уже не занимали больше мѣста въ умахъ философовъ и юристовъ, но онѣ жили еще въ умахъ простого народа. На народномъ языкѣ выраженіе «держать по жребію» означало—«владѣть на правахъ собственности». Когда хотѣли сказать, что человѣкъ, просто занимающій землю, становился, въ силу законнаго права, ея собственникомъ, говорили, что онъ владѣетъ землею, не благодаря захвату, а по жребію, «*ex occupatione tenebat in sorte*» [2]. Это слово—*sors*, символизирующее выразительнѣе всякаго другого внутренній, святой союзъ между землею и семьею, живущею на ней, употреблялось на разговорномъ языкѣ въ смыслѣ вотчины или наслѣдственнаго владѣнія [3].

[1] *Siculus Flaccus*, ed. Lachmann, p. 156: „Non omnibus aequaliter datus, sed secundum gradum militiae“.—*Hygin.* ibidem, p. 176: „Modus agri pro portione officii dabatur“.

[2] Libri coloniarum, см. *Gromatici*, ed. Lachmann, p. 231.

[3] „Sors patrimonium significat“, говоритъ грамматикъ Фестъ.—Титъ Ливій употребляетъ то же слово въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія.—Ср. *Cod. Theod.* XI, I, 15: „Unusquisque annonarias species pro modo sortium praestiturus“.—Греческое слово κλῆρος совершенно совпадаетъ со словомъ *sors*. Оба они употреблялись для обозначенія земли, которою человѣкъ владѣетъ на правахъ полной наслѣдственной собственности.

Послѣ того, какъ священныя книги оказывались начертанными, термины поставленными, участки земли зачисленными за каждой отдѣльной семьей, составлялся планъ подѣленной указаннымъ образомъ земли; пограничныя линіи каждаго поля изображались на пергаментѣ или на мѣдной доскѣ. Изготовлялось два экземпляра этого плана, изъ которыхъ одинъ сохранялся въ архивѣ муниципальной общины, возникавшей въ центрѣ колоніальной земли, другой—въ правительственномъ римскомъ архивѣ [1]. Двѣ различныя по своей природѣ власти наблюдали за поддержаніемъ этой отнынѣ неотъемлемой собственности: одною изъ нихъ была вліятельная корпорація землемѣровъ [2], другою — группа чиновниковъ государства, дѣйствовавшихъ по совѣтамъ юрисконсультовъ.

Разсмотрѣнныя правила имперской администраціи, конечно, не соотвѣтствовали тому, что предприняло бы правительство, которое имѣло бы въ виду захватить въ свои руки владѣніе всѣми землями, или которое претендовало бы, по крайней мѣрѣ,

[1] *Siculus Flaccus*, p. 154: „Omnium agrorum et divisorum et assignatorum formas et divisionem et commentarios principatus in sanctuario habet“.—*Liber coloniarum*, p. 239: „Balbus mensor, temporibus Augusti, omnium provinciarum et formas et mensuras compertas in commentariis contulit“.—*Dig.* XLVIII, 13, 8 (6): „Qui tabulam aeream formam agrorum continentem refixerit vel quid inde immutaverit“.

[2] О важномъ значеніи этой корпораціи во времена Имперіи см. *Ch. Giraud*, Recherches sur le droit de propriété, p. 134—136.—Ср. о роли агримензоровъ въ Испаніи *Hübner*, Corp. inscr. lat. II, 1598.

на установленіе въ свою пользу верховнаго права надъ ними. Недостаточно даже утверждать, что частная собственность не ослабѣла въ теченіе пяти вѣковъ существованія Имперіи; можно прибавить, что она укрѣпилась: она распространилась пространственно и пустила глубокіе корни въ тѣхъ странахъ, гдѣ до римскаго завоеванія основы ея не были еще твердо установлены.

Римскіе обычаи, касающіеся земельной собственности, такъ прочно утвердились въ Галліи, что мы находимъ ихъ тамъ неразрушенными еще въ средніе вѣка. Корпорація землемѣровъ продолжала существовать при короляхъ меровингской династіи [1]. Термины которые римское правительство повелѣло нѣкогда водрузить въ землю, часто упоминаются въ актахъ завѣщаній или дареній, совершавшихся въ Галліи, въ въ VII вѣкѣ [2]. Наконецъ, на языкѣ средневѣковой Галліи слово *sors* долго сохранялось для обозначенія наслѣдсвенной собственности.

ГЛАВА VI.

Различные классы общества въ римской Имперіи. Рабы.

Соціальныя различія, господствовавшія во Франціи до 1789 года, гораздо старѣе феодальнаго порядка. Въ настоящей главѣ намъ надо изслѣдовать, какъ опредѣлялись эти различія въ римской Имперіи. Впослѣдствіи мы разсмотримъ, очень-ли видоизмѣнилась соціальная группировка въ послѣдующіе вѣка. Перенесемся мысленно въ половину IV вѣка христіанской эры, въ періодъ времени между царствованіями Константина и Θеодосія, и перечислимъ различные классы населенія Имперіи, начиная съ самыхъ низшихъ и восходя постепенно до высшихъ.

[1] *Ch. Giraud*, Recherches sur le droit de propriété, p. 139, 155; Histoire du Droit français, p. 256.—*Ducange*, Glossarium, слово „Forma". *Baluze*, Capitularia, t. I, p. 123, 158 и t. II, p. 294. — Ср. Bibliothèque de l'Ecole des chartes", t. I, p. 246.

[2] *Diplomata*, № 341, 370. *Hincmar*, Vita S. Remigii, 49.

1.

Положеніе рабовъ.

Рабство было присуще всѣмъ древнимъ обществамъ. Оно не зависѣло отъ политическихъ учрежденій и формъ государственнаго устройства. Оно было одинаково крѣпко при господствѣ деспотизма и свободы, въ аристократическихъ и демократическихъ обществахъ.

Въ сознаніи древнихъ жила для насъ уже чуждая мысль, что такое же право собственности, какое примѣнялось къ движимостямъ, животнымъ и земельнымъ владѣніямъ, могло также простираться и на человѣческія личности.

Изъ этой-то мысли должны мы исходить, если хотимъ понять древнее рабство и всѣ учрежденія, происшедшія отъ него.

Рабъ по существу являлся человѣкомъ, который вмѣсто того, чтобы принадлежать самому себѣ, подчиненъ праву собственности другого человѣка, *dominio alterius subicitur* [1].

Въ латинскомъ языкѣ, на которомъ говорила римская Галлія, власть господина надъ рабомъ обо-

[1] *Florentin. Dig.* I, 5, 4: „Servitus est constitutio iuris gentium, quo quis domino alieno subicitur". *Institut.* I, 3. — *Marcian. Dig.* I, 5. 5: „Servi in dominium nostrum rediguntur".

значалась словомъ *dominium* или *potestas*, — и мы встрѣтимъ опять этотъ терминъ въ послѣдующіе вѣка [1]. Господинъ раба назывался *dominus*, и то же самое выраженіе служило наименованіемъ владѣльцевъ земли. Раба называли *servus* или *mancipium*, а такъ въ древнѣйшемъ латинскомъ языкѣ обозначалась самая собственность и особенно—земельная [2].

Такая терминологія ясно свидѣтельствуетъ, что рабъ являлся объектомъ собственности по преимуществу. Совокупность рабовъ, принадлежавшихъ одному господину, называлась *familia* [3]. Не думаемъ, чтобы употребленіе этого термина обнаруживало существованіе въ самомъ отношеніи между господиномъ и рабомъ какого-нибудь нравственнаго или гуманнаго элемента. Слово *familia* равно какъ *famulus*, въ первоначальномъ правовомъ языкѣ примѣнялось, собствено, къ обозначенію не спеціально жены и дѣтей, а всей совокупности движимаго и недвижимаго имущества какого-нибудь лица [4]. Тѣ же самыя правила,

[1] *Paul.* Dig. L, 16, 215: „Potestas est in persona servi dominium“.—*Gaius*, Dig. I, 6, 1: „Servi sunt in potestate dominorum“.

[2] См. примѣры, хорошо выясняющіе смыслъ этого слова, у Цицерона, Ad familiares, VII, 29; Pro Caecina, 26.—Ср. *Lucret.* „De natura rerum, III, 975, гдѣ понятіе *mancipium*, (т. е. полной собственности) противополагается понятію *usufructus* (т. е. пользованія плодами). Извѣстно, что въ древнемъ правѣ рабъ представлялъ собою *res mancipi*, какъ земельное имущество и рабочіе волы.

[3] *Cicer.* Pro Caecina, 19: „Emere familiam“.—*Paul.* Sententiae, III, 5· „Domino occiso, de ea familia quaestio habenda est“.—*Ulp.* Dig. L, 16, 195, § 3: „Servitutium solemus appellare familias, ut in edicto praetoris... Interdicto Unde vi familiae appellatio omnes servos comprehendit“.

[4] *Ulp.* Dig. L, 16, 195: „Familiae appellatio qualiter accipiatur videamus; nam et in res et in personas deducitur“.—Въ выраженіи—

которыя опредѣляли право собственности на землю, формулировали также право собственности на раба. Онъ, какъ и земля, передавался по наслѣдству отъ отца къ сыну, отъ родственника къ родственнику. Онъ могъ быть завѣщанъ, отданъ въ приданое или проданъ. Продажа раба производилась совершенно такъ же, какъ и продажа земли. По древнему праву она могла состояться лишь съ соблюденіемъ формальности *mancipatio*, въ эпоху же, занимающую насъ, было достаточно одной *traditio*.

Господинъ имѣлъ надъ рабомъ по принципу и по праву такую же власть, какъ и надъ всякимъ другимъ предметомъ движимой или недвижимой собственности. Онъ могъ одолжить его на время, отдать внаймы его, или правильнѣе, его трудъ (*operas*), или доставляемые имъ доходы (*mercedes*). Рабъ могъ быть уступленъ въ пользованіе [1], а также и заложенъ [2]. Однимъ словомъ, всѣ операціи, которыя

„actio familiae erciscundae“ (*Cic.* De oratore, I, 56 и *Ulp.* Dig. X, 2, 2) слово—familia означаетъ совокупность имущества. Точно таково же его значеніе въ слѣдующемъ законѣ Двѣнадцати Таблицъ: „Agnatus proximus familiam habeto“ (цитировано Ульпіаномъ, Fragmenta, XXVI, 1); то же самое повторяется еще въ словѣ *pater familias*, которое могло прилагаться къ людямъ, не имѣвшимъ ни жены, ни дѣтей, ни родственниковъ. См. выраженія „familiae emptor“ (*Gaius*. II, 105 и *Ulpian*. XX, 7); „vendere familiam (*Gaius*, II, 109).—См. еще у Тита Ливія (III, 55) одну древнюю формулу: „Eius caput Iovi sacrum esset, familia ad aedem Cereris venum iret“. Замѣтимъ, наконецъ, что Діонисій Галикарнасскій (VI, 89) переводитъ въ этой же формулѣ familia словами τὰ χρήματα.

[1] *Gaius*, Dig. VII, 7, 3 и 4: „In hominis usufructu operae sunt et ob operas mercedes. Fructus hominis consistit... in operis servorum“.—*Cod. Iust.* VII, 15: „Proprietarius, servo cuius ususfructus ad alium pertinet“.

[2] *Cod. Iust.* IV, 24, 11: „Si titulo pignoris obligasti mancipio“.—

могли быть произведены съ недвижимостью, осуществлялись свободно и надъ рабомъ. О бѣжавшемъ рабѣ говорили, что онъ совершилъ кражу, такъ какъ онъ похищалъ у господина собственную личность [1]. Поэтому господинъ пользовался по отношенію къ нему правомъ преслѣдованія [2].

Убившій чужого раба выплачивалъ его стоимость господину на такихъ же основаніяхъ, какъ онъ вознаградилъ бы владѣльца за потерю всякаго другого имущества [3]. Взамѣнъ этого, господинъ былъ отвѣтственъ за преступленія его раба, причинявшія ущербъ третьему лицу [4]. Если рабъ совершалъ преступленіе по приказанію своего господина, то преслѣдованію подвергался послѣдній,—рабъ же объявлялся невиновнымъ [5].

Одинъ и тотъ же рабъ могъ принадлежать одному господину на правахъ собственности, другому на правахъ пользованія. *Dig*. XI, 12, 23.—*Fragmentum Dosithei*, 11, edit. *Huschke*, p. 408 (p. 429).—*Ulpian*. Fragmenta, I, 19.

[1] *Cod. Iust*. VI, 1, 1: „Servum fugitivum sui furtum facere“.

[2] См. *Dig*. XI, 4: „De fugitivis“. — Ср. *Cod. Iust*. VI, 1, 2: „Requirendi fugitivos potestatem, fieri dominis praesidalis officii est“.— *Cod. Iust*. VI, 1, 3 (lex Constantini): „Si fugitivi, servi deprehendantur ad barbaricum transeuntes, aut pede amputato debilitentur aut metallo dentur“.

[3] *Lex Aquilia*, Dig. IX, 2, 2: „Qui servum alienum vel pecudem iniuria occiderit, quanti id in eo anno plurimi fuit tantum aes dare domino damnas esto“. — Ср. *Gaius*, III, 210 — 222.—*Dig*. IX, 2, 3.

[4] *Cod. Iust*. III, 41, 4.—*Dig*. XI, 1, 12: „Servus, qui plagium admisit, pro quo dominus paenam intulit“.

[5] *Ulp*. Dig. IX, 4, 2: „Servum nihil deliquisse, qui domino iubenti obtemperavit... Dominus, qui non prohibuit, hac actione tenetur. Si servus sciente domino occidit, in solidum dominum obligat; ipse enim videtur dominus occidisse; si autem insciente, noxalis est, nec enim debuit ex maleficio servi in plus teneri, quam ut noxae eum dedat“.

Въ старомъ правѣ господинъ пользовался неограниченною юрисдикціей по отношенію къ своему рабу. Императорское законодательство не отняло у него этого права цѣликомъ. Оно лишь стѣснило его, отнявъ у господина власть осуждать раба на смерть [1].

Рабъ не имѣлъ никакихъ гражданскихъ правъ. Юрисконсульты учили, что каково бы ни было его естественное равенство съ другими людьми, съ точки зрѣнія права онъ являлся ничѣмъ. Чувство, выгода, философія, религія могли предписывать хорошее обращеніе съ нимъ, право же не давало ему ничего; юридически рабъ не былъ личностью. Однако, мы ошибемся, если будемъ думать, что рабъ разсматривался въ римской древности только какъ вьючное животное или какъ неодушевленный предметъ. Слово *res*, часто прилагавшееся къ нему въ правовомъ языкѣ, означало вообще объектъ собственности. Ни одно древнее общество не отказывалось смотрѣть на раба какъ на человѣческое существо. Римляне не сомнѣвались, что у раба есть душа, такъ какъ этотъ самый рабъ принималъ участіе въ семей-

[1] Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что ius vitae necisque не давало свободы убивать по капризу, а являлось правомъ приговаривать виновнаго раба къ смертной казни. Нѣкогда господинъ пользовался такой компетенціею: „Apud omnes gentes animadvertere possumus dominis in servos vitae necisque potestatem esse“, говоритъ Гай (*Institut*. I, 52); и онъ добавляетъ (*Ibid*. I, 53): „Sed hoc tempore non licet supra modum et sine causa in servos sævire; nam ex constitutione imperatoris Antonini, qui sine causa servum suum occiderit, non minus teneri iubetur, quam qui alienum servum occiderit“. Въ этомъ текстѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на слова *sine causa*, изъ которыхъ вытекаетъ, что въ случаѣ важной причины господинъ могъ убить своего раба.—*Spartian*. Hadrianus 18: „Servos a dominis occidi vetuit, eosque iussi damnari per iudices si digni essent“.

ныхъ религіозныхъ обрядахъ, читалъ молитвы вмѣстѣ съ господиномъ, имѣлъ даже свои особые священные праздники. Всякій зналъ, что было нравственно обязательно помогать, покровительствовать ему, заботиться о немъ въ его болѣзняхъ; если Катонъ рекомендовалъ какъ хорошее экономическое правило продавать рабовъ, прежде чѣмъ они состарятся, то именно потому, что онъ признавалъ обязанность кормить раба, даже сдѣлавшагося дряхлымъ и безполезнымъ. Въ то же время считалось неоспоримымъ фактомъ, что право собственности могло проявляться по отношенію къ рабу такъ же полно, какъ и по отношенію къ неодушевленному предмету. Рабъ, какъ и его господинъ, былъ человѣкомъ, но человѣкомъ своего господина.

Наиболѣе характернымъ признакомъ рабскаго состоянія было то, что рабъ, являясь членомъ семейства, не былъ членомъ общины. Онъ никогда не составлялъ части политическаго организма, называемаго древними «народомъ». Государство его не касалось, и онъ не существовалъ для государства. Съ одной стороны государство или община ничего не требовало отъ раба; военная служба на него никогда не возлагалась; онъ не платилъ также налоговъ, но съ другой стороны, государство не оказывало рабу покровительства, не предлагало ему никакой защиты противъ притѣсненій его господина или противъ оскорбленій посторонняго лица. Не существовало законовъ, которые стояли бы за или противъ него [1]. Государство

[1] *Dig.* IV, 5, 3: „Servile caput nullum ius habet". — XLVIII, 10, 7: „Servi neque iure civili neque praetorio computantur". — Таковъ также смыслъ слѣдующей фразы Ульпіана (*Dig.* L, 17, 32): „Quod attinet ad ius civile, servi pro nullis habentur; non tamen et iure naturali, quia, quod ad ius naturale attinet, omnes homines aequales sunt". — Такое различіе положенія раба въ жизни и въ правѣ объясняетъ изреченіе Плавта — „Tam homo sum quam tu" (*Plaut.* Asin. v. 472), а также слова Цицерона—(*De officiis*, I, 13) и Сенеки (*Epistolae*, 31) въ пользу раба; отсюда же понимается фактъ участія раба въ религіозныхъ празднествахъ, допускавшагося даже язычествомъ (*Cato*, de re rustica, 5; 140).—*Cicer.* De legibus, II, 8 и 12. *Macrob.* Saturnal. I, 7). Но все это не имѣло никакого отношенія къ праву.

не требовало отчета въ его дѣйствіяхъ, и лишь въ послѣднія времена жизни древнихъ обществъ рабъ за извѣстныя дѣянія могъ преслѣдоваться и караться непосредственно общественною властью. Онъ не могъ также просить правосудія государства въ случаѣ, если становился жертвою насилія. Онъ не являлся предъ судебнымъ трибуналомъ въ качествѣ свидѣтеля [1]. Если онъ совершалъ преступленіе, лицомъ, отвѣтственнымъ предъ юстиціей, былъ его господинъ [2]. Если преступленіе совершалось по отношенію къ нему самому, господинъ подавалъ жалобу и получалъ удовлетвореніе. Эти постановленія стараго римскаго права повторяются въ законодательствѣ всѣхъ древнихъ обществъ. Естественнымъ послѣдствіемъ ихъ было то, что государство не могло быть судьею раба, и послѣдній по необходимости судился «дома», т. е. предъ три-

[1] Раба могли призвать предъ судебный трибуналъ, но онъ не считался за testis.—См. *Dig.* XXII, 5; *Cod. Iust.* IV, 20.

[2] *Gaius*, IV, 77: „Si servus tuus noxam commiserit, tecum est actio".—Господинъ могъ освободиться отъ отвѣтственности, выдавъ своего раба потерпѣвшей сторонѣ. См. *Iust.* Instit. IV, 8: „Ex maleficiis servorum noxales actiones proditae sunt, quibus domino damnato permittitur aut litis aestimationem sufferre aut hominem noxae dedere". Ср. *Gaius*, IV, 75.—Въ случаѣ преступленій или проступковъ, входящихъ въ категорію *iudicia publica*, рабъ подлежалъ правосудію государства и наказывался лично (*Dig.* XLVIII, 19).

ционаломъ господина. Въ такомъ смыслѣ и говорили, что господинъ имѣлъ надъ нимъ право жизни и смерти. Это означало, повторяю, не то, что господинъ могъ убить раба по произволу, но то, что онъ долженъ былъ наказывать его за проступки, и наказаніе могло простираться до осужденія на смерть. Тою же самою властью, которою магистратъ пользовался надъ гражданиномъ, господинъ пользовался надъ рабомъ.

Рабъ не обладалъ гражданскими правами по той причинѣ, что онъ не считался членомъ общины. У древнихъ положеніе лица въ семьѣ было тѣсно связано съ положеніемъ его въ гражданской общинѣ. Рабъ, не пользовавшійся гражданскими правами, былъ лишенъ также и семейныхъ. Для него не существовало брака, признаннаго закономъ; въ глазахъ юрисконсультовъ онъ не могъ быть ни мужемъ, ни отцомъ. Его сыновья принадлежали не ему, а его господину; его жена была не супругою (*uxor*), а наложницею (*contubernalis*) [1]. Она обыкновенно назначалась ему господиномъ; родившееся потомство не считалось его законными дѣтьми (*liberi iusti*); вслѣдствіе этого дѣти рабовъ слѣдовали за матерью, а не за отцомъ а потому въ случаѣ союза между женщиной рабыней и свободнымъ мужчиной—дѣти рождались рабами. Это правило не было измышленіемъ жестокости господъ.

[1] Колумелла (I, 8) говоритъ по поводу управляющаго (*vilicus*), который выбирался обыкновенно изъ рабовъ: „Qualicunque vilico contubernalis mulier assignanda est". *Orelli*, 2807 2826, 2835, 2838.—Ср. *Edictum aedilitium*, въ Дигестахъ XXXIII, 7, 12; XL, 5, 41. — Однако, разговорный языкъ, менѣе строгій, чѣмъ текстъ права, называлъ иногда подругу раба — uxor; это слово употреблено даже разъ Ульпіаномъ, (см. *Dig.* XXXIII, 7, 12, § 7 и 33): „Contubernales servorum, id est uxores") и Павломъ (*Sententiae*, III, 6, 38).

Оно естественно проистекало изъ того понятія о бракѣ, которое составили себѣ тогда люди, и изъ признававшейся послѣдними невозможности настоящаго брака съ рабыней [1].

Для раба не существовало также права собственности. Юрисконсульты учатъ, что рабъ не можетъ владѣть имуществомъ [2]. Дѣйствительно, какъ будетъ владѣть тотъ, кто самъ находится во владѣніи? [3]. То, что имъ такъ или иначе пріобрѣтается, увеличиваетъ лишь собственность его господина [4].

Правда, изъ Дигестъ и Кодексовъ мы видимъ, что раба можно было назначить наслѣдникомъ. Но мы должны освѣтить практическое значеніе подобныхъ актовъ правиломъ, что все пріобрѣтаемое рабомъ, пріобрѣталось его господиномъ [5]. Подобнаго рода наслѣдованія были лишь допускавшіяся закономъ фикціи [6].

[1] Принципъ формулировался здѣсь такъ: „In potestate nostra sunt liberi nostri, quos ex iustis nuptiis procreavimus" (*Gaius*, Dig. I, 6, 3).—„Cum legitimae nuptiae factae sunt, patrem liberi sequuntur; vulgo quaesitus matrem sequitur" (*Celsus*, Dig. I, 5, 19). *Ulp.* Dig. I, 5, 24).—Между рабыней и свободнымъ человѣкомъ никогда не могло быть законнаго брака (*iustae nuptiae*). *Ulpian.* V, 9: „Cum connubia non sint, partus sequitur matrem". — *Dig.* IV, 2, 12: „Partus ancillarum et fetus pecorum et fructus restitui oportet".

[2] *Ulp.* Dig. L, 16, 182: „Servus bona habere non potest".

[3] *Ibid.* L, 16, 118: „Cum possideatur, possidere non videtur".

[4] *Cod. Iust.* VII, 15, 1, § 2: „Plenissimum ius habeat in servo proprietarius et omnia ei servus adquirat, secundum ea quæ generaliter in servos et dominos constituta sunt".

[5] *Gaius*, Dig. I, 6, 1: „Quodcumque per servum adquiritur, id domino adquiritur". — См. примѣръ этого въ Дигестахъ (XXXVIII, 2, 50): „Servum suum iussit adire hereditatem, quam retinet".

[6] *Gaius*, Institut. II, 153 — 154: „Necessarius heres est servu

Рабу, открывалась, правда, возможность фактически владѣть извѣстными цѣнностями и употреблять ихъ въ свою пользу. Но такое рабское имущество не обозначалось названіемъ *dominium*, или *proprietas*, или *bona*, а носило спеціальное наименованіе *peculium*. Вотъ три правила, прилагавшіяся къ такому «пекулію» раба:

1. Пекулій существовалъ лишь съ разрѣшенія господина и составлялся лишь изъ того, что господинъ желалъ въ него включить [1]. Слѣдовательно, тутъ не можетъ идти рѣчь о деньгахъ, заработанныхъ безъ вѣдома господина, а тѣмъ болѣе къ ущербу его дохода. Но могло случиться, что господинъ позволялъ своему рабу работать на сторонѣ, напримѣръ, въ качествѣ ремесленника либо врача; или же онъ поручалъ ему держать лавочку; въ принципѣ онъ сохранялъ право на всю его выручку; но онъ могъ при этомъ находить справедливымъ или выгоднымъ для себя оставлять рабу долю прибыли: все, что господинъ снималъ со счетовъ, представляемыхъ ему рабомъ, и образовывало пекулій послѣдняго [2].

cum libertate heres institutus... Qui facultates suas suspectas habet, solet servum primo aut secundo vel etiam ulteriore gradu liberum et heredem instituere, ut si creditoribus satis non fiat, potius huius heredis quam ipsius testatoris bona veneant, id est ut ignominia potius heredem quam testatorem contingat".—Здѣсь не мѣсто разсматривать различные случаи, когда могло происходить такое завѣщаніе наслѣдства въ пользу раба; см. *Accarias*, Droit romain, t. I, p. 827—830 (3 ed.).

[1] *Ulp.* Dig. XV, I, 5: „Peculium Tubero sic definit, ut Celsus refert, quod servus domini permissu habet".—*Pomponius*, Dig. XV, I, 4: „Ex his apparet non quid servus ignorante domino habuerit peculii esse, sed quid volente".

[2] Таковъ смыслъ слѣдующей фразы Помпонія (въ Дигестахъ, XV, I, 4): „Peculii est non id cuius servus seorsum a domino rationem habuerit, sed quod dominus ipse separaverit suam a servi rationem discernens".

Этотъ пекулій иногда могъ быть довольно значительнымъ; онъ состоялъ изъ крупныхъ денежныхъ суммъ, если рабъ открывалъ, напримѣръ, мѣняльную контору (*mensa*); онъ заключалъ въ себѣ иногда различныя движимости, лошадей, даже другихъ рабовъ; онъ могъ состоять также изъ земли; но самое возникновеніе пекулія должно было происходить съ вѣдома господина, и онъ существовалъ лишь по его волѣ.

2. Господинъ могъ во всякій моментъ отобрать у раба пекулій или часть его [1]. Для этого не требовалось, чтобы рабъ совершилъ проступокъ, или чтобы господинъ разорился. Достаточно было одного простого желанія послѣдняго. Онъ могъ взять его, чтобы заплатить свои долги [2]. Когда господинъ путемъ ли продажи или отпущенія на волю [3] разставался съ рабомъ, онъ могъ по своему произволу оставить ему его пекулій или сохранить его для себя. Такимъ образомъ, каковъ бы то ни былъ мотивъ, по которому рабъ выходилъ изъ дома господина, онъ могъ взять свой пекулій только въ томъ случаѣ, когда господинъ на то соглашался. Господинъ завѣщалъ своихъ рабовъ съ ихъ пекуліемъ, или безъ него [4]. Мы ясно видимъ принципъ, внушавшій все это: господинъ являлся настоящимъ владѣльцемъ пекулія раба.

[1] *Pomponius*, ibid: „Cum servi peculium totum adimere vel minuere dominus possit".

[2] *Dig.* XV, I, 4, § 5: „Si aere alieno dominico exhauriatur peculium servi".

[3] *Scaevol.* Dig. XXXIX, 5, 35.

[4] *Dig.* XXI, 2, 5; XXXIII, 7, 20, § 3; XXXIII, 8: „De peculio legato". *Cod. Iust.* VII, 23, I: „Nisi specialiter fuerit datum peculium, penes successorem remanere".

3. Третье правило пользованія пекуліемъ—естественное слѣдствіе двухъ предшествующихъ — состояло въ томъ, что рабъ, умирая, не могъ располагать своимъ практическимъ имуществомъ по завѣщанію, которое вообще было ему запрещено. Онъ не могъ даже оставить пекулія своимъ дѣтямъ или родственникамъ: рабъ не имѣлъ наслѣдниковъ[1]. Пекулій въ цѣлости возвращался господину[2]. Надо еще замѣтить, что онъ поступалъ въ руки господина не въ качествѣ наслѣдства: вы никогда не увидите, чтобы господинъ являлся въ роли наслѣдника своего раба. Онъ получалъ пекулій обратно просто потому, что это имущество не переставало быть его собственностью.

Указанныя правила показываютъ, что и во времена Имперіи никто даже не помышлялъ объ уничтоженіи рабства. Нужно, впрочемъ, сказать, что нравы и законы, философія и религія дружно содѣйствовали его смягченію. Но въ настоящей связи намъ приходится разбирать одни законы. Они провозгласили, что господинъ не будетъ больше пользоваться судебными правами надъ рабомъ въ области уголовныхъ преступленій, и что въ такихъ случаяхъ онъ будетъ обязанъ передать раба въ руки общественнаго правосудія. Кромѣ того, законъ прибавлялъ, что господинъ, который окажется слишкомъ суровымъ по отношенію къ своему рабу, будетъ присужденъ закономъ продать его[3]. Въ силу такого счастливаго нововведенія государственная власть стала покровительницею раба. Если послѣдній искалъ пріюта у статуи императора, онъ находилъ тамъ неприкосновенность. Императоръ Клавдій постановилъ, что господинъ, покидавшій своего больного раба, терялъ надъ нимъ всякое право. Антонинъ объявилъ, что хозяинъ, умертвившій своего собственнаго раба будетъ наказываться такъ же, какъ за убійство чужого. Константинъ пошелъ еще дальше: онъ назначилъ убійцѣ раба наказаніе, равное тому, которое налагалось на убійцу свободнаго человѣка[1]. Въ то же время онъ запретилъ разлучать при продажѣ рабовъ мужа съ женою и дѣтей съ родителями, какъ бы признавая за ними семейное право.

[1] *Cod. Iust.* VI, 59, 4: „Servus successores habere non potest“.

[2] См. всю главу въ Дигестахъ (XV, 1),—De peculio; Ср. *Cod. Iust.* IV, 26.

[3] *Spartian.* Hadr. 18; *Gaius.* 1, 53; *Digest.* I, 6, 2. — Изъ одного текста Дигестъ (V, 1, 53) видно, что рабу въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшалось вчинать искъ противъ господина, напримѣръ, „si suppressas tabulas testamenti dicant, in quibus libertatem sibi relictam adseverant“, или „si suis nummis redemptos se et non manumissos contra placiti fidem adseverent“.

2.

Сельскіе рабы (servi rustici)[2].

Главнымъ назначеніемъ раба въ римскомъ обществѣ являлась обработка земли. Въ римской Имперіи, правда, существовала еще мелкая собственность, обрабатывавшаяся самими владѣльцами, но большая часть

[1] *Cod. Iust.* IX, 14. Ср. *Wallon,* Histoire de l'esclavage, t. III.— Дальнѣйшія судьбы рабства послѣ варварскихъ нашествій будутъ прослѣжены въ четвертомъ томѣ настоящаго сочиненія.

[2] Мы очень подробно изучаемъ соціальное положеніе *servi rustici* въ работѣ о римскомъ колонатѣ. См. *Recherches sur quelques problèmes d'histoire,* p. 54 et ss. Мы возвратимся къ этому же вопросу при изученіи организаціи римской *villa* въ четвертомъ томѣ настоящаго сочиненія. [Изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа „О римскомъ Колонатѣ“ будетъ переведено въ приложеніи къ IV т. наст. соч. *Прим. ред.*].

земель была организована въ крупныя имѣнья, которыя эксплуатировались главнымъ образомъ руками рабовъ.

Изъ сочиненій Катона, Варрона и Колумеллы[1], можно составить понятіе о томъ, чѣмъ было сельское помѣстье, называвшееся по латыни *villa* и сохранившее это имя въ средніе вѣка. Строенія, которыя возводились въ ея предѣлахъ, распадались, обыкновенно, на три отдѣлявшіяся одна отъ другой группы. Прежде всего надо отмѣтить домъ, гдѣ жилъ владѣлецъ, его семья и люди, предназначенные на личное услуженіе ему (дворовые). На второмъ мѣстѣ стояло жилище рабовъ, выдѣленныхъ для обработки земли[2].

Третья группа сельскихъ построекъ заключала службы, риги, амбары, скотные дворы. Вокругъ усадьбы разстилались поля, составлявшія территорію помѣстья даннаго владѣльца, охваченныя межевою линіею, которая обозначалась «терминами», или священными знаками границъ.

Все необходимое для хозяйственной эксплуатаціи помѣстья объединялось подъ названіемъ инвентаря имѣнья (*instrumentum fundi*); подъ это выраженіе

[1] *Varro*, De re rustica, I, 11—23. *Colum.* I, 4; 6; XII, 2.

[2] Надо замѣтить, что жилище господина обыкновенно называлось *pars urbana*, другія постройки—*pars rustica*; рабы, связанные съ личностью господина, означались словами *servi urbani*; рабы же, предназначенные къ полевому труду назывались *servi rustici*. См. *Cod. Theod.* IX, 42, 7: „In praediis mancipia urbana et rustica".—То же самое различеніе, выраженное въ тѣхъ же терминахъ, встрѣчаемъ еще въ актахъ, составленныхъ въ Галліи въ VIII вѣкѣ.

подводились три категоріи существъ или предметовъ: 1) рабы, 2) скотъ и 3) орудія[1].

Болѣе или менѣе значительная группа рабовъ являлась, стало быть, совершенно необходимымъ элементомъ римскаго сельскаго хозяйства. Многочисленныя данныя въ источникахъ открываютъ намъ возможность изучить ихъ положеніе: безъ всякаго сомнѣнія, съ ними обращались какъ съ людьми, но именно, какъ съ такими людьми, которые должны производить много, а стоить мало. Ихъ кормили соразмѣрно работѣ, которую надѣялись отъ нихъ получить. Въ каждой *villa* находилась обыкновенно подземная тюрьма (*ergastulum*), куда запирали рабовъ въ наказаніе за ихъ проступки. Самые непокорные изъ нихъ работали съ оковами на ногахъ, чтобы бѣгство для нихъ было невозможно[2]. Рабами распоряжались особые начальники по назначенію господина; это были: *vilicus*, завѣдывавшій работами; *cellarius*, на которомъ лежало попеченіе о продовольствіи; *actor* или *procurator*, который велъ счеты, выполнялъ покупки и продажи, вообще являлся экономическимъ повѣреннымъ господина и въ случаѣ надобности былъ его представителемъ передъ правосудіемъ.

Всѣ указанные основные элементы крупной сельской собственности, какъ они обозначаются изъ чтенія писателей первыхъ временъ Имперіи, сохраняются и въ средніе вѣка.

Въ римскомъ обществѣ сельскіе рабы находились въ одинаковомъ юридическомъ положеніи, какъ и рабы домашніе или дворовые (иначе городскіе). Они

[1] *Varro*, De re rustica, 1, 17: „Tres partes instrumenti, genus vocale et semivocale et mutum; vocale, in quo sunt servi".

[2] *Colum.* I, 6; I, 8; XI, 1. *Iuvenal.* Sat. 14.

были въ полномъ распоряженіи господина; ихъ можно было перемѣщать и продавать. То, что впослѣдствіи будетъ называться «рабствомъ землѣ» (т. е. крѣпостничествомъ), не существовало еще въ изучаемую нами эпоху. Сельскіе рабы были связаны тогда гораздо больше съ господиномъ, чѣмъ съ землей.

Однако, постепенно естественнымъ образомъ устанавливалась привычка считать ихъ привязанными къ землѣ. Они вносились въ списки ценза, то-есть, въ писцовыя книги, опредѣлявшія подать, какъ неотъемлемая составная часть помѣстья, и послѣ этого уже трудно было отдѣлить ихъ отъ почвы. Ихъ продавали съ нею и перестали продавать безъ нея[1]. Юристы III вѣка разъясняютъ, что когда въ актѣ о продажѣ указывалось, что отчуждается «устроенное помѣстье», эта формула означала, что въ составѣ принадлежавшаго ему инвентаря подразумѣвались и рабы[2].

То, что первоначально предписывалось лишь установившимся обычаями, въ концѣ концовъ было предписано законами. Съ IV вѣка, императоры опредѣленно запретили продавать сельскихъ рабовъ безъ земли или землю безъ нихъ[3].

Такъ мало по малу произошло, что рабъ сталъ принадлежать болѣе землѣ, чѣмъ личности господина; можно было назвать его «рабомъ земли». Трудно оцѣнить, смягчило ли въ общемъ или ухудшило это

[1] Одно письмо Плинія (III, 19) показываетъ, насколько падала стоимость помѣстья, если его продавали безъ рабовъ.

[2] *Paul.* Sententiae, III, 6, §§ 42—58. — *Dig.* XXXIII, 7, 27: „Fundum Titio, ita ut est instructus, cum omnibus rebus et mancipiis dari volo“.

[3] *Cod. Iust.* XI, 47 (48), 7 (Lex Valent. et Gratian.): „Rusticos censitosque servos absque terra vendi non licet... tanti servi transeant quanti apud superiores dominos manserunt“.

измѣненіе его судьбу. Но несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ онъ уже не былъ подчиненъ такъ безусловно, какъ раньше, капризной волѣ отдѣльнаго человѣка. Будучи прикрѣпленъ къ землѣ, онъ получалъ обезпеченное мѣсто жительства, землю, къ которой онъ постепенно привыкалъ, и къ которой могъ привязаться, какъ къ собственной. Что особенно важно, онъ пріобрѣлъ семью, онъ уже зналъ, кто его отецъ; происшедшіе отъ него дѣти считались его потомствомъ; вслѣдъ за установленіемъ въ пользу раба наслѣдственности происхожденія и привязанностей, неизбѣжно пришлось, мало по малу, предоставить ему и наслѣдственность имущества. Такимъ образомъ, всѣ хозяйственныя и нравственныя условія его существованія, оказались перерожденными.

ГЛАВА VII

Вольноотпущенники.[1]

I

Различные способы освобожденія.

Отпущеніе на волю было актомъ, благодаря которому рабъ ставился внѣ власти господина—„*mittebatur manu et potestate*“[2]—и такимъ образомъ переставалъ быть рабомъ.

Этотъ актъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, могъ быть совершаемъ лишь господиномъ[3].

[1] Ср. *Lemonnier*, Condition privée des affranchis (P. 1887).

[2] Таковъ смыслъ слова „manumittere“. *Ulp.* Dig. 1, 1, 4: „Est autem manumissio de manu missio: nam quamdiu quis in servitute est, manui et potestati suppositus est, et manu missus liberatur potestate“.

[3] Я оставляю въ сторонѣ особые и рѣдкіе случаи, какъ, на-

Рабъ не имѣлъ никакихъ средствъ достигнуть свободы самъ по себѣ, и по своему собственному праву. Иногда мы видимъ, что онъ вручалъ господину деньги за свое освобожденіе [1]; но нельзя на основаніи этого предполагать, что существовало формальное право покупать свободу, и что господинъ былъ въ извѣстныхъ случаяхъ обязанъ продавать ее рабу. Даже и тутъ раба дѣлала свободнымъ не внесенная сумма, а воля господина [2]. Въ началѣ V вѣка законы допускали нѣсколько способовъ отпущенія на волю, между которыми господинъ могъ выбирать.

примѣръ, тотъ, когда рабъ по какимъ-нибудь соображеніямъ освобождался общественною властью, и когда стоимость его выплачивалась господину изъ казны (см. *Liv.* XXXII, 26. *Cod. Iust.* VII, 13, 2), или еще тотъ, когда рабъ избавлялся судомъ отъ власти господина за слишкомъ жестокое обращеніе съ нимъ или за то, что онъ былъ брошенъ имъ во время болѣзни (*Digest.* XI, 8, 2). Въ общемъ правилѣ согласіе или желаніе господина были необходимы для освобожденія; такъ Сцевола (Fragm. 7) говоритъ: „Debet propositum manumittendi habere dominus; si per vim coactus manumiserit, non veniet servus ad libertatem, qui non intelligitur voluisse, qui coactus manumisit“.

[1] Таковъ, напримѣръ, рабъ—глазной врачъ (medicus ocularius), который велѣлъ вырѣзать на своей могилѣ, что онъ отдалъ 5000 сестерцій за свое освобожденіе (*Orelli*, 2983).

[2] Право не признавало между господиномъ и его рабомъ ни договора о продажѣ, ни какихъ-либо иныхъ легальныхъ сдѣлокъ; кромѣ того, рабъ ничѣмъ не владѣлъ на правахъ собственности, и его peculium по точному смыслу закона вполнѣ принадлежалъ господину. — Это не мѣшало тому, что на практикѣ освобожденіе часто являлось послѣдствіемъ извѣстнаго рода выкупа; господинъ предоставлялъ рабу случай заработать деньги и затѣмъ, взамѣнъ этихъ денегъ, давалъ ему свободу. Впрочемъ, этотъ видъ освобожденія производился всегда косвеннымъ путемъ: считалось, что третье лицо покупаетъ раба съ условіемъ дать ему свободу. См. *Digest.* II, 4, 40.

Прежде всего онъ могъ освободить раба простымъ, словеснымъ заявленіемъ. Не обращаясь къ общественной власти, не выходя изъ своего дома, онъ собиралъ нѣсколькихъ свидѣтелей изъ числа личныхъ друзей и въ ихъ присутствіи говорилъ рабу: впредь будь свободенъ (*liber esto*). Юрисконсульты называли подобное освобожденіе—*manumissio inter amicos* [1].

Господинъ могъ освободить раба еще посредствомъ письменнаго акта. Онъ обращался къ самому рабу съ письмомъ, въ которомъ говорилъ: «я хочу, чтобы ты былъ свободенъ» или: «будь свободенъ по моему желанію». Это было — *manumissio epistola* [2]. Еще удобнѣе господинъ могъ освободить раба по завѣщанію. Онъ тогда писалъ въ немъ: «Я желаю, чтобы такой-то рабъ былъ свободенъ», или: «Я прошу моего наслѣдника освободить такого-то раба». Первая изъ двухъ приведенныхъ формулъ заключала прямое освобожденіе, вторая — освобожденіе по порученію (*fideicommissaria libertas*). И въ первомъ, и во второмъ случаѣ это было—„*manumissio testamento*“ [3].

[1] *Ulp.* Fragmenta, I, 10: „Liberti, qui non legitime inter amicos manumissi sunt“; I, 18: „Si inter amicos eum manumiserit, plerisque placet eum nihil egisse“.—*Gaius*, Institut. I, 41: „Inter amicos manumittere“—*Paul.* Sententiae, IV, 12, 2: „Inter amicos manumittere non prohibentur“.—*Plin.* Epist. VII, 16: „Quos proxime inter amicos manumisisti“.

[2] *Cervidius Scaev.* Fragm. 15, ed. *Huschke*, p. 409 (430): „Mulier... potest manumittere... tutore auctoritatem accommodante eo tempore, quo epistola scribitur servo a domino.—*Paul.* Sententiae, IV, 12, 2: „Mutus et surdus... per epistolam manumittere non prohibentur“. Позже Юстиніанъ сталъ требовать, чтобы письмо было подписано пятью свидѣтелями (*Cod. Iust.* VII, 6, 1, § 1).

[3] *Instit.* I, 5: „Manumissio procedit... aut per epistulam aut per testamentum aut aliam quamlibet ultimam voluntatem“.—*Orelli-Henzen*, 4353, 7321.—*Digest.* XL, 4, De manumissis testamento, fr. 4:

Господинъ могъ еще освободить раба при помощи особой формы судебнаго иска—*per vindictam*. Издавна и въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ этотъ видъ освобожденія совершался въ видѣ процесса. Рабъ приводился господиномъ въ трибуналъ магистрата во время присутствія. Въ то же время являлось третье лицо и утверждало, что этотъ рабъ не былъ рабомъ, а былъ свободнымъ человѣкомъ. Господинъ или признавалъ, что *assertor* говоритъ правду, или, по крайней мѣрѣ, хранилъ молчаніе, не опровергая его. Тогда магистратъ, какъ судья, провозглашалъ, что человѣкъ, о которомъ шелъ споръ, свободенъ [1]. Мало

„Si quis ita scripserit: Stichus liber esto".—*Ibidem*, fr. 9 et 10: „Si quis liber esse iussus est".—*Paul.* Sententiae, IV, 14: „Testamento manumitti... hoc modo: Stichus liber esto... Liberum esse volo". — *Ulp.* II, 7: „Libertas et directo potest dari hoc modo: Liber esto, liber sit, liberum esse iubeo, et per fideicommissum ut puta: Rogo, fidei committo heredis mei, ut Stichum servum manumittat". — *Digest.* XL, 4, 35: „Posse servis dari testamento directam libertatem". — *Ibidem*, 59: „Puram et directam libertatem domini sui testamento Stichus acceperat".—О *fideicommissaria libertas*, см. XL, 4, fr. 5; 40, 43, и всю главу 5 —De fideicommissariis libertatibus. Ср. *Corpus inscriptionum latinarum*, t. II, p. 317, n° 2265: „Manumissus ex testamento". Объ освобожденіи по завѣщанію и посредствомъ письма послѣ нашествія варваровъ, см. IV т. настоящаго сочиненія.

[1] Древнія формы «виндикты» обнаруживаются кое-гдѣ въ источникахъ. Гай (*Dig.* XL, 2, 7) говоритъ объ освобожденіи „pro tribunali", какъ о древнемъ правилѣ. Ульпіанъ (*Ibidem*, 8) намекаетъ на обычное присутствіе при этомъ ликторовъ магистрата; Гермогеніанъ (*Ibidem*, 23) вспоминаетъ „verba solemnia", то-есть, сакраментальныя слова, которыя должны были здѣсь произноситься.—Ср. *Boethius*, Ad Ciceronis Topica, 2: „Vindicta est virgula, quam lictor (господинъ, желавшій освободить своего раба, обыкновенно бралъ въ качествѣ assertor libertatis именно ликтора магистрата) manumittendi servi capiti imponens, eumdem servum in libertatem vindicabat, dicens quaedam verba solemnia".—

по малу формы этого фиктивнаго процесса смягчались и упрощались [1]; но при его примѣненіи навсегда сохранились двѣ характерныя черты: во-первыхъ, присутствіе магистрата, во-вторыхъ, наличность настоящаго оффиціальнаго постановленія. Консулъ, преторъ, провинціальный намѣстникъ или его замѣститель [2] объявляли, какъ по судебному приговору, что рабъ становился свободенъ [3]. Это-то постановленіе и да-

Festus, De verborum significatione, p. 148: „Cum cuipiam adseratmanum, educendi eius gratia ex servitute in libertatem, vocatur adsertor".—Всѣ подробности этого фиктивнаго процесса объясняются сближеніемъ съ дѣйствительнымъ процессомъ, называемымъ „liberalis causa". *Gaius*, IV, 16: „Qui vindicabat, festucam tenebat, deinde adprehendebat hominem et ita dicebat: Hunc ego hominem ex iure Quiritium meum esse aio".—Ср. *Cod. Iust.* VII, 16, и *Asconius*, In Cornelianam, edit. Orelli, p. 63.

[1] Такъ, условіе „pro tribunali" перестаетъ быть обязательнымъ. *Gaius*, *Dig.* XV, 2, 7: „Non est necesse pro tribunali manumittere: plerumque in transitu servi manumitti solent, cum aut lavandi aut gestandi aut ludorum gratia prodierit praetor aut proconsul". *Ulp.* ibid. 8: „In villa... (sine lictoribus)"...—См. примѣръ у Плинія, Epistolae VII, 16.—Установился обычай замѣщать магистрата его ликторами. *Hermogenian.* Ibid. 23: „Manumissio per lictores hodie domino tacente expediri solet".

[2] *Ulpian.* Fragmenta, I, 7: „Vindicta manumittuntur apud magistratum populi romani, velut consulem, praetoremve, vel proconsulem".—*Gaius*, Dig. XL, 2, 7: „Praetor aut proconsul legatusve Caesaris".—*Cod. Iust.* VII, 1, 4: „Apud consules, praetores, praesides".—Консулы освобождали еще въ V вѣкѣ (*Sid. Apoll.* Panegyr. Anthem. 544; *Cassiodor.* Epist. VI, 1).—Императоръ, какъ верховный магистратъ, также производилъ освобожденія (*Cod Iust.* VII, 1, 4; VII, 10, 7; *Dig.* XV, 1. 14).—Муниципальные магистраты нѣкоторыхъ общинъ равнымъ образомъ имѣли право освобождать. *Paul.* Sententiae, II, 25, 4. *Cod. Iust.* VII, 1, 4. *Lex Salpensitana*, Corpus inscriptionum latinarum, t. II, p. 255): „Si quis... apud duumviros, qui iure dicundo praeerunt servom suum ex servitute in libertatem manumiserit, liberumve esse iusserit... liber esto".

[3] Здѣсь происходила дѣйствительно „addictio in libertatem".

вало ему свободу, а позднѣе обезпечивало ее отъ посягательствъ всевозможныхъ лицъ и даже прежняго господина [1].

Существовало еще освобожденіе въ церкви [2]. Какъ въ предшествующія времена раба могли освободить въ языческомъ храмѣ подъ видомъ продажи божеству [3], такъ Константинъ призналъ законнымъ освобожденіе его въ христіанской церкви [4]. Онъ опредѣлилъ правила этого освобожденія: при совершеніи его требовалось присутствіе священниковъ и народа, а также составленіе письменнаго акта [5]. Перечисленные различные способы освобожденія рабовъ заключали въ себѣ неодинаковую силу. Правильнымъ

Варронъ говоритъ объ этомъ вполнѣ опредѣленно; онъ прибавляетъ, что если преторъ даже по ошибкѣ произнесетъ слово addico, рабъ станетъ свободнымъ, такъ какъ приговоръ состоялся (*Varr.* De lingua latina, VI, 30); Цицеронъ въ одномъ письмѣ къ Аттику (VII, 2, in fine) ясно намекаетъ на такую addictio; въ точномъ текстѣ формулы, кажется, стояло: „liberum addico“.

[1] Еще во времена Юстиніана vindicta является, собственно, освобожденіемъ предъ трибуналомъ. *Cod. Iust.* VII, 15, 2: „Si quis servo suo libertatem imponat. . , sive ad qualecunque tribunal sive apud eum, qui libertatem imponere legibus habet licentiam“ (a. 530).

[2] *Instit.* I, 5: „Manumissio procedit, ex sacris constitutionibus, in sacrosanctis ecclesiis“. — *Cod. Iust.* VII, 15, 2: „Si quis servo suo libertatem imponat sive in ecclesia. . .“ Достойно замѣчанія, что при освобожденіяхъ церковью правило о тридцати-лѣтнемъ возрастѣ никогда не предписывалось (*Cod. Iust.* ibidem).

[3] О такихъ отпущеніяхъ въ языческихъ храмахъ, см. *Orelli*, 3016 ss. *Henzen*, 6393. Ср. *Tacit.* Annales, XIII, 27: „Hinc (ex libertis) plerumque ministerio sacerdotibus.“ — Сцевола (*Dig.* XXXIII, 1, 20) приводитъ формулу одного завѣщанія, посредствомъ которой одна женщина отказываетъ ренту „sacerdoti et hierophylaco et libertis, qui in eo templo erunt“.

[4] *Cod. Theod.* IV, 7, (a. 321).

[5] *Cod. Iust.* I, 13, 1, (a. 316).

и законнымъ освобожденіемъ, тѣмъ, что юрисконсульты называли *iusta et legitima manumissio*, было освобожденіе *per vindictam*, которое происходило передъ «магистратомъ римскаго народа» [1]. Рабъ, надъ которымъ произносилось постановленіе этого магистрата о дарованіи ему свободы, въ глазахъ закона становился тотчасъ же свободнымъ человѣкомъ. Законъ не дѣлалъ болѣе различія между нимъ и гражданами, и немедленно давалъ ему званіе римскаго гражданина [2]. Юрисконсульты и кодексы называли такого вольноотпущенника—„*civis romanus*“, а свобода такого рода всегда обозначалась терминомъ «римское гражданство», *civitas romana* [4]. Императоръ Константинъ хотѣлъ, что-

[1] *Gai.* Instit. I, 17; *Cervid. Scaevola*, 5, ed. Huschke, p. 406 (427) — Намъ незачѣмъ говорить здѣсь о *manumissio censu*, которая не практиковалась болѣе въ IV вѣкѣ. „Censu manumittebantur olim“, говоритъ уже Ульпіанъ (Fragmenta, I, 8). Кажется, Тацитъ зналъ только одинъ способъ *manumissio iusta*, именно *manumissio per vindictam* (Annales, XIII, 27).

[2] *Ibidem*, I, 17: „Is civis romanus fit.“ — *Ulp.* Fragmenta, 6: „Cives romani sunt liberti qui legitime. . . .“ — Ср. *Dion. Halicarnass.* IV. 24: „Εὐθὺς εἰσι Ῥωμαῖοι“—*Appian.* Bell. civil. I, 100, 104 и II, 120: „Ὁ ἐξελεύθερος αὐτοῖς ἰσοπολίτης ἐστί“ —*Cervid. Scaevola*, 5 (edit. *Huschke*, p. 406 [p. 427]): „Olim una libertas erat et manumissio fiebat vindicta. . . et civitas romana competebat manumissis“.

[3] *Cod. just.* IV, 57, 1: „. . .Ad libertatem perducereris ita, ut civis romanus sis“.—*Ulp.* Fragmenta, XXIX, 1: „Civis romani liberti hereditatem.“—*Gai.* III, 72: „Ceteris civibus romanis libertis“. Женщину - вольноотпущенницу также называли „civis romana“; см. *Sueton.* Vespasian. 3; *Cod. Iust.* IV, 49; VII, 9. — Надо замѣтить, что наименованіе—„cives romani“ для обозначенія спеціально вольноотпущенниковъ употреблялось во времена Тита Ливія (XLII 27; XLII, 31; XLIII, 12),

[4] *Ulpian.* Dig. XXVIII, 16, 3: „Libertum accipere debemus eum quem quis ex servitute ad civitatem romanam perduxit“.—*Salvian.* Ad Ecclesiam, III, 7, edit. *Halm*, p. 148.—Стало быть, юрискон-

бы освобожденіе въ церкви давало такія же преимущества, какъ и освобожденіе *per vindictam* [1].

Наоборотъ, освобожденіе путемъ простого изустнаго объявленія «среди друзей» долго не имѣло никакой законной цѣны. До временъ Имперіи рабъ, освобожденный такимъ образомъ, безо всякой гласности, безо всякаго участія общественной власти, могъ только считаться «находящимся въ свободномъ состояніи» [2], но въ строгомъ правовомъ смыслѣ онъ оставался рабомъ [3]. Законъ Юнія Норбана, относящійся къ царствованію Тиберія [4], впервые далъ настоящую легальную силу заявленію господина. Такимъ образомъ, созданъ былъ новый видъ правильнаго освобожденія; впрочемъ, послѣднее, хоть и было признано закономъ, всетаки оказывалось неполнымъ. Текстъ постановленія гласилъ, что рабъ, освобожденный такимъ образомъ, хотя и пріобрѣтетъ свободу, но не обратится въ римскаго гражданина. Законъ давалъ ему наименованіе «латинянина» [1]. Въ этомъ наименованіи ясно чувствуется условный терминъ, какихъ было множество въ языкѣ публичнаго права древняго Рима. Это «фиктивное латинство» обозначало не племенное происхожденіе, даже не политическое право, а особое соціальное положеніе [2].

сультъ также называетъ эту высшую форму освобожденія именемъ *civitas romana*. Константинъ употребляетъ это выраженіе въ томъ же самомъ смыслѣ (*Cod. Theod.* II, 22, 1).—Уже у Плинія Младшаго выраженіе—„civitas romana" понимается также; оно обозначаетъ не политическія права, а положеніе вольноотпущенника высшаго рода (*Plin.* Epist. X, 5); оно является синонимомъ съ „ius Quiritium", и эти термины много разъ употреблялись съ тѣмъ же значеніемъ и прилагались къ вольноотпущенникамъ (*Ibid.* X, 5; X, 6; X, 11; X, 104. Ср. *Cic.* Pro Caecina, 33; *Ulpian.* III, 4).—Мы находимъ вольноотпущенниковъ—*cives romani* при Меровингахъ.

[1] *Cod. Theod.* IV, 7: „Qui religiosa mente in ecclesiae gremio servulis suis meritam concesserit libertatem, eamdem eodem iure donasse videatur, quo civitas romana dari consuevit".

[2] *Cerv. Scaev.* Fragm. 4—5, ed. *Huschke*, p. 406 (p. 427): „Dicitur apud veteres eos, qui inter amicos manumittentur, non esse liberos sed domini voluntate in libertate morari".—Надо замѣтить, что въ собственномъ смыслѣ слово *morari* значитъ „задерживаться", „останавливаться, ожидая". Подобное значеніе, несомнѣнно, сохраняется въ выраженіи—„morari in libertate", которое характеризуетъ родъ временнаго, переходнаго состоянія, не составлявшаго еще настоящей свободы.

[3] *Ibid.* 5: „Qui domini in libertate erant, manebant servi". — Объ этомъ ясно говоритъ еще Гай (III, 56): „Olim ... ex iure Quiritium servos fuisse".

[4] По мнѣнію Аккаріа, законъ этотъ былъ изданъ цѣлымъ вѣкомъ раньше, именно въ 671 году по основаніи Рима. См. *Accarias*, Précis du Droit romain, I, p. 134 (3 éd.). Но это невѣрно, и ошибка ученаго юриста произошла отъ того, что онъ нашелъ будто бы консула, носившаго имя Юнія Норбана въ 671 г. Между тѣмъ, никогда одинъ человѣкъ не назывался въ Римѣ двумя этими именами сразу, такъ какъ они принадлежали двумъ различнымъ *gentes*: Norbani никогда не были Iunii. Законъ, о которомъ идетъ рѣчь. (*lex Iunia Norbana*), обозначается именами обоихъ консуловъ 772 года, — (Norbanus Balbus и M. Iunius Silanus) См. *Dio Cass.* LVII, 18; *Plin.* Hist. nat. II, 87, 202; *Tacit.* Annal. II, 59.

Таково происхожденіе многочисленнаго класса

[1] *Cervid. Scaevola*, Fragment. 6: „Nunc habent propriam libertatem inter amicos manumissi et fiunt Latini Iuniani". — *Gaius*, I, 22: „Per legem Iuniam libertatem acceperunt".—*Ulp.* I, 10: „Hodie ipso iurx lege Iunia, qua lege Latini Iuniani nominati sunt, inter amicos manumissi".—*Gaius*, III, 56: „Per legem Iuniam liberos esse cœpisse".

[2] *Gaius*, Instit. I, 22: „Qui hoc modo manumissi sunt, Latini Iuniani appellantur, quia adsimulati sunt Latinis coloniariis".— *Cervid. Scaevola*, Fragment. 6: „Fiunt Latini Iuniani, quoniam lex Iunia, quæ libertatem iis dedit, exæquavit eos Latinis coloniariis.... Lex Iunia eos fieri Latinos iubet, quos dominus liberos esse voluit".

людей, о которыхъ тексты императорской эпохи упоминаютъ подъ именемъ *Latini Iuniani*, *Latini liberti* или просто *Latini*. Это всегда вольноотпущенники, и ихъ называютъ такъ, чтобы отличить отъ другого класса освобожденныхъ рабовъ, называемыхъ *cives romani*. Оба наименованія противополагаются одно другому [1] Обѣ категоріи вольноотпущенниковъ, между которыми существовало юридическое различіе (о послѣднемъ будетъ сказано ниже) встрѣчаются въ Галліи, какъ и во всемъ римскомъ мірѣ отъ начала Имперіи до вторженія варваровъ [2].

Послѣдствія освобожденія письмомъ не обозначены ясно въ текстахъ. Изъ одного мѣста Сцеволы вытекаетъ, что подобное письмо господина давало осво-

[1] *Gaius*, Instit. I, 16: „Manumissum modo civem romanum, modo latinum fieri dicemus".—Противоположеніе хорошо указано Ульпіаномъ, Fragm. I, 5, et 10: „Cives romani sunt liberti, qui legitime. . . Latini sunt liberti, qui non legitime. . . ." Особенно ясно оно обозначено у Гая (III, 58; 62); онъ противопоставляетъ здѣсь „civis romanus libertus" и „latinus"; см. также *Gai*. III, 72. То же самое противоположеніе обнаруживается въ одномъ законѣ Константина въ Кодексѣ Өеодосія (II, 22, 1), гдѣ слова „civitas romana" могутъ прилагаться только къ вольноотпущенникамъ, и его соціальный status ясно противополагается положенію „латинянина" — вольноотпущенника низшаго разряда. То же самое у Сальвіана (ed. *Halm*, p. 148)—„latina libertas" противополагается „civitas romana" въ одной и той же фразѣ. Наконецъ, еще въ IV вѣкѣ различіе между обоими видами освобожденія отмѣчается въ Институціяхъ Юстиніана I,5, 3: „Modo maiorem libertatem consequebantur et fiebant cives romani, modo minorem et latini fiebant".

[2] Мы оставляемъ въ сторонѣ вольноотпущенниковъ дедитиціевъ (см. *Gaius*, I, 12—15 и *Ulpian*. XX). Они существовали въ теченіе менѣе продолжительнаго срока. Юстиніанъ объявляетъ (*Cod*. VII, 5), что съ давняго времени терминъ этотъ представляетъ пустое слово безъ содержанія.

божденному рабу лишь латинство [1]; то же заключеніе выводится также изъ одного мѣста въ кодексѣ Юстиніана, который, уничтоживъ освобожденіе въ латинство, постановилъ, чтобы на будущее время грамота господина жаловала полную свободу [2]. Что касается освобожденія по завѣщанію, то въ принципѣ оно являлось окончательнымъ и вполнѣ признавалось закономъ; [3] на практикѣ же не всегда оказывалось та-

[1] *Cervid. Scaevola*, Fragm. 15, ed. *Huschke*, p. 409 (p. 430).

[2] *Cod. Iust.* VII, 6, 1, § 1.

[3] Говоря о manumissio testamento, слѣдуетъ установить одно различеніе. Древнее гражданское право, право Двѣнадцати Таблицъ, признаетъ этотъ видъ освобожденія, какъ manumissio legitima.—*Gaius*, Institut. I, 17: „Iusta ac legitima manumissione liberetur, id est vindicta aut censu aut testamento".—*Ulpian*. Fragm. I, 9: „Ut testamento manumissi liberi sint lex duodecim tabularum facit". — „*Cervidius Scaevola*, Fragm. 5 (edit. Huschke, p. 406: „Ante una libertas erat et manumissio fiebat vindicta vel testamento vel censu, et civitas romana competebat manumissis". Надо, впрочемъ, обратить вниманіе, что Двѣнадцать Таблицъ, какъ и ius civile подразумѣвали здѣсь наличность „testamentum legitimum", то-есть, завѣщанія, торжественно объявленнаго „in calatis comitiis", или, по крайней мѣрѣ, совершеннаго согласно формамъ „in procinctu" или „per aes et libram": все это—акты, не имѣющіе ничего общаго съ тѣмъ, что мы называемъ завѣщаніемъ. См. *Aul. Gell*. V, 19. — *Velleius*, II, 5.—*Serv*. Ad Vergil. Aen. VII, 612. „testamentum in procinctu" не слѣдуетъ смѣшивать съ „военнымъ" завѣщаніемъ; о послѣднемъ трактуютъ Дигесты, (XXIX, 1). См. также разсужденія Ульпіана (*Fragmenta*, XX, 9) о „testamentum per aes et libram".—Впослѣдствіи всѣ эти способы завѣщанія исчезли и были замѣнены „testamentum praetorium", которое производилось при помощи простого письменнаго акта „per tabulas", и выполненіе котораго гарантировалось за недостаткомъ гражданскаго права преторомъ. См. уже *Cic*. In Verrem, I, 45, и позже *Dig*. XXIX, 3; *Cod. Theod*. IV, 4; *Cod. Iust*. VI, 23, 36.—Между тѣмъ *manumissio iusta* пріобрѣталась именно только въ силу такихъ старыхъ формъ завѣщанія; тѣ же, которыя употреблялись въ IV

ковымъ. Завѣщатель могъ наложить на освобождаемаго имъ раба всякаго рода ограничительныя условія [1]; онъ могъ также рѣшить самъ отъ себя, что освобожденный пріобрѣтетъ лишь латинство. Воля завѣщателя опредѣляла здѣсь, такимъ образомъ, силу и предѣлы даруемой привилегіи [2].

Существовали, слѣдовательно, двѣ ступени освобожденія [3], и такое положеніе сохранялось въ теченіе четырехъ вѣковъ. Тацитъ и Сальвіанъ — писатели, жившіе въ весьма различныя эпохи, указываютъ и различаютъ ихъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Тацитъ говоритъ, что если не была примѣнена виндикта, вольноотпущенникъ находился еще «почти въ узахъ рабства», а Сальвіанъ называетъ латинскую свободу «ярмомъ и зависимостью» [4].

Впрочемъ, изъ второго класса можно было возвы-

вѣкѣ по Р. X, не давали, собственно, вполнѣ законнаго освобожденія.

[1] *Digest.* XL, 4, §§ 11, 13, 15, 16, 17, 36, 41, 44; XL, 5 § 4.

[2] *Cod. Iust.* VII, 6, 1, § 6: „Si quis... in testamento quemdam manumiserit, licet hoc scripserit, quod voluerit esse Latinum, supervacua adiectio latinitatis aboleatur et fiat civis romanus".— Впрочемъ было найдено средство даже при освобожденіи per vindictam ограничивать пріобрѣтаемыя отпущенникамъ права предѣлами такъ называемаго латинства (*Cod. Iust.* Ibid.).—Слѣдуетъ замѣтить, что бывали случаи, когда это состояніе латинства налагалось на вольноотпущеннаго помимо желанія господина, напримѣръ, если рабу было менѣе 30 лѣтъ (*Gaius*, I, 21), или если дѣло касалось раба, заложеннаго кредиторамъ господина въ обезпеченіе уплаты долга (*Scaevola*, 16).

[3] Такъ слѣдуетъ объяснять фразу Светонія, August. 40: „Servos multis difficultatibus a libertate, et multo pluribus a libertate iusta removit".

[4] *Tacit.* Annales, XIII, 27: „Quos vindicta patronus non liberaverit, velut vinculo servitutis attineri".—*Salvian.* Ad Ecclesiam, III, 7 (edit. Halm, p. 148): „Iugo latinae libertatis addicunt... per vinculum latinæ libertatis adstricti".

ситься въ первый или путемъ новаго освобожденія, совершеннаго уже въ правильныхъ формахъ и называемаго *iteratio* [1], или это совершалось по особой милости императора, «*beneficio principali*» [2]; или же, наконецъ, это достигалось въ видѣ вознагражденія за извѣстныя заслуги, оказанныя вольноотпущенникомъ обществу [3]. Могло случиться также, наоборотъ, что вольноотпущенникъ высшаго разряда за нѣкоторые проступки изъ «римскаго гражданства» низводился въ положеніе «латинянина» [4].

Нужно однако оговориться, что даже освобожденіе высшаго порядка никогда не ставило раба на одну ногу съ людьми свободнаго происхожденія. Законъ напрасно объявлялъ его римскимъ гражданиномъ; нравы устанавливали преграду между нимъ и

[1] *Ulpian.* Fragm. III, 4: „Iteratione fit civis romanus, qui post latinitatem, quam acceperat... iterum iuste manumissus est".—*Cervidius Scaev.* 14: „Latinus fit... ut postea iterum possit vindicta vel testamento manumitti et civis romanus fieri".—См. *Plin.* Epist. VII, 16.—По Светонію (*Vesp.* 3) жена Веспасіана была „latinae conditionis" и должна была позже сдѣлаться „civis romana".

[2] *Ulpian.* III, 2: „Beneficio principali latinus civitatem romanam accipit, si ab imperatore ius Quiritium imperaverit". — Ср. *Plin.* Epist., X, 4 (5).—*Gaius*, Instit. III, 72.

[3] *Ulpian.* III, 1: „Latini ius Quiritium consequuntur his modis: beneficio principali, liberis, iteratione, militia, nave, ædificio, pistrino". Ульпіанъ объясняетъ эти различные термины. Нельзя ошибаться въ томъ, какъ онъ понимаетъ здѣсь слово *latinus*, прилагаемое имъ къ *manumissus*, которому не исполнилось еще 30 лѣтъ (см. lex Aelia Sentia); то же самое слѣдуетъ сказать о выраженіи „*ius Quiritium*", приводимомъ Ульпіаномъ параллельно съ „civitas romana", какъ вполнѣ однозначащія"—*Gaius*, I, 32—33.

[4] *Cod. Theod.* II, 22, 1 (законъ 326 года): „Si is, qui dignitate Romanæ civitatis amissa, latinus fuerit effectus, in eodem statu excesserit..."

людьми, «никогда не носившими на себѣ пятно рабства». На латинскомъ языкѣ слово *liber* никогда не являлось синонимомъ съ *ingenuus*, и вольноотпущенникъ никогда не становился равнымъ человѣку, рожденному свободнымъ [1].

Однако, римскіе императоры изобрѣли два способа, которыми бывшему рабу давалась, въ видѣ особой милости, возможность перейти въ классъ «свободнорожденныхъ». Съ одной стороны, они даровали вольноотпущеннику право носить золотое кольцо— знакъ свободнаго рожденія [2]. Это позволяло ему искать и занимать должности, доступныя классу всадниковъ. Съ другой стороны, они могли пожаловать вольноотпущеннику то, что юрисконсульты называютъ *restitutio natalium*. Первоначально подъ этимъ разумѣлось судебное постановленіе, которымъ человѣкъ, дѣйствительно рожденный свободнымъ, но сдѣлавшійся рабомъ вслѣдствіе какого-нибудь насилія или

[1] *Gaius*, I, 11: „Ingenui sunt, qui liberi nati sunt: libertini, qui ex iusta servitute manumissi sunt".—*Marc.* Dig. I, 5, 5.—*Ulpian* Dig. XXII, 3, 14: „Circa eum, qui se ex libertinitate ingenuum dicit, referendum est.... Si in possessionem libertinitatis fuit.... Sin vero in possessione ingenuitatis sit et libertinus esse dicatur...."

[2] Вначалѣ золотое кольцо было знакомъ *nobilitas.* Мало по малу право носить его распространилось на всѣхъ сенаторовъ, потомъ и на всѣхъ всадниковъ. (*Plin.* Hist. Nat. XXXIII, 6, 18; XXXIII, 7—8, 29—34); наконецъ, всѣ *ingenui*—классъ очень многочисленный въ первыя времена Имперіи—получили это право; такимъ образомъ, кольца были лишены одни вольноотпущенники.—*Fragmenta Vaticana*, 226: „Ius anulorum ingenuitatis imaginem præbet". *Paul.* Dig. XL, 10 5: „Is qui ius anulorum impetravit, ut ingenuus habetur". *Ulpian*, ibidem, 6: „Libertinus, si ius anulorum impetraverit... ingenuus intelligitur".—Объ этой императорской милости можно прочесть у *Tacit.* Hist. I, 13; II, 57; *Sueton.* Galba 14; Vitellius, 12; *Dio Cassius*, XLVIII, 45.

обмана, возвращался къ своему природному состоянію [1]. Позже съ этимъ актомъ произошло то же, что съ виндиктой; изъ дѣйствительнаго процесса онъ обратился въ фиктивный. Человѣкъ, о которомъ прекрасно знали, что онъ былъ рожденъ рабомъ, и который получилъ отъ своего господина освобожденіе, являлся къ императору, а послѣдній объявлялъ, что онъ родился свободнымъ [2]. Эта фикція пріобрѣтала то рѣшающее значеніе, какое римскій юридическій геній всегда приписывалъ оффиціально произнесенному судебному постановленію, и бывшій рабъ, съ котораго была какъ бы стерта печать рабства [3] становился по праву свободорожденнымъ. Нужно только отмѣтить,

[1] См. объ этомъ одно письмо Плинія къ Траяну и отвѣтъ императора (*Plin.* Epist. X, 72; 73, изд. Keil; 77 и 78 въ другихъ изданіяхъ). — Эти процессы упоминаются также въ Кодексѣ Юстиніана, VII, 14.—Любопытный частный примѣръ такого рода относится къ женѣ самого Веспасіана (*Sueton.*, Vesp. 3).

[2] Что такая „restitutio natalium" была лишь фикціей, явствуетъ изъ одного отрывка Марціана (см. *Dig.* XL, 11, 2). Авторъ даетъ теоретическое объясненіе этого акта; но оно кажется намъ недостаточно точнымъ: онъ полагаетъ, что рабу возвращалась „естественная" свобода: „restituitur natalibus in quibus initio omnes homines fuerunt". Это объясненіе слишкомъ философское; кромѣ того, оно опровергается самой формулой, которая гласила: „restituere hominem *suis* natalibus" (*Ulpian.* Dig. XL, 11, 1, *Marcian.* Ibid. 2; *Scaevola*, ibid 3; *Paul.* Ibid. 4).

[3] *Digest.* XL, 11, 5: „Libertinus, qui natalibus restitutus estr perinde habetur atque si ingenuus factus (вмѣсто natus?) maculam servitutis non sustinuisset".—*Ibidem*, 3: „Ad omnem ingenuitatis statum restitui eum, qui isto beneficio principis utatur". Законъ Діоклетіана въ Кодексѣ Ѳеодосія (VII, 8, 2) ясно отличаетъ тѣхъ, кто достигъ *ius anuli*, отъ получившихъ *restitutio natalium*; первые имѣютъ лишь подобіе *ingenuitas*, вторые же, дѣйствительно, являются *ingenui*.

что одинъ императоръ имѣлъ право даровать такую милость [1], и все заставляетъ думать, что онъ награждалъ ею не часто [2].

2.

Патронатъ надъ вольноотпущенниками [3].

Я останавливаюсь на вольноотпущенникахъ дольше, чѣмъ на рабахъ, прежде всего потому, что самый предметъ, подлежащій теперь нашему изученію, — гораздо сложнѣе, чѣмъ предшествующій; затѣмъ потому, что мнѣ придется почти по всѣмъ пунктамъ проводить различіе между правомъ и практикою, которыя значительно отступаютъ здѣсь другъ отъ друга; наконецъ, потому, что обычай отпущенія на волю способствовалъ сложенію феодальнаго строя въ большей мѣрѣ, чѣмъ самый институтъ рабства.

Отпущеніе на волю и фактически, и юридически представляло собою актъ, которымъ господинъ отказывался отъ своей власти надъ рабомъ. Если оно совершалось согласно правильнымъ формамъ, то-есть, путемъ виндикты, для вольноотпущенника должна была открываться полная и безусловная свобода. Да и какъ могло быть иначе? Вспомнимъ, что здѣсь совершался фиктивый процессъ и произносилось постановленіе магистрата въ пользу свободы отпускаемаго раба. Легально, человѣкъ являлся послѣ

[1] *Digest.* XL, 11; *Cod. Iust.* VI, 2.

[2] *Ibid.* XL, 11, 2: „Imperatores non facile solent quemquam natalibus restituere nisi consentiente patrono".—Ниже мы увидимъ, что существовали причины, вслѣдствіе которыхъ патронъ неохотно давалъ такое согласіе.

[3] Ср. соотвѣтствующую главу въ томѣ IV настоящаго сочиненія.

этого свободнымъ въ такой же мѣрѣ, какъ если бы онъ и не былъ раньше рабомъ, и становился такимъ же свободнымъ, какъ другіе граждане. Поэтому, законъ сейчасъ же давалъ ему званіе римскаго гражданина.

Подобный вольноотпущенникъ необходимымъ образомъ пріобрѣталъ всѣ семейныя права гражданина. Бракъ его считался законнымъ, жена его пріобрѣтала званіе легальной супруги — *uxor*; онъ пользовался надъ нею всѣми правами, входившими въ понятіе *manus* [1]. Его дѣти также признавались законными: они съ тѣхъ поръ принадлежали ему самому и находились въ его власти [2]. Поэтому-же, какъ сейчасъ увидимъ, они должны были являться его наслѣдниками.

Лично онъ самъ былъ свободенъ, «могъ идти, куда хотѣлъ», и бывшій хозяинъ не имѣлъ законнаго права принудить его оставаться въ своемъ домѣ [3]. Изъ самаго способа, какимъ судья провозглашалъ свободу, явствуетъ, что легально никакое ограниченіе не могло быть наложено на эту свободу. Отнынѣ человѣкъ дѣлался господиномъ своего времени, труда и имущества.

[1] *Gaius*, Instit. III, 41: „Si moriatur libertus relicta uxore, quæ in manu ipsius esset".

[2] *Ibidem*: „Liberi, quos in potestate habet".—*Cod. Iust.* VI, 4 4, § 10: „Etenim lex duodecim tabularum cum liberos in potestate iberti invenit...."—*Cod. Iust.* VI, 55, 7: „Filium habere suum libertus in potestate non prohibetur, cum ex legitimis nuptiis ingenuorum exemplo filios habere liberto non sit interdictum" (законъ, 294 года).

[3] *Cod. Iust.* VI, 3, 12 (lex Dioclet.)—„Qui manumittebantur, liberum ubi voluerint commorandi arbitrium habent... neque cum patrono habitare libertos iura compellunt".

Но практика не соотвѣтствовала теоріи, и юриспруденція замѣтно уклонялась отъ строгаго смысла закона.

Если у вольноотпущенника не было болѣе господина, у него появлялся патронъ. Чтобы уразумѣть происхожденіе патроната, точку зрѣнія или концепцію ума, изъ которой онъ выросъ первоначально, и нѣкоторыя изъ правилъ, которыя и позже продолжали съ нимъ связываться, надобно исходить изъ того факта, что рабъ во все время, пока онъ оставался рабомъ, не имѣлъ семьи; по закону, онъ не имѣлъ даже отца [1]. Подтвержденіе правильности этого взгляда представляетъ заявленіе юрисконсультовъ, что законъ объ отцеубійствѣ не примѣнимъ къ рабу [2]. Становясь свободнымъ, рабъ долженъ былъ сдѣлаться членомъ какой-нибудь семьи и пріобрѣсти отца. При этомъ казалось естественнымъ, чтобы мѣсто отца занялъ для него прежній господинъ, тотъ, кто освободилъ его и кто какъ бы породилъ его для гражданской жизни. Очевидно, въ силу этой идеи вольноотпущенникъ принималъ имя патрона [3]. По той же причинѣ юридическое положеніе вольноотпущенника становилось такимъ же, какъ и положеніе патрона; онъ могъ сдѣлаться римскимъ гражданиномъ лишь въ томъ случаѣ, если самъ патронъ пользовался гражданскими правами. Въ то время, когда среди свободныхъ людей отъ гражданъ отличали еще латинянъ и иностранцевъ (peregrini), вольноотпущенникъ всегда вслѣдъ за своимъ патрономъ обращался въ латинянина, или въ перегрина [1]. Мѣстомъ происхожденія вольноотпущенника, говорили юрисконсульты, являлось мѣсто происхожденія патрона; значитъ, если бывшій рабъ родился въ Сиріи или въ Германіи, и если онъ получилъ свободу отъ господина, жившаго въ Тулузѣ, онъ, по закону, дѣлался Римляниномъ изъ первой нарбонской провинціи и тулузскаго муниципія [2]. Его законнымъ мѣстомъ жительства также являлось жилище патрона.

Другимъ послѣдствіемъ отмѣченнаго правового принципа оказывалось то обстоятельство, что, если вольноотпущенникъ умиралъ безъ дѣтей, наслѣдованіе его имуществомъ по закону переходило къ патрону или къ сыну послѣдняго, какъ къ самымъ близкимъ родственникамъ вольноотпущенника [3]. Нельзя было

[1] *Ulp.* XII, 3: „Nec patrem habuisse videtur, cum nullo sit servilis cognatio“. Поэтому вольноотпущенникъ никогда не являлся наслѣдникомъ раба, который былъ его фактическимъ отцомъ. *Ulp.* Ibid. „Libertinus nullo modo patri heres fieri potest“.

[2] *Dig.* XLVIII, 2, 12: „Item (non in servum cadit) nec lex Pompeia parricidii, quoniam caput primum eos adprehendit, qui parentes cognatosve occiderint, quae in servos, quantum ad verba pertinet, non cadunt“. — Нетрудно догадаться, что судья на самомъ дѣлѣ наказывалъ виновнаго раба такъ же, какъ если бы законъ осуждалъ его. Тѣмъ не менѣе, это очень любопытная особенность права, не допускавшаго, собственно, возможности признавать раба, убившаго своего отца, отцеубійцей. Дѣйствительно, по закону у него не могло быть ни отца, ни брата.

[3] Лактанцій не ошибается, говоря, что вольноотпущенники принимаютъ имя патрона, такъ же какъ если бы они были его сыновьями. *Lactant.* Institut. divinae, IV, 3: „Servus liberatus patroni nomen accipit tanquam filius“.

[1] *Cervid. Scaev.* 12, ed. *Huschke*, p. 408 (p. 429). — *Plin.* Epist. X, 5, (éd. *Keil*): „Est peregrinæ condicionis, manumissus a peregrina“.

[2] *Ulp.* Dig. L, 1, 6: „Liberti originem patronorum vel domicilium sequuntur; item qui ex his nascuntur“.

[3] *Ulp.* Fragmenta, XXIX, 1: „Civis romani liberti hereditatem lex duodecim tabularum patrono defert, si intestato sine suo herede decesserit“. — *Ibidem*, XXVII, 1: „Libertorum intestatorum hereditas primum ad suos heredes pertinet, deinde ad eos, quorum liberti sunt

отыскивать его отца, или братьевъ, или боковыхъ родственниковъ въ семьѣ рабовъ, изъ которой онъ родился; патронъ являлся его отцомъ, сынъ и внуки патрона—его боковыми родственниками [1].

Такъ сильна была связь, которая неразрушимо продолжала соединять бывшаго раба, сдѣлавшагося даже римскимъ гражданиномъ, съ тѣмъ, кто былъ раньше его господиномъ.

Если вольноотпущенникъ убивалъ своего патрона,

velut patronum, patronam liberosve patroni".—*Dig.* XXXVIII, 16, 3: „Intestato liberto mortuo primum suis deferri hereditatem verum est; si hi non fuerint, tunc patrono".—Замѣтьте, что во всѣхъ этихъ примѣрахъ дѣло идетъ о вольноотпущенникахъ, которые были „iuste manumissi"; на это обращаетъ вниманіе самъ Ульпіанъ въ послѣднемъ текстѣ: „Libertum accipere debemus eum, quem quis ex servitute ad civitatem romanam perduxit'.—То же самое правило примѣнялось въ нѣсколькихъ спеціальныхъ случаяхъ, если, напримѣръ, при освобожденіи преторъ нашелъ нужнымъ опредѣлить, кому будетъ принадлежать вольноотпущенникъ: „Si adsignavit praetor, cuius libertus sit, sine dubio eius erit, et ei legitima hereditas deferetur".

[1] Прошу замѣтить, что *legitima hereditas*, о которой здѣсь говорится, не одно и то же, что право на *bona libertorum*, о которомъ будетъ сказано ниже. Въ настоящемъ случаѣ я думаю, что патронъ наслѣдуетъ въ качествѣ отца, а родственники его въ качествѣ агнатовъ. Я основываюсь на томъ, что правило, указанное Ульпіаномъ, помѣщено въ Дигестахъ не въ главѣ *De bonis libertorum*, а въ главѣ *De suis et legitimis heredibus*. Впрочемъ, этотъ принципъ точно формулированъ въ Кодексѣ Юстиніана (VI, 4, 4, 14): „Quum libertorum cognati esse videantur ii, qui eos manumittunt, ideo et ex legitima successione, quemadmodum in ingenuis gradu propiores vocantur, ita etiam in libertis vocantur".—Въ Дигестахъ (XXXVIII, 2, 23) и у Ульпіана (Fragm. XXVII) можно также видѣть, что правила наслѣдованія по отношенію къ вольноотпущенникамъ были тѣ же, какія прилагались къ агнатамъ; ср. *Ulpian.* XXVI, 4.

онъ становился отцеубійцей, которымъ онъ не признавался, когда убивалъ своего настоящаго отца [1].

Съ одной стороны патронатъ являлся для вольноотпущенника защитою: одно древнее правило обязывало прежняго господина защищать своего вольноотпущенника на судѣ противъ третьихъ лицъ, другое — принуждало его кормить бывшаго раба, или оказывать ему помощь. Но съ другой стороны, патронатъ представлялся властью: юрисконсульты допускаютъ, что патронъ обладаетъ правомъ наказанія по отношенію къ своему бывшему рабу [2].

Обязательства вольноотпущенника (мы говоримъ пока лишь о тѣхъ, которыя были установлены закономъ) выражались на языкѣ римскаго права двумя словами: *reverentia* и *obsequium*, то-есть, почтеніе и подчиненіе. Эти термины были весьма неопредѣленны, и, конечно, патронъ могъ толковать ихъ, какъ хотѣлъ. Въ теоріи они являлись, быть можетъ, тѣми же самыми обязательствами, какія лежали на сынѣ по отношенію къ отцу. На практикѣ же разница между ними была велика. Когда юрисконсультъ говоритъ намъ, что «особа патрона должна быть такъ

[1] *Paul.* Sententiae, V, 24: „Lege Pompeia de parricidiis (tenetur).... qui patrem, matrem.... patronum, patronam occiderint".—*Dig.* XLVIII, 9, 1.

[2] Ульпіанъ признаетъ это право, хотя и указываетъ предѣлы его примѣненія. *Dig.* XLVII, 10, 7, § 2: „Meminisse oportebit liberto adversus patronum non quidem semper, verum interdum iniuriarum dari iudicium, si atrox sit iniuria quam passus sit, puta, si servilis. Ceterum levem cohercitionem utique patrono adversus libertum dabimus nec patietur eum praetor querentem quasi iniuriam passus sit, nisi atrocitas eum moverit; nec enim ferre praetor debet heri servum, hodie liberum conquerentem, quod dominus ei convicium dixerit vel quod leviter pulsaverit vel emendaverit".

же почитаема и священна, какъ и особа отца»[1], мы можемъ предполагать что подъ этою формулою разумѣлось нѣчто большее, чѣмъ простое уваженіе, и что они видѣли тутъ совершенно опредѣленныя и точныя обязанности. Противоположность такой *reverentia* они называли «неблагодарностью», а послѣдняя представляла въ глазахъ правосудія настоящій проступокъ, почти преступленіе. Патронъ долго сохранялъ право самостоятельно наказывать вольноотпущенника за подобную неблагодарность обращеніемъ его снова въ раба [2]. Позже на неблагодарность вольноотпущенниковъ можно было жаловаться государственной юстиціи, и судьямъ или намѣстникамъ провинцій было предписано строго преслѣдовать ее [3]. За« надменность и упорство» вольноотпущенника, за «повышеніе головы» передъ патрономъ возмездіемъ служило возвращеніе въ рабство [4]. Одинаковая кара

[1] *Ulp.* Dig.. XXXVII, 15, 9: „Liberto et filio semper honesta et sancta persona patris ac patroni videri debet".

[2] *Paul.* Dig. IV, 2, 21: „Si mulier contra patronum suum ingrata facta, sciens se ingratam, cum de suo statu periclitabatur, aliquid patrono dederit ne in servitutem redigatur"...—*Cod. Iust.* VI, 3, 12: „Nec a patronorum filiis, quibus solam reverentiam debent, ad serviendi necessitatem redigi possunt, nisi ingrati probentur".

[3] *Paul.* Dig. L, 16, 70: „Heres proximus potest libertum patronum ut ingratum accusare". Ср. *Dig.* XXXVII, 15, 3 et 4.—*Cod. Iust.* VI, 3, 5: „Si non agnoscunt reverentiae debitae munus, non immerito videntur ipsi adversus se provocare severitatem". — *Cod. Iust.* VI, 6, 5: „Nisi ei honorem patronis debitum exhibuerit, adeat competentem iudicem pro modo admissi vindicaturum".

[4] *Cod. Iust.* VI, 7, 2: „Si manumissus ingratus circa patronum suum extiterit, et quadam iactantia vel contumacia cervices adversus eum erexerit, aut levis offensae contraxerit culpam, a patronis rursus sub imperia dicionemque mittatur". Ср. *Sueton.* Claudius, 25: „Libertinos et de quibus patroni quererentur, revocavit in servitutem".

постигала и тѣхъ изъ нихъ, кто покидалъ патрона въ болѣзни или въ бѣдности [1]. За доказанную неблагодарность или «недостатокъ почтенія» судья могъ приговорить его къ наказанію штрафомъ или палочными ударами [2]. За оскорбленіе патрона назначалась ссылка; за поднятіе на него руки вольноотпущенникъ приговаривался къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ [3].

Что касается *obsequium*, то законъ не опредѣлялъ точнымъ образомъ этого понятія; но слѣдуетъ замѣтить, что по латыни этотъ терминъ означалъ «подчиненіе дѣйствій одной личности волѣ другой». Вольноотпущенникъ былъ обязанъ соглашаться во всемъ съ патрономъ или склоняться передъ нимъ, повиноваться ему, слѣдовать его волѣ. Законъ требовалъ *obsequium*'а, не опредѣляя его сущности и предѣловъ [4].

Магистраты и намѣстники провинцій имѣли пред-

[1] *Dig.* XXV, 3, 6: „Cum probatum sit patronos esse... pauperate vel corporis valetudine laborantes relictos, primum eos in potestate patronorum redigi et ministerium dominis praebere cogi; sin autem nec hoc modo admoneantur, a praeside emptori addicentur et pretium patronis tribuetur".

[2] *Dig.* XXXVII, 14, 7: „Mandatis imperatorum cavetur, ut in provinciis praesides de querellis patronorum ius dicentes pœnas irrogent. Interdum illae pœnae a liberto ingrato exiguntur: vel pars bonorum eius aufertur et patrono datur, vel fustibus caeditur et ita absolvitur".—*Ibid.* 1: „Si inofficiosus patrono sit, castigari oportet".

[3] *Dig.* XXXVII, 14, 1: „Si convicium ei dixit, in exilium temporale dari debebit.... Si manus intulit, in metallum dandus est".

[4] *Cod. Iust.* VI, 6, 3: „Qui... a dominis manumittuntur, mero iure omne obsequium patronis debent" (законъ 223 г.). — *Ibidem*, 6: „Libertos, maxime quibus impositae operae non sunt, consuetum potius obsequium quam servile ministerium manumissoribus exhibere debere". — *Ibid.* 8: „Nec patronae tuae obsequiis refragari te fas est".—*Paul* Dig. XXXVII, 14, 19: „Ingratus libertus est, qui patrono obsequium non praestat vel res eius filiorumve tutelam administrare detractat".

писаніе наказывать вольноотпущенника, не выполнявшаго этой неопредѣленной обязанности [1].

Изъ сказаннаго видно достаточно ясно, что даже самое правильное и законное освобожденіе не давало человѣку истинной независимости. Рабъ, ставшійся въ силу его свободнымъ человѣкомъ по отношенію къ обществу, по отношенію къ своему бывшему господину оставался его подданнымъ. Мы видимъ поэтому въ текстахъ закона, что освобожденный рабъ всегда назывался вольноотпущенникомъ «кого-нибудь». Говорили: «мой вольноотпущенникъ», «мой собственный вольноотпущенникъ» (*proprius libertus*), «вольноотпущенники отца и вольноотпущенники матери» (*liberti paterni, liberti materni*). Человѣкъ, освобожденный при жизни господина, оставался какъ бы подъ властью послѣдняго; освобожденный по завѣщанію (*libertus orcinus*) принадлежалъ его наслѣдникамъ [2]; освобожденный по фидеикомиссу— тому, на кого возложено было порученіе его освободить. Казалось невозможнымъ, чтобы у вольноотпущенника не было патрона, чтобы онъ никому не принадлежалъ [3].

[1] *Ulp.* Dig. I, 16, 9: „De plano proconsul potest expedire haec: ut obsequium patronis liberisque patronorum exhiberi iubeat... libertum non obsequentem emendare aut verbis aut fustium castigatione".

[2] *Ibidem*, XXVI, 4, 3 § 3: „Orcinus libertus effectus ad familiam testatoris pertinebit".—*Cod. Iust.* VII, 6, 1, § 7: „Ne eripiatur liberis et cognatis ius patronatus, orcinus libertus videatur et ad eum iura patronatus perveniant, cui leges concedunt". — Ср. *Lex Salpensana*, XXII, въ *Corpus inscriptionum latinarum*, II, t. p. 253: „Iura libertorum retineant.. " *Ibidem*, XXIII: „Is in libertos libertasve suos suasve paternos paternas... deque bonis eorum earum et is, quae libertatis causa inposita sunt, idem ius esto".

[3] Правда, въ одномъ мѣстѣ у Павла мы видимъ вольноотпущенника, о которомъ авторъ говоритъ, что онъ *libertus nullius* (дѣло идетъ о рабѣ, открывшемъ убійцу своего господина и освобожденномъ по постановленію претора); но съ этимъ слѣдуетъ сопоставить одно мѣсто Ульпіана, который свидѣтельствуетъ какъ разъ о томъ же случаѣ и прибавляетъ, что преторъ „assignat" такого вольноотпущенника, то-есть, выбираетъ ему патрона (*Ulpian.* Dig. XXXVIII, 16, 3, § 4).

Обычаи патроната въ такой мѣрѣ тяготѣли надъ мыслью людей того времени и надъ ихъ понятіями о правѣ, что, когда императоры придумали дарованіемъ золотого кольца возводить вольноотпущенниковъ во всадническое достоинство, они считали себя все-таки обязанными уважать и поддерживать притязанія патроновъ по отношенію къ этимъ вольноотпущенникамъ, которыхъ они дѣлали важными особами [1]. Только одна *restitutio natalium* могла совершенно уничтожить узы патроната [2], стирая самое воспоминаніе о рабствѣ; но и тутъ одинъ юрисконсультъ объясняетъ намъ, что императоры даровали эту милость лишь съ согласія патрона, а два другихъ юриста говорятъ еще сильнѣе, что безъ такого согласія они не могли даровать ее [3]; «въ противномъ случаѣ, утвер-

[1] *Ulpian.* Dig. XL, 10, 6: „Salvo iure patroni".—*Fragmenta Vaticana*, 226: „Ius anulorum ingenuitatis imaginem praebet salvo iure patronorum patronique liberorum". — Мы увидимъ дальше что даже послѣ такой императорской милости патронъ сохранялъ право на наслѣдство своего вольноотпущенника.—Кромѣ того, придерживались правила удостовѣряться въ согласіи патрона до дарованія такой милости. См. *Dig.* XL, 10, 3: „Divus Commodus ius anulorum datum ademit illis, qui invitis aut ignorantibus patronis acceperant".

[2] *Dig.* XL, 11, 2; *Cod. Iust.* VI, 8, 2; *Dig.* XL, 11, 5: „ius patroni hoc impetrato amittitur".

[3] *Marc* Dig. XL, 11, 2: „Imperatores non facile solent quemquam natalibus restituere nisi consentiente patrono". — *Modestin.* ibidem, 5: „Patrono consentiente debet libertus imperatore natalibus

ждаетъ одинъ изъ нихъ, были бы нарушены права патрона и его семьи» [1].

3.

Обязательныя повинности вольноотпущенниковъ.

Мы видѣли, что законъ обязывалъ вольноотпущенника лишь къ «почтенію и подчиненію патрону»; но рядомъ съ такимъ неопредѣленнымъ требованіемъ закона, образовались на практикѣ очень ясныя и точныя правила вольноотпущеннической службы. Съ перваго взгляда поражаешься большимъ числомъ отпущеній на волю, которыя имѣли мѣсто въ римскомъ мірѣ въ изучаемую эпоху. Уже одинъ этотъ фактъ наводитъ на мысль, что такія освобожденія не могли не сопровождаться ограниченіями. Вспомнимъ въ самомъ дѣлѣ, что рабъ являлся въ нѣкоторомъ родѣ производительнымъ капиталомъ. Было бы неестественно отказываться отъ него безъ извѣстнаго вознагражденія. Чистое безкорыстіе и милосердіе обыкновенно играютъ незначительную роль въ процессѣ развитія учрежденій въ человѣческихъ обществахъ.

Господинъ, освобождавшій своего раба, почти всегда находился подъ двоякимъ вліяніемъ: потребности сохранить за собою услуги этого раба и сознанія необходимости улучшить его положеніе. Поэтому освобожденіе чаще всего было лишь средствомъ примирить два противоположныхъ интереса и чувства. Происходило нѣчто въ родѣ соглашенія между господиномъ и рабомъ [1]. Господинъ говорилъ своему рабу: «Я хочу сдѣлать тебя свободнымъ человѣкомъ и гражданиномъ, но ты будешь продолжать служить мнѣ. Правда, я не потребую отъ тебя рабской службы, полной и безграничной, но ты будешь обязанъ въ теченіе столькихъ-то дней въ году оказывать мнѣ такія-то услуги, о которыхъ мы условимся».

Подобныя, опредѣленныя договоромъ съ господиномъ, при отпускѣ на волю, повинности вольноотпущенника въ пользу послѣдняго назывались «обязанностями, наложенными вслѣдствіе освобожденія» (*imposita libertatis causa*), то-есть, онѣ являлись условіями свободы [2].

Затрудненіе здѣсь заключалось въ томъ обстоятельствѣ, что римское право не придавало никакой законной силы соглашенію, состоявшемуся такимъ образомъ между господиномъ и рабомъ; такъ что, если рабъ впослѣдствіи отказывался выполнять условленныя повинности, господинъ не могъ прибѣгнуть къ правосудію, чтобы заставить его повиноваться. Вслѣдствіе этого было придумано особое средство—требовать съ раба клятвы [3]. Но тутъ представлялось новое затрудненіе: клятва раба не признавалась закономъ [4]. Тогда до освобожденія съ раба стали требовать первую

restitui". — Павелъ требуетъ согласія даже сына патрона. *Ibid* 4: „Nec filio patroni invito libertus natalibus suis restitui potest".

[1] *Paul.* ibidem: „Ipsi patrono aut filiis eius fiat iniuria".

[1] *Cod. Iust.* VI, 3, 1: „Si tempore manumissionis operae tibi impositae sunt, scis te eas praestare debere. Solet autem inter patronos et libertos convenire ut...."

[2] *Dig.* XXXIX, 5, 8; XL, 12, 44; XXXVIII, 1, 2; XXXVIII, 2, 33 и 37; XXIV, 3, 64, § 1.—Ср. *Lex Salpensana*, XXIII (*Corp. inscrip. lat.* t. II, p. 253): „Quae libertatis causa inposita sunt".

[3] *Dig.* XL. 4, 12: „Si quis libertatem sub iurisiurandi condictione reliquerit".—*Ibid.* XV, 4, 36; XXXVIII, 16, 3, § 5.

[4] *Paul.* Dig. XL, 4, 36: „Nisi post manumissionem iuret, non obligatur".

клятву, которая имѣла лишь религіозную цѣнность, и которою онъ обязывался тотчасъ послѣ освобожденія принести другую клятву. Въ эту послѣднюю и включались договоренные пункты, и къ тексту соглашенія присоединялись слова, что клятва произносилась *libertatis causa.* Это означало, что она была условіемъ свободы, и въ позднѣйшій періодъ магистратъ могъ признать освобожденіе недѣйствительнымъ, основываясь только на томъ фактѣ, что не было принесено клятвы [1].

Иногда господинъ обязывалъ своего бывшаго раба прибѣгать къ торжественнымъ формамъ стипуляціи [2].

Условія, включавшіяся въ клятвенный или сти-

[1] *Ulpian.* Dig. XXXVIII, 1, 7: „Ut iurisiurandi obligatio contrahatur, libertum esse oportet, qui iuret, et libertatis causa iurare.... iurare debet post manumissionem ut obligetur, et sive statim sive post tempus iuraverit, obligatur...." Пріемъ этотъ лучше объясненъ у Венулея въ Дигестахъ. XL, 12, 44: „Licet dubitatum antea fuit, utrum servus dumtaxat an libertus iurando patrono obligaretur in his, quae libertatis causa imponuntur, tamen verius est non aliter quam liberum obligari. Ideo autem solet iusiurandum a servis exigere, ut hi religione adstricti, posteaquam suae potestatis esse coepissent, iurandi necessitatem haberent, dummodo in continenti, cum manumissus est, aut iuret, aut promittat". Ясный намекъ на примѣненіе такихъ пріемовъ находимъ въ одномъ письмѣ Цицерона къ Аттику (VII, 2, in fine); авторъ говоритъ здѣсь объ одномъ преторѣ, который отмѣнялъ освобожденіе, если клятва не возобновлялась тотчасъ же при немъ и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, что и первый разъ („si eadem liber non iuraret").

[2] Относительно *Stipulatio*, употреблявшейся въ этомъ случаѣ см. *Dig.* XXXVIII, 1, §§ 3, 4, 5, 22, 23, 24, 39. — Обыкновенно примѣнялась слѣдующая формула: „Spondesne?—Spondeo". Она упоминается въ §§ 10, 24 и 39; отсюда выводилась другая формула: „De quibus iuraverit vel promiserit, obligatusve erit" (*Paul.* Dig. XXXVIII, 1, 37).—Достаточно ясно видно, что подобный контрактъ могъ заключаться лишь послѣ освобожденія и именно

пуляціонный договоръ, были очень различны. Вольноотпущенникъ давалъ иногда обязательство оставаться навсегда или на опредѣленное время въ домѣ патрона и находиться въ услуженіи у него или у его сына [1]; онъ обѣщалъ другой разъ служить его наслѣднику [2]. Часто онъ обязывался вносить родъ оброка, который украшался наименованіемъ добровольнаго дара признательности — *donum, munus* [3].

послѣ того, какъ совершена была *manumissio iusta.* Такое происхожденіе повинностей (*operae*) вольноотпущенниковъ, какое мы сейчасъ установили, объясняетъ выраженіе „obligatio operarum", много разъ встрѣчающееся у юрисконсультовъ (см. напримѣръ *Ulpian.* Dig. XXXVIII, 1, 15). Эти *operae* не были послѣдствіемъ первоначальнаго и общаго права, но выводомъ изъ обязательства, принятаго на себя въ силу личнаго соглашенія Существовали, впрочемъ, также освобожденія „operis non impositis" (*Ibidem,* § 31).

[1] Это выводится, напримѣръ, изъ только что цитированнаго мѣста Цицерона. Авторъ освободилъ Хризиппа подъ условіемъ, что тотъ останется въ услуженіи у его сына въ качествѣ педагога. Хризиппъ не выполнилъ своего обязательства; онъ покинулъ домъ патрона, и Цицеронъ смотритъ на этотъ уходъ, какъ на настоящее преступленіе; онъ называетъ его бѣгствомъ — *fuga* и объявляетъ о своемъ намѣреніи отмѣнить освобожденіе; онъ, впрочемъ, былъ настолько предусмотрителенъ, что заранѣе при освобожденіи нарочно пропустилъ одну изъ требовавшихся формулъ виндикты.

[2] Это косвенно вытекаетъ изъ одного текста въ кодексѣ Юстиніана (VI, 3, 10), въ которомъ запрещается вольноотпущенникамъ только брать на себя обязательства, равносильныя тѣмъ службамъ, какія они несли, будучи рабами. Такого рода договоры заключали бы въ себѣ дѣйствительно противорѣчіе факту освобожденія, которое законодатель не могъ допустить.

[3] *Ulp.* Dig. XXXVIII, 1, 7: „Iurare debet.... donum, munus se praestaturum".—*Paul.* ibidem, L, 16, 53: „Si donum, munus..... re-

Чаще же всего бывшій рабъ обязывался отдавать патрону часть своего труда. Количество его опредѣлялось извѣстнымъ числомъ дней въ году, *operae* [1]. Одинъ обѣщалъ 10 дней въ годъ, другой—20, иной неопредѣленное число, какое будетъ угодно патрону [2].

Родъ труда опредѣлялся личными природными свойствами самого раба, его способностями и знаніями. Одинъ былъ земледѣльцемъ, плотникомъ, каменьщикомъ; другой ювелиромъ, архитекторомъ, врачемъ, переплетчикомъ, живописцемъ, актеромъ или учителемъ [3]. Иногда работа производилась на дому у господина, въ формѣ личнаго услуженія: вольноотпущенникъ исполнялъ должность управителя, секретаря, лакея, повара [4]; иногда же послѣдній, занимаясь своимъ ремесломъ въ городѣ, доставлялъ патрону условленную часть своей выручки. Иногда онъ держалъ лавочку и долженъ былъ выплачивать патрону опредѣленную сумму изъ дохода отъ своей торговли [5].

demerit". — Замѣтьте, что не было принято называть это „pretium" (*Cod. Iust.* VI, 3, 1). Ср. VI, 4, 4, § 5.

[1] *Paul.* Dig. XXXVIII, 1, 1: „Operae sunt diurnum officium". *Pomponius*, ibid. 3.

[2] *Celsus*, Dig. XXXVIII, 1, 30: „Si libertus ita iuraverit dare se quot operas patronus arbitratus sit". — Объ этихъ *operae* см. всю главу Дигестъ, De operis libertorum, XXXVIII, и *Cod. Iust.* VI, 3.

[3] *Dig.* XXXVIII, 1, fr. 23, 24, 25, 26.

[4] *Mommsen*, Inscriptiones neapolitanae, 6875, 5388, 5639, 6881, 6889, etc. Ср. *Corpus inscriptionum latinarum*, IX, 3190, 3938.

[5] Одинъ юрисконсультъ III вѣка упоминаетъ о процессѣ между патрономъ и его вольноотпущенниками, которые держали лавочку и должны были платить ему каждый по динарію въ день. *Dosith.* Sent. Hadriani, у *Boecking*, Corpus iuris anteiustiniani (1841) p. 206.

Такія обязательныя службы или работы неизбѣжно давали поводъ къ возникновенію множества споровъ. Гражданское право безмолвствовало по данному вопросу, потому что самая сущность подобныхъ контрактовъ создавала непрерывныя столкновенія между освобожденными и ихъ патронами. Если вѣрить Тациту, вольноотпущенникъ часто обнаруживалъ склонность не выполнять своихъ обязательствъ [1]. Если же слушать юрисконсультовъ, патроны стремились увеличить тяжесть этихъ обязательствъ «до непомѣрнаго отягченія и угнетенія вольноотпущенниковъ» [2].

Преторъ и проконсулъ должны были вмѣшиваться въ эти тяжбы [3], и мало по малу, путемъ долгаго труда юрисконсультовъ и самихъ императоровъ, установились болѣе или менѣе точныя правила, регулировавшія правовую сторону вопроса. Съ одной стороны судъ обязывался принуждать вольноотпущенника выполнять работы, обѣщанныя имъ для достиженія свободы [4]. Съ другой—юрисконсульты и императоры напоминали патронамъ, что *operae* должны всегда находиться въ соотвѣтствіи съ силами и состояніемъ здоровья вольноотпущенника [5], и что заболѣвшій

[1] *Tacit.* Annal. XIII, 26: „Actum in senatu de fraudibus libertorum.... Coalitam libertate irreverentiam eo prorupisse, ut vine an iam?] aequo cum patronis iure agerent, consultarent, ac verberibus manus ultro intenderent".

[2] *Ulp.* Dig. XXXVIII, 1, 2: „Istam libertatis causa impositorum praestationem ultra excrevisse, ut premeret atque oneraret libertinas personas".

[3] *Ibidem*: „Hoc edictum praetor proponit coartandae persecutionis... Pollicetur se iudicium operarum daturum in libertos et libertas".

[4] *Dig.* XXXVIII, 1, passim. *Cod. Iust.* VI, 3, 1.

[5] *Ulp.* Dig. XXXVIII, 1, 7: „Operas qualescumque, quae modo probe iure licito inponuntur".—*Paul.* ibidem, 16: „Quae honeste et

вольноотпущенникъ избавляется отъ нихъ. Они прибавляли при этомъ, что вольноотпущенники, имѣющіе двухъ дѣтей освобождаются отъ *operae* [1]. Не было прямо опредѣлено, долженъ ли вольноотпущенникъ, въ теченіе обязательныхъ рабочихъ дней, получать пищу отъ патрона, но выставлялось правило, что въ томъ случаѣ, если патронъ не будетъ кормить его, ему будетъ предоставляться необходимое время для пріобрѣтенія себѣ пропитанія [2].

sine periculo vitae praestantur.... Tales patrono operae dantur, quales ex aetate, dignitate, valetudine....“—*Ibidem*, 17: „Nec audiendus est patronus, si poscit operas, quas vel aetas recusat vel infirmitas corporis“.—*Pomponius*, ibidem, 34: „Dum languet libertus, patrono operae pereunt“.

[1] *Paul.* Dig. XXXVIII, 37: „Qui libertinus duos pluresve a se genitos natasve in sua potestate habebit,... ne quis eorum operas de quibus iuraverit... dare facere praestare debeto“.—*Cod. Iust.* VI, 3, 7: „Qui duos filios in potestate habuit, operarum obligatione liberetur“. Это распоряженіе существуетъ со времени изданія *lex Iulia de maritandis ordinibus*. Замѣтимъ, что слова—„qui filios habent in potestate“ заключаютъ въ себѣ предположеніе законнаго, правильно заключеннаго брака. — Слѣдуетъ еще указать, что разъ освобожденный „suis nummis acceptis“ не былъ обязанъ выполнять operae (*Cod. Iust.* VI, 3, 8). Если освобожденіе совершалось благодаря деньгамъ третьяго лица, уже не прежній господинъ пользовался правомъ на *operae*, а тотъ, кто ссудилъ нужную сумму (*Cod. Iust.* VI, 3, 3).—„Manumissus ex causa fideicommissi“ также не подчинялся operae (*Ibid.* XXXVIII, 2, 29).

[2] Кажется, вопросъ этотъ очень оспаривался между римскими юрисконсультами. Съ одной стороны, Сабинъ совершенно ясно училъ, что „suo victu vestituque operas praestare debere libertum“ (*Dig.* XXXVIII, 1, 18). Съ другой—Яволенъ, говоря, правда, о вольноотпущенникѣ, котораго патронъ заставляетъ передвигаться, объявляетъ, что этотъ вольноотпущенникъ обязанъ работать „sumptu et vectura patroni“ (*Ibid.* 21; cfr. 20); въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что патронъ не можетъ обязать вольноотпущенника кормиться на свой счетъ (*Ibid.* 33).

Получившая свободу женщина, такъ же какъ и мужчина, была обязана, по крайней мѣрѣ, до достиженія пятидесятилѣтняго возраста, работать на господина извѣстное число дней въ году [1]. Но если она выходила замужъ, то немедленно освобождалась отъ такого обязательства [2]. Мотивъ для дарованія такой милости легко понять, да и самъ юрисконсультъ его выясняетъ: «это дѣлается потому, что женщина не могла бы служить одновременно патрону и мужу» [3]. Но по той же причинѣ такая женщина имѣла право выходить замужъ лишь съ согласія патрона. Находили справедливымъ, чтобы господинъ всегда имѣлъ возможность запретить бракъ, разъ послѣдній долженъ былъ причинить ему убытокъ [4].

Не безполезно замѣтить слѣдующее: въ обязательство, которое принималъ на себя рабъ, какъ бы въ

Павелъ, Гай, и Нерацій поддерживаютъ среднее мнѣніе, о которомъ мы говорили (*Ibid.* 18, 19, 50).

[1] *Dig.* XXXVIII, 1, 34 и 35.

[2] *Ibid.* 28; 46.—*Cod. Iust.* VI, 3, 9 11.

[3] *Hermogen.* Dig. XXXVIII, 1, 48: „Patronus operatum exactionem amittit; nam haec, cuius matrimonio consensit, in officio mariti esse debet“.—Кажется, право требовать эти *operae* имѣла еще *patrona* и ея дочери, „quia his non indecore praestantur“.

[4] *Cod. Iust.* XI, 3, 11: „Is qui libertae suae nubenti commodarit adsensum, quamvis operas ab ea exigere non possit, iura patronatus non amittit“.—*Hermogen.* Dig. XXXVIII, 1, 48: „Patronus, qui libertae nuptiis consentit, operarum exactionem amittit“. Павелъ приводитъ случай, когда у одной вольноотпущенницы было два патрона, одинъ изъ которыхъ разрѣшилъ ей вступить въ бракъ; бракъ былъ заключенъ, но она оставалась должна „operae“ патрону, у котораго она не испрашивала разрѣшенія на бракъ (*Ibid*, 28).—Законодатель объявляетъ, что патронъ, который женится самъ на своей liberta, тѣмъ самымъ освобождаетъ послѣднюю отъ operae (*Cod. Iust.* VI, 3, 9. *Dig.* XXXVIII, 1, 46).

видѣ выкупа за освобожденіе, онъ могъ включить условіе, что должные рабочіе дни будутъ отбываться не только имъ самимъ, но и его дѣтьми, которыя уже существовали или могли еще родиться впослѣдствіи [1].

Всѣ эти факты показываютъ намъ, что, хотя гражданское право объявляло правильно освобожденнаго раба свободнымъ человѣкомъ, гражданиномъ и полнымъ господиномъ своей личности (*suae potestatis*), [2] однако прежній господинъ его фактически сохранялъ извѣстныя права надъ его личностью и, въ особенности,—надъ его трудомъ. Яркое подтвержденіе справедливости этой мысли мы находимъ у юрисконсультовъ, которые сообщаютъ, что можно было отдавать своего вольноотпущенника въ наймы третьему лицу [3]. Вольноотпущенниковъ давали взаймы, дарили, завѣщали; ихъ закладывали, [4] это значило, что, когда бралась ссуда, въ обезпеченіе кредитору представлялись доходы, которые заимодавецъ извлекалъ изъ труда или имущества вольноотпущенника. Его отдавали взаймы, спекулируя при этомъ также на его трудъ [5]. Такимъ образомъ одному могла принадлежать личность вольноотпущенника, другому плодъ его работы (usufructus). Его считали въ составѣ приданаго

[1] *Ulp.* Dig. XXXVIII, 1, 5: „Si quis operas sit stipulatus sibi liberisque suis, etiam ad postumos pervenit stipulatio".

[2] Эти слова прилагаются къ вольноотпущеннику Венулеемъ въ Дигестахъ, XL, 12, 44.

[3] *Dig.* XXXVIII, 1, 25: „Qui operas liberti sui locat... is existimandus est mercedem ex operis liberti sui capere".

[4] *Paul.* Dig. XXXVIII, 1, 37, 4: Si creditori suo libertum patronus delegaverit".

[5] Такъ надобно, вѣроятно, понимать выраженіе — *fenerare libertos* у Петронія (*Satyr.* c. 76).

женщинъ [1], и онъ переходилъ въ наслѣдство какъ всякое другое имущество [2].

Если у патрона было два наслѣдника, могло случиться, что послѣ смерти его вольноотпущенникъ долженъ былъ принадлежать пополамъ имъ обоимъ. Или еще онъ могъ принадлежать своей третьей частью одному, а двумя третями другому [3]. Онъ представлялъ собою имущество, которое можно было дѣлить, и которымъ владѣльцы располагали сообразно правиламъ, примѣнявшимся къ другимъ видамъ собственности [4].

4.

О наслѣдственномъ правѣ вольноотпущенниковъ.

Въ римскомъ обществѣ часто случалось, что вольноотпущенники пріобрѣтали большія богатства. Происходило это оттого, что тогда они захватили въ свои руки повсемѣстно, какъ въ Италіи, такъ и въ Галліи, всю промышленность и почти всю торговлю. Они занимались кромѣ того, по большей части, тѣми профессіями, которыя мы теперь называемъ «свободными»; они были врачами, живописцами, архитекторами, актерами, переписчиками (или книжными издателями), банкирами, учителями и воспитателями [5].

[1] *Lex Papie Poppaea*, tr. 22 (см. *Giraud*, Iuris romani vestigia p. 49; *Dig.* XXIV, 3, 64.

[2] *Dig.* XXXVIII, 1, 6: „Fabriles operae ceteraeque... ad heredem transeunt".

[3] *Ulp.* Dig. XXXVIII, 1, 15: „Si plures heredes existant patrono, qui operas stipulatus est, verum est obligationem operarum numero dividi".— *Paul.* ibidem, 28; *Gaius*, ibidem, 49.— Объ этихъ liberti communes см. *Orelli*, Inscriptiones latinae, 3012.

[4] Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ тома IV настоящаго сочиненія мы увидимъ, что эти правила сохранились въ меровингскомъ обществѣ.

[5] *Digest.* XXXVIII, 1, §§ 25—27, 49.

Они пристраивались также къ весьма разнообразнымъ общественнымъ службамъ; они пополняли, напримѣръ, тѣ учрежденія, которыя мы теперь называемъ канцеляріями различныхъ административныхъ мѣстъ: они были секретарями и письмоводителями судей, служителями магистратовъ, таможенными агентами [1].

Эти должности, можетъ быть, не были очень почетны, но за то онѣ доставляли хорошій доходъ. Авторы, надписи, законы—всѣ источники указываютъ, что многіе вольноотпущенники составляли себѣ крупное состояніе [2]. Не безполезно поэтому изслѣдовать, куда переходили ихъ наслѣдства.

Вспомнимъ прежде всего различіе между двумя степенями освобожденія и двумя происходившими отсюда классами вольноотпущенниковъ. Эти два класса, мы увидимъ, различались главнымъ образомъ съ точки зрѣнія правилъ наслѣдованія.

1. Вольноотпущенникъ такъ называемаго латинскаго права могъ пріобрѣтать имущество [3]: этимъ онъ стоялъ выше раба; онъ могъ даже покупать для самого себя; онъ могъ принимать подарки хотя бы въ видѣ недвижимостей [4]. Но онъ не могъ ни наслѣдо-

[1] *Ibid.* I,18, 16: „(Provinciarum praesides) libertinique eorum“.—*Tacit.* Annal. XIII, 27: „Hinc (ex ordine libertinorum) plerumque ministeria magistratibus“.

[2] Титъ Ливій говоритъ уже о вольноотпущенникѣ, владѣвшемъ недвижимостями болѣе чѣмъ на 30,000 сестерціевъ. Ср. *Cic.* Pro Balbo, 25; De legibus, III, 13, 30. *Dio*, LIV, 23.—Мы сейчасъ встрѣтимся съ группою вольноотпущенниковъ, обладавшихъ имуществомъ, оцѣненнымъ болѣе чѣмъ въ 100,000 сестерціевъ. Ср. *Lemonnier*, La cond. privée des affranchis (livre IV, c. 2).

[3] Законъ признавалъ за вольноотпущенникомъ право *habere in bonis*. См. *Cod. Iust.* VII, 15, 1: „Liberum effici et, si quid postea sibi adquisierit, hoc in bonis suis habere“.

[4] *Fragm. Vaticana*, § 259, edit. Huschke, p. 747 (p. 769:)

вать, ни получать по завѣщанію [1]. Даже его собственныя дѣти не являлись его наслѣдниками; наконецъ, онъ вообще не имѣлъ права дѣлать завѣщанія. Все, что онъ имѣлъ, принадлежало ему лишь при его жизни. По смерти все это возвращалось патрону и наслѣдникамъ патрона [2]. Въ моментъ смерти его имущество представляло собою какъ бы пекулій раба, то-есть, оно по полному праву становилось собственностью господина.

Такое правило было установлено закономъ Юнія Норбана, и послѣдній еще смягчилъ старые, гораздо болѣе суровые порядки. Имъ давалось такимъ образомъ человѣку, называвшемуся латиняниномъ, лишь полу-свобода. Законъ этотъ стремился обезпечить вольноотпущеннику свободу при жизни, не лишая господина правъ на наслѣдованіе его имуществомъ,—правъ, которыя предоставлялись ему судебною практикою прежнихъ временъ [3]. Такимъ образомъ о «ла-

„Mulier praedium non mortis causa latino donaverat; perfectam in praedio donationem esse apparuit“.

[1] *Gaius*, I, 23—24: „Non tamen illis permittit lex... ex testamento alieno capere... Quod autem diximus ex testamento eos capere non posse, ita intellegemus, ne quid in directo hereditatis legatorumve nomine eos posse capere dicamus; alioquin per fidei commissum capere possunt“. Ср. *ibidem*, II, 110, гдѣ указывается на исключеніе, но гдѣ приводится и правило. *Ibid.* II, 275: „Latini... hereditates legataque directo iure lege Iunia capere prohibentur“.—*Ulp.* XX, 14: „Latinus Iunianus testamentum facere non potest“.—Бывали случаи, когда латинянинъ могъ завѣщать, но подъ условіемъ, что это завѣщаніе будетъ составлено въ пользу его патрона. *Gai.* III, 72. Ср. *Dig.* XXXIII, 2, 47).—Его собственныя дѣти не наслѣдовали: „Moritur latino iure, nec ei liberi eius heredes esse possunt“. (*Gai.* III, 72).

[2] *Gaius*, III, 56: „Iure quodammodo peculii bona latinorum ad manumissores pertinent“.

[3] *Ibidem*: „Legis Iuniae lator, cum intellegeret futurum, ut ea

тинянинѣ» можно было сказать, что его освобожденіе было лишь пожизненнымъ, и что онъ, проживъ какъ вольноотпущенникъ, умиралъ какъ рабъ [1].

Положеніе вольноотпущенника-латинянина оставалось неизмѣннымъ до конца Имперіи. Существуетъ относящійся къ этому предмету законъ Константина: «Всѣ имущества латинянина, говоритъ законодатель, принадлежатъ какъ пекулій, патрону и его наслѣдникамъ, и сыновья латинянина не могутъ ссылаться на мнимое право наслѣдованія» [2].

Одинъ писатель V вѣка, Сальвіанъ, показываетъ, что такое положеніе вольноотпущенника-латинянина сохранялось въ Галліи еще и въ его времена. Сообщивъ сначала о «господахъ, дающихъ своимъ рабамъ римскую свободу, такъ что послѣдніе впредь пользуются правомъ собственности на свой пекулій и могутъ располагать имъ путемъ даренія или завѣщанія» [3], авторъ говоритъ о другихъ рабахъ, «которыхъ господа почитали недостойными римскаго гражданства и подвергали игу латинскаго освобожденія; послѣдніе живутъ

fictione res latinorum defunctorum ad patronos pertinere desinerent, necessarium existimavit, ne beneficium istis datum in iniuriam patronorum converteretur, cavere, ut bona eorum proinde ad manumissores pertinerent ac, si lex lata non esset".

[1] Юстиніанъ называетъ это (законъ 531 г. *Cod.* VII, 1, 7): „Mortis liberti tempore eum in servitutem redigere".

[2] *Cod. Theod.* II, 22, 1: „Is qui... latinus fuerit effectus.. omne peculium eius a patrono vel patroni filiis sive nepotibus vindicetur; nec ad disceptationem veluti hæreditariæ controversiae filiis liceat accedere."—Достойно замѣчанія, что законодатель называетъ имущество вольноотпущенника „peculium".

[3] *Salv.* Ad Ecclesiam, III, 7, edit. *Halm*, p. 148 (éd. Baluze, p. 273): „Servi a dominis romana libertate donentur, in qua scilicet et proprietatem peculii capiunt et ius testamentarium consequuntur, ita ut et viventes cui volunt res suas tradant et morientes donatione transcribant".

какъ вольноотпущенники, но въ моментъ ихъ смерти они не владѣютъ больше ничѣмъ; ихъ послѣдняя воля не имѣетъ никакой силы: умирая, они не могутъ ничего давать; такимъ образомъ, они живутъ какъ свободные, но умираютъ какъ рабы» [1].

Это законодательство было уничтожено въ восточной Имперіи лишь Юстиніаномъ [2]. Мы увидимъ, что оно незамѣтно исчезнетъ въ Галліи, но оставитъ однако слѣды по себѣ, которые отразятся на соціальномъ положеніи цѣлаго особаго класса людей [3].

2. Посмотримъ теперь, какъ слагалась судьба человѣка, который получалъ правильное освобожденіе, и котораго законъ называлъ римскимъ гражданиномъ [4].

Древнее гражданское право, даже право Двѣнадцати Таблицъ, совершенно ясно заявляло, что этотъ вольноотпущенникъ могъ передавать имущество своимъ дѣтямъ, и что патронъ не имѣлъ никакихъ правъ на это имущество [5].

Вольноотпущенникъ, какъ и всякій римскій граж-

[1] *Ibidem*: „Qui servos suos, quia eos civitate romana indignos iudicant, iugo latinae libertatis addicunt; quos scilicet iubent quidem sub libertorum titulo agere viventes, sed nolunt quidquam habere morientes; negato enim his ultimae voluntatis arbitrio, morientes donare non possunt... ut vivant quasi ingenui et moriantur ut servi".

[2] *Cod. Iust.* VII, 4: „De latina libertate tollenda".

[3] См. четвертый томъ настоящаго сочиненія въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

[4] Въ Дигестахъ весь отдѣлъ—De bonis libertorum, XXXVIII, 2, относится къ людямъ „legitime manumissi"; это именно обозначаютъ слова отрывка 1: „Cum ex servitute ad civitatem romanam perducuntur". Ср. *Dig.* XXXVIII, 16, 3, § 1: „Libertum accipere debemus eum, quem quis ex servitute ad civitatem romanam perduxit". *Ulp.* Fragmenta, XXIX, 1: „Civis romani liberti hereditatem".

[5] *Cod. Iust.* VI, 4, 4, § 10: „Lex duodecim tabularum, cum liberos in potestate liberti invenit, patronis nihil praestitit".

данинъ, имѣлъ своихъ собственныхъ наслѣдниковъ, раньше которыхъ никто не могъ предъявлять притязанія на наслѣдство [1]. Послѣднее переходило къ патрону только въ томъ случаѣ, если онъ не имѣлъ сына, и происходило это по той законной причинѣ, что у вольноотпущенника не могло быть боковыхъ родственниковъ.

Это правило, какъ бы справедливо оно намъ теперь ни представлялось, кажется, оскорбляло понятія людей того времени. Трудно было, чтобы при томъ взглядѣ на рабство, который тогда прочно установился, бывшій господинъ не былъ убѣжденъ въ своихъ правахъ на имущество своего прежняго раба. Этотъ человѣкъ былъ обязанъ ему своей свободою;—по новому благодѣянію господина вольноотпущенникъ бралъ также съ собою свой пекулій [2].

Если этотъ пекулій увеличивался торговлею, промышленными предпріятіями, банковыми операціями, не потому ли отчасти это происходило, что вольноотпущенникъ носилъ имя патрона и оставался подъ его защитою и покровительствомъ? Надо вникнуть въ эти понятія, чтобы объяснить себѣ увертки, изобрѣтавшіяся патронами для того, чтобы обойти законъ. Двѣ изъ нихъ намъ особенно хорошо извѣстны.

[1] *Ulp.* Fragmenta, XXVII, 1: „Libertorum intestatorum hereditas primum ad suos heredes pertinet; deinde ad eos quorum liberti sunt".—*Gaius*, III, 40: „Si is suum heredem reliquerat, nihil in bonis eius patrono iuris erat".

[2] Дигесты указываютъ, въ какомъ видѣ часто совершалось это новое пожалованіе. *Scaevola*, Dig. XXXIX, 5, 35: „Ad eum, quem manumiserat, epistulam misit in haec verba: Titius Sticho liberto suo salutem. Cum te manumiserim, peculium quoque tuum quidquid habes tam in nominibus, quam in rebus moventibus sive in numerato, me tibi concedere hac epistula manu mea scripta notum tibi facio".

Иногда господинъ въ моментъ освобожденія раба, бралъ съ него клятву въ томъ, что тотъ не женится; такимъ образомъ, патронъ былъ обезпеченъ, что у раба не будетъ наслѣдниковъ; или онъ, едва освободивъ раба, обязывалъ его заключить договоръ, въ силу котораго вольноотпущенникъ признавалъ патрона соучастникомъ во всѣхъ своихъ прибыляхъ и во владѣніи всѣми имуществами, которыя онъ могъ пріобрѣсти. Законъ и преторъ отвергали правильность перваго средства [1]; но преторская юриспруденція допустила второе [2]. Этого было достаточно, чтобы обезпечить за господиномъ по крайней мѣрѣ части наслѣдства вольноотпущенника.

Старый законъ позволялъ также вольноотпущен-

[1] *Cod. Iust.* VI, 4, 4, § 5: „Si patronus a liberto vel liberta stipulatus erit vel iureiurando eos obstrinxerit, ne matrimonium ineant vel liberos procreent, hic omnia iura patroni amittit, cum olim quoque ea iura, quae ex duodecim tabulis et praetoris edicto competebant, amitteret".—*Paul.* Dig. XXXVII, 14, 6, § 4: „Lege Iulia de maritandis ordinibus remittitur (въ другихъ текстахъ стоитъ: permittitur—слово, имѣющее тотъ же смыслъ во многихъ мѣстахъ у юрисконсультовъ; ср. *Dig.* II, 14, 37 и XLVIII, 1, 3) iusiurandum, quod liberto in hoc impositum est ne uxorem duceret, libertae ne nuberet, si modo nuptias contrahere recte velint". Ср. *Dig.* XL, 9, 31: „Quaesitum est, si libertam patronus iureiurando adegisset, ne ea liberos impuberes habens nuberet, quid iuris esset. Iulianus dicit non videri contra legem Aeliam Sentiam fecisse eum, qui non perpetuam viduitatem libertae iniunxisset". Это предписаніе имѣетъ въ виду лишь вторичные браки вольноотпущенницъ.

[2] *Ulp.* Dig. XXXVIII, 2, 1: „Antea soliti fuerant a libertis durissimas res exigere... Primus praetor Rutilius edixit se non amplius daturum patrono quam operarum et societatis actionem, videlicet si hoc pepigisset, ut, nisi ei obsequium praestaret libertus, in societatem admitteretur patronus. Posteriores praetores certae partis bonorum possessionem pollicebantur: videlicet enim imago societatis induxit eiusdem partis praestationem, ut, quod vivus solebat societatis nomine praestare, id post mortem praestaret".

нику составлять завѣщаніе; да онъ и не могъ запретить этого, разъ онъ признавалъ вольноотпущенника римскимъ гражданиномъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ, если послѣдній не имѣлъ дѣтей, онъ могъ располагать своимъ имуществомъ, отдавая его въ пользу того, кому хотѣлъ оказать поддержку, и патронъ не могъ протестовать противъ этого. Таковъ былъ законъ [1]. Но весьма вѣроятно, что относительно этого пункта происходили постоянные споры, и были найдены новые обходы для парализаціи такой свободы вольноотпущенниковъ составлять завѣщанія [2]. Любопытно замѣтить, что сами юрисконсульты считали милость закона въ пользу вольноотпущенниковъ чрезмѣрною и оскорбляющею чувство справедливости. Они, конечно, желали, чтобы за вольноотпущенникомъ признавалось право оставлять свое состояніе сыну; но имъ казалось «открытой несправедливостью», чтобы онъзавѣщалъ имущество постороннему, или даже пріемному сыну и женѣ, минуя патрона [3].

[1] *Gaius*, III, 40: „Ita demum lex duodecim tabularum ad hereditatem liberti vocat patronum, si intestatus mortuus esset libertus".— *Ulp.* Fragm. XXIX, 1: „Civis romani liberti hereditatem lex duodecim tabularum patrono defert, si intestato libertus decesserit".—*Cod. Iust.* VI, 4, 4, § 15: „Si testamento facto extraneos heredes scripserint... secundum duodecim tabulas... patronos omnino excludi".

[2] Примѣръ подобныхъ обходовъ можно подмѣтить въ одномъ отрывкѣ Павла. Въ условія, налагаемыя „libertatis causa" господинъ вводилъ нѣчто такое, что было выполнимо лишь по смерти вольноотпущенника, и въ такомъ случаѣ господинъ имѣлъ право выбирать между выполненіемъ этого условія или полученіемъ во владѣніе имущества вольноотпущенника (*Dig.* XXXVII, 14, 20).

[3] *Gaius*, III, 40—41: „Si vel adoptivus filius filiave vel uxor, quae in manu esset, sua heres esset, aperte iniquum erat nihil iuris patrono superesse. Qua de causa postea praetoris edicto haec iuris iniquitas emendata est".

Въ силу этого произошло, что преторъ, измѣняя въ указанномъ направленіи право, предписалъ въ интересахъ справедливости, чтобы вольноотпущенникъ, составлявшій завѣщаніе и назначавшій наслѣдниками жену или пріемнаго сына, оставлялъ по крайней мѣрѣ половину своего состоянія патрону [1].

Затѣмъ послѣдовалъ законъ *Papia Poppaea*, который былъ дѣломъ императора Августа. Хотя и проникнутый самыми возвышенными нравственными идеями, онъ признавалъ однако право патрона на наслѣдство вольноотпущенника и распространялъ его даже на тѣ случаи, когда у послѣдняго оставались законныя дѣти. Законъ требовалъ такого раздѣленія наслѣдства, чтобы патронъ получалъ часть, по крайней мѣрѣ, равную тѣмъ, которыя доставались каждому изъ дѣтей вольноотпущенника [2]. Онъ освобож-

[1] Въ томъ же текстѣ Гая читаемъ: „Iubetur ita testari, ut patrono suo partem dimidiam bonorum suorum relinquat; et... datur patrono contra tabulas testamenti partis dimidiae bonorum possessio".— Точно также, если вольноотпущенникъ умиралъ безъ завѣщанія, оставивъ жену или пріемнаго сына, патронъ получалъ половину наслѣдства.— *Ulpian.* XXIX, 1: „Ex edicto praetoris, seu testato libertus moriatur, ut tamen aut nihil aut minus quam partem bonorum dimidiam patrono relinquat, contra tabulas testamenti partis dimidiae bonorum possessio illi datur, nisi libertus aliquem ex naturalibus liberis successorem relinquat".

[2] *Gaius*, III, 42: „Postea lege Papia aucta sunt iura patronorum... Cautum est ea lege, ut... ex bonis eius... qui pauciores quam tres liberos habebit, sive is testamento facto sive intestato mortuus erit, virilis pars patrono debeatur". — Гай объясняетъ вслѣдъ за этимъ, что патронъ получалъ половину, если у вольноотпущенника оставался одинъ прямой потомокъ; треть—если ихъ оставалось двое; онъ исключался лишь въ томъ случаѣ, если оставалось больше двоихъ дѣтей.

далъ отъ такого обязательства только тѣ наслѣдства, которыя не достигали 100,000 сестерціевъ [1].

Что же касается тѣхъ вольноотпущенниковъ, которые умирали не оставивъ ни боковыхъ, ни пріемныхъ дѣтей, то ихъ наслѣдникомъ по прежнему правилу являлся патронъ [2].

Если они хотѣли составить завѣщаніе, то требовалось, чтобы часть ихъ имущества получалъ патронъ. Если же эта часть, которая не могла быть меньше четверти всего имущества [3], не оставлялась патрону, послѣдній опротестовывалъ завѣщаніе, и судья рѣшалъ дѣло въ его пользу [4]. Сыновья патрона обла-

[1] Текстъ Гая гласитъ: „Quod ad locupletiores libertos pertinet".—Дальше въ рукописи нельзя разобрать одну строчку, въ которой юрисконсультъ указывалъ цифру состоянія; но благодаря Ульпіану (*Dig*. XXXVII, 14, 16) можно убѣдиться, что законъ имѣлъ въ виду именно *libertus centenarius*.—Одинъ параграфъ закона *Papia Poppaea* каралъ обманъ, состоявшій въ уменьшеніи вольноотпущенникомъ цифры своего состоянія съ тою цѣлью, чтобы лишить патрона права на его наслѣдство: „Si libertus minorem se centenario in fraudem legis fecerit, non valebit id, quod factum est" и т. д. Ср. *Dig*. XXXVIII, 5: „Si quid in fraudem patroni factum sit", и *Cod. Iust.* VI, 5: „Si in fraudem patroni alienatio facta est".

[2] *Ulp.* Dig. XXXVIII, 2, 17: „Liberto sine liberis mortuo in primis patronus et patrona bonorum possessionem accipere possunt".

[3] *Dig*. XXXVIII, 2, 19: „Si patronus ex minore parte quam legitima heres institutus". — *Ibid*. 3, § 15: „Si debita patrono portio legata sit".—*Ibid*, 20: „Libertus patronum et extraneum coniunctim ex parte dimidia heredem scripsit; quadrans, ex quo institutus erat patronus, totus ipsi imputari debebit, residuum ex debita sibi parte omnibus heredibus pro portione cuiusque aufert". — *Dig*. XXXIX, 5, 20: „Si patronus ex debita parte heres instituatur et libertus fidei eius commisit, ut quid daret, non erit cogendus solvare, ne pars ex legibus verecundiæ patronali debita minuatur".

[4] *Paul.* Dig. XL, 5, 31: „Si patronus contra tabulas bonorum possessionem acceperit, quia cum praeterierit libertus".—*Pomponius*. Dig. XXXVIII, 2, 2: „Si patronus a liberto praeteritus bonorum possessionem petere potuerit contra tabulas et antequam peteret decesserit, liberi eius petere poterunt".— *Ulp.* ibidem, 3, § 10: „Totiens ad bonorum possessionem contra tabulas invitatur patronus, quotiens non est heres ex debita portione institutus".—*Ibid*. 20: „Debitam partem eorum, quae cum moritur libertus babuit, patrono damus".

дали тѣми же правами, что и онъ самъ [1]. Если у вольноотпущенника было двое патроновъ, каждый изъ нихъ имѣлъ право на четвертую часть имущества [2].

Другія правила прилагались къ вольноотпущеннымъ женщинамъ. Бывшая рабыня, сдѣлавшись свободною, также могла разбогатѣть. Каковы были права патрона на ея имущество? Тутъ римское право встрѣчалось съ двумя принципами, которые были оба прямо благопріятны для патрона. Съ одной стороны, если женщина, имѣвшая дѣтей, умирала безъ завѣщанія, послѣднія не являлись ея наслѣдниками въ силу того древняго правила, что женщина никогда не имѣла своихъ «собственныхъ» наслѣдниковъ (*sui heredes*) [3]. Съ другой стороны, вольноотпущенница не пользовалась

[1] *Gaius*. Dig. XXXVIII, 2, 5. Ср. *Paul*. ibid. 18. *Paul*. Sententiae, III, 2.

[2] *Dig*. XXXVIII, 2, §§ 10; 21; 34.—Мы не имѣемъ въ виду говорить тутъ о нѣкоторыхъ исключеніяхъ; одно изъ нихъ касалось *bona castrensia* вольноотпущенника (см. *Dig*. XXXVIII, 2, 3, § 6); другое относилось къ имуществу вольноотпущенника, съ которымъ патронъ плохо обращался (*Ibid*. § 9; 14; 33); еще одно упоминается въ кодексѣ Юстиніана, VI, 4, 4. Но ясно видно, что самыя исключенія лишь подтверждаютъ общее правило.

[3] *Gaius*, III, 43: „Si intestata liberta moriebatur (quia suos heredes femina habere non potest), ad patronum hereditas pertinebat".—*Ulp*. XXIX, 2: „Si intestata moriatur liberta, semper ad patronum hereditas pertinet, licet liberi sint libertae, quoniam non sunt sui heredes matri".—Ср. *Paul*. Sententiae, IV, 10, 2.

свободою завѣщать состояніе, кому угодно, потому что она всю свою жизнь оставалась подъ опекою; опекуномъ же ея былъ патронъ; такимъ образомъ, она никогда не могла составить завѣщанія безъ соизволенія своего патрона [1]. Правда, послѣдній могъ дать свое согласіе на этотъ актъ; но тогда происходило бы одно изъ двухъ: или самъ онъ отказывался отъ наслѣдства этой женщины, или онъ разсчитывалъ, что она составитъ завѣщаніе въ его пользу. Это настолько вѣрно, что, если такое завѣщаніе составлялось не въ пользу патрона, онъ имѣлъ право опротестовать его [2]. Поэтому Гай объясняетъ, что патронъ лишался наслѣдства лишь по своей волѣ [3], и такой порядокъ юрисконсультъ называетъ осуществленіемъ справедливости [4].

Законъ *Papia Poppaea*, впрочемъ, уменьшилъ и ограничилъ въ этихъ правилахъ то, что являлось въ глазахъ Гая справедливымъ, въ нашихъ—наоборотъ. Онъ опредѣлилъ, что вольноотпущенница, имѣющая четырехъ дѣтей, тѣмъ самымъ уже освобождается отъ опеки патрона. Въ такомъ случаѣ она пользовалась свободою завѣщанія. Однако, законъ прибавлялъ, что въ своемъ завѣщаніи она должна оставлять патрону

[1] *Gaius*, III, 43: „Cum enim libertae in patronorum legitima tutela essent, non aliter testamentum facere poterant, quam patrono auctore". — Очевидно, въ силу этого самаго принципа вольноотпущенница не могла выходить замужъ безъ разрѣшенія патрона.

[2] *Ibidem*: „Si auctor ad testamentum faciendum factus erat, de se queri debebat heres ab ea non relictus".

[3] *Ibidem*: „Nec cogitari ullus heres poterat, qui posset patronum a bonis libertae invitum repellere" (см. въ дополненіяхъ Гушке).

[4] *Ibidem*: „In bonis libertinarum nullam iniuriam patiebantur patroni".

одну часть, равную тѣмъ, которыя приходились каждому изъ дѣтей, а если она оставляла состояніе въ 100,000 сестерціевъ, патрону завѣщалась даже половина его [1].

Если вольноотпущенница, имѣвшая дѣтей, не оставляла завѣщанія, ея наслѣдство цѣликомъ переходило къ патрону [2]. Такимъ то образомъ было установлено право наслѣдованія вольноотпущенниковъ. Ясно видно, что патронъ являлся какъ бы высшимъ владѣльцемъ, всегда сохранявшимъ верховное право надъ имуществомъ, которое его бывшій рабъ могъ пріобрѣсти. Отсюда произошло, что римское право всегда требуетъ, чтобы въ спискѣ имущества какого-либо умершаго лица упоминались вольноотпущенники, если они у него имѣются [3]. Возможность получить отъ нихъ наслѣдство представляла, дѣйствительно, цѣнность, которую должно было вводить въ счетъ собственнаго наслѣдства патрона.

[1] *Idem*, III, 44: „Sed postea lex Papia, cum quattuor liberorum iure libertinas tutela patronorum liberaret, et eo modo concederet eis etiam sine tutoris auctoritate condere testamentum, prospexit, ut pro numero liberorum, quos liberta mortis tempore habuerit, virilis pars patrono debeatur, eique ex bonis eius, quae C milia sestertiorum plurisve reliquerit patrimonium (dimidia pars debeatur)". — *Ulp.* Fragmenta, XXIX, 3: „Lex Papia libertas quattuor liberorum iure tutela patronorum liberavit, et cum intulerit iam posse eas sine auctoritate patronorum testari, prospexit, ut pro numero liberorum libertae superstitum virilis pars patrono debeatur".

[2] *Gaius*, Ibidem: „Si intestato liberto decessit, toto hereditas ad patronum pertinet". — Такое чтеніе текста Гая даетъ *Huschke* въ его изданіи сочиненій юрисконсульта (4 Aufl. s. 294). Мѣсто это очень испорчено въ рукописи. Ср. изд. *Ernest Dubois* и его примѣчанія, стр. 282—283. См. еще *Gaius*, III, 51.

[3] См. всю главу „De bonis libertorum", *Dig.* XXXVIII, 2 и *Cod. Iust.* VI, 4. Ср. *Gaius*, Instit. III, 41 и сл. *Paul.* Sententiae, III, 2. *Ulp.* Fragmenta, XXIX.

Патронъ передавалъ вольноотпущенниковъ по завѣщанію, назначая тѣхъ или иныхъ изъ нихъ по своему выбору тому или другому изъ своихъ наслѣдниковъ [1]. Личность вольноотпущенника могла быть свободною, но имущество его не вполнѣ пользовалось такою свободою. Ему даже при жизни бывало трудно отчуждать свое имущество; по крайней мѣрѣ, законъ предупреждалъ его, что послѣ его смерти будетъ разсмотрѣно, не причинило-ли отчужденіе убытка патрону, не было ли оно «обманомъ» послѣдняго [2].

Два примѣра покажутъ, до какой степени права патрона на наслѣдство вольноотпущенника считались законными. Если вольноотпущенникъ за какое-нибудь преступленіе подвергался конфискаціи имущества, фискъ, не смотря на свою обычную алчность, считалъ себя обязаннымъ выдѣлить часть, принадлежавшую патрону [3]. Если клирикъ или монахъ умиралъ, не оставивъ

[1] *Dig.* XL, 4, 42: „Illum illius libertum esse volo.“. — *Ibid.* XXXVIII, 2, 12: „Si quis libertum filio suo adsignaverit... (filius) admitti potest ad bonorum liberti possessionem“. Ср. *ibidem*, § 10, 13, 39; *ibid.* L, 16, 107: „Adsignare libertum hoc est testificari cuius ex liberis libertum eum esse voluit“.

[2] См. всю главу „Si quid in fraudem patroni factum sit“, *Dig.* XXXVIII, 5; и главу: „Si in fraudem patroni alienatio facta est“ *Cod. Iust.* VI, 5. Ср. *Dig.* XXXVII, 14, 10: „Si qua alienaverit in fraudem patroni... revocabuntur ea, quae per fraudem sunt alienata“.

[3] *Dig.* XXXVIII, 2, 28: „Si in libertinum animadversum erit patronis eius ius, quod in bonis eius habituri essent, eripiendum non est; sed reliquam partem bonorum, quae ad manumissorem iure civili non pertineat, fisco esse vindicandam placet“.— Вслѣдствіе того же принципа, если имущество патрона конфисковалось, имущество вольноотпущенниковъ также подвергалось конфискаціи въ томъ смыслѣ, что фискъ наслѣдовалъ право патрона (*Cod. Iust.* VI, 4, 1).

ни родственниковъ, ни завѣщанія, то прежде чѣмъ присудить его наслѣдство въ пользу церкви, узнавали не былъ-ли онъ вольноотпущенникомъ какого-нибудь частнаго лица; въ послѣднемъ случаѣ, какъ напоминалъ одинъ законъ 434-го года, его имущество должно было принадлежать не церкви, а патрону» 1.

Всѣ правила, касавшіяся наслѣдованія вольноотпущенниковъ, просуществовали до конца римской Имперіи, и извѣстно, что они были въ силѣ одинаково, какъ въ Галліи, такъ и въ Италіи. Прибавимъ, что они примѣнялись не только къ вольноотпущенникамъ частныхъ лицъ. Муниципіи, корпораціи, языческіе храмы и христіанскія церкви также имѣли вольноотпущенниковъ и, слѣдовательно, пользовались правами на ихъ имущество [2]. Существовало также безконечное количество вольноотпущенниковъ государства или императора, и фискъ являлся вполнѣ или отчасти ихъ наслѣдникомъ [2].

---

[1] *Cod. Theod.* V, 3, 1.—*Cod. Iust.* I, 3, 20: „Si quis episcopus, aut presbyter, aut diaconus, aut diaconissa, vel clericus, aut monachus, aut mulier, quae solitariae vitae dedita est, nullo condito testamento decesserit, nec ei parentes vel liberi vel uxor extiterit... bona ecclesiae socientur, exceptis his facultatibus, quas forte iuri patronatus subiecti relinquunt. Nec enim iustum est bona, quae patrono legibus debentur, ab ecclesiis detineri“.

[2] *Ulpian.* Dig. XXXVIII, 16, 3, § 6: „Si municipes servum manumiserint, admittentur ad legitimam hereditatem in bonis liberti vel libertae intestatorum“.—*Dig.* XL, 3, 1 et 2: „Divus Marcus omnibus collegiis, quibus coeundi ius est, manumittendi potestatem dedit, quare hi quoque legitimam hereditatem liberti vindicabunt“. — О *liberti municipiorum* см. *Orelli-Henzen*, 3017, 2992 ss. 6399 etc. О *liberti collegiorum*, ibid. 3019, 3021 etc.

[3] *Dig.* XXXVIII, 16, 3 § 8: „Principem ad bona libertorum suorum admitti plus quam manifestum est“.

5.

Положеніе вольноотпущенниковъ во времена Имперіи.

Разсмотрѣнныя правила, какъ сказано, пережили безъ измѣненій всѣ пять вѣковъ Имперіи. Сальвіанъ еще упоминаетъ о нихъ. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, они перешли въ государства, смѣнившія Имперію на европейской почвѣ [1]. Мы увидимъ ихъ слѣды въ средневѣковомъ правѣ «мертвой руки» (*mainmorte*).

Даже въ оффиціальномъ языкѣ Имперіи мы уже встрѣчаемъ способы выраженія, отъ которыхъ, быть можетъ, произошло наименованіе «мертвая рука»: «умереть вольноотпущенникомъ», «умереть рабомъ»—такъ говорили, когда подразумѣвали, что имущество умершаго принадлежало по полному праву патрону или господину [2].

Такъ какъ личность вольноотпущенника обладала цѣнностью, которую можно было выразить въ деньгахъ, то патронъ, слѣдовательно, могъ завѣщать его, какъ завѣщаютъ какой-нибудь предметъ собственности. Онъ могъ даже продать его но при этомъ подразумѣвалось, что онъ продавалъ не его личность, которая считалась свободною, а трудъ, повинности, получаемые съ него доходы и возможность пріобрѣсти отъ него наслѣдство.

Съ этимъ связывается еще одна любопытная особенность римскаго права. Вольноотпущенникъ не могъ жениться безъ дозволенія патрона. Основаніе этого

[1] См. четвертый томъ настоящаго сочиненія, гл. II.
[2] *Ulpian.* Dig. XXXVIII, 2, 3: „Hic vivit quasi ingenuus, moritur quasi libertus".

правила ясно: если вольноотпущенникъ вступалъ въ бракъ и пріобрѣталъ потомство, патронъ терялъ его наслѣдство.

Вотъ еще одна особенность, выработанная римскимъ правомъ, которую мы снова находимъ въ правѣ средневѣковомъ: вольноотпущенная дѣвушка (*liberta*) могла выходить замужъ лишь за вольноотпущенника того-же самаго господина, не выходя изъ рамокъ его *gens*. Ясно, конечно, что выйдя за посторонняго, она послѣдуетъ за своимъ мужемъ и будетъ утрачена для своего патрона. Дѣйствительно, законодатель объявляетъ, что въ этомъ случаѣ патронъ лишается не только всякаго права на наслѣдство, но даже своего права на трудъ вольноотпущенной. Этотъ бракъ за предѣлами родовой или имущественной группы—эксогамія, *formariage* (послѣднее выраженіе уже встрѣчается въ терминологіи римской Имперіи) причинялъ ущербъ патрону. Поэтому, бракъ могъ заключаться лишь съ формальнаго согласія того, кто имѣлъ право требовать денежное вознагражденіе за свои убытки [1].

Конечно, всѣ эти правила возникли въ весьма древнюю эпоху. Императорскій порядокъ не только не создалъ ихъ, но стремился внести въ нихъ смягченіе.

[1] *Tertullian.* Ad uxorem, II, 8: „Nonne domini disciplinae tenacissimi servos suos *foras nubere* interdicunt?" Обязательство выходящей замужъ вольноотпущенницы — получить разрѣшеніе патрона — вытекаетъ изъ слѣдующаго мѣста Ульпіана въ Дигестахъ, XXXVIII, 1, 13: „Si impubes sit patronus, voluntate eius non videtur liberta nupta, nisi tutoris auctoritas voluntati accesserit". Cfr. *ibidem*, 14, 28: „Si duorum communis liberta unius voluntate nupserit". — Этимъ правиломъ объясняется одно мѣсто у Тита Ливія, XXXIX, 19: „Uti Fecenniae Hispalae (которая была *libertina*) gentis enuptio esset".—*Gentis enuptio*, какъ и *foras nubere*—это *formariage*.

Изъ Дигестъ можно убѣдиться, что правительство тревожилось чрезмѣрностью личныхъ и денежныхъ повинностей, которыхъ требовали многіе патроны. Оно жаловалось, что есть господа, «угнетающіе и разоряющіе своихъ вольноотпущенниковъ». Оно требовало предоставленія вольноотпущеннику достаточнаго числа дней для свободной работы на себя, чтобы онъ могъ удовлетворять своимъ надобностямъ [1]. Оно запретило работы, превосходящія силы данной личности или службы, нарушающія благопристойность. Оно провозгласило, что больной вольноотпущенникъ, женщина старше 50 лѣтъ и родители, которые должны были кормить и содержать своихъ дѣтей, освобождались отъ всякихъ обязательныхъ работъ въ пользу патрона. Кромѣ того, законъ вообще покровительствовалъ отпущенію на волю, и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ высказывался за послѣднее [2].

Таково было легальное положеніе вольноотпущенниковъ во времена Имперіи. Какъ кажется, классъ этотъ былъ очень многочисленъ. Т а ц и т ъ отмѣчаетъ, что свободорожденное простонародье, *plebs ingenua*, уменьшалось численно со дня на день [3]. Многія бѣглыя данныя, разсѣянныя у писателей того времени, показываютъ, что вольноотпущенники оставались обыкновенно прикрѣпленными къ службѣ патрона [4]. Они составляли «домъ вельможи»; они являлись его секре-

[1] *Ulpian.* и *Gaius*, Dig. XXXVIII, 1, 2; 19.

[2] *Pomponius*, Dig. L, 17, 20: „Quotiens dubia interpretatio libertatis est, secundum libertatem respondendum erit“.

[3] *Tacit.* Annal. IV, 27: „Minore in dies plebe ingenua“. Ср. XIII, 27: „Si separarentur libertini, manifestam fore penuriam ingenuorum“.

[4] *Tacit.* Histor. I, 4: „Pars populi magnis domibus annexa, clientes libertique“.

тарями, врачами, артистами, шутами. Они слѣдовали за должностными лицами, назначаемыми провинціальными намѣстниками, въ качествѣ писцовъ, привратниковъ, канцеляристовъ и всякаго рода агентовъ. Вольноотпущенники императоровъ наполняли канцеляріи центральнаго управленія.

Крупные торговцы посылали вольноотпущенниковъ, какъ своихъ прикащиковъ или представителей въ различныя мѣста, гдѣ у нихъ были дѣла. Въ промышленности большинство завѣдывавшихъ мастерскими были вольноотпущенниками. Иные стояли во главѣ сельскихъ помѣстій крупныхъ собственниковъ. Римское общество насчитывало въ своемъ составѣ болѣе рабовъ, чѣмъ вольноотпущенниковъ и болѣе вольноотпущенниковъ, чѣмъ свободныхъ людей.

Въ старой римской республикѣ положеніе вольноотпущенника было наслѣдственно; требовалось нѣсколько поколѣній, чтобы потомокъ раба возвысился до полной свободы. Это суровое правило исчезло изъ императорскаго права; его не находимъ ни въ рѣшеніяхъ юрисконсультовъ, ни въ указахъ государей; однако, на практикѣ оно продолжало существовать; нравы и интересы, болѣе сильные, чѣмъ законъ, сохранили его нетронутымъ.

Не надо упускать изъ вида, что почти во всѣхъ обществахъ параллельно съ порядкомъ, предписаннымъ закономъ, развивается другой порядокъ вещей и отношеній, стоящій внѣ его постановленій; кодексы въ римской Имперіи представляютъ точную картину перваго; второй находился въ опредѣленномъ противорѣчіи съ кодексами, но, не смотря на это, оказывался очень могущественнымъ.

Нельзя было бы понять, откуда появлялось то

огромное число вольноотпущенниковъ, которое наполняло римское общество, если бы это соціальное положеніе и обязанности, соединявшіяся съ нимъ, длились лишь въ теченіе жизни одного человѣка; невозможно также было бы объяснить, почему классъ простыхъ свободныхъ людей, какъ свидѣтельствуетъ Тацитъ, все уменьшался. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, вольноотпущенника въ условіяхъ его дѣйствительнаго существованія. Иногда онъ продолжаетъ жить подлѣ господина въ пріятномъ, почти почетномъ домашнемъ сожительствѣ. Его сыну будетъ также выгодно оставаться тутъ же послѣ отца, такъ какъ въ этомъ обществѣ, гдѣ свободный трудъ мало распространенъ, лучше быть вольноотпущенникомъ, чѣмъ пролетаріемъ. Въ другихъ случаяхъ онъ управляетъ сельскимъ помѣстьемъ за счетъ господина; его сынъ будетъ счастливъ и здѣсь наслѣдовать ему. Если онъ занимаетъ какую-нибудь должность, и сынъ его стремится занять ее. Законъ говоритъ этому сыну, что онъ—свободный человѣкъ; но выгода, честолюбіе и привычки побуждаютъ его оставаться вольноотпущенникомъ. Поэтому происходитъ, что съ каждымъ новымъ поколѣніемъ контрактъ отпущенія на волю какъ бы возобновляется; потомокъ господина и потомокъ раба находятъ взаимную выгоду сохранить его, и законъ не имѣетъ средствъ запретить имъ это. Такимъ-то образомъ, если не вопреки закону, то, по крайней мѣрѣ, независимо отъ него, установилась наслѣдственность вольноотпущенничества. Поэтому-то классъ вольноотпущенниковъ поддерживался и увеличивался. Въ другомъ мѣстѣ мы увидимъ, что онъ не исчезъ вмѣстѣ съ римской Имперіей [1] и сдѣлался весьма важнымъ элементомъ въ феодальномъ бытѣ и во всемъ общественномъ строѣ среднихъ вѣковъ.

[1] Мы не хотимъ сказать, что во времена Имперіи наслѣдственность положенія вольноотпущенника сдѣлалась общимъ правиломъ; наоборотъ, по правилу, сынъ вольноотпущенника считался уже свободорожденнымъ: этотъ пунктъ стоитъ внѣ сомнѣнія; но намъ кажется, что факты вскрываютъ практику, которая сильно отличалась отъ того, что предписывалось закономъ. Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что множество безпрерывно производившихся въ теченіе двѣнадцати поколѣній отпусковъ на волю не привело къ возрастанію класса свободорожденныхъ. Дѣйствительно, при условіяхъ экономической жизни тогдашняго общества, особенно въ такую эпоху, когда промышленныя корпораціи пришли въ упадокъ, тотъ, кто не былъ владѣльцемъ земли, не могъ найти ничего лучшаго и болѣе вѣрнаго для обезпеченія своей судьбы, чѣмъ положеніе вольноотпущенника или кліента: эти два термина въ тѣ времена являлись почти синонимами.

ГЛАВА VIII.

Колоны [1].

Въ Кодексѣ Өеодосія есть законъ, указывающій, какъ надо производить кадастровую перепись какого-нибудь помѣстья. «Съ одной стороны, говоритъ

[1] О колонатѣ въ римской Имперіи см. *Guérard*, Polyptyque d'Irminon, prolégomènes, p. 225 — 232; *Ch. Giraud* Histoire du droit français, c. 3, art. 5; *Laboulaye*, Histoire du droit de propriété foncière, liv. II, c. 18 et 19; *Wallon*, Histoire de l'esclavage, t. III; *Révillout*, Étude sur l'histoire du colonat, въ „Revue historique de droit français et étranger", 1856, 1857; *Savigny*, Ueber den roemischen Colonat; *Zumpt*, Ueber die Entstehung des Colonats; *J. Lefort*, Histoire des contrats de location perpétuelle, 1875. Мы спеціально остановимся на изслѣдованіи особенностей колоната, когда будемъ говорить о сельскомъ помѣстьѣ въ четвертомъ томѣ настоящаго сочиненія. Болѣе подробно о происхожденіи колоната см. *Fustel de Coulanges*, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, 1885. [Превосходная работа Фюстеля

законодатель, должно посчитать число рабовъ, съ другой—число поселенныхъ въ помѣстьѣ крестьянъ и колоновъ» [1]. Этотъ законъ показываетъ намъ, что крупные собственники IV вѣка, обыкновенно, раздѣляли свои земли на двѣ части: одну они эксплуатировали непосредственно сами трудомъ своихъ рабовъ, другую — разбивали на небольшіе участки и поселяли на каждомъ изъ нихъ крестьянскую семью, получавшую отдѣльное жилище (*casa*) и особый клочекъ земли для обработки (*colonia*). Этотъ новый классъ сельскаго населенія заслуживаетъ внимательнаго изученія, такъ какъ въ теченіе большей части среднихъ вѣковъ положеніе его оставалось приблизительно такимъ же, какимъ оно сложилось во времена римской Имперіи.

Этотъ классъ, обнаруживающійся въ текстахъ закона лишь въ два послѣдніе вѣка Имперіи, но появившійся, можетъ быть, гораздо ранѣе, составился изъ весьма различныхъ элементовъ. Въ немъ различались:

1) Люди, которыхъ римскіе законы называли *censiti* и *adscriptitii*: они были еще очень близки къ рабскому состоянію и по закону считались даже рабами, только занесеніе ихъ, какъ составной части помѣстья, въ списки ценза, дѣлало ихъ съ тѣхъ поръ неотдѣлимыми

де-Куланжа о колонатѣ будетъ переведена и приложена къ русскому изданію этого четвертаго тома. Тамъ же будетъ приведена литература вопроса, очень неполно указанная здѣсь авторомъ.—*Прим. ред.*]

[2] *Cod. Theod.* IX, 42, 7: „Descriptio comprehendat... quot sint mancipia in praediis... quot sint casarii vel coloni". То же самое въ *Cod. Iust.* IX, 49, 7, § 1: „Quot sint casarii" (ed. *Krüger*). Другіе законы отмѣчаютъ также это различіе. *Cod. Iust.* XI, 48 (47), 12: „Servos vel tributarios vel inquilinos".

отъ земли. Они жили на ней изъ поколѣнія въ поколѣніе [1].

2) Вольноотпущенники: это были прежніе рабы, получившіе въ силу самаго акта отпущенія право и обязанность обрабатывать участокъ земли, доходы съ котораго они дѣлили съ бывшимъ своимъ господиномъ. Если у нихъ послѣ смерти оставались дѣти, то было естественно и почти неизбѣжно, что послѣднія продолжали жить на томъ же участкѣ и пользовались имъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, что и родители. Такъ, изъ рода въ родъ сынъ наслѣдовалъ то-же поле, воздѣлывалъ его, собиралъ плоды и платилъ оброкъ сыну стараго господина, по отношенію къ которому онъ наслѣдственно находился въ положеніи вольноотпущенника.

3) *Inquilini.* — Это были люди, никогда не состоявшіе рабами владѣльца; но не имѣя собственной земли, они располагались на чужихъ владѣніяхъ, на которыхъ получали надѣлы въ аренду, за что обязывались вносить ежегодно условленную плату.

4) Прежніе *coloni* стараго типа. –Первоначально этотъ терминъ обозначалъ свободныхъ фермеровъ. Часто случалось, что ихъ аренда переходила отъ отца къ сыну, и въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній оставалась во владѣніи одной и той же семьи. Древніе сельскіе хозяева учили, что лучшими съемщиками были именно тѣ, которые родились въ помѣстьѣ и какъ бы приросли къ нему [2]. Взаимный интересъ объединялъ фермера и собственника; поэтому замѣтно преобладаніе обычая арендовать землю на неопредѣленные сроки и даже

[1] *Cod. Iust.* XI, 47 (48), 7. Cfr. *Ibidem*, 18, 21.

[2] *Colum.* 1, 7: „Felicissimus fundus, qui colonos indigenas habet".

заключать вѣчные контракты на съемку земли. Такая наслѣдственная аренда называлась эмфитевзисомъ. Характерною чертой аграрнаго строя изучаемой эпохи является постепенное исчезновеніе обычая отдачи земли на временные сроки. Сначала нравы, затѣмъ и законы вывели его изъ употребленія. Безъ сомнѣнія, всѣ пришли къ выводу, какъ говоритъ законодатель, что вѣчная съемка земли согласовалась одновременно съ интересомъ и собственника, и земледѣльца [1].

5) Существовала еще одна категорія колоновъ именно тѣ, которые были нѣкогда сами собственниками небольшой землицы, но потомъ продали ее сосѣднему крупному владѣльцу вслѣдствіе нужды или долговъ, вѣроятно, за очень низкую цѣну, но съ условіемъ всегда отъ отца къ сыну оставаться на ней въ качествѣ съемщиковъ [2].

6) Въ земледѣльческомъ населеніи помѣстья встрѣчались, наконецъ, люди варварскаго происхожденія. Удостовѣрено источниками, что во время войнъ римской Имперіи съ Германцами, длившихся четыре вѣка, было взято болѣе плѣнныхъ Римлянами у Германцевъ, чѣмъ Германцами у Римлянъ. Эти плѣнные, приводившіеся иногда цѣлыми племенами, отправлялись въ провинціи, которыя нуждались въ рабочихъ

[1] *Cod. Iust.* XI, 47 (48), 19: „Tempore annorum triginta coloni fiunt... et coguntur terram colere. Hoc et domino et agricolis utilius est". Одинъ законъ Гордіана отъ 239 года говоритъ объ обычаѣ „conductio perpetua, quae ad heredes transmittur" (*Cod. Iust.* IV, 65, 10),

[2] *Salvian.* De gubernatione Dei, V, 8; 9.

См. подробности и ограниченія въ спеціальномъ трактатѣ Фюстель де-Куланжа „Le colonat romain", въ приложеніи къ IV-му тому настоящаго сочиненія; см. также въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ V-го тома. (*Прим. ред.*).

рукахъ; ихъ распредѣляли между землевладѣльцами, но не въ качествѣ рабовъ, а въ качествѣ колоновъ. Каждый изъ нихъ помѣщался на опредѣленномъ участкѣ земли и вносился въ реестры государственной подати, какъ навсегда прикрѣпленный къ нему [1].

Какъ бы ни было различно происхожденіе людей всѣхъ тѣхъ категорій, которыя мы только что перечислили, ихъ легальное положеніе было почти одинаковымъ. Оставивъ въ сторонѣ легкія особенности, различавшія ихъ, мы можемъ подвести ихъ всѣ подъ одинъ классъ и называть однимъ общимъ именемъ колоновъ [2].

Они совершенно отличались отъ рабовъ; законъ никогда не смѣшивалъ ихъ съ послѣдними. Онъ опредѣленно называлъ ихъ свободными людьми, *ingenui* [3]. Имъ оффиціально не давали названія крѣпостныхъ людей, [4]. Они пользовались гражданскими правами; ихъ бракъ признавался закономъ; они наслѣдовали

[1] Ср. подробнѣе объ этомъ во 2-й книгѣ настоящаго тома и въ спеціальномъ изслѣдованіи автора „о колонатѣ".

[2] *Cod. Iust.* XI, 47 (48), 13: „Inter inquilinos colonosve, quorum indiscreta eademque paene videtur esse condicio, licet sit discrimen in nomine".—Различіе между *adscripticii* и *coloni* было болѣе замѣтно: первые—по произволу господина владѣли лишь пекуліемъ; вторые — могли имѣть имущество на правахъ собственности (*Cod. Iust.* XI, 47, 18).

[3] „Salva ingenuitate" (*Nov. Valent.* XXX ed. Haenel). Что ихъ не смѣшивали безусловно съ рабами, это видно изъ того, что за извѣстныя преступленія наказаніемъ для нихъ было обращеніе въ рабство (*Cod. Theod.* V, 9, 1).

[4] Одинъ императоръ только въ видѣ метафоры объявляетъ, что ихъ можно разсматривать, какъ „рабовъ земли": „Servi terrae ipsius aestimentur" (*Cod. Iust.* XI, 51 [52])".—Ни одинъ текстъ закона не называетъ ихъ формально *servi* или *mancipia*; они даже часто противополагаются тѣмъ, кого именуютъ—*servi*.

своимъ отцамъ, а ихъ сыновья наслѣдовали имъ самимъ. Они могли явиться на судъ и самостоятельно вести тяжбу [1].

Признакомъ, дѣйствительно характеризовавшимъ ихъ положеніе, являлось то, что обрабатываемая ими земля не принадлежала имъ. Слѣдовательно, они не пользовались никакими правами, которыя вытекали изъ понятія собственности. Они не могли ни продавать, ни завѣщать свое поле [2]. Они платили за него ежегодный оброкъ натурою или деньгами. Оброкъ обыкновенно назывался *tributum*, а тѣ, кто его платилъ, получали наименованіе *tributarii* [3]. Это названіе фигурируетъ въ римскихъ законахъ IV вѣка и въ германскихъ — VI-го для обозначенія одного и того же класса людей.

Колоны, такимъ образомъ, были нѣсколько сходны съ фермерами новѣйшихъ временъ; но они различались отъ послѣднихъ въ двухъ отношеніяхъ: ихъ нельзя было согнать съ занимаемой земли, и они также въ концѣ концовъ не могли покинуть ее [4]. Они на всю жизнь прикрѣплялись къ землѣ, на которой родились. Ихъ не могла разлучить съ нею ни собственная воля, ни воля владѣльца. Если владѣлецъ продавалъ свое имѣніе, онъ продавалъ въ то же время и колоновъ; если же онъ продавалъ колоновъ, это значило, что онъ въ

[1] *Cod. Theod.* IV, 23; V, 10, 1; XII, 19, 2. *Cod. Iust.* III, 38, 11; XI, 47, законы 13, 20, 22, 24. *Novell. Valent.* XXX.

[2] *Cod. Theod.* II, 30, 2; V, 10.—*Cod. Iust* XI, 49, 2.

[3] „Tributarios vel inquilinos" (*Ibidem*, XI, 47 [48], 12). См. одно письмо Сидонія Аполлинарія (X, 19), гдѣ человѣкъ, находившійся „in originali inquilinatu", называется попеременно *colonus* и *tributarius*.

[4] *Cod. Iust.* XI, 51 (50).

то же время продаетъ и землю [1]. Сыновья занимали на ней мѣста своихъ умершихъ отцовъ, наслѣдуя одновременно и обоюдно право пользованія землею и обязательство обрабатывать ее [2]. Оброкъ, кромѣ того, опредѣлялся разъ навсегда и не могъ быть увеличенъ по произволу собственника [3].

Трудно опредѣлить, перевѣшивали-ли въ этомъ оригинальномъ положеніи колона выгоды надъ невыгодами. Императорскіе законы обезпечивали колону по отношенію къ владѣльцу постоянное пользованіе землею и неизмѣняемость оброка [4]. Взамѣнъ этого они гарантировали владѣльцу постоянное пребываніе колона. Они связывали этого человѣка съ землею неразрывными узами. Они запрещали ему удаляться съ земли хоть на одинъ моментъ. Если онъ убѣгалъ, они позволяли владѣльцу преслѣдовать его и въ наказаніе обращали его въ рабство [5].

Если ему удавалось скрыться, и онъ умиралъ, не будучи разысканнымъ, его сыновей возвращали обратно,

[1] *Cod. Iust.* XI, 47 (48), 2: „Si quis praedium vendere voluerit vel donare, retinere sibi colonos privata pactione non possit".— *Dig.* XXX, 1, 112: „Si quis inquilinos sine praediis, quibus adhaerent, legaverit, inutile est legatum".— *Cod. Theod.* XIII, 10, 3.

[2] *Cod. Iust.* XI, 47 или 48, 23: „Semper terrae inhaereant, quam semel colendam patres eorum susceperunt".

[3] *Ibidem*, XI, 47 (48), 23 § 2: „Caveant possessionum domini aliquam innovationem vel violentiam colonis inferre".—*Ibidem*, XI, 49 (50), 1: „Quisquis colonus plus a domino exigitur quam ante consueverat, adeat iudicem et facinus comprobet..." — *Ibidem*, XI, 47 (48), 23, § 2: „Veterem consuetudinem in reditibus praestandis observare".

[4] *Cod. Iust.* XI, 47 или 48, 23, § 3: „Ut soboles in fundo nata remaneat in possessione sub isdem condicionibus, sub quibus genitores eius".

[5] *Ibidem*, XI, 47 (48); XI, 50 (51). *Cod. Theod.* V, 9, 1.

какъ колоновъ, и водворяли на землю, съ которой бѣжалъ ихъ отецъ. Такимъ образомъ, не будучи рабомъ, колонъ не обладалъ, однако, самою первою основою свободы—правомъ перемѣщенія, правомъ выбирать себѣ мѣсто жительства, форму труда и способъ добыванія средствъ обезпеченія. Надо, однако, замѣтить, что такое большое количество обязательствъ уравновѣшивалось правомъ постояннаго пользованія землею, гарантированнаго колонамъ самымъ ихъ положеніемъ. Надо прибавить еще, что для большаго числа различныхъ категорій колоновъ это условіе являлось или очевиднымъ смягченіемъ древняго рабства, или результатомъ добровольно заключеннаго контракта. Единственными колонами, о которыхъ можно сказать, что они сдѣлались таковыми помимо своей воли, были военноплѣнные, приведенные изъ Германіи. Многіе новѣйшіе ученые думали, что именно появленіе и испомѣщеніе на римскихъ земляхъ этихъ Германцевъ положило начало самому колонату. На самомъ дѣлѣ послѣдній выросъ изъ гораздо болѣе древнихъ корней, но необходимо признать, что именно послѣ поселенія Германцевъ внутри Имперіи мы замѣчаемъ въ императорскихъ законахъ проявленіе большой суровости по отношенію къ колонамъ. До тѣхъ поръ колонатъ представлялъ собою состояніе, противъ котораго не было необходимости вооружаться строгостью закона.

Можно указать еще одну сторону, съ которою колонъ отличался отъ свободнаго человѣка: онъ былъ лично подчиненъ владѣльцу земли, на которой сидѣлъ. Законы часто повторяютъ, что у колона есть господинъ (dominus)[1], что онъ обязанъ повиноваться послѣд-

[1] *Cod. Iust.* XI, 48 (47), 11: „Colonos domino esse reddendos“.

нему, и что безъ его позволенія онъ ничего не можетъ дѣлать. Формально законы не говорятъ, что этотъ владѣлецъ пользуется надъ нимъ правомъ суда; но что не проникло еще въ законы, уже существовало въ нравахъ[1]. Чтобы объяснить себѣ возникновеніе такихъ обычаевъ, надо вспомнить, что большинство колоновъ были вольноотпущенниками; римское же право всегда ставило вольноотпущенника въ зависимость и подчиненіе по отношенію къ патрону[2].

Слѣдовательно колоны, почти такъ же какъ и рабы, являлись людьми своего господина. Употребленіе слова «человѣкъ», для обозначенія личнаго подчиненія, продолжалось въ теченіе всего средневѣковья; началось же оно уже во времена римской Имперіи. Сами законы, обращаясь къ собственникамъ, говорили: «ваши люди, ваши крестьяне»—*vestri homines, vestri rusticani*[3], и этимъ выраженіемъ они означали не рабовъ, въ собственномъ смыслѣ слова, а всѣхъ тѣхъ, къ кому

Ibid. 12: „Tributarios vel inquilinos apud dominos remanere“. *Ibid.* 13: „Si dominus colonos transtulerit“. *Ibid.* XI, 51, alias 52: „(Sunt in) potestate domini“.—Ср. *Isidor. Sevill.* Orig. IX, 4: „Coloni sunt sub dominio possessoris, pro eo quod locatus est fundus“.

[1] Сами законы обнаруживаютъ это. Кодексъ Θеодосія (XVI, 5, 52, 54, § 6) указываетъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ колонъ подчиненъ юрисдикціи владѣльца, который, взамѣнъ этого, отвѣтственъ за его преступленія.

[2] См. выше гл. 7.

[3] *Cod. Theod.* XIII, 1, 3: „Homines vestri ac rusticani... Rusticanos colonosque vestros“.—*Cod. Iust.* XII, 1, 4: „Senatorum substantiae et homines eorum“.—*Cod. Theod.* XVI, 5, 52: „Homines domus nostrae“. — Сульпицій Северъ въ приписываемомъ ему письмѣ, которое относится къ концу IV вѣка, говоритъ о своихъ колонахъ или крестьянахъ, называя ихъ „homines mei, rustici mei“ (*Epistola ad Salvium*, въ Patrologia latina, t. XX p. 225).

прилагали названія вольноотпущенниковъ, оброчниковъ или колоновъ.

Мы уже говорили, какъ составлялись войска того времени. Собственники должны были поставлять извѣстное количество рекрутовъ, опредѣляемое пропорціонально протяженности ихъ владѣній. Законы указывали, что съ одной стороны эти рекруты не являлись рабами, съ другой же, однако, что они отдавались и поставлялись господиномъ [1]. Слѣдовательно, ихъ брали изъ класса, находящагося по срединѣ между рабствомъ и свободой, то-есть, изъ тѣхъ колоновъ и вольноотпущенниковъ, положеніе которыхъ мы только что разсмотрѣли. Крупные галло-римскіе собственники отдавали для защиты государства часть своихъ людей точно такъ же, какъ еще недавно, крупные русскіе землевладѣльцы посылали на царскую службу часть своихъ крестьянъ.

ГЛАВА IX.

Среднiе классы.

Всѣ перечисленные нами выше классы римскаго общества приближались въ той или иной степени къ рабству, и люди, составлявшіе эти классы, вмѣсто того, чтобы зависѣть отъ государства, зависѣли отъ какого-нибудь господина. Выше ихъ стояли истинно свободные люди, то-есть, тѣ, которые, не находясь ни въ какой личной зависимости, должны были повиноваться только законамъ и правительству. Имъ однимъ приличествовало названіе гражданъ, *cives*, названіе оставашееся весьма употребительнымъ и весьма почетнымъ въ теченіе изучаемаго періода и означавшее, что человѣкъ подчиненъ лишь одной общественной власти. Эти граждане раздѣлялись на нѣсколько совершенно различныхъ группъ.

[1] *Cod. Theodos.* XII, 13, 5; 7: „Dominus tironis, tironem ex agro est oblaturus". Ср. соотвѣтствующее мѣсто въ первомъ томѣ настоящаго сочиненія.

Дѣйствительно, римское общество далеко не могло быть названо демократическимъ. Ни въ какую эпоху своей исторіи римскій народъ не любилъ равенства. Напротивъ, никогда ни одно государство не пошло дальше въ стремленіи создать крѣпкія соціальныя различія. Во времена римской Республики мѣсто личности въ обществѣ опредѣлялось ея богатствомъ. Главною основою политическаго устройства являлся цензъ. Каждый гражданинъ давалъ для его составленія подробное показаніе о своемъ имущественномъ состояніи въ присутствіи магистрата, подъ клятвою, при самыхъ страшныхъ, торжественныхъ и грозныхъ религіозныхъ церемоніяхъ [1]. Затѣмъ магистратъ, согласно этому заявленію, опредѣлялъ его положеніе въ обществѣ. Бѣдность и богатство устанавливали среди людей законныя различія. Первая черта разграниченія пролегала между не имѣющими земельной собственности и землевладѣльцами. На оффиціальномъ языкѣ первые назывались «пролетаріями»; вторые опредѣлялись словомъ *assidui:* это были люди осѣдлые, основавшіеся на мѣстѣ, пустившіе корни въ землю. Первые были равны въ своей бѣдности; вторые имѣли неравное богатство; поэтому ихъ раздѣляли на пять классовъ, сообразно различнымъ цифрамъ ихъ состоянія [2].

[1] *Liv.* I, 42, 43; XXIX, 37.—*Dion. Halic.* IV, 15, 16.
[2] *Liv.* I, 43. *Cic.* De republica, II, 22. *Aul. Gell.* VII. 13.—*Belot*, въ своемъ обширномъ изслѣдованіи—„Histoire des cheva-

Между этими различными категоріями не было равенства ни въ чемъ: ни въ налогахъ, ни на военной службѣ, ни въ политическихъ правахъ. Они не смѣшивались ни въ войскѣ, ни въ народныхъ собраніяхъ [1]. Между гражданами пяти высшихъ классовъ налоги, военная служба и дѣйствительное значеніе въ комиціяхъ распредѣлялись пропорціонально ихъ состоянію [2].

Не слѣдуетъ представлять себѣ римскій народъ временъ Республики смѣшанною, однородною массою. Напротивъ, онъ дѣлился на безконечное число мелкихъ группъ, называвшихся куріями, центуріями, трибами, коллегіями, корпораціями, братствами (sodalitates) [3].

Люди располагались по ихъ богатству, происхожденію, положенію, профессіи. Богатый нигдѣ не соприкасался съ бѣднымъ; мелкій землепашецъ никогда не встрѣчался рядомъ съ ремесленникомъ; кузнецъ не имѣлъ ничего общаго съ гончаромъ.

Описанные обычаи и учрежденія изъ Рима перешли въ провинціи. Тутъ также былъ установленъ цензъ; онъ повлекъ за собою тѣ же послѣдствія, что въ Римѣ, и опредѣлялъ ступени соціальной іерархіи [4].

liers romains", пролилъ яркій свѣтъ на эти соціальныя различія, установившіяся въ римской Республикѣ.

[1] Даже въ собраніяхъ по трибамъ пролетаріи и *libertini* не пользовались тѣмъ же значеніемъ, какъ *ingenui* и собственники.

[2] *Liv.* I, 42; „Ex quo belli pacisque munia non viritim, sed pro habitu pecuniarum fierent" (ср. XXIX, 37).

[3] *Florus*, I, 6: „Populus romanus relatus in censum, digestus in classes, decuriis atque collegiis distributus... Ita est ordinata respublica, ut omnia patrimonii, dignitatis, artium officiorumque discrimina referrentur". Ср. *Plutarch.* Vita Num. 17.

[4] *Liv.* Epist. 134. *Tacit.* Annal. I, 31, 33; II, 6; XIV, 46. *Dio*

Послѣднимъ по значенію классомъ являлся здѣсь тотъ, который, какъ и въ Римѣ, назывался именемъ «плебса». Внутри его различалось нѣсколько элементовъ. Въ самомъ низу находились совершенные бѣдняки, жившіе большею частью только общественными вспомоществованіями; хлѣбъ раздавался имъ или даромъ, или по низкой цѣнѣ; въ извѣстные праздничные дни муниципальные магистраты должны были устраивать имъ пиршества; имъ, какъ и въ Римѣ, раздавался хлѣбъ и устраивались зрѣлища; расходы на такія щедроты принимали на себя высшіе классы. Все заставляетъ думать, что эта часть населенія мало уважалась другими, мало уважала и сама себя.

На высшей ступени помѣщалось трудящееся населеніе. Легально, оно еще составляло часть плебса, но отличалось отъ него извѣстною обезпеченностью, пользовались уваженіемъ; притомъ оно обладало нѣкоторыми правами. Какъ и въ Римѣ, оно было организовано въ корпораціи. При бѣдности свобода являлась въ высшей степени ненадежной; для взаимной поддержки и содѣйствія эти люди вступали въ ассоціаціи. Ремесленники, занимавшіеся однимъ дѣломъ, образовывали корпораціи, подобныя корпораціямъ, существовавшимъ въ Римѣ [1]. Эти со-

Cass. l. XLIV.—*Liber coloniarum*, ed. Lachmann, p. 218.—Галльскія надписи часто упоминаютъ о *censitores*. См. *Renier*, Mélanges d'épigraphie, p. 71-72. Ср. *Corpus*, XII, 408, 671, 1855.—*Professio*, на которую часто указывается въ Кодексахъ, напоминаетъ старый *census*.

[1] *Gaius*, Dig. III, 4, 1: „Item collegia Romae certa sunt, veluti pistorum et quorundam aliorum et naviculariorum, qui et in provinciis sunt".—*Aurelius Victor*, Epist. 14: „Hadrianus fabros, perpendiculatores, architectos, genusque cunctum exstruendorum moenium seu decorandorum in cohortes centuriaverat". *Lamprid.* Alexander

общества, покровительствуемыя правительствомъ, и, въ тоже время, находившіяся подъ его надзоромъ [1], обезпечивали своимъ членамъ независимость по отношенію къ болѣе могущественнымъ классамъ, помощь въ трудѣ и нѣкоторое достоинство въ существованіи. Съ разрѣшенія самого правительства каждая изъ нихъ устраивала свои собранія, свои праздники, священныя пиршества [2], присваивала себѣ особыя знамена, носившіяся съ гордостью въ дни общественныхъ церемоній [3]. Каждая имѣла свою собственную казну, поддерживаемую вкладами членовъ пожертвованіями и завѣщаніями, и владѣла имуществами въ видѣ земель или доходныхъ статей [4]. У каждой были также свои начальники, выбиравшіеся вполнѣ свободно ею самою; иногда она брала ихъ изъ своей среды, чаще изъ сферъ, стоявшихъ выше ея, чтобы они были болѣе способны защищать ея интересы или поддерживать согласіе среди ея членовъ [5]. Всѣ указываемыя ассоціаціи въ совокупности какъ бы составляли комплексъ маленькихъ свободныхъ общинъ, которыя сами управляли своими дѣлами, никогда, однако, не вступая въ оппозицію съ правительствомъ великаго государства, внутри котораго они организовались.

Severus, 33: „Corpora omnium constituit vinariorum, lupinariorum, caligariorum, et omnino omnium artium“. Ср. *Cod. Theod.* XIV, 8, 1.

[1] *Dig.* III, 4; XLVII, 22. Надписи упоминаютъ—„collegia licite coeuntia, quibus est coire ex senatusconsulto permissum“.

[2] *Cod. Theod.* XVI, 10, 20.—*Orelli*, 2417.

[3] „Vexilla collegiorum“ упоминаются Требелліемъ Полліономъ (*Gallieni*, 8). Ср. *Vopiscus*, Aurelianus, 34. *Eumen.* Gratiarum actio, 8 (ed. Baehrens, p. 186).

[4] *Dig.* XXXIV, 5, 20 (21). *Cod. Theod.* XVI, 10, 20.—*Orelli*, 4068, 4135.—См. *E. Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, t. I (2 éd. P. 1900).

[5] *Lamprid.* Severus, 33.—*Orelli*, 3761, 4054, 4083, 7180.

Наравнѣ съ корпораціями ремесленниковъ, существовали также корпораціи торговцевъ. Онѣ пользовались уваженіемъ сообразно ихъ значенію и богатству. Правительство, чувствуя, что общество не могло обходиться безъ нихъ, даровало имъ различныя привилегіи. Многія изъ нихъ, какъ, напримѣръ, знаменитая коллегія парижскихъ судохозяевъ на Сенѣ (*Nautae parisiaci*), просуществовали гораздо дольше, чѣмъ сама Имперія. Можно даже сказать вообще, что система корпорацій, которая являлась въ провинціяхъ благодѣяніемъ римскаго господства, пережила эпоху этого господства. [1].

Выше всѣхъ разсмотрѣнныхъ классовъ, составлявшихъ лишь различныя ступени плебса, поднимались земельные собственники. Римскій умъ привыкъ считать владѣніе землею лучшимъ благомъ для человѣка, въ немъ видѣли тогда полнѣйшее удовлетвореніе естественныхъ потребностей и матеріальныхъ интересовъ послѣдняго, даже залогъ его нравственности, вѣрное обезпеченіе свободы. Владѣніе землею становилось тогда мѣриломъ политическихъ обязанностей и правъ человѣка. Самый бѣдный владѣлецъ уважался больше, чѣмъ богатый купецъ [2].

[1] См. О *nautae* на Ронѣ и Сонѣ, о корпораціяхъ утрикуларіевъ и т. д. въ Нарбонской Галліи у *Hirschfeld*, Corp. Inscr. Lat. t. XII, p. 942 и замѣтки *Allmer* въ Revue épigraphique.

[2] Подробности о томъ, какъ совершалась операція ценза въ провинціяхъ, неизвѣстны. Многіе факты заставляютъ думать, что не все состояніе вводилось въ него или фигурировало на его спискахъ въ своей дѣйствительной стоимости. Движимое имущество мало цѣнилось въ такихъ случаяхъ. Многія основанія могли побуждать исключить изъ ценза опредѣленный классъ людей или опредѣленный разрядъ имуществъ. Извѣстно, напримѣръ, что состояніе вольноотпущенника вносилось въ списки

Населеніе провинцій, какъ указываютъ кодексы, надписи, всѣ документы, по которымъ опредѣляется соціальное положеніе людей, распадалось всегда на двѣ категоріи; первая называлась классомъ собственниковъ (*possessores*), вторая—классомъ плебеевъ (*plebeii*) [1]. Въ теченіе всей исторіи Имперіи между владѣльцами земли и тѣми, кто былъ ея лишенъ, сохранилось существенное и коренное различіе. Эта замѣчательная и характерная черта общественныхъ нравовъ римской Имперіи, какъ увидимъ позже, оказала могущественное дѣйствіе на соціальный строй не только той эпохи, но и послѣдующихъ вѣковъ [2].

Была еще одна отличительная черта въ порядкахъ изучаемой эпохи, которую не слѣдуетъ упускать изъ вида. То, что тогда называли муниципальной общиной (*civitas*), было не только городомъ, но въ то же время и извѣстной территоріей. Эта область могла быть даже весьма обширною—болѣе значительной, чѣмъ современный французскій департаментъ, включать въ себя нѣсколько городовъ и большое число деревень; но тѣмъ не менѣе она оставалась муниципальною единицею: у нея былъ свой главный городъ, своя администрація и свои магистраты. Такъ какъ эта муниципальная община обнимала собою и городъ, и деревню, то членами ея въ равной мѣрѣ являлись какъ сельскіе жители, такъ и горожане. Первые пользовались даже большими преимуществами, сравнительно со вторыми. Они одни считались настоящими членами муниципальной корпораціи, истинными куріалами. Чтобы войти въ составъ этого сословія, надо было владѣть, по крайней мѣрѣ, 25 югерами земли. Городской классъ того времени, стало быть, не походилъ на современный. Онъ состоялъ по преимуществу изъ собственниковъ сельскихъ помѣстій. Не считалось важнымъ, находилось-ли ихъ обычное мѣсто жительства въ городѣ или въ деревнѣ; но было необходимо, чтобы они владѣли землею на территоріи муниципія. На этомъ условіи они пользовались всѣми правами гражданъ общины; они принимали участіе въ собраніяхъ, участвовали въ управленіи, въ пользованіи общинными имуществами, выбирали магистратовъ.

Выше мелкихъ собственниковъ, которые могли владѣть только 25 югерами земли, располагалось сословіе декуріоновъ; чтобы войти въ него, надо было владѣть довольно значительною цифрою состоянія; минимумъ, согласно одному тексту Плинія, кажется, достигалъ 100,000 сестерціевъ имущества, внесеннаго въ цензъ. Надъ простыми декуріонами возвышались еще тѣ, кого называли главнѣйшими или первѣйшими (*principales*). Неизвѣстно, какая цифра состоянія требовалась, чтобы сдѣлаться членомъ послѣдняго класса. Несомнѣнно одно, что малосостоятельный человѣкъ не имѣлъ никакихъ средствъ проникнуть въ него; если ему удавалось проскользнуть въ его составъ, огромныя издержки въ пользу общины, налагавшіяся на членовъ этого класса, мѣшали ему долго пребывать въ

лишь, начиная съ нѣкоторой цифры. *Liv.* XLV, 15. *Dio Cassius*, LV, 13.—Мотивы, заставлявшіе отказывать человѣку во внесеніи его и его имущества въ цензъ, указаны въ одной рѣчи Діона Хрисостома (XXXIV).

[1] *Ulp.* Dig. L, 9, 1: „Commissum est ordini et possessoribus cuiusque civitatis...“ Въ Кодексѣ Ѳеодосія (XI, 15,2) классъ „potiores id est possessores“ противополагается „inferiores vel plebeii“. Точно также въ одной надписи (*Henzen*, 5171) „ordo possessorius“ ставится передъ „populus“. Ср. *Orelli*, 3734; *Herzog*, № 574. *C. I. L.* 2459, 2460, 5874.

[2] Ср. четвертый томъ настоящаго сочиненія, гл. 1 и 2.

немъ. Всѣ соціальныя ступени опредѣлялись, такимъ образомъ, цифрою ценза, и на всѣхъ этихъ ступеняхъ права и обязанности были пропорціональны богатству.

ГЛАВА X.

Знать въ римской Имперіи.

I.

Боролась-ли Имперія съ аристократіей?

До римскаго господства въ Галліи существовала благородная каста [1], которую Цезарь называетъ сословіемъ всадниковъ; она отличалась по отношенію къ народной массѣ трояким превосходствомъ—происхожденія, богатства и силы оружія, и являлась военною знатью по преимуществу. На ряду съ нею стоялъ жреческій классъ друидовъ, оспаривавшій у этой военной знати высшее положеніе въ государствѣ. Оба указанныя сословія почти деспотически управляли галльскимъ обществомъ, не смотря на нѣкоторыя попытки, которыя, какъ кажется, дѣлали низшіе классы, чтобы избавиться отъ такой власти. Послѣдствіемъ утвержденія римскаго господства было быстрое исчезновеніе обѣихъ названныхъ категорій знати, и пока существовала Имперія, ни жреческая, ни военная аристократія не возродились болѣе въ Галліи. Изъ этого не слѣдуетъ выводить, чтобы всѣ общественныя различія были уничтожены. Римъ никогда не зналъ демократическаго строя, и въ теченіе его долгой исторіи не было ни одной эпохи, въ которую въ немъ не существовало бы знати.

Патриціатъ древнѣйшихъ вѣковъ не имѣетъ уже

[1] См. главу третью тома 1-го настоящаго сочиненія.

никакого отношенія къ нашему предмету, поэтому мы не будемъ говорить о немъ. Обращаясь мыслью къ послѣднему вѣку Республики, къ временамъ Марія и Цицерона, мы найдемъ въ римскомъ обществѣ аристократію, такъ же прочно сложившуюся, какъ и древній патриціатъ; мы должны теперь попытаться перечислить различные ея слои.

Надъ простыми гражданами возвышалось прежде всего сословіе всадниковъ, которое само подраздѣлялось на два въ высшей степени неравныхъ класса. Всѣ тѣ, кто обладалъ состояніемъ, оцѣненнымъ по спискамъ ценза въ 400,000 сестерціевъ, могли въ силу этого считать себя римскими всадниками; они являлись таковыми, только благодаря своему имуществу и назывались *equites equo privato* [1]. На высшей ступени стояли тѣ, которые, обладая болѣе значительнымъ состояніемъ или другими какими-нибудь преимуществами, были внесены цензорами въ оффиціальную книгу этого сословія. Такъ какъ они являлись всадниками по постановленію общественной власти, ихъ называли *equites equo publico* [2]. Они признавались значительно выше первыхъ.

[1] *Liv.* V, 7: „Quibus census equester erat."—Ср. *Horat.* Epist. I, 1.—*Plin.* Epistolae, I, 19.

[2] Слова „*equus publicus*" не должны пониматься буквально въ смыслѣ „лошади, данной государствомъ"—Мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ изъ тѣхъ старинныхъ терминовъ оффиціальнаго языка, которые потеряли свое первоначальное точное значеніе. „Equus" означаетъ не лошадь, а всадническое званіе; „equus privatus"—всадническое званіе, вытекающее изъ имущественнаго положенія; „equus publicus—это званіе, предоставлявшееся личности государствомъ. Какъ случается почти всегда, оффиціальный языкъ сохранилъ въ своей терминологіи старинныя изреченія; вмѣсто того чтобы сказать: дать званіе всадника, или возвысить въ нее человѣка, говорили „assignare equum", „equum

Внутри самого этого сословія также намѣчались неравенства, такъ какъ оно дѣлилось на двѣнадцать центурій второго разряда и шесть перваго; послѣднія состояли изъ людей болѣе знатнаго происхожденія. Были также всадники, пользовавшіеся правомъ прибавлять къ своему чину оффиціальный титулъ *splendidus* или *illuster* [1].

Выше всѣхъ располагалось на общественной лѣстницѣ сенаторское сословіе. Первымъ условіемъ для вступленія въ него было обладаніе крупнымъ состояніемъ [2], вторымъ— внесеніе имени даннаго лица цензорами въ соотвѣтствующій сословный списокъ. Впрочемъ, право на такое зачисленіе въ *ordo senatorius* опредѣлялось либо происхожденіемъ, либо отправленіемъ важныхъ

adimere".—„Dare equum "аналогично выраженію „dare vitem", прилагавшемуся къ центуріонамъ (*Spartian.* Hadrian. 10). Одинъ писатель (*Capitolin.* Antonin. 4) употребляетъ выраженіе „dare honorem equi publici".—Два текста обнаруживаютъ различіе, существовавшее между обѣими категоріями всадниковъ: одинъ изъ нихъ относится ко временамъ Республики, другой—ко временамъ Адріана. Титъ Ливій (V, 7) говоритъ о классѣ людей, которые не были „pedestris ordinis" (послѣдній упоминается дальше и отмѣченъ очень ясно), а слѣдовательно представляли собою „equites"; по крайней мѣрѣ, они являлись таковыми по цензу—„quibus erat census equester", но званіе—„equo publico" имъ не давалось („equi publici non erant assignati"). Одно изрѣченіе императора Адріана, передаваемое Досиѳеемъ, указываетъ, что можно было обладать „facultatem equestris dignitatis", то-есть, тою суммою состоянія, которая была необходима, чтобы сдѣлаться всадникомъ, и все таки приходилось еще ходатайствовать о дарованіи—„equus publicus, то-есть, о занесеніи въ списокъ оффиціальныхъ всадниковъ. (*Dosith.* Sententiae Hadriani, у *Böcking*, Corpus iuris anteiustiniani, p. 205).

[1] *Cicero*, De finibus, II, 18; In Verrem, II, 28.— *Liv.* XXX, 18. *Tacit.* Annales, II, 59; IV, 58; XI, 4 и 35; XV, 28. *Orelli* 140; 3051.

[2] *Spartian.* Hadrian. 7: „Patrimonium senatoriae professionis".

должностей. Званіе сенатора являлось, такимъ образомъ, если и не по закону, то въ силу обычая, почти наслѣдственнымъ. Наконецъ, внутри самого сенаторскаго класса выше простыхъ его членовъ, стояли люди, называвшіеся *nobiles*.

Таковыми являлись тѣ, кто могъ доказать, что сенаторское званіе было давнимъ достояніемъ его фамиліи, кто имѣлъ предковъ—магистратовъ, и кто пользовался правомъ выставлять въ своемъ домѣ ихъ изображенія (*imagina*) и возить послѣднія въ торжественныхъ процессіяхъ на священныхъ колесницахъ во время погребальныхъ церемоній и тріумфальныхъ торжествъ [1].

По количеству такихъ изображеній дѣлали заключеніе о степени знатности, при чемъ тѣ, у кого предками были только одни преторы, отличались отъ тѣхъ, кто насчитывалъ въ числѣ членовъ своихъ восходящихъ поколѣній консуловъ и цензоровъ. Различія отмѣчались особыми мѣстами на засѣданіяхъ и совѣ-

[1] Относительно *ius imaginum* и чрезвычайной важности, связанной съ такимъ правомъ, можно прочитать у Цицерона. См. Pro Rabirio Postumo, 7; In Verrem, V, 14; In Rullum II, I. Ср. также *Polyb.* VI, 53.—*Plin.* Histor. natur. XXXV, 2.—*Vitruv.* VI, 3, 6.—Эти изображенія предковъ были священными предметами, какъ бы идолами, которымъ приносились жертвы (*Dio Cass.* LVIII, 4; 7; LIX, 27; LX, 5). Въ Римѣ велся счетъ изображеніямъ предковъ почти такъ же, какъ дворяне новаго времени во Франціи высчитывали свои „quartiers", съ тою лишь разницей, что тамъ члены фамиліи, которые не были облечены при жизни никакою важною государственною должностью, не фигурировали въ галлереѣ предковъ. Указываемый обычай считать количество изображеній предковъ объясняетъ выраженіе Тита Ливія (I, 34): „Ancum nobilem una imagine Numae", и слова Светонія (August. 4): „Balbus multis in familia senatoriis imaginibus".

щаніяхъ сената такъ же, какъ это дѣлалось въ частной жизни. Такова была соціальная лѣстница во времена римской Республики. Изъ рѣчей и писемъ Цицерона можно убѣдиться въ томъ, какое презрѣніе питалъ каждый изъ названныхъ классовъ по отношенію къ классу, стоявшему непосредственно ниже его [1], и какое смѣшанное чувство почтенія и зависти испытывалъ онъ по отношенію къ классу, находившемуся непосредственно выше.

Слѣдуетъ также замѣтить, что въ теченіе всей исторіи Рима не было сдѣлано ни одной серьезной попытки уничтожить установившуюся іерархію. Представлять себѣ народныхъ трибуновъ демократическими реформаторами значило бы создавать совершенно неточное понятіе о ихъ политической роли. Правда, они боролись противъ патриціевъ, но только съ тою цѣлью, чтобы возвести на ихъ мѣсто ту аристократію, кото-

[1] Соперникъ Целія упрекалъ послѣдняго предъ трибуналомъ въ томъ, что онъ былъ сыномъ лишь римскаго всадника. *Cicer.* Pro Caelio, 2: „Equitis romani esse filium criminis loco poni; obiectus est pater, quod parum splendidus".—Мурена равнымъ образомъ получалъ упреки за низкое происхожденіе отъ своего соперника, который хвастался своимъ собственнымъ родомъ: „Contempsisti Murenae genus, extulisti tuum". Цицеронъ же защищаетъ своего кліента, доказывая, что онъ принадлежитъ къ преторской семьѣ (*Cic.* Pro Murena, 7). — Трибунъ Руллъ хвастался передъ народомъ благородствомъ своего происхожденія, а Цицеронъ, чтобы отвлечь отъ него народные голоса, распускалъ слухъ ѳ вымышленности этого утвержденія: „Tentavit patientiam vestram cum se nobilem esse diceret" (*In Rullum*, II, 7).—Та же черта римскихъ нравовъ обнаруживается и во многихъ другихъ мѣстахъ Цицерона; ее можно также подмѣтить у Тита Ливія, Горація и Овидія. — См. еще рѣчь Марка Антонія, обращенную къ народу послѣ смерти Цезаря; онъ начинаетъ ее съ восхваленія знатности диктатора (*Dio Cass.* XLIV, 37).

рую мы только что описали, и которую они непрестанно поддерживали. Большинство трибуновъ даже принадлежало къ знати или надѣялись попасть въ число ея членовъ [1].

Причиною и основою неравенства являлось богатство гораздо больше, чѣмъ происхожденіе. Ступени соціальной лѣстницы опредѣлялись прежде всего цифрами ценза [2]. Римскій умъ не могъ допустить, чтобы бѣдный человѣкъ принадлежалъ къ аристократіи, какъ и наоборотъ, чтобы богатый не являлся ея членомъ. Однако, происхожденіе также цѣнилось очень высоко, и чтобы богатство пріобрѣло въ глазахъ Римлянъ полное обаяніе, надо было получить его по наслѣдству, а чѣмъ большее число поколѣній какой-либо фамиліи владѣло преемственно богатствомъ, тѣмъ почетнѣе считалось послѣднее. Это общество, преклонявшееся передъ богатствомъ, тѣмъ не менѣе презирало выскочекъ, новыхъ людей; въ немъ укоренилось воззрѣніе, что сравнительная высота положенія одного человѣка надъ другимъ должна устанавливаться пропорціонально древности ихъ состоянія. Справедливо отмѣтить, стало быть, что доступъ въ ряды аристократіи былъ открытъ для всѣхъ, но надо прибавить,

[1] Самыми горячими противниками Гракховъ оказались трибуны. Гракхи сами были знатнаго происхожденія. Цицеронъ, говоря объ одномъ трибунѣ своего времени, именно о Руллѣ, причисляетъ его къ очень знатнымъ людямъ; и, въ самомъ дѣлѣ, тотъ принадлежалъ къ консульской семьѣ Сервиліевъ. Такимъ образомъ, онъ самъ былъ знатнымъ человѣкомъ и оказался иниціаторомъ одного аграрнаго закона, въ которомъ также не было ничего демократическаго.

[2] *Plin.* Histor. natur. XIV, 1: „Senator censu legi, iudex fieri censu".—*Tacit.* Annal. II, 33: „Distinctos senatus et equitum census ut locis, ordinibus, dignationibus antistent".

что можно было проникать туда лишь медленно. Повышеніе регулировалось строгими законами, приходилось долго подниматься со ступени на ступень, причемъ одному человѣку не разрѣшалось проходить болѣе одного шага. Честолюбіе и трудъ цѣлой жизни направлялись на то, чтобы повысить свою семью на одну ступень.

Законы римской Республики стали демократическими, но Римъ управлялся не законами, а обычаями [1], которые были аристократическими. Народъ относился къ знатнымъ настолько же почтительно, насколько тѣ относились къ нему высокомѣрно. Голосами въ собраніяхъ распоряжались богатые, а таковыми являлись тѣ, кто достигъ уже знатности или шелъ къ ней [2]. Для пріобрѣтенія магистратуръ надо было прежде всего обладать большимъ состояніемъ, такъ какъ отправленіе ихъ обходилось чрезвычайно дорого; для этого почти необходимо было также принадлежать къ числу благородныхъ семействъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы кандидаты на должности придерживались обыкновенія льстить народу, обращаясь къ нему на демократическомъ языкѣ. Они производили гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе на народъ, когда напоминали ему о своихъ предкахъ, развертывая передъ нимъ свою генеалогію. Домогающіеся высокихъ магистратуръ наперерывъ стремились доказать на глазахъ народа свое превосходство въ смыслѣ знатности происхожденія. Самое лучшее основаніе, на которое можно было

[1] Объ этомъ будетъ подробнѣе сказано въ соотвѣтствующей главѣ V-го тома настоящаго сочиненія.

[2] Достаточно хорошо извѣстно, что въ два послѣдніе вѣка римской Республики голоса избирателей покупались. См. *Cicer.* Pro Cluentio, 27; Pro Plancio, 19; Ad Atticum, IV, 15.—*Liv.* Epit. 69.

опираться, добиваясь консульства, заключалось въ ссылкѣ на то, что эта должность уже занималась отцомъ кандидата [1]. Тщетно отстаивали нѣкоторые трибуны преимущества заслуги передъ происхожденіемъ; въ день избранія магистратовъ почтеніе народа къ знатнымъ фамиліямъ оказывалось сильнѣе ихъ рѣчей, и народъ рѣдко соглашался подавать голоса за того, кто назывался «новичкомъ» (*homo novus*).

Утвердилась Имперія: неравенство исчезло въ государственномъ устройствѣ; но оно всецѣло сохранилось въ нравахъ. Общество продолжало дѣлиться на классы, располагавшіеся одинъ надъ другимъ. Историки постоянно говорятъ о знати, о сословіи всадниковъ и о плебеяхъ [2]. Въ театрахъ и на представленіяхъ цирка каждый получалъ опредѣленное мѣсто, смотря по своему званію; всадники совершенно такъ же не имѣли права смѣшиваться съ сенаторами, какъ плебеи съ всадниками. Бросьте взглядъ на римское гражданство когда оно присутствуетъ при какой-нибудь церемоніи или на похоронномъ торжествѣ; вы нигдѣ не увидите однородной толпы; во главѣ всегда идутъ сенаторы, за ними шествуетъ всадническое сословіе, позади всѣхъ слѣдуютъ плебеи, также распредѣленные по классамъ [3].

[1] См. письма Цицерона и его рѣчахъ Pro Murena, Pro Plancio.

[2] *Plin.* Panegyr. c. 9: „Nobilitas“. — *Tacit.* Histor. I, 88 — 89: „Nobilitas, eques, vulgus“. — *Tacit.* Annal. III, 5: „Honores cuicumque nobili debitos“. — *Iul. Capitol.* Maximinus, 8: „Maximinus ob humilitatem generis a nobilitate contemnebatur“.—*Ibid.* 2; 7: „Balbinus, familiae vetustissimae, nobilissimus“.—*Herodian.* I, 8; III, 5: „Οἱ εὐγενεῖς, οἱ εὐπατρίδαι“.

[3] См. разсказъ объ освященіи Капитолія у Тацита, Histor. IV, 53; описаніе похоронъ Пертинакса у Діона Кассія, LXXIV, 4 и 5; изображеніе тріумфа Галліена у Требеллія Полліона (гл. 8).

Римскія фамиліи тщательно вели свои генеалогическія таблицы [1]. Ювеналъ разсказываетъ о благородныхъ Римлянахъ, которые, гордясь старою кровью, текущею въ ихъ жилахъ, вывозятъ въ дни публичныхъ процессій на священныхъ колесницахъ изображенія своихъ предковъ; послѣднія почитались тѣмъ выше, чѣмъ болѣе они были стары и изуродованы временемъ. Тацитъ, который былъ самъ аристократомъ и писалъ для аристократіи, говоритъ съ особеннымъ презрѣніемъ обо всемъ, что не носитъ признаковъ знатности [2].

Быть лишь всадникомъ значило въ его глазахъ обладать низкимъ происхожденіемъ. Когда онъ представляетъ намъ какого-нибудь дѣятеля, то рѣдко забываетъ указать положеніе, которое занимали его отецъ и дѣдъ [3]. Переходъ человѣка изъ званія всадника въ званіе сенатора кажется ему событіемъ, достойнымъ вниманія историка, и онъ отмѣчаетъ фактъ возвышенія сына вольноотпущенника какъ неприличное нарушеніе традиціи. Его сочиненіе представляетъ собою скорѣе исторію знатныхъ родовъ, чѣмъ исторію всего общества. Самый языкъ его аристократиченъ и

1 *Tacit.* Annal. II, 27: „Plena imaginibus domus Scribonia“.

2 *Tacit.* Annal. VI, 39; III, 29; IV, 21.

3 *Histor.* I, 14: „Piso nobilis utrinque“; I, 49: „Galbae vetus nobilitas“; „claritas natalium“; I, 52: „patris consulatus, censuram“. *Annal.* III, 30: „Volusio vetus familia, neque tamen praeturam egressa; ipse consulatum intulit;“ VI, 15: „Vinicius, patre atque avo consularibus caetera equestri familia“. Это значитъ: „сенаторское званіе принадлежало фамиліи Виниція лишь въ двухъ послѣднихъ поколѣніяхъ, его прадѣдъ былъ лишь всадникомъ“.—*Histor.* I, 52: „Virginius equestri familia“, то-есть, „Виргиній принадлежалъ лишь къ всаднической фамиліи“. — *Annal.* IV, 21: „Cassius Severus sordidae originis“.—*Ibid.* III, 75: „Capito, avo centurione, patre praetorio“.

высокомѣренъ, и словами „порядочные люди“ (*honestiores*) его перо обозначаетъ то же понятіе, что и перо герцога Сенъ-Симона. Соціальныя различія отмѣчались и внѣшними признаками. Сенаторъ узнавался по широкой пурпуровой полосѣ, нашитой на его тогу, всадникъ—по золотому кольцу. Каждому классу принадлежалъ особый титулъ: сенаторъ имѣлъ право носить званіе *clarissimus*, всадникъ — *egregius* или *illustris* [1]. Не слѣдуетъ думать, что эти титулы появились лишь во времена Имперіи; они часто употреблялись при Траянѣ и Маркѣ Авреліи, но были уже въ ходу при Цицеронѣ.

Званія и титулы были наслѣдственны. Во времена Республики оказывалось почти невозможнымъ, чтобы сынъ сенатора не наслѣдовалъ положенію отца; то же происходило и во времена Имперіи. Августъ хотѣлъ, чтобы сыновья сенаторовъ съ самой ранней юности присутствовали на засѣданіяхъ сената и, такимъ образомъ, обучались выполненію тѣхъ обязанностей, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ возложены на нихъ съ теченіемъ времени [2]. Существуютъ законы, относящіеся къ эпохѣ Антониновъ, которые ясно указываютъ, что сенаторское достоинство передавалось по наслѣдству [3].

1 *Orelli,* 784, 3413, 3764, 4040. *Henzen,* 5315, 6909, (*Corp. inscr. lat.* XII, 3165, 3170). — *Tacit.* Annal. IV, 58; XI, 4 и 35; XV, 28.—Когда обращались къ консулу или къ претору, говорили: „Vir clarissime“ (*Plin.* Epistolae, VII, 33. *Aulus Gell.* XV, 5; I, 2; II, 2). — Ср. *Dig.* XXVII, 9; VI, 1, 52; VI, 21, 4; L, 16, 100: „Clarissimas personas“.

2 *Sueton.* August. 38.

3 *Paul.* Dig.I, 9, 6 „Senatoris filius est et is, quem in adoptionem accepit. A senatore in adoptionem filius datus ei, qui inferioris dignitatis est, quasi senatoris filius videtur, quia non amittitur senatoria dignitas adoptione“. Ср. *Ulp.* Dig. I, 9, 5; 7. — *Cod. Iust.*

Знатность распространялась даже на женщинъ. Жена сенатора носила званіе „clarissima", жена всадника перваго разряда „illustris" или „splendida" [1]. Вдовы сохраняли титулы мужей, сыновья получали званія отцовъ съ самаго рожденія [2], дочери сохраняли ихъ подъ условіемъ не унижаться до брака съ человѣкомъ низшаго класса [3]. Какъ законы, такъ и обычаи запрещали неравные браки [4]. Все, касающееся вопроса объ аристократическомъ превосходствѣ, считалось въ высшей степени важнымъ: юрисконсультъ Ульпіанъ принужденъ былъ разслѣдовать, должна ли жена бывшаго консула пользоваться преимуществомъ передъ префектомъ преторія [5].

Духъ аристократизма римскаго общества былъ слишкомъ могуществен, чтобы императорамъ оказалось возможнымъ дѣйствовать въ демократическомъ направленіи такъ рѣшительно, какъ нѣкоторые изъ нихъ

XII, 1, 11: „Cum paternos honores invidere filiis non oporteat, a senatore vel clarissimo susceptum in clarissimatus sciendum est dignitate mansurum".

[1] *Ulp.* Dig. I, 9, 8: „Feminae nuptae clarissimis personis clarissimarum personarum appellatione continentur".—*Ibid.* L, 16, 100: „Clarissimas personas utriusque sexus".— *Sueton.* Otho, 1: „Alba Terentia, splendida femina".—*Tacit.* Annal. XI, 13: „Feminae illustres".— *S. August.* De moribus Ecclesiae catholicae (I, 35, § 77): „Senatores utriusque sexus".—*Symmach.* passim.

[2] Сохранились надгробныя надписи, изъ которыхъ видно, что дѣти носили титулы „clarissimus puer", „clarissima puella", „puella equestris memoriae". См. *L. Renier*, Mélanges d'épigraphie, p. 214 и 289. *Orelli*, 3053, 3764; *Henzen*, 5315, 6410, 6909, 7121. *Corp. inscr. lat.* XII, 137, 675, 2599, 1524, 5804.

[3] *Ulp.* Dig. I, 9, 8: „Feminis dignitatem clarissimam parentes tribuunt, donec plebeii nuptiis fuerint copulatae".

[4] *Dig.* XXIII, 2, §§ 16, 23, 27, 32, 44.

[5] *Ulp.* Dig. I, 9. I.

того хотѣли. Тѣ же условія повышенія по службѣ, какія были установлены во времена Республики, соблюдались съ небольшими отличіями и при императорахъ. Государь самъ назначалъ магистратовъ, но онъ былъ почти обязанъ выбирать ихъ изъ людей высшихъ классовъ [1].

Въ эту эпоху люди также настойчиво добивались почетныхъ должностей, какъ во времена Республики; послѣднія не давали больше власти, но за то доставляли званіе, которое въ глазахъ большинства имѣло тогда больше цѣны, чѣмъ власть. Занятіе должности эдила или претора высоко удовлетворяло стремленіямъ самыхъ честолюбивыхъ людей [2]. Эти магистратуры были почти наслѣдственными; императоры—если исключить нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, которые произвели впечатлѣніе общественнаго скандала—не рѣшались жаловать ихъ своимъ любимцамъ или приближеннымъ,

[1] *Tacit.* Annal. IV, 6: „Mandabat honores nobilitatem maiorum spectando".—Надо было быть сыномъ сенатора, чтобы получить низшія магистратуры такъ называемаго вигинтивирата, черезъ которыя необходимо было пройти для достиженія болѣе высокихъ должностей.

[2] Это вытекаетъ изъ многочисленныхъ надписей, дающихъ свѣдѣнія о *cursus honorum*. — См. также *Plin.* Panegyr. 69.— *Auson.* Gratiarum actio и *Panegyrici veteres*, passim.—„Ab aetate puerili ad hanc usque canitiem consulatus amore flagravi", говоритъ Мамертинъ въ своемъ панегирикѣ Юліану (гл. 17). Тѣ же самыя чувства засвидѣтельствованы Авзоніемъ, Рутиліемъ, Сидоніемъ Аполлинаріемъ. Императоры постоянно заявляли, что консульство является самою высокою должностью въ государствѣ: „Diversa culmina dignitatum consulatui cedere decernimus; consulatus praeponendus est omnibus fastigiis dignitatum" (*Cod. Theod.* VI, 6, 1). — Люди, обладавшіе консульскимъ достоинствомъ, всегда пользовались преимуществами предъ префектами преторія (*Dig.* I, 9, 1)..

а сохраняли ихъ для членовъ знатныхъ фамилій: „Естественно, чтобы сынъ консула въ свою очередь становился консуломъ; консульство является его достояніемъ, и онъ заслуживаетъ его уже въ силу своего высокаго происхожденія“,—такъ говоритъ въ оффиціальной рѣчи современникъ Траяна [1]. Современники Марка Аврелія удивлялись, когда этотъ императоръ сдѣлалъ консуломъ Пертинакса, не потому чтобы у послѣдняго не было заслугъ, а потому что происхожденіе его казалось недостаточно знатнымъ. [2] Правда, императоры назначали людей низкаго положенія на службу въ канцеляріи своей центральной администраціи или для завѣдыванія своими личными дѣлами, но это происходило потому, что упомянутыя должности считались еще мало почетными, и для занятія ихъ нужны были только простые слуги. Вообще же императоры остерегались поручать людямъ подобнаго рода высокіе административные посты въ столицѣ, а также управленіе провинціями; все это сохранялось для знати, для сенаторовъ или, по меньшей мѣрѣ, для сословія всадниковъ; въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ Имперіи высокія военныя должности являлись почти исключительнымъ достояніемъ высшихъ классовъ. Командованіе мелкими отрядами по полному праву принадлежало всадникамъ; поэтому они и получили названныя должности по достиженіи 18-лѣтняго возраста [3]. Но, чтобы командовать легіономъ, требовалось

[1] *Plin.* Panegyr. c. 58: „Non debitum hoc illi? Non vel sola generis claritate promeritum?“ *Ibid.* c. 69: „Iuvenibus clarissimae gentis debitum generi honorem offerres“.

[2] *Dio Cass.* LXXI, 22.

[3] *Orelli*, 3050, 3052.—*L. Renier*, Mélanges d'épigraphie, p. 232.—*Sueton.* August. 38; Claud. 25; Otho, 10.—*Vell.* II, 76, 101, 111

быть сенаторомъ [1]; чтобы сдѣлаться начальникомъ цѣлой арміи, было почти необходимо имѣть званіе консуляра [2].

Историки часто склоняются къ мысли, что сенатъ во времена Имперіи не пользовался ни значеніемъ, ни уваженіемъ. На самомъ дѣлѣ писатели того времени всегда изображаютъ его, напротивъ, какъ учрежденіе которое встрѣчало по прежнему почитаніе и нерѣдко проявляло опредѣленную власть. Тацитъ въ точныхъ выраженіяхъ говоритъ, что часть управленія лежала на сенатѣ [3]; его называли государственнымъ совѣтомъ Имперіи; юрисконсульты продолжали разсматривать его, какъ настоящій источникъ законодательства. Это происходило потому, что онъ являлся собраніемъ всего, что было самаго богатаго и блестящаго въ Имперіи. Въ эпоху, отличавшуюся рѣзкимъ аристократизмомъ нравовъ, онъ представлялъ собою самую знать. Поэтому ему никогда не отказывали въ уваженіи. При

[1] Командованіе легіономъ довѣрялось лишь бывшимъ преторамъ (*L. Renier*, ibid. p. 78), а преторы были членами сената.

[2] См. *L. Renier*, Mélanges d'épigraphie, p. 78.—Коммоду ставили въ упрекъ, что онъ первый отнялъ командованіе арміею у сенаторовъ и отдалъ его людямъ, имѣвшимъ лишь всадническое званіе (*Lamprid.* Comm. 6). — Позже нѣкоторые императоры, какъ, напримѣръ, Галліенъ, хотѣли удалить сенаторовъ изъ арміи; ср. *Wilmanns*, De praefecto legionis, въ „Ephemeris epigraphica“, 1872, p. 102. Но существуетъ много примѣровъ, указывающихъ, что это удаленіе далеко не проводилось съ безусловною строгостью.

[3] *Tacit.* Histor. I, 50: „Senatus cui aliqua pars et cura reipublicae“. — Префектъ преторія стоялъ по званію ниже сенатора (*Lamprid.* Commodus, 4). Ср. *Dig.* I, 9, 1.—См. латинскую диссертацію *Bloch*, De senatu (p. 84—85).

Θеодосіи, какъ и при Августѣ онъ оставался предметомъ почтенія всего общества [1].

Различные императоры держались по отношенію къ нему двоякой политики: одни расточали ему знаки своего уваженія, другіе преслѣдовали его своею ненавистью. Первые аккуратно присутствовали на его засѣданіяхъ, и сами принимали въ нихъ участіе въ качествѣ простыхъ членовъ высокаго собранія, а не его предсѣдателей; они вносили въ сенатъ свои предложенія, предоставляя часто рѣшеніе ему самому. Такъ поступали Августъ, Тиберій, Клавдій, Веспасіанъ, Траянъ, Антонинъ и еще многіе кромѣ нихъ [2]. Другіе, какъ Неронъ, Домиціанъ, Коммодъ, Каракалла—боролись съ нимъ; они хотѣли ослабить и унизить его, и употребляли всѣ усилія, чтобы уничтожить эту аристократическую корпорацію. Они преслѣдовали его казнями, но это все, что они могли сдѣлать. Ихъ ненависть разбивалась о непобѣдимую

[1] См. начало Кодекса Θеодосія.—Ср. *Lécrivain*, Le sénat romain depuis Dioclétien (P. 1888).

[2] Юлій Капитолинъ говоритъ о Маркѣ Авреліи (гл. 10): „Semper interfuit senatui, neque umquam recessit de curia nisi consul dixisset: Nihil vos moramur, Patres Conscripti“.— Тацитъ и Діонъ Кассій заставляютъ предполагать то же самое относительно большей части императоровъ. Можно часто видѣть государей, которые вносятъ предложенія и произносятъ рѣчи, какъ простые члены сената (см. примѣръ этого въ Дигестахъ, XXIV, 1, 32). Они гордились званіемъ сенатора, какъ позже французскіе короли гордились званіемъ дворянина. Клавдій называетъ сенатъ — „noster ordo“ въ рѣчи, произнесенной имъ на его собраніи (см. строку 37 эпиграфическаго текста этой рѣчи). Гонорій выражается также: „Coetum amplissimum, cuius consortio gratulamur“ (*Cod. Theod.* XII, 1, 180). — „Ius senatorum et auctoritatem eius ordinis, in quo nos ipsos numeramus“, говоритъ императоръ Юліанъ (*Cod. Iust.* XII, 1, 8).

силу укоренившагося обычая: основы соціальной іерархіи оказывались выше ихъ власти. Они могли безмѣрно обогатить своихъ слугъ, но неспособны были сдѣлать ихъ благородными. Какъ ни велика была покорность римской аристократіи императорамъ, она не доходила никогда до согласія принимать въ свою среду вольноотпущенниковъ Цезарей.

Если разсматривать императорскую политику въ ея цѣломъ, то можно убѣдиться, что, за нѣкоторыми исключеніями, она не стремилась уничтожить общественныя неравенства. Напротивъ, она поддерживала установившіяся соціальныя различія [1]. Въ законахъ Августа и Тиберія, Антониновъ и христіанскихъ государей IV-го вѣка обнаруживается забота ихъ о томъ, чтобы различныя соціальныя группы никогда не смѣшивались между собою. Мы видимъ, что до послѣднихъ временъ Имперіи законодательство разрабатывало правовыя различія между классами; существуютъ законы, запрещающіе торговцамъ домогаться государственныхъ должностей, которыя должны быть исключительнымъ достояніемъ знати [2].

Законодатель постоянно напоминаетъ людямъ принципъ наслѣдственности, который прикрѣпляетъ каждаго человѣка къ его классу и допускаетъ передвиженіе въ высшій классъ лишь съ соблюденіемъ строго опредѣленныхъ условій. Аристократическій духъ, уже царившій среди республиканскихъ учрежденій, не ослабѣлъ такимъ образомъ и въ Имперіи.

Сколько-нибудь внимательное изученіе писателей IV и V вѣковъ, какъ Аммiана, Симмаха или Си-

[1] См. что говоритъ Плиній въ Panegyr. Traian. c. 69: „Caesar, cuius est (haec vis?), ut nobiles et conservet et efficiat“.

[2] *Cod. Iust.* XII, 1, 6.

донія Аполлинарія, либо, еще лучше, изученіе римскихъ Кодексовъ или *Notitia dignitatum utriusque imperii*, обнаруживаетъ общество, гдѣ соціальныя ступени ясно очерчены, гдѣ можно даже различить нѣсколько категорій аристократіи.

2.

Аристократія должностныхъ лицъ.

Высшая аристократія въ римскомъ обществѣ образовывалась изъ лицъ, окружавшихъ государя и принимавшихъ участіе въ его управленіи. Тексты показываютъ намъ классъ людей, члены котораго называются въ нихъ именемъ *proceres*. Слово это вообще означаетъ вельможъ, но въ IV вѣкѣ, какъ можно думать, оно прилагалось только къ непосредственнымъ приближеннымъ государя. Въ этомъ смыслѣ законы говорятъ о «proceres» императорскаго священнаго дворца[1]. То же значеніе этого слова мы находимъ въ текстѣ одной формулы, въ которой читаемъ, что государь можетъ возводить людей въ званіе *procer* посредствомъ пожалованія имъ особаго диплома, и что эти лица, если и не занимаютъ въ дѣйствительности высокихъ должностей, то, по крайней мѣрѣ, носятъ соотвѣтствующіе имъ титулы[2]. Въ роли

[1] См. законы Ѳеодосія II и Валентиніана III 425 г. въ Кодексѣ Юстиніана, I, 14, 2: „Florentissimarum sacri nostri palatii procerum".—Законъ Юстиніана *Ibidem*, 1, 14, 8: „Proceribus nostri palatii"." — Амміанъ (XXIX, 2, 5) говоритъ о Бассіанѣ—„procerum genere natus"; а этотъ человѣкъ былъ сыномъ префекта преторія и самъ должностнымъ лицомъ.

[2] *Cassiodor*. VI, 10: „Formula, qua per codicillos vacantes proceres fiant".

proceres вообще являются префекты преторія, высшіе сановники Имперіи и дворца. Они судятъ вмѣстѣ съ государемъ въ его *auditorium*'ѣ, обсуждаютъ дѣла въ *consistorium*'ѣ. Эти вельможи обозначаются также терминами *primates* или *optimates*[1].

Нѣсколько ниже чѣмъ proceres располагались лица, которыя носили наименованіе *comites*. Буквальный смыслъ этого слова соотвѣтствуетъ понятію—товарищъ. Уже у первыхъ императоровъ были „товарищи" или „друзья"- *comites* или *amici Caesaris*. Возможно, что эти слова выражали сначала идею союза личной дружбы или совмѣстной жизни; но они довольно рано уже получили другой смыслъ. У Юлія Капитолина мы видимъ, что *amicus Caesaris* могъ быть человѣкъ, котораго императоръ на самомъ дѣлѣ ненавидѣлъ, или который самъ ненавидѣлъ его въ свою очередь. Такъ же могъ именоваться человѣкъ, оставаясь даже въ отдаленіи отъ его особы[2]. Выраженіе—„другъ Цезаря" обозначало достоинство, званіе, извѣстное положеніе въ обществѣ Имперіи.

Разсматриваемая придворная знать почти сложилась уже ко времени Тиберія. Светоній даетъ намъ указаніе, что этотъ императоръ распредѣлилъ своихъ *comites* на три категоріи или разряда; лица, принадлежавшія къ двумъ первымъ, носили въ то же время званіе *amici*. Изъ того же самаго мѣста, указаннаго историкомъ, можно заключить, что лицамъ, носившимъ

[1] *Idem*, VI, 10.—*Ammian*. XV, 5, 18. — Ср. *Lamprid*. Alexander, 19, 3: „Summi in palatio viri".

[2] *Iul. Capitol*. Maximin. 4: „Erat quidam senator, in civitate Nicomedia, amicus imperatoris" (при Максиміанѣ).—*Vita sanctae Iulianae*, 1 (Acta Sanctorum, февраль, II, p. 875).—Мы возвратимся къ этому вопросу въ V томѣ настоящаго сочиненія.

званіе *comes*, было присвоено извѣстное содержаніе [1].

Мало по малу наименованіе «amicus» вышло изъ употребленія, быть можетъ, потому, что оно показалось слишкомъ горделивымъ примѣнительно къ подданному; выраженіе же «comes» продолжало существовать и пріобрѣтало все больше значенія. Оно часто встрѣчается въ надписяхъ; сборникъ Орелли представляетъ намъ, между прочимъ, одного человѣка, жившаго во времена Веспасіана, который обозначается какъ *comes Augusti* [2]; другой характеризуется какъ *comes Augusti* во времена Антониновъ [3], третій носилъ наименованіе—*comes Severi et Antonini* [4], четвертый, жившій во времена Констанція и Константа, называется—*comes Augustorum* [5]; еще одинъ человѣкъ именуется—*comes dominorum nostrorum Augustorum et Caesarum* [6]; есть одинъ, который во времена Константинаноситъ званіе—*comes in consistorio* [7]; наконецъ, при Θеодосіи можно встрѣтить людей, носившихъ просто титулъ—*comes*, безъ всякаго дополненія [8].

Надписи свидѣтельствуютъ даже, что различіе

[1] *Sueton.* Tiber. 46. Лампридій (Alexander, 20, 1) говоритъ еще объ *amici primi, secundi loci, inferiores.*

[2] *Orelli-Henzen*, 3139.

[3] *Ibid.*, 6051.

[4] *Ibid.* 3652.

[5] *Ibid.* 6475.

[6] *Ibid.* 2284.

[7] *Ibid.* 2285.

[8] *Ibid.* 1128; 3764. Можно было бы увеличить число этихъ примѣровъ до безконечности. Ср. еще: „Q. Claudio Frontoni... comiti divi Veri Augusti" (*Corp. inscr. lat.* III, 1457) и „C. Saturnino... comiti domini nostri Constantini" (*ibid.* VI, 1704; *Wilmanns*, 1123).

между тремя разрядами *comites*, начало которому было положено, кажется, при Тиберіи, удержалось навсегда. Мы находимъ *comites ordinis primi* [1], *comites ordinis secundi* [2], *comites ordinis tertii* [3]. Мы видимъ личностей, которыя были сначала *comites* второго разряда, а къ концу карьеры сдѣлались *comites* перваго разряда [4]. Тѣ же данныя почерпаются изъ писателей. Мы узнаемъ, напримѣръ, что воспитатель Граціана—Авзоній, въ благодарность за свою дѣятельность, получилъ—*nomen comitis* [5]. У Аммiана Марцелина мы видимъ, что императоръ Констанцій, отправляя нѣкоего Лавриція въ качествѣ намѣстника въ одну очень отвѣтственную провинцію, пожаловалъ ему званіе *comes* («adiecto comitis dignitate») [6]. Тотъ же историкъ упоминаетъ о нѣкоемъ comes Либинонѣ [7]. Другой человѣкъ, у котораго спрашиваютъ о его званіи, отвѣчаетъ: «comes sum Valentiniani imperatoris» [8].

Симмахъ употребляетъ въ своихъ письмахъ слѣдующее выраженіе: «Cyriades comes clarissimus» [9]. Рутилій Намаціанъ поздравляетъ своего друга Вик-

[1] *Orelli-Henzen*, 3161, 3191, 6473, 6916.

[2] *Ibid.* 3185.

[3] *Ibid.* 1187.

[4] *Ibid.* 3184, 3672 (надпись IV вѣка).

[5] *Auson.* t. II, p. 260; t. I, p. 22 (Edit. Corpet; Syagrio, v. 35; Gratiarum actio, c. 3, § 11).

[6] *Ammian.* XIX, 13.

[7] *Idem*, XXIX, 5.

[8] *Idem*, XXI, 3: „Libinonem quemdam comitem".

[9] *Symmach.* V, 76; cfr. VI, 12: „Viri excellentissimi comitis". Въ *Acta S. Tatianae* находятся слѣдующія слова, относящіяся къ эпохѣ Александра Севера: „Ministri autem Satanae erant viri pessimi, Vitalis quidam habens dignitatem comitis et Bassus cubicularius et Caius domesticus". См. *Acta Sanctorum*, январь, т. II, стр. 2.

торина съ возведеніемъ въ санъ «comes» и полученіемъ доступа ко двору [1]. Наконецъ, сами законы отмѣчаютъ то, что они называютъ «comitiva primi ordinis» [2] и свидѣтельствуютъ объ обычаѣ жаловать это званіе чиновнику послѣ отправленія нѣсколькихъ важныхъ должностей [3].

Никто не можетъ предположить, что выраженіе «*comes*» имѣло тогда тотъ же смыслъ, который оно, вѣроятно, пріобрѣло въ средніе вѣка; оно, разумѣется, не означало сеньора-владѣльца территоріи, называемой графствомъ (*comté*). Въ то время наименованіе «comes» было лишь званіемъ, и носившій его являлся только придворнымъ сановникомъ [4].

Въ Имперіи существовали и другіе титулы, которые выстраивались въ цѣлую іерархію почетныхъ эпитетовъ, являвшихся какъ бы внѣшнимъ украшеніемъ имперской аристократіи и указывавшихъ на ея ступени. Выше всѣхъ стоялъ установленный Константиномъ и жаловавшійся весьма рѣдко титулъ патриція, который увѣнчивалъ самую блестящую административную и военную карьеру [5]. Далѣе въ нисходящемъ

[1] *Rutil.* v. 507: „Illustris nuper sacrae comes additus aulae".

[2] *Cod. Theod.* VI, 13, 1.

[3] *Ibid.* XII, 1, 75. См. комментаріи Годфруа и Лида, стр. 106.

[4] Дворъ назывался тогда „comitatus". См. *Lamprid.* Alexander, 15: „Alexander purgavit palatium suum comitatumque abiectis ex aulico ministerio cunctis infamibus". *Symmach.* IV, 9: „Pervectus ad comitatum domini nostri Honorii"; IX, 8: „Me in sacro comitatu hactenus fuisse didicisti". Авзоній пишетъ Симмаху (*Epistolae,* 17): „Dum in comitatu degimus ambo". Ср. въ письмахъ Симмаха, I, 32.

[5] *Zosim.* II, 40. *Symmach.* IV, 8. *Cassiodor.* Variarum, VI, 2. *Cod. Theod.* XI, 1, 1.

порядкѣ слѣдовали титулы—*illuster, spectabilis, clarissimus, perfectissimus, egregius.* Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова заключали въ себѣ большую цѣну по мнѣнію людей того времени, чему служатъ доказательствомъ надписи [1] и письма.

Существовалъ обычай начертывать на могилѣ важной особы тотъ титулъ, который она по праву носила. Равнымъ образомъ, когда писали лицу, имѣвшему право на званіе «vir illuster», должны были называть его «Excelentia Tua» или «Vestra», «Vestra Altitudo»; обращаясь къ другимъ, говорили: «Vestra Spectabilitas, Vestra Celsitas» [2]. Самъ законъ налагалъ это обязательство, и пренебреженіе имъ составляло проступокъ, подлежавшій даже наказанію [3].

Характерной чертою этихъ титуловъ было то, что они присваивались также государственнымъ должностямъ. Титулъ *illuster* около 400 года носили высшіе сановники центральнаго управленія—префекты преторія, консулы, *magister officiorum, comites largitionum* и *rerum privatarum, praepositus sacri cubiculi* [4] и др.

[1] См. различные эпиграфическіе сборники.

[2] См. цѣлый рядъ примѣровъ въ письмахъ Симмаха. Авзоній (*Epist.* 16, t. II, p. 210), обращаясь къ одному префекту преторія, называетъ его „Vestra Nobilitas". Сами императоры писали префекту преторія: „Sublimitas Tua" или „Tua Magnificentia" (*Symmach.* X, 72; 77).

[3] *Cod. Iust.* I, 48, 2.

[4] См. *Notitia dignitatum.* Почти невозможно точно установить распредѣленіе титуловъ, такъ какъ оно нѣсколько разъ мѣнялось. Врядъ ли и вообще въ этомъ отношеніи выработались совершенно опредѣленныя правила. Кромѣ того, титулы можно было получать путемъ пріобрѣтенія почетнаго диплома и не занимая въ дѣйствительности никакой должности. *Novell. Iust.* ed. Zachariae, 40, t. I, p. 358 (Vulgo, 23). *Nov. Theod. II,* 25, p. 110 (ed. Haenel).

Званіе *spectabilis* принадлежало викаріямъ, военачальникамъ (*duces*), завѣдывающимъ канцеляріями (*magistri scriniorum*). Титулъ *clarissimus*, кажется, предоставлялся сенаторамъ вообще. Намѣстники провинцій бывали обыкновенно *perfectissimi*. Служба на низшихъ должностяхъ награждалась титуломъ *egregius*.

Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемъ въ сущности бюрократическую знать, или, другими словами,— знатное чиновничество. Привилегіи его исходили исключительно отъ власти императора, являясь какъ бы лучами ея. Эта аристократія не была наслѣдственною, а даровалась государемъ какъ личное преимущество. Предоставляя извѣстныя выгоды въ отношеніи юрисдикціи и налоговъ, она не давала никакихъ правъ по отношенію къ верховной власти и не обезпечивала никакой политической независимости. Мы ясно чувствуемъ, что въ ней не было ничего феодальнаго. Тѣмъ не менѣе, необходимо отмѣтить ея существованіе, потому что она пережила на нѣкоторое время Имперію и просуществовала всю первую половину среднихъ вѣковъ.

3.

Аристократія крупныхъ землевладѣльцевъ.

На ряду съ чиновничьей и придворной знатью существовала еще другая, можетъ быть, менѣе блестящая и видная, но гораздо болѣе могущественная на дѣлѣ.

Нельзя утверждать, чтобы одно и тоже лицо не могло найти мѣсто одновременно въ обѣихъ категоріяхъ; но различіе между указанными двумя видами аристократіи было весьма существенно: одна не пользовалось правами наслѣдственности, другая была наслѣдственна по принципу.

Мы должны изслѣдовать происхожденіе земельной аристократіи и остановиться на ней, потому что вскорѣ она сдѣлается самою прочною силою въ римскомъ мірѣ и надолго переживетъ послѣдній. Аристократическіе нравы и обычаи, сохранявшіеся въ римскомъ обществѣ при всякомъ политическомъ строѣ и продолжавшіе существовать подъ различными формами въ теченіе среднихъ вѣковъ, составляютъ вообще одну изъ самыхъ выдающихся чертъ міровой исторіи. Сила ихъ воздѣйствія на сложеніе общественнаго строя въ эпоху, послѣдовавшую за паденіемъ римской Имперіи, не поддается даже вычисленію. Историкъ долженъ отдать себѣ въ этомъ отчетъ, такъ какъ упустить изъ вида эту особенность значило бы разорвать одно изъ звеньевъ, соединяющихъ поколѣнія средневѣковыхъ людей съ поколѣніями жителей древняго міра, и поставить себя въ невозможность понять связь между учрежденіями этихъ двухъ великихъ эпохъ. Соціальный строй, выработавшійся въ Римѣ, дѣйствительно распространился во всѣхъ покоренныхъ его владычеству странахъ. Вмѣстѣ съ этимъ мало-по-малу утверждались повсемѣстно аристократическіе нравы, и можно было видѣть, какъ римская знать съ ея титулами, знаками отличій и привилегіями проникала въ провинціи: всадническое и сенаторское сословіе въ концѣ концовъ нашло почву повсюду.

Слѣдуетъ особенно отмѣтить, что эта знать, утвердившаяся въ провинціяхъ, совершенно не имѣла областного характера: она была не галльскою, испанскою или греческою, а именно римскою знатью. Въ жилахъ членовъ «благороднаго» сословія могла течь галльская или испанская кровь, но они принадлежали къ общеимперской римской знати. Никто изъ нихъ

не кичился своими предками, жившими до римскаго завоеванія; нигдѣ тѣмъ болѣе не обнаруживалось въ ихъ средѣ стремленіе сплачиваться въ мѣстныя или національныя касты. Честолюбивые провинціалы, наоборотъ, домогались стать въ ряды именно римской аристократіи.

Многіе Галлы были римскими всадниками. Можно было найти и въ Галліи представителей обоихъ видовъ всадниковъ, существовавшихъ въ Римѣ. Владѣлецъ имущества, оцѣненнаго по спискамъ ценза въ 400.000 сестерціевъ, являлся тамъ *eques equo privato* [1]. Званіе *eques equo publico* предоставлялось и тамъ въ томъ случаѣ, когда государь соглашался внести данное лицо въ оффиціальный реестръ имперскаго всадническаго сословія. Тогда всадникъ-галлъ могъ принимать участіе въ священномъ праздникѣ, совершавшемся въ Римѣ въ честь этого сословія [2].

Многіе Галлы сдѣлались даже римскими сенаторами. Это званіе мало-по-малу стало даваться провинціаламъ, причемъ имъ не вмѣнялось въ обязанность жить въ Римѣ [3]. Поэтому съ III-го и особенно

[1] „Equites romani a plebe“ см. въ нарбонской надписи, *Orelli*, 2489 и *Corp. Inscr. Lat.* XII, 4333. Число всадниковъ въ Оранжѣ должно было быть довольно велико, потому что въ театрѣ имъ предоставлялось три ряда скамеекъ (*Herzog*, Gallia Narbonensis, p. 186; *Corp.* XII, 1241). Въ одномъ испанскомъ городѣ Гадесѣ было 800 римскихъ всадниковъ.

[2] Это вытекаетъ изъ надписей. *Herzog*, № 124: „Sollio equum publicum habenti“; № 106: „Q. Solonio, equo publico“; № 613: „Equo publico honorato ab imperatoribus Antonino et Vero“ (*Corp.* XII, p. 918). *Ulpian.* VII, 1: „Concessum est mulieri in hoc donare viro suo, ut is ab imperatore lato clavo vel equo publico honoretur“.

[3] *Paul.* Dig. L, 1, 22: „Senatores, qui liberum commeatum, id

съ IV вѣка произошло незамѣтное образованіе сенаторскаго сословія, разсѣяннаго по всей Имперіи [1], причемъ составъ его былъ гораздо многочисленнѣе тѣхъ четырехсотъ или пятисотъ человѣкъ, которые дѣйствительно засѣдали въ старой куріи. Провинціальные сенаторы носили званіе, не отправляя должности; [2]

est, ubi velint morandi arbitrium imperaverunt“. Это, рѣдкое въ первые вѣка, разрѣшеніе позже стало очень распространеннымъ, какъ вытекаетъ изъ одного мѣста Дигестъ (L, 1, 22; 23), въ которомъ содержится постановленіе, что граждане муниципіевъ, сдѣлавшіеся имперскими сенаторами будутъ продолжать выполненіе муниципальныхъ повинностей. Въ концѣ Имперіи блаж. Августинъ (*Civit. Dei*, XV) говоритъ о римскихъ сенаторахъ, которые никогда не видѣли Рима.

[1] *Cod. Iust.* XII, 1, 14: „Senatori in qualibet provincia constituto“. *Ibid.* XII, 2, 1: „Nemo ex clarissimis, qui in provinciis degunt, ad praeturam devocetur, sed maneat unusquisque domi suae tutus et sua dignitate laetetur“. Оба эти закона относятся къ IV вѣку. Ср. *Ibid.* I, 39, 2. См. книгу *Lécrivain*, Le sénat romain de Constantin à Justinien, особенно часть I, гл. 4, 6, 7 и 8.

[2] Обычай давать званіе безъ должности появился въ римской Имперіи довольно рано. Любопытный примѣръ этого находится въ одной вьеннской надписи, гдѣ говорится о человѣкѣ, который, какъ кажется, никогда не покидалъ своего города: „Huic divus Hadrianus latum clavom cum quaestura optulit urbana, et petentis excusationem accepit“ (*Herzog*, 512; *Wilmanns*, 2244; *C. I. L.* XII, 1783). Такимъ образомъ, со временъ Адріана сенаторское и квесторское званіе доставалось провинціаламъ, которые принимали только знаки отличія и санъ, связанные съ этими достоинствами. Двѣ другія надписи (*Henzen*, 5970, 5317) указываютъ на два лица, которыя были „lato clavo exornati“ по указу Нервы и Септимія Севера, хотя ни одинъ изъ нихъ, повидимому, не выполнялъ въ Римѣ никакой магистратуры. Такое фиктивное допущеніе въ сенатъ обозначалось словомъ *allectio*. См. *Henzen*, 6005: „Marco Salonio a Tiberio Claudio Caesare Aug. censore adlecto in senatum et inter tribunicios relato“. *Orelli*, 3659: „Allecto inter praetorios a divis Vespasiano et Tito censoribus“. *Orelli*, 3719: „Clarissimo viro adlecto inter tribunicios ab imp.

они получали титулъ clarissimus и носили латиклавъ. Званіе сообщалось ихъ женамъ и передавалось дѣтямъ [1]. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности этотъ сенатъ не представлялъ собою политическаго учрежденія, а являлся особымъ классомъ общества, благороднымъ сословіемъ.

Чтобы человѣкъ могъ сдѣлаться его членомъ, онъ долженъ былъ удовлетворять двумъ условіямъ, которыя были одинаковы и для провинціаловъ, и для Римлянъ и оставались неизмѣнны во времена Имперіи, какъ и при Республикѣ. Прежде всего требовалась наличность крупнаго состоянія, потомъ внесеніе въ цензовые списки магистратомъ, на которомъ лежало ихъ составленіе, т. е. императоромъ.

Сенаторскій классъ находился въ состояніи постоян-

Aurelio Commodo". Ср. *Orelli*, 922, 1170. Одна надпись (*Henzen*, 6929) говоритъ о четырехлѣтнемъ ребенкѣ, который былъ, вѣроятно, въ благодарность за услуги отца „adlectus in amplissimum ordinem" Антониномъ Піемъ. Историки упоминаютъ объ этихъ „allectiones". *Capitol.* Marcus, 10: „Multos ex amicis in senatum adlegit cum aedliciliis aut praetoriis dignitatibus". *Capit.* Pertinax, 6: „Cum Commodus adlectionibus innumeris praetorios miscuisset, Pertinax iussit eos, qui praeturas non gessissent, sed adlectione accepissent, post eos esse, qui vere praetores fuissent". Наконецъ, обычай пожалованія латиклава, какъ простого почетнаго знака, указанъ у юрисконсультовъ. См. *Gaius*, Dig. XXIV, 1, 42: „Ex indulgentia principis Antonini recepta est alia causa donationis, ut si uxor viro lati clavi petendi gratia donet". *Ulpian.* VII, 1: „Ut is ab imperatore lato clavo honoretur".

[1] *Cod. Theod.* VI, 2, 2: „Si quis senatorium fastigium generis felicitate sortitus". *Sidon. Apoll.* Epistolae, I, 6: „Senatorii seminis homo". Это не означаетъ, чтобы право наслѣдственной передачи званія было когда-нибудь установлено закономъ; такой порядокъ выработанъ былъ, какъ мы увидимъ ниже, обычаемъ. „Clarissima femina" (*Corp. inscr. lat.* II, 111, 1024, 4124, 4994), „clarissimus puer" (*ibid.* 4124).

наго численнаго роста; всадническое сословіе, наоборотъ, постепенно уменьшалось и незамѣтно слабѣло. Единственною причиною такого двоякаго теченія было то, что всадники по мѣрѣ обогащенія поднимались въ разрядъ сенаторовъ. Въ IV вѣкѣ сословіе всадниковъ почти исчезло и сохраняла существованіе лишь одна аристократія — сенаторская.

Итакъ, общество въ римской Имперіи IV вѣка расчленялось слѣдующимъ образомъ: внизу находилась простонародная масса прикрѣпленнаго къ землѣ крестьянства и городскихъ соединенныхъ въ корпораціи ремесленниковъ и торговцевъ; надъ ними, въ видѣ какъ бы средняго слоя располагался классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, въ которомъ различались простые куріалы и «принципалы»; наверху помѣстились всѣ тѣ, кому присвоено было званіе имперскихъ сенаторовъ [1].

Эти классы ясно разграничивались между собою: «Нѣтъ ничего общаго, гласитъ законъ, между куріалами и сенаторами, между плебеями и куріалами» [2]. Всѣ они платили налоги, но налоги каждаго были различны. Простые плебеи, тѣ изъ нихъ, по крайней

[1] „Senator populi Romani" было установленное наименованіе сословія. См. *Interpretamenta* Поллукса въ „Notices et Extraits des manuscrits", т. XXIII, 2-я часть. Спартіанъ (*Hadrianus*, [1]) говоритъ объ одномъ уроженцѣ Испаніи, по имени Мариллинѣ, „qui primus in sua familia senator populi Romani fuit". Не слѣдуетъ смѣшивать съ этимъ классомъ имперской аристократіи городскихъ сенаторовъ, которые являлись лишь мѣстными земскими декуріонами или принципалами. Относительно римскихъ сенаторовъ, *viri clarissimi*, см. канузійскую надпись (*Orelli*, 3721).

[2] „Senatoriae functionis curiaeque sit nulla coniunctio" (*Cod. Theod.* VI, 3, 2; 3). „Municeps esse desinit senatoriam adeptus dignitatem" (*Hermogen.* Dig. L, 1, 23). — „Senatores et eorum filii filiaeque origini eximuntur" (*Paul.* Dig. I, 22, 5).

мѣрѣ, которые принадлежали къ корпораціямъ, платили спеціальныя подати государству, но не несли муниципальныхъ повинностей. Куріалы, наоборотъ, несли одновременно тяжесть общегосударственныхъ и муниципальныхъ повинностей. Имперскіе сенаторы подлежали спеціальнымъ и очень высокимъ налогамъ въ пользу Имперіи, но были освобождены отъ муниципальныхъ обязанностей [1].

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что каждый изъ указанныхъ классовъ уплачивалъ эти налоги особымъ сборщикамъ. У каждаго класса были также свои начальники: корпораціи стояли подъ управленіемъ своихъ старостъ, куріалы повиновались дуумвирамъ и дефензорамъ; даже во главѣ сенаторовъ каждой провинціи стояли лица, называвшіяся «defensores senatus». Каждый классъ подчинялся также особой юрисдикціи, такъ какъ въ римской Имперіи примѣнялось правило, что никто не можетъ быть судимъ людьми низшаго положенія; этотъ принципъ просуществовалъ и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ [2].

[1] *Baudi di Vesme,* Les impôts chez les Romains (trad. *Laboulaye,* 28, 29). Спеціальными сенаторскими налогами были слѣдующіе: 1) *follis* или *glebalis collatio*—поземельный, ежегодный налогъ, поднимавшійся сообразно состоянію, до 2, 4 или 8 фунтовъ золота. См. *Cod. Theod.* VI, 2; 8; 10; 16; 17; 19; 21. [Фунтъ золота равнялся 72 solidi, каждый солидъ стоилъ приблизительно 4—5 р.]. Для менѣе богатыхъ цифра эта была понижена закономъ 393 года (*Ibid.* VI, 2, 4).—2) *Aurum oblatitium,* особый даръ, вручавшійся ими императору въ началѣ каждаго царствованія, а затѣмъ по истеченіи десятилѣтій (decennalia) или пятилѣтій (quinquennalia). *Symmach.* II, 57; X, 33.—3) Преторство разсматривалось также какъ налогъ, потому что отправленіе его стоило въ высшей степени дорого. Если вѣрить Олимпіодору (изд. *Didot*, fragm. 44), одинъ сенаторъ израсходовалъ 1200 фунтовъ золота, а сыновья Симмаха—2000 фунтовъ.

[2] „Forum ex persona constituimus" (*Cod. Iust.* XII, 1, 13. *Cod. Theod.* I, 6, 11; IX, 1, 75; IX, 40, 10). *Spartian.* Hadrianus. 8: „Hadrianus equites romanos de senatoribus iudicare non permisit" Ср. *Plin.* Epist. II, 11; IX, 13.

Уголовные законы и наказанія измѣнялись, смотря по классамъ. Сенаторы освобождались отъ предварительнаго заключенія и пытокъ, куріалы—только отъ пытокъ. Одно и то же преступленіе каралось смертью, если виновный былъ плебеемъ, ссылкой или конфискаціей имущества, если онъ былъ сенаторомъ. Штрафы, наоборотъ, возрастали пропорціонально рангу виновныхъ; мы даже можемъ измѣрить по таксѣ денежныхъ пень разстояніе, легально раздѣлявшее классы другъ отъ друга: за одну и ту же вину сенаторъ долженъ былъ платить 100 фунтовъ серебра, principalis—50, простой куріалъ 10.

Всѣ указанныя соціальныя отличія были наслѣдственными. Каждый человѣкъ могъ по праву вступать въ тотъ разрядъ, въ какой его ставило рожденіе. Однако, если онъ былъ бѣднякомъ, то долженъ былъ опускаться ниже; равнымъ образомъ по мѣрѣ обогащенія можно было возвышаться въ степеняхъ. Честолюбіе всякаго дѣятельнаго и жизнеспособнаго человѣка направлялось къ тому, чтобы постоянно подниматься по ступенямъ соціальной іерархіи. Императорское правительство не противилось такому постепенному движенію вверхъ, къ которому направлялись всѣ усилія. Оно заботилось только о томъ, чтобы подъемъ не совершался слишкомъ быстро, и опредѣляло условія и правила, сообразно которымъ послѣдній долженъ былъ происходить. Оно особенно старалось не допускать, на сколько было возможно, чтобы какая-нибудь фамилія проходила черезъ двѣ ступени въ теченіе жизни каждаго отдѣльнаго поколѣнія. Рабъ путемъ полнаго освобожде-

нія могъ войти въ рядъ плебеевъ; но ему было запрещено возвышаться до разряда куріаловъ. Плебей становился куріаломъ подъ условіемъ владѣнія 25 югерами земли и несенія своей части муниципальныхъ повинностей [1].

Куріалъ въ свою очередь могъ перейти въ составъ principales, если онъ обладалъ состояніемъ, позволявшимъ ему нести расходы, связанные съ высшими муниципальными должностями, и если его сограждане поручали ему послѣднія; но императорское правительство требовало, чтобы, до достиженія высшихъ должностей, проходились всѣ низшія: это составляло первое препятствіе къ возвышенію или, по крайней мѣрѣ, являлось значительнымъ замедленіемъ движенія для энергичныхъ карьеристовъ [2].

Только когда вся длинная муниципальная карьера оказывалась пройденною, человѣкъ могъ надѣяться пріобрѣсти для себя и семьи титулъ имперскаго сенатора. Богатство являлось необходимымъ условіемъ и при этомъ послѣднемъ самомъ главномъ возвышеніи; но одно обладаніе имъ не считалось достаточнымъ. Законъ требовалъ, чтобы лицо, претендовавшее на это званіе, получило отъ императора какую-нибудь изъ важныхъ старыхъ римскихъ городскихъ магистратуръ: если человѣкъ лишь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ занималъ должность эдила или трибуна, онъ по полному праву получалъ мѣсто въ сенаторскомъ классѣ.

[1] *Cod. Theod.* XII, 1, 53: „Plebeii, quos ad decurionum subeunda munera splendidior fortuna subvexit". Нѣтъ надобности говорить, что матеріальный интересъ и личное тщеславіе могли здѣсь вступить въ конфликтъ, и находились люди, желавшіе оставаться плебеями; но законъ заставлялъ ихъ переходить въ разрядъ куріаловъ (*Ibid.* XII, 1, 133).

[2] *Cod. Theod.* XII, 1, 77.

Въ сенатъ входили также путемъ выполненія высокихъ имперскихъ административныхъ должностей: человѣкъ, завѣдывавшій провинціею или вообще отправлявшій функціи высшей юрисдикціи (*ius gladii*), покидая свою должность, становился сенаторомъ. Позже признано было также достаточнымъ для того же занятіе высокихъ должностей при дворѣ или въ центральной администраціи [1].

Фамилія, разъ пріобрѣтя титулъ, сохраняла его навсегда. Родъ нравственнаго обязательства заставлялъ сыновей и внуковъ слѣдовать той же самой служебной карьерѣ (*cursus honorum*), по какой шли ихъ отцы, но они получали тѣ же почести безъ труда и какъ бы по праву наслѣдованія. Вмѣсто медленнаго и тяжелаго восхожденія на каждую отдѣльную ступень, чтобы достигнуть сенаторскаго званія, люди, принадлежавшіе уже къ сенаторской фамиліи, быстро пробѣгали одну ступень за другою.

Понятно, что, благодаря такому порядку, число сенаторовъ должно было увеличиваться съ каждымъ поколѣніемъ. Такъ какъ сенатъ представлялъ собою теперь уже классъ, а не учрежденіе, то не было основанія ограничивать число его членовъ, и императоры не боялись его роста. Они пріобрѣли привычку жаловать титулъ сенатора всѣмъ тѣмъ, кто или зарекомендовалъ себя какою-нибудь особою заслугою, или прославился крупнымъ богатствомъ, или, наконецъ, пріобрѣталъ большую извѣстность въ своей провинціи [2]. Они жаловали, такимъ образомъ, знаки

[1] *Ibid.* XII, 1; 41; 74; 100. VI, 2; 8; 14.

[2] Надписи часто отмѣчаютъ этотъ фактъ: „Adlectus in amplissimum ordinem ab imperatore Caesare Hadriano Augusto" (*Orelli*, 2258); *Corp.* XII, 4354. Ср. *Henzen*, 5970: „Lato clavo exornatus

отличія сенаторскаго званія людямъ, которые никогда не исполняли этой должности въ буквальномъ смыслѣ, совершенно такъ же, какъ предоставляли инсигніи консулата претуры или трибуната лицамъ, никогда не отправлявшимъ въ дѣйствительности этихъ магистратуръ [1]. Чѣмъ болѣе раздавался этотъ титулъ, тѣмъ больше находилось людей, его домогавшихся, и мало по малу всѣ богатые и честолюбивые элементы общества стали римскими имперскими сенаторами [2].

Такимъ то образомъ во всѣхъ провинціяхъ съ теченіемъ времени образовалось многочисленное аристократическое сословіе. Его называли безразлично «сенатомъ» или «знатью» [3]. У писателей V и VI вѣковъ

a divo Augusto Nerva". *Henzen*, 5317: „Lato clavo exornatus ab imperatore Septimio Severo".

[1] Обычай давать знаки отличія или дипломы извѣстной магистратуры, не давая самой магистратуры, отмѣченъ уже Плиніемъ (Histor. natur. XXXV, 58, 201) и Тацитомъ (Annal. XVI, 17; XV, 72). Впослѣдствіи онъ все болѣе и болѣе расширялся. Кодексъ Ѳеодосія (VI, 22, 5; XII, 1, 41) указываетъ на злоупотребленія, совершавшіяся изъ за *codicilli* и *insignia*. Получившій дипломъ на магистратуру извѣстной категоріи, становился сенаторомъ такъ же, какъ если бы онъ отправлялъ самую магистратуру: „Hi, quibus detulimus magistratus, quosque etiam ornavimus insignibus dignitatum ad splendidissimum ordinem senatorium cooptentur" (*ibid.* XII, 1, 122).

[2] *Cod. Theod.* XII, 1, 42, 74. „Codicillos senatorios, clarissimae infulas dignitatis". *Ibid.* 187: „Si inter illustres viros locum occupaverint, non laborioso administrationis actu, sed honorario titulo dignitatis, senatui respondeant". — Ульпіанъ говоритъ уже о тѣхъ людяхъ, которые являются сенаторами лишь благодаря полученію инсигній и диплома этого достоинства, „qui senatoriis ornamentis utuntur" (*Ulp.* Dig. L, 16, 100). Этотъ обычай началъ, кажется, слагаться уже при Калигулѣ (*Dio Cassius*, LIX, 9); Плиній сообщаетъ подобный примѣръ при Веспасіанѣ (*Epistolae*, I, 14).

[3] *Nasar.* Panegyr. Constant. X, c. 35: „Sensisti, Roma, arcem

слово «сенаторъ» означаетъ лишь понятіе «благородный»; съ этимъ титуломъ произошло то же, что впослѣдствіи въ Европѣ съ титулами герцога, графа или маркиза, мало по малу утерявшими, единственно благодаря передачѣ ихъ по наслѣдству, свое первоначальное значеніе.

Существованіе этого благороднаго класса засвидѣтельствовано, такъ сказать, каждою страницею императорскихъ кодексовъ. Историки той эпохи подтверждаютъ опредѣленія законовъ. Аммiанъ Марцеллинъ встрѣчаетъ по всѣмъ провинціямъ Имперіи лицъ, которыхъ онъ называетъ благородными, и которыя являются таковыми по наслѣдственному праву. Зосимъ, перечисляя классы общества, различаетъ — плебеевъ, купцовъ, земельныхъ собственниковъ и *clarissimi*. Панегиристы въ своихъ оффиціальныхъ привѣтствіяхъ часто говорятъ о знати [1]. Когда ораторъ хочетъ разсказать о встрѣчѣ императора жителями какого-нибудь города, онъ не преминетъ указать, что сенаторы въ бѣлыхъ одеждахъ шли впереди [2]. Григорій Турскій, упоминая о сказаніяхъ и легендахъ той эпохи, слѣ-

te omnium gentium et terrarum esse reginam, cum ex omnibus provinciis optimates viros curiae tuae pignoraveris, ut senatus dignitas non nomine quam re esset illustrior cum ex totius orbis flore constaret".

[1] *Ammian.* XIV, 1; 7; XXIX, 1; 2: *Zosim.* II, 38. *Hilar. Arelat.* Vita S. Honorati (V-го вѣка), c. 4 (Acta Sanctorum, 16 января, II, стр. 381): „Praetermitto commemorare avita illi saecularium honorum fastigia et quod concupiscibile ac paene summum habet mundus usque ad consulatus provectam familiae suae nobilitatem".

[2] *Latinus Pacatus*, Panegyr. ad Theodos. c. 37: „Quid referam pro moenibus suis festum nobilitatis occursum, conspicuos veste nivea senatores".

дующимъ образомъ изображаетъ шествіе населенія Клермона на встрѣчу одному святому епископу: «Сенаторы Арвернской земли, блиставшіе всѣмъ великолѣпіемъ римской знати, подвигались впередъ верхомъ и въ колесницахъ [1]».

Въ Галліи знать была, по меньшей мѣрѣ, такъ же многочисленна и такъ же блестяща, какъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ. Среди Галловъ въ теченіе всего императорскаго періода не было недостатка ни въ богатствѣ, ни въ честолюбіи, ни въ талантахъ. Они возвышались до важныхъ административныхъ и судебныхъ должностей, до высшихъ почестей, до всего, что давало знатность и право называться «сенаторомъ римскаго народа».

Святой Павлинъ, родившійся въ Аквитаніи, въ серединѣ IV вѣка и сдѣлавшійся епископомъ Нолы, былъ по рожденію „senator clarissimus" города Рима [2]. Другой Аквитанецъ, Сульпицій Северъ, также принадлежалъ къ знати и женился «на женщинѣ изъ консульскаго семейства». Сіагрій, Григорій, Ферреолъ, Сидоній Аполлинарій, Авитъ и подобные имъ были сенаторами и передавали свое благородство, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Высокопоставленныя галльскія фамиліи усвоили себѣ аристократическіе нравы древняго Рима. Ихъ дома украшались картинами, подъ которыми располагались скульптурныя изображенія предковъ, причемъ

[1] *Greg. Tur.* De gloria confessorum, c. 5: „Senatores, qui in illo loco nobilitatis romanae stemmate fulgebant".

[2] *Patrol. lat.* t. XX, col. 94: „Paulinus, genere Aquitanus, dignitate generis urbis Romae senator clarissimus". Cp. *S. Ambros.* Epistol. 30.

[3] *Vita S. Boniti*, въ „Acta" Мабильона, т. III: „Syagria, e senatu romano nobili prosapia".

послѣднія дѣлались уже не изъ воска, а изъ литого серебра и одѣвались въ шелковыя ткани. Разставленныя въ атріи, а въ торжественные дни выносившіяся напоказъ, эти семейныя изваянія являлись внѣшними доказательствами знатности рода.

Изъ писемъ и стиховъ Сидонія Аполлинарія, принадлежавшаго по рожденію къ знатной фамиліи и сенаторскому сословію [1], можно познакомиться съ чувствами, понятіями и привычками этого класса [2]. Всѣ возникшіе въ эту эпоху или составленные на основаніи ея преданій письменные памятники, включая сюда и Житія святыхъ, рисуютъ намъ характерныя черты именно аристократическаго общества. Повѣствованія о подвигахъ святыхъ почти всегда начинаются съ одобрительной отмѣтки ихъ высокаго происхожденія. Святой Максимъ пуатьесскій принадлежалъ къ сенаторской фамиліи, и родители его носили титулъ „clarissimi". Св. Кальминій происходилъ изъ римской знати и былъ сенаторомъ [3]. Авторъ житія св. Ремигія [4] считаетъ своимъ долгомъ сообщить, что святой былъ благороднымъ и по отцу, и по матери.

[1] *Auson.* Epigrammata, 2: „Hos ille Serum veste contexi iubet, Hos caelat argento gravi, Ceris inurens ianuarum limina Et atriorum pegmata".

[2] *Greg. Tur.* Historia Franc. II, 21: „Sidonius vir nobilissimus et de primis Galliarum senatoribus".

[3] См. въ особенности *Epistolae*, I, 3; II, 1; II, 4; *Carmina*, XXII.

[3] *Vita Maximini*, auctore Lupo (Surius, т. V, 29 мая): „Maximinus, urbis Pictavorum indigena, clarissimis est ortus parentibus, antiquam prosapiam a maioribus senatorii ordinis deducens".— *Vita S. Calminii* (19 авг. у Болландистовъ, т. III, стр. 759): „Processit ex Romanae lucis claritate ex senatorio ordine trahens nobilitatis originem"

[4] *Hincmar.* Vita S. Remigii, c. 3.

Григорій, разсказывая о мученической кончинѣ одной дѣвушки, съ самаго начала заявляетъ, что она блистала всѣми достоинствами знатнаго сенаторскаго рода [1]. Поэтъ Фортунатъ, бывшій самъ епископомъ, восхваляя двухъ другихъ епископовъ, не забываетъ напомнить о ихъ высокомъ происхожденіи, «но, характерно прибавляетъ онъ, они промѣняли эту земную знатность на небесный сенатъ» [2]. Онъ какъ будто думаетъ, что и на небѣ общество будетъ аристократическимъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ объ одномъ ребенкѣ, умершемъ въ раннемъ возрастѣ, и восхваляетъ его сенаторское происхожденіе. Нѣкоторые изъ свидѣтелей, подписавшихъ завѣщаніе св. Ремигія, называютъ себя «homines clarissimi» [3]. Св. Гоноратъ, епископъ арльскій «происходилъ изъ сенаторской и консульской фамиліи» [4].

Григорій Турскій, писавшій во времена владычества Франковъ, но принадлежавшій самъ по рожденію и привязанностямъ къ галло-римскому обществу, правдиво описываетъ чувства и обычаи послѣдняго. Представляя намъ какое-нибудь новое лицо, онъ всегда знакомитъ съ его семьей и соціальнымъ положеніемъ [5]. Левкадій, говоритъ онъ, былъ однимъ

[1] *Greg. Tur.* Historia Francorum, II, 2: „Nobilitate senatoria florens".

[2] *Fortunat.* Carmina, IV, 15; „Felices, qui sic de nobilitate fugaci Mercati in caelis iura senatus habent". Ср. *Ibid.* IV, 17.

[3] Diplomata, chartae, изд. *Pardessus*, № 119, т. I, стр. 91.

[4] *Vita S. Honorati Arelatensis episcopi*, c. 4: „Senatoria et consulari familia".

[5] *Greg. Tur.* Historia Francorum, V. 46; „Genus senatorium". II, 2; „Nobilitas senatoria". II, 11: „Avitus, unus ex senatoribus". VI, 39: „Sulpicius, vir valde nobilis, de primis senatoribus Galliarum". I, 29: „Leocadius senator". I, 39: „Urbicus ex senatoribus".—*Idem*, Vitae

изъ важныхъ галльскихъ сенаторовъ; Григорій, епископъ лангрскій, былъ однимъ изъ почтенныхъ мѣстныхъ сенаторовъ, и «его жена, Арментарія, также происходила изъ сенаторскаго рода». Симплицій, епископъ отенскій, происходилъ изъ знатнаго рода и женился на женщинѣ, «равной ему по происхожденію». Павлинъ бордосскій также былъ благороденъ и владѣлъ огромными богатствами [1]. Епископы Урбикъ, Венерандъ, Волузіанъ принадлежали къ сенаторскому классу, тогда какъ епископъ Инъюріозъ «происходилъ лишь изъ класса простыхъ гражданъ»; другой былъ хотя и свободнаго, но не сенаторскаго происхожденія [2].

ГЛАВА XI.

Преобладаніе землевладѣльческой аристократіи въ римской Имперіи.

Наиболѣе характерною чертою исторіи послѣднихъ вѣковъ Имперіи является то обстоятельство, что аристократическій классъ все прогрессировалъ и сдѣлался въ концѣ концовъ всемогущимъ, въ то время какъ средніе классы мало по малу бѣднѣли и впадали въ зависимость.

Patrum, c. 6: „Gallus de primoribus senatoribus"; c. 7: „Gregorius ex senatoribus, coniugem de genere senatorio habens".

[1] *Greg. Tur.* De gloria confessorum, 76; 110.

[2] *Idem*, Vitae patrum, 20: „Genere non quidem senatorio, ingenuo tamen".

I.

Связь между разложеніемъ сословія куріаловъ и паденіемъ мелкой собственности.

Паденіе сословія куріаловъ нельзя приписывать, какъ это дѣлали раньше, дѣйствію императорскаго деспотизма, чрезмѣрности налоговъ и распространенію несправедливыхъ привилегій. Торжество землевладѣльческой аристократіи и уничтоженіе среднихъ классовъ представляютъ собою два связанныя вмѣстѣ и объясняющія другъ друга явленія, которыя были естественнымъ послѣдствіемъ обычаевъ и соціальныхъ теченій, разсмотрѣнныхъ въ предшествующей главѣ.

Мы видѣли, что самые богатые люди во всей Имперіи составляли отдѣльное высшее сенаторское сословіе; мелкіе собственники образовывали классъ куріаловъ; тѣ, кто не владѣлъ ничѣмъ, являлись плебеями. Изъ плебеевъ можно было возвыситься въ муниципальную курію, изъ куріи—попасть въ классъ имперскихъ сенаторовъ.

Восхожденіе съ одной ступени на другую являлось тогда лучшею цѣлью честолюбія предпріимчивыхъ людей. Куріалы по отношенію къ тѣмъ, кто стоялъ выше ихъ, были низшимъ и презираемымъ классомъ; сенаторское сословіе, наоборотъ, пользовалось почетными привилегіями, т. е. тѣмъ, что для большинства людей драгоцѣннѣе всего. Такимъ образомъ происходило, что какъ всякій плебей, сдѣлавшись собственникомъ, переходилъ въ курію, такъ и всякій разбогатѣвшій куріалъ стремился выйти изъ куріи, чтобы вступить въ сословіе сенаторовъ [1].

[1] *Cod. Theod.* XII, I, 58: „Qui curiali ortus familia senator factus est“. 65: „Omnes curiales, qui ad altiorem gradum properaverint“. 69: „Qui praematura cupiditate, senatorios coetus honoribus patriae praetulisse noscuntur“. 74: „Qui ex curiis ad senatus consortia pervenerunt“. 14: „Si quis decurio fugiens curiam ad senatum Urbis inclytum pervenerit“. 90: „Universos, qui ex genere curiali ad senatoriam dignitatem aspirasse constiterit“. 93: „Cuncti, qui ex decurionibus senatorum se splendori et collegio miscuerunt“.

Сначала императорское правительство удовлетворяло такому страстному стремленію сильныхъ людей. Съ своей стороны оно радовалось увеличенію суммы налоговъ, которые должны были платить сенаторы во всей Имперіи, и считало такимъ образомъ, что увеличеніе числа послѣднихъ было полезно для государственныхъ финансовъ [1]. Но опасность подобной политики скоро обнаружилась. Уже въ 326 году Константинъ жаловался, что куріи пустѣютъ. Констанцій II признавалъ въ 338 и 339 годахъ, что въ самыхъ цвѣтущихъ провинціяхъ Имперіи почти не оставалось болѣе куріаловъ [2].

Ошибочно приписывать такое обѣднѣніе состава курій общему разоренію населенія. Тексты этого не говорятъ; наоборотъ, они указываютъ, что, если большое число людей стремилось покинуть куріи, то дѣлалось это изъ желанія подняться выше. Они стремились къ гражданскимъ должностямъ и военнымъ чинамъ, которые приводили постепенно къ сенаторскому званію [3]. Они занимали государственныя и, въ особенности, придворныя службы, потому что послѣд-

[1] *Zosim.* II, 38. Если слѣдуетъ вѣрить тому же самому историку, многіе люди получали преторскій патентъ, подъ условіемъ уплачивать расходы, связанные съ должностью, которую они не должны были отправлять; званіе претора доставляло степень сенатора; такимъ образомъ это былъ родъ продажи титуловъ знатности.

[2] *Cod. Theod.* XII, 1, 13; 25; 27.

[3] *Cod. Theod.* XII, 1, 13: „Curias desolari cognovimus, his, qui

нія были самымъ вѣрнымъ путемъ для возвышенія [1]. Въ то время, повидимому, получила всеобщее распространеніе беззаконная практика покупки сенаторскаго достоинства за деньги [2]. Опустѣніе курій зависѣло, какъ говоритъ самъ законодатель, отъ того, что богатѣйшіе члены ихъ покупали знаки отличій и патенты высшихъ степеней [3]. Куріи, какъ замѣчаетъ одинъ писатель того времени, были сведены къ нулю, потому что одни изъ членовъ покинули ихъ для военной карьеры, другіе для вступленія въ «великій римскій сенатъ» [4].

der originem obnoxii sunt, militiam sibi per supplicationem poscentibus et ad legiones vel diversa officia currentibus".—Извѣстно, что въ IV вѣкѣ словомъ „militia" обозначались какъ гражданскія, такъ и военныя должности.

[1] *Cod. Theod.* XII, 1, 38: „Quoniam nonnulli, curiis derelictis, domesticorum seu protectorum se consortio copulaverunt, scholarii etiam nomen dederunt militiae, aut palatinis officiis sunt adgregati... Qui palatini nominis praeferunt dignitatem".—*Ibid.* 40: „Curiales plerique ad inane vocabulum militiae cucurrerunt, ut nec muniis militaribus obsequantur... Universi, nulla praerogativa de vocabulo dignitatis in militia conquisitae suffragante, restituantur civitatibus".

[2] *Ibid.* XII, 1, 5: „Si decurio, suffragio comparato, perfectissimatus vel egregiatus meruerit dignitatem, declinare suam curiam cupiens, codicillis amissis suae condicioni reddatur".—Слово „suffragium" на языкѣ Кодексовъ означаетъ ту сумму денегъ, посредствомъ которой покупали какую-нибудь милость или должность. *Cod. Theod.* VI, 22, 2: „Ab honoribus mercandis per suffragia certa mulcta prohibuit; cui addimus, ut quicumque fugientes obsequia curiarum, umbras et nomina adfectaverint dignitatum, tricenas libras argenti inferre cogantur".—*Ibid.* XII, 1, 44; „Quicumque intra palatium perfectissimus aut comes provectus suffragio est, spolietur honoris indebiti dignitate".

[3] *Ibid.* XII, 1, 25: „Quoniam emptae dignitatis obtentu curias vacuefactas esse non dubium est". *Ibid.* 27: „Exiguos admodum curiales residere, dum universi indebitae dignitatis infulas mercantur".

[4] *Libanius*, In Iuliani necem (edit. *Morell*, p. 296): „Τῶν μὲν εἰς τὰ στρατιωτῶν, τῶν δὲ εἰς τὸ μέγα συνέδριον".

Куріи пытались удержать своихъ членовъ; онѣ обращались съ заявленіями по этому поводу [1] къ императорскому правительству, послѣднее отвѣчало имъ предоставленіемъ права требовать возвращенія тѣхъ людей, которые пренебрегли ими и покинули ихъ [2]. Куріи дѣйствительно не упускали случая преслѣдовать бѣглецовъ, отыскивая ихъ даже среди представителей общественной власти и на высокихъ ступеняхъ государственной службы. Бѣгство куріаловъ составляло тогда предметъ многочисленныхъ процессовъ, о которыхъ говоритъ одинъ историкъ IV вѣка. Нерѣдко случалось, что какое-нибудь высокопоставленное лицо подвергалось внезапно обвиненію въ этомъ со стороны куріаловъ своего родного города и привлекалось къ отвѣтственности передъ судомъ императора. Напрасно представляли обвиняемые дипломы, даровавшіе имъ привилегію, напрасно ссылались они на занятіе правительственной должности въ теченіе опредѣляемаго регламентами числа лѣтъ: имъ было очень трудно выиграть процессъ. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для благопріятнаго исхода было, говоритъ одинъ авторъ, — войти въ соглашеніе съ куріалами и заключить съ ними полюбовную сдѣлку путемъ денежнаго взноса [2]. Несправедливость утвержденія, что выходъ изъ

[1] См. *Cod. Theod.* XII, 1, 13; 29; 41; 42; 96 и многіе другіе законы, которые были адресованы куріямъ или отвѣчали на ихъ требованія.—Въ 364 году провинція Бизацена жаловалась, что христіанскіе священники выходятъ изъ состава куріи (*Cod. Theod.* XII, 1, 59; XVI, 2, 1).

[2] *Ammian. Marcell.* XXII, 9, 12: „Illud amarum et notabile fuit, quod aegre sub eo (при императорѣ Юліанѣ) a curialibus quisquam adpetitus, licet privilegiis et stipendiorum numero (ср. *Cod.*

куріи совершался всегда по причинѣ бѣдности, доказывается, стало быть, тѣмъ, что она часто получала деньги отъ тѣхъ, кто добивался права уйти изъ нея.

Если бы куріи могли пополнять изъ среды плебеевъ элементы, которые отнимали у нихъ высшіе классы общества, то подобное уменьшеніе силъ не разорило бы ихъ. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, это медленное, но постоянное повышеніе изъ класса въ классъ, составлявшее типичную особенность соціальнаго строя всей Имперіи. Несомнѣнно, что въ теченіе трехъ вѣковъ оно являлось могущественнымъ стимуломъ дѣятельности и труда и было причиною благосостоянія Имперіи. Пока плебеи могли возвышаться въ курію, а куріалы вступать въ разрядъ сенаторовъ, безпрерывное и нормальное пополненіе всѣхъ классовъ не прекращалось. Но въ IV вѣкѣ правильность этого взаимодѣйствія нарушилась. Трудъ ослабѣлъ во всей Имперіи; промышленныя и торговыя корпораціи впали въ бѣдность, и развитіе класса плебеевъ остановилось. Таково было зло, которое незамѣтно подрывало и истощало сословіе куріаловъ. Послѣднее, однако, благодаря тому, что оно владѣло значительною массою земель, не почувствовало сначала, что обѣднѣніе низшихъ классовъ угрожало и его благосостоянію: куріалы остались равнодушны къ этому факту.—Землевладѣльцы могли въ теченіе нѣкотораго времени продолжать обогащаться; они могли даже продолжать стремиться въ сенатъ. Но въ концѣ концовъ произошло, что лучшіе члены курій одинъ за другимъ покинули ихъ и поднялись въ составъ высшаго

Theod. XII, 1, 13: „Quos intra viginti stipendia in officiis deprehenderint") communitus, obtinebat aequissimum: adeo ut plerique territi emercarentur molestias pretiis clandestinis".

класса; самимъ же куріямъ, на глазахъ которыхъ совершался этотъ процессъ, уже нельзя было вознаградить потерь путемъ соотвѣтственнаго присоединенія къ своему составу наиболѣе обезпеченныхъ плебеевъ. Такъ мало по малу въ нихъ образовалась пустота. Съ каждымъ поколѣніемъ онѣ становились все малочисленнѣе и въ особенности — все бѣднѣе, потому что именно самые богатые члены покидали ихъ, а новыхъ богатствъ не создавалось. Онѣ истощались сверху и не возстановлялись снизу.

Равновѣсіе между классами было нарушено въ силу этого. Такъ какъ куріи должны были одни переносить тяжесть муниципальныхъ повинностей, то онѣ со дня на день становились все менѣе способными выдерживать это бремя, и такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ необходимыхъ органовъ соціальной жизни Имперіи былъ пораженъ безсиліемъ и смертью.

Императорское правительство, какъ кажется, хорошо поняло опасность. Насколько куріалы—мѣстное дворянство, силились проникнуть въ имперскій аристократическій классъ, на столько оно пыталось задержать ихъ въ муниципальныхъ куріяхъ. Повидимому, оно пожалѣло о той легкости, съ какою раньше жаловало сенаторское званіе путемъ простого дарованія почетнаго диплома. «Мы не хотимъ, говоритъ Константинъ, чтобы декуріонъ стремился въ сенатъ». Тотъ же государь жалуется, что многіе получили сенаторское званіе лишь благодаря проискамъ, протекціи, иногда даже—деньгамъ. Всѣ послѣдующіе государи старались пріостановить это движеніе средняго класса въ аристократію. Они, насколько было возможно, запрещали куріаламъ занимать обществен-

ныя должности [1]. Они безпрестанно напоминали людямъ о соблюденіи старыхъ правилъ, предписывавшихъ постепенное повышеніе со ступени на ступень. «Пусть, говорили они, никто не помышляетъ сдѣлаться сенаторомъ, не пройдя всего ряда муниципальныхъ должностей» [2].

Они требовали даже, чтобы «лишь тотъ рѣшался домогаться сенаторства, кто оставался въ теченіе 15 лѣтъ въ разрядѣ принципаловъ (первѣйшихъ гражданъ муниципія) [3]. Они прибавляли, впрочемъ, что это достоинство по полному праву будетъ предоставляться, такъ сказать, заслуженнымъ куріаламъ по истеченіи этихъ послѣднихъ 15 лѣтъ муниципальной карьеры [4]. Куріаламъ, стало быть, не запрещалось безусловно подниматься въ болѣе высокое положеніе; императоры стремились только умѣрить и урегулировать то общее движеніе, которое влекло ихъ въ имперскую аристократію.

Однако, вопреки всѣмъ усиліямъ законовъ, прежнія отношенія между общественными группами глубоко измѣнились: аристократія все росла въ то время, какъ средніе и низшіе классы непрерывно клонились

[1] *Cod. Theod.* XII, 1, 14; 18; 25: 27; 147; 154; 159.

[2] *Ibid.* XII, 1, 57: „Nemo ad ordinem senatorium ante functionem omnium munerum municipalium accedat". 58: „Qui curiali ortus familia ante completa munera patriae senator factus est, fructu careat". 182: „Nemo, munerum ordine transcurso, ad altioris curiae honores audeat pervenire, sed prius universis functionibus propriae civitatis expletis, tum ad competentem honorem singuli venire deproperent".

[3] *Ibid.* 171: „Principales viros e curia in Galliis non ante discedere quam quindecennium in ordinis sui administratione compleverint".

[4] *Ibid.* „Expletis omnibus, splendoris et honoris ornamenta succedunt".

къ упадку. Честолюбіе и тщеславіе богатыхъ не составляли единственныхъ причинъ бѣды; главный источникъ послѣдней коренился въ экономическихъ порядкахъ, среди которыхъ жило это общество. Надо сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Римляне питали всегда большое уваженіе къ земельному богатству и смотрѣли презрительно на движимое имущество. Промышленность считалась рабскимъ занятіемъ, даже когда она находилась въ рукахъ свободныхъ людей; во времена республики гражданинъ, занимавшійся ручнымъ трудомъ, былъ почти лишенъ политическихъ правъ. Мелкая торговля презиралась такъ же, какъ и промышленность; даже крупная казалась недостойною членовъ высшихъ классовъ и потому была запрещена сенаторамъ. Цифры ценза, сообразно которымъ устанавливались соціальные разряды, положеніе и права, опредѣляли, обыкновенно, только земельное имущество гражданина. Въ римскомъ обществѣ земля являлась всегда главнымъ источникомъ и въ особенности—единственнымъ мѣриломъ богатства. Нельзя сказать, чтобы римская знать не владѣла и денежными капиталами и не пускала ихъ въ оборотъ; но главнымъ элементомъ ея состоянія и особенно—основаніемъ соціальнаго положенія всегда оставалась земля. Было время, когда въ Римѣ много занимались спекуляціями, но главнымъ предметомъ этихъ спекуляцій была опять же земля. Въ этомъ отношеніи государственныя владѣнія играли тогда болѣе или менѣе ту же роль, какую теперь исполняетъ государственный долгъ.

Эти характерныя черты римскихъ соціальныхъ нравовъ сохранились и во времена Имперіи; императоры даже заботились о томъ, чтобы онѣ не исчезли. Одинъ

законъ Тиберія обязывалъ капиталистовъ помѣщать по крайней мѣрѣ двѣ трети ихъ состоянія въ земельные фонды [1].

Траянъ требовалъ отъ тѣхъ, кто хотѣлъ занимать государственныя должности, не только, чтобы они были богаты, но чтобы по крайней мѣрѣ треть ихъ имуществъ была помѣщена въ недвижимости, притомъ непремѣнно находящіяся въ Италіи, остальная же часть ихъ состоянія могла располагаться и въ провинціяхъ [2]. До послѣднихъ временъ Имперіи сенаторскій классъ являлся въ то же время классомъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ.

Такая тѣсная связь между земельнымъ богатствомъ и аристократіей—поразительна. Несомнѣнно, въ этомъ обществѣ существовала торговля и промышленность; существовали также почетныя и въ то же время выгодныя профессіи, какъ, напримѣръ, врачей, юристовъ, учителей; но замѣчательно, что ни торговля, ни промышленность, ни либеральныя занятія не породили могущественнаго класса, подобнаго тому, какой мы видимъ сложившимся въ современныхъ европейскихъ государствахъ. Существовали банкиры, негоціанты, промышленные предприниматели, но эти люди никогда не составляли аристократіи. Изъ нихъ не создалось общественной группы связанной значительными хозяйственными интересами; имущество ихъ не образовало суммы цѣнностей, съ которою государство должно было бы считаться. Если сравнить римскую Имперію съ теперешнимъ обществомъ, то можно замѣтить, слѣдующее существенное различие: римская Имперія послѣ трехъ вѣковъ мирной и трудовой жизни не создала больше капиталовъ, чѣмъ въ первыя времена по ея утвержденіи. Движимое имущество, удваивающее и утраивающее теперь экономическое могущество націй—почти не существовало тогда, какъ самостоятельная сила.

[1] *Sueton.* Tiberius, 48.—*Tacit.* Annal. VI, 17.

[2] *Plin.* Epistolae, VI, 19. Cp. *Capito'.* Marcus, 11.

Не доискиваясь всѣхъ многоразличныхъ причинъ такого слабаго значенія движимаго капитала въ римской Имперіи, мы укажемъ только на слѣдствія подобнаго положенія вещей. Они были очень важны. Если вспомнить, что у современныхъ народовъ развитіе движимаго богатства и ростъ демократическихъ стремленій общества идутъ рука объ руку, то не покажется удивительнымъ, что въ римской Имперіи отсутствіе крупныхъ денежныхъ капиталовъ и могущество землевладѣльческой аристократіи также находились во внутренней связи между собою.—Капиталъ, дѣйствительно, является великимъ источникомъ существованія для пролетаріевъ. Онъ составляетъ плодородную почву, питающую ихъ; благодаря ему, они находятъ работу, съ его помощью они могутъ выйти изъ нищеты и пріобрѣсти обезпеченность. При его наличности могутъ сохраниться соціальныя неравенства, но энергія человѣка преодолѣваетъ ихъ. Безъ него—бѣднякъ можетъ быть только рабомъ, пролетарій находится въ полной власти собственника земли.

Во второй половинѣ III вѣка произошли нѣкоторыя событія, вызвавшія волненіе въ провинціяхъ; это были борьба между претендентами на императорскій престолъ, набѣги варваровъ и крестьянскіе бунты [1]. Ука-

[1] Нѣкоторые новѣйшіе историки придавали возстаніямъ багаудовъ большое значеніе. Мы не думаемъ, чтобы изученіе текстовъ оправдывало такое мнѣніе. Прежде всего надо тщательно различать багаудовъ 270 года и багаудовъ V вѣка.—Ка-

занныя событія, важность которыхъ не слѣдуетъ преувеличивать, не подвергали Имперію опасности: бунты были скоро подавлены, варвары прогнаны, единство и миръ возвращены государству. Это былъ одинъ изъ

жется, среди анархіи, предшествовавшей царствованію Діоклетіана, происходили нѣкоторыя волненія въ народной массѣ, уже страдавшей отъ экономическаго строя, который опирался на крупную собственность. Евтропій (IX, 13) говоритъ о безпорядкахъ, производившихся сельскимъ населеніемъ: „tumultum rusticani in Gallia concitarunt". Шайка крестьянъ, „manus agrestium ac latronum", сообщаетъ Аврелій Викторъ (De Caesaribus, 39) опустошала деревни и пыталась брать города, „urbes tentavit". Орозій (VII, 25) также говоритъ о шайкѣ крестьянъ, „rusticanorum manus", которая, находясь подъ предводительствомъ Эліана и Аманда, производила большія волненія, „perniciosos tumultus excitarunt". Мамертинъ (Panegyricus Maximiano dictus, гл. 4) упоминаетъ объ этихъ невѣжественныхъ землепашцахъ, которые взяли въ руки оружіе, „militares habitus ignari agricolae appetiverunt", опустошали больше всего свои собственныя поля, „suorum cultorum rusticus vastator". Два мѣста Эвменія, объясняющія одно другое (Pro restaurandis scholis, гл. 4; Gratiarum actio, гл. 4) также указываетъ на этихъ багаудовъ, какъ на шайку разбойниковъ, „latrocinium bagaudicae rebellionis", которая поддерживала соискателя императорскаго престола Тетрика противъ Клавдія II и Авреліана. Галльскій городъ Отенъ, стоявшій за Клавдія, былъ осаждаемъ ими въ теченіе семи мѣсяцевъ и принужденъ отворить имъ ворота.—Мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній о багаудахъ этого года. Ни одинъ изъ приведенныхъ текстовъ не оправдываетъ преувеличеннаго сужденія о важности факта. Слово *manus*, прилагаемое къ нимъ писателями, нельзя понимать въ смыслѣ возстанія всего населенія. Дѣло идетъ о вооруженныхъ кучкахъ, которыя можетъ быть, были довольно многочисленны и причиняли не мало бѣдъ среди неурядицъ того времени; но было бы слишкомъ смѣло подразумѣвать здѣсь революціонное движеніе всего народа или хотя бы класса. Съ возстановленіемъ порядка въ Имперіи эти движенія были подавлены безъ всякаго труда. См. *Oros.* VII, 25: „Maximianus facile agrestium hominum imperitiam et confusam manum

тѣхъ временныхъ кризисовъ, черезъ которые такъ часто проходятъ, не погибая отъ нихъ, наши общества; но онъ причинилъ римской Имперіи одно непоправимое зло, которое лишь ненадолго задержало бы прогрессивный ростъ современной націи, но навсегда остановило развитіе Имперіи. Дѣло въ томъ, что въ теченіе тридцати лѣтъ, полныхъ волненіями, наличный промышленный трудъ былъ прерванъ, а такъ какъ запасныхъ капиталовъ не было, то трудящееся населеніе никогда не могло вновь подняться. Съ этого момента классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, преобладаніе котораго никогда не прекращалось, сдѣлался полнымъ хозяиномъ и захватилъ въ свои руки безраздѣльную власть надъ обществомъ.

Послѣдствія такого положенія вещей шли еще глубже. Отсутствіе движимаго богатства неминуемо должно было предать мелкую собственность въ рабство крупной. Если въ наше время крестьянину удается сохранить въ своемъ владѣніи клочекъ земли, не всегда доставляющій ему средство прокормиться, то это происходитъ потому, что ему открытъ еще другой источникъ дохода въ видѣ заработка на сторонѣ въ качествѣ наемнаго рабочаго; къ тому же существованіе кредита даетъ ему возможность улучшать свою землю и бороться съ убытками неурожайныхъ лѣтъ. Ничего

composuit". *Eutrop.* IX, 13: „Levibus proeliis agrestes domuit". *Aurel. Victor*, 39: „Maximianus, fusis hostibus aut acceptis, quieta omnia fecit". Самъ Мамертинъ не считаетъ удобнымъ восхвалять Максиміана за такую побѣду: „Quod ego cursim praetereo".—Очевидно, что эти возстанія не привели ни къ чему: изъ нихъ не возникло никакой реформы; неизвѣстно даже, требовали ли бунтовавшіе какихъ-нибудь реформъ. Послѣ этого въ теченіе 150 лѣтъ о багаудахъ не было слышно рѣшительно ничего.

такого не было въ римской Имперіи. Если крестьянинъ нуждался въ деньгахъ, онъ не находилъ ихъ у городского капиталиста; онъ могъ получить ихъ лишь отъ богатаго сосѣда, крупнаго землевладѣльца. Послѣдній бралъ подъ задогъ маленькое поле своего должника. Залоговое право очень различается по характеру, когда оно находится въ рукахъ далекаго капиталиста, сравнительно съ тѣмъ, когда имъ пользуется сосѣдній землевладѣлецъ. По прошествіи немногихъ лѣтъ земля должника неизбѣжно становилась тогда собственностью заимодавца [1].

Мы сказали, что первымъ источникомъ общественныхъ бѣдствій въ Имперіи было разореніе промышленнаго класса. Дѣйствительно, разъ пролетарій не имѣлъ возможности обезпечить себя, онъ никакъ не могъ подняться въ разрядъ землевладѣльцевъ; для него недоступна была покупка земли. Именно это разоряло въ свою очередь и мелкихъ сельскихъ собственниковъ. Ихъ поля тѣмъ больше теряли въ своей цѣнѣ, чѣмъ меньше было конкурентовъ, желавшихъ пріобрѣсти ихъ, и когда крестьяне видѣли себя принужденными сбывать свои участки, единственнымъ покупателемъ являлся сосѣдъ-владѣлецъ, который назначалъ за нихъ какую ему угодно цѣну.

Мелкіе крестьяне-собственники находились, такимъ образомъ, также какъ и пролетаріи, въ полной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ силу такого сочетанія обстоятельствъ происходили странныя явленія, о которыхъ наши современныя общества не имѣютъ даже понятія, но которыя были, однако, неизбѣжны въ ту эпоху. Послушаемъ законодателя: «Провинціальный намѣстникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы могущественные люди не причиняли вреда слабымъ; онъ долженъ препятствовать захватамъ собственности, продажамъ, которыя вынуждены страхомъ, или фиктивнымъ продажамъ, которыя совершаются безъ дѣйствительнаго внесенія денегъ» [1]. Изъ этихъ словъ обнаруживается, какимъ притѣсненіямъ крупный собственникъ могъ подвергнуть мелкаго землевладѣльца. Послушаемъ теперь одного писателя V вѣка: «Много-ли существуетъ бѣдныхъ, которые могли бы жить въ сосѣдствѣ съ богатымъ, такъ чтобы послѣдній не налагалъ руку на ихъ имущество и личность? Безсильные предъ захватами вельможи, они лишаются своей земли, а кромѣ того еще и свободы» [2]. Выдѣлимъ изъ этихъ словъ элементъ декламаціи, и все таки останется несомнѣннымъ, что въ соціальномъ и экономическомъ строѣ того времени мелкой собственности было безконечно трудно удержаться, и она неизбѣжно поглощалась крупною. Крестьянинъ то продавалъ свой участокъ за безцѣнокъ, то просто покидалъ его, не найдя покупателя, и бросая землю, которую былъ не въ состояніи ни обрабатывать, ни продать. Иной разъ онъ совершалъ формальную дарственную запись въ пользу своего богатаго сосѣда подъ единственнымъ условіемъ — остаться на своемъ клочкѣ въ качествѣ съемщика. Иногда, наконецъ, онъ чувствовалъ себя вынужденнымъ пожертвовать даже независимостью своей личности, дѣлался колономъ, отпущенникомъ или рабомъ богача [3].

[1] См. въ Кодексахъ постановленія, относящіяся къ *praeaia obligata*.

[1] *Dig.* I, 18, 6.—(Всѣ эти факты будутъ разсмотрѣны подробнѣе въ V томѣ настоящаго сочиненія, см. гл. 4 и 9).

[2] *Salvian.* De gubernatione Dei, IV, 4.

[3] *Cod. Theod.* II, 22: „Si quis dignitate romanae civitatis

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что мелкими сельскими собственниками были тѣ же люди, которые назывались куріалами. Такимъ образомъ, упадокъ курій, на который ссылаются законы, сопутствуетъ паденію мелкой земельной собственности. Указанный классъ ослаблялся двумя способами: одни изъ его членовъ, которымъ удавалось избѣжать бѣдности и даже обогатиться, покидали его, чтобы вступить въ сенаторское сословіе; другіе, разоряясь съ каждымъ годомъ все больше, оставляли его, обращаясь въ плебеевъ. Курія теряла одну часть своихъ членовъ, благодаря ихъ богатству, другую—благодаря ихъ нищетѣ. Она, какъ тѣло, находящееся въ состояніи гніенія, разлагалась на два элемента: высшій, поднимавшійся въ верхніе слои знати, и низшій, падавшій все глубже и глубже въ колонатъ и рабство.

Таковъ былъ соціальный переворотъ, совершавшійся въ жизни Имперіи, несмотря на противодѣйствіе императорскаго правительства въ IV и V вѣкахъ. Мы должны были изучить и описать его, потому что безъ этого нельзя понять, насколько почва была уже тогда подготовлена для развитія феодальныхъ учрежденій послѣдующихъ вѣковъ.

Нѣтъ необходимости въ насильственной революціи или завоеваніи одного народа другимъ, въ перемѣнѣ господствующей расы для того, чтобы люди потеряли

amissa, latinus fuerit effectus, omne peculium eius a patrono vindicetur". Мы видѣли, что человѣкъ, называвшійся „латиняниномъ", былъ вольноотпущенникомъ. Стало быть, тогда (законъ относится къ 326 году) свободные люди иногда попадали въ ихъ число. Это выражено въ двухъ мѣстахъ у Сальвіана (De gubernatione Dei, V, 5, и Ad Ecclesiam, III, 7). Одна новелла Маіоріана (изд. *Haenel*, стр. 315) констатируетъ, что многіе куріалы дѣлались колонами и даже рабами.

свою гражданскую свободу и подчинились сеньорамъ, чтобы образовались порядки серважа, личнаго подчиненія, чтобы сложились отношенія вассалитета. Перемѣщеніе богатства происходитъ иногда путемъ естественнаго и постепеннаго хода развитія соціальныхъ и экономическихъ явленій. Послѣднее само по себѣ иногда приводитъ къ чрезмѣрному усиленію одного класса и ослабленію всѣхъ другихъ и незамѣтно ставитъ общество въ такое положеніе, что нѣкоторые его члены дѣлаются господами, а большинство обращается въ слугъ. Общество, такимъ образомъ, преобразуется понемногу, безсознательно, даже вопреки дѣйствующимъ въ немъ законамъ, благодаря непобѣдимой силѣ нравовъ и могуществу интересовъ. Это именно и произошло съ обществомъ римской Имперіи. Формально можно было бы сказать, что въ теченіе всѣхъ вѣковъ ея существованія устройство его оставалось неизмѣннымъ, но на самомъ дѣлѣ оно безпрерывно перерождалось, и отъ вниманія историка не должно ускользнуть, что уже съ этой эпохи человѣчество вступило на тотъ путь, по которому впослѣдствіи должны были въ теченіе восьми вѣковъ двигаться всѣ европейскія общества, то-есть, на путь созданія аристократическихъ и феодальныхъ учрежденій.

Если мы перенесемся мысленно къ началу V вѣка, то-есть, остановимся наканунѣ германскихъ вторженій, римское общество представится намъ въ слѣдующемъ видѣ: въ городахъ обитаютъ свободные, но уменьшающіеся числомъ уже въ теченіе пяти или шести поколѣній и все бѣднѣющіе плебеи. Въ деревняхъ живутъ два очень многочисленные класса—рабы (servi) и колоны (tributarii, coloni). Первые совершенно подчинены господину; послѣдніе считаются свобод-

ными, но прикрѣплены къ землѣ, которою не они владѣютъ, и обязаны платить налоги владѣльцу и выполнять въ его пользу барщинныя работы. Кромѣ того, они находятся въ личной зависимости отъ господина, обязаны по отношенію къ нему еще почтеніемъ и покорностью. Если не принимать въ разсчетъ небольшого числа сохранившихся мелкихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ и собственниковъ, то надъ этими зависимыми массами возвышается одинъ богатый и могущественный классъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

2.

Могущество крупныхъ земельныхъ собственниковъ [1].

Очень обширныхъ, сплоченныхъ въ одномъ мѣстѣ частныхъ имѣній (чистыхъ «*latifundia*») въ изучаемую эпоху въ римской Имперіи или, по крайней мѣрѣ, въ Галліи, какъ кажется, не существовало. Крупныя земельныя состоянія распадались въ общемъ правилѣ на рядъ отдѣльныхъ *villae*, часто весьма удаленныхъ одна отъ другой [2]; этотъ фактъ служитъ доказательствомъ, что большія недвижимыя богатства образовывались медленно, въ теченіе жизни многихъ послѣдовательныхъ поколѣній, путемъ цѣлой серіи пріобрѣтеній, наслѣдованій и браковъ. Каждая вилла обыкновенно представляла собою большую хозяйственную усадьбу, окруженную полями, лугами, виноградниками и лѣсами. Въ качествѣ «орудія производства» (*instrumentum fundi*») къ ней приписывалась значительная группа сельскихъ рабовъ (*servi rustici*). Между ними были землепашцы, пастухи, виноградари, кромѣ нихъ булочники, плотники, каменьщики, а также—женщины для выдѣлыванія тканей и одеждъ. Всѣ вмѣстѣ они составляли цѣлое маленькое населеніе, во главѣ котораго владѣлецъ ставилъ особаго начальника, называвшагося управителемъ (*vilicus*) или старостою (*praepositus*).

Рядомъ съ указанною барскою частью помѣстья обрабатываемою рабами для нуждъ господина, или вокругъ нея располагалась другая часть его земель, раздѣленная на арендные участки (*coloniae*); на нихъ жили испомѣщенные рабы (*servi casarii*), колоны, трибутаріи, вольноотпущенники. Каждый изъ нихъ обрабатывалъ свой надѣлъ и пользовался полученными плодами за вычетомъ того, что онъ отдавалъ помѣщику въ видѣ оброка, и уступая ему также часть своего труда.

Въ отношеніи колоновъ, какъ и въ отношеніи рабовъ, владѣлецъ земли являлся настоящимъ господиномъ. Они представляли собою «его людей» (*homines eius*), какъ говоритъ римскій законъ. Онъ пользовался надъ ними правомъ суда. Мы видимъ, что законы уполномачиваютъ его наказывать ихъ не только за тѣ проступки, которые совершены противъ него, но также и за тѣ, которые его не затрогиваютъ, и которые, повидимому, должно было бы карать одно государство [1]. Онъ имѣлъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ приблизительно такія же права, какими правительственная власть обладала по отношенію къ нему самому. Крупный собственникъ почти всегда но-

[1] Подробнѣе объ этомъ см. въ гл. 1, тома IV наст. соч.

[2] Это особенно ясно слѣдуетъ изъ актовъ завѣщаній галло-римскихъ фамилій V и VI вѣка (см. тамъ же).

[1] *Cod. Theod.* XVI, 5, 52; 54. — (Ср. соотвѣтствующія мѣста тома IV).

силъ титулъ сенатора, полученный его родомъ въ одномъ изъ предшествующихъ поколѣній и сохранявшійся за нимъ по праву наслѣдованія. Это наименованіе до такой степени слилось съ положеніемъ крупнаго землевладѣльца, что писатели, какъ мы видимъ, употребляли его иногда въ такихъ случаяхъ, когда они, конечно, не думали о званіи человѣка, а хотѣли обозначить его лишь какъ богатаго собственника [1].

Сидоній Аполлинарій, жившій постоянно въ средѣ такихъ земельныхъ магнатовъ, даетъ намъ картину ихъ домашней жизни. Зимою они обитали обыкновенно въ городѣ, занимая еще довольно часто высшія мѣста въ муниципальномъ управленіи: они должны были присутствовать на собраніяхъ, засѣдать въ судѣ, руководить общественными празднествами. Лѣтомъ они переѣзжали изъ одной виллы въ другую въ сопровожденіи многочисленной свиты кліентовъ, отпущенниковъ и рабовъ [2]. Господская деревенская резиденція была обыкновенно просторна, заключая въ себѣ много жилыхъ покоевъ, пріемныя залы, термы и портики, гдѣ выставлялись не оружіе и гербы, а изображенія предковъ съ знаками высокихъ должностей, которыя они нѣкогда занимали. Конечно, подобное жилище не походило на то, чѣмъ являлась впослѣдствіи феодальная крѣпость; однако, въ виду варварскихъ вторженій, вельможи уже

[1] Такъ, одинъ лѣтописецъ V вѣка, желая сказать, что переселившіеся Бургунды раздѣлили землю съ прежними собственниками, говоритъ: „Terras cum gallicis senatoribus diviserunt" (*Marius Aventic.* anno 456).

[2] Достойно замѣчанія, что на языкѣ послѣднихъ временъ Имперіи господское жилище, возвышавшееся среди усадьбы (villa), называлось—*praetorium*. См. *Palladius*, De re rustica, cc. 8, 11, 22, 24.

съ этого времени чувствовали необходимость укрѣплять свои сельскія усадьбы: они начинаютъ строить ихъ на высотахъ, окружать стѣнами, и ихъ дома иногда именуются уже замками, *castella* [1]. Они живутъ тамъ, проводя время среди заботъ о сельскомъ хозяйствѣ и въ развлеченіяхъ, доставляемыхъ охотою съ одной стороны, литературными занятіями съ другой. Они ведутъ между собою бесѣды о поэзіи, сочиняютъ стихи, переписываются другъ съ другомъ, разсуждаютъ объ общественныхъ дѣлахъ; жизнь течетъ широко и богато; особенно поражаетъ роскошь въ количествѣ слугъ и лошадей [2]. Нѣкоторые даютъ прекрасное назначеніе своимъ громаднымъ доходамъ; таковъ, напримѣръ, Леонтій, который любилъ возводить большія полезныя постройки и собирать картины, или еще лучше Экдицій, который былъ настолько человѣколюбивъ, что во время голода кормилъ своимъ хлѣбомъ четыре тысячи бѣдныхъ, а позже—при вторженіи Вестготовъ, снарядилъ на свой счетъ и изъ своихъ людей отрядъ конницы и обратилъ непріятеля въ бѣгство [3].

Всѣ документы, дающіе возможность вглядѣться въ духъ той эпохи, показываютъ, что знать пользовалась тогда авторитетомъ у правительства въ такой же мѣрѣ, какъ и почтеніемъ со стороны народа. Правда, законы не обезпечивали за нею никакой

[1] *Sid. Apoll.* Epist. V, 14: „Montana castella".—Иногда также встрѣчаются слова *turris* и *burgus*.—См. описаніе одной аквитанской виллы, называемой „Burgus", у Сидонія, *Carmina*, 22.

[2] См. стихотвореніе, въ которомъ Паулинъ пелльскій изображаетъ свой богатый домъ: „Instructa obsequiis et turbis fulta clientum" (*Eucharisticos*, v. 367—437).

[3] *Greg. Tur.* II, 24—*Sid. Apoll.* Carmina, 22; Epist. III, 3.

власти, и конституція Имперіи формально не давала ей самостоятельныхъ политическихъ правъ. Но въ ея рукахъ находились, однако, высокія земскія (муниципальныя) должности; она поставляла дуумвировъ и образовывала сословіе принципаловъ; она наполняла провинціальныя собранія, и ея члены избирались въ посольства, посредствомъ которыхъ провинціалы сносились съ императоромъ. Изъ ихъ числа государство обыкновенно выбирало своихъ высшихъ чиновниковъ; оно не черпало послѣднихъ изъ низшихъ классовъ, высокіе административные посты не предоставлялись лицамъ, выслужившимся постепенно изъ незначительныхъ мѣстъ бюрократической іерархіи; важныя должности по праву рожденія принадлежали членамъ знатныхъ семействъ. Имперское правительство охотно допускало знатныхъ жителей Галліи, достигшихъ сенаторской степени, къ функціямъ преторовъ, консуловъ, намѣстниковъ провинцій, префектовъ преторія и другихъ высшихъ сановниковъ центральнаго управленія. За исключеніемъ высшихъ чиновъ арміи всѣ другія почетныя и сановныя званія являлись почти наслѣдственнымъ достояніемъ ихъ фамилій [1]. Знатный юноша, уроженецъ Галліи, какъ Протадій, Рутилій, Сидоній Аполлинарій [2], получалъ высокое назначеніе тотчасъ же по

[1] *Sid. Apoll.* Epist. I, 3. „Adipiscendae dignitati herediatari incumbam, cui pater, avus, proavus praefecturis magisteriisque micuerunt“.

[2] Симмахъ (Epist. IV, 33) пишетъ Галлу Протадію: „Secundum natales tuos honorum culmen adeptus es“. Послѣдній дѣйствительно прошелъ всю карьеру почетныхъ должностей и окончилъ ее въ санѣ префекта города Рима (*Rutilius*, Itinerarium, v. 550); у него было два брата: Минервій, сдѣлавшійся comes rerum privatarum, и Флорентинъ, бывшій префектомъ преторія.— Другой Галлъ, Рутилій, происходилъ изъ фамиліи, издавна занимавшей высокія должности; его отецъ былъ намѣстникомъ Этруріи и comes largitionum; онъ самъ былъ консуломъ и magister officiorum.—Дѣдъ и прадѣдъ Сидонія Аполлинарія были префектами; отецъ его и онъ самъ въ свою очередь занимали тѣ же должности.

окончаніи своего образованія; ему достаточно было указать, что его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ нѣкогда занимали крупныя мѣста, чтобы легко получить какъ бы по праву должность намѣстника провинціи, даже главноуправляющаго императорскими канцеляріями, префекта преторія, консула; затѣмъ, окончивъ карьеру важныхъ должностей (*cursus honorum*), онъ еще не старымъ возвращался на жительство въ свои помѣстья, богатый, окруженный почетомъ, который давалъ ему вліяніе въ мѣстныхъ собраніяхъ; онъ покровительствовалъ въ свою очередь младшимъ въ прохожденіи ими служебной дороги, поддерживая сношенія съ тѣми, кто еще занималъ должности; такимъ образомъ онъ, собственно говоря, фактически управлялъ дѣлами провинціи. Если онъ былъ христіаниномъ, то легко и охотно достигалъ въ концѣ своей блестящей карьеры высокаго званія епископа. Такъ слагалась жизнь Сидонія Аполлинарія и большинства его друзей.

Мы видимъ, что крупно-землевладѣльческая знать продолжала иногда интересоваться общественными дѣлами и не была систематически удаляема отъ нихъ правительствомъ. Наоборотъ, она обладала большимъ могуществомъ. Хотя въ принципѣ государство являлось абсолютною монархіей, но ея единоличный государь управлялъ, очевидно, лишь черезъ посредство аристократіи, которая оказывалась въ силу этого классомъ, руководившимъ жизнью общества во всѣхъ отношеніяхъ [1].

[1] Законы запрещали простымъ куріаламъ стремиться къ

Самымъ разительнымъ отличіемъ этой римской знати отъ той, которая образовалась позже, въ средневѣковой Европѣ, являлась та черта, что первая не представляла собою военной касты. Императорское правительство съ III вѣка установило запрещеніе сенаторамъ служить въ войскѣ. Это правило, находившееся въ полномъ соотвѣтствіи съ направленіемъ политики и съ выработавшимися нравами, помѣшало аристократіи соединить въ своихъ рукахъ всѣ элементы силы. У нея была земля, но не было оружія. Далѣе мы увидимъ, какая смѣна теченій впослѣдствіи привела къ соединенію оружія и земли въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, и какимъ образомъ аристократія, существованіе которой не прекращалось и въ дальнѣйшіе вѣка, измѣнила свои привычки и свой характеръ.

ГЛАВА XII.

Ослабленіе государственной власти.

Въ то самое время, какъ аристократія сдѣлалась могущественною, императорская власть потеряла силу. Если судить о силѣ правительства Имперіи по пышной фразеологіи, употреблявшейся въ канцеляріяхъ, или по панегирикамъ ея оффиціальныхъ ораторовъ, можно подумать, что въ IV вѣкѣ общество повиновалось ей такъ же покорно, какъ во времена Антониновъ. Но мы усматриваемъ признаки, противорѣчащіе такому представленію: слабость императорскаго правительства, о которой не говорятъ прямо писатели того времени, проявляется однако во многихъ симптомахъ.

высшимъ должностямъ; такимъ образомъ, Имперія набирала своихъ главныхъ чиновниковъ изъ сенаторскаго класса.

Сами кодексы даютъ возможность видѣть, что крупные чиновники сдѣлались менѣе послушными, менѣе зависимыми отъ центральной власти, чѣмъ въ предшествующую эпоху; за ними надо было наблюдать, наказывать ихъ и постоянно грозить имъ, и такое безпрестанное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же угрозъ достаточно ясно свидѣтельствуетъ, что послѣднія были безсильны. Взыманіе податей дѣлалось также все болѣе затруднительно. Императоры признаются въ законахъ, что намѣстники провинцій не обладаютъ достаточною силою, чтобы заставить знать уплачивать налоги [1].

Съ перваго взгляда кажется, что это признакъ обѣднѣнія Имперіи; но если всмотрѣться ближе, мы увидимъ въ этомъ обстоятельствѣ проявленіе пассивной оппозиціи могущественныхъ общественныхъ элементовъ требованіямъ императорской власти. Духъ сопротивленія чувствуется повсюду: предлогомъ для его обнаруженія служитъ иногда религіозный вопросъ, иногда фактъ соперничества претендентовъ на престолъ; чаще всего онъ скрывается подъ видомъ самаго рабскаго повиновенія. Дѣло не идетъ здѣсь о бунтѣ противъ Имперіи: никто не думаетъ низвергать ея; напротивъ, ее уважаютъ; всѣ желаютъ ея существованія, но всякій вмѣстѣ съ тѣмъ стремится какъ можно меньше повиноваться ей. Никакая политическая теорія не вліяетъ тутъ на умы, никто не помышляетъ противопоставить принципу власти принципъ свободы; но въ самой власти кроется какое-то разслабленіе и безсиліе по отношенію къ болѣе могущественному, чѣмъ она сама, высшему классу общества [2].

[1] См. *Cod. Theod.* XI, 7. *Cod. Iust.* X, 19.

[2] См. у Симмаха (X, 51) разсказъ о дѣлѣ одного се-

Этотъ классъ богатъ, а правительство бѣдно, онъ является хозяиномъ большей части территоріи; въ его рукахъ находится мѣстное управленіе, а также важнѣйшія, административныя и судебныя функціи. У правительства осталась лишь видимость власти и все слабѣвшая вооруженная сила. Если вчитаться въ кодексъ Θеодосія, то почти на каждой страницѣ его можно встрѣтить примѣры затрудненій, съ которыми постоянно сталкивалось это правительство, юридически всемогущее, практически не умѣвшее обезпечить за собою повиновенія; тутъ всюду можно видѣть проявленіе повседневной борьбы между оффиціальнымъ деспотизмомъ и инертнымъ, но непобѣдимымъ сопротивленіемъ самаго высокаго класса населенія.

Развитіе аристократіи, паденіе низшихъ классовъ и ослабленіе общественной власти—вотъ три явленія сопутствовавшія другъ другу въ изучаемую эпоху. Въ то же время вновь выростали въ жизни отношенія патронатной зависимости, и можно наблюдать, какъ люди инстинктивно стремились стать подъ защиту частнаго покровителя [1]. Писатели оставили хорошее изображеніе этого характернаго соціальнаго теченія. «Бѣдный, говоритъ св. Августинъ, становится въ зависимость отъ богатаго, чтобы получить отъ него пищу и жить въ безопасности подъ его покровительствомъ [2]».

натора, жившаго въ Эпирѣ, который воспротивился приказанію претора, а затѣмъ проконсула, и грубо обращался съ его чиновниками.

[1] Объ этомъ предметѣ будетъ подробнѣе говориться въ V-мъ томѣ настоящаго сочиненія.

[2] *S. August.* Civitas Dei, II, 20: „Obsequuntur divitibus pauperes causa saturitatis atque ut eorum patrocinis quieta inertia perfruantur“.

«Слабый, сообщаетъ Сальвіанъ, отдается вельможѣ, чтобы тотъ защищалъ его и покровительствовалъ ему [1]». Распространеніе обычая патроната и кліентелы особенно ясно отмѣчается въ императорскихъ законахъ [2].

Несомнѣнно, подобный патронатъ дѣйствительно ставилъ множество людей въ зависимое положеніе. Человѣкъ, пріобрѣтавшій патрона, дѣлался слугою другого человѣка и фактически переставалъ служить государству. Такимъ образомъ, Имперія мало по малу теряла безконечное число подданныхъ, которые увеличивали собою толпу кліентовъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Пока между ними и государствомъ еще не было настоящей борьбы; но существовала уже извѣстная конкуренція, въ которой государство почти всегда оставалось въ проигрышѣ.

Умъ нашихъ современниковъ, благодаря привычкамъ, сложившимся въ теченіе послѣдняго вѣка, представляетъ себѣ сопротивленіе правительству лишь въ видѣ опредѣленной политической оппозиціи или возстанія. Но существуетъ сопротивленіе и другого рода, часто проявлявшееся въ исторіи человѣчества. Оно выражается въ томъ, что подданный не обнаруживаетъ, повидимому, никакой ненависти къ своему правительству, даже не чувствуетъ къ нему этой ненависти и въ глубинѣ души; онъ искренно любитъ его или, по крайней мѣрѣ, съ удовольствіемъ льститъ ему, но въ то же время онъ отказываетъ ему въ поддержкѣ

[1] *Salvian.* De gubernatione Dei, V, 8; 9; „Tradunt se ad tuendum protegendumque maioribus“.

[2] *Cod. Theod.* XI, 24, 1: „Eos, quos in defensionem suam videntur suscepisse, ab eorum patrocinio facias separari“. Ср. XII, 1, 50. *Cod. Iust.* II, 14; 15 (alias 13; 14). Ср. соотвѣтствующія мѣста V тома настоящаго сочиненія.

своими силами, услугами, имуществомъ и особенно въ активномъ содѣйствіи его цѣлямъ. Онъ не борется противъ власти, а избѣгаетъ ея, выскользаетъ изъ ея рукъ. Расточая передъ нею увѣренія въ своей вѣрности, онъ перестаетъ повиноваться ей. Не происходитъ никакого возмущенія, потому что власть не встрѣчается прямо съ какими-бы то ни было враждебными ей чувствами или противоположными мнѣніями; нѣтъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ столкновенія, потому что никто и не думаетъ сознательно о немъ. Происходитъ лишь одно: правительство незамѣтнымъ образомъ теряетъ свою силу. Его чиновники или сами больше не повинуются ему, или не въ состояніи болѣе заставить общество себѣ повиноваться. Оно бѣднѣетъ или благодаря недостатку доходовъ, или благодаря безпорядочности въ веденіи расходовъ, потому что утратило авторитетъ какъ надъ плательщиками, такъ и надъ органами своей власти. Даже воинская сила теряетъ или мужество, или дисциплину. Правосудіе падаетъ. Такимъ образомъ происходитъ истощеніе власти. Такая болѣзнь погубила гораздо больше правительствъ, чѣмъ было ихъ низвергнуто революціями. Дѣло въ томъ, что она можетъ поражать всѣ формы государственнаго устройства—республику, какъ и монархію, аристократію, какъ и демократію. Она зарождается всякій разъ, какъ соціальный строй перестаетъ согласоваться съ политическими учрежденіями. Тогда получается извѣстное сочетаніе отношеній, при которомъ опредѣленный классъ общества оказывается сильнѣе государства, а государство мало по малу превращается въ пустую тѣнь. Это и случилось съ римскою Имперіею. Въ IV вѣкѣ можно наблюдать одновременно, какъ образуется могущественная аристократія,

какъ средніе классы впадаютъ въ нищету, и какъ государственная власть слабѣетъ Достаточно было того, чтобы эти три явленія продолжали сосуществовать въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, и, едва замѣтные во времена Имперіи, они усилятся и выростутъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, среди неурядицъ, которыя принесутъ съ собою германскія нашествія. Тогда мы будемъ присутствовать при установленіи феодальнаго строя.

ГЛАВА XIII.

Умственное и нравственное состояніе галльскаго общества во времена римскаго владычества.

Чтобы закончить изслѣдованіе учрежденій, дарованныхъ Галліи Римомъ, необходимо остановиться еще на одномъ вопросѣ, который долженъ пополнить наши свѣдѣнія о галльскомъ обществѣ въ моментъ германскаго нашествія. Важно въ самомъ дѣлѣ узнать, какимъ образомъ проходила повседневная жизнь человѣка того времени, каковъ былъ его типичный образъ мыслей и каковъ выработавшійся характеръ его нравовъ. Интересно спросить себя, какое значеніе имѣла человѣческая личность среди описанныхъ политическихъ и соціальныхъ порядковъ.

I.

Трудъ и нравы.

Прежде всего бросается въ глаза, что населеніе Галліи въ теченіе изучаемаго періода ихъ исторіи очень много трудилось. Теперь, пятнадцать вѣковъ спустя,

страна носитъ еще ясные слѣды его работы; повсюду можно встрѣтить неподдающіеся окончательному разрушенію остатки дорогъ; эти колоссальныя сооруженія, имѣвшія тогда почти такую же важность, какъ въ наше время рельсовые пути, было во времена римской Имперіи дѣломъ рукъ самихъ Галловъ, произведеннымъ на ихъ счетъ и для общаго пользованія Галліи и всей Имперіи. Въ ту же самую эпоху древнія поселенія преобразовались въ города; *oppida* сдѣлались значительными центрами осѣдлости. Число городовъ, существовавшихъ въ Галліи во времена римской Имперіи было не меньше ихъ числа въ настоящее время; если съ тѣхъ поръ и были основаны нѣкоторые новые города, то они лишь замѣнили другіе разрушенные временемъ или какими-нибудь случайностями войнъ. Эти города были богаты общественными памятниками: вездѣ возвышались храмы, дворцы, базилики, театры, термы, водопроводы. Построили все это не выходцы изъ Италіи; нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы Римъ посылалъ сюда своихъ архитекторовъ, инженеровъ и рабочихъ. Весь этотъ великій трудъ былъ задуманъ умомъ и выполненъ руками жителей Галліи. Римское господство не разорило и не истощило ни одного изъ покоренныхъ ему народовъ. Причину этого можно легко усмотрѣть. Основу римскаго характера составляла не любовь къ войнѣ, а любовь къ матеріальнымъ благамъ. Римъ совершалъ свои завоеванія не изъ пустой жажды славы, а съ сознательною цѣлью обогатиться. Въ нашъ предметъ не входитъ перечисленіе всѣхъ средствъ, которыя Римляне умѣли пускать въ ходъ, чтобы достигнуть намѣченнаго результата; достаточно сказать, что, по мѣрѣ завоеванія окружающихъ странъ, они воздерживались отъ разрушенія въ нихъ

чего бы то ни было, избѣгали истощать почву ихъ богатства. Много говорили о разграбленіи провинцій; не надо ни отрицать, ни преувеличивать этого факта; достовѣрно одно, что римскій умъ былъ слишкомъ практиченъ, чтобы не понимать того, какимъ скуднымъ источникомъ наживы является грабежъ. Когда Римляне становились господами какой-нибудь страны, и когда ихъ владычество не оспаривалось болѣе, они предпочитали развивать тамъ земледѣліе, торговлю и промышленность. Они преслѣдовали при этомъ свою выгоду; но невозможно, чтобы обогащаясь сами, они не обогащали въ то же время и подчиненные народы.

Можно лучше пояснить эту истину на примѣрѣ. Едва Галлія была завоевана, какъ туда уже явились римскіе купцы. Они скоро поняли, гдѣ въ этомъ краѣ должны опредѣлиться центры торговой дѣятельности. Они расположились прежде всего на среднемъ теченіи Луары, въ Генабѣ (буд. Орлеанѣ). Насажденіе торговыхъ центровъ было прервано возстаніемъ Галліи; но, несомнѣнно, впослѣдствіи движеніе возникло снова, и подобныя же средоточія торговли утвердились въ Ліонѣ, Тулузѣ, Парижѣ и Трирѣ. Представимъ себѣ, что должно было тогда произойти: трудовая жизнь въ городахъ, дѣятельное судоходство по рѣкамъ, безпрерывное обращеніе товаровъ по сухопутнымъ дорогамъ, облегченіе и расширеніе обмѣна; оживленіе земледѣлія, поощреннаго новымъ спросомъ и надеждою на выгодный сбытъ зерна; повсемѣстное образованіе мастерскихъ для выдѣлки тканей и изготовленія оружія, наконецъ, появленіе отовсюду какъ бы по волшебству многочисленныхъ торговцевъ, судовщиковъ, сельскихъ хозяевъ, ремесленниковъ. Римъ повсюду оказывался

великимъ вдохновителемъ труда; во всемъ мірѣ онъ прививалъ къ нему вкусъ, почти страсть.

Въ то же время онъ распространялъ кругомъ свою любовь къ богатству и благосостоянію, къ роскоши и искусствамъ, къ жизни, полной удобствъ и пышности. Благодаря Риму, привычка къ работѣ и къ достатку утвердилась среди всѣхъ народовъ.

«Міръ, говоритъ Тертулліанъ, съ каждымъ днемъ становится все просвѣщеннѣе и богаче; повсюду прологаются дороги и распространяется торговля; прежнія пустыни обращены въ цвѣтущія помѣстья, люди пашутъ тамъ, гдѣ раньше росли лишь непроходимые лѣса, сѣютъ на пространствахъ, покрытыхъ прежде песками; болота высушиваются; теперь больше городовъ, чѣмъ нѣкогда было домовъ» [1].

Такая жизнь, насыщенная трудомъ и процвѣтаніемъ, продолжалась около трехъ вѣковъ; это была эпоха Цезарей, Флавіевъ, Антониновъ и Северовъ. Но затѣмъ ее подорвали внутреннія смуты и соперничества государей, а, быть можетъ, еще болѣе ожесточенная борьба между язычествомъ и христіанствомъ. Общественная и частная жизнь оказались одинаково затронуты. Трудъ ослабѣлъ, богатство перестало рости.

Значитъ-ли это, что Галлія впала тогда въ нищету? Когда читаешь римскихъ писателей послѣднихъ временъ Имперіи, испытываещь большое недоумѣніе. Они часто говорятъ о бѣдности населенія; но также часто упоминаютъ и о его благосостояніи; они разсказываютъ, что нѣкоторые города представляли собою развалины, но отмѣчаютъ въ то же время процвѣтаніе другихъ. Они свидѣтельствуютъ о неизмѣримыхъ бѣдствіяхъ, которыя должны были бы погубить цѣлыя страны, однако же

[1] *Tertull.* De anima, 30.

мы видимъ, что главные центры остаются населенными, и памятники продолжаютъ стоять. Въ одномъ мѣстѣ авторы жалуются на то, что земли забрасываются въ другомъ — восхваляютъ изобиліе урожаевъ. На однѣхъ страницахъ у Сальвіана Галлія рисуется доведенною до крайней степени нужды, на другихъ — она блещетъ роскошью, предается удовольствіямъ и даже порокамъ, которые возможны лишь въ богатомъ обществѣ. Встрѣчая подобныя противорѣчія въ источникахъ, слѣдуетъ относиться съ сомнѣніемъ и критикою къ каждому извѣстію и въ особенности остерегаться довѣрія къ крайнимъ показаніямъ [1].

При первоначальномъ чтеніи нѣкоторыхъ законодательныхъ текстовъ является мысль, что куріи галльскихъ городовъ были разорены. Болѣе же внимательное изслѣдованіе показываетъ, что ихъ меньшее по сравненію съ предшествующимъ вѣкомъ процвѣтаніе по большей части зависѣло отъ образованія выше ихъ болѣе богатаго класса. Такимъ образомъ, произошло скорѣе перемѣщеніе богатства, чѣмъ обѣднѣніе общества. Было бы явной ошибкою думать, что Галлія тогда была такъ же счастлива, какъ и во времена Антониновъ; но съ другой стороны также неправильно было бы полагать, что

[1] Писатели того времени съ одинаковымъ преувеличеніемъ описываютъ нищету и благосостояніе. Одна и та же фраза представляетъ порою обѣ крайности: „Paulo ante maesta omnia, semiruta oppida, desolata moenia, solitudinem... nunc cuncta laetantia, agros consitos, urbes frequentes, magnifico cultu publica tecta surgentia, dites messibus segetes, vincentes agricolarum vota vindemias“ (*Mamertin.* Gratiarum actio Iuliano, c. 10). Тѣ же противорѣчія см. у Сальвіана; онъ говоритъ, что поля покрыты богатой жатвой, погреба полны виномъ, и торговля процвѣтаетъ: „Negotiatorum ac Sericorum (Syrorum?) turbae maiorem civitatum partem occupaverunt“ (*De gubernat. Dei*, IV, 69).

она являлась совершенно истощенной и бѣдствующею.

Легко повторять, что нравы въ римской Имперіи были испорчены, но труднѣе найти документы, подтверждающіе эту испорченность. Нѣсколько сатиръ и эпиграммъ ничего не доказываютъ. Было бы такъ же противно хорошему историческому методу судить объ этой эпохѣ по двумъ или тремъ литературнымъ фантазіямъ, какъ составлять себѣ понятіе объ аѳинскомъ обществѣ по комедіямъ Аристофана или о нашемъ вѣкѣ по современнымъ романамъ. Порокъ свойственъ всѣмъ обществамъ; тѣ изъ нихъ, которыя умѣютъ отмѣтить и преслѣдовать его посредствомъ своей литературы, не болѣе заражены порокомъ чѣмъ тѣ, у которыхъ не оказывается писателей для его изображенія.

Правда, римская Имперія, благодаря продолжительному миру, была богата; но мирныя и благоденствующія націи не являются непремѣнно развращенными. Богатство—не порокъ, и бѣдность — не всегда добродѣтель. Роскошь не то же самое, что развратъ.

Въ римской Имперіи стояли лицомъ къ лицу двѣ религіи, одинаково запальчивыя въ бою. Онѣ взаимно упрекали другъ друга въ развратѣ. Мы не должны вѣрить клеветамъ, которыя язычники бросали въ лицо христіанамъ; въ равной мѣрѣ мы не обязаны вѣрить обвиненіямъ христіанъ, которыми они отвѣчали своимъ противникамъ.

До насъ дошли многочисленныя свидѣтельства, доставляющія намъ свѣдѣнія о частной жизни того времени. Надписи, законы, стихотворенія, біографіи, частныя письма изображаютъ намъ нравы и повседневныя занятія. Но ни одинъ изъ перечисленныхъ памятниковъ не рисуетъ картины такого общества, которое было бы кореннымъ образомъ испорчено. Надписи по-

стоянно отмѣчаютъ простымъ и искреннимъ языкомъ сыновнее почтеніе, склонность къ семейной жизни, уваженіе брака, преданность слугъ господамъ и заботу господъ о слугахъ [1]. Когда муниципальная община хочетъ воздать хвалу одному изъ своихъ членовъ, она запечатлѣваетъ въ надписи воспоминаніе о «его степенности и честности его нравовъ [2]». Послѣднее не служитъ доказательствомъ, чтобы добродѣтели вездѣ сохранялись, но это свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о томъ, что онѣ повсюду пользовались почитаніемъ.

Къ семейной жизни люди того времени питали большое уваженіе. Поэтъ Авзоній съ удовольствіемъ говоритъ о своей матери, «которая всецѣло предавалась выполненію супружескихъ обязанностей и воспитанію своихъ дѣтей [3]». Тотъ же писатель вспоминаетъ строгость своего прадѣда и заботы дѣда и дяди о воспитаніи ихъ молодого поколѣнія. Онъ самъ трудился надъ образованіемъ своего сына и внука. Рутилій въ стихахъ, Симмахъ въ письмахъ, Сидоній—и въ посланіяхъ, и въ поэтическихъ произведеніяхъ изображаютъ намъ самыхъ высокопоставленныхъ особъ своего времени, погруженными въ заботы о своей семьѣ и ведущими жизнь, въ одно и то же время пышную и порядочную. Богачъ Протадій, пройдя карьеру земской и имперской службы, возвращается жить въ свои помѣстья на сѣверѣ Галліи и посвя-

[1] *Orelli-Henzen*, 4530, 4626, 4639, 4662, 4848, 7385. *L. Renier*, Mélanges d'épigraphie, p. 209—211. *Herzog*, Appendix epigraphica.—*Corpus*, t. XII, 5193, etc.

[2] Въ извѣстной торинійской надписи читаемъ: „Gravitatem et honestos mores".

[3] *Auson.* Parentalia, 4: „Morigerae uxoris virtus cui contigit omnis, Fama pudicitiae lanificaeque manus, Coniugiique fides et natos cura regendi".

щаетъ досугъ собранію историческихъ документовъ о прошломъ своего края [1]. Сидоній Аполлинарій проводитъ свободное время лишь въ писаніи стиховъ и писемъ къ друзьямъ; до насъ дошли его сочиненія, и по нимъ мы знакомимся съ повседневными привычками богатыхъ и высокопоставленныхъ людей. Они владѣютъ обширными жилищами, дворцами, расположенными среди прекрасныхъ парковъ; они любятъ охоту, лошадей, баню, игру въ мячъ и кости, изящные разговоры, пиршества въ обществѣ избранныхъ друзей, пѣніе и музыку, стихи и красивыя рѣчи; никогда не намекается на разгулъ или грубыя удовольствія [2]. Сидоній говоритъ о женщинахъ самаго высшаго класса: онъ разсказываетъ, какъ послѣднія проводятъ время, подѣляя его между рукодѣліями и чтеніемъ; у нихъ есть библіотеки, и онѣ привыкли пользоваться ими [3].

[1] *Symmach.* Epist. IV, 18; 32; 36 (ad Protadium).

[2] См. у Сидонія Аполлинарія описаніе виллы Авитака (*Epistolae*, II, 2) и еще „бурга“ одного изъ его друзей (*Carmina*, XXII). См. еще нарисованную имъ картину повседневной жизни Векція, человѣка самаго высокаго положенія (*Epistolae*, IV, 9), и сенатора Консенція (*Carmina*, XXIII), которые проводятъ время среди заботъ о сельскомъ хозяйствѣ или за писаніемъ писемъ (*Epistolae*, VIII, 4). См. наконецъ, что онъ говоритъ объ Экдиціи, Прагмаціи, Ферреолѣ, Филагріи и многихъ другихъ. Правда, Сидоній такъ же, какъ и его друзья, былъ христіаниномъ; но поразительно то, что этотъ современникъ Сальвіана вообще не выражаетъ никакого порицанія испорченности вѣка. Чтеніе писемъ Симмаха и произведеній Рутилія, Сульпиція Севера, Проспера Аквитанскаго оставляетъ то же впечатлѣніе, что и сочиненія Сидонія Аполлинарія. Авзоній и Паулинъ пелльскій изображаютъ общество, въ которомъ, конечно, нѣтъ суроваго ригоризма, но въ которомъ существуетъ, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ семьѣ.

[3] *Sidon.* Carmina, XXII et alias, passim.

Кажется, что онъ не знаетъ среди нихъ такихъ, чье поведеніе заслуживало бы порицанія. Правда, съ другой стороны Сальвіанъ говоритъ, что «всѣ Аквитанцы похожи другъ на друга въ томъ, что брюхо ихъ—пропасть, а жизнь — развратъ; что нѣтъ ни одного богатаго человѣка, который не утопалъ бы въ распутствѣ, ни одного, который соблюдалъ бы супружескую вѣрность, ни одной женщины, которую не оскорбляли бы въ ея домѣ, какъ самое низкое существо». «Каковъ тотъ богачъ, который не былъ бы оскверненъ всѣми преступленіями? Гдѣ тотъ, который не былъ бы виновенъ въ убійствѣ?» Подумаешь, что онъ обвиняетъ лишь язычниковъ; однако онъ говоритъ именно о христіанской церкви: «Она — гнѣздо всѣхъ пороковъ; она является сборищемъ блудниковъ и прелюбодѣевъ, разбойниковъ и убійцъ» [1]. Но кто же повѣритъ, что такая яростная и декламаторская рѣчь согласна съ истиной?

Одною изъ отличительныхъ чертъ описываемаго общества былъ его вкусъ къ умственнымъ занятіямъ и наслажденіямъ. Никогда литературное образованіе не цѣнилось такъ высоко; никогда такъ не уважалось искусство хорошо говорить и писать. Школы въ Трирѣ, Отенѣ, Арлѣ, Бордо, Тулузѣ, Клермонѣ, Марсели, ярко процвѣтали до V вѣка. Тамъ изучали грамматику и математику, поэзію и краснорѣчіе. Авзоній разсказываетъ объ одномъ преподавателѣ риторики, на лекціяхъ котораго всегда тѣснилась публика. Существовали школы, гдѣ обучали не только юридиче-

[1] *Salvian.* De gub. Dei III, 9, 44; (ср. IV, 3, 5): „Quid est aliud paene omnis coetus Christianorum quam sentina vitiorum? Quotumquemque invenies in ecclesia non aut ebriosum, aut belluonem, aut adulterum, aut fornicatorem, aut latronem, aut homicidam?“

ской практикѣ, но и наукѣ о правѣ; тамъ комментировались законы Двѣнадцати Таблицъ [1]. Профессора были окружены уваженіемъ; преподавательская дѣятельность могла доставить славу и великія почести. Люди, занимавшіе самыя высокія государственныя должности, какъ Авзоній, Рутилій, Сидоній, Протадій (мы говоримъ лишь о Галлахъ по происхожденію) стремились пріобрѣсти извѣстность еще путемъ литературы. Писали тогда очень много; правда, это были произведенія посредственныя, обреченныя на скорое забвеніе, но въ глазахъ историка, разсматривающаго ихъ, такая забота общества объ умственныхъ занятіяхъ получаетъ большую цѣнность при составленіи сужденія о немъ. Попытаемся представить себѣ поочередно: здѣсь богача, всецѣло занятаго своими стихотвореніями и рѣчами, тамъ — профессора философіи, собирающаго кругомъ себя толпу слушателей, чтобы доказывать имъ духовность души [2]; въ другомъ мѣстѣ—христіанскаго священника, проповѣдующаго догматы своей религіи и принципы нравственности. Въ то же время будемъ держать передъ глазами картину городовъ, украшенныхъ красивыми зданіями, храмами, базиликами, возводившимися каждымъ поколѣніемъ, пышныхъ виллъ, которыя описываетъ Сидоній Аполлинарій, жатвы, богатство которыхъ восхваляетъ самъ Сальвіанъ; разсчитаемъ затѣмъ, сколько ежедневнаго труда предполагаетъ созданіе и поддержка всего этого и спросимъ себя, совмѣстимали вся эта работа ума, души или рукъ съ абсолютной испорченностью нравовъ.

[1] *Sid. Apoll.* Epist. IV, 1; IV, 11; Carmina, XXIII.

[2] Среди друзей Сидонія Аполлинарія одинъ изучалъ аристотеля, другой писалъ трактатъ „De statu animae“ (*Epistolae*, IV, 1; IV, 11).

Утверждать, что римская Имперія погибла благодаря своей испорченности, значитъ говорить одну изъ тѣхъ лишенныхъ смысла фразъ, которыя такъ сильно вредятъ прогрессу исторической науки и познанію человѣческой природы. [1]

Описываемое общество, какъ и всякое другое, представляло собою смѣсь добродѣтелей и пороковъ, хорошихъ и дурныхъ нравовъ, душевной энергіи и слабости. Если оно не соотвѣтствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ тому идеалу нравственности и разумности, который мы можемъ себѣ поставить, то въ интересахъ справедливости слѣдуетъ еще сравнить его со всѣмъ другимъ, что можно было найти въ человѣчествѣ того времени. Внѣ Имперіи извѣстны были лишь Персы въ Азіи и Германцы въ Европѣ. Послѣдніе, будучи невѣжественны и грубы, не могутъ быть только въ силу этого съ необходимостью названы болѣе добродѣтельными, чѣмъ Римляне. Тацитъ не говоритъ, чтобы они были свободны отъ какого-бы то ни было порока, свойственнаго человѣческой природѣ вообще. Онъ отмѣчаетъ ихъ склонность къ пьянству, страсть къ игрѣ, любовь къ наживѣ и удовольствіямъ [2]. Авторъ указываетъ, что у нихъ было извѣстно прелюбодѣяніе и прямой половой развратъ [3]. Онъ съ особенной энер-

[1] Нѣтъ надобности оговариваться, что, разсматривая общество въ римской Имперіи, мы не имѣемъ въ виду самый городъ Римъ. Удостовѣрено, что въ немъ нравы дѣйствительно были довольно распущены въ низшихъ классахъ не менѣе, чѣмъ въ высшихъ. См. описанія Аммiана Марцеллина (кн. XXVIII); но даже негодованіе этого писателя противъ состоянія нравовъ столицы подтверждаетъ, что въ провинціяхъ дѣло обстояло иначе.

[2] *Tacit.* Germ. 22, 23, 24. Histor. IV, 73: „Libido atque avaritia“. Annales, XI, 15: „Violentiam ac libidines grata barbaris“.

[3] Въ 19 главѣ Тацитъ описываетъ наказаніе женщины,

гіею языка изображаетъ ихъ лѣность и отвращеніе къ труду [1]. Писатели IV вѣка указываютъ на ихъ алчность и грабительство. Амміанъ, сообщая объ одномъ набѣгѣ Вестготовъ, говоритъ, что они «все расхитили, перебили, сожгли и нанесли оскорбленія стыдливости и природѣ» [2]. Самъ Сальвіанъ, котораго нельзя заподозрить въ особенной ненависти къ Вестготамъ, даетъ возможность видѣть ихъ коварство и воздержаніе. Конечно, ему не слѣдуетъ вѣрить, когда онъ говоритъ, что «все въ ихъ поведеніи—порочно»; но можно думать, какъ и онъ, «что Римляне и варвары стоили другъ друга въ своихъ порокахъ [3]».

Отъ исторіи нельзя требовать формальнаго, догматическаго сужденія о нравственной цѣнности различныхъ народовъ. По всей видимости, въ ту эпоху, о которой мы теперь говоримъ, римское общество, какъ бы несовершенно оно ни казалось, являлось по крайней мѣрѣ самымъ благоустроеннымъ, самымъ развитымъ и самымъ благороднымъ во всемъ человѣческомъ родѣ. Въ немъ производилась главная масса труда; въ немъ умственныя качества ставились выше всего; изъ него, наконецъ, вышла христіанская церковь, которая не смотря на соціальные безпорядки, въ послѣдующіе вѣка спасла все, въ чемъ заключались начала совѣсти, возвышенности души и умственной культуры.

виновной въ нарушеніи супружеской вѣрности, прибавляя, правда, что это преступленіе было явленіемъ рѣдкимъ. — Въ томъ же отрывкѣ онъ говоритъ о проституціи („publicatae pudicitiae“).

[1] *Tacit.* Germania, 16: „Dediti somno ciboque hebent; amant inertiam“. 45: „Solita Germanorum inertia“.

[2] *Ammian.* XXXI, 8, 6: „Rapinis, caedibus, sanguine, incendiis, et liberorum corporum corruptelis omnia faedissime permiscentes“.

[3] *Salvian.* De gubernatione Dei, IV, 14, § 68: „Omnium barbarorum vita vitiositas“. — *Ibid.* § 67; 66: „Possunt nostra et barbarorum vitia esse paria... Pares vitiositate barbaris sumus“.

2.

Упадокъ политической жизни.

Въ ограниченіе всего сказаннаго слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить слабую сторону общества римской Имперіи и пояснить, благодаря чему оно заслужило свою судьбу. Нравственнымъ зломъ, отъ котораго оно страдало, была не испорченность нравовъ, а разслабленіе воли и, такъ сказать, обезсиленіе характера населенія. Если сравнить это общество съ населеніемъ древней Италіи или первобытной Галліи, то въ немъ найдемъ меньше чѣмъ въ послѣднихъ бурныхъ волненій и жестокой борьбы, но въ то же время меньше жизненности и болѣе слабое развитіе мужественныхъ чертъ характера. Качествомъ, котораго ему всего больше недоставало, была сила. Можетъ быть, жизнь стала даваться людямъ слишкомъ легко; не оказывалось уже необходимости въ борьбѣ, не существовало внѣшнихъ или внутреннихъ трудностей при достиженіи житейскихъ цѣлей, которыя закаляли бы натуры и производили подборъ сильныхъ.

Подобная атонія проявлялась тогда даже въ умственной области. Въ теченіе четырехъ вѣковъ продолжительнаго мира, который долженъ былъ бы подѣйствовать такъ плодотворно, люди не сдѣлали ни одного великаго открытія, наука не подвинулась ни на шагъ впередъ; не было одержано никакой побѣды надъ невѣжествомъ и предразсудками и не произведено никакого усилія, чтобы познать и понять природу. Умъ человѣка того времени не обладалъ ни иниціативою, которая ищетъ, ни чутьемъ, которое находитъ [1].

[1] Діонъ Кассій въ III вѣкѣ, Амміанъ Марцел-

Гуманитарныя науки сдѣлали не большіе успѣхи, чѣмъ науки о внѣшнемъ мірѣ. Мы не можемъ отмѣтить ни одного истинно философскаго усилія мысли и никакой учености. Никто не думалъ серьезно изучать древнюю исторію Греціи, ни даже исторію Рима; несмотря на то, что Египетъ принадлежалъ Риму, никому не приходило въ голову отыскивать ключъ къ чтенію его іероглифовъ. Научная работа сосредоточивалась исключительно на правѣ, потому что оно касалось повседневныхъ интересовъ, и занятія имъ доставляли выгоды и почести.

Литературою занимались много, но не было создано ничего могучаго и возвышеннаго. Никогда не появлялось такъ много искусныхъ версификаторовъ и такъ мало поэтовъ. Во всей массѣ ораторовъ эпохи нельзя найти ни одного истинно краснорѣчиваго человѣка, если исключить отсюда проповѣдниковъ христіанской церкви. Послѣ Тацита не появлялось ни одного историка, ни одного человѣка, который умѣлъ бы глубоко понимать и изображать событія, обнимать однимъ взоромъ все общество. Писатели занимались изощреніемъ языка, но они дѣлали его приторнымъ или прѣснымъ, лишая силы и яркости. Кажется, будто умъ, изнѣженный легкостью существованія, утратилъ силу идейнаго творчества, которая одна создаетъ великія произведенія. Какая то лѣность мысли мѣшала построенію широкихъ плановъ и сосредоточенію на трудныхъ

линъ въ IV указываютъ, до какой степени доходило невѣжество даже и въ высшихъ классахъ. Повсюду еще занимались магіей (*Ammian* XIV, 17, 7; XXI, 1); всѣ вѣрили въ колдовство (*Ibid.* XXVIII, 4; XXIX, 2); всѣ читали старыя книги Тагеса (*Ibidem*, XVII, 10, 2); при передвиженіи войскъ практиковались этрусскія ауспиціи (*Ibidem*, XXIII, 5, 10).

задачахъ. Писали тогда не для того, чтобы научить, убѣдить или возвысить душу, а чтобы показать свой талантъ. Живописцы, скульпторы, архитекторы плодились и множились безъ числа; повсюду воздвигались храмы, дворцы, базилики; но общество не выдвигало великихъ художниковъ, не творило первоклассныхъ произведеній; нѣтъ нигдѣ мощи и вдохновенія.

Нѣчто подобное замѣчается и въ политической области. Разсматриваемыя поколѣнія смѣняютъ одно другое, повторяя одинъ и тотъ же типъ съ поразительнымъ однообразіемъ. Они умѣютъ повиноваться, и въ этомъ еще нѣтъ бѣды; но они повинуются безъ размышленія и безъ выбора, а это—уже очень большое зло. Они повинуются, потому что не придумали ничего другого кромѣ повиновенія. Они повинуются точно такъ же Геліогобалу, какъ Траяну; они одинаково будутъ повиноваться и варварскому военачальнику, и римскому императору. Такой родъ повиновенія является слѣдствіемъ гибели воли и отреченія отъ права.

То, что мы называемъ теперь политическою жизнью, то-есть, совокупность чувствъ и интересовъ, благодаря которымъ всѣ или почти всѣ занимаются общественнымъ дѣломъ и заявляютъ притязаніе на право высказывать свое мнѣніе о его организаціи и направленіи,— такая политическая жизнь отсутствовала въ римской Имперіи. Въ этомъ не слѣдуетъ обвинять ни императоровъ, ни ихъ чиновниковъ. Политическая жизнь исчезла изъ римскаго міра до Имперіи. Уже завоеваніе различныхъ народовъ римскимъ оружіемъ было облегчено исчезновеніемъ у послѣднихъ политическаго духа. Въ самомъ Римѣ этотъ духъ ослабѣлъ и затѣмъ

угасъ до конца Республики, и именно это обстоятельство способствовало установленію Имперіи. Люди той эпохи питали отвращеніе къ политикѣ; Имперія не хотѣла и не могла пробудить того, что было мертво, и цѣлыя поколѣнія народовъ жили, все болѣе и болѣе отвлекаясь отъ политическихъ идей и общаго дѣла, удовлетворяясь правительствомъ, которое предоставляло ихъ личнымъ занятіямъ. Но если преждевременно или чрезмѣрно развитой политическій духъ въ какомъ-нибудь народѣ имѣетъ свои неудобства для обезпеченія нормальнаго развитія его будущаго, то полное отсутствіе общественныхъ интересовъ влечетъ за собою ослабленіе дѣятельнаго начала въ его коллективной личности, что является самою ужасною опасностью особенно для общества, которому угрожаютъ внѣшнія враги. Въ началѣ Имперіи люди не чувствовали въ себѣ энергіи, чтобы управлять сами собою, въ концѣ Имперіи они объ этомъ даже не помышляли. У самого сенаторскаго класса не было стремленія властвовать. Принадлежавшіе къ нему люди отправляли должности по обязанности и по привычкѣ; но среди нихъ нельзя увидѣть ни одного человѣка, который понималъ бы сущность жизни государства, задумывался бы надъ великими вопросами его прогресса и благосостоянія, работалъ бы надъ ихъ разрѣшеніемъ. Каждый занималъ свою должность, пассивно проходилъ установленныя ступени служебной іерархіи, не задаваясь больше ничѣмъ. Вся энергія, на которую были способны тогда люди, направлена была въ сторону религіи. Язычники и христіане почти въ одинаковой мѣрѣ отдали ей всѣ силы своей души. Оно сдѣлалось центромъ ихъ рвенія, главнымъ объектомъ ихъ страстей и умственнаго труда; она одна возбуждала чувство долга, нравственныя добродѣтели и самоотверженіе. Для политической дѣятельности у нихъ не оставалось больше силъ. Къ интересамъ чисто земной жизни, къ формамъ правительства, судьбамъ государства они испытывали только равнодушіе. Религіозное чувство, отдѣленное такъ сильно отъ любви къ родинѣ, не могло явиться для Имперіи элементомъ могущества и не должно было послужить для его защиты.

Политическій духъ уступилъ мѣсто религіозному. Такое господство религіи надъ умами замѣчалось не у однихъ христіанъ. Та же наклонность, та же потребность одушевляла язычниковъ. Религія у нихъ была другая, но религіозное настроеніе—то же самое. Какъ у однихъ, такъ и у другихъ большая часть времени посвящалась выполненію требованій культа; большая часть мыслей пріобрѣтала характеръ догматическихъ вѣрованій, и самыя сильныя страсти направлялись на борьбу за побѣду того или иного религіознаго девиза. О небѣ думали больше, чѣмъ о землѣ, причемъ мы говоримъ тутъ о небѣ язычниковъ, такъ же, какъ и о небѣ христіанъ. Комицій болѣе не существовало, но за-то существовали процессіи въ храмахъ или собранія въ церквахъ. Толпа была равнодушна къ политическимъ магистратурамъ, но у нея сохранялись комиціи для избранія въ жреческое званіе или въ епископское достоинство, и на нихъ происходила горячая борьба. Рѣчами, которыя находили слушателей, являлись тогда проповѣди на религіозныя темы. Книги, которыя охотно читались и привлекали общественное вниманіе (не говоря о легкой литературѣ или объ ученыхъ сочиненіяхъ, доступныхъ лишь очень небольшому числу читателей) были полемическіе трактаты, посвященные религіознымъ вѣрованіямъ. Въ указанной сферѣ сосредоточи-

лась вся дѣятельность, все увлеченіе и воля, вся душа этихъ поколѣній. Людей раздѣляли не двѣ политическія системы, а двѣ религіи. Появляются варвары, и люди едва замѣчаютъ, что двѣ расы идутъ одна противъ другой; они, какъ Св. Августинъ и Орозій, будутъ спрашивать себя только, благопріятно или неблагопріятно прибытіе варваровъ для христіанства.

Мнѣніе, что въ IV и въ V вѣкахъ римская Имперія обезлюдѣла, считается общепринятымъ. Правда, у насъ нѣтъ ни одного документа, доказывающаго совершенно убѣдительно численное уменьшеніе населенія; но невозможно изучать исторію того времени безъ того, чтобы умъ вашъ не былъ захваченъ навязчивою мыслью о вымираніи рода человѣческаго [1]. Историкъ не можетъ доказать справедливости этого впечатлѣнія, но онъ не можетъ также освободиться отъ него. Откуда же происходитъ то горькое чувство, которое охватываетъ изслѣдоателя помимо его воли?

Уменьшалось, по всей вѣроятности, не общее число жителей, а количество свободнаго населенія. Наше предшествующее изложеніе обнаружило это: средній классъ, сильно умножившійся въ первой половинѣ эпохи Имперіи, уменьшился и ослабѣлъ во вторую. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣднѣлъ, что произошло, во-первыхъ, потому, что самые богатые члены покинули его и перешли въ разрядъ высшей аристократіи, затѣмъ потому, что остававшіеся въ немъ элементы ясно

[1] Дальше мы увидимъ (книга II, гл. 6), что для обработки земель Имперіи, въ теченіе всего IV вѣка понадобилось ввести въ ея предѣлы множество Германцевъ. — Однако, не слѣдуетъ ничего преувеличивать: у писателей того времени часто встрѣчается выраженіе „arva iacentia“; но оно не обозначало тогда, покинутыя земли, оно прилагалось къ большимъ помѣстьямъ и указывало, что число колоновъ въ нихъ не было достаточно.

почувствовали, какъ трудъ и промышленность падаютъ въ окружавшей средѣ. Тогда бѣдность, какъ всегда бываетъ, убила свободу. Чтобы имѣть средства для жизни, бѣдный дѣлался слугою [1]. Тогда-то и можно было наблюдать увеличеніе числа рабовъ и развитіе класса колоновъ и кліентовъ. Мелкая собственность исчезала незамѣтно, уступая мѣсто крупнымъ помѣстьямъ. Тогда-то и осталось лишь весьма небольшое число свободныхъ людей на безчисленное количество зависимыхъ. Въ сочиненіяхъ Сальвіана наиболѣе правдивымъ является его негодующій протестъ противъ огромнаго разстоянія, раздѣлявшаго богатаго человѣка отъ бѣднаго. Онъ описываетъ стада рабовъ, дрожащихъ даже не передъ господиномъ, котораго они не знаютъ, а передъ его агентами [2]. Въ своихъ менѣе мрачныхъ картинахъ Сидоній Аполлинарій изображаетъ каждаго изъ этихъ богатыхъ господъ, окруженнымъ толпою кліентовъ и рабовъ. Вскорѣ грамоты и завѣщанія дадутъ намъ возможность увидѣть фамиліи галло-римскихъ магнатовъ, владѣвшія пятнадцатью или двадцатью виллами и сотнями слугъ [3]. Такимъ образомъ, благодаря причинамъ, относящимся скорѣе къ разряду экономическихъ и соціальныхъ, чѣмъ политическихъ явленій, средній классъ свободныхъ людей почти исчезъ; остававшаяся его часть была бѣдна, недовольна и унижена; онъ не шелъ болѣе въ счетъ, и, конечно, не онъ могъ отстоять Имперію.

[1] См. *Salvian*. De gubernatione Dei, V, 8; 9. Ср. *Cod. Theod.* XI, 24; XII, 1, 50. Мы возвратимся къ этимъ важнымъ фактамъ въ послѣдующихъ частяхъ даннаго труда.

[2] *Salvian*. De gubernatione Dei, IV, 3, 15: „Pavent actores, silentiarios, procuratores“. — См. что онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (VIII, 2) о *potentes* и о *nobiles*.

[3] См. IV т. наст. соч. гл. 1.

Могла-ли выполнить эту задачу съ большимъ успѣхомъ аристократія? Совершенно справедливо, что аристократическій строй какого-нибудь общества не всегда является признакомъ его упадка; наоборотъ, исторія показываетъ, что онъ очень часто представляетъ собою элементъ силы и источникъ энергіи. Но для этого требуется одно условіе: аристократическое сословіе должно со своими богатствами и привилегіями соединять силу рукъ и твердость воли. Этого-то и не было въ римской Имперіи. Аристократическій классъ обладалъ землею, богатствомъ, славой, образованіемъ, онъ жилъ обыкновенно въ хорошихъ нравахъ; но ему не доставало умѣнья сражаться и повелѣвать. Члены его удалялись отъ военной службы; даже болѣе того—они ее презирали. Одною изъ характернѣйшихъ чертъ этого общества было то, что гражданскія должности ставились не только наравнѣ съ военными, но гораздо выше послѣднихъ. Оно весьма уважало профессіи врача, учителя, адвоката и относилось безъ всякаго почтенія къ профессіи воина и вождя, предоставляя ихъ людямъ изъ низшаго сословія[1]. Для этой аристократіи и для того общества, которымъ она управляла, было бы лучше, чтобы въ нихъ менѣе проявлялось утонченности нравовъ и больше физической силы, менѣе ума и больше воли. Посмотрите на тѣхъ людей, къ которымъ Сидоній Аполлинарій направлялъ свои письма и стихи; почти всѣ они представляли собою важныхъ особъ: это—намѣстники провинцій, префекты преторія, императоры или совѣтники императоровъ; большая часть ихъ является людьми честными, тонкими

[1] *Mamert.* Gratiarum actio, 20: „Militiae labor a nobilissimo quoque pro sordido et illiberali reiciebatur".—*Vegetius*, I, 7: „Honestiores quique civilia sectantur officia".

обладателями благородныхъ умовъ; но есть-ли среди нихъ такіе, въ душѣ которыхъ жила бы сила, необходимая для члена правительства въ подобное время? Грусть охватываетъ, когда думаешь, что на встрѣчу варварамъ шли именно эти утонченные и изнѣженные люди. Такая аристократія, рожденная для мирной и трудовой жизни, была мало приспособлена къ времени, полному волненій и опасностей. Она не являлась защитницей для народа; она не могла оберечь ни подданныхъ, ни государя, ни себя, ни Имперію.

Такимъ образомъ произошло, что когда въ низшихъ классахъ изсякла энергія, благодаря ихъ зависимости, высшій былъ также лишенъ ея, несмотря на свое превосходство надъ низшимъ. Общество было аристократическимъ и, по рѣдко повторяющемуся несчастью, аристократія оказывалась безсильною. Это обстоятельство даетъ возможность предугадать событія, которыя послѣдуютъ за извѣстными намъ. Такъ какъ средній классъ — малочисленъ, а аристократія не воинственна, то должна явиться крайняя необходимость нанимать войско изъ чужеземцевъ. А это повлечетъ за собою такія явленія, которыя кажутся теперь почти непостижимыми, но которыя были тогда неизбѣжны: мы увидимъ какъ императорское правительство окажется вынуждено вербовать Германцевъ, и какъ крупные провинціальные собственники будутъ собирать у себя всѣхъ варваровъ, которые пообѣщаютъ ихъ защищать. Богатство на одной сторонѣ, физическая сила на другой—это плохое сочетаніе общественныхъ условій. При наличности его для ниспроверженія римской Имперіи не понадобится ни особенно могущественнаго врага, ни какой-нибудь ужасающей катастрофы.

Книга вторая.

Германское вторженіе.

КНИГА II.

ГЕРМАНСКОЕ ВТОРЖЕНІЕ.

Между исторіею римской Галліи и исторіею Франціи стоитъ германское вторженіе. Послѣднее должно быть изучено нами съ большимъ вниманіемъ; въ самомъ дѣлѣ, намъ необходимо знать, произвело-ли оно крупныя измѣненія въ учрежденіяхъ, политическихъ понятіяхъ, соціальномъ строѣ и нравахъ Галліи.

Германское нашествіе можно изслѣдовать двояко: можно говорить о немъ въ общихъ чертахъ и разсматривать его въ цѣломъ, или же изучать его аналитически, детально.

Если мы, обозрѣвая это явленіе въ цѣломъ, взглянемъ на него съ внѣшней стороны, нашему взору представится слѣдующая картина: мы увидимъ племя, которое вторгается въ предѣлы римскаго міра всею массою, какъ бы въ формѣ великаго переселенія или подобно громадному потоку; оно все завоевываетъ, овладѣваетъ неизбѣжно землями и всѣмъ имуществомъ завоеванныхъ, въ силу необходимости устанавливаетъ новый строй, преобразуетъ страну, даетъ ходу исторіи человѣчества другое направленіе.

Если же изучать то же явленіе въ подробностяхъ, то обнаружится, что оно осуществилось не сразу, а совершалось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, происходило не единообразно, а многоразлично, не путемъ одного великаго переселенія, а медленнымъ и постепеннымъ

появленіемъ на историческую сцену ряда лицъ или маленькихъ группъ; мы увидимъ также, что ни одинъ документъ не указываетъ на крупные захваты; наконецъ, мы замѣтимъ, что вначалѣ страна не оказалась преобразованною, и что ничего новаго не было основано тотчасъ.

ГЛАВА I.

Древніе Германцы.

Тѣмъ не менѣе германскій общественный строй долженъ быть изученъ нами такъ же, какъ и римскій. Дѣйствительно, даже если мы отвергнемъ всякое завоеваніе, все таки останется возможнымъ предположеніе, что обычаи, учрежденія, нравы, уровень культуры, сдѣлавшіеся зародышемъ феодальнаго строя, были внесены въ Галлію въ силу одного факта проникновенія на ея почву большого числа Германцевъ. Такимъ образомъ, надобно изучить первобытную Германію, всмотрѣться, каковы были въ ней земельные порядки, положеніе личностей, формы государства, надобно поискать, что въ ней могло способствовать образованію новаго строя.

I.

Характеръ источниковъ для изученія древней Германіи.

Прежде всего возникаетъ здѣсь вопросъ, возможно ли ознакомиться съ древней Германіей, Германіей до нашествій.

Всякій, обладающій историческимъ чутьемъ, хорошо знаетъ, какъ трудно схватить точно и вѣрно соціальную организацію какого-нибудь народа, даже тогда, когда подъ руками находятся многочисленные документы, какъ, напримѣръ, при изученіи прошлаго Грековъ и Римлянъ. Каковы же представляющіяся намъ орудія для ознакомленія съ древнею Германіею? Какими средствами располагаемъ мы для изслѣдованія ея нравовъ, государственнаго развитія и права?

Когда изучаешь какое-нибудь общество, самыми драгоцѣнными и самыми достовѣрными документами являются тѣ, которые исходятъ отъ него самого, то-есть, тѣ, которые составлены во время разсматриваемой эпохи, на языкѣ изучаемаго народа и проникнуты его духомъ. Что знали бы мы о Египтянахъ, ихъ учрежденіяхъ и вѣрованіяхъ, если бы у насъ были въ распоряженіи одни греческіе документы?

Между тѣмъ у насъ нѣтъ ни одного памятника древне-германскаго происхожденія. Возможно, что племенамъ древней Германіи былъ извѣстенъ какой-нибудь способъ письма, но достовѣрно лишь то, что отъ нихъ не дошло до насъ ни одного письменнаго текста: ни одной книги, ни одной надписи, ни одной монеты. Отъ древнихъ Галловъ сохранилось, по крайней мѣрѣ, нѣсколько надгробныхъ камней и рядъ могилъ. Въ долинахъ Рейна, Майна и Дуная находятъ также большое количество мѣстъ погребенія, но это могилы римскія, а не германскія. Тамъ собрано много надписей, но онѣ начертаны для Римлянъ и на латинскомъ языкѣ. Находятъ развалины городовъ и военныхъ лагерей, но и тѣ, и другіе—римскіе [1].

[1] См. сборники *Steiner*, Codex inscriptionum Rheni et Danubii, 1851 — 1864, и *Brambach*, Inscriptiones Rheni, 1867. — См.

У Германцевъ не было анналъ, какъ у Грековъ и Римлянъ, у которыхъ онѣ велись уже за много вѣковъ до нашей эры; но они слагали, по крайней мѣрѣ, пѣсни, замѣнявшія имъ лѣтописаніе. Такое замѣчаніе дѣлаетъ Тацитъ [1]. Въ этихъ пѣсняхъ заключалась, вѣроятно, исторія ихъ боговъ, являвшаяся также исторіею ихъ собственнаго племенного прошлаго. Въ нихъ воспѣвались Туистъ, рожденный землею, затѣмъ какой-то Геркулесъ и даже, если вѣрить Тациту, особый германскій Одиссей. Вѣроятно, въ этихъ произведеніяхъ они безо всякаго умысла изобразили картину своего общественнаго строя и своихъ нравовъ. Но ничего подобнаго до насъ не дошло.

Нельзя даже опредѣлить съ увѣренностью, что эти поэтическія преданія сказывались еще въ меровингскую эпоху. Ни одинъ писатель не говоритъ о нихъ [1]. Эгингардъ, правда, разсказываетъ, что Карлъ Великій приказалъ записать «очень старыя варварскія пѣсни, въ которыхъ воспѣвались дѣянія прежнихъ королей и событія войнъ» [2]. Но даннымъ свидѣтельствомъ ограничивается все, что намъ извѣстно объ этихъ пѣсняхъ, и если Карлъ намѣревался спасти ихъ отъ забвенія, то онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Онѣ не только не дошли до насъ, но и ни одинъ средневѣковой писатель даже не упоминаетъ о нихъ послѣ Карла Великаго не сохраняется никакого ихъ слѣда.

Мы отнюдь не считаемъ правильнымъ и научнымъ разсматривать такъ-называемую пѣснь о Нибелунгахъ какъ поэму древне-германскую. Записанная въ XIII вѣкѣ, сложившаяся, быть можетъ, тремя или четырьмя вѣками раньше, она носитъ на себѣ отпечатокъ христіанства и феодальныхъ обычаевъ. Имена Этцеля (Аттилы) и Бургундовъ не являются достаточными доказательствами того, что она восходитъ къ V вѣку, потому что это лишь голыя наименованія, не воплощающія въ себѣ никакой реальной исторической картины; напрасно стали бы въ пѣснѣ о Нибелунгахъ доискиваться гуннскаго племени или бургундской страны. Въ ней нельзя также найти никакихъ указаній относительно самаго нашествія Германцевъ. Тамъ ничего не говорится о древней Германіи, не упоминается даже ея имени; не сообщается никакихъ свѣ-

также изслѣдованія Зеегера о римскихъ укрѣпленіяхъ въ Оденвальдѣ; Криста—о римскихъ милевыхъ камняхъ въ гейдельбергскомъ краѣ; Урлихса о Рейнѣ въ древности; Шнейдера, о римскихъ военныхъ дорогахъ на правомъ берегу Рейна; Герцога о римской границѣ черезъ Вюртембергъ; Шарфа о римскихъ военныхъ дорогахъ въ Таунусѣ; Когаузена о римскихъ могилахъ въ Майнцѣ и римскихъ стѣнахъ въ Висбаденѣ; Юнга о Римлянахъ въ долинѣ Дуная, также работы Гаупта и Гюбнера по вопросу о римско-германскомъ пограничномъ валѣ. См. наконецъ серію изслѣдованій и статей въ Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande, Monatschrift für die Geschichte des Westdeutschlands, Westdeutsche Zeitschrift, Correspondenzblatt и т. д.

[1] *Tacit.* Germania, 2: „Carminibus antiquis quod unum apud illos memoriae et annalium genus est“.—Ср. *Jordan*, De rebus Geticis, c. 4: „In priscis eorum carminibus paene historico ritu recolitur“. — Амміанъ говоритъ о военныхъ пѣсняхъ Германцевъ (XXXI, 7, 11): „Maiorum laudes clamoribus stridebant inconditis“. Павелъ Варнефридъ разсказываетъ, что дѣянія короля Лонгобардовъ Альбоина прославлялись въ стихахъ (*Historia Longobardorum*, I, 27).

[1] Мнѣніе Юнганса и Моно, согласно которому Григорій Турскій пользовался народною поэзіей, является лишь простою догадкою. Изъ того, что послѣдній говоритъ о происхожденіи Франковъ, во всякомъ случаѣ очевидно, что ему не были извѣстны никакія народныя пѣсни Германцевъ, относящіяся къ эпохѣ до нашествія на Имперію.

[2] *Eginhard*, Vita Caroli, 29.

дѣній о ея географическомъ положеніи, религіи и соціальномъ строѣ: нѣтъ ни одной бытовой черты, ни одного описанія обычаевъ, принадлежавшихъ этимъ древнимъ народамъ. Было бы легкомысленно утверждать, что воинственныя и жестокія чувства, представленныя въ этомъ произведеніи, являются изображеніемъ быта именно древней Германіи: такія свойства существуютъ во всѣхъ странахъ, грозные удары меча воспѣваются во всѣхъ народныхъ эпопеяхъ. Можно легко допустить, что у древнихъ Германцевъ, какъ и вообще у первобытныхъ народовъ, слагались преданія, легенды, воспоминанія. Они были бы для насъ драгоцѣнными документами, но эти преданія не сохранились въ памяти людской. Франки не перенесли въ Галлію ни одного изъ нихъ; сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не найдено ничего подобнаго и въ Германіи. Ни одинъ средневѣковой документъ не указываетъ на ихъ существованіе. Самыя легенды погибли. Средніе вѣка не удержали никакого воспоминанія объ Арминіи, и когда явилось у Нѣмцевъ желаніе возстановить легенду о національномъ героѣ, пришлось обратиться къ латинскимъ писателямъ.

Безъ сомнѣнія, вырабатывалось у этихъ племенъ подобіе законовъ; но нѣтъ признаковъ, чтобы послѣдніе были записаны. Мы не знаемъ ни одного законодательнаго текста отъ эпохи, предшествовавшей вторженію Германцевъ, который былъ бы переданъ намъ на германскомъ языкѣ.

Правда, кодексы, записанные у этихъ народовъ въ болѣе позднюю эпоху на латинскомъ языкѣ, могутъ заключать въ себѣ остатки древнѣйшаго германскаго права. Поэтому, они являются для насъ драгоцѣннымъ источникомъ свѣдѣній. Читая, напримѣръ, въ Салической Правдѣ, что дочь не наслѣдуетъ отцовскую землю, мы почти увѣрены, что это правило старо-германскаго происхожденія, такъ какъ оно не заимствовано изъ римскаго права; оно не было также изобрѣтено въ эпоху утвержденія Германцевъ въ Галліи, потому что какъ разъ съ этого именно времени оно исчезаетъ изъ практики. Такимъ образомъ, передъ нашими глазами обнаруживается здѣсь старый германскій обычай, и онъ проливаетъ яркій свѣтъ на все право наслѣдованія, даже на характеръ поземельной собственности и на семейный строй первобытной Германіи. То же самое приходится сказать относительно порядка денежныхъ пень за преступленія и отвѣтственности цѣлой семьи за проступокъ, совершенный однимъ изъ ея членовъ, а также относительно такъ называемаго *reipus* въ случаѣ брака вдовы. Слѣдовательно, въ сводахъ, относящихся къ эпохѣ послѣ нашествія, мы находимъ довольно много слѣдовъ германскаго древняго права, и именно частное, гражданское право представляетъ собою тотъ элементъ общественнаго строя древней Германіи, который мы можемъ легче всего уловить.

Но и тутъ слѣдуетъ воздерживаться отъ преувеличеній, и нельзя думать, что въ «Правдахъ» все отъ доски до доски можетъ быть названо чисто германскимъ. Своды эти были записаны по латыни [1], причемъ они не представляли собою даже переводовъ германскихъ текстовъ. Это положеніе, неоспоримое по отношенію къ «Правдамъ» Бургундовъ, Вестготовъ и Остготовъ, должно быть, какъ кажется, приложено

[1] За исключеніемъ англо-саксонскихъ; но древнѣйшіе законодательные сборники этого племени возникли въ значительно болѣе позднюю эпоху.

въ равной мѣрѣ къ Франкамъ и Лонгобардамъ, даже къ племенамъ, которыя остались внутри Германіи. Утверждать, какъ это дѣлали нѣкоторые ученые, что за каждымъ латинскимъ словомъ мы должны видѣть въ «варварскихъ правдахъ» германское и угадывать въ немъ какой-нибудь древній обычай, значитъ строить гипотезу, которая пригодна для извѣстныхъ, можетъ быть, остроумныхъ построеній, но не выдерживаетъ критики строгой науки. Мы должны брать данные тексты такими, какими они являются въ дѣйствительности, принимать ихъ на томъ языкѣ, на какомъ они были написаны, и придавать каждому слову тотъ смыслъ, какой оно имѣло въ эпоху возникновенія самихъ памятниковъ. Комментаріи, которые къ нимъ прилагались, теоріи, которыя на нихъ строились, очень опасны для достовѣрной исторіи.

Сравнительный матеріалъ, который можно извлечь изъ народной поэзіи скандинавскаго сѣвера или древне-норманскаго обычнаго права, также заключаетъ свѣдѣнія, которыми слѣдуетъ пользоваться лишь съ большою осторожностью. Эдда, исландскіе своды, такъ называемые *Gragas*, были записаны не ранѣе XII вѣка, причемъ запись была произведена въ странѣ, далекой отъ Германіи и въ средѣ населенія, принявшаго христіанство. Въ нихъ найдется нѣсколько старыхъ преданій, которымъ можно приписать германское происхожденіе, но было бы слишкомъ смѣло разсчитывать отыскать тамъ данныя о правахъ и соціальномъ строѣ первобытной Германіи.

Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ ни одного исконно-германскаго памятника, относящагося къ эпохѣ до нашествія. Отъ этихъ поколѣній не осталось ничего,

что могло бы дать намъ непосредственныя свѣдѣнія о ихъ учрежденіяхъ.

Въ IX в. два Германца—Руодольфъ и Мегингардъ, писавшіе въ странѣ Саксовъ для ихъ племени, пытались добраться до самыхъ древнихъ извѣстій о ихъ прошломъ [1]. Нашли-ли они у Саксовъ письменные документы, легенды, народныя воспоминанія? Ничего подобнаго. У нихъ не было иныхъ источниковъ кромѣ сочиненія Тацита, и они переписывали его «Германію» слово въ слово безъ всякихъ добавленій [2]. Такъ же точно, для послѣдующихъ временъ они переписывали Эгингарда. Еще болѣе странно: имъ не было совсѣмъ извѣстно, что Саксы являлись туземцами въ своей странѣ; они считали ихъ выходцами съ острова Британіи, переселившимися во времена франкскаго короля Теодериха [3]. Почти то же самое можно сказать объ авторахъ житія Св. Либуина и житія Св. Штурма и объ Адамѣ Бременскомъ [4]. Они ссылаются на Цезаря, Тацита, Орозія, но не упоминаютъ ни объ одномъ мѣстномъ преданіи. Быть можетъ, они поступали такимъ образомъ согласно обыкновенію монаховъ — справляться лишь

[1] Руодольфъ и Мегингардъ составили *Translatio S. Alexandri* между 863 и 890 годами. Этотъ текстъ можно найти въ *Monumenta Germaniae historica*. См. отдѣлъ Scriptores, t. II, p. 673 *ss.*

[2] *Translatio Alexandri*, p. „Inter deos maxime Mercurium venerabantur, cui certis diebus humanis quoque hostiis litare consueverant. Deos suos neque templis includere neque ulli humani oris speciei assimilare arbitrati sunt. Auspicia et sortes quam maxime observabant; sortium consuetudo simplex est". Cp. *Tacit.* Germania, 9, 10.

[3] *Translatio Alexandri*, p. 674.

[4] Cp. *Scriptores Germaniae*, t. II и VII.

съ латинскими источниками. Предположимъ это. Слѣдуетъ все же признать, что если бы сохранялись сколько-нибудь значительныя и важныя мѣстныя преданія, германскіе лѣтописцы принуждены были бы съ ними считаться, и что Саксъ, будучи даже монахомъ, не могъ ихъ не знать или игнорировать.

Вспомнимъ далѣе Павла Діакона, написавшаго исторію Лонгобардовъ; его настоящее имя было Винфридъ, сынъ Варнефрида, правнукъ Лейфиса, который былъ Лонгобардомъ и пришелъ съ Лонгобардами завоевывать Италію [1]. Приступая къ изложенію исторіи своего народа, онъ прежде всего обращается къ Плинію. То, что онъ говоритъ о Скандинавіи, заимствовано у послѣдняго автора; всѣ его разсказы о древней Германіи извлечены изъ римскихъ писателей; своими свѣдѣніями о древнихъ короляхъ Иборѣ и Агіенѣ онъ обязанъ Просперу Аквитанскому [2]. Его легенда о «семи спящихъ» находится уже у Григорія Турскаго [3]. Онъ сообщаетъ басню, довольно нелѣпую, источника которой не указываетъ, и въ которой мы встрѣчаемъ имена Водана и Фреи; но авторъ считаетъ эти названія именами людей [4].

[1] *Paul. Diacon.* Historia Longobardorum, IV, 39.

[2] *Prosper. Aquit.* Chronica, ed. Migne col. 584.

[3] *Paul. Diacon.* Hist. Longobard. I, 4. *Greg. Tur.* t. IV, p. 105 ss. (Historia septem dormientium).

[4] *Paul. Diacon.* Historia Longobardorum, I, 8. — См. также *Saxo Grammaticus,* Historia Daniae.—Мы не можемъ придавать большого значенія списку, озаглавленному—„Generatio regum et gentium“, сохранившемуся въ шести рукописяхъ: A) въ Сенъ-Галленѣ № 732, p. 154,—IX вѣка; B) въ Парижѣ, № 4628 A, X вѣка; C) въ Ватиканѣ, № 5001, f° 140, XIII вѣка; D) въ Парижѣ, № 609, IX вѣка; E) Cavensis, XI вѣка; F) Augiensis, (№ 229). Текстъ составленъ около 800 года, и имъ пользовался

Уже въ VI вѣкѣ Григорію Турскому совершенно не извѣстны германскіе памятники. Во второй книгѣ своей «Исторіи Франковъ» онъ пытается отдать себѣ отчетъ о предкахъ королей, которые были его повелителями. Онъ часто жилъ среди Франковъ, посѣщалъ ихъ королей и совѣтниковъ. Онъ могъ ихъ разспрашивать и получать отъ нихъ отвѣты. Но они не сообщали ему, очевидно, никакихъ свѣдѣній о тѣхъ странахъ, откуда пришли. Онъ не только не приводитъ никакого древняго письменнаго документа, никакой германской пѣсни, но даже не ссылается ни на одно преданіе франкскаго происхожденія, которое восходило бы дальше времени короля Хильдериха. То, что онъ могъ узнать о болѣе ранней эпохѣ, было заимствовано имъ у латинскихъ писателей, Сульпиція Александра и Рената Профутура Фригерида, освѣдомленность которыхъ была, повидимому,

Ненній въ своей „Historia Britonum“ c. 17 (*Müllenhof,* Germania antiqua, 1873, p. 163).—Возможно, что кто-нибудь найдетъ здѣсь слѣдъ тѣхъ *antiqua carmina*, которыя разсказывали генеалогію Ирмина, Ингво и Истіо, но въ такомъ случаѣ преданіе должно было сильно исказиться во время своихъ странствованій, такъ какъ въ спискѣ упоминаются только двѣнадцать племенъ (*gentes*), тремя группами, по четыре въ каждой, и среди этихъ двѣнадцати находится лишь немного именъ, встрѣчающихся у Тацита. За то мы видимъ здѣсь Римлянъ и Британцевъ, которые едва ли могли фигурировать въ старинныхъ пѣсняхъ въ качествѣ вѣтви въ потомствѣ Тевта. Въ этомъ текстѣ я явственно различаю три имени—Ирмина, Ингво и Истіо, которыя дѣйствительно древни и могли быть заимствованы изъ старинной легенды, если только не взяты у Тацита. Что же касается двѣнадцати названій племенъ, то они относятся къ IV вѣку нашей эры; или—еще точнѣе—это имена, которыя авторы указанныхъ рукописей, жившіе въ IX и X вв., почерпнули въ скудномъ запасѣ своихъ историческихъ свѣдѣній.

весьма несовершенною [1]. Поэтому историкъ Франковъ, Григорій Турскій, ничего не знаетъ о жизни Франковъ въ Германіи. Кажется, будто Франки сами забыли уже тогда свою древнюю исторію и свою древнюю родину. Такое полное исчезновеніе всякихъ національныхъ воспоминаній у древнихъ Германцевъ даже трудно находитъ себѣ объясненіе.

Такимъ образомъ, мы получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о древнихъ Германцахъ лишь отъ писателей не германскаго происхожденія; мы знаемъ объ исконной Германіи лишь то, что было извѣстно о ней Римлянамъ.

Цезарь во время своихъ походовъ на Галлію дважды переходилъ черезъ Рейнъ. Правда, онъ не проникалъ вглубь страны, и самая серьезная изъ двухъ его экспедицій длилась только восемнадцать дней [2]; къ тому же въ теченіе этихъ восемнадцати дней туземцы отступали передъ нимъ; онъ слѣдовательно не видѣлъ германскихъ племенъ въ ихъ домашнемъ быту, не могъ наблюдать ихъ политической организаціи, не могъ видѣть ихъ учрежденій въ дѣйствіи.

Однако въ самой Галліи въ продолженіе девяти лѣтъ онъ видѣлъ много Германцевъ, изъ которыхъ одни были его врагами, другіе, служили въ его войскѣ. Онъ, несомнѣнно, бесѣдовалъ со многими плѣнными или союзниками и, конечно, разспрашивалъ и тѣхъ, и другихъ о ихъ странѣ. Ему, какъ военачальнику, важно было хорошо знать ихъ. Поэтому его описанія нравовъ и обычаевъ Германцевъ должны быть признаны весьма авторитетными извѣстіями. Приходится только отмѣтить, что онъ видѣлъ Германцевъ не въ ихъ домахъ, а въ своемъ лагерѣ, потому зналъ больше военный, чѣмъ племенной бытъ.

Отсюда, повидимому, произошло то, что онъ такъ плохо познакомился съ вѣрованіями Германцевъ и не зналъ, напримѣръ, что у нихъ были жрецы [1]. Онъ не даетъ ни географическаго описанія ихъ страны, ни изображенія ихъ государственнаго строя. Тацитъ по многимъ пунктамъ расходится съ нимъ. Онъ ссылается на Цезаря съ похвалою только одинъ разъ и лишь по поводу того, что послѣдній говоритъ о Галлахъ [2], но никогда не опирается на его данныя о Германцахъ.

Часть сочиненія Тита Ливія, посвященная описанію нравовъ Германцевъ, утеряна [3]. Географъ Страбонъ, писавшій, вѣроятно, въ эпоху Тиберія, такъ какъ онъ говоритъ объ отплатѣ Римлянами за тевтобургскую катастрофу, удѣлилъ Германіи нѣсколько страницъ; но самъ онъ не былъ въ этой странѣ, а заимствовалъ свои свѣдѣнія у Цезаря и Посидонія [4].

О Помпоніи Мэлѣ, писавшемъ при Калигулѣ и Клавдіи, слѣдуетъ только упомянуть: онъ разсказываетъ о Германіи, основываясь на сочиненіяхъ болѣе

[1] *Greg. Tur.* Histor. Francorum, II, 8—9.

[2] *Caesar.* De bello gallico, IV, 19: „Diebus omnino decem et octo trans Rhenum consumptis, se in Galliam recepit“.

[1] *Ibid.* VI, 21: „Germani neque druides habent, qui rebus divinis praesint, neque sacrificiis student“. Ср. извѣстія Тацита, который указываетъ, что у Германцевъ существовали, если не друиды, то все же особые „sacerdotes“, которые пользовались даже значительнымъ могуществомъ. *Germ.* 7, 10, 11, 40, 43. Ср. еще *Ammian. Marcell.* XXVIII, 5. Тацитъ часто упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ.

[2] *Tacit.* Germania, 28.

[3] Существуетъ лишь упоминаніе о ней, въ сохранившемся краткомъ оглавленіи CIV книги: „Prima pars libri situm Germaniae moresque continet“.

[4] *Strabo,* VII, 2, 2; VII, 3, 3.

древнихъ авторовъ, и повторяетъ всякаго рода басни не провѣряя ихъ.

Нѣсколько позднѣе появились два большія сочиненія о германскихъ войнахъ; одно принадлежитъ Ауфидію Бассу, другое—Плинію Старшему. Первое извѣстно намъ только по одному упоминанію Квинтиліана [1]. Утрата труда Плинія глубоко печальна для историка. Авторъ видѣлъ Германцевъ на ихъ родинѣ [2], и, несомнѣнно, такой любознательный умъ, съ громаднымъ интересомъ собиравшій всевозможныя свѣдѣнія, долженъ былъ близко изучить нравы и учрежденія этихъ новыхъ племенъ. Но сочиненіе его погибло для насъ цѣликомъ, и относительно Германіи отъ Плинія сохранилось лишь нѣсколько указаній болѣе географическаго, чѣмъ историческаго характера въ его «Естественной Исторіи».

Такъ доходимъ мы до Тацита. Въ своихъ «Анналахъ» и въ «Исторіяхъ» онъ много разъ говоритъ о Германцахъ и сообщаетъ нѣсколько фактовъ, довольно хорошо характеризующихъ нѣкоторыя стороны ихъ быта. Тацитъ изображаетъ здѣсь Германцевъ въ войнѣ съ Римомъ или на службѣ у него; нѣкоторые изъ нихъ являются уже римскими гражданами, другіе представляются въ составѣ императорской гвардіи [1]. Тацитъ обнаруживаетъ при этомъ нѣкоторые обычаи Германцевъ, рисуетъ ихъ стремленія и притязанія, изображаетъ воинскій строй. Изъ его описанія мы можемъ ознакомиться, главнымъ образомъ, съ вну-

[1] *Quintilian.* X, 1, 103.

[2] *Plin.* Epist. III, 5: „Cum in Germania militaret... inchoavit."— Плиній Старшій самъ заявляетъ, что онъ видѣлъ страну Хавковъ (Hist. Nat. XVI, 1, 2).

[3] Мы еще возвратимся къ этому ниже.

тренними раздорами и неурядицами, отъ которыхъ страдала ихъ страна.

Прежде чѣмъ приступить къ «Анналамъ», Тацитъ въ самомъ началѣ своего писательскаго поприща выпустилъ одну, впрочемъ, довольно краткую книгу «о Германіи». Отъ него самого извѣстно, въ которомъ году она была написана: это произошло во время второго консульства Траяна, слѣдовательно, въ 98 году [1]. Трудъ Тацита дошелъ до насъ въ полной неприкосновенности [2]. Правда, мы имѣемъ его лишь въ одномъ спискѣ, который былъ найденъ въ 1457 г. и снова утерянъ спустя немного лѣтъ, такъ что у насъ есть только нѣсколько копій XV и XVI вѣковъ отъ этого единственнаго текста, историческая цѣнность котораго не можетъ быть подвергнута критической провѣркѣ [3].

Мы должны задать себѣ вопросъ, насколько авторитетенъ Тацитъ, какъ историкъ Германіи. Хотѣлось бы думать, что онъ посѣтилъ Германію; но самъ

[1] *Tacit.* Germania, 37.

[2] Можетъ быть, эта книга Тацита „о Германіи" представляетъ лишь отрывокъ изъ его „Исторій". См. изслѣдованіе о Germania Ферд. Брюно (Brunot), вышедшее въ 1883 г.

[3] Списокъ этотъ былъ открытъ въ Германіи въ 1457 г. Енохомъ д'Асколи. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ исчезъ и болѣе не отыскался. Къ счастью, въ Италіи съ него сняли много копій. Изъ послѣднихъ лучшими являются слѣдующіе списки: 1) *Leydensis*, который переписанъ съ копіи, сдѣланной Понтаномъ по первоначальной рукописи; 2) *Vaticanus* № 1862, который, повидимому, является первою копіею съ этого списка; 3) *Neapolitanus* или *Farnesinus*; 4) списокъ штутгардтской библіотеки. Рукописи эти не вездѣ сходятся между собою, и ученые издатели „Германіи" устанавливаютъ текстъ ея, отдавая преимущество то той, то другой изъ нихъ. Долго на первомъ мѣстѣ ставили *codex Leydensis*, отодвинутый нынѣ Гольдеромъ на второе.

онъ никогда не говоритъ, что дѣйствительно былъ въ этой странѣ. Всмотримся въ выраженія, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, чтобы указать источникъ своихъ свѣдѣній. Онъ никогда не утверждаетъ: «я видѣлъ»; онъ говоритъ только: «извѣстно», «constat» или «notum est»; это означаетъ, что онъ передаетъ ходячее мнѣніе [1]; иногда авторъ прибавляетъ: «accepimus»; а это слово служило обычнымъ обозначеніемъ для свѣдѣній, полученныхъ изъ вторыхъ рукъ [2]; онъ говоритъ еще: «parum comperi», — «я не могъ узнать» [3]. Ни одинъ изъ этихъ терминовъ не допускаетъ предположенія, что авторъ видѣлъ страну собственными глазами.

Нѣкоторые изслѣдователи высказывали, однако, мнѣніе, что Тацитъ былъ самолично въ Германіи; но въ видѣ единственнаго довода они при этомъ выставляли утвержденіе, будто онъ былъ правителемъ провинціи Бельгики. Между тѣмъ самый этотъ фактъ весьма сомнителенъ. Плиній Старшій, правда, упоминаетъ о нѣкоемъ Корнеліи Тацитѣ—римскомъ всадникѣ, который былъ въ этой провинціи императорскимъ прокураторомъ около 60 года; возможно, что это былъ отецъ нашего историка; самъ Тацитъ тогда могъ быть лишь ребенкомъ. Онъ былъ преторомъ въ 88 году; предполагаютъ, что вслѣдъ за этимъ ему поручено намѣстничество въ бельгійской провинціи; но достовѣрно не извѣстно, какую должность онъ занималъ послѣ своего преторства; онъ могъ быть правителемъ одной изъ 21 преторскихъ провинцій, или легатомъ одного изъ 30 легіоновъ [1]; нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній, какую изъ этихъ 51 должностей дѣйствительно получилъ Тацитъ. Можно быть увѣреннымъ единственно въ томъ, что онъ не управлялъ ни Верхнею, ни Нижнею Германіею, потому что обѣ эти провинціи были консульскими. Допустимъ даже, что ему было ввѣрено управленіе Бельгійскою Галліею — провинціею, главнымъ городомъ которой былъ Реймсъ; она была довольно удалена отъ собственно-германской страны, такъ какъ отдѣлялась отъ нея двумя «римскими Германіями», столицами которыхъ были Майнцъ и Кельнъ, и въ которыхъ мало можно было найти истинно германскаго въ населеніи и бытѣ. Да и правителю Бельгики, не имѣвшему права покидать свою область для путешествій за ея предѣлами, не представлялось хорошаго случая основательно изучить Германію собственными глазами. Такъ какъ Тацитъ самъ не говоритъ, что посѣщалъ эту страну и не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на свои поѣздки туда, благоразумнѣе думать, что онъ лично не видѣлъ ея.

Однако въ рукахъ его были другія средства узнать Германію. Онъ, безъ сомнѣнія, читалъ описанія этой страны и нравовъ ея жителей. Правда, онъ никогда не говоритъ о сочиненіи Ауфидія Басса, но онъ, очевидно, былъ знакомъ съ трудомъ Плинія; хотя онъ опять же не упоминаетъ о немъ въ своей «Германіи», но ссылается на него въ «Анналахъ» и «Исторіяхъ». Помимо этого, Германія уже становилась землею, хорошо извѣстною его современникамъ. Многіе Римляне въ качествѣ то купцовъ, то воиновъ, то плѣнныхъ попа-

[1] *Tacit.* Germania, 16.

[2] *Ibid.* 27: „Haec in commune... accepimus".

[3] *Ibid.* Можно прибавить выраженія: „Crediderim" (c. 2), „credibile est" (c. 28), „novimus" (c. 35).

[4] *Borghesi*, Oeuvres, t. VII, p. 323. *Teuffel*, Hist. de la littér. rom. t. II, p. 309. *Geffroy*, Rome et les barbares, p. 92.

[1] *Bloch*, De decretis magistratuum ornamentis, p. 85.

дали въ эту страну и возвращались оттуда домой. Съ другой стороны, много Германцевъ жило также въ Римѣ то въ качествѣ плѣнниковъ, то наемниковъ въ вспомогательныхъ войскахъ императора; иные, вытѣсненные изъ отечества внутренними раздорами, находили въ Римѣ убѣжище. Они являлись туда еще въ качествѣ заложниковъ и пословъ, и Тацитъ, бывшій римскимъ сенаторомъ, могъ встрѣчаться и говорить съ лицами всѣхъ указанныхъ категорій. Общее впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія его «Германіи», приводитъ къ выводу, что она написана человѣкомъ, который, даже если не видѣлъ страны, то собралъ о ней богатѣйшія свѣдѣнія. На немногихъ страницахъ авторъ сосредоточилъ все то, что Римляне знали о Германіи во времена Траяна.

Почитатели интересной книги Тацита неумышленно своимъ увлеченіемъ сильно подорвали ея авторитетъ. Нѣкоторые изъ нихъ, преувеличивая значеніе отдѣльныхъ выраженій автора и доводя своимъ толкованіемъ до крайнихъ выводовъ два-три его сужденія, утверждали, что историкъ задался цѣлью представить въ своемъ сочиненіи сатиру на римскіе нравы. Мы не думаемъ, чтобы простое, свободное отъ предвзятой мысли чтеніе книжки Тацита могло произвести подобное впечатлѣніе. Тацитъ не намѣревался писать похвальное слово Германцамъ, пороки и добродетели которыхъ онъ изображаетъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Только если читаешь его книгу съ предвзятой точки зрѣнія, можно увидѣть въ ней хвалу тевтонской расѣ и обличеніе расъ латинскихъ; такое впечатлѣніе зависитъ исключительно отъ настроенія самого читателя и отъ чувства, которое онъ влагаетъ въ самое чтеніе [1]. Тацитъ, разсказывая, что Германцамъ не извѣстно употребленіе денегъ, и что ихъ женщины не умѣютъ писать, вовсе не имѣлъ въ виду превозносить эти черты ихъ быта, какъ достоинства [1]. Что касается чувства страха, которое онъ будто испытывалъ передъ германскими силами за безопасность римской Имперіи, то можно быть убѣжденнымъ, что его сердце было чуждо этого чувства, и только невѣрное толкованіе одной его фразы могло побудить комментаторовъ приписать автору такое состояніе души [2]. Въ общемъ выводѣ слѣдуетъ возвратить книгѣ Тацита должную честь за безпристрастіе ея сужденій. Правильно будетъ разсматривать ее какъ историческое, а не какъ полемическое сочиненіе, и слѣдуетъ сказать, что она даетъ намъ простое и искреннее описаніе первобытной Германіи.

[1] Ср. т. V настоящаго сочиненія.

Если ужъ дѣлать какое-нибудь ограниченіе, то придется только пожалѣть о чрезмѣрной субъективности языка и мысли Тацита. Книга отъ этого выигрываетъ въ красотѣ слога, но, быть можетъ, нѣсколько теряетъ въ точности описанія. Всегда мудрено хорошо наблюдать и ясно понимать чужой народъ; это особенно трудно дается нѣкоторымъ могучимъ умамъ, которые не могутъ отвлечься, такъ сказать, оторваться отъ самихъ себя. Тацитъ, какъ глубокій моралистъ, часто судитъ тамъ, гдѣ надобно описывать, и такая замѣна часто лишаетъ насъ опредѣленныхъ свѣдѣній, которыхъ мы ищемъ. Глубина его психологической наблюдательности отнюдь не всегда является самымъ драгоцѣннымъ качествомъ въ немъ, какъ историкѣ, который

[1] *Tacit.* Germania. 19.

[2] См. по этому поводу весьма справедливыя замѣчанія Ф. Брюно въ вышеназванномъ этюдѣ его о „Германіи“ Тацита.

при изученіи общества долженъ заботиться не столько объ объясненіи тайныхъ изгибовъ человѣческаго сердца, сколько о ясномъ воспріятіи соціальныхъ формъ, обычаевъ, интересовъ и всякаго рода пестрыхъ свойствъ измѣняющагося человѣчества, имѣющихъ чисто относительное нравственное значеніе. Авторъ не можетъ также воздержаться отъ постоянныхъ сравненій между Германіей и Римомъ. Это происходитъ не отъ того, чтобы ему хотѣлось возвеличить первую и унизить вторую, а только отъ того, что мысль о римскихъ дѣлахъ постоянно занимаетъ его, даже когда онъ говоритъ о Германцахъ. Замѣтьте его пріемъ: приступая къ описанію какой-нибудь изъ чертъ германскихъ нравовъ или какого-нибудь ихъ обычая, Тацитъ вмѣсто того, чтобы изображать ихъ прямо независимо отъ всего другого, говоритъ о ихъ различіяхъ съ соотвѣтствующими чертами римскихъ нравовъ или обычаевъ. Во многихъ мѣстахъ, когда намъ хотѣлось бы, чтобы онъ обратилъ свой взглядъ пристальнѣе на данное германское учрежденіе, онъ рѣзко отклоняется отъ задачи, чтобы перевести рѣчь на Римъ. Иногда, говоря о Германіи, онъ явно подразумѣваетъ то, что происходитъ въ Римѣ и мысль его, очевидно, приковывается къ родинѣ. Такое направленіе ума, которое, замѣтно было присуще Тациту, не можетъ быть названо особенно благопріятнымъ условіемъ для ознакомленія историка съ чужимъ народомъ и въ особенности для точнаго описанія быта и нравовъ послѣдняго.

Слѣдуетъ, наконецъ, признать, что «Германія» оказывается слишкомъ краткою для того, кто желалъ бы найти въ ней полную картину германскаго общества. Это—изображеніе въ ракурсѣ, эскизъ, набросанный

нѣсколькими штрихами [1]. Всякій, кто ищетъ точности въ передачѣ историческихъ фактовъ, пожалѣетъ, что Тацитъ сказалъ лишь нѣсколько словъ о правѣ Германцевъ; что онъ посвятилъ едва одну строчку на описаніе установившейся у нихъ формы землевладѣнія; что онъ не изобразилъ болѣе подробно хотя бы одного изъ ихъ общихъ собраній; что онъ, такъ часто упоминая о principes, не разъяснилъ, что они собою представляли. Многіе и другіе пункты, едва намѣченные Тацитомъ, остаются для насъ неизбѣжно въ темнотѣ. Съ другой стороны, онъ изображаетъ всю Германію страною, болѣе или менѣе однородною; между тѣмъ весьма основательныя причины заставляютъ насъ сомнѣваться, чтобы всѣ ея многочисленные отдѣльные народцы выработали одинаковыя учрежденія. Наконецъ, удивительно, что по его «Германіи» страна рисуется устроенною правильно, живущею мирно и покойно, тогда какъ въ своихъ «Анналахъ» и въ «Исторіяхъ» авторъ представляетъ ее раздираемою междоусобіями, вызывая образъ весьма неустойчиваго общественнаго состоянія.

Послѣ Тацита до насъ не дошло никакихъ сочиненій древнихъ писателей о Германцахъ. Историки

[1] Отъ „Германіи“ Тацита получается иллюзія, испытываемая при чтеніи всякой книги, которая является, подобно ей, единственною въ своемъ родѣ. Лишенные всякаго объекта для сравненія, мы невольно склонны довѣрять ей безусловно и безъ оговорокъ. Допустимъ, что до насъ дошла бы книга Плинія или какое-нибудь другое древнее сочиненіе о Германцахъ: она помогла бы намъ отнестись критически къ описанію Тацита; мы увидѣли бы въ послѣдней пробѣлы, неопредѣленности, темныя мѣста, даже, можетъ быть, ошибки. Теперь же всѣ возможные недочеты книги Тацита ускользаютъ отъ насъ, потому что никакого однороднаго ей произведенія древность намъ не оставила.

послѣдующихъ вѣковъ — Діонъ Кассій, Геродіанъ, авторы такъ называемой «Исторіи Августовъ», также и Амміанъ Марцеллинъ—разсказываютъ лишь о войнахъ Германцевъ противъ Имперіи, о ихъ нашествіяхъ, пораженіяхъ и успѣхахъ. За исключеніемъ двухъ-трехъ замѣчаній у нихъ не найдемъ ничего ни о нравахъ Германцевъ, ни о ихъ государственномъ устройствѣ. Птолемей и Пейтингерова карта (*Tabula Peutingeriana*) даютъ намъ только имена народцевъ и географическія свѣдѣнія, сами по себѣ, конечно, весьма цѣнныя; о социальномъ же строѣ и учрежденіяхъ не сообщаютъ ни слова.

Подобное отсутствіе какихъ бы то ни было сочиненій, въ которыхъ можно было бы найти подробное описаніе Германіи послѣ Тацита, очень печально для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ служить намъ порукою, что германскій общественный строй, если даже Тацитъ хорошо наблюдалъ и правильно понялъ его, остался безъ измѣненій на протяженіи длинныхъ трехъ вѣковъ. Римское общество, хотя и управлялось опредѣленно выработавшимися законами и чрезвычайно консервативною властью, тѣмъ не менѣе сильно измѣнилось въ теченіе этого періода; германское общество, въ которомъ учрежденія не обладали такою опредѣленностью, а общественная власть такою устойчивостью, очень легко могло также подвергнуться видоизмѣненіямъ. Не требуется даже особенной смѣлости, чтобы высказать такое положеніе. Съ одной стороны, если мы сравнимъ списки германскихъ племенъ во времена Тацита и въ эпоху ихъ вторженій въ предѣлы Имперіи, мы увидимъ, что они далеко не тождественны; многіе народцы прекратили свое существованіе, и, повидимому, появились новые, а это могло совершиться

только послѣ значительныхъ переворотовъ. Съ другой стороны, многія учрежденія, которыя Тацитъ изображаетъ въ полномъ расцвѣтѣ, — не существовали больше во время нашествія: напримѣръ, мы не видимъ нигдѣ болѣе у Германцевъ знати, о которой говорилъ Тацитъ. Власть королей также кажется сильно измѣнившеюся по сравненію съ тѣмъ, какъ она описана у него, и мы не замѣчаемъ болѣе, чтобы въ V вѣкѣ функціонировали вѣчевыя собранія, подобныя тѣмъ, о которыхъ онъ сообщаетъ. Такимъ образомъ, за эти три вѣка внутри Германіи произошли крупныя перемѣны, между тѣмъ ни одинъ историкъ не освѣдомляетъ насъ о нихъ. Мы встрѣчаемся, напримѣръ, съ тремя новыми племенами: Аламаннами, Франками и Саксами, а никто не знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ, когда, изъ какихъ элементовъ и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ они образовались.

Историки V вѣка, какъ Орозій на западѣ и Зосимъ на востокѣ, говорятъ также только о фактахъ, относящихся къ войнамъ съ Германцами. Если имъ извѣстна нѣсколько исторія ихъ нашествій, то они, повидимому, совершенно не знакомы съ социальнымъ строемъ и организаціею вторгавшихся племенъ. Можетъ быть, какіе-нибудь авторы и оставили сочиненія по этому предмету, но ихъ труды погибли; у насъ почти ничего не сохранилось отъ Сульпиція Александра, Рената Профутура Фригерида, которые были извѣстны еще Григорію Турскому [1]; ничего также не осталось отъ Аблавія, о которомъ упоминаетъ Іорданъ, и который написалъ исторію Готовъ [2].

[1] *Greg. Tur.* II, 9.

[2] *Iordan.* c. 4: „Ablavius, descriptor Gothorum gentis egregius verissima adtestatur historia". Cfr. c. 14; 23.

Въ VI вѣкѣ два автора взяли на себя лѣтописаніе о Германцахъ. Однимъ былъ Кассіодоръ, скорѣе ловкій дѣлецъ, чѣмъ крупный умъ, сумѣвшій сдѣлаться однимъ изъ первыхъ сотрудниковъ Теодериха остготскаго и его преемника. Намъ хотѣлось бы вѣрить, что онъ составилъ свою книгу въ чисто дѣловомъ направленіи и писалъ ее съ цѣлью дать объективную истину, въ особенности же, что онъ ознакомился и съ прошлымъ Германіи у людей германскаго же происхожденія. Но единственное свѣдѣніе, дошедшее до насъ о готской исторіи Кассіодора, заставляетъ насъ судить о немъ иначе. Король Аталарихъ, расхваливающій его сочиненіе въ письмѣ къ римскому сенату [1], признаетъ ея главныя достоинства въ томъ, что она создала для царствующей династіи прекрасную генеалогію изъ семнадцати государей, что она возвратила къ свѣту «событія, забытыя Готами», и что въ ней извлеченъ цвѣтъ изъ самыхъ лучшихъ имѣвшихся книгъ. Отсюда выводятся два заключенія: во первыхъ,—что сочиненіе Кассіодора являлось по преимуществу панегирикомъ, и авторъ потому былъ вознагражденъ за нее званіемъ префекта преторія; во-вторыхъ, что она написана болѣе на основаніи латинскихъ и греческихъ текстовъ, чѣмъ германскихъ документовъ. Мы не въ состояніи выяснить, какую степень довѣрія заслуживалъ этотъ трудъ, и какого рода свѣдѣнія о древней Германіи онъ могъ бы намъ доставить: отъ него ничего не сохранилось. Но спустя около двадцати лѣтъ, послѣ его составленія, Іорданъ сдѣлалъ сокращеніе труда Кассіодора [1]. Іорданъ былъ самъ Германцемъ; мѣсто, гдѣ

[1] Въ рукописяхъ читаемъ: „*Iordanes* или *Iordanis*, а не *Iornandes*. Въ средніе вѣка Зигбертъ Гемблусскій упоминаетъ о немъ также подъ именемъ *Iordanes* (ср. ed. *Mommsen*, p. V).

онъ говоритъ о своей семьѣ, заставляетъ предполагать, что онъ происходилъ изъ готскаго народа и, возможно, былъ свойственникомъ королевской фамиліи Амаловъ [1].

Было бы большимъ счастьемъ имѣть, такимъ образомъ, исторію Готовъ, писанную однимъ изъ нихъ; но надо замѣтить, что, какъ видно изъ того же самого мѣста сочиненія Іордана, его семья отдѣлилась отъ соплеменниковъ [2]; онъ самъ былъ католикомъ, что отдаляло его отъ націи, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію [3]. Сначала онъ былъ «notarius», потомъ сдѣлался монахомъ [4]. Его воспитаніе, направленіе его ума, его языкъ и стиль, все это—римское, а не готское. Онъ цитируетъ Вергилія, Лукана и Тита Ливія, такъ какъ былъ человѣкомъ литературно образованнымъ, хотя по скромности монаха и отрицалъ это [5]. Всѣ его привязанности принадлежатъ римской Имперіи, и онъ думаетъ, что Римъ останется владыкою всѣхъ народовъ до конца міра. Такимъ образомъ, онъ не германскій, а римскій патріотъ. Онъ испытываетъ по отношенію къ императорамъ нѣчто въ родѣ культа и говоритъ о нихъ лишь въ восторженныхъ выраженіяхъ. Онъ не рѣшается сравнивать съ ними даже самыхъ великихъ варварскихъ королей. Ему кажется, что консульство является самымъ высокимъ достоинствомъ на землѣ послѣ императорскаго. Онъ былъ подданнымъ Юстиніана, котораго называетъ своимъ повели-

[1] С. 50.—Cfr. 60, in fine: „Ex ipsa gente trahenti originem".

[2] Его дѣдъ былъ „notarius" у одного аланскаго государя, союзника Имперіи.

[3] С. 25.

[4] С. 50: „Conversionem meam". Предполагали даже, что онъ былъ равеннскимъ епископомъ, но это мало вѣроятно.

[5] „Agrammatus" (с. 50).

телемъ; кончая свой трудъ, онъ заявляетъ, что написалъ его не столько для прославленія Готовъ, сколько для возвеличенія ихъ побѣдителя [1].

Самъ Іорданъ сообщаетъ намъ, какими источниками онъ пользовался, и они—не германскіе. Онъ сокращаетъ сочиненіе Кассіодора, «котораго у него нѣтъ болѣе передъ глазами, но которое ему раньше одолжили на три дня» [2].

Онъ постоянно справляется со своими авторитетами и цитируетъ ихъ: это, кромѣ Кассіодора, — Тацитъ, Діонъ Кассій относительно древнихъ Германцевъ; это географъ Птолемей объ островѣ Сканціи, это—Трогъ Помпей, Павелъ Орозій, Прискъ и Аблавій. Авторъ не боится нисколько признать, что всѣ его свѣдѣнія почерпнуты изъ вторыхъ рукъ, а самъ заявляетъ, что заимствовалъ ихъ изъ книгъ [3]; книги же писались тогда только на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Правда, онъ знаетъ, что у Готовъ существовали старинныя пѣсни, замѣнявшія имъ исторію, и онъ упоминаетъ о нихъ; но не извѣстно, справлялся-ли онъ съ ними самъ или заимствовалъ извѣстія о нихъ отъ Аблавія, котораго онъ рядомъ цитируетъ. Авторъ никогда не говоритъ, чтобы собиралъ свѣдѣнія отъ Готовъ и, дѣйствительно, онъ не жилъ въ ихъ средѣ и писалъ не для нихъ. Нельзя, конечно, сомнѣваться, что ему были извѣстны нѣкоторыя преданія его племени; какъ, кажется, онъ ссылается именно на нихъ, когда прибѣгаетъ къ выраженію «ut fertur»; но вся-

[1] Онъ, повидимому, имѣетъ въ виду обосновать права Германа, племянника Юстиніана и потомка Амаловъ по матери, на наслѣдство великаго Теодериха.

[2] *Iordan.* proem. ad Castalium.

[3] In fine.

кій читатель его труда замѣтитъ, насколько эти преданія должны были быть неясны и неопредѣленны. Они занимаютъ поэтому меньшее мѣсто въ изложеніи Іордана, чѣмъ греческія преданія о троянской войнѣ или объ амазонкахъ. У Іордана всѣ эти басни перемѣшаны и перепутаны. Его необыкновенный разсказъ о Залмоксисѣ и Лицинѣ, древнихъ мудрецахъ, обучившихъ будто бы Готовъ физикѣ и теологіи, повидимому, заимствованъ изъ греческихъ источниковъ [1]. Въ немъ не проявляется ни критическаго ума, ни историческаго пониманія; кромѣ того, онъ не обладалъ необходимыми свѣдѣніями ни по географіи, ни по хронологіи. Видно, что онъ задавался, главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы продолжить генеалогію Амаловъ какъ можно выше въ глубину вѣковъ, но мало интересовался нравами, вѣрованіями и учрежденіями древнихъ временъ, потому-то онъ не сообщаетъ намъ ничего цѣннаго и опредѣленнаго относительно этихъ предметовъ.

Таковы наши памятники. Двѣ страницы изъ Цезаря, двѣ или три изъ Страбона и Плинія, десятка два изъ Тацита, нѣсколько строкъ изъ Діона Кассія и Амміана Марцеллина, одно сочиненіе Іордана—вотъ къ чему сводятся источники нашихъ свѣдѣній о соціальномъ строѣ древней Германіи. Очевидно, насколько сумма эта является недостаточною для того, кто не удовлетворяется неопредѣленными намеками, кто знаетъ, что соціальныя учрежденія могутъ быть поняты только при помощи очень точныхъ и полныхъ данныхъ. Поэтому истинный историкъ будетъ говорить о древней

[1] Онъ самъ въ этомъ мѣстѣ ссылается на Діона и другихъ „annalium scriptores" (с. 5 § 40). Ср. въ главѣ 11—болѣе распространенный, но еще болѣе романтическій разсказъ о Дицинѣ.

Германіи лишь съ крайнею осторожностью. Среди современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ существуетъ историческая школа, которая съ особенною любовью трактуетъ о древнихъ Германцахъ, какъ во Франціи существуетъ другая, увлекающаяся вопросомъ о древнихъ Галлахъ. О первыхъ извѣстно не больше, чѣмъ о вторыхъ; но многіе воображаютъ, что патріотизмъ поможетъ освѣтить мракъ, покрывающій далекую старину, и что подъ его дѣйствіемъ удесятерятся скудныя свѣдѣнія, какія находятся въ распоряженіи науки. Въ духѣ этого патріотизма ученые комментируютъ слова Тацита и влагаютъ въ нихъ гораздо больше того, что хотѣлъ сказать авторъ; къ этому присоединяются всевозможныя гипотезы, нагромождаются попытки опоэтизировать родную древность, которую превозносятъ до небесъ. Чтобы обезопасить науку отъ всего этого, намъ слѣдуетъ глубоко проникнуться убѣжденіемъ, что мы можемъ достовѣрно познакомиться съ древнею Германіею лишь въ очень несовершенной степени. Изображать ея учрежденія, какъ это часто дѣлается, въ видѣ полнаго и прочно сложившагося цѣлаго, это значитъ строить систему, у которой нѣтъ основанія, и которая не оправдывается состояніемъ нашихъ документовъ. Надо довольствоваться тѣмъ, что авторы передали намъ нѣсколько фактовъ, описали нѣсколько учрежденій и характерныхъ бытовыхъ чертъ, и мы не должны ничего прибавлять къ ихъ подлиннымъ показаніямъ.

2.

Положеніе личностей. —Рабы, зависимые земледѣльцы, вольноотпущенники.

Какъ бы ни были неудовлетворительны наши источники, касающіеся древней Германіи, все же они даютъ намъ довольно ясное понятіе о различныхъ классахъ, на которые распадалось тамъ общество.

Какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, у Германцевъ существовало рабство. Тациту это явленіе казалось настолько естественнымъ, что онъ не считалъ нужнымъ обращать на него спеціальное вниманіе; онъ отмѣчаетъ фактъ мимоходомъ, говоритъ о немъ лишь нѣсколько словъ. Онъ говоритъ, что дѣти господина воспитываются не съ большею утонченностью, чѣмъ дѣти раба: «Тѣ и другія живутъ вмѣстѣ и спятъ на той же самой голой землѣ; въ дѣтствѣ между ними не дѣлается различія, но когда наступаетъ зрѣлость, ихъ больше не смѣшиваютъ, и свободный занимаетъ въ обществѣ соотвѣтствующее ему положеніе» [1]. Говоря въ другомъ мѣстѣ о Свевахъ, онъ указываетъ, что «длинные, связанные на головѣ пучкомъ волосы служатъ признакомъ отличія свободныхъ людей отъ рабовъ» [2].

Тацитъ не говоритъ, замѣчалось ли какое-нибудь су-

[1] *Tacit.* Germania, 20: „Dominum ac servum nullis educationis deliciis dignoscas; inter eadem pecora, in eadem humo degunt, donec aetas separet ingenuos".

[2] *Ibid.* 38: „Insigne gentis obliquare crinem nodoque substringere; sic... ingenui a servis separantur".—Историкъ упоминаетъ о рабахъ еще въ двухъ другихъ мѣстахъ; c. 40: „Servi ministrant"; c. 44: „Sub custode servo".—Ср. *Fustel de Coulanges*, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, p. 20.

щественное различіе въ характерѣ германскаго рабства сравнительно съ природою этого института, какимъ онъ сложился въ римскомъ обществѣ. Онъ называетъ германскаго раба тѣмъ же именемъ, какимъ называли его въ Римѣ, *servus*; онъ противополагаетъ его человѣку, называемому имъ *ingenuus*, и указываетъ, что рабъ принадлежитъ тамъ господину, *dominus*.

Единственное, выставляемое авторомъ, различіе относится не къ организаціи, а къ одному изъ источниковъ рабства. Въ то время, какъ римскіе законы запрещали свободному человѣку отдаваться въ рабство, германское обычное право разрѣшало это. «У нихъ, говоритъ Тацитъ, въ изумительной степени распространены азартныя игры; они обращаютъ ихъ въ самую важную вещь на свѣтѣ, даже находясь въ здравомъ умѣ, не затемненномъ опьяняющими напитками; увлеченные мыслью о выигрышѣ или проигрышѣ, они возбуждаются до такой степени, что, потерявъ все, ставятъ еще на послѣдній ударъ свою свободу и личность; потерявъ ее, они сами отдаютъ себя въ рабство» [1].

Касаясь этого вопроса, римскій историкъ даетъ намъ понятіе о власти господина надъ рабомъ у Германцевъ: такъ онъ говоритъ, что человѣкъ, теряющій свободу въ игрѣ, даетъ связать себя и продать [1]. Эти два признака являются такимъ образомъ первыми особенностями рабства: господинъ можетъ связать и продать принадлежащаго ему человѣка. Тацитъ замѣчаетъ по этому поводу, что Германцы практикуютъ торговлю рабами («per commercia tradunt»)[2]. Въ приведенныхъ немногихъ словахъ мы уже находимъ главные черты римскаго рабства.

Интересно было бы знать, могъ ли тамъ господинъ, какъ въ Римѣ, наказывать и убивать своего раба. «Нанесеніе рабу ударовъ розгами и заковываніе его въ цѣпи—явленіе рѣдкое у Германцевъ» [3]. Самыя эти слова выясняютъ, что указанное явленіе все таки имѣло мѣсто, и что господинъ имѣлъ право наказывать раба. Оговариваясь, что такіе случаи, очень часто повторявшіеся въ римскомъ обществѣ, примѣняются болѣе рѣдко въ Германіи, Тацитъ не хочетъ сказать, что юридическое положеніе раба въ Германіи было мягче; онъ только отмѣчаетъ, что господа были тамъ милосерднѣе.

Далѣе слѣдуетъ указаніе на право лишать жизни раба. Такое право существовало въ Римѣ въ томъ смыслѣ, что господинъ могъ судить и приговаривать своего раба къ смерти. «Случается, говоритъ Тацитъ, что они умерщвляютъ своихъ рабовъ, но это происходитъ не столько въ видѣ судебнаго приговора или вслѣдствіе суроваго отношенія къ совершаемымъ ими проступкамъ, сколько вслѣдствіе вспыльчивости и гнѣва; они убиваютъ своихъ рабовъ, какъ убили бы

[1] *Tacit.* Germania, 24: „Aleam, quod mirere, sobrii inter seria exercent, tanta lucrandi perdendique temeritate, ut, cum omnia defecerunt, extremo ac novissimo iactu de libertate ac de corpore contendant. Victus voluntariam servitutem adit“.—Тацитъ не говоритъ, что только долги въ игрѣ вовлекали въ рабство. Я склоненъ думать, что долги, происшедшіе и инымъ путемъ, могли приводить къ тому же результату; это мы увидимъ въ варварскихъ законахъ. Ср. соотвѣтств. главы тома IV.

[1] *Ibidem*: „Alligari se ac venire patitur“.

[2] *Ibidem*: „Servos conditionis huius per commercia tradunt“. Ср. *Tacit.* Agricola, 28: „Per commercia venumdatos“.

[3] *Tacit.* Germania, 25: „Verberare servum ac vinculis et opere coercere rarum“.

врага, съ тою лишь разницею, что убійство раба остается безнаказанно» [1]. Такимъ образомъ, власть господина въ древней Германіи распространялась и на жизнь раба. Убіеніе раба являлось актомъ, въ которомъ господинъ не долженъ былъ никому отдавать отчета, такъ какъ оно не превышало его правъ.

Стало быть, въ германскомъ обществѣ рабство являлось тѣмъ же, чѣмъ оно было въ римскомъ. Власть господина безгранична, рабъ составляетъ его собственность: онъ можетъ продать его, можетъ и убить.

Рабы могли находиться тамъ, прежде всего, въ положеніи домашнихъ слугъ. Ясно, что господинъ, имѣвшій право наложить на нихъ цѣпи и умертвить ихъ, тѣмъ болѣе могъ требовать отъ нихъ всякаго рода работы и, если хотѣлъ, прикрѣплялъ ихъ къ своей особѣ. Тацитъ не утверждаетъ, что такого рода рабовъ въ Германіи не было; наоборотъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о сынѣ господина и сынѣ раба, воспитывавшихся въ одномъ и томъ же домѣ, онъ даетъ возможность ясно усмотрѣть, что этотъ рабъ привязанъ былъ къ дому господина [2]. Но въ то же время

[1] *Tacit.* Germania, 25: „Occidere solent, non disciplina et severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune".

[2] *Ibid.* 20: „In omni domo nudi ac sordidi excrescunt... in eadem humo degunt".—Эти слова нельзя было бы приложить къ рабу, о которомъ онъ говоритъ въ гл. 25, такъ какъ тотъ имѣетъ свое отдѣльное и независимое жилище.—Существованіе домашнихъ (дворовыхъ) рабовъ у Германцевъ отрицалось только потому, что Тацитъ больше останавливается на земледѣльческихъ; понятно, конечно, что послѣдніе были у нихъ несравненно болѣе многочисленны, чѣмъ первые. Но слово „ceteris", которымъ начинается мѣсто, относящееся къ сельскимъ рабамъ, ясно указываетъ, что существовали и другіе.

авторъ, кажется, удивляется малому числу домашнихъ рабовъ. Между тѣмъ какъ въ Римѣ въ домѣ каждаго вельможи насчитывалось безконечное множество лакеевъ, поваровъ, писцовъ, привратниковъ, онъ замѣчаетъ, что въ Германіи не существуетъ ничего подобнаго. Жизнь въ ней проста; роскошь невозможна даже для самыхъ знатныхъ людей, поэтому утонченность личныхъ услугъ тамъ не извѣстна, вслѣдствіе чего въ Германіи не могло быть много рабовъ во дворѣ господина (servi urbani). Вообще, говоритъ Тацитъ, «заботы о внутреннемъ устройствѣ дома лежали на женѣ и дѣтяхъ» [1]. Видѣть въ приведенныхъ словахъ автора родъ рыцарской теоріи о свободной службѣ—это было бы сильно преувеличивать, искажать мысль Тацита: у него не было на умѣ ничего подобнаго, когда онъ писалъ эти слова.

На ряду съ рабами въ собственномъ смыслѣ, съ тѣми рабами, которыхъ можно было продавать, Тацитъ отличаетъ особый разрядъ рабовъ, жившихъ въ спеціальныхъ условіяхъ. Это были земледѣльческіе рабы. Относительно ихъ у насъ имѣется лишь четыре строки, но они принадлежатъ Тациту. Надобно изучить ихъ поближе, изслѣдуя смыслъ каждаго слова.

«Ихъ другіе рабы, пишетъ онъ, эксплуатируются не такъ, какъ у насъ» [2]. Извѣстно, что въ маленькой книжкѣ Тацита, особенно въ двадцати семи первыхъ главахъ, Тацитъ сравниваетъ каждую отдѣльную особенность германскихъ нравовъ съ соотвѣтствующими

[1] *Tacit.* Germania, 25: „Cetera domus officia uxor ac liber exsequuntur".

[2] *Ibid.* 25: „Ceteris servis non in nostrum morem descriptis per familiam ministeriis utuntur; suam quisque sedem, suos penates regit".

или противоположными сторонами быта, наблюдаемыми имъ у Римлянъ [1]. Такое сравненіе часто лишь подразумѣвается имъ; но въ данномъ пунктѣ оно выражено ясно. Какъ только онъ вводитъ въ текстъ выраженіе «*non in nostrum morem*», становится понятнымъ, что слова, непосредственно слѣдующія за нимъ, обозначаютъ римскій обычай: «Non in nostrum morem descriptis per familiam ministeriis». Мы поймемъ эту фразу Тацита, лишь вспомнивъ положеніе римскихъ сельскихъ рабовъ въ его время. Слово *familia*, употребляемое имъ здѣсь, не обозначаетъ семейства. Когда рѣчь идетъ о рабахъ, подъ *familia* разумѣется совокупность слугъ одного и того же господина; когда же дѣло касается, какъ въ данномъ случаѣ, сельскихъ рабовъ, ясно чувствуется, что писатель имѣетъ въ виду *familia rustica*, съ организаціей которой у Римлянъ мы познакомились выше [2]. Что касается *ministeria*, то слово это подразумѣваетъ именно тѣ группы, на которыя дѣлилась «familia rustica; существовали «ministeria» пахарей, винодѣловъ, пастуховъ, плотниковъ или каменщиковъ, и во главѣ каждаго такого отдѣленія стоялъ свой *magister operum*, надсмотрщикъ и распорядитель работами. Тацитъ хочетъ сказать, что германскіе рабы не соединены, какъ въ римскомъ хозяйствѣ, въ одну «familia», которая раздѣляется на различныя «ministeria».

Эти простыя слова развертывали передъ умственнымъ взоромъ современника Тацита, читавшаго его книгу, цѣлый рядъ различій, которыя тотъ понималъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Германскіе

[1] См. выше соотвѣтствующее мѣсто.

[2] Ср. соотвѣтств. мѣсто тома IV.

рабы не раздѣлялись на «ministeria»; изъ этого слѣдуетъ, что они не были только земледѣльцами, только пастухами, но каждый изъ нихъ могъ быть одновременно и тѣмъ, и другимъ, или сообразно обстоятельствамъ—то тѣмъ, то другимъ. Они не работали, какъ «familia rustica», то-есть, всѣ вмѣстѣ группами въ десять человѣкъ подъ надзоромъ надсмотрщика, воздѣлывая то поле, которое имъ приказывали, исключительно въ пользу господина, который кормилъ и одѣвалъ ихъ, но не предоставлялъ имъ никакой части урожая; къ вечеру эти рабы не возвращались на господскую «villa», чтобы расположиться на покой всѣ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же помѣщеніи, подобно тому, какъ они вмѣстѣ же работали. Эти римскіе обычаи были не извѣстны въ Германіи. Тутъ у раба было собственное жилище («sua sedes»). Тацитъ усиливаетъ свои выраженія, чтобы подчеркнуть сущность своей мысли. У раба имѣется не только жилище (*sedes*), у него есть также свои домашніе боги (*sui penates*). Во времена Тацита это слово имѣло еще большую силу. Ѳ римскомъ рабѣ никогда не сказали бы, что онъ имѣетъ собственныхъ пенатовъ, онъ зналъ только пенатовъ своего господина. Тацитъ прибавляетъ еще— «*penates regit*»: германскій рабъ имѣетъ своихъ пенатовъ, свой домъ и въ немъ управляетъ, какъ хозяинъ. Очевидно, эти ясныя и точныя выраженія достаточно доказываютъ, что историкъ имѣетъ здѣсь именно въ виду раба, живущаго не только отдѣльно, но почти независимо, раба, имѣвшаго свою семью, свой домъ, свою землю.

У такого раба оставался господинъ: Тацитъ отмѣчаетъ это тотчасъ же; онъ выводитъ даже на сцену этого господина, *dominus*. Но авторъ показываетъ,

что рабъ подчиняется не всякимъ приказаніямъ своего господина: «Господинъ требуетъ съ него опредѣленное количество хлѣба, или скота, или шерсти, или льна, какъ со съемщика; подчиненіе и обязательства сельскаго раба не идутъ дальше [1].

Я думаю, что мысль Тацита истолковывалась невѣрно, когда такого германскаго земледѣльца отожествляли съ римскимъ колономъ. Тацитъ вводитъ въ свое изложеніе слово «*colonus*», означавшее въ его время арендатора чужой земли, лишь для сравненія. Онъ не говоритъ, что германскій рабъ — арендаторъ, а указываетъ только, что онъ похожъ на него; и сходство это обнаруживается только въ одномъ отношеніи,—именно, когда отмѣчается обязательство его вносить сборъ за пользованіе землею. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ не похожъ на римскаго съемщика. Онъ отличается также отъ колона послѣднихъ вѣковъ Имперіи. Послѣдній, какъ мы видѣли, всегда былъ человѣкомъ, свободнымъ по происхожденію, но прикрѣпленнымъ на вѣки къ землѣ. Тацитъ нигдѣ не утверждаетъ прямо, чтобы у Германцевъ были закрѣпощенные навсегда земледѣльцы; правильно и характерно лишь то, что описываемый авторомъ съемщикъ никогда не является свободнымъ человѣкомъ. Такой земледѣлецъ у нихъ—всегда рабъ; словомъ «*servus*» и кончается касающееся этого вопроса мѣсто. Какъ бы ни было на видъ отдѣльно и независимо отъ господина его

[1] *Tacit.* Germania, 25: „Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit, et servus hactenus paret". — Сравните илотовъ Лаконіи, ѳетовъ Аттики до Солона, пенестовъ Ѳессаліи и клеротовъ Крита. Всѣ эти люди были прикрѣплены къ землѣ и платили, какъ и въ Германіи, опредѣленный оброкъ. Ср. *Fustel de Coulanges,* Nouvelles recherches: La propriété chez les Grecs, I-e p. § 7; II-e p. § 3.

повседневное существованіе, онъ тѣмъ не менѣе оставался рабомъ. Онъ держалъ землю отъ господина, но въ качествѣ раба-оброчника. Его участокъ — рабскій надѣлъ. Тацитъ въ нѣсколькихъ ясныхъ строкахъ описалъ такимъ образомъ не колонатъ, а рабскую аренду. Послѣдняя, хотя и существовала въ земельномъ строѣ римской Имперіи, но рѣдко встрѣчалась тамъ, у Германцевъ же она была очень распространена.

Выше рабовъ въ собственномъ смыслѣ и рабовъ-оброчниковъ располагался у нихъ классъ людей, называемыхъ Тацитомъ вольноотпущенниками [1]. Онъ говоритъ о нихъ, правда, лишь немного словъ: «Вольноотпущенники не очень возвышаются надъ рабами» [2].

Авторъ не сообщаетъ намъ, какимъ образомъ производился въ первобытной Германіи отпускъ на волю, и какія формальности требовались при этомъ. Одинъ значительно болѣе поздній, лонгобардскій документъ, упоминаетъ объ отпускѣ на волю «посредствомъ стрѣлы» съ произнесеніемъ древней священной формулы [3]. Салическая Правда открываетъ намъ еще способъ освобожденія «посредствомъ динарія», который можетъ, пожалуй, считаться старымъ обычаемъ, хотя фактъ употребленія монетъ, повидимому, не допускаетъ возможности думать объ очень глубокой древности [4]. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что у древнихъ Германцевъ практиковался, по выраженію Павла Діа-

[1] Ср. *Fustel de Coulanges,* Recherches sur quelques problèmes d'histoire, p. 209 ss.

[2] *Tacit.* Germania, 25: „Liberti non multum supra servos sunt".

[3] *Paul. Diac.* Historia Longobardorum, I, 13: „Plures a servili iugo ereptos ad libertatis statum perducunt, utque rata eorum haberi possit libertas, sanciunt more solito per sagittam immurmurantes ob rei firmitatem quaedam patria verba".

[4] Ср. соотвѣтствующія главы тома IV настоящаго сочиненія.

кона, «переходъ изъ рабства къ свободѣ». Этого достаточно для сужденія о томъ, что рабы въ Германіи не составляли, какъ въ нѣкоторыхъ античныхъ обществахъ, совершенно отдѣльной породы или безусловно замкнутой касты.

Какъ мы видѣли, свободный человѣкъ могъ сдѣлаться рабомъ, и обратно—рабъ могъ выйти изъ зависимости. Кромѣ того, въ текстѣ Павла Діакона есть одно слово, заставляющее думать, что примѣнялось два вида отпущенія на волю [1]. Авторъ описываетъ одно, которое давало полную свободу, но заставляетъ предполагать, что существовало другое, предоставлявшее свободу, лишь временную или неполную.

Тацитъ не сообщаетъ намъ, каковыми являлись юридическіе результаты отпуска на волю, какія права давало оно вольноотпущеннику, какую власть оставляло господину. Наше предшествующее изслѣдованіе римскаго вольноотпущенничества [2] показало, насколько важны эти пункты, и мы должны сильно сожалѣть о краткости описанія Тацита. Это показываетъ намъ еще разъ, что Тацитъ, даже когда говоритъ о Германцахъ, думаетъ больше всего о римскихъ обычаяхъ.

Сила его интереса къ роднымъ порядкамъ такова, что разъ слово «вольноотпущенникъ» появилось подъ его перомъ, мысль его отвращается отъ Германіи и переносится къ нравамъ аристократіи его времени и къ римскимъ имперскимъ порядкамъ вообще. Онъ тотчасъ же начинаетъ думать о тѣхъ вольноотпущенникахъ, которые пріобрѣтали въ Римѣ богатства, управляли домомъ патрона, подчиняя послѣдняго

[1] Это—слово plures, которое должно пониматься не въ смыслѣ большинства, а въ смыслѣ нѣсколькихъ.

[2] Ср. соотвѣтствующее мѣсто книги I.

своему вліянію, и едва не презирая и не оскорбляя его [1]. Онъ вспоминаетъ особенно вольноотпущенниковъ императоровъ, являвшихся, безъ сомнѣнія, крупными фигурами въ римскомъ обществѣ, наполнявшихъ административныя канцеляріи, вступавшихъ во всадническое сословіе, возвышавшихся до самыхъ важныхъ должностей въ государствѣ и, наконецъ, тайно, но дерзко управлявшихъ Имперіею [2]. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы дать намъ въ нѣсколькихъ точныхъ словахъ понятіе о положеніи германскихъ вольноотпущенниковъ, Тацитъ довольствуется указаніемъ на то, что они не походили на вольноотпущенниковъ римскихъ: «Въ рѣдкихъ случаяхъ они пользуются властью въ домѣ освободителей, никогда не получаютъ ея въ государственныхъ дѣлахъ» [3]. Кажется, онъ противополагаетъ это утвержденіе другой фразѣ, въ которой говоритъ, имѣя въ виду Римъ, что «при плохихъ государяхъ вольноотпущенники возвышаются до такой степени, что входятъ въ составъ правительства» [4]. Онъ подчеркиваетъ, что въ Германіи вообще не наблюдается ничего подобнаго, за исклю-

[1] Ср. *Tacit.* Annales, XII, 27; XIV, 55; XV, 54 и 55; XVI, 10. Та же мысль сквозитъ въ другомъ мѣстѣ (*Ibid.* XIV, 39): „Apud quos flagrante etiam tum libertate nondum cognita erat libertinorum potentia".

[2] *Idem*, Annales, XI, 24; XII, 53; XIV, 39; Historiae, I, 13; I, 58; I, 76; II, 57; III, 12; III, 47. — Ср. соотвѣтствующее мѣсто тома перваго настоящаго сочиненія.

[3] *Idem*, Germania, 25: „Raro aliquod momentum in domo, nunquam in civitate."—Momentum (movimentum) является собственно тѣмъ, что заставляетъ вѣсы склоняться въ одну сторону, тѣмъ, что даетъ импульсъ; отсюда идея о вліяніи или о власти.

[4] *Idem*, Histor. I, 76: „Hi (liberti) malis temporibus partem se reipublicae faciunt".

ченіемъ тѣхъ племенъ, которыя управляются королями, и у которыхъ иногда замѣчается такое явленіе. Вліяніе монархической власти, безъ сомнѣнія, приводитъ нерѣдко къ однороднымъ результатамъ въ области сложенія соціальныхъ порядковъ у различныхъ народовъ: у германскихъ племенъ, управлявшихся монархически, какъ и въ римской Имперіи, милость государя давала возможность вольноотпущенникамъ «подниматься выше свободныхъ людей и даже выше благородныхъ». «У другихъ же низкое положеніе вольноотпущенниковъ служило доказательствомъ господства свободы» [1].

Высказывающаяся въ приведенныхъ словахъ оппозиціонная выходка республикански настроеннаго римскаго сенатора противъ Имперіи, безъ сомнѣнія, менѣе цѣнна для историка, чѣмъ было бы точное описаніе юридическихъ и бытовыхъ послѣдствій отпуска на волю въ первобытной Германіи. Какъ бы то ни было, мы должны взять изъ свидѣтельства Тацита черту, которую можемъ считать достовѣрною: «Вольноотпущенники не очень возвышаются надъ рабами». Ихъ возвышеніе надъ свободными людьми являлось исключеніемъ, общее же правило заключалось въ томъ, что вольноотпущенникъ оставался по положенію близокъ къ рабу и не сравнивался съ свободорожденнымъ. Вообще, вольноотпущенники образовывали классъ средній между рабами и свободными людьми.

Такое именно соціальное положеніе этого класса, которое римскій историкъ быстро отмѣтилъ лишь одною бѣглою черточкою, обнаруживается еще нѣсколько вѣ-

[1] *Tacit.* Germania, 25: „Exceptis duntaxat iis gentibus, quae regnantur; ibi enim et super ingenuos et super nobiles ascendunt; apud ceteros, impares libertini libertatis argumentum sunt“.

ковъ спустя. Въ государствахъ, основанныхъ Германцами на римской почвѣ послѣ вторженія, мы находимъ разрядъ людей, называвшихся латинскимъ словомъ «*liberti*», или германскимъ «*liti*»; существеннымъ признакомъ ихъ сословной природы было то, что они находились по срединѣ между свободными людьми и рабами [1]. Эти литы, по всей вѣроятности, происходили изъ древней Германіи, и, такъ сказать, о ихъ предкахъ, должно быть, говоритъ Тацитъ.

Мы обладаемъ кромѣ Тацита еще однимъ документомъ, показывающимъ намъ, до какой степени въ Германіи различные классы отличались одинъ отъ другого. Правда, этотъ документъ относится къ IX вѣку; но онъ былъ написанъ Саксомъ, жившимъ среди Саксовъ, которые еще не успѣли подвергнуться римскому вліянію и сохраняли старинные обычаи.

«У Саксовъ, говоритъ Руодольфъ, существуетъ правило, требующее, чтобы свободный человѣкъ женился на свободной женщинѣ, вольноотпущенникъ на вольноотпущенницѣ, рабъ на рабынѣ. Если кто-нибудь вступалъ въ бракъ съ женщиною не изъ своего класса, стоявшею выше его по рожденію, то онъ оплачивалъ этотъ проступокъ штрафомъ, равнымъ цѣнѣ его жизни» [2]. Такое запрещеніе неравныхъ браковъ является наиболѣе явнымъ признакомъ давняго разграниченія между классами.

[1] Ср. соотвѣтствующія мѣста т. IV наст. сочиненія.

[2] *Translatio S. Alexandri* (написанная Руодольфомъ въ IX вѣкѣ, см. въ „Monumenta Germaniae“, Scriptores, t. II, p. 673): „Id legibus firmatum est, ut .... liber liberam ducat uxorem, libertus coniungatur libertae, et servus ancillae. Si quispiam sibi non congruentem et genere praestantiorem uxorem duxerit, cum vitae suae damno componat“.—Ср. *Vita S. Libuini* въ „Monum. Germaniae“, t. II, p. 361.

Каково было отношеніе вольноотпущенниковъ или литовъ къ землѣ? Тацитъ ничего не говоритъ объ этомъ. Были ли они съемщиками ея? Не могли ли они такъ же, какъ рабы, пользоваться землями прежнихъ господъ съ условіемъ внесенія извѣстныхъ повинностей? Существовала-ли «литская аренда» наравнѣ съ рабскою? Можно предполагать существованіе подобныхъ порядковъ, но утверждать этого основанія мы не имѣемъ.

3.

Положеніе личностей.—Свободные и благородные.

Важно было бы опредѣлить численное отношеніе между свободными людьми и зависимыми классами въ древней Германіи; но мы не находимъ въ источникахъ ни одной цифры, ни одного указанія на этотъ счетъ.

Намъ лучше извѣстно то, что не всѣ свободные люди были равны между собою, но что они распадались на разряды. Прежде всего основаніемъ неравенству служило имущество. Плиній Старшій, знавшій Германію, можетъ быть, лучше всѣхъ другихъ римскихъ писателей, изображаетъ намъ «богатыхъ», которые отличались отъ «народной массы» [1]. Тацитъ также указываетъ на существованіе «очень богатыхъ» людей [2]. Эти богачи узнавались по ихъ одеждѣ, стянутой въ таліи и тѣсно обхватывавшей члены, тогда какъ всѣ остальные покрывали тѣло простымъ кускомъ ткани, оба конца котораго закрѣплялись пряжкою и соединялись на плечѣ. Богатые носили также мѣха звѣрей, обнаруживая при этомъ нѣкоторую склонность къ украшенію; у нихъ были въ ходу пятнистыя и пестрыя шкуры, которыя они добывали съ крайняго сѣвера. Женщины носили льняныя одежды, которыя онѣ умѣли окрашивать въ пурпуровый цвѣтъ [1].

[1] *Plin.* Hist. nat. XXVIII, 35, 133: „Divites a plebe distinguit“.
[2] *Tacit.* Germania, 17: „Locupletissimi“.

Тацитъ не говоритъ намъ, какъ возникли эти имущественныя различія. Возможно, что нѣкоторые владѣли большимъ числомъ тѣхъ сельскихъ рабовъ, о которыхъ упоминалъ авторъ, а благодаря этому получали значительные земельные оброки; или же у нихъ были многочисленныя стада, а намъ извѣстно отъ того-же историка, что стада замѣняли у Германцевъ деньги и были признакомъ богатства и формою воплощенія капитала [2].

Существовала-ли у Германцевъ какая-нибудь торговля? Можно-ли было у нихъ обогатиться изготовленіемъ оружія или тѣхъ льняныхъ тканей, которыя служили предметомъ роскоши? Практиковались-ли тогда, какъ часто бываетъ въ тѣхъ отсталыхъ обществахъ, которыя не совсѣмъ правильно считаются первобытными, различные виды ростовщичества, или эксплуатація бѣдныхъ-богатыми, вслѣдствіе которой богачи-заимодавцы пріобрѣтали могущество, а неимущіе должники попадали въ кабалу за накопившіяся и не-

[1] *Ibidem*: „Locupletissimi veste distinguuntur, non fluitante velut Sarmatae ac Parthi, sed stricta et singulos artus exprimente.... Gerunt et ferarum pelles... exquisitius; eligunt feras et detracta velamina spargunt maculis pellibusque belluarum, quas exterior Oceanus atque ignotum mare gignit.... Feminae saepius lineis amictibus velantur eosque purpura variant“.
[2] *Ibidem*, 5: „Eaeque (т. е. стада) solae et gratissimae apes sunt“.

выплаченныя ссуды хлѣбомъ или скотомъ? Утверждать этого нельзя. Но Тацитъ разсказываетъ о богачахъ, «которые поздно поднимаются отъ сна, сначала погружаются въ теплую ванну, а затѣмъ принимаются за ѣду, но располагаются при этомъ не на ложахъ, какъ Римляне, а каждый сидя за отдѣльнымъ столомъ; потомъ, занявшись дѣлами, заканчиваютъ день пиромъ, безстыдно затягивающимся на всю ночь» [1].

Имущественное неравенство не было единственнымъ основаніемъ расчлененія германскаго общества; у нихъ существовало также неравенство по происхожденію. Говоря о Германцахъ, Тацитъ много разъ упоминаетъ слова *nobiles* и *nobilitas*.

Правда, этотъ корень означаетъ иногда у римскихъ писателей понятіе знаменитости, извѣстности; таковъ даже собственный его этимологическій смыслъ, и возможно, что Тацитъ употребляетъ эти слова въ указанномъ значеніи; если такъ понимать его выраженія, то онъ хотѣлъ сказать, что каждый Германецъ, котораго онъ характеризуетъ словомъ *nobilis*, являлся человѣкомъ значительнымъ, славнымъ своими подвигами или личными достоинствами. Но мы должны припомнить, что на языкѣ современниковъ Тацита и особенно—у самого этого писателя, слова *nobilis* и *nobilitas*, уклонившись отъ первоначальнаго смысла, получили очень точное спеціальное значеніе именно знатности, высокаго положенія въ обществѣ, отличія, которое пріобрѣтено предками. Когда про какого-нибудь Римлянина говорили, что онъ былъ *nobilis*, это означало, что онъ принадлежалъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одного поколѣнія къ благородному сословію; если онъ первый изъ членовъ данной фамиліи достигалъ такого званія, онъ былъ лишь *homo novus*, и только его сынъ признавался уже истинно благороднымъ. Таковъ былъ смыслъ словъ того языка, на которомъ говорили вокругъ Тацита, и какимъ говорилъ онъ самъ. Прибавимъ еще слѣдующее: при изслѣдованіи тѣхъ словъ, которыми этотъ писатель имѣетъ обыкновеніе пользоваться, можно замѣтить, что личное достоинство онъ обозначаетъ всегда словомъ *virtus*, а происходящія отсюда извѣстность или блескъ—словомъ *decus*.

[1] *Tacit.* Germania, 22: „Statim e somno, quem plerumque in diem extrahunt, lavantur, saepius calida... lauti cibum capiunt: separatae singulis sedes et sua cuique mensa. Tum ad negotia, nec minus saepe ad convivia procedunt... diem noctemque continuare potando nulli probrum“.

Впрочемъ, мы перейдемъ теперь къ разбору тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ авторъ прилагаетъ слово *nobilitas* къ Германцамъ, и убѣдимся на дѣлѣ, связываетъ ли его мысль съ этимъ словомъ идею знатности происхожденія или—простой личной извѣстности.

Въ XI главѣ «Германіи» онъ описываетъ довольно бурныя собранія, разсказываетъ, что голосъ каждаго получалъ на нихъ значеніе, смотря по авторитету сообщаемому ему возрастомъ говорящаго, его военными подвигами, краснорѣчіемъ или его *nobilitas* [1]. Если обратить вниманіе, что всѣ виды личной заслуги исчерпаны тремя первыми словами, то послѣднее можетъ, безъ сомнѣнія, означать лишь достоинство происхожденія, и его надо будетъ перевести, конечно словомъ «знатность».

«Германцы, сообщаетъ еще Тацитъ, избираютъ себѣ королей по знатности, военачальниковъ — по

[1] *Tacit.* Germania, 11: „Prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur“.

доблести». Въ этой фразѣ — *nobilitas* противополагается *virtus*, какъ во всякой странѣ знатность происхожденія противополагается личному достоинству [1]. Въ другомъ мѣстѣ авторъ отмѣчаетъ пристрастіе «молодыхъ благородныхъ Германцевъ» къ войнѣ [2]. Послѣ разсказа объ одномъ походѣ, изъ котораго Римляне вывезли не мало плѣнниковъ и плѣнницъ, онъ замѣчаетъ, что среди послѣднихъ было много «благородныхъ женщинъ» [3].

Историкъ Веллей, выводя на сцену Арминія, также точно перечисляетъ его достоинства: «Онъ былъ мужественъ (*manu fortis*), обладалъ живымъ умомъ (*sensu acer*) и кромѣ того принадлежалъ по происхожденію къ благородному роду (*genere nobilis*)» [4]. Тацитъ, описывая германскій народецъ Каннинефатовъ, изображаетъ намъ нѣкого Бринна, всѣ личныя достоинства котораго ограничивались «тупою дерзостью», но и про него авторъ говоритъ, что онъ отличался блескомъ происхожденія [5].

[1] *Ibid.* 7: „Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt“.

[2] *Tacit.* Germania, 14: „Plerique nobilium adolescentium petunt ultro eas nationes, quae tum bellum aliquod gerunt“.

[3] *Tacit.* Annal. I, 57: „Inerant feminae nobiles“.—Ср. Germania, 18: „Exceptis admodum paucis, qui ob nobilitatem plurimis nuptiis ambiuntur“.

[4] *Vell. Paterc.* II, 118: „Tum iuvenis, genere nobilis, manu fortis, sensu celer, promptus ingenio, nomine Arminius“. — Ср. *Tacit.* Annales, II, 62: „Erat inter Gotones nobilis iuvenis nomine Catualda“.

[5] *Tacit.* Hist. IV, 15: „Erat in Canninefatibus stolidae audaciae Brinno, claritate natalium insigni“. – Замѣтимъ, что выраженіе *„claritas natalium“* какъ-разъ употреблялось въ средѣ римской аристократіи для означенія знатности происхожденія. „Homo clarus natalibus, femina natalibus clara“ были техническими терминами для этого понятія. Любопытно, что Тацитъ прилагаетъ ихъ къ Германцу.

Различіе между простымъ свободнымъ и благороднымъ классами особенно ясно отмѣчено въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Вольноотпущенники въ большинствѣ случаевъ стоятъ не особенно высоко надъ рабами; исключенія представляютъ, однако, тѣ изъ германскихъ народцевъ, которые подчиняются власти королей, такъ какъ у нихъ, благодаря королевской милости, вольноотпущенники поднимаются иногда выше свободныхъ людей и даже—выше благородныхъ» [1].

Эти слова не позволяютъ сомнѣваться, что, по мнѣнію Тацита, у Германцевъ дѣйствительно существовала знать. Есть еще другое мѣсто, гдѣ авторъ указываетъ на значеніе благороднаго класса въ жизни германскихъ государствъ. Онъ разсказываетъ, что Херуски поставлены были въ большое затрудненіе, какъ организовать у себя порядокъ, когда они потеряли въ междоусобныхъ войнахъ свою знать» [2]. У нихъ оставался лишь одинъ человѣкъ королевской крови, но и тотъ жилъ въ Римѣ; онъ тамъ родился и всегда обиталъ вполнѣ добровольно, а не въ качествѣ заложника; онъ сдѣлался римскимъ гражданиномъ и принялъ латинское имя [3]. Не смотря на все это, Херуски обратились къ императору Клавдію съ прось-

[1] *Tacit.* Germania, 25: „Et super ingenuos et super nobiles ascendunt“.

[2] *Tacit.* Annal. XI, 16: „Eodem anno Cheruscorum gens regem Roma petivit, amissis per interna bella nobilibus“.

[3] *Ibidem:* „Uno reliquo stirpis regiae, qui apud Urbem habebatur nomine Italicus... Illum Romae ortum, nec obsidem, sed civem“.— Этотъ человѣкъ былъ племянникомъ Арминія, сыномъ его брата Флава.

бою прислать имъ этого человѣка, чтобы передать въ его руки управленіе племенемъ [1]. Херуски призвали его не за личныя достоинства, «которыя они должны были узнать на дѣлѣ лишь позднѣе» [2], а единственно на томъ основаніи, что онъ «превосходилъ всѣхъ другихъ своею знатностью» [3].

Простой фактъ происхожденія изъ благородной семьи давалъ такимъ образомъ личности различныя преимущества. Это мы видимъ еще изъ того мѣста, гдѣ Тацитъ описываетъ церемонію врученія молодымъ Германцамъ ихъ перваго оружія; съ этого дня они становились воинами. Какое же положеніе занималъ каждый въ ихъ составѣ? Если бы Германцы были обществомъ демократическимъ, ясно, что вновь принятый юноша долженъ былъ попасть въ послѣдній разрядъ, до тѣхъ поръ пока совершитъ нѣчто, что сдѣлаетъ его достойнымъ подняться въ первый. Но у нихъ дѣло, очевидно, обстояло иначе, такъ какъ Тацитъ прибавляетъ: «Выдающаяся знатность или великія заслуги предковъ предоставляли и юношамъ достоинство вождя вооруженной группы»

[1] *Ibidem:* „Gens regem Roma petivit... Igitur Caesar auctum pecunia, additis stipatoribus, hortatur...“

[2] *Ibidem,* 17: „Virtutem experirentur“.

[3] *Ibidem,* 17: „Accitum, quando nobilitate ceteros anteiret“.

[4] *Tacit.* Germania, 13: „Insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem (въ другомъ мѣстѣ—dignitatem) etiam adolescentulis assignant“. Замѣтимъ, что слово *aut* не имѣло смысла раздѣлительнаго союза; оно часто употреблялось при повтореніи мысли, для ея болѣе точнаго опредѣленія. См. напр. у Тацита, с. 14: „Arare terram aut exspectare annum“.—*Codex Leydensis* и *Vaticanus* 1862, то-есть, два изъ трехъ лучшихъ списковъ „Германіи“ содержатъ слово „*dignitatem*“ (вмѣсто *dignationem*); но оба эти слова имѣли одинаковый смыслъ. См.

Чтобы сдѣлать свою мысль еще болѣе ясною, онъ сообщаетъ, чѣмъ становились „другіе“, то-есть, молодые люди неблагороднаго или менѣе благороднаго происхожденія: «только тогда, когда они подрастутъ и покажутъ свою храбрость на дѣлѣ», кругомъ нихъ будутъ собираться дружинники [1]; отъ знатныхъ же не спрашивалось заранѣе для этого ни возраста, ни доказательства ихъ доблести. Невозможно требовать отъ Тацита болѣе яснаго указанія на существованіе въ Германіи классовыхъ отличій и родовыхъ преимуществъ.

Если бы мы нарисовали себѣ образъ жизни Германцевъ во времена Тацита по образцу одного изъ

Tacit. Annal. IV, 52; XIII, 20; XIII, 42; Histor. I, 52; III, 80. *Velleius,* II, 59; II, 69. — *Liv.* II, 16 и т. д. — Бюрнуфъ (франц. переводчикъ тацитовой Германіи) принимаетъ чтеніе „dignatio“ и переводитъ его словомъ „разрядъ“.—Жеффруа (Rome et les barbares, p. 178) и Гарсоннэ (*Garsonnet,* Histoire des locations perpétuelles, p. 52) переводятъ: „Знатность происхожденія доставляетъ милость государя совсѣмъ юнымъ людямъ“. Ср. *Waitz,* I, p. 149; *Zoepfl,* II, p. 24. Мы не можемъ считать этотъ переводъ правильнымъ; никогда слово *dignatio* не означало „милость“. Къ тому же въ такомъ случаѣ фраза Тацита не имѣла бы смысла; въ ней ясно заключается противопоставленіе между *dignationem* и *adolescentulis*; а между милостью начальника и молодостью человѣка, которому даруется эта милость, нѣтъ противопоставленія, когда, кромѣ того, дѣло идетъ лишь о ношеніи оружія. Напротивъ, между крайнею молодостью человѣка и достоинствомъ начальника, которое ему ввѣряется, оно опредѣленно высказывается. Тацита поражаетъ и удивляетъ то, что званіе начальника вооруженнаго отряда даруютъ юношамъ, и на это онъ также хочетъ обратить вниманіе. (Мы возвратимся къ этому мѣсту въ V томѣ настоящаго сочиненія).

[1] *Ibidem*: „Ceteris robustioribus ac iam pridem probatis aggregantur“. См. соотвѣтствующую главу тома V-го.

тѣхъ первобытныхъ обществъ, гдѣ всѣ люди свободны и равны, то составили бы себѣ мнѣніе, конечно, противоположное взгляду Тацита на этотъ предметъ.

Если бы книга Тацита не дошла до насъ, мы могли бы все-таки усмотрѣть существованіе старой германской знати по памятникамъ другого рода. Іорданъ описываетъ родъ касты благородныхъ, изъ которой избирались короли и жрецы у древнихъ Готовъ.[1]. Позднѣе этой эпохи, даже послѣ переселенія и предшествовавшаго ему долгаго періода смутъ, мы еще находимъ нѣсколько наслѣдственно-благородныхъ фамилій. Правда, у Готовъ ихъ было только двѣ[2], и намъ извѣстна лишь одна у Вандаловъ[3], одна у Лонгобардовъ[4] и также одна у Франковъ[5]. Но у племенъ, остававшихся внутри Германіи, ихъ насчитывалось больше. Въ VII вѣкѣ у Баваровъ было пять знатныхъ семействъ, и фамилія Агилольфинговъ являлась первою и самою видною: изъ нея выбирали военныхъ

[1] *Iordan.* De rebus geticis, c. 5 (ed. Closs, p. 31): „Vocitatos (vocatos?) Pilleatos hos, qui inter eos genere extabant, ex quibus et reges et sacerdotes ordinabantur“.—Въ изд. Моммзена, стр. 64, вмѣсто *genere* стоитъ *generosi*, но это не имѣетъ смысла.

[2] *Ibidem*, 29: „Ordinato super se rege Alarico, cui erat post Amalos secunda nobilitas Balthorumque ex genere origo“.

[3] *Ibid.* 22: „Asdingorum stirpe, quae inter eos eminet.“

[4] *Paul. Diacon.* Historia Longobard. I, 14: „Regnavit Agilmundus ex prosapia ducens originem Gungincorum, quae apud eos generosior habebatur“.—*Ibid.* I, 24: „Hi omnes litingi (въ другомъ мѣстѣ—adelingi) fuerunt, sic enim apud eos quaedam nobilis prosapia vocabatur“.

[5] Это—меровингская фамилія. *Greg. Tur.* Historia Francorum, II, 9: „Reges crinitos super se creavisse de prima et nobiliori eorum prosapia“. У Франковъ не было, кромѣ королевской, ни одной другой знатной фамиліи.

вождей; но и другіе четыре также были знатны; ихъ знатность оффиціально признавалась закономъ страны, и члены указанныхъ четырехъ фамилій пользовались привилегіей двойной виры по сравненію съ простыми свободными людьми[1]. По неравенству оцѣнки жизни человѣка можно судить о разстояніи, отдѣлявшемъ другъ отъ друга различные классы общества. У Фризовъ убійство «благороднаго» человѣка оцѣнивалось почти вдвое дороже, чѣмъ убійство простого свободнаго[2]. Законъ Турринговъ проводитъ опредѣленное различіе между свободнымъ человѣкомъ и тѣмъ, котораго онъ называетъ *adaling*, то-есть, «благородный», и жизнь послѣдняго оплачивалась втрое дороже жизни свободнаго[3]. Извѣстно, что Саксы лучше всѣхъ другихъ германскихъ племенъ сохранили старый соціальный строй, такъ какъ они не подвергались римскому вліянію; поэтому всѣ ученые согласны, что учрежденія ихъ даже во времена Карла Великаго являлись довольно точнымъ воспроизведеніемъ Германіи временъ Тацита. Между тѣмъ авторъ житія св. Либуина пишетъ, что «въ древности, равно какъ еще и въ

[1] *Lex Baiuwariorum*, I, 20; III, 1. См. *Pertz*, Leges, t. III, p. 289: „De genealogia, qui vocantur Huosi... isti sunt primi post Agilolvingas, qui sunt de genere ducali; illi duplam compositionem accipiant“. Ср. у Пертца примѣчаніе 50-е къ этому тексту.

[2] *Lex Frisionum*, I, 5, у *Pertz*, t. III, p. 656: „Si nobilem occiderit, LXXX solidos componat; si liberum, LIII“.—*Ibid.* 1, 11: „Si quis homo, sive nobilis, sive liber, sive litus, sive servus“.—*Ibid.* 15: „Compositio hominis nobilis librae XI; compositio liberi librae V et dimidia.

[3] *Lex Angliorum ac Verinorum*, I: „Si quis ad adalingum occiderit, DC solidos componat; qui liberum occiderit, CC solidos componat“.—*Ibid.* X: „Qui feminam nobilem occiderit, DC solidos componat“.

его время, народъ у Саксовъ раздѣлялся на три сословія, которыя на ихъ языкѣ назывались *edelingi*, *frilingi* и *lassi*. Авторъ прибавляетъ, что первое изъ этихъ трехъ наименованій должно переводить по латыни словомъ *nobiles*; второе—означаетъ людей свободныхъ, третье—людей рабскаго происхожденія [1].

Этотъ агіографъ писалъ, правда, лишь въ началѣ X вѣка, но Нитгардъ выражался точно такъ же вѣкомъ раньше [2], а еще раньше Карлъ Великій, издавая капитулярій для Саксовъ въ 785 году, констатировалъ у нихъ три разряда личностей: *nobiles*, *ingenui* и *liti* [3]; онъ сохранилъ это неравенство и объявилъ, что за убійство «благороднаго по рожденію» будетъ взыскиваться сто двадцать солидовъ, за убійство «свободнорожденнаго»—шестьдесятъ, за убійство «лита»—тридцать [4].

[1] *Hucbald*, Vita Libuini (*Pertz*, Scriptores, t. II, p. 361): „In Saxonum gente, priscis temporibus, erat gens ipsa, sicut nunc usque consistit, ordine tripartito divisa; sunt ibi, qui illorum lingua edelingi sunt qui frilingi, sunt qui lassi dicuntur; quod in lingua latina sonat nobiles, ingenuiles, serviles".

[2] *Nithard*, Historiae, IV, 2: „Quae gens omnis in tribus ordinibus divisa consistit; sunt inter illos qui edlingi, sunt qui frilingi, sunt qui lazzi eorum lingua dicuntur".

[3] *Capitularia* ed. *Pertz*, t. I, p. 251, c. 15; ed. Boretius, p. 69: „Nobiles et ingenuos et litos".—Cap. 17: „Tam nobiles quam ingenui et liti".

[4] *Ibid*. cap. 19: „Si de nobili genere fuerit, CXX solidos; si ingenuus, LX; si litus, XXX". См. еще у Пертца, стр. 76 капитулярій 797 года.—Если можно вѣрить Адаму бременскому (*Pertz*, t. VII), знатные Саксы очень охраняли свое благородство, „generis ac nobilitatis suae curam habentes", воздерживались отъ неравныхъ браковъ: „id legibus firmatum est, ut nulla pars in copulandis coniugiis propriae sortis terminos transferat, sed nobilis nobilem ducat uxorem, et liber liberam". Руодольфъ (въ Translatio Alexandri) уже говорилъ это (*Pertz*, t. II, p. 673): „Generis ac nobilitatis suae providentissimam curam habentes".

Нельзя предположить, что эта знать образовалась въ VIII вѣкѣ. Какъ у Саксовъ, такъ и у Турринговъ и Баваровъ, она является остаткомъ знати болѣе древней, отмѣченной уже Тацитомъ. Первобытная Германія отнюдь не представляла собою демократическаго общества [1].

Нельзя сказать, какова была природа этой древней знати? Произошла ли она вслѣдствіе древняго завоеванія и представляла-ли собою потомковъ побѣдителей? Можно высказать такое предположеніе; но Тацитъ этого не говоритъ, и ни одинъ древній писатель, даже Іорданъ, не вспоминаетъ о такомъ завоеваніи. Тацитъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на расовое различіе въ составѣ германскихъ племенъ; онъ даже устраняетъ мысль о существованіи двухъ различныхъ расъ въ ихъ составѣ [2]. Происхожденіе германской знати затерялось въ древности и ускользаетъ отъ историка.

Классъ благородныхъ, конечно, привыкъ къ употребленію оружія и, вѣроятно,—къ предводительству на войнѣ, но простые свободные люди также сража-

[1] Не смотря на это, еще совсѣмъ недавно Фальбекъ (*Fahlbeck*, La royauté et le droit royal des Francs, p. 1—2) поддерживалъ слѣдующее мнѣніе: „Германское общество было вполнѣ демократически устроено. Въ политической жизни господствовало полнѣйшее равенство". Вся эта теорія является для нѣкоторыхъ умовъ необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ предвзятыхъ мыслей, съ которыми они приступаютъ къ изученію Германіи; они находятъ здѣсь или влагаютъ сюда свой личный идеалъ. Но такая теорія совершенно противорѣчитъ текстамъ.

[2] *Tacit*. Germania, 2.

лись; есть основаніе думать, что даже литы не были исключены изъ войска.

Возможно, кромѣ того, что этотъ классъ обладалъ также жреческими преимуществами. Положеніе сословій въ Германіи было не таково, какъ въ Галліи, гдѣ жрецы образовывали отличную отъ воиновъ группу [1]. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что Германцы охотнѣе всего, если не исключительно, избирали своихъ жрецовъ изъ числа членовъ благородныхъ семействъ. Впрочемъ, мы напрасно стали бы искать, каковы были организація, права и обязанности знати, такъ какъ у насъ нѣтъ данныхъ для разъясненія этихъ пунктовъ. Намъ неизвѣстно также, существовала ли связь между знатностью и владѣніемъ землею; мы, наконецъ, не знаемъ, находился ли народъ въ состояніи обязательной зависимости по отношенію къ классу благородныхъ. Все, что мы можемъ сдѣлать, это — констатировать существованіе знати.

Есть еще одинъ вопросъ, котораго мы не можемъ не задать себѣ: нельзя ли предположить, что указанная германская знать стала источникомъ или однимъ изъ источниковъ феодальнаго строя?

Ничто не позволяетъ намъ думать это. Прежде всего, не всякая знать является феодальною. По самому существу, феодальная аристократія представляетъ

[1] Если мы не ошибаемся, такъ именно слѣдуетъ толковать фразу Цезаря, De bello gallico, VI, 21: „Neque druides habent“. Цезарь, безъ сомнѣнія, не хочетъ сказать, что у Германцевъ не было жрецовъ; они существовали безспорно, и власть ихъ была очень сильна; см. *Tacit.* Germania, 7, 11. *Strabo*, VII, 1, 4; VII, 3, 5. *Ammian. Marcell.* XXVIII, 5, 14. Но они не составляли, какъ въ Галліи, корпораціи, стоявшей отдѣльно отъ народа и отъ всадническаго сословія.

собою такую аристократію, которая образуется въ силу возникновенія личныхъ связей между низшими и высшими, и которая предполагаетъ пожалованіе со стороны высшаго, и добровольно взятое на себя извѣстное обязательство — со стороны низшаго. Ни одна изъ этихъ чертъ не вскрывается въ томъ, что сообщаютъ намъ документы о древне-германской знати.

Кромѣ того, въ высшей степени трудно признать, чтобы эта знать могла явиться источникомъ феодальнаго строя въ Галліи, такъ какъ она не была перенесена въ эту страну Германцами. Въ Галлію вступили три народа—Бургунды, Вестготы и Франки. У Бургундовъ не было ни одной благородной фамиліи, у Вестготовъ и у Франковъ ихъ было только по одной. Затѣмъ у двухъ послѣднихъ племенъ обѣ благородныя фамиліи сдѣлались королевскими династіями. Такимъ образомъ, у нихъ болѣе не оставалось никакого благороднаго элемента. Поэтому дальше мы будемъ въ правѣ утверждать, что въ франкскомъ обществѣ никогда не было привилегированной родовой знати [1].

Знать была учрежденіемъ древней Германіи, учрежденіемъ, которое оказалось ослаблено междоусобными войнами [2] и уничтожено переселеніемъ. Въ римскомъ обществѣ было аристократическое сословіе. Обѣ знати, римская и германская, продолжали су-

[1] Салическая правда, такъ же какъ Тюрингскіе и Саксонскіе законы, не признаетъ благороднаго сословія. Она не устанавливаетъ никакого наслѣдственнаго различія между свободными людьми.

[2] Тацитъ подтверждаетъ это на примѣрѣ Херусковъ, уже въ его время: „Amissis per interna bella nobilibus“. Послѣдующія поколѣнія подвергались волненіямъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе сильнымъ, чѣмъ эти.

ществовать до эпохи нашествій, и нашествія способствовали исчезновенію обѣихъ.

Надобно только сказать, что германская знать не походила на ту, которую мы наблюдали въ римской Имперіи. Она скорѣе приближалась къ первобытной аристократіи древней Греціи и древняго Рима; она состояла изъ семействъ, которыя считали себя, происходящими отъ боговъ и облеченными священными свойствами. Древне-германскіе благородные, какъ римскіе патриціи и аѳинскіе эвпатриды, обладали, кажется, одновременно аттрибутами жрецовъ и военныхъ вождей.

Скандинавскія легенды, за неимѣніемъ легендъ чисто германскихъ, могутъ дать понятіе о такомъ древнемъ соціальномъ строѣ. Въ нихъ разсказывается, что само божество установило искони три неравныя касты людей. Сначала оно создало раба, чернокожаго съ мозолистыми руками и согнутою спиною; его назначеніемъ было «обрабатывать поля, добывать торфъ, смотрѣть за козами и свиньями». Потомъ оно сотворило человѣка свободнаго «съ блестящими глазами и смуглымъ цвѣтомъ лица», который умѣлъ «приручать воловъ, дѣлать соху, строить дома и житницы». Наконецъ, богъ породилъ благороднаго человѣка «съ румяными щеками и пронизывающимъ взглядомъ дракона»; онъ владѣлъ искусствомъ метать копье, гнуть луки и храбро гарцовать на конѣ; ему-то и отдана наслѣдственная собственность на поля и жилища предковъ; ему были также сообщены тайны рунъ, священныхъ обрядовъ и предсказаній по полету птицъ [1].

[1] *Saemund edda*, t. III, p. 173—190. Приведемъ здѣсь латинскій переводъ текста: „Infantem peperit Edda, cute nigricantem, vocaruntque thrael (servum); erat ei manuum cutis rugosa, digiti crassi, facies foeda, dorsum incurvum... Aggeres construxerunt, agros oblimarunt, circa sues occupabantur et cespites effodiebant. Inde ortae sunt servorum prosapiae.—Infantem peperit Amma... Vocarunt karl (virum) rufum et rubicundum... didicit boves domare, aratrum fabricari, domos aedificare, horrea struere; inde ortae sunt prosapiae colonorum.—Puerum peperit Modir... et nomen Iarl indiderunt; flavus erat capillus, lucidae genae, oculi acuti. Didicit hastam quatere, equis insidere, gladios distringere, runas illum Deus docuit; eum obtinere iussit hereditarios campos et antiquas habitationes... Calluit runas; didicit avium clangorem intelligere“.

4.

Государство у Германцевъ.

Приступая къ изученію древне-германскаго государственнаго строя, прежде всего слѣдуетъ опровергнуть весьма распространенную, но неправильную и противорѣчащую имѣющимся у насъ документамъ точку зрѣнія на этотъ вопросъ.

Когда мы говоримъ о «германскихъ племенахъ» мы должны представлять себѣ соціальную группу, о которой древніе народы не имѣли понятія. Слово «племя» въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы прилагаемъ его къ нецивилизованнымъ или полуцивилизованнымъ народамъ, вызываетъ въ нашемъ умѣ образъ совершенно первобытнаго, эмбріональнаго организма. Называя племя, мы имѣемъ въ виду лишь союзъ извѣстнаго числа семействъ одного и того же этнографическаго состава. Племя является обыкновенно малочисленнымъ и слабо сплоченнымъ тѣломъ, связаннымъ воедино лишь происхожденіемъ и самыми насущными потребностями. Ни одинъ древній авторъ, сообщая о Германцахъ, не употребляетъ ни этого слова, ни какого-нибудь описательнаго оборота рѣчи,

обозначающаго однородное понятіе. Только новѣйшіе ученые усвоили себѣ привычку говорить «германскія племена», какъ говорятъ «дикія племена». Древніе никогда не выражались подобнымъ образомъ. Цезарь и Тацитъ, говоря о Германіи, прибѣгаютъ къ двумъ терминамъ—*populi* и *civitates*[1]. «Populus» по латыни имѣетъ очень опредѣленный смыслъ «народа, организованнаго въ государство». «Civitas» означало государство въ собственномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, древніе Римляне, знавшіе Германію, повидимому, не считали, чтобы германское общество находилось въ истинно-первобытномъ состояніи; они не утверждаютъ, что у Германцевъ отсутствовала вполнѣ всякая социальная организація, или даже что она была у нихъ слабо развита. Они видѣли въ Германіи—народы и государства.

Эти народы и государства казались имъ даже значительными. По числу людей, входившихъ въ ихъ составъ, они сильно превосходили многія древнія греческія и италійскія общины. Одни изъ такихъ народовъ, какъ Бруктеры, могли выставить до 60,000 воиновъ[2]. Другіе—Херуски, Хавки, Маркоманны были еще болѣе многочисленны.

Тацитъ перечисляетъ всѣ германскіе народцы. Въ области Рейна находились Батавы, Хатты, Тенктеры, Бруктеры, Хамавы, Ангриваріи. Позади этой первой линіи располагались Фризы, Хавки, занимавшіе область отъ береговъ Сѣвернаго моря до Герцинійскаго лѣса, и Херуски, захватившіе почти весь бассейнъ Везера.

[1] *Caesar*, IV, 6; V, 55; VI, 23: „Civitates Germanorum". Тацитъ употребляетъ слова: *gentes*, *civitates*, *populi*, *nationes*. Страбонъ говоритъ—ἔθνη.

[2] *Tacit.* Germania, 33.

Въ южной части страны, отъ теченія Дуная до Богемскихъ горъ и до русла Эльбы, жило большое племя Свевовъ, заключавшее въ себѣ нѣсколько крупныхъ народцевъ—Семноновъ, Лонгобардовъ, Ревдигновъ, Авіоновъ, Англовъ, Вариновъ, Евдозовъ, Свардоновъ, Нуитоновъ, Гермундуровъ, Норисковъ, Маркоманновъ, Квадовъ. Еще дальше къ востоку обитали Готины, Озы, Буры, могущественная группа Лигіевъ, а поднимаясь выше къ Балтійскому морю можно было встрѣтить Готоновъ, Ругіевъ, Лемовіевъ, Свіоновъ, за которыми уже начиналась область кочевыхъ Сарматовъ[1]. На указанномъ пространствѣ, превосходившемъ величиною Галлію, можно было насчитать такимъ образомъ десятка четыре народцевъ, и мы не должны представлять себѣ эти народцы малочисленными и свободно передвигавшимися съ мѣста на мѣсто въ означенныхъ обширныхъ предѣлахъ: «Они не только занимаютъ землю, говоритъ Тацитъ, они ее заполняютъ»[2]. За исключеніемъ нѣсколькихъ большихъ лѣсовъ, остававшихся еще непроходимыми, въ Германіи, насколько она была извѣстна Тациту, не было пустовавшихъ полосъ. Факты показываютъ, что перечисленные народы такъ тѣсно соприкасались другъ съ другомъ, что постоянно воевали, оспаривая одинъ у другого какую-нибудь луговину, или мѣсто, богатое солью, или право владѣнія водами какой-нибудь рѣки.

[1] Относительно географіи Германіи и относительно того, что можно прибавить къ указаніямъ Тацита см. *Zeller*, Histoire d'Allemagne, liv. I, c. 1; 2.

[2] Тацитъ, c. 35, говоритъ это о Хавкахъ: „Tam immensum terrarum spatium non tenent modo, sed et implent"; онъ нигдѣ не упоминаетъ о тѣхъ обширныхъ пространствахъ, которыми, если вѣрить Цезарю, германскіе народы любили окружать себя.

Государство у древнихъ Германцевъ, какъ и у Галловъ до Цезаря, представляло большое организованное тѣло. Оно составлялось изъ нѣсколькихъ группъ; каждая изъ послѣднихъ жила своею самостоятельною жизнью; римскіе историки называли такія части—волостями, *pagi*. Каждая изъ нихъ подраздѣлялась въ свою очередь на села, *vici*. Послѣднія, представлявшія чаще всего обиталище одной большой разросшейся семьи, окруженной многочисленными слугами, управлялись, обыкновенно, собственнымъ главою; волость, повидимому, вездѣ управлялась собраніемъ сельскихъ вождей; государство (или народецъ) обладало особымъ центральнымъ управленіемъ, организація котораго описана Тацитомъ.

Нѣкоторые ученые иногда изображали Гермацевъ совершенно свободными народами, которымъ было незнакомо подчиненіе, и которые не выносили покорности. Древніе историки не представляютъ ихъ такими; самъ Тацитъ остерегается подобныхъ преувеличеній. Онъ часто говоритъ о вольнолюбивомъ духѣ Германцевъ, но хорошо извѣстно, что, по его мнѣнію, свобода вполнѣ совмѣстима съ монархическимъ строемъ.

Такой именно порядокъ, кажется, въ дѣйствительности и былъ самымъ распространеннымъ у древнихъ Германцевъ. Тацитъ указываетъ на существованіе у нихъ королевскихъ династій. «Маркоманны и Квады, говоритъ онъ, до нашего времени имѣютъ своихъ особыхъ королей, происходящихъ отъ благородной фамиліи Марбода и Тудера» [1]. Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ Готоновъ, «которые находятся подъ властью

[1] *Tacit.* Germania, 42.

королей» [1]. Онъ называетъ еще два другіе народца, «которые питаютъ къ своимъ королямъ чрезвычайное почтеніе». Онъ говоритъ о Свіонахъ, подчиненныхъ самой деспотической монархіи, какую только можно вообразить [2]. О всѣхъ Германцахъ онъ сообщаетъ, «что они берутъ себѣ королей изъ самыхъ знатныхъ фамилій» [3]. Онъ называетъ Херусковъ, у которыхъ существовалъ опредѣленный королевскій родъ [4]. Повсюду авторъ изображаетъ у Германцевъ королей или, по крайней мѣрѣ, вождей, которыхъ именуетъ государями. Что же касается ежегодно избиравшихся будто бы должностныхъ лицъ, простыхъ представителей свободной группы, то онъ никогда не обнаруживаетъ ихъ существованія. Писатели, жившіе послѣ него — Діонъ Кассій, Амміанъ Марцеллинъ, Іорданъ безпрестанно го-

[1] *Ibid,* 43: „Gothones regnantur".—Тацитъ не изображаетъ ихъ монархическаго устройства въ видѣ факта исключительнаго: онъ говоритъ только, что у Готоновъ королевская власть болѣе существенна, чѣмъ у другихъ Германцевъ: „Regnantur paullo adductius, quam ceterae Germanorum gentes".

[2] См. всю 44 главу „Германіи".

[3] *Tacit.* Germania, 7: „Reges ex nobilitate sumunt".—Нѣкоторые толкователи думали, что эти слова указываютъ на избирательную королевскую власть; это сомнительно: слово „sumere" не выражаетъ на латинскомъ языкѣ понятія избранія. Тацитъ вовсе не говоритъ, что у Германцевъ существовалъ обычай избирать своихъ королей; онъ указываетъ только, что королевская власть иногда оспаривалась различными претендентами, и наиболѣе сильныя группы вручали власть попеременно то тому, то другому королю. Слѣдуетъ остерегаться, какъ бы не принять исключительные факты за правильное учрежденіе. Изъ такой картины видно, что авторъ рисуетъ королевскую власть наслѣдственною; по крайней мѣрѣ, она не должна была выходить изъ круга извѣстныхъ семействъ.

[4] *Tacit.* Annales, 6: „Uno relicto stirpis regiae". У Батавовъ также была королевская фамилія (Histor. IV, 13).

ворятъ о короляхъ, стоявшихъ во главѣ германскихъ народцевъ, и ни одинъ изъ нихъ не описываетъ у нихъ ничего похожаго на республиканскія учрежденія [1]. Эта королевская власть, правда, почти никогда не являлась неограниченною, такъ какъ въ древне-германскихъ народцахъ существовали двѣ силы, соперничавшія съ королемъ. Это было, съ одной стороны, жречество, пользовавшееся большимъ почтеніемъ легковѣрнаго населенія и имѣвшее въ своихъ рукахъ даже судебныя функціи [2]; съ другой—низшіе начальники, главари волостей, или вожди дружинныхъ группъ; одни изъ послѣднихъ были «начальниками по праву рожденія» [3], другіе—дѣлались ими потому, что умѣли привлекать къ себѣ множе-

[1] У Бруктеровъ былъ король во времена Траяна (*Plin.* Epistolae, II, 7).—Во времена Марка Аврелія у одного германскаго народца королемъ былъ двѣнадцатилѣтній ребенокъ (*Dio Cass.* LXXI, 11, 13, 16, 20; LXXVII, 20).—Королевская власть существовала у Квадовъ (*Capitol.* Marcus, 14).—Аламанны имѣли въ 354 г. королей; существовали даже королевскіе знаки отличія: „Eius vertici flammeus torulus aptabatur“ (*Ammian.* XVI, 12, 24).—Вопискъ упоминаетъ о короляхъ (*Vopiscus*, Probus, 14); ср. *Zosim.* I, 67.—У Франковъ были короли во времена Максиміана (*Mamert.* Panegyr. III, 5.—*Eumen.* Ibid. VII, 10).—Аммiанъ говоритъ о короляхъ у Бургундовъ, Аламанновъ, Квадовъ, и въ 374 году у Франковъ (XXVIII, 5; XXIX, 6; XXX, 3). Iорданъ даетъ полную генеалогію готской королевской фамиліи.—Кромѣ того, не слѣдуетъ думать что королевская власть была тогда учрежденіемъ новымъ въ Германіи. Во главѣ Кимвровъ и Тевтоновъ уже стояли короли. Страбонъ говоритъ о короляхъ у Гетовъ (VII, 3, 6 и 8); Геродотъ указываетъ на нихъ уже у древнихъ Киммерійцевъ (IV, 11), и эта королевская власть всегда была наслѣдственною.

[2] *Tacit.* Germania, 7 и 11.

[3] *Ibid.* 13: „Insignis nobilitas principis dignationem etiam adolescentulis assignat“.

ство кліентовъ и товарищей-воиновъ, которые оставались связаны съ ними даже во время мира [1]. Понятно, что въ обществѣ, организованномъ подобнымъ образомъ, королевская власть должна была обладать не очень большою силою. Жречество и указанная аристократія дружинныхъ вождей оказывались могущественнѣе королей [2].

У каждаго народца существовали еще общія собранія, которыя бывали двухъ родовъ. Такъ какъ король, очевидно, не могъ ничего предпринять безъ согласія жрецовъ, располагавшихъ ауспиціями, и дружинныхъ главарей, располагавшихъ воинскою силою, то онъ долженъ былъ совѣщаться относительно всѣхъ своихъ мѣропріятій съ ними и могъ управлять, лишь приноравливаясь къ ихъ желаніямъ. Такимъ образомъ, вокругъ королей группировался прежде всего родъ аристократическаго совѣта, довольно схожаго съ тѣмъ, который традиція рисуетъ намъ и вокругъ древнихъ царей Рима и Греціи [3].

Кромѣ того у Германцевъ, какъ и въ гражданскихъ общинахъ античнаго міра существовали собранія всѣхъ свободныхъ людей (народныя вѣча); безъ согласія такого общаго собранія не могъ быть уста-

[1] *Ibid.* 13: „Haec dignitas, hae vires, magno semper iuvenum globo circumdari, in pace decus, in bello praesidium“.—Мы возвратимся спеціально къ подробному описанію дружиннаго быта и кліентовъ у древнихъ Германцевъ въ V томѣ настоящаго сочиненія.

[2] Кажется, у многихъ германскихъ народцевъ на ряду съ королемъ и нѣкоторымъ образомъ раздѣляя съ нимъ власть, стоялъ великій жрецъ. Страбонъ упоминаетъ такого великаго жреца у Хаттовъ (VII, 1, 4) и у Гетовъ (VII, 3, 5). Аммiанъ отмѣчаетъ его существованіе у Бургундовъ (XXVIII, 5).

[3] *Tacit.* Germania, 11: „Principes consultant“.

новленъ ни одинъ законъ, не могла быть предпринята ни одна война. [1] Однако, чтобы составить себѣ правильное понятіе о томъ, какое значеніе принадлежало этимъ собраніямъ, и насколько они обезпечивали общественную свободу, необходимо было бы знать въ подробностяхъ, какимъ образомъ они пользовались своими правами и, въ особенности, какимъ образомъ производилась тамъ подача голосовъ. Тацитъ не объясняетъ, какъ совершались на нихъ избранія начальниковъ, и какъ вѣча обсуждали какія-нибудь общія мѣропріятія. Онъ ограничивается указаніемъ, что туда созывались всѣ воины, и что подъ этими воинами мы должны разумѣть тѣхъ, кто не былъ ни рабомъ, ни зависимымъ земледѣльцемъ, ни литомъ, кто былъ допущенъ въ составъ полноправныхъ членовъ народа, и кому разрѣшалось носить оружіе. Онъ прибавляетъ, что для собраній не назначалось опредѣленныхъ дней, а открывались они тогда, когда сходилось достаточно народа. Онъ еще отмѣчаетъ, что Германцы неохотно являлись на собранія, что они считали своимъ правомъ свободно опаздывать на нихъ; можно было бы думать, что дѣло шло здѣсь скорѣе о тяжкой повинности, чѣмъ о драгоцѣнномъ правѣ. Разъ собравшись на вѣче, они попадали подъ суровое предсѣдательство одного изъ жрецовъ и молча слушали предложенія короля или вождей [2]. Наконецъ, они не подавали голосовъ и могли отвѣчать на сдѣланныя имъ предложенія лишь ропотомъ, когда желали отвергнуть послѣднее, или

[1] *Tacit.* Germania, 11: „De maioribus rebus consultant omnes“.

[2] *Ibidem*: „Silentium per sacerdotes, quibus et coercendi ius est, imperatur. Rex vel princeps... audiuntur... Si displicuit sententia, fremitu aspernantur; si placuit, frameas concutiunt“.

бряцаніемъ оружія, если они хотѣли его принять. Вотъ и все, что намъ извѣстно объ общихъ собраніяхъ германскихъ народцевъ; но это очень характерныя черты: отсутствіе правильной подачи голосовъ и полное лишеніе ихъ участниковъ всякой инціативы достаточно отмѣчаетъ разницу между вѣчевыми собраніями германскихъ народцевъ и организаціею комицій Греціи и Рима. Очевидно, что подобныя собранія должны были пользоваться очень небольшою самостоятельностью и оказывать мало вліянія на ходъ жизни. Они скорѣе подтверждали волю вождей, чѣмъ пытались выразить свою собственную. Тацитъ дѣйствительно очень ясно говоритъ, что фактически дѣла разрѣшались между королемъ и волостными начальниками [1]. Мы должны слѣдовательно представлять себѣ составъ такихъ собраній всегда распадающимся на двѣ совершенно отдѣльныя группы: толпа воиновъ сходилась въ равнинѣ; подъ навѣсомъ, или на возвышеніи помѣщался король, окруженный жрецами, вождями и всею знатью. Малочисленный совѣтъ изъ высшихъ представителей народца обсуждалъ вопросы за нѣсколько дней впередъ, и когда, наконецъ, созывалось большое собраніе, то ему оставалось только выразить одобреніе или неодобреніе тому, что объявляли вожди.

[1] *Tacit.* Germania, 11: „Ita tamen, ut eo quoque quorum penes plebem arbitrium est, apud principes pertractentur“. Жеффруа (Rome et les barbares, p. 214) совершенно справедливо замѣчаетъ, что эти не избиравшіеся *principes*, не могли представлять собою даже тѣни представительнаго правленія. Аммiанъ (XXX, 6) объясняетъ мысль Тацита, говоря, что у Квадовъ, управлявшихся королями, все должно было рѣшаться „ex communi procerum mente“.

Въ наукѣ высказывалось предположеніе, что территорія каждаго германскаго народца дѣлилась на нѣсколько волостей, причемъ начальники этихъ волостей избирались населеніемъ, но такое предположеніе не опирается ни на одинъ опредѣленный текстъ въ источникахъ[1]. Все заставляетъ думать, что каждое германское государство раздѣлялось на нѣсколько группъ, и что эти группы имѣли своихъ правителей, своихъ маленькихъ королей, какъ все государство— верховнаго общаго короля. Амміанъ Марцеллинъ отмѣчаетъ, дѣйствительно, іерархію вождей, изъ которыхъ однихъ онъ называетъ *reges*, другихъ *reguli*. Онъ перечисляетъ высокихъ особъ одного германскаго народа слѣдующимъ образомъ: король (*rex*), вице-король (*subregulus*), вельможи (*optimates*), и, наконецъ, «начальники, которые управляютъ различными подраздѣленіями народа» [2].

[1] Ссылались на фразу Тацита: „Eliguntur principes, qui iura per pagos reddant“ (Germ. 12); но ее надо разобрать ближе и въ ея контекстѣ. Тацитъ не говоритъ, что въ каждомъ *pagus* вождь выбирался его населеніемъ; онъ говоритъ нѣчто совершенно иное, а именно, что въ общемъ собраніи государства или народца („in iisdem conciliis“) избирались вожди, которые воздавали правосудіе въ различныхъ областяхъ. То, что мы обнаружили относительно собраній, достаточно указываетъ, какимъ образомъ эти вожди могли избираться; вѣроятно, они избирались другими вождями на предварительныхъ сходкахъ послѣднихъ. Это мѣсто Тацита хорошо выясняетъ также то, что судьями были *principes*, то-есть, благородные и вожди. Ср. *Germ.* 13: „Principis dignationem adolescentulis nobilitas assignat“. Отъ этого очень далеко до теоріи объ избирательныхъ „графахъ“, теоріи, созданной учеными германистами помимо всякихъ документальныхъ основаній.

[2] *Ammian.* XVIII, 2, 15: „Reges omnes et reguli“.—XVII, 12, 21: „Regalis Vitrodorus, Viduari filius regis, et Agilimundus subregulus, aliique optimates, et iudices variis populis praesedentes“. Ср. XXVII, 5.—Діонъ Кассій (LXXI, 16) также упоминаетъ о первомъ королѣ, затѣмъ о второмъ и о нѣсколькихъ знатныхъ.

Германскій народецъ, взятый въ цѣломъ, не всегда управлялся монархомъ, стоявшимъ во главѣ его. Общаго верховнаго короля у него иногда не было, и власть находилась въ рукахъ областныхъ начальниковъ, такъ сказать, королей второго разряда. Они сообща обсуждали общія дѣла, и каждый царствовалъ на своей маленькой территоріи. Изъ этого слѣдуетъ, что общее управленіе у такихъ народцевъ принимало республиканскій характеръ въ то время, какъ мѣстное, въ волостяхъ, являлось монархическимъ. Королевская власть тогда отсутствовала въ центрѣ, но она была разсѣяна повсюду [1].

Право отправлять правосудіе принадлежало тѣмъ, кто въ той или иной степени пользовался властью [2]. Относительно этой важной стороны древне-германскихъ учрежденій намъ извѣстно только то, что заключается въ одной главѣ тацитовой Германіи. Эту послѣднюю слѣдуетъ разсмотрѣть поближе, такъ какъ изъ нея выводились преувеличенныя заключенія «Самыя тяжелыя преступленія, влекущія за собою наказаніе смертью, судятся передъ общимъ собраніемъ. Для суда же надъ меньшими проступками и частными тяжбами по обычаю въ этихъ самыхъ собраніяхъ из-

[1] Таковъ смыслъ словъ Цезаря, прилагающихся, впрочемъ, лишь къ одной части Свевовъ: „Principes regionum atque pagorum inter suos ius dicunt“ (VI, 23). Замѣтимъ, что слова *„ius dicere“* въ устахъ Римлянина, привыкшаго соединять неразрывно судебную и политическую власть, означало нѣчто большее, чѣмъ простое право производить судъ.

[2] Ср. *Fustel de Coulanges*, De la justice chez les anciens Germains въ „Recherches sur quelques problèmes d'histoire“, p. 361.

бираются особые начальники, которые должны объѣзжать волости и села. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ осѣдлости эти судьи останавливаются и открываютъ свои разбирательства. Они производятъ судъ въ присутствіи сотни взятыхъ изъ народа людей» [1]. Интересно знать, каковы были права этого начальника—судьи и этихъ ста мѣстныхъ жителей — засѣдателей, окружавшихъ его. Былъ-ли это «большой судъ присяжныхъ», аналогичный англійскому «grand jury»? Или это былъ трибуналъ, лишь предсѣдательствуемый вождемъ и судившій безапелляціонно? Всѣ подобныя предположенія высказывались въ наукѣ, но Тацитъ ограничивается замѣчаніемъ, что эти люди держали себя, какъ совѣтники около творившаго правосудіе вождя [2].

Смертная казнь была небезызвѣстна древнимъ Германцамъ. Ею карались преступленія противъ государства, хотя бы въ видѣ трусости на войнѣ. Смертные приговоры произносились устами жрецовъ, и виновный, согласно общему всѣмъ первобытнымъ народамъ обычаю, слѣды котораго сохраняются и въ древнемъ римскомъ правѣ, приносился въ жертву богамъ [3].

Что касается преступленій противъ частныхъ лицъ, то ни государство, ни религія не вмѣшивались въ наказаніе ихъ. Потерпѣвшей семьѣ предоставлялось преслѣдовать ихъ местью. Сынъ убитаго могъ по своему выбору отплатить смертью за смерть, или заключить съ убійцею сдѣлку и получить отъ него выкупъ. Та-

[1] *Tacit.* Germania, 12: „Centeni singulis ex plebe comites“. Замѣтимъ, что слово *plebs* можетъ обозначать лишь *ingenui*, т. е. второй изъ четырехъ названныхъ выше классовъ германскаго общества.

[2] *Ibidem*: „Consilium simul et auctoritas adsunt“.

[3] *Ibid.* 7, 12.

кой способъ расплаты за преступленіе практиковался не у однихъ Германцевъ; онъ присущъ первобытному праву вообще, его можно усмотрѣть и въ древнемъ греческомъ законодательствѣ. Въ Аѳинахъ также, какъ и въ Германіи право мстить за преступленіе принадлежало каждой семьѣ, у которой былъ умерщвленъ кто-либо изъ ея членовъ, и каждая изъ нихъ могла всегда воспользоваться также правомъ вступить съ виновнымъ въ договоръ и получить съ него «пеню за убійство» [1].

[1] У Гарпократіона читаемъ: „Ὑποφόνια τὰ ἐπὶ φόνῳ διδόμενα χρήματα τοῖς οἰκείοις τοῦ φονευθέντος, ἵνα μὴ ἐπεξίωσιν“. Сблизьте съ этимъ два текста Демосѳена, изъ которыхъ одинъ отмѣчаетъ, что семья потерпѣвшаго одна была уполномочена преслѣдовать виновнаго, и что она могла вступать съ нимъ въ сдѣлку (рѣчь противъ Навзимаха, 22); другой—указываетъ, что семья убійцы была отвѣтственна за убійство передъ семьей убитаго (рѣчь противъ Аристократа, 82—84). Это—остатки древняго уголовнаго права, очень похожаго на древнее право Германцевъ. Древній обычай мировой сдѣлки за убійство отмѣченъ въ Иліадѣ; въ XVIII пѣснѣ (ст. 498—500) изображаются двое людей, явившіеся предъ судомъ по поводу виры, относительно которой одинъ изъ нихъ утверждаетъ, что она уплачена имъ, другой отрицаетъ полученіе ея. Вира называется „ποινὴ ἀνδρὸς ἀποφθιμένου“. Точно также у Геродота (II, 134) плата за человѣческую жизнь называется „ποινὴ τῆς ψυχῆς“. — Тотъ же самый обычай, кажется, существовалъ въ очень древнемъ правѣ Италіи; можетъ быть, такъ слѣдуетъ понимать мѣсто Цицерона, De republica, II, 9: „Multae dictione ovium et boum non vi et suppliciis coercebat“. Достовѣрно то, что слово *poena* означало сначала извѣстный вѣсъ мѣди: „Viginti quinque poenas in XII tabulis significat viginti quinque asses“ (*Festus*, ed. Müller, p. 371); оно употреблялось для обозначенія цѣны, вознагражденія, виры: поэтому говорили: „poenas dare“—заплатить цѣну преступленія; „poenas expetere“—требовать уплаты этой цѣны; „poenas domestici sanguinis expetere, poenas hominis persequi“—домогаться уплаты виры за убійство человѣка, за кровь родича.

5.

Уровень цивилизаціи древней Германіи.

Резюмировавъ всѣ достовѣрныя свѣдѣнія о соціальномъ и политическомъ строѣ первобытной Германіи, какія доставляютъ намъ тексты, мы должны теперь бросить общій взглядъ на характеръ быта того міра, который Римляне называли этимъ именемъ, ознакомиться съ народами, жившими въ его предѣлахъ, съ ихъ племенными особенностями и степенью цивилизаціи, достигнутой ими къ началу христіанской эры.

Границею римской Имперіи со стороны Галліи былъ Рейнъ. По ту сторону этой рѣки жило много различныхъ народцевъ, которыхъ трудно было бы обозначить однимъ общимъ именемъ. Обитатели Имперіи, не извѣстно на какихъ основаніяхъ, привыкли называть ихъ Германцами [1]; но сами они не именовали себя такъ. Названіе Тевтоновъ, сдѣлавшееся весьма употребительнымъ впослѣдствіи, принадлежало, собственно, лишь меньшей ихъ части. Не сохраняется ни

1 Тацитъ (Germania, c. 2) говоритъ, что слово *Germani* возникло въ сравнительно позднюю эпоху—„vocabulum recens et nuper additum“. Это былъ родъ военнаго прозванія, „ob metum“—нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ этническое имя. Кажется, это слово было болѣе употребительнымъ въ устахъ Римлянъ, чѣмъ самихъ Германцевъ. Нельзя сказать съ совершенною увѣренностью, что населеніе Германіи когда бы то ни было усвоило его: ни одинъ изъ народцевъ, которые позже завладѣли Имперіею, не носилъ этого имени.—Въ V и въ VI вѣкахъ, когда Германцы хотѣли обозначить себя однимъ общимъ наименованіемъ, они не знали другого имени, кромѣ *barbari*; Вестготы и Бургунды называютъ такимъ образомъ даже въ самыхъ своихъ сводахъ всѣхъ людей ихъ расы.

единаго достовѣрнаго указанія, которое позволило бы думать, что у этихъ народцевъ существовало какое бы то ни было общее имя.

Происходило это оттого, что они не образовывали одного національнаго цѣлаго. Между ними не установилось никакого національнаго или государственнаго единства, не было даже постояннаго союза между народцами. Страна была заселена приблизительно четырьмя десятками группъ, совершенно независимыхъ и ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ; часто народцы эти вели между собою войны, оспаривая одинъ у другого землю.

Племена, которыхъ мы будемъ называть условнымъ именемъ Германцевъ, принадлежали къ той же самой расѣ, что и другіе европейскіе народы. Ихъ предки, какъ и предки Галловъ, Италійцевъ, Эллиновъ, пришли изъ центральной Азіи и представляли собою часть великой индо-европейской семьи. Названныя четыре группы народовъ, сдѣлавшіяся съ теченіемъ вѣковъ такими отличными другъ отъ друга, имѣли одно происхожденіе и долго походили одна на другую. Онѣ вынесли изъ своей общей колыбели общую основу вѣрованій, языка, мыслей, соціальныхъ учрежденій; только одни народы, вышедшіе изъ ихъ числа, получивъ отдѣльное существованіе, прогрессировали быстро, другіе — медленно. Сначала Эллины, потомъ Италійцы и наконецъ Галлы, увеличили культурною работою свои интеллектуальныя силы; Германцы, наоборотъ, не могли совершить тѣхъ же успѣховъ, благодаря суровому климату и неблагопріятной почвѣ своей страны, покрытой лѣсами и болотами. Поэтому они еще находились въ изучаемое время на той же или

почти той же ступени цивилизаціи, на которой вся семья стояла десять вѣковъ тому назадъ [1].

Религія у Германцевъ оставалась та же, что и въ первыя времена существованія всей расы [2]; они поклонялись тѣмъ богамъ, которыхъ обоготворяло самое древнее населеніе Греціи и Италіи: свѣтящему солнцу, землѣ, доставляющей пропитаніе, мечу, наносящему смертельные удары [3]. Чѣмъ грубѣе были вѣрованія и неопредѣленнѣе ученіе, тѣмъ больше власти имѣли жрецы. «У Семноновъ, говоритъ Тацитъ, царствуетъ божество; все ему покорно и послушно» [4].—«Жрецы, сообщаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, имѣютъ власть заковывать въ цѣпи и карать смертью».—«Они предсѣдательствуютъ на общихъ собраніяхъ и имѣютъ право налагать кары». Однимъ

[1] Ни одинъ древній писатель не видѣлъ въ Германцахъ особой расы. Географъ Страбонъ (IV, 4, 2) не замѣчалъ разницы между Галлами и Германцами: „По своей физической природѣ и по своимъ государственнымъ порядкамъ, говоритъ онъ, они походятъ другъ на друга, являются какъ бы братьями". (*Strabo*, IV, 4, 2).—„У Германцевъ такая же внѣшность и такой же образъ жизни, что и у Галловъ" (*Ibidem*, VII, 1, 2). Императоръ Юліанъ говорилъ также, что Франки и Саксы имѣютъ общее происхожденіе съ Галлами (*Panegyr. I Constantio*, c. 30). Діонъ Кассій обозначаетъ всегда Германцевъ не иначе, какъ именемъ Кельтовъ.—Этнографическія отличія, преувеличенныя новѣйшими учеными, не замѣчались древними.

[2] О религіи Германцевъ см. въ книгѣ *Geffroy*, „Rome et les barbares", соотвѣтствующую главу, которая даетъ достаточное понятіе о данномъ предметѣ.

[3] *Ammian.* XVII, 12, 21: „Mucrones pro numinibus colunt". Тотъ же обычай существовалъ у Грековъ; см. *Maury*, Religions de la Grèce, t. I, p. 124.

[4] *Tacit.* Germania, 39: „Regnator omnium deus; cetera subiecta et parentia".

изъ самыхъ суровыхъ наказаній являлось нѣчто въ родѣ отлученія, запрещавшее человѣку присутствовать при совершеніи религіозныхъ обрядовъ [1]. Обычай человѣческихъ жертвоприношеній еще не исчезъ у Германцевъ [2]. У нихъ, какъ у Римлянъ и Грековъ, были очень въ ходу гаданія [3]; пророчицы пользовались у нихъ такимъ же уваженіемъ, какъ въ Додонѣ и въ Дельфахъ [4]. Впрочемъ, у нихъ и храмовъ было не больше, чѣмъ у Италійцевъ во времена Евандра, и ихъ идолы представляли собою такіе же безформенные предметы, какъ идолы самыхъ древнихъ Грековъ [5]. Объ искусствѣ они не имѣли рѣшительно никакого понятія.

Семья у Германцевъ была организована такъ же, какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ той же расы [6]. Древній римскій *gens* (γένος) находитъ въ Германіи аналогичную родовую группу. Германская семья была обширною и тѣсно сплоченною единицею [7]; въ нее вхо-

[1] *Ibid.* 6: „Nec sacris adesse ignominioso". То же наказаніе существовало у Галловъ (*Caesar*, VI, 13). Ср. ἀτιμία Грековъ, представлявшую собою отрѣшеніе одновременно и отъ политическихъ, и отъ религіозныхъ правъ.

[2] *Tacit.* Germania, 9: Certis diebus humanis quoque hostiis litare fas habent".

[3] *Ibid.* 10: „Auspicia sortesque, ut qui maxime, observant".

[4] *Tacit.* c. 9.—Ср. *Caesar*, I, 50.—*Strabo*, VII, 2.

[5] *Tacit.* c. 9: „Deos non in ullam humani oris speciem assimulare". Историкъ не хочетъ этимъ сказать, что у Германцевъ не было изображеній боговъ.

[6] О германской семьѣ см. болѣе распространенный этюдъ въ „Recherches sur quelques problèmes d'histoire".

[7] Это именно означаютъ слова Цезаря (VI, 22): „Gentibus cognationibusque hominum". Ср. *familiae* и *propinquitates*, о которыхъ говоритъ Тацитъ. См. Germania, 7 и Annales, I, 57: „Segestes magna cum propinquorum... manu".

дили свободные люди, кліенты, дружинники, литы и рабы. Она образовывала тѣло до такой степени нераздѣльное, что являлась предъ судомъ вся въ полномъ составѣ и отвѣчала солидарно вся за долги и проступки каждаго изъ своихъ членовъ; даже на войну она выступала отдѣльнымъ отрядомъ [1]. Она была подчинена своему главарю, который сохранялъ у Германцевъ почти всю ту власть, какая принадлежала родовладыкѣ въ первыя времена Рима и Греціи [2].

Германцы попеременно то несправедливо унижались учеными, то безмѣрно превозносились ими. Правда находится между этими двумя крайностями. Они не были дикарями и нисколько не походили на племена американскихъ или австралійскихъ туземцевъ. Географъ Страбонъ, писавшій пятьдесятъ лѣтъ послѣ Цезаря въ эпоху, когда римскіе купцы посѣщали Германію, и когда много Германцевъ жило въ Римѣ, говоритъ, что ихъ народы въ его время стояли на томъ же уровнѣ развитія, на какомъ находились Галлы до римскаго завоеванія: «Галлы и Германцы походятъ другъ на друга въ физическомъ и политическомъ отношеніяхъ; они ведутъ одинаковый образъ жизни и имѣютъ одинаковыя учрежденія» [3].

Они не были кочевниками: ни одно изъ племенъ индоевропейской расы не чувствовало склонности къ бродячей жизни. Тацитъ, сообщающій всѣ бытовыя черты,

[1] *Tacit.* Germania, 7: „Nec fortuita conglobatio turmam aui cuneum facit, sed familiae et propinquitates“.

[2] См. *Geffroy*, Rome et les barbares, p. 195.

[3] *Strabo*, IV, 4, 2: „Τῇ φύσει καὶ τοῖς πολιτεύμασι ἐμφερεῖς εἰσι καὶ συγγενεῖς ἀλλήλοις“.—VII, 1, 2: „Γερμανοὶ μικρὸν ἐξαλλάττοντες τοῦ Κελτικοῦ φύλου... παραπλήσιοι δὲ καὶ μορφαῖς καὶ ἤθεσι καὶ βίοις“.

поразившія его у Германцевъ, не отмѣчаетъ ни одной, которая служила бы отличительнымъ признакомъ исключительно охотничьяго или пастушескаго народа. Онъ никогда не изображаетъ ихъ такими, какъ Геродотъ Скиѳовъ, или такими, какими позднѣе оказались Гунны. Онъ отличаетъ ихъ отъ Сарматовъ въ особенности въ томъ отношеніи, что послѣдніе живутъ въ кибиткахъ, тогда какъ Германцы строятъ себѣ дома [1]. Онъ настолько далекъ отъ мысли считать ихъ кочевниками, что говоритъ о нихъ, какъ объ исконныхъ обитателяхъ страны. Онъ думаетъ, что эти народцы населяютъ ее съ незапамятныхъ временъ, и весьма вѣроятно, что Германцы къ эпохѣ Тацита утратили воспоминаніе о своихъ древнихъ переселеніяхъ.

Германцы были землевладѣльцами [2] и любили землю они крѣпко сидѣли на землѣ и покидали ее лишь въ томъ случаѣ, когда ихъ вытѣсняли другіе народы [3]. Они обрабатывали ее настолько хорошо, насколько могли это дѣлать еще мало искусные люди, и питались хлѣбомъ, добываемымъ собственнымъ трудомъ [4]. Они не жили ни въ палаткахъ, ни

[1] *Tacit.* Germania, 46.

[2] См. въ книгѣ *Fustel de Coulanges*, Recherches sur quelques problèmes d'histoire“ (P. 1885) спеціальное изслѣдованіе — „Les Germains connaissaient-ils la propriété des terres?“ (гл. 1).

[3] Это вытекаетъ изъ всей книги Тацита, и въ частности изъ того, что онъ говоритъ о Хавкахъ и Херускахъ (гл. 35 и 36).—Тѣмъ не менѣе справедливо прибавить, что перемѣщенія происходили у нихъ часто. Такъ какъ у Германцевъ не было городовъ, то они легко отступали передъ всякимъ народомъ, который казался имъ болѣе сильнымъ, чѣмъ они (См. *Caesar*, IV, 1).

[4] *Tacit.* Germania, 15: „Agrorum cura“; 25: „Humor ex hordeo aut frumento“; 25: „Frumenti modum dominus iniungit“; 26: „Se-

въ кибиткахъ, ни въ шалашахъ, а строили дома, сельскія усадьбы, деревни, даже укрѣпленныя поселенія [1]; но у нихъ еще не было городовъ.

Если сопоставляешь какіе-нибудь два народа въ одну и ту же эпоху, часто поражаешься различіемъ ихъ культуры: съ перваго взгляда можетъ показаться, что каждый изъ нихъ обладаетъ особою природою, что они выработали своеобразныя учрежденія, совершенно индивидуальный характеръ; но такой пріемъ сравненія неправиленъ. Чтобы судить, похожи или не похожи другъ на друга два народа, ихъ надобно наблюдать не въ одно и то же время, а въ однородныя эпохи или фазы ихъ развитія. Двѣ пле-

ges"; 45: „Frumenta ceterosque fructus".—Вѣкомъ раньше Цезарь въ одинъ изъ своихъ походовъ сжегъ хлѣбъ у Сикамбровъ („frumentis incensis", *Caes.* IV, 19).—Авторъ говоритъ также о Тенктерахъ, что они бѣжали передъ Свевами потому, что „agricultura prohibebantur" (IV, 1). Въ другомъ мѣстѣ онъ, правда, прибавляетъ (VI, 22), что Германцы не питали любви къ земледѣлію... земленашеству, „agriculturae non student"; но это не означаетъ, что оно было имъ совсѣмъ неизвѣстно. Тацитъ говоритъ, что Фризы приблизились къ Рейну, завладѣли тамъ свободными землями и поспѣшили „построить дома, засѣять поля и обработать эту почву, какъ будто она была ихъ наслѣдіемъ отъ предковъ" (*Annal.* XIII, 54).

[1] Цезарь (IV, 19), разсказывая о своемъ походѣ въ Германію, говоритъ, что онъ сжигалъ „vicos et aedificia". Онъ упоминаетъ даже объ oppida (IV, 19 и VI, 10).—Тацитъ (Germania, c. 16) описываетъ способъ, какимъ строились жилища Германцевъ: „Non caementorum apud illos aut tegularum usus; materia ad omnia utuntur informi... quaedam loca diligentius illinunt terra ita pura ac splendente ut picturam ac lineamenta colorum imitentur".—Это, стало быть, не шалаши и не хижины. Тацитъ сообщаетъ также о ихъ деревняхъ (*vici*), строенія которыхъ не соприкасаются другъ съ другомъ, „non in nostrum morem connexis aedificiis".

менныя группы часто управляются одинаковыми учрежденіями и проходятъ черезъ одинаковыя ступени въ эволюціи политическаго строя не одновременно; отъ того, что одна изъ нихъ развивалась медленнѣе другой, иногда кажется, что онѣ сильно различаются и по природѣ; въ дѣйствительности же онѣ могутъ при этомъ очень походить другъ на друга. Если бы Тациту былъ извѣстенъ древній соціальный строй сабельскихъ и эллинскихъ племенъ, онъ нашелъ бы у нихъ почти всѣ характерныя бытовыя черты, такъ сильно поразившія его у Германцевъ. Обычай ходить всегда вооруженнымъ распространенъ былъ и у древнихъ Грековъ [1]. Отвращеніе Германцевъ къ городамъ и ихъ стремленіе строить уединенныя жилища—это черта нравовъ, отмѣчаемая Ѳукидидомъ у Аѳинянъ до греко-персидскихъ воинъ [2]. Круговая порука членовъ каждой семьи при отплатѣ за преступленія, равно какъ ихъ солидарность при раздѣлѣ виръ, признавались древнимъ римскимъ правомъ; слѣды его встрѣчаются и въ греческомъ. То, что германскіе своды обычнаго права говорятъ о человѣкѣ, отказывающемся отъ своей семьи, напоминаетъ извѣстную Римлянамъ и Грекамъ древнюю бытовую черту.

Гражданское право Германцевъ было такимъ же, какое существовало во всѣхъ древнихъ обществахъ, въ Греціи, въ Италіи, даже въ Индіи. Мужъ покупалъ себѣ жену у родителей, и это означало, что отецъ уступалъ ему свою власть надъ нею. Женщина всю жизнь оставалась подъ опекою, такъ же, какъ въ Индіи и Греціи; изъ подъ власти отца она пе-

[1] *Tacit.* Germania, 15, 18.—*Thucydid.* I, 5.

[2] *Ibid.* 16.—*Thucydid.* II, 16.

реходила подъ власть мужа, послѣ смерти послѣдняго подъ власть его родителей, и новый супругъ долженъ былъ пріобрѣсти ее новою куплею уже отъ этихъ послѣднихъ [1].

Наслѣдство, по крайней мѣрѣ, когда дѣло касалось земли, переходило къ сыну, а не къ дочери; собственность передавалась отъ мужчины къ мужчинѣ, и родственники со стороны жены не могли принимать участія въ раздѣлѣ. Это правило, которое можно найти въ «Салической правдѣ», въ сводахъ Рипуаріевъ, Баваровъ и Бургундовъ [2], нѣкогда дѣйствовало въ Индіи и Греціи, а римское право даже довольно долго сохраняло отъ него весьма явственные слѣды [3]. Ордаліи, судебныя испытанія, судъ Божій были въ обычаѣ у всѣхъ первобытныхъ народовъ [4]. Щитъ, вывѣшива-

[1] Такой порядокъ объясняетъ намъ такъ называемый *reipus* германскихъ „Правдъ" (см. *Lex Salica*, XLVII).—Извѣстно, что въ древнемъ римскомъ правѣ опекуномъ вдовы дѣлался самый близкій родственникъ ея мужа по мужскому колѣну, и вдова не имѣла права вновь выйти замужъ безъ разрѣшенія этого опекуна: *reipus* былъ остаткомъ подобнаго же правила, сохранявшаго силу у Германцевъ во время составленія сводовъ.

[2] *Lex Salica*, LIX (LXI): „De terra nulla in muliere hereditas, sed ad virilem sexum tota terra pertineat" (въ болѣе новыхъ текстахъ стоитъ: „terra salica"; см. *Pardessus*, p. 33, 64, 318).—*Lex Ripuar.* LVI, 4: „Femina in hereditatem non succedat". — Законы Бургундовъ, Баваровъ, Саксовъ разрѣшаютъ дочери наслѣдовать лишь за неимѣніемъ сына. То же самое—и въ правѣ античныхъ народовъ. Ср. *Fustel de Coulanges*, Recherches, стр. 240 и сл.

[3] См. *Fustel de Coulanges*, La cité antique (кн. II, гл. 7); Nouvelles recherches, стр. 35.

[4] Испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ или прохожденіемъ черезъ костеръ упоминается у Софокла (см. „Антигона", ст. 264—265). Ясно, что эта старинная форма судопроизводства не встрѣчается болѣе въ классическомъ греческомъ правѣ.—

вшійся передъ каждымъ германскимъ судилищемъ, находитъ себѣ хорошую аналогію въ копьѣ, которое втыкалось въ землю передъ трибуналомъ древнихъ квиритовъ. Германскій обычай приводить на судъ соприсяжниковъ-поручителей также встрѣчаетъ однородную практику въ древнемъ Римѣ: тамъ также семья обвиняемаго являлась передъ судомъ вся въ полномъ составѣ въ сопровожденіи своихъ друзей и всѣхъ тѣхъ, кто за нее ручался, и кто обязывался принять на себя часть отвѣтственности. Всѣ особенности быта древнихъ Германцевъ, вплоть до военныхъ германскихъ собраній, привѣтствующихъ говорящаго бряцаніемъ оружія, повторяются и у древнихъ Галловъ [1]. Учрежденія Германцевъ, ихъ частная жизнь, ихъ привычки и вѣрованія, добродѣтели и пороки были первобытными свойствами европейскихъ народовъ.

Самое замѣтное различіе ихъ отъ народовъ, о которыхъ мы только что говорили, заключалось въ томъ, что Германцы не достигли той крѣпости государственнаго строя, которую Греки и Римляне выработали уже нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ. Имъ не удалось до конца установить у себя основы гражданскаго быта съ тою правильностью и строгостью, съ какою онѣ были организованы въ «городахъ-государствахъ» классическаго міра Аѳинахъ, Спартѣ и Римѣ. Семья дольше сохраняла у нихъ самостоятельность и силу, государство же всегда оставалось слабымъ. Мелкія волостныя и племенныя группы, рано исчезнувшія въ греческой и италійской

Николай дамасскій упоминаетъ практику судебнаго поединка у Умбрійцевъ (*Fragmenta historicorum graecorum*, ed. Didot, t. III, p. 457, fr. 107).

[1] Ср. Тацита (Germania, 11) съ Цезаремъ (De bello gallico, VII, 21).

гражданской общинѣ, въ Германіи долго удерживали свою независимость и обособленность. Поэтому Германцы во времена Тацита находились еще на той ступени соціальнаго строя, черезъ которую древніе Греки прошли раньше, чѣмъ ихъ города-государства крѣпко сплотились. Вмѣсто того, чтобы, подобно современнымъ демократическимъ обществамъ, представлять собою совокупность тысячей равныхъ между собою и подчиненныхъ непосредственно общественной власти индивидуумовъ, германскій народецъ являлся союзомъ волостей, селъ, большихъ знатныхъ семействъ, добровольно соединившихся около вождя отрядовъ дружинниковъ; главари всѣхъ подобныхъ группъ, опираясь на знатность своего рода или на численность своихъ слугъ, оказывались сильнѣе короля и государства.

Отсюда объясняется, что Германцы казались Тациту обладателями такой свободы, примѣра которой Римъ не представлялъ уже много вѣковъ. Онъ восхищался тѣмъ, что королевская власть у нихъ никогда не была безгранична; это происходило оттого, что она не во всей полнотѣ сосредоточивалась въ личности государей, а раздѣлялась между главами семействъ, начальниками волостей, между всѣми, кто являлся знатнымъ или жрецомъ, кто пользовался тѣмъ видомъ могущества, которое обозначалось на германскихъ нарѣчіяхъ словомъ—*mund*, всѣми тѣми, кто могъ окружить себя многочисленною свитою изъ клієнтовъ, дружинниковъ и слугъ. На подобнаго рода соединеніяхъ покоилась въ древне-германскомъ обществѣ дисциплинирующая сила. Свобода индивидуума, весьма значительная по отношенію къ общегосударственной власти, почти сводилась у нихъ къ нулю предъ лицомъ такихъ

мѣстныхъ и домашнихъ главарей. Духъ независимости Германцевъ отмѣчался многими съ большою похвалою; между тѣмъ въ ихъ племенахъ громадное большинство подчинялось узамъ личной зависимости. Въ качествѣ рабовъ или крѣпостныхъ, литовъ или вольноотпущенниковъ, наконецъ дружинниковъ, они оказывались въ тѣсномъ подчиненіи только не у короля или государства, а у какого-нибудь частнаго человѣка, являвшагося для нихъ господиномъ. Такимъ образомъ, въ Германіи преобладали не свободные порядки, а начала личной зависимости.

ГЛАВА II.

Германцы въ V вѣкѣ.

Между эпохою, когда Тацитъ описывалъ учрежденія Германцевъ, и тою, когда послѣдніе вступили въ предѣлы Имперіи, прошло три вѣка. Мы должны разсмотрѣть, что сталось съ германскими племенами за такой долгій промежутокъ времени.

Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы за это время они сколько-нибудь подвинулись впередъ. Городовъ у нихъ не появилось болѣе, чѣмъ во времена Тацита; земля обрабатывалась не лучше; они совсѣмъ не объединились между собою. Ихъ учрежденія нисколько не развились и не сдѣлались болѣе устойчивыми. Ни въ духовномъ, ни въ политическомъ отношеніяхъ они не поднялись выше того, чѣмъ были раньше; они не

стали болѣе могущественными; наоборотъ, цѣлый рядъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ ихъ жизни за это время, долженъ былъ неминуемо ослабить ихъ.

Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что въ указанный промежутокъ времени сношенія Германцевъ съ Имперіей не прекращались. Сношенія эти были двухъ родовъ: одна часть Германцевъ воевала съ Имперіей, другая была въ союзѣ съ нею; нѣкоторыя изъ племенъ подчинялись ея вліянію изъ страха, большинство изъ за выгодъ и корысти; римская политика сѣяла среди нихъ деньги; повсюду Имперія держала своихъ агентовъ, пріобрѣтала приверженцевъ, друзей; она безъ особаго труда подкупала множество вождей германскихъ народцевъ, и императорскому правительству часто удавалось отдавать королевскую власть въ руки людей, намѣченныхъ имъ самимъ. Тацитъ ясно показываетъ, что такая система съ успѣхомъ практиковалась уже въ его время. Діонъ Кассій и Амміанъ Марцеллинъ свидѣтельствуютъ, что она продолжала примѣняться съ тѣмъ же результатомъ и въ послѣдующіе вѣка [1].

Нетрудно догадаться, каковы были ея послѣдствія. Представимъ себѣ, что населеніе какой-нибудь страны, уже находившееся въ состояніи внутренней раздроб-

[1] *Tacit*. Germania, 42: „Externos reges patiuntur; vis et potestas regibus ex auctoritate romana“.—XI, 16: „Cheruscorum gens regem Roma petivit“.—XII, 29: „Vannius Suevis a Druso impositus“.—*Spartian*. Hadrianus, 12: „Germanis regem consituit“.—*Capitolin*. Marcus, 14: „Quadi, amisso rege, non prius se confirmaturos eum, qui erat creatus, dicebant, quam id nostris placuisset imperatoribus“.—*Dio Cassius*, LXXI, 13. У Амміана (XVII, 12 и XVIII, 2, 16) можно видѣть, какъ легко Германцы попадали „in clientela rei romanae“. См. XXX, 6: „Quadi... quaedam utilia rei Romanae pollicebantur“.

ленности, политическія учрежденія котораго были безсильны, въ теченіе жизни десяти поколѣній подъ рядъ предоставлено такого рода вмѣшательству чужеземцевъ и подвергается вліянію системы подкуповъ; когда мы это сдѣлаемъ, намъ легко будетъ предугадать, какая участь постигнетъ бытъ и нравы такого народа. Тацитъ, Діонъ Кассій, Геродіанъ, Амміанъ, всѣ историки согласно утверждаютъ, что Германцы, за рѣдкими исключеніями, поддались такому разслабляющему и портящему вліянію римскаго золота. Они очень легко перенимали пороки, которые ихъ враги желали имъ привить. Несомнѣнно, что здѣсь кроется первая причина смутъ, первый источникъ разстройства въ жизни ихъ общества.

Существовала и другая причина, дѣйствовавшая въ томъ же направленіи. Обыкновенно ученые не отдаютъ себѣ въ достаточной мѣрѣ отчета, каковъ былъ характеръ внутренней исторіи Германіи въ теченіе этихъ трехъ вѣковъ. Неоспоримо, что въ ней произошелъ рядъ явленій, оказавшихъ воздѣйствіе на складъ ея жизни. Правда, не нашлось у Германцевъ историковъ, которые сохранили бы намъ память о событіяхъ ихъ старины, римскіе же историки или не знали о нихъ, или плохо заботились о ихъ передачѣ своему потомству; однако невполнѣ невозможно составить себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе. Германія со временъ Тацита терзалась не только раздорами между отдѣльными племенами, но также и внутренними междоусобіями, происходившими въ каждомъ. Извѣстно, напримѣръ, что у Хаттовъ гражданскія усобицы были такъ сильны, что часть самого народца оказа-

лась изгнанною изъ родины и принуждена была искать убѣжища въ римской Имперіи [1]. Тацитъ рисуетъ также внутреннія смуты среди Херусковъ, которыя были такъ ожесточены и кровопролитны, что вся знать погибла среди нихъ [2]. Такимъ образомъ, начиная уже съ перваго вѣка нашей эры, Германцы находились въ состояніи непрерывнаго разложенія. Они уже ушли далеко отъ того первобытнаго состоянія общественности, когда спокойно по традиціи функціонируютъ нѣсколько простыхъ учрежденій, выработавшихся изначала. Племена ихъ являлись жертвою борьбы враждовавшихъ группъ и классовъ. Что произошло съ ними по истеченіи трехъ послѣдующихъ вѣковъ? Трудно предположить, чтобы въ ихъ жизни возстановилось спокойствіе, и болѣе вѣроятно представить себѣ наоборотъ, что, какъ бываетъ обыкновенно, смуты возрастали. Такое предположеніе обратится почти въ увѣренность, если мы сопоставимъ Германію V вѣка съ Германіей временъ Тацита. Здѣсь обнаружатся существенныя различія, и нельзя будетъ сомнѣваться, что произошли въ странѣ дѣйствительно рѣзкія измѣненія за данный промежутокъ времени, и если трудно пересчитать и описать пережитые Германіею перевороты, то можно, по крайней мѣрѣ, опредѣлить ихъ результаты.

У Германцевъ существовала нѣкогда наслѣдственная и священная знать; въ V вѣкѣ она исчезла почти повсюду. Изъ многочисленныхъ семей, которыя вели свое происхожденіе отъ боговъ, осталось лишь

[1] *Tacit.* Histor. IV, 12: „Seditione domestica pulsi". Ср. Germania, 29.

[2] *Idem*, Annales, XI, 16: „Amissis per interna bella nobilitus".

четыре у Баваровъ, двѣ у Готовъ, одна у Франковъ. Если нѣкоторыя другія и продолжали существовать, они утратили значеніе; они потеряли не только всякій авторитетъ, но даже самое воспоминаніе о былой власти [1].

Исчезло также и жречество. Нѣкогда у Германцевъ слагалась своя религія, намѣчались вѣрованія, вырабатывался культъ; жрецы пользовались первоначально большимъ могуществомъ, и сохраняли извѣстную власть во времена Тацита. Черезъ три вѣка мы уже не видимъ ничего подобнаго. Многіе изъ народцевъ приняли христіанство съ легкостью, которая служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что сословіе жрецовъ не имѣло болѣе никакой силы. Другіе, какъ напримѣръ, Франки, оставались еще язычниками; они придерживались нѣкоторыхъ грубыхъ обрядовъ традиціоннаго культа, поклонялись нѣсколькимъ безобразнымъ идоламъ, но кромѣ этого въ ихъ душахъ незамѣтно болѣе слѣдовъ старыхъ вѣрованій, какъ нѣтъ въ ихъ обществѣ жрецовъ.

Другимъ учрежденіемъ, которое почти у всѣхъ народовъ оказывается ниспровергнутымъ, была наслѣдственная королевская власть. Одна изъ задачъ римской политики было способствовать ея уничтоженію у большинства народцевъ и замѣнѣ ея избирательной монархіею, болѣе доступною иностранному вліянію. Свобода населенія нисколько не выиграла отъ такой перемѣны, но соперничество честолюбивыхъ людей и мятежныхъ группъ, а также внутренніе раздѣлы воз-

[1] Ср. соотвѣтствующее мѣсто выше.

[2] Такъ разсказываетъ Тацитъ (XI, 17) о междоусобіяхъ у Херусковъ изъ-за одного дружественнаго Риму короля.

расли, перевороты стали возникать легче и повторяться чаще.

Аммiанъ, не давая общаго описанія германскаго строя, отмѣчаетъ однако множество чертъ, совокупность которыхъ образуетъ довольно полную картину того, какъ управлялись германскіе народы IV вѣка. Оказывается, что устройство ихъ государства тогда сильно отличалось отъ порядковъ, описанныхъ Тацитомъ. Мы никогда не встѣчаемъ больше народныхъ вѣчъ. Повсюду, какъ и въ прежнее время, существовали короли, а подъ ними *subreguli, optimates,* но о правахъ всѣхъ членовъ общины нѣтъ рѣчи. Впрочемъ, королямъ плохо повинуются, хотя мы и не находимъ на ряду съ ними демократическихъ учрежденій или первобытнаго патріархальнаго устройства. Слѣдуетъ кромѣ того остерегаться придавать слишкомъ много значенія термину *rex,* которымъ латинскій историкъ обозначаетъ германскихъ племенныхъ вождей. Ихъ нельзя сравнивать съ блиставшими знатностью королями древней Германіи: они являются мелкими начальниками воинскихъ дружинъ [1].

Вотъ, въ чемъ наконецъ заключалась самая важная разница между Германіей временъ Тацита и Германіей V вѣка. Древніе Германцы были въ общемъ осѣдлымъ народомъ и, насколько оказывалось возможнымъ, они крѣпко сидѣли на обрабатываемой ими землѣ. Каждый изъ народцевъ, на которые распадалась ихъ раса, занималъ одно опредѣленное мѣсто въ теченіе многихъ поколѣній, покидая его лишь тогда, когда его оттуда насильственно вытѣсняли. Тацитъ говоритъ о Хавкахъ, самыхъ могущественныхъ и «самыхъ благородныхъ изъ

[1] Ср. *Ammian.* XVII, 2,8 ss; 13.

Германцевъ», что они «чуждые алчности и честолюбія, вели тихую и замкнутую жизнь, не поднимая никакихъ войнъ». Онъ разсказываетъ также о другомъ крупномъ народѣ, именно о Херускахъ, что они «предавались изнѣживающей праздности мирной жизни, которой никто не рѣшался потревожить» [1]. Въ другомъ мѣстѣ еще авторъ сообщаетъ какъ о постоянномъ явленіи въ древне-германскомъ быту, «о продолжительномъ мирѣ, убаюкивавшемъ эти народы» [2]. Когда мы обратимъ вниманіе на бытовыя черты, которыми онъ обрисовываетъ Хавковъ, «всегда озабоченныхъ выработкою основаній права», или Херусковъ, «которыхъ называли народомъ добрымъ и справедливымъ по преимуществу», и которые были очень склонны къ удобствамъ спокойнаго и цивилизованнаго существованія, тогда намъ можно будетъ себѣ представить, какой путь прогрессивнаго развитія культуры былъ бы пройденъ Германцами, если бы они продолжали двигаться по намѣтившемуся направленію. Во времена Тиберія Маркоманнъ Марбодъ пытался основать въ центрѣ Германіи мирную и прочно организованную монархію [3]. Геты старались достигнуть того же: одинъ король ихъ стремился «поднять свой народъ трудомъ, трезвостью и дисциплиной» [4]. Прогрессъ общественной союзности былъ, нужно думать, доступенъ Германіи, разъ они могли развиваться путемъ мирнаго труда и жить среди правильныхъ учрежденій.

Къ несчастью для Германіи въ составъ ея входило нѣсколько народцевъ, которые питали отвращеніе къ

[1] *Tacit.* Germania, 35, 36.
[2] *Tacit.* Germania, 14: „Si civitas longa pace et otio torpeat".
[3] *Velleius,* II, 109. *Tacit.* Annal. II, 26, 44, 62.
[4] *Strabo,* VII, 3, 11.

такому упорядоченному строю. Еще одно обстоятельство оказывалось едва ли не болѣе опаснымъ и должно было произвести чрезвычайно важныя послѣдствія въ будущемъ: согласно германскимъ нравамъ, даже среди мирныхъ племенъ, каждый человѣкъ, любившій войну, или желавшій извлечь изъ нея выгоды, могъ оставить мирную жизнь и сдѣлаться воиномъ, избравъ себѣ начальника по своему желанію. Таковъ былъ общераспространенный обычай, считавшійся вполнѣ законнымъ. Какой-нибудь человѣкъ вставалъ на собраніи и объявлялъ, что хочетъ предпринять походъ въ такое-то мѣсто, противъ такого-то непріятеля; тѣ, кто довѣряли ему, и кто желалъ захватить добычи, провозглашали его своимъ вождемъ и слѣдовали за нимъ [1]. Такъ безъ согласія короля и одобренія народа составлялись вольныя дружины воиновъ, которыя шли сражаться и грабить, куда хотѣли. Общественныя связи еще слишкомъ слабо установились, чтобы удерживать людей, помимо ихъ воли, отъ соблазновъ бродячей жизни и отъ склонности къ грабежу. Каждый пользовался свободою выбора между жизнью подъ покровомъ мирныхъ государственныхъ учрежденій и удалымъ бытомъ воинскаго братства. Этотъ обычай долженъ былъ оказать съ теченіемъ времени пагубное дѣйствіе на римскую Имперію; но еще раньше онъ принесъ сильный вредъ развитію самихъ Германцевъ. Мы должны представлять себѣ, что подобнаго рода уходъ людей изъ племени въ дружину происходилъ почти ежегодно, такъ что страна періодически теряла живыя силы. Иногда ушедшіе не возвращались совсѣмъ: это уже было зло; иногда они возвращались;

[1] *Caesar,* VI, 23.—*Tacit.* Germania, 13, 14.

это было зло, вдвое худшее, такъ какъ изъ ряда мѣсяцевъ или лѣтъ бродяжничества и ничѣмъ не сдерживаемаго разбоя, они выносили дурныя привычки, нездоровыя склонности, богатства пріобрѣтенныя худыми средствами, и ненасытную жадность. Сильнѣе же всего такая жизнь вырабатывала въ нихъ ненависть къ мирному труду и презрительную непокорность строгимъ порядкамъ правильнаго быта. Надо имѣть въ виду, что подобное теченіе воспитывало не менѣе двѣнадцати поколѣній и трудно высчитать всѣ пороки и безпорядки, которые должны были при этомъ всосаться въ кровь германскихъ народцевъ и испортить ее. Нѣтъ ни одного народа въ мірѣ, который могъ бы сохранить при дѣйствіи подобныхъ вліяній, постоянно возобновлявшихся въ продолженіе трехъ вѣковъ, свои старые нравы, исконный характеръ и крѣпкія учрежденія. Германское общество неминуемо разлагалось.

Падать могутъ не однѣ цивилизованныя націи, но и варварскія племена. Каждому изъ нихъ свойственны свои особые пороки; но въ обоихъ проявляются тогда два симптома, характеризующіе упадокъ: одинъ выражается въ постепенномъ ослабленіи государственныхъ учрежденій, другой въ медленномъ или быстромъ уменьшеніи населенія, медленномъ у цивилизованныхъ націй, болѣе быстромъ у варваровъ.

Посмотримъ, что сталось съ населеніемъ Германіи два вѣка послѣ Тацита. Всѣ народы, бывшіе при немъ великими и сильными, потеряли могущество, многіе даже совсѣмъ исчезли. Нѣтъ болѣе рѣчи ни о Хаттахъ, ни о Хавкахъ, ни о Херускахъ. Кимвры, малочисленные уже во времена Тацита, Тевтоны, су-

ществовавшіе еще когда писалъ Плиній, болѣе не упоминаются въ IV и V вѣкахъ. Не видно больше ни могущественныхъ Маркоманновъ, которые могли выставить 75,000 воиновъ, ни Гермундуровъ, ни Квадовъ [1], ни «священнаго племени» Семноновъ, занимавшихъ нѣкогда сто волостей, ни когда-то могущественныхъ Лигіевъ, ни Нарисковъ, ни Эвдозовъ, ни Свардоновъ, ни Буровъ [2]. Имена Бруктеровъ, Хамавовъ, Сикамбровъ еще встрѣчаются, но ими обозначаются уже не крупныя племена, которыя были извѣстны Тациту, а лишь ихъ жалкіе остатки. Все, что описалъ Тацитъ, все, чему онъ удивлялся, перестало существовать. Никакая страна никогда не претерпѣвала столько перемѣнъ, какъ Германія въ разсматриваемые три вѣка.

На мѣстѣ народовъ, о которыхъ онъ говорилъ съ особеннымъ вниманіемъ, мы находимъ Аламанновъ, Франковъ, Саксовъ. Новыя имена не означаютъ новыхъ обитателей; это даже не племенныя названія, поэтому-то ихъ не существовало во времена Тацита. Все это—военныя прозвища. «Франки» [3] и

[1] Имя Квадовъ можно найти еще въ концѣ IV вѣка, но Амміанъ, упоминающій о нихъ, прибавляетъ, что ихъ теперешняя слабость не даетъ возможности предполагать о ихъ быломъ могуществѣ (*Ammian*. XXIX, 6).

[2] Германію V вѣка интересно сравнить еще съ Германіей, описываемой Плиніемъ въ его „Естественной Исторіи" (IV, 28, 99). Изъ семнадцати упоминаемыхъ имъ племенныхъ именъ, повторяется только пять; вообще, въ указанный промежутокъ времени карта страны совершенно, измѣнилась.

[3] Слово „Франки", появившееся въ первый разъ около 250 года, никогда не употреблялось писателями того времени въ смыслѣ спеціальнаго наименованія какого-нибудь народа. Въ *Tabula Peutingeriana* стоитъ: „Chauci, Ampsuarii, Cherusci, Chamavi, qui et Franci".—Амміанъ (XX. 10) рисуетъ императора Юліана въ войнѣ противъ Франковъ: онъ представляетъ его тутъ нападающимъ поочередно на Salii, Chamavi и Attuarii. — Очень вѣроятно, что слово *frank* означало „воинъ"; предлагали, впрочемъ, еще другую этимологію: *frank* происходило будто бы отъ *vrang*, бродяга, и означало людей, ушедшихъ со своей родины въ поискахъ за приключеніями.

«Саксы»—эти слова означали вообще «воиновъ»; Аламанны—просто соединеніе людей изъ различныхъ странъ [1]: мы видимъ здѣсь скопленія людей всякаго рода происхожденія, образовавшіяся вслѣдствіе войнъ или какихъ-нибудь другихъ случайностей. Историки нашего времени вообразили, что здѣсь появляются союзы, составлявшіеся изъ народцевъ, болѣе древнихъ; на самомъ дѣлѣ это были лишь ихъ обрывки. Франки образовались изъ остатковъ Хаттовъ, Сикамбровъ, Бруктеровъ, Хамавовъ, Тенктеровъ, Ангриваріевъ [2]; Саксы представляли собою, повидимому, остатки Хавковъ и Херусковъ; Аламанны—остатки Квадовъ, Гермундуровъ и многихъ другихъ племенъ. Къ нимъ надо прибавить Бургундовъ, происхожденіе которыхъ неизвѣстно, и нѣсколько ордъ, носившихъ еще прославленное имя Свевовъ, наконецъ Лонгобардовъ, которые еще долго останутся малоизвѣстными. Вотъ все, что еще существуетъ отъ древней Германіи.

[1] *Agathias*, I, 6: „Οἱ 'Αλαμανοὶ ξυνήλυδές εἰσιν ἄνθρωποι καὶ μιγάδες καὶ τοῦτο δύναται αὐτοῖς ἡ ἐπωνυμία". Греческій историкъ замѣчаетъ, что онъ заимствовалъ это свѣдѣніе отъ Азинія Квадрата, „который написалъ исторію Германіи съ большою точностью".

[2] Сульпицій Александръ, упоминаемый Григоріемъ Турскимъ (II, 9), въ числѣ Франковъ называетъ Бруктеровъ, Хамавовъ, Ампсуаріевъ, Хаттовъ. Извѣстно, что Хлодовехъ былъ по происхожденію Сикамбромъ.

Бѣда заключалась не только въ уменьшеніи населенія: рядомъ съ этимъ—что особенно важно—гибли учрежденія. Не слѣдуетъ преувеличивать числа, ни ошибочно представлять себѣ организацію этихъ Франковъ и Аламанновъ. Это были только скопленія воиновъ. Правда, германскіе воины тащили за собою повсюду женъ, дѣтей, престарѣлыхъ родителей, своихъ литовъ и рабовъ; передвигаясь, они строили поселенія, обрабатывали или заставляли обрабатывать землю. Такимъ образомъ эти дружины принимали отчасти видъ цѣлыхъ народовъ. Но имъ недоставало опредѣленнаго государственнаго устройства. Если мы вспомнимъ древнюю организацію германскихъ племенъ, какъ ее изображаетъ Тацитъ, мы не найдемъ уже ничего подобнаго у Франковъ и Аламанновъ. Верховная власть являлась у нихъ очень непрочною: иногда во главѣ ихъ поднимались герцоги, иногда—короли. Свобода личностей также нисколько не была обезпечена: мы нигдѣ не видимъ ни народныхъ вѣчъ, ни правильныхъ собраній знати. У нихъ не было никакого постояннаго законодательства; правда, часть Франковъ пыталась создать себѣ законы, но остальные и всѣ Аламанны не сдѣлали ничего подобнаго, какъ кажется, до VI вѣка. У Германцевъ есть преданія, обычаи, но не выработалось ничего твердаго и опредѣленнаго. Старый государственный порядокъ съ его точными и ясными устоями исчезъ среди раздоровъ и внутреннихъ смутъ послѣднихъ вѣковъ. Народы распались — остались только дружины. Эти вооруженные группы Франковъ и Аламанновъ, подчинялись не законамъ, а вождямъ; Они избирали послѣднихъ какъ будто свободно, но принуждены были повиноваться имъ вполнѣ подъ

единственнымъ условіемъ равнаго раздѣла добычи между всѣми. Все это было противоположностью того правильнаго и мирнаго общественнаго строя, который констатируется Тацитомъ. У новыхъ Германцевъ не существовали болѣе политическія учрежденія древней Германіи. Они утратили также любовь къ осѣдлой жизни, привязанность къ землѣ, понятіе объ отечествѣ.

Упомянутые остатки прежнихъ народцевъ занимали очень небольшія территоріи, такъ что съ конца II вѣка нашей эры Германія оказалась почти пустою. Тогда-то и произошло, что сѣверныя и восточныя племена потянулись, чтобы захватить свободныя мѣста. Вандалы покинули берега Балтійскаго моря и приблизились къ Эльбѣ. Готы оставили Скандинавію и утвердились на Дунаѣ. Гепиды и Герулы размѣстились позади ихъ. Въ то же время съ востока появились Аланы и Гунны. Германія, занятая въ эпоху Тацита многочисленными и сильными народами, не могла ничего противопоставить натиску новопришельцевъ. Она стала землею, которой не доставало людей и потому дѣлалась собственностью перваго занимавшаго ее [1].

Вновь прибывшія племена не были особенно могущественны и не могли снова создать здоровую Германію. Самыми сильными среди нихъ были Готы; историкъ Іорданъ, принадлежавшій самъ къ ихъ расѣ, не даетъ намъ, однако, о ней черезчуръ высокаго понятія. Онъ говоритъ намъ, что въ теченіе всей первой половины III вѣка Готы, осѣвшие къ сѣверу

[1] См. относительно всѣхъ этихъ фактовъ *Ammian.* XXVI, 3, 5; XXVII, 5; 14.—*Iordan.* De rebus geticis, 13, 14, 22, 35.—*Paul. Diacon.* De gestis Longobardorum.—*Procop.* De bello gothico, II, 14—15; De bello vandalico, I, 2.

отъ нижняго Дуная и повиновавшіеся власти королей, состояли на службѣ у римской Имперіи, получая отъ нея извѣстное жалованіе [1]. Немного позже, пользуясь волненіями внутри Имперіи, они переправились черезъ Дунай и опустошили нѣсколько провинцій; ихъ численность достигала тогда 30,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, включая сюда Остготовъ и Вестготовъ. Какъ только Діоклетіанъ возстановилъ порядокъ въ государствѣ, варвары, вновь сдѣлавшіеся покорными, предложили Имперіи свои услуги и договоромъ обязались поставлять ей воиновъ [2]. Съ этого времени они больше старались о томъ, чтобы бороться съ другими варварами, чѣмъ о томъ, чтобы воевать съ Имперіей. Они съ успѣхомъ сражались съ Гепидами и Вандалами и покорили множество мелкихъ, неизвѣстныхъ племенъ. Іорданъ превозноситъ могущество, котораго Готы достигли въ эту эпоху, но не на счетъ Имперіи, а въ ущербъ другимъ Германцамъ. Однако Амміанъ Марцеллинъ, жившій именно тогда, разсказываетъ одинъ фактъ, позволяющій намъ догадываться наоборотъ о ихъ слабости. Въ качествѣ союзнаго римскаго войска они поддерживали одного претендента на императорскій престолъ; правитель восточной половины Имперіи, Валентъ, чтобы наказать ихъ, собралъ военныя силы и вступилъ въ ихъ страну. «Тотчасъ же, говоритъ историкъ, ужасъ овладѣлъ Готами, и они вмѣстѣ со своими семьями бѣжали далеко въ горы» [1]. Изъ своего убѣжища они умоляли императора о мирѣ и выдали ему заложниковъ (367 г.). Эта подробность достаточно ясно доказываетъ, что такъ называемая «готская монархія», которую изображаютъ нѣкоторые современные историки, не была особенно могущественна. Прибавимъ, что спустя нѣсколько лѣтъ у самихъ Готовъ вспыхнули междоусобія [2]. Потомъ появились Гунны; при первомъ ихъ натискѣ и еще до рѣшительной битвы, Готы распались, и единство ихъ уничтожилось. Все это можетъ казаться великимъ только издали; разсмотрѣнная же вблизи, готская держава обнаруживается слабою, разстроенною, немощною.

[1] *Iordan.* c. 16, § 89: „Reipublicae romanae sua foederati erant et annua munera percipiebant... Subtracta sibi stipendia aegre ferentes".

[2] *Idem*, c. 21, § 112: „Foedere inito cum imperatore, quadraginta suorum milia illi contra gentes varias obtulere, quorum et numerus et militia usque ad praesens in republica nominatur foederati".

Германцевъ, которые появятся на исторической сценѣ въ V вѣкѣ и наводнятъ римскую Имперію, нельзя назвать народомъ молодымъ, пришедшимъ, чтобы смѣло занять себѣ мѣсто среди другихъ устарѣлыхъ. Это были обрывки обезсиленной расы, которая въ теченіе трехъ вѣковъ претерпѣвала нападенія и пораженія со стороны Римлянъ, а также со стороны Славянъ и Гунновъ, которая страдала въ особенности отъ продолжительныхъ внутреннихъ раздоровъ, была ослаблена цѣлымъ рядомъ соціальныхъ переворотовъ и утратила крѣпость своихъ исконныхъ учрежденій.

---

[1] *Ammian.* XXVII, 5: „Imperator transgressus est Histrum resistentibus nullis, quum ultro citroque discurrens nullum inveniret; omnes enim formidine perciti montes petivere Serrorum arduos et inaccessos".

[2] *Ibidem*: „Athanaricus proximorum factione genitalibus terris expulsus".

ГЛАВА III.

Причины германскихъ нашествій.

До сихъ поръ мы разсматривали римскій и германскій общественный строй, какимъ они слагались до той эпохи, когда и Имперія, и Германцы сошлись и какъ бы объединились вмѣстѣ на почвѣ Галліи, то-есть, до вторженія Германцевъ въ эту страну. Теперь намъ слѣдуетъ изучить послѣднее движеніе. Германская раса, упадокъ и разложеніе которой мы только что наблюдали, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, въ теченіе пяти вѣковъ боролась съ римскою Имперіею и постоянно пыталась захватить ее. Надобно разыскать истинныя причины этой борьбы и изучить ея характеръ.

I

Источники для изученія германскихъ вторженій.

Вступленіе Германцевъ въ Имперію не является событіемъ, совершившимся въ короткій промежутокъ времени; оно осуществилось въ формѣ цѣлаго ряда весьма разнообразныхъ фактовъ, происходившихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Мы знаемъ ихъ подробности также изъ длиннаго ряда документовъ.

О сношеніяхъ Германцевъ съ Имперіею, о ихъ пораженіяхъ или союзныхъ договорахъ съ Римомъ въ три первые вѣка нашей эры намъ сообщаютъ свѣдѣнія Тацитъ, Діонъ Кассій, Геродіанъ, Лампридій, Юлій Капитолинъ, Требеллій Полліонъ, Вопискъ. Данныя относительно IV вѣка находимъ у Амміана Марцеллина, который съ любовью повѣствуетъ объ успѣхахъ Юліана надъ ними, и разсказъ котораго останавливается на пораженіи Валента Готами при Адріанополѣ; наконецъ Зосимъ доводитъ свое изложеніе до 410 года.

Орозій, писавшій въ Испаніи и видѣвшій варваровъ самъ, сообщаетъ о вторженіяхъ и переселеніяхъ Германцевъ въ V вѣкѣ; впрочемъ, его сочиненіе останавливается на 418 годѣ, и послѣ него уже не появлялось на западѣ историковъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ труды не дошли до насъ. Мы можемъ пользоваться, правда, нѣсколькими сухими хрониками, именно хроникою Проспера Аквитанскаго, и хроникою, приписываемою Просперу Тирону, которыя обѣ доводятъ изложеніе до 455 года; затѣмъ можно назвать хронику Идатія, доходящую до 468 года, Кассіодора, доведенную до 519 года, и Марія изъ Авентика, который, впрочемъ, не былъ уже современникомъ этихъ событій. Іорданъ написалъ исторію одной части нашествій, при чемъ его трудъ интересенъ тѣмъ что авторъ, будучи самъ варваромъ по происхожденію, однако, писалъ по латыни и пользовался главнымъ образомъ латинскими источниками. Греческіе историки—Евнапій, Олимпіодоръ, Сократъ, Созоменъ, Прискъ, писавшіе въ первой половинѣ V вѣка, оставили намъ также многочисленныя свѣдѣнія о нашествіяхъ Германцевъ.

Но, быть можетъ, цѣннѣе сочиненій перечисленныхъ лѣтописцевъ и историковъ являются указанія многихъ другихъ писателей той же эпохи, которые, не задаваясь мыслью писать исторію своего времени, тѣмъ лучше описывали видѣнныя ими событія. Та-

ковъ, напримѣръ, Рутилій, видѣвшій Галлію послѣ вторженія Радагайса и занимавшій должность префекта Рима послѣ вторженія Алариха. Таковъ же священникъ Сальвіанъ, который въ своихъ проповѣдяхъ не щадитъ ни согражданъ, ни варваровъ; таковъ Паулинъ Пелльскій, богатый аквитанецъ, разсказавшій о своей жизни среди Вестготовъ; таковъ Винцентъ Леринскій, писавшій богословскія сочиненія; таковъ Евхерій, проповѣдывавшій въ Ліонѣ между 434 и 450 годами; таковъ, въ особенности, Сидоній Аполлинарій, слагавшій свои стихи во время германскаго вторженія, жившій самъ среди Вестготовъ и Бургундовъ, имѣвшій сношенія съ ихъ вождями и писавшій своимъ друзьямъ посланія о томъ, что онъ видѣлъ, слышалъ и зналъ. Прибавимъ ко всему этому акты соборовъ, на которыхъ не могли не отразиться событія той эпохи, и житія Святыхъ, которыя будучи написаны главнымъ образомъ для народа и людьми, вышедшими изъ народа, свидѣтельствуютъ не только о событіяхъ, но также и о томъ, какъ народъ воспринималъ ихъ [1].

Такимъ образомъ у насъ нѣтъ недостатка въ документахъ, и по характеру своему они весьма разнообразны. Современники въ своихъ хроникахъ, проповѣдяхъ, поэтическихъ произведеніяхъ и письмахъ оставили намъ картину того, что происходило вокругъ

[1] Главнѣйшія житія Святыхъ слѣдующія: Житія св. Германа Оксерскаго (*Bouquet*, I, p. 642), св. Оріенція Ошскаго (idem, I, p. 643), св. Лупа Труасскаго (idem, I, p. 644), св. Аніана Орлеанскаго (idem, I, 645). Надобно присоединить сюда же *Vita S. Severini* (idem, III, p. 392), *Caesarii Arelatensis* (idem, III, p. 384). *Sigismundi* (idem, III, p. 402), *Dalmatii* (idem, III, p. 419), *Eptadii* (idem, III, p. 380).

нихъ, что они видѣли, и что испытали. Правда, у насъ нѣтъ связнаго разсказа о полномъ ходѣ этихъ событій, столь разнообразныхъ и сложныхъ; поэтому многіе пункты останутся навсегда темными. Но главное теченіе фактовъ, характеръ вторженій и общее впечатлѣніе о нихъ современниковъ познаются и чувствуются по этимъ памятникамъ, и достовѣрная картина выдѣляется изъ нихъ съ большою ясностью. Наши свѣдѣнія не ограничиваются неопредѣленными общими мѣстами; если подобныя общія мѣста, а также предвзятыя понятія, неточности изображенія и введены въ исторію данной эпохи, то виною тому является не недостатокъ документовъ. Слѣдуетъ возвратиться къ изученію подлинныхъ текстовъ и говорить только о томъ, что въ нихъ заключается. Тексты могутъ дать намъ достаточно отчетливое представленіе о томъ, какимъ образомъ Германцы вступили въ Имперію и открыть намъ, рисовалось ли это вступленіе въ глазахъ современниковъ какъ завоеваніе, совершенное одною расою надъ другою.

2.

Дѣйствовали ли Германцы въ общемъ согласіи при вторженіи въ Имперію.

Когда мы приступаемъ къ изученію германскихъ вторженій въ Римскую Имперію, у насъ прежде всего возникаетъ вопросъ, предшествовало ли ихъ наступленію на Имперію какое-нибудь общее соглашеніе? Связывала ли ихъ въ одно общая ненависть къ ней, или честолюбивое влеченіе къ завоеванію, которое именно и подвинуло бы ихъ на борьбу съ Римомъ и должно

было бы придать вторженію характеръ національнаго дѣла? Можетъ ли детальное изученіе всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ резюмироваться въ общей формулѣ, которая бы знаменовала сознательную борьбу германской стихіи противъ римской? Такого единодушія Германцевъ между собою источники нигдѣ не обнаруживаютъ. Во всемъ теченіи семи первыхъ вѣковъ нашей эры нельзя указать ни одного момента, когда германскія племена составляли бы объединенное цѣлое.

Тацитъ не отмѣчаетъ у нихъ ни одного союзнаго учрежденія; онъ не упоминаетъ ни о какомъ общемъ собраніи или совѣтѣ, которые бы ихъ связывали, ни даже о существованіи въ ихъ умахъ самаго понятія о единствѣ. Плиній, Діонъ Кассій, Амміанъ Марцеллинъ, Іорданъ также не говорятъ ни объ одномъ учрежденіи подобнаго рода. Всѣ авторы изображаютъ намъ Германію, населенною приблизительно четырьмя десятками народцевъ, находившихся между собою въ войнѣ, или иногда заключавшихъ между собою союзы, отправлявшихъ другъ къ другу посольства совершенно такъ, какъ дѣлаютъ независимыя одно отъ другого государства.

Неизвѣстно даже въ точности, было ли у нихъ общее имя. Тацитъ опредѣленно указываетъ, что наименованіе «Германцы» является позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ, и что оно не можетъ быть названо этническимъ обозначеніемъ [1]. Что касается термина «Тевтоны», то онъ прилагался лишь къ одному изъ племенъ, притомъ даже къ одному изъ слабѣйшихъ; наконецъ, наукою признано, что слово *Deutsch* не восходитъ къ древности [1]. Болѣе или менѣе однородный языкъ, нѣсколько общихъ преданій, одинаковыя религіозныя вѣрованія (но безъ общаго жреческаго сословія, какъ въ Галліи), много сходныхъ обычаевъ и почти одинъ и тотъ же образъ жизни—вотъ все, что можно подмѣтить общаго у Германцевъ; но это не было политическое или національное единство.

[1] *Tacit.* Germ. 2: „Germaniae vocabulum recens et nuper additum, quoniam qui primi Rhenum transgressi Gallos expulerint ac nunc Tungri, tunc Germani vocati sint. Ita nationis nomen, non gentis, evaluisse paullatim, ut omnes primum a victore ob metum, mox etiam a se ipsis invento nomine Germani vocarentur“.

Войны между ними велись безпрерывно. Тацитъ, которому не представлялось прямой надобности перечислять всѣ эти войны, который даже не могъ знать обо многихъ изъ нихъ, однако постоянно указываетъ на очень большое ихъ число. Онъ рисуетъ Херусковъ почти всегда воюющими со Свевами [2], Хавковъ—съ Ампсиваріями [3], Свевовъ съ Лигіями [4]; Бруктеры, говоритъ онъ, уничтожены ихъ сосѣдями [5], Хатты побѣждены Гермундурами [6], Маркоманны ведутъ борьбу со Свевами [7], между Хаттами и Херусками происходятъ вѣчные раздоры [8].

Войны эти были чрезвычайно кровопролитны: въ одной только битвѣ пало разъ 60,000 Германцевъ [9].

[1] *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte (3 Aufl.), I, 11.

[2] *Tacit.* Annal. II, 44: „Gentes assuetudine arma in se verterant“.

[3] *Ibid.* XIII, 55.

[4] *Ibid.* XII, 29.

[5] *Idem*, Germania, 33: „Bructeris penitus excisis vicinarum consensu nationum“.

[6] *Idem*, Annal. XIII, 57.

[7] *Ibid.* II, 62.

[8] *Ibid.* XII, 28: „Cherusci cum Chattis aeternum discordant“.

[9] *Tacit.* Germania, 33.

Онѣ отличались жестокостью и безпощадностью: историкъ изображаетъ два германскихъ народа, которые прежде чѣмъ вступить въ рукопашную, «посвящаютъ вражеское войско богамъ; въ силу этого обѣта побѣдители избиваютъ людей и лошадей побѣжденныхъ, и все, что принадлежитъ послѣднимъ, предается истребленію» [1].

Германцевъ упрекали въ коварствѣ по отношенію къ Римлянамъ; но я не знаю болѣе ужаснаго коварства, чѣмъ то, которое проявили Убіи по отношенію къ Хавкамъ: они пригласили ихъ на большой пиръ, и когда вино погрузило Хавковъ въ глубокій сонъ, они предали огню помѣщеніе, въ которомъ тѣ находились и сожгли ихъ всѣхъ живыми [2].

«Пусть не прекращается вѣчно ненависть, которую эти племена питаютъ другъ къ другу», восклицаетъ Тацитъ [3]. Она, дѣйствительно, держалась долго, и самая борьба Германцевъ противъ Имперіи не погасила ея. Послѣ Тацита всѣ историки, имѣвшіе случай говорить о Германіи, отмѣчаютъ междоусобія ея племенъ. Діонъ Кассій изображаетъ Хаттовъ, ведущими борьбу съ Херусками, Лигіевъ—со Свевами [4]. Одинъ писатель III-го вѣка, Мамертинъ, пишетъ: «Варварскіе народы повсюду терзаютъ и истребляютъ другъ друга. Готы уничтожаютъ Бургундовъ; Тервинги поднимаютъ оружіе противъ Вандаловъ; Бургунды овладѣваютъ землями Аламанновъ» [5]. Іорданъ

[1] *Idem*, Annales, XIII, 57: „Victores diversam aciem Marti ac Mercurio sacravere, quo voto equi, viri, cuncta victa occidioni dantur".

[2] *Idem*, Histor. IV, 79.

[3] *Idem*, Germania, 33: „Maneat gentibus odium sui".

[4] *Dio Cassius*, LXVII, 5.

[5] *Mamertin.* Panegyrici veteres, III, 16, 17: „Undique se barbarae nationes vicissim lacerent et excidant... Gothi Burgundiones excidunt... Thervingi adversus Vandalos concurrunt; Burgundiones Alamannorum agros accupavere".

рисуетъ войны Готовъ противъ Вандаловъ [1], Бургундовъ противъ Гепидовъ [2], Свевовъ, Квадовъ и Аламанновъ противъ Готовъ [3].

Спускаясь къ V-му вѣку, то-есть, къ эпохѣ крупныхъ нашествій, легко признать, что и они не являлись результатомъ взаимнаго соглашенія вторгавшихся, и что между послѣдними не было никакой солидарности. Каждый народъ не только дѣйствовалъ отдѣльно, но даже во время самаго вторженія они не переставали сталкиваться и другъ съ другомъ [4]. Два сосѣднихъ германскихъ племени не могли жить безъ кровавыхъ раздоровъ. «Они воюютъ между собою, замѣчаетъ Григорій Турскій, потому что они — сосѣди» (quoniam propinqui sunt) [5].

Если сосчитать происходившія въ V вѣкѣ вооруженныя столкновенія, то окажется, что большую часть ихъ составятъ войны Германцевъ именно между собою, а не противъ силъ римской Имперіи [6]. Бургунды все время находятся во враждѣ съ Вестготами; Вестготы со Свевами и Вандалами; Франки съ Аламаннами [7], Саксами, Вестготами и Бургундами; Остготы воюютъ

[1] *Iordan.* De rebus geticis, 26.

[2] *Ibid.* 97.

[3] *Ibid.* 16, 48, 55.

[4] *Oros.* VII, 37: „Taceo de ipsorum inter se barbarorum crebris dilacerationibus, cum se invicem Gothorum cunei duo, deinde Alani atque Huni variis caedibus populabantur".

[5] *Greg. Tur.* Hist. Francorum, II, 2.

[6] *Oros.* VII, 43: „Nunc cottidie apud Hispanias geri bella gentium (barbarorum inter se) et agi strages ex alterutro barbarorum crebris certisque nuntiis discimus".

[7] *Vita S. Vedasti brevior*, Acta Sanctorum, februar. I, p. 801: „Franci et Alamanni in mutuam caedem inhiabant".

съ Герулами, а Лонгобарды, наканунѣ вступленія въ Италію, свирѣпствуютъ противъ Гепидовъ, у которыхъ они уничтожаютъ все мужское населеніе, женщинъ уводятъ въ рабство [1], а изъ черепа ихъ короля дѣлаютъ чашу для пиршествъ. Тюринги, въ борьбѣ съ Франками, разоряютъ ихъ страну, вѣшаютъ на деревьяхъ маленькихъ дѣтей; овладѣвъ двумя стами молодыхъ дѣвушекъ, они привязываютъ ихъ къ бѣшенымъ лошадямъ, которыя разрываютъ ихъ на части, или пригвождаютъ ихъ къ землѣ кольями [2]. Въ слѣдующемъ поколѣніи Франки устраиваютъ подобную же расправу съ Тюрингами. Стало быть, между Германцами поддерживалась ненасытная вражда.

Итакъ Германцы, при вторженіяхъ въ Имперію, не были объединены общимъ планомъ дѣйствій или даже одинаковыми цѣлями. Ученіе о великомъ переселеніи германскаго племени на римскую почву не оправдывается фактами. Исторія изображаетъ намъ скорѣе рядъ германскихъ нашествій, чѣмъ одно общее вторженіе.

Когда Германцы вступили въ Имперію, ихъ взаимная ненависть не затихла, а, наоборотъ, постоянно возрастала. Къ счастью для Римлянъ, вооруженныя силы варваровъ продолжали враждовать другъ съ другомъ. Бургунды не могли ладить со своими сосѣдями Вестготами, которые, въ свою очередь, не уживались мирно

[1] *Paul. Diac.* Histor. Longobard. I, 27.

[2] *Greg. Tur.* Historia Francorum, III, 7: „Pueros per nervum femoris ad arbores appendentes, puellas ducentas interemerunt ligatis brachiis super equorum cervicibus.... Aliis super orbitas viarum extensis sudibusque in terram confixis, plaustra desuper onerata transire fecerunt, contractisque ossibus canibus avibusque eas in cibaria dederunt“.

съ Аланами и Свевами. Въ теченіе тридцати лѣтъ Имперія пользовалась одними изъ германскихъ племенъ, чтобы ослаблять или обуздывать другихъ. Римскій военачальникъ Аэцій поочередно нанималъ Вестготовъ для дѣйствій противъ Бургундовъ и Бургундовъ направлялъ противъ Вестготовъ. Когда взбунтовались Вестготы, онъ навербовалъ гунскія войска; когда же Гунны стали тѣснить границу, онъ двинулъ на нихъ Вестготовъ.

Думали, что варвары составили общій союзный заговоръ противъ Имперіи, но изъ лѣтописей того времени можно увидѣть какъ разъ обратное: всѣ варвары сражались между собою и оспаривали другъ у друга милости императоровъ. Атаульфъ вестготскій далъ обязательство императору Гонорію сражаться за Имперію съ другими германскими племенами. Съ своей стороны свевскіе и вандальскіе короли предлагали тому же императору: «Оставайся съ нами въ мирѣ и предоставь намъ только сражаться между собою» [1]. Современный хроникеръ только прибавляетъ: «Хотя все это едва вѣроятно, однако оно было совершенно вѣрно, и мы въ самомъ дѣлѣ постоянно наблюдаемъ, какъ какой-нибудь одинъ изъ этихъ народцевъ истребляетъ другой; мы видѣли, какъ два готскихъ войска уничтожали другъ друга; они безъ перерыва рвутъ одинъ другого на части». Стоитъ прочитать сочиненіе Гота Іордана: въ немъ нельзя найти никакого враждебнаго чувства къ Имперіи, но ясно замѣтно жестокое озлобленіе автора противъ Гепидовъ, Вандаловъ, Бургундовъ, Гунновъ. Позже такая же нена-

[1] *Oros.* VII, 43: „Mandantes Imperatori: Tu cum omnibus pacem habe; nos nobis confligimus; nobis perimus, tibi vincimus, quaestu reipublicæ si utrique pereamus“. Ср. VII, 37.

висть къ Германцамъ снова проявится во всѣхъ разсказахъ Григорія Турскаго.

Императорское правительство потратило много труда, чтобы пріучить къ повиновенію эти племена, находившіяся отъ него въ полу-подданнической зависимости; въ одномъ лишь дѣлѣ они всегда были ему покорны, именно когда однихъ изъ нихъ посылали сражаться противъ другихъ. Они всегда въ высшей степени мужественно защищали границы Имперіи противъ своихъ единоплеменниковъ. Они часто нападали на Имперію, но, разъ покорившись, никогда не измѣняли ей. Если они поступали къ ней на службу, то безъ колебаній начинали смотрѣть на другихъ Германцевъ, какъ на своихъ настоящихъ враговъ Ихъ отечествомъ становилась уже не Германія, а Имперія.

3.

Возстановляли ли варваровъ противъ Имперіи расовая вражда или ненависть къ римскимъ учрежденіямъ?

Легко представить себѣ, конечно, что въ душѣ Германцевъ могло развиваться извѣстное чувство любви къ родинѣ; Тацитъ указываетъ нѣсколько примѣровъ его проявленія; но документы не подтверждаютъ, чтобы патріотическое настроеніе было распространено между ними широко, и чтобы это чувство вселяло въ сердца Германцевъ ненависть къ Риму, какъ нѣкоторые полагали.

Дѣйствительно, если мы вчитаемся сколько-нибудь внимательно въ тексты, то поразимся, какое большое число друзей и союзниковъ постоянно находили Рим-

ляне среди Германцевъ. Аріовистъ до нашествія въ Галлію просилъ и получилъ отъ сената званіе «amicus Romae» [1]; поэтому-то онъ и не ожидалъ, что Цезарь будетъ обращаться съ нимъ, какъ съ противникомъ.

Тацитъ мимоходомъ сообщаетъ слѣдующее драгоцѣнное свѣдѣніе относительно Арминія: онъ говорилъ по-латыни, и это не удивительно, такъ какъ онъ провелъ много времени въ римскихъ лагеряхъ и начальствовалъ однимъ германскимъ отрядомъ, состоявшимъ на жалованіи у Имперіи [2]. Веллей зналъ, что онъ «усердно служилъ Риму», [3] и авторъ описалъ, «какъ онъ получилъ за свою службу право римскаго гражданства и званіе всадника» [4]. Въ то время всѣ Херуски считались римскими подданными, такъ какъ они изъявили свою покорность римскому полководцу [5]. Мысль о возстаніи явилась у Арминія лишь позднѣе. Тогда онъ взбунтовалъ Херусковъ; но послѣдніе все-таки не обнаружили единодушія въ дѣйствіяхъ противъ Рима; среди нихъ образовалась цѣлая группа, которая громко заявила, что «союзъ съ Римлянами выгоденъ для Германцевъ [6]. Въ самой семьѣ Арминія по этому вопросу не было согласія: въ то время, когда Арминій воевалъ съ Римомъ, братъ его Флавъ сражался въ рядахъ Римлянъ [7].

[1] *Caesar*, De bello gallico, I, 35.

[2] *Tacit.* Annales, II, 10.

[3] *Velleius*, II, 118: „Assiduus militiae nostrae comes“.

[4] *Ibidem*: „Etiam civitatis romanae ius equestremque consecutus gradum“.

[5] *Idem*, II, 105: „Intrata protinus Germania, subacti Caninefates Attuarii, Bructeri, recepti Cherusci“.

[6] *Tacit.* Annales, I, 58: „Quia Romanis Germanisque idem conducere et pacem quam bellum probabam“. Это—рѣчь Херуска Сегеста. Ср. *ibid.* XIII, 55.

[7] *Ibid.* II, 9: „Erat is in exercitu, cognomento Flavus, insignis fide“.

Тацитъ и въ послѣдующемъ изложеніи указываетъ, что въ каждомъ изъ воевавшихъ съ Римомъ германскихъ народцевъ, существовала римская партія, и что столкновеніе какого-нибудь народца съ Римомъ вызывало обыкновенно въ сосѣднемъ желаніе стать на его сторону. Когда Германикъ объявилъ войну Херускамъ, Хавки тотчасъ же предложили ему свою помощь и были приняты подъ знамена Рима [1]. Почти всегда у Римлянъ находилось среди Германцевъ столько же союзниковъ, сколько враговъ. Представленіе, будто въ сердцахъ Германцевъ жила какъ бы врожденная ненависть къ Риму, будто они видѣли въ немъ исконнаго и наслѣдственнаго врага, опровергается множествомъ историческихъ фактовъ; подобное толкованіе приписываетъ людямъ давнихъ временъ чувства черезчуръ современныя.

Надо остерегаться нѣкоторыхъ вкравшихся въ историческую науку мнѣній, которыя, повторяясь въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ, превратились какъ бы въ аксіомы, такъ что никто больше не задается цѣлью ихъ провѣрять. Всѣмъ извѣстна прелестная маленькая поэма Ла-Фонтэна «*Le Paysan du Danube*», въ которой особенно сильно изображена эта ненависть Германцевъ противъ Рима. Но слѣдуетъ ясно представлять себѣ, что типъ дунайскаго крестьянина, нарисованный Ла-Фонтэномъ, не находитъ своего первообраза ни у одного писателя римской древности. Баснописецъ рѣшается сказать наудачу, что подобный портретъ начертанъ Маркомъ Авреліемъ; но въ сочиненіяхъ императора, мы, конечно, его не найдемъ; онъ весь изобрѣтенъ въ новыя времена; первоначальнымъ авто-

[1] *Ibid.* I, 60.

ромъ этого литературнаго образа былъ испанскій писатель Антоній Гуевара, обнародовавшій въ 1529 г. романическое произведеніе, подъ заглавіемъ «Часы государей или книга Марка Аврелія» [1]. Въ этомъ-то сочиненіи, не имѣющемъ рѣшительно никакой исторической цѣны, первый разъ встрѣчается типъ Германца природнаго врага Рима и римской цивилизаціи.

Если вмѣсто того, чтобы останавливаться на этой легендѣ XVI вѣка, мы перенесемся къ писателямъ, жившимъ въ пять первыхъ вѣковъ нашей эры, которымъ приходилось лично наблюдать много Германцевъ, и которые могли разобраться въ ихъ чувствахъ и отношеніяхъ, мы замѣтимъ, что они рисуютъ намъ образъ какъ разъ противоположный только что охарактеризованному. Веллей разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ одинъ Германецъ, «старикъ высокаго роста, внѣшность котораго обнаруживала его высокое положеніе среди его народа», переправился на лодкѣ черезъ Рейнъ, испросилъ разрѣшеніе взглянуть на римскаго предводителя и «посмотрѣвъ на Тиберія, воскликнулъ, что ему кажется, будто онъ видитъ божество, и что въ его жизни еще не было такого счастливаго дня» [2]. Позже въ Римъ явились два германскихъ посла, ихъ повели въ театръ; въ первыхъ рядахъ они увидѣли

[1] „L' Horloge des Princes avec le très-renommé livre de Marc-Aurèle“, par *don Antoine de Guévare*, traduit du castillan en français par Herberay seigneur des Essars (P. 1576), p. 255: „Advint que comme un jour Marc-Aurèle fut environné de sénateurs, de philosophes, mèdecins, et autres hommes sages, s'esmeut entre eux question de parler quand Rome s'estoit changée ès meurs qui estoyent toutes corrompues... Ouyes telles et semblables paroles, l'empereur Marc-Aurèle print la main et leur conta un fort notable exemple disant: Vint a Rome un pauvre paysan du rivage du Danube...“

[2] *Velleius*, II, 107.

сидящими нѣсколькихъ иностранцевъ, какъ и они: «Это, сказали имъ, почетныя мѣста, которыя предоставляются уполномоченнымъ наиболѣе дружественныхъ Риму народовъ».—«Въ такомъ случаѣ, замѣтили они, ни одинъ народъ не превосходитъ Германцевъ въ вѣрности ему», и они заняли мѣста на этихъ скамьяхъ. Нѣсколько дней спустя они покинули Римъ, получивъ званіе римскимъ гражданъ [1]. Тацитъ также называетъ рядъ Германцевъ, бывшихъ друзьями Рима—Сегеста, Флава и того Боіокала, который хвалился, что усердно служилъ Риму въ теченіе пятидесяти лѣтъ [2], а также многихъ другихъ. Историкъ не говоритъ, однако, что они были измѣнниками; никто не пытался совратить или подкупить ихъ; они не скрывали своей привязанности къ Риму и громко заявляли, что по ихъ мнѣнію, «интересы Рима и Германіи были общими, и что имъ обоимъ было выгоднѣе поддерживать взаимный миръ, нежели вести войну» [3].

Чувства эти раздѣлялись, по крайней мѣрѣ, многими. Діонъ Кассій разсказываетъ о войнѣ Херусковъ съ Хаттами, происшедшей во времена Домиціана, причиною которой была дружба первыхъ съ Римлянами. Лигіи, побѣжденные Свевами, просили помощи у императора; одинъ семнонскій король и одна предсказательница, смѣнившая Веледу, «явились разъ въ Римъ, чтобы увидѣть Домиціана, и возвратились на родину, получивъ отъ него почетный пріемъ» [4]. Тотъ же историкъ указываетъ, что Германцы очень стремились завести

[1] *Tacit.* Annales, XIII, 54.
[2] *Ibid.* XIII, 55.
[3] *Ibid.* I, 58.
[4] *Dio Cassius*, Fragm. LXVII, 5 ed. Gros-Boissée, IX, 350—352).

торговыя сношенія съ Имперіей: это было преимущество, котораго они сильно добивались, и которое даровалось самымъ вѣрнымъ изъ союзныхъ народцевъ [1].

Было бы большою ошибкою думать, что Германцы питали отвращеніе къ римскимъ нравамъ и учрежденіямъ. Тацитъ указываетъ, что Батавы принимали римскія имена: между ними упоминаются Юлій Павелъ [2], Юлій Бригантинъ [3], Клавдій Цивилисъ [4], Клавдій Лабеонъ [5]. Если они, благодаря подстрекательству Цивилиса, взбунтовались одинъ разъ въ теченіе пятисотъ лѣтъ, то бунтъ этотъ направлялся не столько противъ самихъ Римлянъ, «которые столько разъ побѣждали ихъ» [6], сколько противъ излишней тягости возложенной на нихъ воинской повинности [7]. Кромѣ того, они не были единодушны при сопротивленіи Риму [8]. Въ теченіе всей позднѣйшей эпохи мы видимъ, что батавскія когорты вѣрно служили Имперіи. Что касается Убіевъ, то достаточно вспомнить относящіяся къ нимъ слова Тацита: «Эти люди германскаго происхожденія отступились отъ своего отечества и приняли римское имя Агриппиніанцевъ [9]. У нихъ возникъ городъ, ко-

[1] *Dio Cassius*, LXXI, 41, 19. Тацитъ также указываетъ на это. См. *Germania*, 11. Ср. *Iul. Capitol.* Maximini, 4, 4.
[2] *Tacit.* Historiae, IV, 13.
[3] *Ibid.* II, 22; 70.
[4] *Ibid.* IV, 13.
[5] *Ibid.* IV, 18. У Батавовъ можно найти также имена Юлія Максима и Клавдія Виктора (*Tacit.* Histor. IV, 33).
[6] *Ibid.* IV, 20: „Nullum sibi bellum Romanos, pro quibus toties bellassent“. Самъ Цивилисъ насчитывалъ до этого двадцать пять лѣтъ службы въ римскомъ войскѣ. *Ibid.* IV, 32.
[7] *Ibid.* IV, 20: „Longa militia fessis“.
[8] *Ibid.* IV, 18, 56, 66.
[9] *Ibid.* IV, 28: „Gens germanicae originis, eiurata patria, Romanorum nomen, Agrippinenses vocabantur“. Ср. IV, 63—79.

торый они построили въ подражаніе Римлянамъ, и это очень нравилось имъ; они усвоили даже, какъ и галльскія общины, культъ Рима и Августа [1] и также принимали римскія имена [2].

Изъ Тацита ясно видно, что многіе Германцы любили жить въ Римѣ [3]. Тамъ тѣмъ болѣе многіе измѣняли свои германскія имена въ латинскія. Одинъ прозывался Италикомъ [4], другой Флавомъ [5]. Амміанъ упоминаетъ о людяхъ чисто германскаго происхожденія, носившихъ имена Латина [6], Макріана [7], Габинія [8]; одинъ Аламаннъ далъ себѣ греческое или египетское имя Серапіона [9]. Произошло это потому, что онъ родился въ то время, какъ отецъ его, по имени Медерихъ, жилъ въ Галліи и увлекся греческими и восточными мистеріями, въ которыя онъ былъ посвященъ. Аврелій Викторъ упоминаетъ одного германскаго короля, который именовался Атталомъ [10].

1 *Tacit.* Annales, I, 57.
2 *Idem,* Historiae, V, 22: одна женщина изъ племени Убіевъ назвала себя Клавдіей Сакратой. Ср. еще нѣсколько надписей въ сборникѣ Брамбаха.
3 Они, кажется, составили тамъ особую коллегію. См. *Orelli,* 3538.—„Bulletin épigraphique", t. III, p. 61.
4 *Tacit.* Annales, XI, 16.
5 *Ibid.* II, 9; XI, 16.
6 *Ammian. Marcell.* XIV, 10, 8.
7 *Idem,* XVIII, 2, 15.
8 *Idem,* XXIX, 6, 5.
9 *Idem,* XVI, 12, 25.
10 *Aurelius Victor,* De Caesaribus, 33 (во время Галліена).— Надписи указываютъ намъ многихъ Германцевъ, которые, находясь на службѣ въ Римѣ, тамъ же находили погребеніе, и могилы ихъ украшались латинскими эпитафіями, стало быть, они носили въ теченіе всей своей жизни римскія имена. Напримѣръ: „Valens, natione Batavus" (*Muratori,* 922, 44); „Alcimachus, natione Batavus" (*Orelli,* 3538); „Bassus, Germanus" (*Gruter,* 602 8); „Macer, Germanus" (*Reinesius,* IX, 30); „Bassus, Frisius" (*Gruter,* 600, 12); „Nobilis, natione Batavus" (*Wilmanns,* 1518). Ср. *Corpus,* VI, 4341, 8802, 4338, 4340, 4342 etc. „*Bulletin épigraphique*", ibidem.

Въ IV и V вѣкахъ они охотно сохраняли свои германскія имена, но не менѣе охотно вступали на службу Имперіи. Число Германцевъ, наполнявшихъ римское войско и отличавшихся незыблемою вѣрностью, положительно нельзя сосчитать. Въ то время, когда Констанцій велъ войну съ Аламаннами, въ его войскѣ было три выходца изъ этого племени, которые занимали въ немъ высокіе посты [1]. Всѣ эти Германцы не только достигали наравнѣ съ коренными обитателями Имперіи положенія командировъ частей войска [2], но домогались также административныхъ назначеній.

Они вступали въ дворцовыя канцеляріи и занимали придворныя званія [3]. Ихъ честолюбіе доходило до того, что они добивались чисто почетныхъ должностей. Они стремились сдѣлаться римскими консулами. Константинъ жаловалъ имъ консульскія инсигніи (fasces) и соотвѣтственное одѣяніе [4]. Съ этого времени мы дѣйствительно видимъ Германцевъ, которые достигали консульскаго достоинства. Такъ, были консулами четыре Франка: въ 366 г. Дагалаифъ, въ 377 Меробаудъ,

1 Они называются Latinus, Agilo и Scudilo. Правда, они измѣнили Констанцію (*Ammian.* XIV, 10, 8).
2 Одинъ аламаннскій король сдѣлался военачальникомъ (*dux*) въ Финикіи. См. *Ammian.* XXI, 35. Другой король того же народа промѣнялъ свое королевское достоинство на званіе трибуна вспомогательнаго римскаго войска. *Ammian.* XXIX, 4, 7.
3 *Ammian.* XV, 5, 11: „Franci, quorum in palatio multitudo florebat".
4 *Idem,* XXI, 10, 8: „Barbaros adusque fasces auxerat et trabeas consulares".

въ 384 Рихомеръ, въ 385 Бауто [1]; другой варваръ, носившій имя Фраіута, былъ консуломъ въ 401 году [2]. Консульство не давало тогда уже никакой власти; тѣмъ болѣе замѣчательно, что Германцы стремились къ нему; они любили это званіе за связанные съ нимъ титулы, за пышность и внѣшніе знаки почета [3]. Такіе Германцы, жившіе въ предѣлахъ Имперіи, конечно, не появлялись туда въ качествѣ завоевателей или враговъ, а приходили туда какъ слуги, искатели счастья, становились тамъ должностными лицами. Они обращались поэтому къ императору съ тѣми же выраженіями, какія требовались отъ подданныхъ; одинъ аламаннскій король, по имени Водомаръ, въ своихъ письмахъ къ императору Юліану не забывалъ величать его титулами господина, Августа и бога [4].

Въ самый критическій моментъ такъ называемаго великаго переселенія оставались на службѣ у Имперіи Германцы, которые защищали ее, были ей преданы и привязаны къ ней [5]. Это не была кучка продажныхъ людей, измѣнниковъ отечеству; они составляли цѣлые отряды; среди такихъ друзей Рима встрѣчались люди, весьма выдающіеся военными и даже государственными дарованіями. Точнаго подсчета сдѣлать здѣсь невозможно, такъ какъ историки того времени не приво-

1 О нихъ говорится въ хроникѣ Кассіодора. Эти
четыре лица были обыкновенными правильными консулами, и
имена ихъ вписаны въ фасты. Многіе другіе получали также
консульскіе аттрибуты.

2 *Zosim.* V, 21.

3 Оно называлось по прежнему „amplissimus magistratus“ (*Ammian.* XXVI, 9, 1).

4 *Ammian.* XXI, 3, 6: „Vadomarius Iulianum adsidue per litteras dominum et Augustum appellabat et deum“.

5 *Zosim.* IV, 33: „Εὔνοι σφόδρα Ῥωμαίας“.

дятъ цифръ; но когда читаешь ихъ сочиненія, опредѣленно составляется убѣжденіе, что Германцевъ, служившихъ Риму, было тогда столько же, сколько и враждовавшихъ съ нимъ [1].

Посмотрите на Готовъ, въ изображеніи Іордана, который самъ принадлежалъ къ ихъ племени. Они часто вели съ Имперіей войны, но еще чаще служили ей. Когда они, по выраженію Іордана, «поднимаютъ бунты», они возстаютъ не противъ императора или Имперіи, а противъ чиновниковъ, которыхъ обвиняютъ въ плохомъ обращеніи съ ними; они требуютъ хлѣба, денегъ, земель; они грабятъ и жгутъ города и села, но никогда не объявляютъ войны Имперіи. Они проявляютъ алчность, но не замѣтно, чтобы у нихъ являлась ненависть къ Имперіи. Выраженія ихъ удивленія къ Имперіи проявляются постоянно. Атанарихъ, посѣтивъ Константинополь, пришелъ въ восторгъ при видѣ великолѣпія города, богатства его гавани, порядка, царившаго въ его стѣнахъ, и онъ воскликнулъ, что глава такого государства по истинѣ долженъ быть признанъ земнымъ богомъ [2]. Великій Теодерихъ остготскій началъ карьеру съ того, что былъ однимъ изъ

1 Однако, иногда проявляются нѣкоторые признаки ненависти; напримѣръ, часть Готовъ, перейдя Дунай, поклялась „πάντι τρόπῳ Ῥωμαίοις ἐπιβουλεύειν“ (см. *Eunap.* fr. 60, ed. Didot, t. II, p. 41); но тотъ же историкъ, который передаетъ этотъ фактъ, прибавляетъ, что другіе Готы питали чувства совершенно противоположныя.

2 *Iordan.* De rebus geticis, 28 (ed. Mommsen, p. 95): „En, inquit, cerno quod saepe incredulus audiebam, famam videlicet tantae urbis; et huc illuc oculos volvens, nunc situm urbis commeatumque navium, nunc moenia clara prospectans miratur populosque diversarum gentium, sic quoque militem ordinatum: Deus, inquit, sine dubio terrenus est imperator“.

должностныхъ лицъ императорскаго дворца [1], затѣмъ — консуломъ, и, будучи усыновленъ императоромъ, называлъ себя «его слугою и сыномъ» [2]. Самъ Іорданъ, не забывая своего готскаго происхожденія, является, однако, почитателемъ Имперіи; и онъ вездѣ проводитъ мысль, что Готы должны слиться съ Римлянами [3].

Всякій человѣкъ, одаренный извѣстнымъ историческимъ чутьемъ, совершенно ясно убѣдится, что въ шесть первыхъ вѣковъ нашей эры чувство, проявлявшееся Германцами къ Риму, никогда не было ненавистью. Нѣсколько жалобъ противъ рѣшеній римскихъ судей или лихоимства сборщиковъ ничуть не предполагаютъ ненависти къ Имперіи. Въ документахъ не обнаруживается ничего похожаго на расовую антипатію [4]. Въ нихъ нельзя найти также никакихъ признаковъ презрѣнія Германцевъ къ римской цивилизаціи. Не существуетъ никакихъ указаній, чтобы они проклинали богатство, благосостояніе, роскошь обитателей Имперіи. Нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ

1 *Ibid.* 57, p. 193 (p. 132): „Imperator Zeno Theodoricum inter proceres palatii conlocavit...“

2 *Ibid.* p. 194 (p. 133, § 291): „Ego qui sum servus vester et filius“.

3 Іорданъ заканчиваетъ свою книгу *De rebus geticis* заявленіемъ, что онъ писалъ для восхваленія не Готовъ, а ихъ побѣдителей: „Nec tantum ad eorum laudem quantum ad laudem eius qui vicit“. — Его другое сочиненіе — *De summa temporum*, является прославленіемъ Рима, поэтому онъ думалъ, что римская Имперія будетъ существовать до конца міра. См. гл. 3 (ed. Mommsen, p. 9).

4 Правда, Орозій говоритъ, что Радагайсъ и Готы „omnem Romani generis sanguinem diis suis propinare devoverant“ (VII, 37); но многіе изъ приводимыхъ имъ фактовъ доказываютъ, что это чувство жестокой ненависти не было общераспространённымъ даже у Готовъ.

вообразили, себѣ, будто Германцы вытѣснили своими чистыми нравами римскій развратъ; но это — ни на чемъ не основанное предположеніе, тексты не доказываютъ ни испорченности однихъ, ни безукоризненной чистоты другихъ. Исторія никогда не обнаружитъ, что Германцы замѣнили римскіе обычаи новыми нравами. Они не вооружались ни противъ городского быта, ни противъ частной земельной собственности, ни противъ роскоши пировъ или развлеченія банями. Театры пали подъ осужденіемъ христіанской церкви; торговля и богатство уменьшились вслѣдствіе соціальныхъ волненій. Много римскимъ памятниковъ было сожжено или ниспровергнуто во время безпорядковъ, вызванныхъ нападеніями варваровъ, но сознательнаго стремленія уничтожить ихъ совершенно не проявлялось, а потому ихъ осталось больше, чѣмъ сколько было уничтожено [1]. Кромѣ того, Германцы восприняли искусства Имперіи и продолжали возводить постройки по римскимъ образцамъ. Они могли быть очень невѣжественными, но у нихъ не было никакого отвращенія ни къ книгамъ, ни къ школамъ, ни къ говору Римлянъ; они спѣшили изучить ихъ языкъ, составляли рѣчи и писали стихи по-латыни. Имъ не приходила на умъ мысль замѣнить господствовавшую въ то время въ Имперіи религію своими племенными вѣрованіями. Что же касается желанія ниспровергнуть учрежденія Имперіи и замѣнить ихъ германскими, то документы никогда не говорятъ объ этомъ и въ текстахъ нельзя

1 Кромѣ нѣсколькихъ прирейнскихъ городовъ, пострадавшихъ отъ постоянно обрушивавшихся на нихъ нападеній, большинство поселеній осталось нетронутымъ. Великія развалины стали покрывать Галлію лишь съ IX вѣка, то-есть, со времени норманскихъ набѣговъ.

уловить такого намѣренія; если же учрежденія дѣйствительно переродились вслѣдствіе проникновенія Германцевъ на римскую почву, то достовѣрно, по крайней мѣрѣ, одно, что такое видоизмѣненіе не было результатомъ опредѣленнаго плана или сознательной политики.

Такимъ образомъ, мнѣніе, что причиною германскихъ вторженій была расовая вражда или отвращеніе Германцевъ къ римской цивилизаціи и учрежденіямъ, кажется намъ совершенно невѣрнымъ. Та жестокая и слѣпая національная ненависть, къ которой склоненъ Германецъ нашихъ дней, не была свойственна его предкамъ. Для Германцевъ того времени «наслѣдственнымъ врагомъ» оказывался гораздо больше Германецъ-сосѣдъ.

4.

Истинныя причины германскаго вторженія.

Намѣреніе преслѣдовать чужую и ненавидимую расу никогда не проявляется у Германцевъ; въ самыхъ вторженіяхъ послѣднихъ въ Имперію историкъ не встрѣчаетъ ни одной изъ чертъ, характеризующихъ расовую борьбу. Если Германцы вступили въ Имперію, то произошло это, конечно, не потому, чтобы ихъ толкали туда патріотизмъ или ненависть.

Вторженія ихъ иногда объяснялись излишкомъ населенія и избыткомъ племенныхъ силъ; но противъ такого предположенія прямо говорятъ факты. Думать, что Германія была «разсадникомъ населенія» [1], какъ будто бы человѣчество являлось тамъ болѣе плодовитымъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, было бы страннымъ заблужденіемъ. Варвары никогда не бываютъ плодовиты. Какимъ образомъ населеніе могло быть многочисленно въ странѣ, гдѣ почва покрыта лѣсами и болотами, среди племенъ, мало трудолюбивыхъ, съ низко развитою техникою, при соціальныхъ условіяхъ, постоянно волнуемыхъ безпрерывными войнами. Тацитъ говоритъ, что въ его время не было соотвѣтствія между количествомъ населенія и занимаемымъ имъ пространствомъ земли, и что въ Германіи было больше полей, чѣмъ сколько могли обработать ея жители. Если такъ было во времена Тацита, то его слова еще справедливѣе можно примѣнить къ послѣдующимъ вѣкамъ, когда нѣкоторые изъ упоминаемыхъ имъ народцевъ, какъ Бруктеры и Херуски, были истреблены ихъ сосѣдями, а остальные ослаблены продолжительными междоусобіями. Итакъ, Германцы стали нападать на Имперію, очевидно, не потому, чтобы они были слишкомъ многочисленны или слишкомъ сильны.

Нѣкоторые историки обвиняли германскую расу въ крайней алчности и думали, что вторженіе было лишь

[1] „Officina gentium et vagina nationum", — эти слова Іордана (De rebus geticis, c. 4, § 25) часто повторялись; но въ текстѣ автора они не относятся къ Германіи вообще, а къ Скандинавіи, которая была или считалась родиной Готовъ. Чтобы понять этотъ текстъ, надо сопоставить его еще съ однимъ мѣстомъ 6-й главы (17-й въ другихъ изданіяхъ), гдѣ историкъ сообщаетъ, что Готы покинули Скандинавію только на трехъ судахъ. Это преданіе относится къ очень древней эпохѣ, за много вѣковъ до появленія христіанства, какъ можно видѣть изъ продолженія разсказа. Іорданъ никогда не говоритъ, что Германія или Скандинавія были разсадниками множества людей или народовъ. Онъ просто передаетъ очень древнія священныя легенды („in priscis carminibus", 4), въ которыхъ разсказывается, что готское племя считало своею колыбелью Скандинавію. Новѣйшіе историки вывели изъ этихъ немногихъ словъ крайне преувеличенныя заключенія.

громаднымъ актомъ разбоя. Неоспоримо, что жадность къ золоту, свойственная человѣческой природѣ вообще, проявлялась у Германцевъ, какъ и у другихъ народовъ. Однако, не слѣдуетъ ничего преувеличивать; эти племена обладали добродѣтелями и пороками, какіе присущи всѣмъ первобытнымъ обществамъ; но у нихъ не было такихъ, которые были бы ихъ индивидуальною особенностью. Если они любили золото, они любили также землю; они могли сдѣлаться трудолюбивыми и стали бы такими въ своей странѣ, если бы при выработавшихся у нихъ соціальныхъ порядкахъ оказалось возможнымъ развитіе трудовыхъ навыковъ. Представлять себѣ, что неудержимый духъ наживы заставилъ германскія племена наброситься на богатства Имперіи, было бы несправедливо въ такой же мѣрѣ, какъ, съ другой стороны, наивно утверждать, что любовь къ добродѣтели побудила ихъ обратиться на такъ называемую римскую испорченность. Но ученые, каждый сообразно со своими чувствами, унижали или возвеличивали древнихъ Германцевъ, какъ будто они были отцами нѣмцевъ нынѣшняго времени.

Истинныя причины вторженія крылись во внутреннихъ безпорядкахъ и соціальныхъ потрясеніяхъ, волновавшихъ Германію въ теченіе изучаемыхъ четырехъ вѣковъ. Дѣйствительно, надо замѣтить, что въ разсматриваемый промежутокъ времени всѣ попытки нашествія въ предѣлы Имперіи, совершавшіяся какимъ-нибудь германскимъ народцемъ объясняются тѣмъ, что его вытѣснялъ какой-нибудь другой изъ мѣстности имъ занятой [1]. Часто также нападавшіе представляли

[1] Цезарь уже констатируетъ это: „Venisse invitos, eiectos domo“ (IV 7). — „Causa transeundi fuit, quod agri cultura a Suevis prohibebantur“ (*Ibid.* IV, 1). — *Strabo* (IV, 3): „Ἐξελαυνόμενοι κατέφευγον“.—*Tacit.* Annal. XIII, 55: „Pulsi a Chaucis et sedis inopes“.—Germania, 29: „Seditione domestica (pulsi)“.

изъ себя лишь какую-нибудь группу, часть народца, побѣжденную во внутренней распрѣ. Эти кучки стремились проникнуть въ Имперію потому, что ихъ гнала съ прежнихъ осѣдлостей происшедшая смута. Они просили у Римлянъ земли не потому, чтобы въ Германіи не хватало ея, а потому, что они не имѣли возможности оставаться на ней вслѣдствіе ненависти сосѣдей и соплеменниковъ. Внутреннія войны въ Германіи и набѣги на Имперію являются, стало быть, двумя рядами сопутствовавшихъ другъ другу фактовъ.

Нашествіе было особенно ускорено отмѣченнымъ нами выше разложеніемъ первобытныхъ соціально-политическихъ учрежденій Германіи и ея нравовъ. Строй древне-германскаго государственнаго союза повсюду потерялъ крѣпость; вмѣстѣ съ нимъ исчезли порядокъ, соціальная организація, привязанность и привычка къ осѣдлой жизни. Послѣ всего этого восторжествовали формы военной дружины, то-есть, установилась жизнь неустойчивая, связанная съ отвращеніемъ къ обработкѣ земель, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, съ расслабленіемъ прежнихъ прочныхъ бытовыхъ формъ. Если внимательно пересмотрѣть каждую изъ этихъ попытокъ вторженія въ римскую Имперію, возобновлявшихся Германцами въ теченіе четырехъ вѣковъ, между ними можно насчитать чрезвычайно мало такихъ, которыя совершались бы организован-

[1] *Tacit.* Annales, XIII, 55: „Eosdem agros Ansibarii occupavere, quia pulsi a Chaucis et sedis inopes tutum exsilium orabant“.— *Idem*, Germania, 29: „Batavorum populus seditione domestica in eos sedes transgressus“.—*Strabo*, IV, 3. 4: „Ὑπ’ ἄλλων ἐξελαυνόμενοι κατέφευγον ἐς τὴν ἐντὸς τοῦ Ρήνου“.

ными племенами: виновниками ихъ были воинскія дружины [1].

Можно даже замѣтить, что въ два первые вѣка германскія племена являлись обыкновенно союзниками Рима, тогда какъ дружины, вышедшія изъ ихъ же среды, оказывались его врагами. Большая часть вождей правильно устроенныхъ германскихъ государствъ громко заявляли, что союзъ съ Римомъ былъ полезенъ для нихъ, и потому поддерживать его являлось національною обязанностью, въ то время какъ вожди военныхъ дружинъ держались совершенно противоположнаго взгляда и образа дѣйствій. Первые понимали, что союзъ съ Римомъ, не слишкомъ сильно стѣсняя ихъ свободу, доставлялъ племени гарантію поддержанія осѣдлаго быта и дальнѣйшаго развитія. Но такія надежды наиболѣе способныхъ къ сознательной политикѣ людей въ Германіи, постоянно обманывались, и внутреннее разложеніе шло все впередъ; перевороты происходили безпрерывно, и подъ конецъ самые древніе народцы исчезли, оставивъ послѣ себя лишь обрывки въ видѣ военныхъ дружинъ.

Послѣ этого въ Германіи не сохранилось элементовъ, способныхъ удерживать населеніе отъ передвиженій и прикрѣплять его къ землѣ. Повсюду осѣдлый бытъ уступилъ мѣсто неустойчивому броженію. Настоящая Германія разложилась; тогда тѣ же самыя начала смуты, которыя разстроили въ ней соціальный порядокъ, направились противъ римской Имперіи.

[1] Поэтому случалось, что, когда римскіе легіоны вступали на территорію, занятую народомъ, совершившимъ это нападеніе для того, чтобы наказать его за произведенный набѣгъ, варвары могли почти всегда сказать имъ то, что начальники Квадовъ сказали Валентиніану: „Nihil ex communi mente procerum gentis delictum, sed per extimos quosdam latrones“ (*Ammian.* XXX, 6). Слово „*latrones*“ обозначаетъ здѣсь отвергнутую народомъ шайку искателей приключеній. Подобныя замѣчанія многократно встрѣчаются у писателей того времени.

Итакъ, можно утверждать, что въ моментъ, когда Германія достигла состоянія наибольшаго разстройства и безпорядка, интенсивность вторженій варваровъ въ предѣлы Имперіи усилилась вдвое. При императорѣ Августѣ Германцы представляли мало опасности для Рима; при Маркѣ Авреліи они уже грозили бѣдою; по мѣрѣ того, какъ соціальныя учрежденія Германіи ослабѣвали и рядъ внутреннихъ смутъ раздроблялъ ея народы на части, число вторгавшихся увеличилось. При Гоноріи Германія обратилась почти въ пустыню, въ которой свободно бродили кочующія орды Славянъ и Гунновъ, и въ этотъ-то самый моментъ нашествія достигли высшей точки своего напряженія. Изъ всего сказаннаго дѣлается ясно, что причина изучаемой борьбы крылась не въ антагонизмѣ между двумя расами или національностями. Это была борьба благоустроеннаго государства съ дружинами воиновъ, оторвавшихся отъ своего народа, то-есть, между осѣдлымъ бытомъ и инстинктами бродяжничества. Борьба эта сосредоточилась первоначально по ту сторону Рейна внутри самого германскаго міра, и сами германскіе народцы стали первыми жертвами ея. Когда это зло уничтожило Германію, оно обрушилось на Имперію.

ГЛАВА IV.

Настоящія вторженія германцевъ.

Сосѣдство съ разлагающимися обществами всегда опасно; каковы бы они ни были, они всегда способны приносить вредъ. Не будучи въ состояніи создать что-либо собственными силами они могутъ разрушить то, что съ ними соприкасается. Нѣтъ государства, которое, какъ бы крѣпко оно ни было организовано, могло бы спокойно существовать рядомъ съ ними.

Борьба между цивилизованными народами и варварами ведется не на равныхъ условіяхъ. Первые отдаютъ девять десятыхъ своихъ силъ мирному труду; варвары же всецѣло предаются войнѣ тѣломъ и душою. Поэтому можетъ случиться, что очень сильныя общества фактически окажутся побѣждены очень слабыми.

Римъ, до встрѣчи съ Германцами, постоянно воевалъ съ народами, прочно утвердившимися на своихъ мѣстахъ. Даже Галлы и жители Испаніи вели осѣдлую жизнь и строили уже города. Текучіе же и неустойчивые народы, вышедшіе изъ Германіи, предприняли противъ него борьбу совсѣмъ новаго рода. Не одно и то же сражаться съ правильно устроеннымъ государствомъ, или съ неорганизованными толпами. Въ первомъ случаѣ можно предусматривать свои дѣйствія: силы непріятеля извѣстны, можно опредѣлить, гдѣ онѣ находятся; легко предвидѣть, какъ и съ какой стороны будетъ произведено нападеніе. Возможно также обнаружить слабыя его стороны, противъ которыхъ слѣ-

дуетъ направить удары, подмѣтить у врага такіе жизненные органы, которые легче всего поразить. Можно догадываться о планахъ такого врага, потому что въ нихъ всегда сказывается извѣстная послѣдовательность; съ нимъ можно вести переговоры, заключать соглашенія, придерживаться нѣкоторыхъ основаній международнаго права; съ такимъ врагомъ всегда существуетъ нѣкоторая общность понятій, въ силу которой война ведется правильно и честно, а миръ оказывается болѣе или менѣе прочнымъ. Ничего подобнаго нѣтъ, когда имѣешь дѣло съ варварскимъ или распадающимся обществомъ. Нельзя узнать его намѣреній, такъ какъ они неопредѣленны въ его собственномъ сознаніи; невѣдомо, гдѣ его силы, такъ какъ онѣ постоянно перемѣщаются; трудно нанести ему ударъ въ самое сердце, потому что у подобнаго народа не бываетъ политическаго центра. Нельзя заключать съ нимъ договоровъ, потому что власть, къ которой приходится обращаться, или неустойчива, или недобросовѣстна.

При сношеніяхъ съ подобнымъ народомъ нельзя установить опредѣленныхъ правилъ потому, что послѣднія противорѣчатъ всему его быту. Это—врагъ неуловимый, для обузданія котораго даже рѣшительная побѣда мало дѣйствительна, и никакой трактатъ не имѣетъ цѣны. Подобная война подрываетъ одинаково законы военнаго искусства, какъ и основы нравственности [1]. Ожидать

[1] У Римлянъ не было настоящимъ образомъ укрѣпленныхъ границъ съ Германіею. *Limes* представлялъ собою черту, часто фиктивную или намѣченную лишь небольшимъ рвомъ. Новѣйшіе археологи, которые открыли и изучили этотъ валъ, полагали, что онъ служилъ лишь простою пограничною линіею, вдоль которой расположенъ былъ рядъ таможенъ, разсчитанныхъ больше

такого врага у себя опасно, потому что не извѣстно, съ какой стороны онъ произведетъ нападеніе; преслѣдовать его въ предѣлахъ собственной территоріи— еще опаснѣе, потому что войско цивилизованнаго народа не можетъ поддерживать свое существованіе въ варварской странѣ. Невозможно сравнивать другъ съ другомъ могущество Имперіи и слабость Германцевъ; однако эти послѣдніе поддерживали противъ Имперіи безконечно долгую войну, грозили ей не одинъ разъ разгромомъ, и борьба привела въ концѣ концовъ къ такому исходу, что могло показаться, будто Имперія побѣждена и уничтожена ихъ оружіемъ.

Обыкновенно пытаются разсматривать вступленіе Германцевъ въ Имперію, какъ быстрое, единичное и простое событіе, осуществившееся въ видѣ опредѣленнаго вторженія съ оружіемъ въ рукахъ. На самомъ же дѣлѣ оно являлось, напротивъ, явленіемъ очень

на римскихъ, чѣмъ на германскихъ купцовъ. Таково, во всякомъ случаѣ, мнѣніе Когаузена (*A. v. Cohausen*, Der römische Grenzwall in Deutschland, 1884). Мы думаемъ скорѣе, что этотъ *limes* представлялъ собою оборонительную линію противъ Германцевъ; но укрѣпленія ея были настолько слабы, что никакъ не могли задержать вражескаго напора, если ихъ не защищала значительная военная сила. Число же легіоновъ, которыми Римляне могли располагать на германской границѣ, никогда не было достаточно для такой цѣли. Направленіе линіи вала хорошо установлено Гауптомъ (см. „Der römische Grenzwall in Deutschland", Würzburg, 1885). Позади его располагалось нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ; но крѣпости, которыя могутъ задерживать войска цивилизованнаго народа, мало дѣйствительны противъ набѣговъ безпорядочныхъ ордъ, потому что войска цивилизованнаго народа двигаются по правильнымъ дорогамъ, нуждаясь въ нихъ для своихъ обозовъ, орды же, которыя не возятъ съ собою большихъ грузовъ и живутъ грабежомъ, идутъ нерѣдко мимо такихъ дорогъ.

сложнымъ, совершавшимся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и принимавшимъ весьма различныя формы. Единственный методъ, чтобы изучить и понять его, открывается въ строгомъ анализѣ сохранившихся о немъ свидѣтельствъ. Надобно разложить явленіе на составныя части и разсмотрѣть его съ различныхъ сторонъ.

Германцы проникали въ Имперію пятью способами: 1) какъ завоеватели и враги; 2) какъ подданные Рима и подданные добровольные; 3) какъ рабы, колоны или подданные помимо своей воли; 4) какъ воины, поступавшіе на службу Имперіи и несшіе эту службу съ вѣрностью; 5) какъ воины, непокорные и требовательные, которые сначала защищали ее, а потомъ завладѣли ею.

Начнемъ обзоръ съ тѣхъ, которые нападали на римскую территорію какъ завоеватели и враги, и пересмотримъ исторію такихъ набѣговъ.

I.

Германскія вторженія отъ Цезаря до Проба.

Въ изученіи германскихъ вторженій мы не будемъ восходить къ нашествію Кимвровъ и Тевтоновъ: они были уничтожены Маріемъ. За ними слѣдовалъ Аріовистъ со своими 120,000 Германцевъ. Этотъ начальникъ вооруженныхъ дружинъ былъ отброшенъ Цезаремъ, и полчища его почти истреблены. Всѣ вторженія Германцевъ, предпринимавшіяся во времена Августа, были отражены точно такъ же, и намъ извѣстно, что пораженіе Вара и избіеніе его трехъ легіоновъ, захваченныхъ врасплохъ въ Тевтобургскомъ лѣсу во время полнаго мира, было примѣрно отомщено [1].

[1] *Flor.* IV, 12.—*Vell.* II, 117—119.—*Tacit.* Annal. I, 55—60.—*Strabo*, VII, 1, 4.

Позднѣе, когда Цивилисъ, выходецъ изъ племени Батавовъ, открылъ Галлію ордамъ Бруктеровъ и Тенктеровъ, всѣ они были прогнаны за Рейнъ. Послѣ полутораста лѣтъ усилій Германцы не нарушили территоріальной цѣлости Имперіи; даже напротивъ, по берегу Рейна образовались двѣ провинціи, совершенно римскія, которыя носили то же имя Германіи, и населеніе которыхъ вовсе не было враждебно Риму. Населеніе это, германское по происхожденію, было допущено сюда или пересел**е**но принудительно самимъ римскимъ правительствомъ; но оно стало вполнѣ римскимъ по преданности, повиновенію, по жизненнымъ привычкамъ и даже по языку. Тамъ возникли большіе города — Кельнъ, Майнцъ, Триръ, Кобленцъ, Страсбургъ, Базель. Эти крупные центры осѣдлости, богатые памятниками—храмами, базиликами, амфитеатрами, населенные трудолюбивыми и богатыми жителями, представляли мало общаго съ за-рейнскою Германіею. Они показывали только, какъ способна была германская раса къ развитію, и во что могла бы превратиться сама Германія, если бы въ ней съ тѣхъ поръ установились прочныя учрежденія.

Къ половинѣ второго вѣка однако безпорядки внутри страны усилились, и прямымъ результатомъ этого оказался новый напоръ варварскихъ силъ на римскую границу. Маркъ Аврелій въ теченіе двадцати лѣтъ съ высокою энергіею боролся противъ новой попытки вторженія, и цѣлость границъ была сохранена.

Нѣсколько народцевъ, тѣснимыхъ другими варварами, требовали, чтобы ихъ пустили въ предѣлы Имперіи [1]; они проникли до Аквилеи, но съ приближеніемъ римскаго войска отступили; затѣмъ, чтобы получить миръ отъ Рима, они убили тѣхъ изъ своихъ начальниковъ, которые были враждебны Имперіи [1]. Квады обязались даже признавать за римскимъ императоромъ право утверждать избиравшихся ими королей [2]. Подобныя движенія скоро возобновились: Маркоманны, Вандалы, Сарматы, Виктовалы, Квады произвели вторженіе въ Паннонію; Маркъ Аврелій уничтожилъ ихъ полчища и очистилъ отъ нихъ провинцію [3]. Онъ самъ проникъ въ Германію, гдѣ война продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ [4]; Маркоманны, Квады, Язиги подчинились [5]; многіе народцы согласились платить Риму дань [6]; императоръ поставилъ римскіе гарнизоны въ странѣ Маркоманновъ и Квадовъ [7]. Но, по всей вѣроятности, они не оставались тамъ долго; во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что вторженія были пріостановлены.

[1] *Iul. Capitol.* Marcus, 14: „Marcomannis cuncta turbantibus, aliis etiam gentibus, quae pulsae a superioribus barbaris fugerant, nisi reciperentur, bellum inferentibus".

[1] *Ibidem*: „Plerique reges et cum populis suis se retraxerunt et tumultus auctores interemerunt".

[2] *Ibidem*: „Quadi, amisso rege suo, non prius se confirmaturos eum, qui erat creatus, dicebant quam id nostris placuisset imperatoribus".

[3] *Ibid.* 17: „Pannoniam, Marcomannis, Sarmatis, Vandalis, simul etiam Quadis extinctis, servitio liberavit".

[4] *Ibid.* 27.

[5] *Ibid.* 22: „Accepit in deditionem Marcomannos".—*Dio Cassius*, LXXI, 11: „Πολλοὶ πρὸς αὐτὸν ἦλθον... εἰρήνην αἰτούμενοι... Κουάδοι, ἵππους καὶ βοῦς πολλὰς ἔδωκαν... καὶ ἕτεροι συχνοὶ παραδώσοντες ἑαυτοὺς ἐπρεσβεύσαντο".

[6] Это вытекаетъ изъ того мѣста Діона Кассія (LXXI, 19), гдѣ сказано, что, спустя нѣкоторое время послѣ своихъ побѣдъ, Маркъ Аврелій даровалъ многимъ изъ указанныхъ народцевъ постоянное или временное освобожденіе отъ дани.

[7] Діонъ Кассій (LXXI, 20) сообщаетъ, что Маркоманны и Квады жаловались на излишества, совершенныя 20,000 римскими воинами, расквартированными въ ихъ странѣ.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ Александръ Северъ «испытывалъ страданія, видя что Галлія подвергалась разграбленію со стороны германскихъ опустошителей» [1]. Онъ разсчитывалъ поразить ихъ въ ихъ же странѣ, но умеръ, не успѣвъ выполнить свое намѣреніе. Преемникъ его Максиминъ осуществилъ его планъ, проникъ въ Германію, «сжегъ много селеній, захватилъ стада, умертвилъ множество враговъ, увелъ безчисленное количество плѣнныхъ» [2].

Во время тревожныхъ царствованій Валеріана и Галліена вторженія возобновились. З о с и м ъ разсказываетъ, что Готы, Бораны, Уругунды, Карпы, Маркоманны опустошили Ѳракію, даже Грецію, въ то время какъ Персы производили нападеніе на Азію, а западные Германцы на Галлію [3]. «Галліенъ отражалъ натискъ послѣднихъ: онъ мѣшалъ имъ переходить черезъ Рейнъ, или, если имъ удавалось уже переправиться, онъ останавливалъ ихъ дальнѣйшее движеніе; но у него было мало войска противъ повсюду разсѣянныхъ непріятельскихъ полчищъ; онъ сговорился съ однимъ изъ германскихъ вождей, заключилъ съ нимъ договоръ, и съ тѣхъ поръ этотъ вождь самъ не допускалъ своихъ единоплеменниковъ переходить рѣку и прогонялъ назадъ тѣхъ, которые пробивались». [4]

[1] *Lamprid.* Alexander Sever. 59: „Erat gravissimum ipsi, quod Germanorum vastationibus Gallia diripiebatur, pudoremque augebat, quod, victis iam Parthis, ea natio imminebat reipublicae cervicibus, quae semper etiam minusculis imperatoribus subiecta videbatur“.

[2] *Iul. Capitol.* Maximini, 12: „Vicos incendit, greges abegit, praedas sustulit, barbarorum plurimos interemit, cepit innumeros.“— *Herodian.* VII, 2.

[3] *Zosim.* I, 27—29 (ed. Becker, p. 26): „Γότθοι καὶ Βορανοὶ καὶ Οὐρουγοῦνδοι καὶ Κάρποι τὰς κατὰ τὴν Εὐρώπην ἐληΐζοντο πόλεις“.

[4] *Zosim.* I, 30. *Aurel. Victor*, De Caesaribus.—Однако, Галліену, повидимому, не удалось помѣшать Франкамъ „пройти черезъ всю Галлію, разграбляя ее по пути, и добраться до самой Испаніи“ (*Aurel. Victor*, ibid.). Г р и г о р і й Т у р с к і й (I. 30) также разсказываетъ о грабежахъ одной аламанской дружины, которая будто бы доходила до Оверни.

Другіе варвары опустошали въ то же время Италію, и Галліенъ поспѣшилъ туда [1]. Тутъ то Постумъ, оставленный имъ въ Галліи во главѣ войска, провозгласилъ себя императоромъ [2]. Храброму воителю удалось, по крайней мѣрѣ, оттѣснить нападавшихъ и отбросить ихъ за Рейнъ [3]. Смерть Постума послужила сигналомъ для новыхъ вторженій; варвары захватили и сожгли много городовъ; но они были вновь отброшены Лолліаномъ, а города возстановлены [4]. Потомъ правили Викторіанъ и Тетрикъ, о которыхъ историкъ говоритъ, «что они были дарованы Провидѣніемъ, чтобы воспрепятствовать Германцамъ овладѣть почвою Имперіи» [5].

Въ указанные годы Галлія подвергалась неслыхан-

[1] *Zosim.* I, 37—38.

[2] *Idem*, I, 40.—*Trebellius Poll.* Gallieni, 4.

[3] *Treb. Poll.* Gallieni, 4: „Postumus Gallias ab omnibus circumfluentibus barbaris validissime vindicavit“.—*Aurel Victor*, De Caesaribus, 33: „Explosa Gemanorum multitudine“.—*Chronicon Euseb.* anno 260.

[4] *Treb. Poll.* Tyranni triginta, 5: „Et Lollianus nonnihil reipublicae profuit, nam plerasque Galliae civitates, nonnulla etiam castra, quae Postumus in solo barbarico aedificaverat quaeque interfecto Postumo subita inruptione Germanorum et direpta fuerant et incensa, statum in veterem reformavit“.

[5] *Ibidem*: „Adsertores romani nominis exstiterunt; quos datos divinitus credo ne possidendi romanum solum Germanis daretur facultas“.—Историкъ не хочетъ сказать, что эти Германцы сами по себѣ были очень страшны; общій смыслъ всей главы сводится къ указанію, что въ то время какъ Галліенъ по безпечности утрачивалъ власть, одновременныя вторженія Персовъ, Готовъ и другихъ Германцевъ могли уничтожить Имперію.

нымъ бѣдствіямъ. Сочиненія писателей того времени не дошли до насъ, чтобы засвидѣтельствовать этотъ фактъ, но слѣды страданій, пережитыхъ провинціею, видны еще теперь. Дѣйствительно, всѣ остатки укрѣпленій, возведенныхъ въ IV вѣкѣ на сѣверо-востокѣ Галліи, указываютъ, что эти стѣны были построены изъ развалинъ памятниковъ предшествующаго вѣка. Такъ многіе города оказались разрушены. Зло, впрочемъ, удалось скоро исправить: дошедшіе до насъ тексты авторовъ, писанные въ послѣдовавшіе годы, повидимому, уже не вспоминаютъ о немъ. Отъ изображенныхъ большихъ набѣговъ и жестокихъ опустошеній III вѣка не осталось замѣтныхъ слѣдовъ.

При Клавдіи II ареною нападеній Германцевъ сдѣлался въ особенности востокъ. Уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ дружины Готовъ проникали до Греціи; варвары были побѣждены здѣсь военачальниками Имперіи, но имъ позволили возвратиться на родину [1]. Тѣ же самые Готы, къ которымъ присоединились Герулы, Грутунги, Остготы, Певки и Сигипеды [2], собравшись вмѣстѣ въ огромную массу, опредѣляемую историками въ 320,000 воиновъ, [3] сѣли на 6000 су-

[1] *Trebell. Poll.* Gallieni, 13: „A Byzantiis ducibus victi sunt barbari... Deinceps Achaiam omnem vastaverunt ab Atheniensibus, duce Dexippo, victi sunt... Gallienus plurimos interemit... Fugere sunt conati“.—*Idem*, Claudius, 6: „Illi Gothi, qui evaserant eo tempore quo illos Marcianus est persecutus“.—*Zosim.*“ I, 40.

[2] *Trebell. Poll.* Claudius, 6: „Gothi omnes gentes suorum ad romanas incitaverunt praedas, Scytharum diversi populi, Peuci, Grutungi, Austrogoti, Virtingui, Sigypedes, Celtae etiam et Eruli, praedae cupiditate in romanum solum irruperunt“.

[3] *Ibidem:* „Armatorum gentium trecenta viginti milia tunc fuere“.

довъ [1], и предприняли смѣлый и жестокій набѣгъ на Имперію черезъ Черное и Эгейское моря.

Но многіе изъ нихъ погибли отъ бури [2]; другая часть, которой удалось высадиться около Өессаловикъ, была уничтожена въ горныхъ ущельяхъ, гдѣ погибло 50,000 варваровъ [3]; еще одна толпа, опустошавшая въ теченіе нѣкотораго времени Македонію, была разгромлена императорскими войсками, и кто здѣсь избѣжалъ смерти, тѣ были захвачены въ плѣнъ [4]. Такимъ образомъ изъ всѣхъ этихъ 320,000 варваровъ внутри Имперіи остались лишь плѣнные [5].

[1] *Zosim.* I, 42.—Требеллій Полліонъ (гл. 8) говоритъ лишь о 2,000 судахъ.

[2] *Zosim.* I, 42.—*Treb. Poll.* Claudius, 9: „Multi naufragio petierunt“.

[3] *Zosim.* I, 43.—*Trebell Poll.* 9: „Pugnatum est apud Moesos, multa proelia fuerunt apud Marcianopolim... plerique capti reges .. ubique victi sunt Gothi“.

[4] *Zosim.* I, 45—46.—*Trebell. Poll.* Claudius, 8: „Claudius duo milia navium barbarorum et trecenta viginti milia armatorum delevit, oppressit, adtrivit“.

[5] *Trebell. Poll.* 8: „Nunc cum omnibus familiis romano servitio deputavit“. — Нѣкоторые изъ нихъ были завербованы въ римское войско, многіе остались на почвѣ Имперіи въ качествѣ колоновъ. См. *Zosim.* I, 46: „Ὅσοι διεσώθησαν, ἢ τάγμασι Ῥωμαίων συνηριθμήθησαν, ἢ γῆν λαβόντες εἰς γεωργίαν προσεκαρτέρησαν“. Ср. *Trebell. Poll.* 9: „Inpletae barbaris servis provinciae... nec ulla fuit regio, quae Gothum servum non haberet“. Ср. *Fustel de Coulanges*, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, p. 42 и сл. — Зосимъ прибавляетъ, что въ плѣнъ было взято столько женщинъ, что на долю каждаго римскаго солдата ихъ пришлось по двѣ или по три. У насъ сохранилось одно письмо Авреліана, написанное по поводу знатныхъ готскихъ женщинъ (optimates Gothicae), заключенныхъ въ Периноѣ (*Vopiscus*, Bonosus, 15).

Авреліанъ, наслѣдовавшій Клавдію II, остановилъ вторженіе Аламанновъ [1]. Маркоманны перешли черезъ Альпы и дошли до Милана, окрестности котораго они опустошили; но послѣ перваго ихъ успѣха при Пларенціи, который грозилъ Италіи опасностью, они были побѣждены [2], и рѣчь о нихъ замолкла [3].

Послѣ смерти Авреліана, Галлія снова подверглась варварскому нападенію. «Нѣкоторое время, говоритъ историкъ Вопискъ, она находилась во власти Германцевъ» [4]. Шестьдесятъ городовъ съ громадной добычей попали въ ихъ руки; они разсѣялись по Галліи, исколесили ее по разнымъ направленіямъ, не встрѣчая никакого отпора [5]. Когда наконецъ прибылъ Пробъ, онъ далъ имъ нѣсколько сраженій, истребилъ, какъ говорятъ, 400,000 опустошителей, взялъ обратно

[1] *Zosim.* I, 46.—*Vopisc.* Probus, 12: „Testes Franci in inviis strati paludibus, testes Germani et Alamanni longe a Rheni summoti littoribus".

[2] *Vopisc.* Aurelian. 18: „Accepta est clades a Marcomannis... postea tamen Marcomanni superati sunt... quos omnes Aurelianus carptim vagantes excidit".—Дальше историкъ упоминаетъ о пораженіи Римлянъ при Плаценціи и о послѣдовавшей за этимъ побѣдѣ, которую онъ приписываетъ помощи языческихъ боговъ (*idem*, 21).

[3] *Ammian.* XXXI, 5, 17: „Per longa saecula siluere inmobiles".

[4] *Vopisc.* Prob. 13: „Galliae, interfecto Aureliano, a Germanis possessae". Для того, кто знакомъ съ языкомъ этой эпохи, ясно, что нельзя понимать буквально этого выраженія Вописка. Онъ хочетъ сказать не то, что Германцы совершенно покорили Галлію, а лишь то, что они дѣлали на нее набѣги, не встрѣчая препятствій. Кромѣ того, у біографовъ императоровъ третьяго вѣка (scriptores historiae Augustae) была привычка преувеличивать каждую опасность, чтобы приписать побѣдителю больше заслуги.

[5] *Ibidem*: „Cum iam in nostra ripa, immo per omnes Gallias securi vagerentur".

всѣ захваченные города, освободилъ Галлію, въ свою очередь напалъ на германскую территорію и вернулся оттуда съ огромною добычей [1]. Девять королей явились къ нему просить пощады, дали ему заложниковъ и заплатили большой выкупъ хлѣбомъ и скотомъ [2]. Императоръ устроилъ въ Германіи укрѣпленные лагери и поставилъ гарнизоны [3]. Зосимъ разсказываетъ о побѣдахъ Проба надъ Франками, Бургундами и Вандалами [4].

Намъ хотѣлось бы знать въ точности, съ какими чувствами переживало населеніе Имперіи эти набѣги Германцевъ. Высказывалось предположеніе, что оно пребывало въ состояніи непрерывнаго ужаса, предугадывая какъ бы свое крушеніе. Но таково можетъ быть только личное впечатлѣніе того или другого изъ изслѣдователей, и документы той эпохи не даютъ для

[1] *Vopiscus*, Probus, 13: „Caesis prope quadringentis milibus reliquias ultra Nigrum fluvium et Albam removit, tantum his praedae barbaricae tulit, quantum ipsi Romanis abstulerant".—*Chronic. Euseb.* anno 277.

[2] *Ibid.* 14: „Quamdiu reguli novem ex diversis gentibus venirent atque ad pedes Probi iacerent; quibus ille primum obsides imperavit, qui statim dati sunt, deinde frumentum, postremo etiam vaccas".

[3] *Ibid.* 13: „Castra in solo barbarico posuit atque illic milites collocavit; agros, horrea et domus et annonam transrhenanis omnibus fecit, quos in excubiis collocavit".

[4] *Zosim.* I, 67—68. У этого историка не замѣчается такихъ преувеличеній, къ какимъ склоненъ Вопискъ. Онъ не говоритъ, что „Галліей завладѣли варвары", а указываетъ лишь, что городамъ провинціи Германіи грозила опасность. Освободивъ ихъ, Пробъ началъ войну съ германскимъ племенемъ Лигіевъ, побѣдилъ ихъ, привелъ къ полной покорности (ἱκέτας ἐδέξατο), предписалъ имъ условія мира (ἐπὶ ῥηταῖς ὁμολογίαις ἠφίει). Позже, одинъ изъ его полководцевъ такъ же разбилъ Франковъ, а онъ самъ—Бургундовъ и Вандаловъ.

него реальныхъ основаній. Правда, они выясняютъ, что какъ только пограничныя провинціи оставались безъ войскъ, жители ихъ трепетали передъ варварами. При этомъ, если города, обыкновенно, могли сопротивляться за своими стѣнами, деревни не оказывали никакого сопротивленія. Имперія не примѣняла больше системы всеобщаго ополченія, и гражданское населеніе утратило привычку владѣть оружіемъ. Если бы рейнскіе легіоны оказались разбиты врагами, Галлія была бы безвозвратно потеряна для Имперіи. Если бы они понесли пораженіе уже въ долинѣ По, самый Римъ могъ попасть въ руки варваровъ. Поэтому документы дѣйствительно отмѣчаютъ чувство тревоги, охватывавшее различныя мѣстности по временамъ. Но достойно замѣчанія, что въ нихъ никогда не обнаруживается отчаянія. Непріятельскія опустошенія и вызванный ими страхъ быстро забывались. Повидимому, никто не ощущалъ серьезной опасности въ будущемъ. Никогда не встрѣчается у авторовъ мысли, что Германцы должны когда-нибудь уничтожить Имперію и занять ея мѣсто. Продолжали вѣрить еще въ вѣчность Имперіи [1], и мы не находимъ ни у кого даже намека на предсказаніе Германцамъ великаго будущаго. Военное превосходство римскихъ армій стоитъ внѣ сомнѣній; этимъ объясняется, почему за исключеніемъ двухъ случаевъ пораженія, онѣ всегда одерживали побѣды даже надъ гораздо болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Было даже распространено мнѣніе, что Германію легко покорить. Говорили, что Маркъ Аврелій превратилъ бы въ римскую провинцію всю страну Маркоманновъ и Сарматовъ, если бы онъ не былъ отвлеченъ возстаніемъ и

[1] Амміанъ дѣйствительно вѣрилъ въ вѣчность Рима (XXVI, ʰ, 14): „Victura cum saeculis Roma".

узурпаціей Авидія Кассія [1]. Разсказывали, что Максиминъ чуть не завоевалъ всю Германію, и что варвары спаслись лишь благодаря своимъ болотамъ и лѣсамъ [2]. Довѣріе къ силѣ римскаго оружія не подрывалось, и послѣ побѣдъ Проба стали даже мечтать, что «когда всѣ варварскія племена будутъ покорены, и во вселенной воцарится миръ, то Имперія не будетъ нуждаться ни въ войскахъ, ни въ оружіи, и войны повсюду прекратятся» [3].

Надо понять, какъ слагались подобныя иллюзіи Прежде всего, люди того времени не могли судить о Германцахъ, какъ мы судимъ о нихъ теперь; стоя на точкѣ зрѣнія, совершенно отличной отъ нашей, они, быть можетъ, преувеличивали ихъ слабость, какъ мы, можетъ быть, склонны преувеличивать ихъ силу. Но существовала и другая причина, благодаря которой населеніе Имперіи мало обращало вниманія на Германію. Человѣчество переживало тогда эпоху, когда

[1] *Iul. Capitol.* Marcus, 24: „Voluit Marcomanniam provinciam, voluit etiam Sarmatiam facere, et fecisset, nisi Avidius Cassius rebellasset".

[2] *Idem*, Maximini duo, 12: „Nisi Germani a campis ad palude et silvas confugissent, omnem Germaniam in romanam ditionem redegisset".—Намъ нѣтъ нужды, конечно, говорить, насколько такая мысль о завоеваніи Германіи была трудно выполнима на дѣлѣ. Очень досадно, что всѣ лучшіе письменные памятники III вѣка погибли, и что мы можемъ судить о настроеніи умовъ той эпохи лишь по плохимъ сочиненіямъ такъ называемыхъ „scriptores historiae Augustae".

[3] *Vopisc.* Probus, 20: „Milites necessarios non futuros. Nonne omnes barbaras gentes subiecerat pedibus totumque mundum fecera iam romanum?.. Romanus iam miles erit nullus. Ubique regnabi secura respublica. Orbis terrarum non arma fabricabitur... nulla erun bella; ubique pax, ubique romanae leges"

христіанская вѣра пріобрѣла господство надъ душами одной половины населенія, а въ сердцахъ другой половины съ новою силою возгоралась древняя языческая религія. Всѣ литературныя произведенія эпохи производятъ на внимательнаго читателя впечатлѣніе, будто царившимъ во всѣхъ стремленіемъ являлась борьба за торжество одного или другого ученія. О борьбѣ между расами или народностями помышляли гораздо меньше, чѣмъ о борьбѣ религій [1]. Ненависть раздѣляла язычниковъ и христіанъ; ни одна изъ обѣихъ сторонъ не питала ненависти къ Германцамъ,—можетъ быть, даже наоборотъ, каждая надѣялась привлечь ихъ въ число своихъ союзниковъ.

2.

Германскія вторженія отъ Проба до Θеодосія.

Послѣ Проба нападенія варваровъ возобновились. Въ 297 г. войско Аламанновъ проникло въ Галлію до Лангра, гдѣ Констанцій Хлоръ задержалъ его, умертвивъ въ полчищахъ варваровъ до 60,000 человѣкъ [2].

Клавдій Мамертинъ говоритъ объ одномъ набѣгѣ, который могъ бы показаться очень грознымъ, если бы можно было вполнѣ довѣрять его преувеличеннымъ выраженіямъ: «Всѣ варварскіе народы, говоритъ онъ, сговорились погубить Галлію; не только Бургунды и Аламанны, но и самые могущественные изъ Германцевъ—Хаибоны и Герулы ринулись на наши

[1] Между сотнею примѣровъ можно вспомнить, что происходило въ Римѣ при приближеніи Радагайса: язычники поднялись тамъ противъ христіанъ (*Oros.* VII, 37).

[2] *Chronic. Euseb.* anno 297.

провинціи» [1]. Но авторъ прибавляетъ, что первые погибли во время совершавшихся ими опустошеній отъ голода и мора [2]; что же касается послѣднихъ, то для ихъ уничтоженія оказалось достаточно небольшого числа когортъ, и никто изъ ихъ рати не возвратился на родину [3].

Зосимъ упрекаетъ Константина за то, что тотъ измѣнилъ систему военной тактики Имперіи и ослабилъ защиту ея, отозвавъ войска изъ крѣпостей и засѣкъ, устроенныхъ Діоклетіаномъ по всей линіи границъ, и разбросалъ эти вооруженныя силы въ видѣ малыхъ гарнизоновъ по отдѣльнымъ городамъ, лежавшимъ внутри Имперіи [4]. Какъ ни была неосторожна сама по себѣ такая мѣра, еще болѣе гибельными оказались тѣ ужасающія гражданскія смуты, которыя наполнили первую половину IV вѣка. Соперничество между Константиномъ и Максенціемъ, Константиномъ и Лициніемъ, Константомъ и Константиномъ II, Констанціемъ II и Магненціемъ истощили кровь легіо-

[1] *Claud Mamert.* Panegyric. Maximiano Augusto dictus, 5: „Omnes barbaricae nationes excidium universae Galliae minabantur, neque solum Burgundiones et Alamanni, sed etiam Chaibones Eruliquе, viribus primi barbarorum....“

[2] *Ibidem:* „Ceteros quidem perduelles ire passus es in profundam famem, et ex fame in pestilentiam.... Chaibones tamen Erulosque aperto Marte atque uno impetu perculisti, non universo usus exercitu, sed paucis cohortibus“.

[3] *Ibidem*: „Cuncti Chaibones Erulique cuncti tanto internecione caesi sunt, ut extinctos eos relictis domi coniugibus ac matribus non profugus aliquis e proelio nuntiaret“. — Cfr. *idem*, Panegyricus genethliacus, 7: „Gens Chaibonum Erulorumque deleta, et transrhenana victoria, et domitis oppressa Francis bella piratica“.

[4] *Zosim.* II, 34.

новъ [1] и пріучили Имперію забывать о внѣшнихъ врагахъ.

Среди этихъ гражданскихъ междоусобій вторженія варваровъ возобновились; Магненцій и Констанцій II, занятые единственно своими распрями, отвлекли легіоны отъ защиты цѣлости Имперіи; тогда между 351 и 354 годами стали производиться набѣги во множествѣ пограничныхъ пунктовъ. Франки, Аламанны, Саксы, видя, что переправа черезъ Рейнъ оставлена безъ охраны, проникли въ Галлію и захватили сорокъ городовъ, расположенныхъ вблизи рѣки; они овладѣвали послѣдними не для того, чтобы утвердиться въ нихъ, а чтобы ихъ разграбить и забрать въ плѣнъ населеніе съ большою добычей [2]. Галлія, почти лишенная тогда военной силы, сдѣлалась жертвою хищниковъ [3].

Характеръ этихъ послѣднихъ вторженій ясно обнаруживается изъ описаній авторовъ того времени. Они въ одинъ голосъ изображаютъ намъ Германцевъ не въ видѣ завоевателей, а въ видѣ опустошителей. Представлять себѣ ихъ въ данномъ случаѣ какъ переселяющееся племя, искавшее новыхъ мѣстъ для утвержденія осѣдлости, было бы извращать историческую дѣйствительность. Научная теорія новѣйшихъ историковъ, превращающая эти вторженія и набѣги въ «великое переселеніе народовъ» (*Völkerwanderung*), рѣзко

[1] *Zosim.* II, 51.

[2] *Ibidem.* III, 1: „Τεσσαράκοντα πόλεις κατειληφότας, καὶ αὐτὰς ἀναστάτους πεποιηκότας, τοὺς δὲ τούτων οἰκήτορας ἄπειρον ὄντας πλῆθος ληισαμένους μετὰ πλούτου λαφύρων ἀναριθμήτου“.

[3] *Ammian.* XV, 5, 2: „Cum diuturna incuria Galliae caedes acerbas rapinasque et incendia, barbaris licenter grassantibus, nullo iuvante perferrent“.

противорѣчитъ документамъ, оставшимся отъ того времени. Приведемъ одинъ эпизодъ, разсказанный историкомъ Зосимомъ и хорошо характеризующій варваровъ. Одинъ Германецъ, по имени Харіетто, замѣчательный своимъ высокимъ ростомъ и силою, въ теченіе продолжительнаго времени дѣятельно участвовалъ въ опустошеніяхъ [1], но затѣмъ почему-то вздумалъ перейти на сторону Римлянъ и утвердился въ городѣ Тиррѣ; произошло это въ то время, когда зарейнскіе варвары «дѣлали набѣги на страну и предавали все разграбленію» [2]. Чтобы защищать своихъ новыхъ друзей, Харіетто каждую ночь выходилъ изъ Трира, прятался гдѣ-нибудь въ кустарникахъ, захватывалъ врасплохъ какихъ-нибудь опьянѣлыхъ или заснувшихъ соплеменниковъ и отрубалъ имъ головы, которыя приносилъ съ собою и показывалъ жителямъ города [3]. Повидимому, такіе подвиги его хорошо оплачивались, потому что другіе варвары, бывшіе прежде, какъ и онъ, удалыми въ опустошеніяхъ римскихъ городовъ и поселковъ, нашли выгоднымъ послѣдовать его примѣру; такъ мало по малу образовался въ Трирѣ довольно значительный варварскій вспомогательный отрядъ [4]. Когда въ городъ прибылъ Юліанъ онъ, оффиціально принялъ на службу этого необыкновеннаго предводителя, такъ какъ у него не хватало регулярныхъ войскъ, и «не легко было по-

[1] *Zosim.* III, 7: „Λῃστεύειν σὺν αὐτοῖς εἰωθώς“.

[2] „Βαρβάρους τὰς τῇδε κατατρέχοντας πόλεις καὶ τὰ πάντων ἀκωλύτως ληιζομένους“.

[3] „Νυκτὸς ἐπιὼν ἤδη παρειμένοις μέθῃ καὶ ὕπνῳ κεφαλὰς ὅσων οἷός τε ἦν βαρβάρων ἀπέτεμε καὶ τοῖς ἐν τῇ πόλει φέρων ἐδείκνυ“.

[4] „Καὶ ἄλλοι συνεμίγγησαν τούτῳ λῃσταὶ καὶ καθ' ἕνα συνιόντες πλῆθος γεγόνασι“.

давлять вторженія варваровъ, которые по ночамъ разсѣевались повсюду небольшими шайками для грабежа, и которыхъ днемъ никакъ не удавалось накрыть». Такимъ образомъ, Юліанъ «пользовался разбойниками противъ разбойниковъ»; много Франковъ-Саліевъ присоединилось къ Харіетто, и они сильно пополнили его отрядъ. Ночью всѣ вмѣстѣ, толпою они бросались на Квадовъ и, «такъ какъ сами были привычны къ грабежамъ, то прекрасно сражались противъ грабителей»; такъ дѣйствовали они съ большою удачею до тѣхъ поръ, пока Квады, потерявъ множество людей, послали умолять Юліана, чтобы онъ даровалъ имъ миръ. Многіе и изъ послѣднихъ вступили въ постоянную службу Имперіи, и эти Квады смѣшались съ только что упомянутыми Саліями въ различныхъ частяхъ императорской арміи [1].

Для историка нѣтъ ничего драгоцѣннѣе, чѣмъ подобнаго рода разсказы и подробности. Если бы ихъ не было, оказалось бы возможно и даже очень удобно представлять себѣ германское нашествіе правильнымъ, почти торжественнымъ движеніемъ одного великаго народа, который чувствовалъ потребность въ расширеніи территоріи, и который силою и правомъ своей могучей, чистой, здоровой юности основывалъ новыя крупныя государства. При наличности же такого матеріала историкъ получаетъ средство схватить истинную физіономію тѣхъ, кого привыкли именовать завоевателями.

Иногда грабители собирались большими массами и образовывали настоящія войска. Такъ, въ 357 году нѣсколько отрядовъ Аламанновъ, разграбившихъ во-

[1] *Zosim.* III, 8: „Σαλίους τε καὶ Κουάδων μοῖραν τάγμασιν ἐγκατέλεξε“.

сточную часть Галліи, оттѣсненные Юліаномъ, гонимые отъ Вогезъ къ Рейну [1], прежде чѣмъ перейти обратно черезъ рѣку, соединяются въ одно цѣлое по взаимному соглашенію [2] и вступаютъ въ большую битву съ Римлянами недалеко отъ Страсбурга (Argentoratum). Варвары потерпѣли кровавое пораженіе; они были прогнаны за Рейнъ, вторично побѣждены уже на томъ берегу и совершенно уничтожены [3]. Послѣ этого «въ Галліи не осталось ни одного варвара» [4].

Надо сдѣлать одно замѣчаніе по поводу этихъ крупныхъ успѣховъ Юліана въ борьбѣ съ Германцами. Ихъ никакъ нельзя приписывать однимъ военнымъ талантамъ молодого полководца; онъ только что вышелъ передъ тѣмъ изъ школы аѳинскихъ философовъ, у которыхъ изучалъ науки, имѣвшія мало общаго съ

[1] *Ammian.* XVI, 11.

[2] *Idem*, XVI, 12: „Alamannorum reges Chonodomarius et Vestralpus, Urius quinetiam et Ursicinus cum Serapione et Suomario et Hortario, in unum robore omni virium suarum collecto, consedere prope urbem Argentoratum“.

[3] *Idem*, XVI, 12.—*Zosim.* III, 3. Согласно свидѣтельству Зосима Юліаномъ подъ Страсбургомъ умерщвлено 60,000 Аламанновъ; но лучше довѣрять Аммiану, который ограничиваетъ число погибшихъ цифрою 6,000, не считая, правда, „multitudo innumerabilis“ тѣхъ, которые, убѣгая, потонули въ водахъ Рейна.—Можно было бы предполагать, что языческіе писатели нѣсколько преувеличили картину побѣды Юліана, но и показанія христіанскихъ авторовъ въ сущности съ ними не согласны. См. *St. Hieronym.* Chronicon, anno 357: „Magnae Alamannorum copiae apud Argentoratum a Caesare Iuliano oppressae.“—*Oros.* VII, 29: „Iulianus oppressas ab hostibus Gallias strenuissime in integrum restituit“.—*Socrat.* Historia ecclesiastica, II, 47: „Ἰουλιανὸς ἐν ταῖς Γαλλίαις πολλοῖς βαρβάροις συμπλέκει, καὶ νικήσας...“

[4] *Ammian.* XVII, 1: „Cum nullum barbarum reliquisset in nostris“.

военнымъ искусствомъ. Неправильно также объяснять торжество Юліана численностью его войска: всѣ историки единодушно сообщаютъ, что у него было очень мало силъ, а масса Германцевъ наоборотъ оказывалась весьма значительною [1]. Аммiанъ Марцеллинъ говоритъ, что у него было только 13,000 человѣкъ [2], а число Германцевъ доходило до 35,000 [3]. Войска Имперіи при этомъ за исключеніемъ немногихъ и малочисленныхъ отрядовъ, не принадлежали къ отборнѣйшимъ частямъ арміи; Юліанъ наскоро собралъ большую часть своихъ силъ въ Галліи, навербовавъ охотниковъ и раздавъ имъ старое оружіе, которое онъ нашелъ въ одномъ изъ мѣстныхъ складовъ [4]. Намъ дѣлается понятною эта крупная побѣда, лишь если мы допустимъ, что войска Имперіи со стороны технической подготовки стояли вообще значительно выше Германцевъ. Такое заключеніе, дѣйствительно, вытекаетъ изъ спеціально драгоцѣннаго разсказа объ упомянутомъ сраженіи, сообщеннаго намъ Аммiаномъ, который былъ самъ знатокомъ военнаго дѣла и описывалъ битву, какъ

1 *Oros.* VII, 29, 15: „Alamannorum magnam multitudinem parvis copiis fudit“.—*Aurel. Victor.* Epitome, 42: „Iulianus in campis Argentoratensibus cum paucis militibus infinitas hostium copias delevit“.—*Eutrop.* X, 14: „A Iuliano modicis copiis apud Argentoratum ingentes Alamannorum copiae exstinctae sunt“.—*Zosim.* III. 3.

2 *Ammian.* XVI, 12, 2: „Armatorum tredecim milia tantum remansisse cum Iuliano... Is enim numerus eum sequebatur“.

3 *Idem*, XVI, 12, 26: „Hos sequebantur reges numero quinque, regalesque decem, et optimatum series magna, armatorumque milia triginta et quinque ex variis nationibus, partim mercede, partim pacto vicissitudinis reddendae quaesita“.

4 *Zosim.* III, 3.—Аммiанъ, однако, говоритъ о „cornuti“, „braccati“ и „legio primanorum“, которые, кажется, были войсками, закаленными въ бою.

свѣдущій теоретикъ и практикъ [1]. Онъ говоритъ, что «Германцы превосходили Римлянъ ростомъ и силою мускуловъ, римскіе же воины стояли выше Германцевъ въ тактикѣ и дисциплинѣ; Германцы отличались грубымъ и необузданнымъ пыломъ, Римляне—хладнокровіемъ и разсчетомъ, то-есть, великими военными качествами; Германцы разсчитывали на крѣпость тѣла, римскіе воины на качества души [2]. Такъ выражается человѣкъ, который близко видѣлъ Германцевъ, и самъ воевалъ съ ними [3]. Онъ описываетъ битву и указываетъ, что варваръ и Римлянинъ сражаются съ одинаковымъ мужествомъ. Въ атакѣ Германцы отличаются скорѣе стремительностью, чѣмъ порядкомъ [4]. Римскій солдатъ болѣе устойчивъ [5]; *antepilani* и *hastati* держатся какъ стѣна противъ ярости варваровъ [6]; если конница на мигъ и подается назадъ, то легіоны оста-

1 *Ammian.* XXXI, 16, 9: „Haec ut miles quondam explicavi“.

2 *Ammian.* XVI, 12, 47: „Alamanni robusti et celsiores; milites (romani) usu nimio dociles. Illi feri et turbidi; hi quieti et cauti. Animis isti fidentes, grandissimis illi corporibus freti“.—Подобное же замѣчаніе высказывается авторомъ и по другому поводу. См. XXVII, 10, 13.

3 Онъ говоритъ объ одномъ фактѣ, характеризующемъ отсутствіе дисциплины у этихъ германскихъ шаекъ. Отрядъ пѣхоты заставилъ своихъ полководцевъ сойти съ коней, не желая чтобы кто-нибудь изъ нихъ могъ бѣжать въ случаѣ пораженія. См. *Ammian.* XVI, 12, 34: „Alamannorum peditum fremitus auditus est unanimi conspiratione vociferantium relictis equis secum oportere versari regales, ne, si quid contigisset adversum, deserta miserabili plebe discedendi copiam reperirent“.

4 *Ibid.* XVI, 12, 36: „Properantes cito quam considerato cursu“. *Ibid.* 44: „Inconpositi barbari“.

5 *Ibid.* 36: „Miles pertinax“.

6 *Ibid.* 20: „Antepilanis hastatisque et ordinum primis velut insolubili muro fundatis“.

ются непоколебимыми [1]. Два галльскихъ отряда [2], подкрѣпленные кучкою Батавовъ, выдерживаютъ натискъ съ большимъ упорствомъ и долго сражаются въ рукопашномъ бою. Наконецъ, многочисленная германская пѣхота собирается въ сомкнутый строй; короли и знать шествуютъ во главѣ; плотной массѣ удается пробить передовую римскую линію, но она наталкивается затѣмъ на «legio primanorum», который стоитъ твердо, «какъ башня», и ряды враговъ падаютъ одни за другими подъ ударами непоколебимыхъ легіонеровъ; 6,000 варваровъ легли на полѣ битвы, остальные, убѣгая, тонутъ въ Рейнѣ. Король Хонодомаръ сдается; согласно разсказу историка, онъ обнаружилъ при этомъ въ своемъ поведеніи позорныя свойства раба: повергнувшись къ ногамъ побѣдителя, онъ просилъ о пощадѣ, «пользуясь обычными у варваровъ въ подобныхъ случаяхъ способами мольбы» [3]. Юліанъ отправилъ его въ Римъ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ отъ изнурительной болѣзни [4].

[1] *Ibid.* 37, 38: „Gremio legionum protecti.. Ni pedites stetissent inmobiles".

[2] Cornuti и braccati.

[3] *Ibid.* 49: „Ardens optimatium globus, inter quos decernebant et reges, sequente vulgo, agmina nostrorum inrupit, adusque primanorum legionem pervenit, locatam in medio, ubi densior et ordinibus frequens miles instar turrium fixa firmitate consistens, proelium maiore spiritu repetivit". См. у Амміана, XXVII, 2, другой разсказъ объ этой битвѣ.

[4] *Ammian.* XVI, 12, 60 и 61: „Chonodomarius... ultro se dedit... utque nativo more sunt barbari humiles in adversis, servus alienae voluntatis trahebatur pallore confusus".—*Ibid.* 65: „Curvatus, deinde humi suppliciter fusus, gentilique prece veniam poscens".— Амміанъ часто упоминаетъ о такого рода униженныхъ мольбахъ варваровъ.—XVII, 1, 12—13: „Precibus et humilitate suprema petiere pacem... Tres reges venerunt trepidi, iurantes conceptis ritu patrio verbis, nihil inquietum acturos, sed foedera servaturos frugesque

Послѣ смерти императора Юліана вторженія варваровъ снова возобновились. Въ 367 г. три отряда (cunei) Аламанновъ ворвались въ Галлію, но были тамъ истреблены Іовиномъ, полководцемъ Валентиніана [1]. Въ 368 г. одинъ аламаннскій вождь, зная, что въ городѣ Майнцѣ не было гарнизона, неожиданно овладѣлъ имъ съ небольшою шайкою грабителей [3]; онъ безъ боя захватилъ множество плѣнниковъ изъ людей обоего пола и различныхъ соціальныхъ состояній, а затѣмъ возвратился съ богатою добычею на родину [4].

portaturos humeris; quod utrumque, metu perfidiam frenante, fecerunt".—XVII, 12, 21: „Sub gressibus iacuere militum et adepti veniam iussa fecerunt". XXX, 6, 2: „Quadi, cum membris incurvatis starent metu debiles et praestricti".—XVII, 10, 3: „Rex Alamannorum Suomarius pacem genibus curvatis oravit".— XVII, 12, 11: „Obedire praeceptis promptissime spoponderunt".—XIV, 10, 9: „Alamanni optimates misere delictorum veniam petituros et pacem. — Въ другомъ мѣстѣ, XVII 12, 13, авторъ рисуетъ пословъ Квадовъ, которые „по ихъ племенному обычаю преклонялись (передъ римскими вождями) до земли".—Уже Веллей (II, 106) наблюдалъ слѣдующую картину: „Omnis Chaucorum iuventus, traditis armis, uno cum ducibus suis, ante imperatoris procubuit tribunal".—*Zosim.* II, 21: „Κωνσταντῖνος πολλοὺς μὲν ἀνεῖλεν, πολλοὺς δὲ ζωγρίᾳ ἑλὼν τὸ περιλειφθὲν πλῆθος χεῖρας ἀνατείνειν ἐδέξατο". Жители Имперіи не могли понять такой двойственности въ поведеніи этихъ людей. „то покорныхъ до низости, то дерзкихъ до крайности". См. *Ammian.* XXVII, 10, 5.

[1] *Ibidem*, 66.

[2] *Ammian.* XXVII, 2.

[3] *Ibidem*, XXVII, 10, 1: „Mogontiacum praesidiis vacuam cum expeditis ad latrocinandum latenter inrepsit".

[4] *Ibid.* 2: „Impraepedite cuiusque modi fortunae virile et muliebre secus cum supellectili non parva indefensum abduxit".— Амміанъ не прочь отмѣтить, что городъ былъ взятъ въ день большого христіанскаго праздника.

Императоръ Валентиніанъ наказалъ опустошителей, нанеся имъ ударъ въ ихъ собственной странѣ [1]; тѣмъ самымъ онъ поразилъ варваровъ такимъ ужасомъ, что, пока онъ оставался живъ, они не осмѣливались дѣлать новой попытки набѣга на города Имперіи [2]. Что касается самаго города Майнца, то онъ, конечно, остался во власти Рима [3]. Въ 370 году толпа Саксовъ произвела вторженіе въ Галлію; но она была уничтожена имперскимъ войскомъ вся до послѣдняго человѣка [4]. При Граціанѣ были отражены еще новыя нашествія [5], и Лентійцы одинъ изъ народцевъ аламанскаго корня, были истреблены римскимъ оружіемъ при наличности въ войскѣ Имперіи значительно меньшихъ силъ, чѣмъ у варваровъ [6]. Во время царствованія

[1] *Ibidem.*

[2] *Zosim.* IV, 12.

[3] Это ясно вытекаетъ изъ одного случая, разсказаннаго Аммiаномъ подъ 374 годомъ. Онъ изображаетъ одного высокопоставленнаго римскаго чиновника по имени Ремигія, который, утомленный государственной службою, вышелъ въ отставку и поселился на покоѣ въ своихъ помѣстьяхъ, расположенныхъ близъ Майнца. Никакіе варвары не нарушаютъ этого покоя; онъ встрѣчается тамъ лишь съ римскимъ чиновникомъ, префектомъ Максиминомъ, который досаждаетъ его своею непріязнью (*Ammian.* XXX, 2, 10—11).—Еще одно мѣсто у Аммiана (XXVIII, 2, 1—3) ясно показываетъ, что въ рукахъ Римлянъ оставалась не только вся линія Рейна, но что Имперія владѣла крѣпостями и на правомъ его берегу.

[4] *Ammian.* XXVIII, 5.

[5] *St. Hieronym.* Chronic. anno 377 (Bouquet, I, p. 611): „Alamannorum triginta circiter milia apud Argentariam oppidum Galliarum ab exercitu Gratiani strata“.—*Socrat.* Historia ecclesiastica, V, 6.

[6] *Ammian.* XXXI, 10.—*Oros.* VII, 33: „Gratianus, cum inæstimabilem mulitudinem hostium Romanis infusam finibus cerneret, longe inpari militum numero sese in hostem dedit, et apud

Ѳеодосія, миръ въ Галліи и неприкосновенность ея границъ не нарушались совсѣмъ.

3.

Три крупныхъ вторженія въ V вѣкѣ.

Такъ доходимъ мы до событія, которое, обыкновенно, именуется великимъ нашествіемъ, то-есть, къ вторженію 406 и 407 годовъ. Конечно, оно является однимъ изъ самыхъ бѣдственныхъ фактовъ міровой исторіи. Но необходимо и его разсмотрѣть поближе и разобраться во всѣхъ его подробностяхъ, чтобы получить право характеризовать его какъ завоевательное движеніе въ настоящемъ смыслѣ слова.

Разсказъ объ этомъ крупномъ происшествіи мы находимъ у нѣскольких писателей-современниковъ, именно у Орозія, Зосима и Созомена; Св. Іеронимъ, Рутилій, Просперъ Аквитанскій и позже Іорданъ также сообщаютъ о чемъ. Если невозможно изучить его во всѣхъ деталяхъ, то легко, по крайней мѣрѣ, схватить его истинную картину и убѣдиться въ томъ, каковы были его послѣдствія.

Въ 404 году толпа Готовъ, численность которой опредѣляется историками въ 200,000 человѣкъ, вступила въ Италію подъ предводительствомъ короля Радагайса [1]. Мы не можемъ возстановить въ точности,

Argentariam formidulosissimum bellum incredibili felicitate confecit. Nam plus quam triginta milia Alamannorum minimo Romanorum detrimento in eo proelio interfecta narrantur“.

[1] *Prosper. Tyron.* anno 404 (dom Bouquet, I, p. 637): „Saeva Italiae barbarici motus tempestas incubuit; siquidem Radagaisus rex Gothorum Italiae limitem vastaturus transgreditur.“—*Oros.* VII, 37, 4: „Radagaisus inundavit Italiam. Fuisse in populo eius plus quam ducenta milia Gothorum ferunt“.

какіе города были захвачены ими, какія области опустошены. Достовѣрно лишь то, что въ слѣдующемъ году одни изъ нихъ были истреблены въ открытомъ сраженіи войскомъ Стилихона [1], другіе, загнанные въ горы Этруріи и заморенные голодомъ, сдались безъ битвы [2] и были проданы въ рабство «подобно стаду» за одну золотую монету съ головы [3].

Еще другіе Германцы вторглись въ Галлію въ самомъ концѣ 406 года. Всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ событіи ограничиваются слѣдующимъ. Военачальникъ (comes) Стилихонъ, говоритъ современный историкъ Оро зій, недовольный тѣмъ, что онъ оставался лишь высшимъ сановникомъ Имперіи, и желая провозгласить императоромъ собственнаго сына Евхерія, чтобы сдѣлать изъ него гонителя христіанъ, призвалъ противъ Рима безчисленныя полчища Алановъ, Свевовъ, Вандаловъ, Бургундовъ и двинулъ ихъ въ Галлію противъ Имперіи; онъ надѣялся, несчастный, приготовить такимъ образомъ для своего сына возможность занять силою престолъ и думалъ, что остановить варваровъ будетъ такъ же легко,

[1] *Prosper. Tyron.* anno 405: „Radagaisus occubuit; cuius in tres partes per diversos principes divisus exercitus aliquam repugnandi Romanis aperuit facultatem; insigni triumpho exercitum tertiæ partis hostium Stilico usque ad internecionem delevit".—*Prosper. Aquit.* anno 405: „Radagaisus in Tuscia, multis Gothorum milibus cæsis, ducente exercitum Stilicone superatus".

[2] *Oros.* VII, 37, 13: „Conterritum divinitus Radagaisum in Fæsulanos montes cogit; eiusque ducenta milia hominum, inopum consilii et cibi, in arido et aspero montis iugo, urguente undique timore, concludit.

[3] *Oros.* VII, 37, 16: „Tanta multitudo captivorum Gothorum fuisse fertur, ut vilissimorum pecudum modo singulis aureis passim greges hominum venderentur".—Зосимъ (V, 26) разсказываетъ

какъ и привести ихъ въ движеніе [1]. Но заговоръ Стилихона и язычниковъ былъ разстроенъ; самъ онъ и его сынъ подверглись казни. Однако, привлеченные имъ въ Галлію варвары дѣйствительно перешли Рейнъ, опустошили эту провинцію, и направляясь прямо вглубь страны, достигли Пиреней; ихъ полчища, задержанныя въ дальнѣйшемъ движеніи этими горами, разсѣялись по окружающимъ областямъ, которыя они нѣкоторое время подвергали опустошеніямъ [2]. Тогда же появился нѣкій узурпаторъ, по имени Константинъ, который заключилъ съ ними договоръ [3], и завладѣвъ съ помощью одного отряда Германцевъ, состоявшаго уже раньше на службѣ Имперіи, однимъ проходомъ черезъ Пиренеи, наводнилъ

объ этихъ событіяхъ иначе, но приходитъ къ тому же заключенію, а именно, что это войско было разбито Стилихономъ, и что отъ него ничего не осталось.—Ср. *St. Augustinus*, De civitate Dei, V, 23.—*Orelli*, 1135: „Imperatoribus clementissimis et felicissimis toto orbe victoribus dominis nostris Arcadio, Honorio et Theodosio augustis, ad perenne indicium triumphi, quod Gothorum nationem in omne ævum domuerunt, senatus populusque romanus."

[1] *Oros.* VII, 38, 1—4: „Interea comes Stilico... parvi pendens, quod sub imperatore imperabat, Eucherium filium suum, iam inde Christianorum persecutionem meditantem, in imperium sustinere (substituere?) nitebatur. Quamobrem... gentes alias copiis viribusque intolerabiles, Alanorum, Suevorum, Vandalorum... Burgundionum, ultro in arma sollicitans, deterso semel Romani nominis metu, suscitavit... sperans, miser, quod (quia?) et extorquere imperium genero posset ilium, et barbarae gentes tam facile comprimi quam commoveri valerent".

[2] *Oros.* VII, 40, 3: „Interea, excitatae per Stiliconem gentes Alanorum, Suevorum, Vandalorum, multaeque cum his aliae Francos proterunt, Rhenum transeunt, Gallias invadunt, directoque impetu Pyrenaeum usque perveniunt; cuius obice ad tempus repulsae, per circumiacentes provincias refunduntur".

[3] *Ibid.* 4: „Constantinus... in Gallias transiit. Ibi saepe a barbaris incertis foederibus inlusus, detrimento reipublicae fuit".

Испанію грозною толпою всѣхъ этихъ бродившихъ по Галліи варваровъ [1]. Такимъ образомъ, Испанія въ свою очередь подверглась опустошенію и кровавымъ насиліямъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и отдѣльные германскіе народцы, изъ которыхъ составлены были эти толпы, начали воевать между собою; поэтому, прибавляетъ Орозій, мы почти каждый день получаемъ извѣстія объ избіеніяхъ, въ которыхъ погибалъ тотъ или другой изъ нихъ» [2].

Греческій историкъ Зосимъ разсказываетъ о тѣхъ же событіяхъ нѣсколько иначе. Въ 406 году Вандалы, соединившись со Свевами и Аланами, перешли границу, опустошили заальпійскія области и произвели тамъ многочисленныя избіенія [3]. Узурпаторъ Константинъ съ римскимъ войскомъ истребилъ этихъ варваровъ и, чтобы закрыть ихъ соплеменникамъ доступъ въ Галлію, вновь размѣстилъ римскіе гарнизоны по линіи Рейна [4]. Въ слѣдующемъ году въ то время, когда большая часть войскъ Константина находилась въ Испаніи, Геронтій въ свою очередь узурпировалъ въ Галліи императорскій пурпуръ и поднялъ противъ Константина

[1] *Ibid.* 7—9: „Constantinus... Constantem filium suum cum barbaris quibusdam, qui quondam in foedus recepti atque in militiam allecti, Honoriaci vocabantur, in Hispanias misit. His barbaris claustrisque patefactis, cunctas gentes, quae per Gallias vagabantur, Hispaniis inmittunt“.

[2] *Oros.* VII, 43, 15.

[3] *Zosim.* VI, 3: „Βανδίλοι Σουήβοις καὶ Ἀλανοῖς ἑαυτοὺς ἀναμίξαντες τοῖς ὑπὲρ Ἄλπεις ἔθνεσιν ἐλυμήναντο καὶ πολὺν ἐργασάμενοι φόνον....“

[4] *Ibidem*: „Ἐνίκων μέν οἱ Ῥωμαῖοι, τὸ πολὺ τῶν βαρβάρων κατασφάξαντες μέρος.... Διὰ ταῦτα τούτοις τοῖς τόποις φύλακας ἐγκατέστησε Κωνσταντῖνος, ὡς ἂν μὴ τὴν εἰς Γαλατίαν ἀνειμένην ἔχοιεν πάροδον. Ἐγκατέστησε δὲ καὶ τῷ Ῥήνῳ πᾶσαν ἀσφάλειαν“.—Cfr. VI, 2

варварскіе отряды, расквартированные въ странѣ [1]; благодаря этимъ раздорамъ зарейнскіе варвары совершили еще разъ вторженіе» [2]. Историкъ не говоритъ, что сталось съ ними; его сочиненіе заканчивается указаніемъ на то, что узурпаторъ Константинъ сдѣлался владыкою Галліи [3].

Греческіе историки Олимпіодоръ и Созоменъ изображаютъ узурпацію Константина, какъ событіе болѣе важное, чѣмъ простое вторженіе варваровъ. Они указываютъ, что въ 408 году Константинъ былъ признанъ императоромъ всѣми частями войскъ, расположенныхъ въ Галліи [4]; Геронтій съ помощью тѣхъ же военныхъ силъ возсталъ противъ Константина, и тогда для спасенія своей власти Константинъ призвалъ изъ Германіи новыя полчища варваровъ; наконецъ, законный Императоръ Гонорій послалъ изъ Италіи для усмиренія волненій войско, которое разбило одного за другимъ всѣхъ названныхъ узурпаторовъ и возвратило Галлію подъ власть Гонорія [5].

Въ хроникѣ Проспера Аквитанскаго упоминается подъ 406 годомъ о вторженіи въ Галлію Вандаловъ и Алановъ, подъ 407—объ узурпаціи Константина въ той же странѣ; подъ 409 – о переходѣ Ван-

[1] *Zosim.* VI, 5: „Γερόντιος ἐπανίστησι Κωνσταντίνῳ τοὺς ἐν Κελτοῖς βαρβάρους“.

[2] *Ibidem*: „Πάντα κατ' ἐξουσίαν πιόντες οἱ ὑπὲρ τὸν Ῥῆνον βάρβαροι“.

[3] *Idem*, VI, 13: „Κωνσταντῖνος δὲ τῷ παιδὶ τὸ διάδημα περιθεὶς καὶ βασιλέα πεποιηκώς....“

[4] *Olympiodor.* (Fragmenta historicorum graecorum, ed. Didot, t. IV, p. 59): „Κωνσταντῖνος κρατεῖ πάντων τῶν μερῶν τῆς Γαλατίας“ (4080 г.).

[5] *Olympiodor.* ibid. p. 60—61. *Sozom.* Historia Ecclesiastica, IX, 4, 11—14.

даловъ въ Испанію; подъ 411—о паденіи Константина [1]. Другая хроника, приписываемая Просперу Тирону, отмѣчаетъ подъ 407 годомъ жестокій набѣгъ различныхъ варварскихъ племенъ, призванныхъ будто бы Стилихономъ и терзавшихъ Галлію [2]; авторъ не говоритъ, что эти варвары совершили, и что сталось съ ними; далѣе, дойдя до 410 года, онъ сообщаетъ, «что Вандалы и Аланы опустошали часть Галліи, а узурпаторъ Константинъ занималъ остальную часть [3].

Хроники Кассіодора и Идатія не прибавляютъ къ тому, что намъ извѣстно, никакихъ новыхъ свѣдѣній; ни тотъ, ни другой не говорятъ во всякомъ случаѣ, что варвары овладѣли всею Галліею. Сальвіанъ довольствуется общимъ упоминаніемъ о большомъ вторженіи 407 года [4]. Іорданъ, писавшій въ слѣдующемъ вѣкѣ, знаетъ только, что Вандалы утвердились не надолго въ Галліи по призыву Стилихона [5],

[1] *Prosper.* Chronicon: „Arcadio VI et Probo consulibus, Vandali et Alani Gallias, traiecto Rheno, pridie kalendas ianuarias ingressi.—Honorio VII et Theodosio II consulibus, Constantinus in Britannia tyrannus exoritur et ad Gallias transit.—Honorio VIII et Theodosio III consulibus, Vandali Hispanias occupaverunt. — Theodosio IV consule, Constantinus per Honorii duces apud Arelatense oppidum victus et captus est“.

[2] *Prosperi Tyronis chronicon* (Bouquet, t. I, p. 637). „Diversarum gentium rabies Gallias dilacerare exorsa, immissu Stiliconis“.

[3] *Ibidem*: „Saxonum incursione devastatam Galliarum partem Wandali atque Alani vastavere, quod reliquum fuerat, Constantinus tyrannus obsidebat...“

[4] *Salvian.* De gubernatione Dei, VII, 11; 12.

[5] *Iordan.* De rebus geticis, c. 22, (ed. Closs, p. 89, ed. Mommsen, p. 88): „Ab Stilicone invitati Gallias occupaverunt ubi finitimos depraedantes non adeo fixos sedes habuerunt“.

и что они такъ же, какъ и Аланы, вскорѣ «бѣжали изъ Галліи и скрылись въ Испаніи» [1].

Еще и другіе документы свидѣтельствуютъ объ очень сильныхъ опустошеніяхъ Галліи въ этотъ же самый періодъ отъ 407 до 410 года. Одна поэма о божественномъ Провидѣніи, долго приписывавшаяся Просперу Аквитанскому и написанная, по всей вѣроятности, въ 416 году, начинается жалобою на несчастія того времени и указаніемъ на опустошенія варваровъ: «Вотъ уже десять лѣтъ, какъ мы падаемъ подъ ударами Вандаловъ и Готовъ... Города разрушены, народъ гибнетъ безъ различія состоянія и пола, рѣжутъ дѣтей и дѣвушекъ; храмы Божьи преданы пламени, монастыри разорены... Если бы вода со всего океана залила поля Галліи, она причинила бы меньше разоренія» [2]. Такой риторическій паѳосъ можетъ быть признанъ очень красивымъ; но цвѣты краснорѣчія мало освѣщаютъ исторію, особенно когда мы вспомнимъ, что галльскіе города вовсе не были уничтожены, и что Рутилій и Сидоній описываютъ намъ благоденствіе той же страны, въ которой они жили сами.

[1] *Idem*, c. 31, p. 117 (Mommsen p. 100): „Vandali vel Alani ad Gallias transierunt; sed mox a Galliis fugientes Spanias se recluserunt“.

[2] *Carmen de Providentia*, см. въ сочиненіяхъ Проспера Аквитанскаго (ліонское изданіе, 1539 г. и Парижское 1711); въ *Patrologia latina*, t. II, col. 617 ss:

„Si totus Gallos sese effudisset in agros
Oceanus, vastis plus superesset aquis....
.... Heu! caede decenni
Vandalicis gladiis sternimur ac Geticis....
Quo scelere admisso pariter periere tot urbes?
Quid pueri insontes? Quid commisere puellae?
Quare templa Dei licuit popularier igni?“

Существуетъ еще письмо св. Іеронима, или скорѣе родъ поученія о преимуществахъ состоянія вдовства, написаннаго въ формѣ посланія. Оно было отправлено изъ Виѳлеема. Чтобы побудить одну женщину отказаться отъ вступленія во второй бракъ, авторъ восклицаетъ словами Св. Писанія—«*Vae praegnantibus et nutrientibus*», и ссылается на бѣдствія того времени, которыя онъ описываетъ самыми мрачными красками. Понимая его буквально, надо было бы признать, что родъ человѣческій былъ тогда почти истребленъ: «Если немногіе изъ насъ избѣгли смерти, мы обязаны этимъ милосердію Божію. Безчисленные народы, обладающіе неслыханною жестокостью, заняли всю Галлію, все пространство, заключенное между Альпами и Пиренеями, Рейномъ и Океаномъ. Квады, Вандалы, Сарматы, Аланы, Гепиды, Герулы, Саксы, Бургунды, Аламанны, враги изъ Паннон.и разграбили рѣшительно все [1]. Въ Майнцѣ не осталось камня на камнѣ; городъ Вангіоновъ разрушенъ. Всѣ жители городскихъ общинъ Ремовъ, Амбіатовъ, Атребатовъ, Мориновъ, Турнэ, Шпейера, Страсбурга были переведены въ Германію Аквитанія, Новемпопуланія, лугдунская и нарбонская области за исключеніемъ небольшого числа городовъ, уцѣлѣвшихъ отъ огня только для того, чтобы погибнуть

[1] *St. Hieronym.* Epist. XCI, Ad Ageruchiam, (парижское изданіе, in-folio, т. IV, 2-я часть, стр. 748): „Væ prægnantibus et nutrientibus in illa die, quorum utrumque de fructibus nuptiarum est. Præsentium miseriarum pauca percurram. Quod rari huiusque residemus, non nostri meriti sed Domini misericordiæ est. Innumerabiles ac ferocissimæ nationes universas Gallias occuparunt. Quidquid inter Alpes et Pyrenæum est, quod Oceano et Rheno includitur, Quadus, Wandalus, Sarmata, Halani, Gepides, Heruli, Saxones, Burgundiones. Alamanni et, o lugenda respublica, hostes Pannonii vastarunt.“

отъ голода, были совершенно опустошены [1]. И наши государи не виновны во всемъ случившемся, такъ какъ они очень благочестивы; это — слѣдствіе коварства одного человѣка, наполовину варвара, Стилихона, этого измѣнника, воспользовавшагося нашими богатствами, чтобы возстановить противъ насъ нашихъ враговъ» [2]. Изъ всего этого проповѣдникъ заключаетъ, что вдова не должна вступать снова въ бракъ. Историкъ не можетъ понимать буквально всѣхъ утвержденій краснорѣчиваго виѳлеемскаго пустынника и не станетъ основывать на нихъ разсказа о томъ, что происходило тогда въ Галліи. Мы не будемъ выводить отсюда, что всѣ перечисленные авторомъ города были дѣйствительно разрушены, такъ какъ историки слѣдующаго вѣка говорятъ о нихъ, какъ о существующихъ въ ихъ время; мы извлечемъ изъ изображенія св. Іеронима лишь ту истину, что Галлія подвергалась ужаснымъ опустошеніямъ и испытывала великія бѣдствія.

Объ истинномъ характерѣ изучаемаго событія мы лучше можемъ составить себѣ сужденіе изъ разсказовъ историковъ Орозія, Зосима, Созомена и Іордана, чѣмъ изъ приведенныхъ прочувствованныхъ словъ св. Іеронима. Первые приводятъ насъ къ такимъ выводамъ: 1) въ послѣдній день 406 года вооруженныя

[1] *Ibidem*: „Moguntiacum, nobilis quondam civitas, capta atque subversa est, Vangiones longa obsidione deleti, Remorum urbs præpotens, Ambiani, Attrebatae, extremique hominum Morini, Tornacus, Nemetae, Argentoratus translati in Germaniam. Aquitaniae, Novemquepopulorum, Lugdunensis et Narbonensis provinciae praeter paucas urbes populata sunt cuncta, quas et ipsas foris gladius, intus vastat fames“.

[2] „*Ibidem*: „Quod non vitio principum, qui vel religiosissimi sunt, sed scelere semibarbari accidit proditoris, qui nostris contra nos opibus armavit inimicos“.

группы Алановъ, Вандаловъ и Свевовъ, призванныя, какъ передаютъ нѣкоторые, первымъ сановникомъ Имперіи, дѣйствительно переправились черезъ Рейнъ, находившійся лишь подъ защитою небольшого отряда Франковъ; 2) около того же времени легіоны, расположенные въ Бретани, провозгласили императоромъ Константина; этотъ Константинъ, проходя черезъ Галлію, истребилъ часть варваровъ, присоединилъ къ себѣ остальныхъ и завладѣлъ всѣмъ краемъ до Рейна, гдѣ онъ возстановилъ римскіе гарнизоны и въ то же время освободился отъ полчищъ опустошителей, переправивъ ихъ въ Испанію; 3) противъ другого узурпатора, Геронтія, Константинъ призвалъ новыя дружины Германцевъ, которыя были однако разбиты и уничтожены войскомъ Гонорія въ 411 году.

Такимъ образомъ, пять лѣтъ протекли въ Галліи среди жестокихъ гражданскихъ смутъ, которыя вели между собою узурпаторы, помышлявшіе лишь о томъ, чтобы захватить въ свои руки власть, или вооруженные отряды Римлянъ и Германцевъ, опустошавшіе и грабившіе страну подъ предлогомъ оказанія помощи тому или другому претенденту на престолъ. Но какъ бы ни рисовалась печальною и ужасною картина жизни Галліи въ эти пять лѣтъ, историкъ впалъ бы въ большую ошибку, если бы сталъ усматривать здѣсь настоящее завоеваніе страны германскими народами. Съ 411 года Галлія вновь стала мирною римскою провинціей, которая, какъ утверждаетъ одинъ историкъ этой эпохи [1], и какъ ясно видно изъ стихотвореній

[1] *Sozomen.* Historia ecclesiastica, IX, 15: „Καὶ τὸ ἐξ ἐκείνου πάλιν τὸ τῇδε ὑπήκοον εἰς τὴν Ὁνωρίου ἡγεμονίαν ἐπανῆλθε καὶ τοῖς ὑπ' αὐτὸν ἄρχουσιν ἐπείθετο“.

Рутилія, писанныхъ въ 416 году, и изъ писемъ Сидонія Аполлинарія, была безусловно покорна указамъ Гонорія и его правительства.

Послѣднимъ изъ крупныхъ нашествій, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, является нашествіе племени, которое само по себѣ не входило въ составъ германской расы,—именно Гунновъ. Оно было болѣе грозно, произвело болѣе сильное впечатлѣніе и глубже врѣзалось въ память современниковъ и потомковъ, чѣмъ всѣ предшествующіе варварскіе набѣги. Но послѣдствія его не оказались глубже, и отъ громадной орды народовъ, грозившей какъ будто все поглотить, на почвѣ Галліи не осталось никакихъ слѣдовъ. Тѣмъ не менѣе надобно сказать нѣсколько словъ объ этомъ событіи.

Въ концѣ IV вѣка Германію, столько уже потерпѣвшую отъ внутреннихъ неустройствъ, поразилъ новый ударъ: изъ Азіи появились Гунны. Нельзя сказать чтобы они обладали большимъ могуществомъ, такъ какъ сами спасались бѣгствомъ отъ преслѣдованій какихъ-то другихъ племенъ, тѣснившихъ ихъ съ еще болѣе дальняго Востока. Гунны распадались на нѣсколько кочевыхъ ордъ, не соединенныхъ между собою никакими учрежденіями или постоянными связями. Они усилились лишь полвѣка спустя, когда Аттила на время сплотилъ ихъ въ одно цѣлое.

Однако не смотря на ихъ слабость, Германія, еще болѣе слабая, чѣмъ они, не могла остановить ихъ напора. Къ сѣверу отъ нижняго Дуная жили тогда Готы, государь которыхъ, Германрихъ, трудился надъ упроченіемъ своей державы; всѣ плоды его усилій рухнули подъ первыми же ударами гуннскихъ ордъ: Остготы покорились власти новопришельцевъ; устра-

шенные Вестготы просили убѣжища у императора, который и даровалъ имъ пріютъ; въ другомъ мѣстѣ мы разскажемъ ихъ исторію. Гунны медленно подвигались впередъ. Германцы, или, по крайней мѣрѣ, то, что отъ нихъ оставалось, бѣжали передъ врагами, объятые ужасомъ. Все населеніе сѣвернаго берега Дуная соединилось вмѣстѣ въ количествѣ 200,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Радагайса, и ринулось на Италію. Эти полчища, какъ мы видѣли, были истреблены римскимъ войскомъ въ Тосканѣ.

Гунны же все подвигались дальше на западъ. Движеніе Германцевъ въ Италію въ 406 году образовало пустоту въ мѣстностяхъ, которыя были заняты ими раньше, и Гунны завладѣли оставленнымъ краемъ. Мало по малу они достигли самаго Рейна. Это и была эпоха, когда они, впрочемъ, очень ненадолго пріобрѣли нѣкоторую силу. Отважный вождь соединилъ тогда ихъ различныя орды подъ своею властью. Онъ перешелъ черезъ великую рѣку, вторгся въ Галлію и дошелъ, не встрѣчая сопротивленія со стороны имперскихъ войскъ, до самаго Орлеана. Ни одно изъ предшествовавшихъ варварскихъ набѣговъ не ощущалось жителями такимъ ужаснымъ. Въ 451 году шалонская долина представляла собою слѣдующее зрѣлище: на одной сторонѣ стояли Гунны, которыхъ сопровождали въ качествѣ невольныхъ союзниковъ Остготы, Гепиды, Туринги и Аламанны; на другой расположился полководецъ Имперіи Аэцій, предводительствовавшій Вестготами, Бургундами, Франками, Саксами, которые всѣ были подданными Имперіи и служили въ римскомъ войскѣ; такимъ образомъ, если исключить Лонгобардовъ и главную часть Саксовъ, оставшихся въ Германіи, то большинство германскихъ народцевъ подчинялось тогда либо гуннскому

царю Аттилѣ, либо императору Валентиніану. Пораженіе Аттилы спасло Имперію отъ дальнѣйшаго нашествія и въ то же время возвратило независимость германской землѣ.

4.

Общій характеръ всѣхъ описанныхъ нашествій.

Намъ придется изучать въ другомъ мѣстѣ, какимъ образомъ Вестготы, Бургунды и Франки вступили въ Галлію. Эти послѣднія событія сильно отличаются по своему характеру отъ только что разсмотрѣнныхъ; потому то нельзя смѣшивать ихъ съ набѣгами, которые мы разобрали, происходившими до 411 года, и мы познакомимся съ ними въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Мы хотѣли сгруппировать выше лишь описанія дѣйствительно непріязненныхъ вторженій, такихъ, при которыхъ Германцы дѣйствовали открыто, какъ враги Имперіи.

Изъ внимательнаго анализа подробностей этихъ событій можно вывести нѣсколько немаловажныхъ заключеній. Прежде всего, документы никогда не изображаютъ указанныхъ движеній какъ переселеніе народовъ. Ни у одного изъ перечисленныхъ многихъ писателей не найдется ни одной строки, изъ которой можно было бы извлечь такое представленіе. Въ ихъ глазахъ дѣло идетъ всегда только о набѣгахъ вооруженныхъ отрядовъ или дружинъ. Аммiанъ, хорошо знавшій всѣ эти факты, чаще всего прибѣгаетъ для обозначенія подобныхъ группъ варваровъ къ слову—*catervae*. Нѣкоторыя отдѣльныя шайки иногда составлялись изъ

людей, принадлежавшихъ къ различнымъ народцамъ [1]. Въ другихъ случаяхъ они пополнялись изъ воиновъ одного и того же племени; но фактъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ цѣлыми народцами, доказывается слѣдующимъ соображеніемъ: хотя многіе изъ такихъ отрядовъ были истреблены, мы и позже встрѣчаемъ въ Германіи племена, наименованія которыхъ носили данныя шайки или дружины. Готы, наводнившіе Өракію при Галліенѣ, Аламанны, предавшіе Галлію огню и мечу при Констанціи, не были ни готскимъ, ни аламаннскимъ народомъ въ ихъ цѣлости, такъ какъ эти полчища были совершенно уничтожены, а народы указанныхъ наименованій продолжали существовать [2].

Во всемъ, что сообщаютъ историки о вторгавшихся въ предѣлы Имперіи варварахъ, мы не видимъ ни одной черты, которая характеризовала бы цѣлый переселяющійся народъ. Неожиданность набѣговъ и быстроту переходовъ нельзя счесть дѣйствіями, свойственными быту цѣлаго народца. Представимъ себѣ, какое пространство можетъ занять народъ, состоящій хотя бы только изъ 200,000 семействъ? Подумаемъ о

[1] Зосимъ (V, 26) говоритъ совершенно опредѣленно, что орда, предводительствуемая Радагайсомъ, состояла изъ представителей всѣхъ народовъ. Онъ сдѣлалъ то же замѣчаніе относительно вторженія Готовъ при Галліенѣ (I, 42). Точно также, вторженіе 357 года было произведено людьми „ex variis nationibus“ (*Ammian.* XVI, 12, 26). Въ другомъ мѣстѣ Амміанъ (XXXI, 5, 13) характеризуетъ эти толпы словами „vesania gentium dissonarum“.—Авторъ сообщаетъ, что такъ называемые Аламанны, побѣжденные Юліаномъ при Страсбургѣ, были „ex variis nationibus, partim mercede quaesiti“ (*Ammian.* XVI, 12, 26).

[2] Амміанъ (XXI, 3) разсказываетъ объ Аламаннахъ, которые опустошили Рецію, и говоритъ, что эти Аламанны покинули свой народъ: „a pago Vadomarii exorsos“.

затруднительность передвиженія такой массы и обезпеченія ея пропитанія. Соотвѣтствуетъ ли подобной картинѣ племенного переселенія все то, что намъ сообщаютъ писатели объ этихъ Германцахъ, которые внезапно нападаютъ на города, быстро совершаютъ большіе переходы, разсѣеваются для грабежа, производятъ ночью опустошенія, скрываясь куда-то днемъ? [1]. Ниже мы укажемъ, что тѣ изъ Германцевъ, которые вступали на службу въ римское войско, устраивали также своихъ женъ и дѣтей въ городахъ Имперіи; тѣ же хищники, о которыхъ мы говоримъ, поступали какъ разъ обратно: они за ненадобностью умышленно сжигали города, которые были бы имъ такъ необходимы для укрытія ихъ семействъ.

Правда, женщины часто сопровождали мужей, слѣдуя за ними въ повозкахъ; но и при отрядахъ варваровъ, союзныхъ Риму (федератовъ), также находились женщины; встрѣчались онѣ иногда даже при римскихъ войскахъ [2]. Присутствіе извѣстнаго числа женщинъ въ воинскомъ обозѣ не даетъ никакого права заключать, что дѣло идетъ о движеніи цѣлаго народа [3]. Всѣ эти группы людей не представляли со-

[1] *Ammian.* XXI, 3, 3: „Barbari iam certamina meditantes sese per valles abdiderant“.

[2] См. напримѣръ у Амміана (XX, 4, 10), какъ эти войска, получивъ приказъ перейти изъ Галліи на востокъ, жалуются, что они должны разлучаться со своими женами и оставить ихъ въ опасности предъ вторженіемъ Аламанновъ: „Caritates nostrae Alamannis denuo servient“.

[3] Иногда, впрочемъ, писатели отмѣчаютъ, что германскія дружины и полчища не сопровождались ни женщинами, ни дѣтьми. См. *Mamertin.* Paneg. Maxim. 5: „Relictis domi coniugibus ac matribus“. Тѣ 320,000 вооруженныхъ Готовъ, которые сѣли на суда въ царствованіе Галліена (какъ разсказано выше), конечно, не взяли

бою въ дѣйствительности ни народовъ, ни даже войскъ, подобныхъ современнымъ арміямъ; это были военныя дружины, которыя странствовали обыкновенно въ сопровожденіи семействъ [1].

Въ данномъ случаѣ насъ вводитъ въ ошибку довольно частое обозначеніе историками вторгающихся отрядовъ словами *gentes* и ἔθνη. Но надо принять во вниманіе, что эти слова не являлись тогда синонимами терминовъ—*populi* или δῆμοι, и не служили наименованіями для понятія организованныхъ народовъ въ собственномъ и точномъ смыслѣ послѣдняго. Чтобы уловить истинное значеніе какого-нибудь слова согласно самому обычному его употребленію, надо очень хорошо быть знакомымъ съ языкомъ эпохи. А на языкѣ IV и V вѣковъ слова *gentes* и ἔθνη часто прилагались къ варварскимъ войскамъ, находившимся на службѣ у Имперіи, даже къ очень небольшимъ ихъ отрядамъ. Разительный примѣръ среди многихъ фактовъ подобнаго рода находится у Зосима: Θеодосій, выступая противъ

за собою всѣхъ своихъ семействъ, хотя съ ними и были, возможно, женщины въ достаточномъ числѣ (*Treb. Poll.* Claud. 8). Авторы, сообщающіе о набѣгахъ Аламанновъ въ Галлію, Радагайса въ Италію, а также о вторженіяхъ Алановъ и Свевовъ, не указываютъ на присутствіе женщинъ и дѣтей въ ихъ средѣ. Вестготы, перешедшіе Дунай въ 375 году, везли съ собою своихъ женъ; но послѣдніе, какъ мы убѣдимся дальше, являлись вовсе не какъ завоеватели.

[1] Поэтому можно видѣть нерѣдко, что когда какая-нибудь шайка вытѣснялась изъ предѣловъ Имперіи, римское правительство обращалось къ самому народу, изъ котораго она выдѣлилась, чтобы получить отъ него удовлетвореніе, и обыкновенно племенныя власти отвѣчали, что вторженіе было произведено помимо приказанія вождей. См. *Ammian.* XXX, 6, 2: „Usitatas illas causationum species: nihil ex communi mente procerum gentis pelictum, sed per extimos quosdam latrones".

узурпатора Евгенія ведетъ съ собой 1) римскія войска, находящіяся подъ общимъ начальствомъ Тимазія, и 2) отряды варваровъ, предводительствуемые Гайнасомъ [1]; послѣдніе достигали приблизительно 20,000 человѣкъ; [2] они раздѣлялись на нѣсколько мелкихъ группъ [3], и когда греческій историкъ приступаетъ къ разсказу о битвѣ, онъ говоритъ, что Θеодосій приказалъ различнымъ отрядамъ, находившимся подъ предводительствомъ Гайнаса, идти противъ непріятеля („Γαίνην ἔταξε σὺν τοῖς ὑπ' αὐτὸν ἔθεσιν ἐπελθεῖν") [4]; и никто не можетъ подумать, что словомъ ἔθνη означаются здѣсь варварскіе народцы, такъ какъ тутъ, очевидно, разумѣются отряды воиновъ въ битвѣ [5]. Мы могли бы умножить число приведенныхъ примѣровъ. Терминъ λαός, который съ перваго взгляда можно было бы принять за обозначеніе народа, прилагался однимъ греческимъ писателемъ V вѣка къ группѣ въ 200—300 германскихъ всадниковъ, составлявшихъ часть императорской стражи [6]. На языкѣ того времени термины *gentes* и ἔθνη означали варвар-

[1] *Zosim.* IV, 57.

[2] Эту цифру приводитъ Іорданъ (c. 28, § 145).

[3] Однимъ изъ такихъ отрядовъ федератовъ предводительствовалъ Аларихъ (*Zosim.* V, 5).

[4] *Zosim.* IV, 58.

[5] Чтобы обозначить германскіе народцы, находившіеся у себя а родинѣ, Амміанъ говоритъ „nationes" (XVII, 12, 16); „reges eorumque populi" (XVIII, 2, 14); онъ называетъ также „gentes" (ibidem), „Alamannorum nationes", (XXX, 7, 7). Амміанъ (XXVII, 2, 1), разсказывая о варварахъ-опустошителяхъ, употребляетъ выраженіе: „Barbarorum plebem".

[6] См. *Olimpiodor.* Fragm. 3 (Didot, t. IV, p. 58); авторъ обозначаетъ это небольшое войско попеременно словомъ πλῆθος или словомъ λαός. У него читаемъ: „Ὅτι Σάρον, πλήθους ὀλίγου ἐπάρχοντα (ἄχρι γὰρ διακοσίων ἢ τριακοσίων ὁ λαὸς ἐξετείνετο)..."

скія войска въ противоположность римскимъ [1]. Впрочемъ, эти термины настолько общи по существу, что они прилагались въ одинаковой мѣрѣ какъ къ варварамъ, вторгавшимся въ Имперію съ непріязненными цѣлями, такъ и къ тѣмъ варварамъ, которые находились на службѣ у Имперіи; какъ къ большимъ, такъ и къ очень малымъ войскамъ; какъ къ варварамъ, жившимъ на своей родинѣ, такъ и къ поселившимся въ предѣлахъ Имперіи. Это были термины съ весьма обширнымъ содержаніемъ, которые могли прилагаться ко всякаго рода группамъ, не входившимъ въ составъ прямыхъ подданныхъ императоровъ. Достовѣрно одно, что съ ними нисколько не связывалась идея народа или политическаго тѣла [2].

Другое еще замѣчаніе, которое можно вывести изъ тщательнаго разсмотрѣнія подробностей въ документахъ, заключается въ томъ, что современные писа-

[1] Ср. *Greg. Tur.* III, 32: „Imperator, conductis pretio gentibus“.

[2] Только благодаря невнимательному изученію смысла и употребленія слова ἔθνος въ изучаемое нами время, нѣкоторые ученые могли принять „летовъ“ (о которыхъ мы будемъ говорить ниже) за галльскій народецъ, ссылаясь на одно мѣсто Зосима, (II, 54): „Λετοὺς, γαλατικὸν ἔθνος“. Словами ἔθνος γαλατικὸν обозначались тогда варварскія вспомогательныя войска, расквартированныя въ Галліи.—Надо еще замѣтить, что въ ту эпоху оба слова *populus* и *exercitus* дѣлаются синонимами. Орозій (VII, 37) называетъ войско Радагайса „populus“; и однако его разсказъ не позволяетъ предполагать, что 200,000 воиновъ, о которыхъ онъ говоритъ, вели вмѣстѣ съ собою свои семьи. Амміанъ, описывая битву, данную Лимигантами, называетъ ихъ воиновъ „populi hostiles“, исключая отсюда женщинъ, дѣтей и стариковъ; онъ противополагаетъ этихъ сражающихся „populi hostiles“ ихъ семействамъ (necessitudines), которыя оставались на прежнихъ мѣстахъ, въ хижинахъ, „tuguria, casae trabibus compactae“. См. *ibidem*, 13; ср. XVII, 13, 12.

тели никогда не приписываютъ германскимъ дружинамъ до 410 года опредѣленныхъ завоевательныхъ стремленій, то-есть, желанія овладѣть страною, на которую они напали, и утвердиться въ ней въ качествѣ господъ и владыкъ. Историки говорятъ о нихъ только какъ о простыхъ грабителяхъ [1]. Термины, означающіе грабежъ, постоянно повторяются подъ ихъ перомъ и всегда въ одинаковомъ смыслѣ [2]. Историки показываютъ, какъ каждый изъ такихъ вооруженныхъ отрядовъ быстро собирается, переходитъ въ незащищенномъ мѣстѣ границу, избѣгая встрѣчи съ легіонами, двигается впередъ безъ точно опредѣленныхъ цѣли и направленія, очень скоро разсѣевается, отыскивая

[1] *Ammian.* XIV, 10, 1: „Alamanni, quorum crebris excursibus vastabantur terrae Gallorum“. — *Ammian.* XV, 8, 1: „Barbaris vastantibus universa“. — *Lamprid.* Alexander, 59: „Germanorum vastationibus Gallia diripiebatur“.—*Treb. Poll.* Claudius, 6: „Omnes gentes Gothorum ad romanas praedas incitaverunt“. — *Ammian.* XXX, 6, 6: „Vastatoriae manus“. — *Ammian.* XXXI, 5, 17: „Latrocinales globi“.—*Ammian.* XXVI, 4, 5: „Praedatorii globi“.—*Ammian.* XXVII, 2, 3: „Latrocinalia castra“.—*Zosim.* I, 26: „Ἐληΐζοντο“.—*Ammian.* XXIX, 6, 8: „Gentes ad raptus et latrocinia aptissimae“.—*Ibid.* XXVI, 4, 5: „Gallias Alamanni populabantur“. — *Idem*, XXVIII, 5, 7: „Manum latronum“.—Подобныя выраженія встрѣчаются безконечное число разъ у Амміана, Орозія, также въ приведенномъ выше письмѣ св. Іеронима и въ *Carmen de Providentia*; и всегда тутъ говорится о грабежахъ, никогда — о завоеваніи или утвержденіи Германцевъ на римской почвѣ.

[2] *Idem*, XXI, 3, 1: „Manus praedatorias fusius discurrentes“.—*Vopisc.* Aurelian. 18: „Quos omnes carptim vagantes Aurelianus occidit“.—*Ammian.* XXXI, 5, 1: „Vagabantur“.—*Vopisc.* Aurelian. 7: „Cum vagarentur per totam Galliam“.—*Idem*, Prob. 14: „Cum per omnes Gallias securi vagarentur“. — *Oros.* VII, 40: „Cunctas gentes, quae per Gallias vagabantur“.—*Iordan.* 22, § 115: „Finitimos depraedantes non fixas sedes habuerunt“.

одной лишь добычи [1], обрушивается на мирное населеніе, старается застигнуть врасплохъ города [2], зная, что они изобилуютъ богатствами. Если не удается завладѣть ими, нападающіе удовлетворяются ограбленіемъ открытыхъ деревень, забираютъ добычу и сжигаютъ то, что не въ силахъ взять съ собою [3], вяжутъ и уводятъ мужчинъ и женщинъ, рабовъ, крестьянъ, свободныхъ людей обоего пола и всякаго возраста, гоня за собою длинную вереницу плѣнныхъ, смѣшанныхъ съ захваченными стадами [4], и возвращаются со всѣмъ этимъ къ себѣ на родину [5], если не погибаютъ отъ голода, мора, всякихъ болѣзней, легко распространяющихся среди подобныхъ полчищъ [6], или, если не натыкаются на подстерегающее ихъ римское войско, которое отнимаетъ у нихъ плѣнныхъ и добычу

[1] *Treb. Poll.* Claudius, 6: „Praedae cupiditate in romanum solum inruperunt atque illic pleraque vastarunt“.

[2] *Ammian.* XXVII, 10, 1: „Cum expeditis ad latrocinandum urbem inrepsit“.

[3] *Treb. Poll.* Triginta tyranni, 5: „Quae subita inruptione Germanorum et direpta fuerant et incensa“.—*Ammian.* XXVII, 8, 5: „Praedis acerbis incendiisque et captivorum funeribus hominum“.—*Idem*, XXVII, 2, 2: „Direptis villis.“

[4] *Ammian.* XXIX, 6, 6, 8 и 12: „Occupatam circa messem agrestem adortae plebem, maioreque parte truncata, quidquid superfuit, domum cum multitudine pecoris abduxerunt.... Praedas hominum, virile et muliebre secus agebant et pecorum.... Sarcinis inpediti praedarum“.—*Ammian.* XXVII, 10, 2: „Cuiusque modi fortunae virile et muliebre secus cum supellectili non parva indefensum abduxit.“

[5] *Ammian.* XVIII, 2, 19: „Ut captivos restituerent omnes, quos rapuerant excursibus crebris.“

[6] *Zosim.* I, 46: „Λοιμοῦ κατασχόντος ἅπαντας αὐτοὺς ἐφθάρησαν.“—*Mamrtin* Panegyric. Maximiano, 5: „Hostes ire passus es in profundam famem et ex fame in pestilentiam“.—*Oros.* VII, 37, 13: „Inopes consilii cibique.“

и обращаетъ ихъ въ свою очередь въ рабовъ [1]. Эти варвары ставили предметомъ своихъ усилій обогащеніе путемъ грабежа и расхищеніе въ Галліи ея золота и рабочихъ рукъ, а не стремились къ совершенію завоеваній или основанію новыхъ государствъ. Даже послѣ успѣховъ и побѣдъ у нихъ незамѣтно попытокъ устроиться на постоянное жительство въ захваченной странѣ [2].

Наконецъ, изъ разсказа о событіяхъ того времени, съ полной очевидностью вытекаетъ, что ни одна изъ вторгавшихся въ предѣлы Имперіи германскихъ дружинъ не осталась въ Галліи. Однѣ изъ нихъ, насытившись грабежомъ, возвращались въ свои старыя поселья; другія подвергались истребленію со стороны императорскихъ армій. Свевы и Вандалы, вступившіе въ Галлію въ 406 году, перебрались въ Испанію, а потомъ въ Африку. Такимъ образомъ, ни одно изъ описанныхъ вооруженныхъ вторженій не привело къ утвержденію Германцевъ въ Галліи. Изъ числа варваровъ, пытавшихся ворваться туда силою, никто не остался тамъ жить. Они грабили, уничтожали, жгли, но никогда не вступали во владѣніе. Это были раз-

[1] *Treb. Poll.* Gallieni, 13: „Gallienus Gothis vagantibus occurrit et plurimos interemit.“—*Treb. Poll.* Claudius, 9: „Impletae barbaris servis provinciae, nec ulla fuit regio, quae Gothum servum non haberet.“—*Oros.* VII, 37, 16: „Tanta multitudo captivorum Gothorum fuisse fertur, ut singulis aureis greges hominum venderentur“.

[2] Мы исключаемъ, разумѣется, нѣсколько народцевъ, о которыхъ будетъ говориться ниже.—Мы знаемъ также, что нѣсколько группъ Саксовъ и Тайфаловъ утвердились въ нѣкоторыхъ галльскихъ округахъ, но источники не показываютъ, на какихъ условіяхъ совершилось ихъ утвержденіе; нѣтъ никакихъ намековъ на то, чтобы они заняли свои мѣста путемъ завоеванія.

бойники, а не завоеватели. Слѣдовательно, не черезъ нихъ могла быть введена въ населеніе Галліи германская кровь, и они не могли перенести туда ни одного германскаго учрежденія.

Легко представить себѣ значительные размѣры причиненнаго ими зла; современники достаточно говорятъ намъ о разрушенныхъ городахъ, разграбленныхъ областяхъ, о разстроенномъ благосостояніи многихъ людей и семействъ. Однако пусть укажутъ намъ, куда дѣвались всѣ вторгавшіеся народы: они ничего не оставили послѣ себя. Если разсматривать одну Галлію, то, несомнѣнно, окажется, что отъ Аламанновъ, опустошавшихъ въ 259 году эту страну и перешедшихъ вслѣдъ затѣмъ въ Италію, гдѣ они погибли, не осталось рѣшительно ничего; ничего не осталось и отъ другихъ Германцевъ, которые воспользовались смертью Авреліана, чтобы разграбить Галлію, но были затѣмъ раздавлены Пробомъ; ничего—отъ тѣхъ 60,000 Аламанновъ, которые были перебиты Констанціемъ Хлоромъ послѣ нѣсколькихъ удачныхъ грабежей; ничего—отъ всѣхъ тѣхъ шаекъ, которыя разрушили сорокъ пять городовъ и превратили Эльзасъ въ пустыню, но которыя также были въ концѣ концовъ истреблены Юліаномъ; ничего—отъ Саксовъ, вторгавшихся въ 370 году и уничтоженныхъ до послѣдняго человѣка; ничего—отъ такъ называемаго великаго нашествія 406 года, потому что войско Радагайса погибло все въ Италіи, и потому что тѣ части его полчищъ, которыя направились сначала въ Галлію, перешли оттуда въ Испанію и Африку, гдѣ онѣ просуществовали также недолго. Ничего не осталось равнымъ образомъ отъ нашествія Гунновъ и Остготовъ, которые были побѣждены при Шалонѣ.

Это не были нашествія, а лишь попытки нашествій, громадныя перемѣщенія людей, изъ которыхъ не возникло ничего устойчиваго. Было произведено много шума, но мало достигнуто результатовъ, много совершено было разореній, но не одержано ни одной побѣды.

Только тѣ Германцы утвердились въ Галліи и влили въ нее хоть нѣсколько капель своей крови, пересадили туда хоть нѣчто изъ своихъ нравовъ, которые вступили въ страну какъ подданные, земледѣльцы или воины Имперіи.

ГЛАВА V.

Германцы, вступившіе въ римскую Имперію какъ подданные.

Германцы не питали никакой ненависти ни къ императорскому правительству, ни къ римскому обществу. Чувство расовой антипатіи было совсѣмъ чуждо людямъ той эпохи. Причиною, побудившею варваровъ покинуть старую родину, были царившіе въ ней безпорядки. Большинство Германцевъ были не завоевателями, а бѣглецами; они искали не господства или славы, а убѣжища. Всѣ ихъ помыслы и усилія направлялись лишь къ тому, чтобы найти постоянный пріютъ на территоріи римской Имперіи и обезпечить для себя въ ея предѣлахъ мирное существованіе. Дома у нихъ земля была бѣдна, жизнь тревожна; а имъ было извѣстно, что въ Имперіи почва плодородна и пользованіе плодами трудовъ гарантируется твердо установленными учрежденіями. Они рвались въ ея области, какъ въ желанное мѣстопребываніе; Имперія

представлялась имъ совсѣмъ особенною страною, жителямъ которой нельзя было не наслаждаться благополучіемъ [1]. Стало быть, они дѣйствительно добивались возможности занять мѣсто среди богатаго римскаго общества. Нѣкоторые изъ нихъ пытались войти въ Имперію силою, но большинство предпочитало вступать въ нее мирными путями. Они вовсе не воодушевлялись тою дикою гордостью, которую имъ впослѣдствіи приписывали историки, желая тѣмъ воздать имъ хвалу. Надо припомнить, что когда Кимвры и Тевтоны случайно натолкнулись, сами того не предвидя, на римскія военныя силы, они старались оправдаться передъ консуломъ и просили, чтобы ихъ приняли въ качествѣ подданныхъ римскаго государства; они предлагали служить ему одновременно и своимъ оружіемъ на войнѣ, и своими руками на поляхъ [2].

Тацитъ уже въ свое время наблюдалъ переселеніе нѣкоторыхъ германскихъ народцевъ на римскую почву. Онъ даетъ этому обстоятельству слѣдующее объясненіе: «Батавы, изгнанные изъ своей родины усобицами, перешли въ занимаемую ими теперь страну, чтобы

[1] Что такова была мысль Германцевъ, это вытекаетъ не только изъ всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ, но и изъ ясно выраженныхъ словъ многихъ писателей того времени. Либаній говоритъ о Франкахъ (см. Επιτάφιος ἐπ' Ἰουλιανῷ, ed. Reiske, t. I p. 546): „Ἠξίουν μετοικεῖν καὶ μέρος εἶναι τῆς βασιλείας τῆς οἰκείας τὸ ζῆν ὑπ' ἐκείνῳ κρίνοντες ἥδιον“. Эннодій (Panegyr. Theod. p. 281, ed. Hartel) сообщаетъ объ одномъ вооруженномъ отрядѣ Германцевъ, утвердившемся въ Италіи: „Cui feliciter cessit fugisse patriam suam, nam sic adepta est nostri soli opulentiam“. Число текстовъ, изъ которыхъ видно, что Германцы умоляли римскихъ начальниковъ разрѣшить имъ поселеніе въ предѣлахъ Имперіи, безконечно велико.

[2] *Flor*. III, 3 (1, 38): „Ut vellet, *manibus* atque *armis* suis uteretur“.

вступить въ подданство римской Имперіи» [1]. Они, какъ и столько другихъ подвластныхъ Риму народовъ, получили названіе союзниковъ (*socii*); а подъ этимъ подразумѣвалось, что пришельцы могутъ сохранять собственные обычаи и избирать своихъ особыхъ вождей, что, впрочемъ, не освобождало ихъ отъ подчиненія всѣмъ приказаніямъ римскаго правительства. Они находились въ томъ же положеніи, какъ многіе изъ галльскихъ племенъ, носившихъ также имя союзниковъ. Имперія требовала отъ этихъ Батавовъ несенія воинской повинности, и Тацитъ отмѣчаетъ, какъ большую милость что съ нихъ не взымалось никакой дани или подати (tributum), такъ что они оказывались избавленными отъ публикановъ [2]. Обязанность поставлять вооруженныхъ людей казалась уже достаточно тяжелою [3], чтобы замѣнить налогъ; въ самомъ дѣлѣ, во времена Нерона, мы находимъ восемь батавскихъ когортъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Лангрѣ [4]; изъ одного этого факта можно видѣть, что по меньшей мѣрѣ 4000 Батавовъ-пѣхотинцевъ, не говоря о конныхъ

[1] *Tacit*. Germ. 29: „Batavi, seditione domestica in eas sedes transgressi, in quibus pars romani imperii fierent“.

[2] *Ibidem*: „Manet honos et antiquae societatis insigne; nam nec tributis contemnuntur, nec publicanus atterit; exempti oneribus et tantum in usum proeliorum sepositi, velut tela atque arma, bellis reservantur.“—*Idem*, Histor. IV, 12: „Viros tantum et arma imperio ministrant“.—Глава 14 ясно доказываетъ, что они были подданными: „Legatum (Caesaris) gravi comitatu et superbo cum imperio venire“.

[3] *Ibidem*, IV, 14: „Batavorum iuventus ad delectum vocabatur; quem suapte natura gravem onerabant minisri avaritia ac luxu, senes aut invalidos conquirendo, quos pretio dimitterent“.

[4] *Tacit*. Histor. I, 59.

отрядахъ изъ нихъ [1], были расквартированы вдали отъ прежней родины [2]. Батавскіе воины принимали участіе во всѣхъ экспедиціяхъ противъ Германцевъ [3]; они сопровождали также Агриколу въ Британію [4]. Во времена Адріана мы встрѣчаемъ батавскую конницу въ римскомъ войскѣ на берегахъ Дуная [5]. Во времена Юліана, Батавы образуютъ гарнизоны въ Сиріи [6]. При Валентиніанѣ войско Батавовъ послѣ непродолжительнаго колебанія блестяще сражается противъ Германцевъ и выказываетъ себя достойнымъ римскаго имени» [7].

Другіе варварскіе народцы становились въ такія же условія по отношенію къ Риму, какъ и Батавы. Тацитъ упоминаетъ о Маттіакахъ (Mattiaci) которые, хотя и оставались на правомъ берегу Рейна, но все же «отдались подъ власть Рима», и авторъ отмѣчаетъ, что такая зависимость не только не угнетала этотъ народъ но, наоборотъ, дружескія чувства свя-

[1] Батавская конница особенно цѣнилась въ римскихъ войскахъ. См. *Dio Cassius*, LV, 24. Ср. *Henzen*, 5263.

[2] Вспомогательныя когорты составлялись иногда изъ 500, иногда изъ 1000 человѣкъ.

[3] *Tacit*, Histor. IV, 12: „Diu germanicis bellis exerciti".

[4] *Idem*, Agricol. 36; Histor. IV, 12. Ср. *Orelli*, Inscription. 3400: „Fortunae cohortis primae Batavorum, cui praeest Melaccinius Marcellus praefectus". Тацитъ говоритъ, что и начальниками этихъ когортъ были Батавы (Histor. IV, 12); какъ кажется, такіе батавскіе вожди охотно принимали римскія имена (см. выше). Ср. *Henzen*, 5263. Извѣстно, что одинъ изъ важныхъ батавскихъ вождей назывался Iulius Civilis.—*Tacit*. Histor. I, 59 (ср. соотвѣтствующее мѣсто тома I-го настоящаго сочиненія).

[5] *Dio Cassius*, LXIX, 9.

[6] *Zosim*. III, 35.

[7] *Idem*, IV, 9.

зывали его съ Имперіею. [1] Светоній разсказываетъ, что во времена Августа Убіи и Сикамбры «выразили покорность» [2], а это рѣченіе имѣло въ римскомъ языкѣ очень точный смыслъ: «выразить покорность» значило—стать въ отношенія полнаго подчиненія къ Риму; такимъ образомъ эти два народа вошли въ составъ населенія Имперіи въ качествѣ подданныхъ ея императоровъ въ то самое время, когда Римляне одерживали въ Германіи великія побѣды.

Подобные факты довольно часто повторялись и въ послѣдующіе вѣка. Маркъ Аврелій послѣ своихъ крупныхъ успѣховъ надъ Германцами пустилъ на римскую почву Астинговъ, которые поселились на ней, принявъ подданство императору и подъ условіемъ всегда сражаться противъ враговъ Рима [3]. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Бастарны, которые сдались своему побѣдителю Пробу на полную милость, были переселены имъ во Өракію [4]; историкъ, жившій 50 лѣтъ спустя, дѣлаетъ объ этомъ слѣдующее любопытное замѣчаніе:

[1] *Tacit*. Germania, 29: „Est in eodem obsequio et Mattiacorum gens... Sede finibusque in sua ripa, mente animoque nobiscum agunt cetera similes Batavis".

[2] *Sueton*. Aug. 21: „Germanos ultra Albim fluvium summovit, ex quibus Ubios (Suebos?) et Sigambros *dedentes se* traduxit in Galliam atque in proximis Rheno agris collocavit". Эти событія относятся къ 9-му году по Р. Х. Ср. *Dio Cass*. LV, 1 и *Flor*. IV, 12. По отношенію къ Убіямъ Тацитъ (Annales, XII, 27) пользуется менѣе сильнымъ, но равнозначущимъ выраженіемъ: „Gentem Ubiorum Agrippa in fidem accepit". Относительно Сикамбровъ онъ говоритъ (ibid. II, 26): „in deditionem accepit".—*Strabo* IV, 3, 4: „Οὔβιοι... οὓς μετήγαγεν Ἀγρίππας ἑκόντας εἰς τὴν ἐντὸς τοῦ Ῥήνου".

[3] *Dio Cassius*, LXXI, 12.

[4] *Zosim*. I, 71: „Βαστάρνας δὲ ὑποπεσόντας αὐτῷ προσέμενος κατῴκισε Θρᾳκίοις χωρίοις".

«Съ тѣхъ поръ они жили въ отведенной имъ странѣ, всегда подчиняясь римскимъ законамъ» [1]. Въ то же самое время къ Пробу явилась группа Франковъ, «которые просили его устроить ихъ въ Имперіи»; онъ назначилъ имъ мѣсто жительства на берегахъ Чернаго моря [2].

По поводу послѣдняго факта у нѣкоторыхъ современныхъ историковъ встрѣчается ошибка, которая касается, на первый взглядъ, маловажной подробности, но которую слѣдуетъ, однако, опровергнуть, потому что она даетъ ложное понятіе о положеніи тѣхъ Германцевъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. «Всѣмъ извѣстно, говоритъ Мишле, смѣлое странствіе этихъ плѣнителей моря, которые, соскучившись въ своемъ изгнаніи, поплыли изъ этого далекаго края по волнамъ, чтобы снова увидѣть свой Рейнъ; опустошивъ по пути берега Азіи, Греціи, Сициліи, они спокойно высадились во Фрисландіи или въ Батавіи» [3].— Вопреки такому разсказу, Зосимъ, единственный изъ писателей той эпохи, упоминающій о данномъ фактѣ, изображаетъ его совершенно иначе. Сначала онъ говоритъ о томъ, что эти Франки умоляли римскихъ правителей разрѣшить имъ утвердиться въ предѣлахъ Имперіи, а это обстоятельство не свидѣтельствуетъ объ

[1] *Ibidem*: „Καὶ διετέλεσαν τοῖς Ῥωμαίων βιοτεύοντες νόμοις“.— *Vopisc.* Probus, 18: „Centum milia Basternarum in solo romano constituit, qui omnes fidem servarunt“.—Ему меньше посчастливилось съ другими народами: „Sed cum ex aliis gentibus plerosque pariter transtulisset, id est ex Gepidis, Grauthungis et Vandulis, illi omnes fidem fregerunt“.

[2] *Zosim.* I, 71.

[3] *Michelet*, Hist. de France, t. I, p. 193. Уже Дюбо говорилъ то же самое. См. Hist. crit. de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules, t. I, p. 162.

особенно пылкой любви ихъ къ германскому отечеству. Авторъ прибавляетъ, что не всѣ они, а лишь часть удалилась изъ назначенной имъ для заселенія мѣстности [1]. Онъ сообщаетъ, что эти люди сѣли на суда не для того, чтобы вновь возвратиться въ родную страну, а только съ цѣлью пограбить берега Греціи, Сициліи и Африки. Они были отброшены римскимъ войскомъ отъ береговъ Африки, и историкъ ничего не говоритъ о томъ, что они прошли черезъ гадесскій проливъ, ни тѣмъ болѣе о томъ, что они добрались до Фрисландіи или до Батавіи, куда ихъ, конечно, не допустили бы тамошніе обитатели. Зосимъ заканчиваетъ разсказъ лишь простымъ указаніемъ, что Франкамъ, потерпѣвъ неудачи въ Африкѣ, удалось все-таки безнаказанно «возвратиться домой» («ἐπανελθεῖν οἴκαδε»). Послѣднія слова могли прилагаться только къ тѣмъ землямъ, откуда они выступили въ походъ, то-есть, они означаютъ не давно покинутую ими германскую родину, а римскую территорію, полученную ими для населенія отъ императора Проба, которая являлась тогда ихъ настоящимъ мѣстомъ жительства (οἴκαδε).

Можно представлять это событіе въ видѣ доказательства смѣлости Германцевъ, разсматривать его, какъ симптомъ ихъ страсти къ приключеніямъ и, въ особенности, къ грабежу; но усматривать здѣсь проявленіе привязанности Германцевъ къ старой родинѣ, значило бы вступать въ рѣзкое противорѣчіе какъ съ текстомъ Зосима, такъ и съ цѣлымъ рядомъ другихъ удостовѣренныхъ фактовъ. Германцы легко покидали Германію, но возвращались туда неохотно [2].

[1] *Zosim.* I, 71: „Φράγκων μοῖρα εἰς ἀποστᾶσα“.

[2] Ораторъ Евменій разсказываетъ о томъ же событіи опять

Еще одинъ народецъ — Карпы былъ переселенъ Діоклетіаномъ въ Паннонію [1]. Констанцій Хлоръ поселилъ франкскихъ выходцевъ въ нѣсколькихъ опустѣвшихъ областяхъ Галліи, обязавъ ихъ обрабатывать землю и поставлять Имперіи вооруженныхъ людей [2].

При Константинѣ къ сѣверу отъ Дуная — между Готами и Вандалами вспыхнула война. Послѣдніе были побѣждены и понесли большія потери. Уцѣлѣвшіе отъ погрома, не чувствуя себя въ безопасности по сосѣдству съ Готами, обратились къ императору и просили его устроить ихъ въ Панноніи. Константинъ исполнилъ ихъ просьбу, и историкъ Іорданъ, сообщая объ этомъ, прибавляетъ: «Они прожили на назначенной имъ землѣ въ теченіе шестидесяти лѣтъ, и подчинялись всѣмъ повелѣніямъ императоровъ въ такой же мѣрѣ, какъ если бы они были туземцами» [3].

нѣсколько иначе. По его словамъ, эти Франки были плѣнными. Нѣкоторые изъ нихъ (pauci), разграбивъ побережья Азіи, Греціи, Африки, Сициліи, проникли до Океана. Онъ не сообщаетъ что съ ними сталось, и ничто не даетъ основанія предполагать о возвращеніи ихъ на родину. Онъ говоритъ о ихъ малочисленности („paucorum ex Francis") и рисуетъ ихъ не „патріотами", а простыми „пиратами": „nihil clausum piraticae desperationi" (*Eumen.* Panegyric. Constantio Caesari, c. 18). Тацитъ Histor. IV, 28) также высказывается объ Убіяхъ: „Gens germanicae originis eiurata patria".

[1] *Ammian.* XXVIII, 1, 5: „Ortus a posteritate Carporum, quos antiquis excitos sedibus Diocletianus transtulit in Pannoniam".— *Iordan.* De rebus geticis, c. 16: „Carpos Maximianus devicit et reipublicae romanae subegit".—Ср. *Eutrop.* IX, 25.

[2] *Eumen.* Panegyricus (VII) Constantino Augusto, c. 6: „Quid loquar intimas Franciae nationes, a propriis sedibus avulsas, ut in desertis Galliae regionibus collocatae et pacem romani imperii cultu iuvarent et arma dilectu".

[3] *Iordan.* De rebus geticis, c. 22, § 115: „Tunc Vandali in-

Когда читаемъ писателей IV вѣка и особенно Аммiана, мы убѣждаемся, что Германцы нисколько не помышляли о томъ, чтобы утвердиться въ Имперіи путемъ завоеванія; тѣ изъ нихъ, которые хотѣли переселиться въ ея предѣлы, стремились вступить въ число подданныхъ императоровъ. Вотъ, что было предметомъ исканій и надеждъ варваровъ. «Мы готовы, говорили они, поселиться, если такова воля императора, на почвѣ Имперіи и занять какой прикажутъ отдаленный участокъ земли. Оставаясь впредь спокойными, мы будемъ чтить миръ, какъ нѣкоторое благодѣтельное божество; мы возьмемъ на себя повинности податныхъ классовъ, примемъ даже имя трибутаріевъ» [1].

ГЛАВА VI.

Германцы, вступившіе въ Имперію какъ рабы или колоны.

Въ теченіе четырехъ разсматриваемыхъ вѣковъ случалось еще нерѣдко, что римскія войска проникали въ предѣлы Германіи. Легко представить себѣ, что они чаще оказывались при этомъ побѣдителями, чѣмъ побѣжденными. Послѣ каждой побѣды они приводили съ собою плѣнныхъ. Послѣдніе естественно обращались въ рабовъ или колоновъ [2]. По словамъ Свето нія, Тиберій привелъ изъ Германіи 40000 плѣнныхъ. Онъ не приказалъ продать ихъ, а «назначилъ

fortunatam patriam relinquentes, Pannoniam sibi a Constantino principe petierunt, ibique per sexaginta annos sedibus locatis imperatorum decretis ut incolae famularunt".

[1] *Ammian.* XIX, 11, 6.

[2] См. Фюстель де-Куланжъ, Изслѣдованіе о колонатѣ, гл. 3.

имъ земли для обработки на лѣвомъ берегу Рейна» [1]. Эти слова историка не должны никакъ пониматься въ томъ смыслѣ, что императоръ сдѣлалъ изъ нихъ земельныхъ собственниковъ; ни одно выраженіе автора не означаетъ такого понятія, и терминъ *dedititius* не примѣнимъ къ тому, кто обладалъ правомъ собственности.

Маркъ Аврелій привелъ также много плѣнныхъ послѣ своего похода противъ Маркоманновъ и Квадовъ. Вмѣсто того, чтобы продать ихъ въ рабство, онъ посадилъ ихъ на землю въ качествѣ колоновъ [2]. Повидимому, Маркъ Аврелій хотѣлъ возстановить значительную убыль населенія, произведенную жестокою чумою, которую Имперіи только что пришлось пережить [3].

Въ слѣдующемъ вѣкѣ, около 270 года, какъ сообщаютъ историки, послѣ рѣшительныхъ побѣдъ Клавдія II и его полководцевъ надъ Готами «провинціи наполнились германцами рабами и земледѣльцами, и не было тогда области, гдѣ бы не встрѣчались порабощенные Готы» [4]. Съ обѣихъ сторонъ война сопро-

[1] *Sueton.* Tiberius, 9: „Quadraginta milia dedititiorum traiecit in Galliam iuxtaque ripam Rheni sedibus adsignatis conlocavit".

[2] *Iul. Capitol.* Marcus, 24: „Æquitatem etiam circa captos hostes custodivit. Infinitos ex gentibus in romano solo conlocavit". — *Ibidem*, 22: „Accepit in deditionem Marcomannos, plurimis in Italiam traductis".

[3] Относительно этой чумы, уничтожившей крупный процентъ въ населеніи Италіи и многихъ провинцій см. *Iul. Capitolin.* Marcus 13; 17. Она была завезена изъ Персіи (*idem*, Verus, 8); Ср. *Oros.* VII, 15. Другой разъ еще страшный моръ свирѣпствовалъ около вѣка спустя при Галліенѣ и Клавдіи II. См. *Treb. Poll.* Gallieni, 5.—*Zosim.* I, 26.—*Iord.* De rebus geticis, c. 19, § 104.—

[4] *Treb. Poll.* Claudius, 9: „Inpletae barbaris servis Scythisque cultoribus romanae provinciae, nec ulla fuit regio, quae Gothum ser-

вождалась грабежами. Германцы, производя набѣги, жгли города, похищали золото, уводили въ плѣнъ населеніе. Римляне въ своихъ походахъ на Германію также жгли деревни, захватывали хлѣбъ и скотъ и уводили съ собою плѣнниковъ. Главною цѣлью воюющихъ было какъ будто совершить набѣгъ, забрать добычу [1] и особенно пріобрѣсти рабовъ для пополненія земледѣльческаго населенія. «Пробъ, говоритъ его біографъ, привезъ столько же добычи изъ Германіи, сколько Германцы награбили ее въ Имперіи» [2]. Послѣ нѣсколькихъ побѣдъ, одержанныхъ этимъ государемъ на правомъ берегу Рейна, онъ вывелъ столько

vum non haberet". — *Zosim.* I, 46: „Ὅσοι διεσώθησαν.... γῆν λαβόντες εἰς γεωργίαν ταύτῃ προσεκαρτέρησαν".

[1] Аммiанъ (XVIII, 2, 7) жалуется на „incivilitas militis occurrentia vastantis" (въ германской странѣ).—Ср. *Ammian.* XVIII, 2, 19: „Messes incensas et habitacula captosque plures" (на земляхъ Алиманновъ).—*Ammian.* XIX, 11, 2: „Expletus praedarum opimitate exercitus".—Тотъ же авторъ (XVII, 10, 6), сообщая о дѣйствіяхъ римскаго войска въ аламаннскихъ предѣлахъ, говоритъ: „Urebat agros, pecora diripiebat et homines". Ср. *Idem.* XXVII, 10, 7.—*Iul. Capitol.* Maximini, 12: „Vicos incendit, greges abegit, praedas sustulit, cepit innumeros, militem divitem reduxit". — *Ammian.* XVII, 12, 4: „Imperator, coacta militum valida manu; populandis barbarorum incubuit terris".—*Ibid.* XXX, 3, 1: „Post vastatos aliquos Alamanniae pagos". Римскіе воины являлись такими же грабителями въ Германіи, какъ Германцы въ Галліи. *Ammian.* XXIX, 4, 5: „Valentinianus adsidue mandans, ut rapinis et incendiis abstinerent, inpetrare non potuit".

[2] *Vopiscus*, Probus, 13: „Tantum praedae barbaricae tulit, quantum ipsi Romanis abstulerant. — Императоръ требовалъ отъ варварскихъ королей „frumentum, vaccas, oves" (*idem*, 14). Стада, захваченныя во время этого жестокаго похода были такъ многочисленны, что Пробъ писалъ сенату (*Ibid.* 15): „Arantur gallicana rura barbaris bubus, et iuga germanica captiva praebent nostris colla cultoribus".

колоновъ, что могъ по справедливости писать сенату: «Теперь варвары пашутъ и сѣютъ для васъ» [1].

Не принимая буквально всего, что провозглашаютъ панегиристы, надо думать, однако, что недалека отъ истины картина, которую рисуетъ Евменій въ публичной рѣчи, произнесенной въ Галліи. Онъ изображаетъ, какъ Констанцій Хлоръ преслѣдовалъ варваровъ среди ихъ лѣсовъ, какъ они сдались безусловно и были отведены въ Галлію, гдѣ принуждены были обрабатывать земли въ качествѣ колоновъ [2]. «Мы видѣли раньше, прибавляетъ авторъ, и теперь еще часто видимъ, какъ на улицахъ нашихъ городовъ и подъ нашими портиками располагаются длинные ряды плѣнныхъ варваровъ; по повелѣніямъ императоровъ ихъ распредѣляютъ между жителями провинцій, и они ожидаютъ отправки въ помѣстья, на которыхъ не хватаетъ рукъ, и гдѣ они должны будутъ пахать землю [3]. Такимъ образомъ, какой-нибудь Хамавъ или Фризъ трудится для меня. Прежній разбойникъ обращается

[1] *Vopiscus*, Probus, 15: „Omnes iam barbari vobis arant, vobis iam serunt".—Ср. *Eutrop.* IX, 25 (при Діоклетіанѣ): „Carpis et Bastarnis subactis... quarum nationum ingentes captivorum copias in Romanis finibus locaverunt".

[2] *Eumen.* Panegyricus (V) Constantio Cæsari dictus, c. 8: „Neque illae fraudes locorum nec perfugia silvarum barbaros tegere potuerunt, quominus ditioni Tuae Divinitatis omnes sese dedere cogerentur et cum coniugibus ac liberis ad loca olim deserta transirent, ut, quae fortasse ipsi depraedando vastaverant, culta redderent serviendo".

[3] *Ibidem*, 9: „Nunc vidimus et videmus totis porticibus civitatum sedere captiva agmina barbarorum, viros attonita feritate trepidantes, respicientes anus ignaviam filiorum, nuptas maritorum, vinculis copulatos pueros ac puellas familiari murmure blandientes, atque hos omne provincialibus vestris ad obsequium distributos, donec ad destinatos sibi cultus solitud um duceren tur".

въ работника и везетъ свою жатву на наши рынки [1]. Многочисленныя мѣстности Галліи, которымъ не доставало земледѣльцевъ, процвѣтаютъ теперь благодаря труду колоновъ-варваровъ [2]». — Императоръ Юліанъ захватилъ въ Германіи большое число плѣнниковъ, которыхъ онъ также обратилъ въ колоновъ [3].

Впослѣдствіи Ѳеодосій, побѣдитель Аламанновъ, перевелъ всѣхъ своихъ плѣнныхъ на берега рѣки По и посадилъ ихъ на землю въ качествѣ постоянныхъ пахарей, *tributarii*, то-есть, колоновъ [4]. Точно также Граціанъ, разгромивъ Готовъ и Тайфаловъ, не предалъ ихъ смерти, а даровалъ имъ жизнь и поселилъ ихъ въ Италіи, чтобы они обрабатывали поля въ округахъ городовъ Модены, Пармы и Регія [5].

Въ 405 году 200,000 Германцевъ, приведенныхъ Радагайсомъ въ Италію, были или перебиты, или проданы въ рабство. «Число плѣнныхъ было такъ велико,

[1] *Ibidem*: „Arat ergo nunc mihi Chamavus et Frisius, et ille vagus, ille praedator exercitio squalidus ruris operatur, et frequentat nundinas meas pecore venali et cultor barbarus taxat annonam".

[2] *Eumen.* 21: „Nunc per victorias tuas, Constanti Caesar, quicquid infrequens Ambiano et Bellovaco et Tricassino solo Lingonicoque restabat, barbaro cultore revirescit". — Положеніе этихъ колоновъ-варваровъ хорошо объясняется однимъ текстомъ Аммiана (см. XIX, 11, 6): „Limigantes principem exorabant in veniam, obsecrantes ut, transmisso flumine, ad eum venire permitterentur, parati intra spatia orbis Romani, si id placuerit, terras suscipere longe discretas, ut tributariorum onera subirent et nomen".

[3] *Ammian.* XX, 4, 1: „Quos tributarios fecit et vectigales".

[4] *Idem*, XXVIII, 5, 15: „Quoscumque (Alamannorum) cepit, ad Italiam misit ubi, fertilibus pagis acceptis, iam tributarii circumcolunt Padum".

[5] *Idem*, XXXI, 9, 4: „Adortus nationis utriusque grassatores, trucidasset omnes ad unum ni obtestatus prece impensa superstitibus pepercisset, vivosque omnes circa Mutinam Regiumque et Parmam italica oppida rura culturos exterminavit".

говоритъ одинъ современный писатель, что ихъ сгоняли въ стада, какъ барановъ, и продавали по одной золотой монетѣ за голову»[1].

Надо прибавить, что война являлась для Германцевъ не единственнымъ источникомъ порабощенія. Варвары во всѣ времена вели съ Имперіею торговлю рабами. Аммiанъ неоднократно упоминаетъ о людяхъ, снабжавшихъ Галлію и Өракію германскими рабами[2].

Безчисленная масса рабовъ германскаго происхожденія жила и размножалась на римской почвѣ, смѣшивая свою кровь съ кровью рабовъ туземныхъ. Ясно, что эти Германцы не сохранили долго въ неприкосновенности свой языкъ и свои вѣрованія. Въ источникахъ нѣтъ данныхъ, которыя бы убѣждали насъ въ томъ, чтобы они въ теченіе хотя бы нѣкотораго времени оставались вѣрны своимъ нравамъ, преданіямъ и обычаямъ. Памятники никогда не упоминаютъ о томъ, чтобы они поднимали возстанія противъ Рима. Нѣтъ въ документахъ также ни малѣйшаго указанія на то, чтобы варвары, вторгавшіеся въ предѣлы Имперіи, встрѣчали значительную поддержку отъ этихъ

[1] *Oros.* VII, 37, 16: „Tanta multitudo captivorum Gothorum fuisse fertur, ut, vilissimorum pecudum modo, singulis aureis passim greges hominum venderentur“.

[2] *Ammian.* XXII, 7, 8: „Suadentibus proximis, ut adgrederetur propinquos Gothos, saepe fallaces et perfidas, hostes quaerere se meliore aiebat Iulianus: illis enim sufficere mercatores Galatas, per quos ubique sine condicionis discrimine venundantur“.—*Idem*, XXIX, 4, 4: „Venalia ducentes mancipia“ (въ странѣ Маттіаковъ)—*Idem*, XXXI, 6, 5: „Confluebat ad eos in dies ex eadem gente (Gothorum) multitudo, dudum a mercatoribus venundati“.—Уже Тацитъ отмѣтилъ привычку Германцевъ продавать рабовъ въ чужіе края. *Tacit.* Germania, 24: „Servos per commercia tradunt“.—Въ vita Agricolae, 28, идетъ рѣчь объ Узипіяхъ, проданныхъ въ рабство Свевами.

своихъ поселенныхъ въ ней соплеменниковъ[1]. Наконецъ, не видно даже, чтобы Германцы, когда они завладѣли римскими территоріями, помышляли объ освобожденіи отъ рабства своихъ земляковъ.

Такимъ образомъ, въ первые годы V вѣка число Германцевъ, находившихся въ службѣ у императоровъ или у частныхъ лицъ, было очень значительно. Епископъ Синезій писалъ именно около того времени слѣдующее: «Во всѣхъ домахъ, пользующихся нѣкоторымъ довольствомъ, непремѣнно встрѣчаются скиөскіе (то-есть, готскіе) рабы; они исполняютъ обязанности стольниковъ, булочниковъ, виночерпіевъ; Скиөы-рабы носятъ также вслѣдъ за господами складныя сѣдалища, на которыхъ тѣ отдыхаютъ на улицахъ»[2].

Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ Германцы были особенно склонны къ земледѣльческому труду. У нихъ не было возможности покупать себѣ землю внутри Имперіи; они могли лишь обрабатывать ее въ качествѣ наемниковъ или колоновъ. Они дѣйствительно предлагали свои услуги владѣльцамъ земель, и послѣднимъ было выгодно ихъ принимать.

Дѣйствительно, въ ту эпоху среди населенія Имперіи ощущался недостатокъ рабочихъ рукъ для земледѣлія. Происходило это не отъ уменьшенія числа обитате-

[1] Только однажды Аммiанъ, разсказывая о вторженіи Готовъ въ Өракію, замѣчаетъ, что много рабовъ, происходившихъ изъ этого народа присоединилось къ своимъ единоплеменникамъ (*Ammian.* XXXI, 6, 5). Подобный фактъ отмѣченъ только одинъ разъ; не предполагая даже, чтобы онъ былъ единственнымъ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, признать, что онъ повторялся не часто. Впрочемъ, еще къ Алариху примкнуло много рабовъ, явившихся изъ Рима (*Zosim.* V, 42).

[2] *Synesius*, De reg. imp. c. 22.

лей Имперіи; по крайней мѣрѣ, нѣтъ свидѣтельствъ, которыя дали бы намъ право утверждать, что общая сумма жителей римскаго міра понизилась, и въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить, чтобы долгій періодъ мира и дѣятельнаго труда, продолжавшійся отъ царствованія Августа до Северовъ, могъ повлечь за собою обезлюдѣніе Имперіи. Численный недостатокъ замѣчался только спеціально въ земледѣльческомъ классѣ. Въ теченіе двухъ вѣковъ было расчищено подъ пашню много лѣсовъ, проложено много дорогъ, улучшено много земель [1]; площадь, удобная для обработки, сильно расширилась, а число земледѣльцевъ не увеличилось въ такой же пропорціи. Наоборотъ, за это время возникъ рядъ новыхъ профессій; промышленный трудъ отвлекъ руки отъ сельскаго хозяйства въ такой моментъ, когда послѣднее особенно нуждалось въ большомъ ихъ числѣ. Въ то же время обычай отпуска на волю и не прекращавшійся ростъ низшихъ классовъ, истощили мало-по-малу тотъ самый глубокій слой общества, тяжелый трудъ котораго нѣкогда оплодотворялъ землю [2]. Своеобразною причиною затруднительнаго положенія, въ которомъ очутилась земледѣльческая культура, является, стало быть, нѣкоторымъ образомъ общій прогрессъ соціальной жизни Имперіи. Съ земледѣльческимъ классомъ римской Имперіи случилось то, что случилось бы въ нашъ вѣкъ съ рабочимъ классомъ, если бы наука не изобрѣла ма-

[1] *Mamertin.* Panegyricus genethliacus, 15: „Ubi silvae fuere iam seges est.“—*Trtullian.*De anima, 30: „Orbis cultior et instructior; silvas arva domuerunt, arenae seruntur, paludes eliquantur“.

[2] Обо всемъ этомъ было говорено выше. Ср. еще *Fuste Coulanges*, Le colonat romain, въ „Recherhes sur quelques pro mes d'histoire“, p. 45.

шинъ: число рукъ не оказалось бы въ должномъ соотношеніи съ растущими потребностями. Общее количество населенія могло еще возрастать; но численность земледѣльческаго класса не удовлетворяла потребности въ производствѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Зло обнаружилось особенно рѣзко послѣ того, какъ Траянъ основалъ крупныя колоніи на лѣвомъ берегу Дуная, бросивъ въ Дакію большую массу земледѣльческаго населенія въ ущербъ Италіи и Галліи.

Благодаря вліянію всѣхъ разсмотрѣнныхъ обстоятельствъ и явленій, для земледѣлія не хватало людей; слѣдовательно, ихъ надо было искать внѣ предѣловъ государства. Если бы не нашлось способа добывать чужестранныхъ земледѣльцевъ, цѣны на рабочія руки поднялись бы очень высоко, издержки производства чрезмѣрно бы возросли. А это привело бы къ разоренію земельныхъ собственниковъ, къ недоимкамъ сокращенію хлѣбной культуры, и жизнь Имперіи остановилась бы подобно тому, какъ останавливается жизнь крѣпкаго организма, въ которомъ одинъ изъ органовъ не пріобрѣлъ новыхъ силъ вмѣстѣ съ развитіемъ другихъ. Имперія въ теченіе трехъ вѣковъ боролась съ указанною бѣдою; она нашла всѣхъ въ пополненіи недостающихъ для сельскаго хозяйства рабочихъ рукъ варварами. Поэтому-то, сколько ни приходило Германцевъ, ихъ все оказывалось мало, и Имперія не довольствовалась тѣми изъ нихъ, которые предлагали свои услуги добровольно. Правительство пользовалось каждою побѣдою, чтобы къ великому удовлетворенію землевладѣльцевъ помѣщать силою насколько возможно большее число Германцевъ на земляхъ Имперіи. Не слѣдуетъ думать,

замѣтимъ еще разъ, чтобы эти добровольно пришедшіе или введенные насильно Германцы дѣлались собственниками земель, на которыхъ они утверждались. Наоборотъ, мы должны подчеркнуть, что въ документахъ, упоминающихъ о подобномъ поселеніи Германцевъ на римской почвѣ, не встрѣчается ни одного выраженія, обозначавшаго по-латыни право собственности. Они принимались на чужую землю лишь въ качествѣ землепашцевъ или колоновъ[1]. Ихъ направляли въ провинціи, гдѣ ощущалась наибольшая нужда въ рабочихъ рукахъ: одни распредѣлялись на государственныхъ помѣстьяхъ, другіе на имѣньяхъ частныхъ собственниковъ.

Императорскіе указы предупреждали, впрочемъ, владѣльцевъ, что эти Германцы доставлявшіеся имъ правительствомъ, должны разсматриваться не какъ рабы, а какъ колоны, слѣдовательно, ихъ нельзя было ни продавать, ни переводить въ другое мѣсто, и они должны были навсегда оставаться прикрѣпленными къ одной и той же землѣ. Они привязывались скорѣе къ землямъ, чѣмъ къ ихъ господамъ. Каждый изъ нихъ былъ приписанъ и какъ бы навѣки пригвожденъ къ опредѣленной почвѣ (*adscriptus glebae*); ни онъ, ни впослѣдствіи его сыновья не могли отдѣлиться отъ нея. Одинъ изъ упомянутыхъ законовъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Варварскій народъ Скировъ послѣ пораженія Гунновъ, къ которымъ они раньше примкнули, подчинился нашей верховной власти.

[1] Таковъ именно смыслъ слова Аммiана „tributarii“ и фразы Зосима: „Γῆν εἰς γεωργίαν λαβόντες ταύτῃ προσεκαρτέρησαν“. То же выводится изъ текста Евменія: „Ut loca culta redderent serviendo“. — Ср. *Ammian*. XIX. 11, 6: „Parati ut tributariorum onera subierent et nomen“.

Вслѣдствіе этого мы позволяемъ всѣмъ землевладѣльцамъ брать людей изъ этого народа для увеличенія числа рабочихъ рукъ на ихъ поляхъ; да будетъ имъ, однако, извѣстно, что эти люди не станутъ ихъ рабами: землевладѣльцы не вправѣ употреблять ихъ на домашнія работы. Эти варвары будутъ подчинены лишь закону о колонатѣ: они будутъ работать какъ свободные люди, хотя и по приказу и для пользы господъ земли. Никому не будетъ разрѣшаться отрывать кого бы то ни было изъ нихъ отъ почвы, на которой они будутъ испомѣщены; бѣжавшій колонъ будетъ преслѣдоваться и возвращаться своему господину»[1].

Приведенный указъ совершенно ясно обнаруваетъ, каково было положеніе Германцевъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Они вступали въ Имперію лишь подъ условіемъ подчиненія очень суровымъ законамъ о колонатѣ. Они не являлись въ точномъ смыслѣ слова рабами какого-нибудь господина, но становились рабами обрабатываемой ими для господина земли. Не они владѣли землей, а земля—ими.

Всѣ изученные факты раскрываютъ своеобразныя послѣдствія, которыя были произведены нѣкоторыми крупными вторженіями въ Имперію варваровъ въ началѣ V-го вѣка. Ими объясняется и радость со-

[1] Законъ 401 г. Онъ помѣщенъ въ кодексѣ Θеодосія V, 4, 3. Побѣда надъ Скирами упоминается Зосимомъ (IV, 34). Созоменъ также разсказываетъ о ихъ пораженіи; онъ говоритъ, что всѣ, оставшіеся въ живыхъ были проданы за нивкую цѣну или даже розданы даромъ; авторъ прибавляетъ слѣдующее (Histor. eccles. IX, 5): „Я видѣлъ многихъ изъ нихъ въ Виθиніи; они были разселены по разнымъ землямъ и обрабатывали холмы и долины“.

временниковъ, которые воспѣвали великіе успѣхи Стилихона, заставившаго Сикамбровъ «смѣнить мечи на сохи». Никто тогда не боялся завоеванія Имперіи варварами: всѣ видѣли скорѣе въ Имперіи завоевательницу, пріобрѣтавшую себѣ новыхъ подданныхъ.

ГЛАВА VII.

Германцы, вступившіе въ Имперію какъ воины.

То, что было сказано выше о древне-германскомъ военно-дружинномъ бытѣ, достаточно ясно обнаружило, что Германецъ, членъ какого-нибудь племени, получалъ право идти на службу къ иноплеменному вождю. Никакой законъ или обычай, ни нравы, ни общественное мнѣніе не запрещали ему также вступать въ ряды римскаго войска.

Императорское правительство, съ своей стороны, охотно вербовало людей за границами своей территоріи. Оно поступало такъ не потому, чтобы нуждалось, какъ говорили нѣкоторые ученые, въ отрядахъ изъ иностранцевъ для обузданія собственныхъ подданныхъ. Уваженіе, внушаемое властью, было въ Имперіи слишкомъ еще сильно для того, чтобы нужно было прибѣгать къ подобнымъ средствамъ. Но утвержденіе Имперіи совпало со всеобщею жаждою мира въ населеніи. Поэтому новому государству показалось естественнымъ облегчить подчиненному ему обществу тяжесть военной службы, которая такъ сильно на него давила и истощала его въ предшествующіе вѣка. Но такъ какъ оставались необходимы легіоны на границахъ и нѣкоторое количество вооруженныхъ силъ въ центрѣ

то были устроены постоянныя арміи, то-есть, введена та военная организація, которая стоитъ населенію и государству дешевле всякой другой системы. Мысль набирать воиновъ среди варваровъ пришла какъ бы сама собою. Правительство императоровъ не питало никакой ненависти къ Германцамъ и въ свою очередь не замѣчало въ нихъ никакой вражды. Германцы сами просились на службу къ Риму; они были сильны, храбры, легко привыкали къ дисциплинѣ, и полководцы императоровъ стали принимать ихъ къ себѣ на службу.

I.

Положеніе варваровъ-воиновъ; федераты и лэты.

Со временъ первыхъ императоровъ встрѣчаемъ мы вооруженныя группы Германцевъ, служившія рядомъ съ римскими легіонами. Они обнаруживаются уже въ войскѣ Цезаря. Германикъ водилъ ихъ въ походы противъ другихъ Германцевъ [1]. Въ одной войнѣ противъ Фризовъ, какъ свидѣтельствуетъ Тацитъ, конный отрядъ Канинефатовъ и нѣсколько пѣшихъ германскихъ когортъ вѣрно сражались за Римъ [2]. Одинъ римскій полководецъ, воевавшій въ ту же эпоху во Ѳракіи, имѣлъ въ своемъ распоряженіи когорту Сикамбровъ [3].

[1] *Tacit.* Annal. I, 56: „Germanicus quatuor legiones, quinque auxiliarum milia et tumultuarias catervas Germanorum cis Rhenum colentium Caecinae tradit.“—*Ibid.* II, 16: „Auxiliares Galli Germanique in fronte, dein quatuor legiones“.

[2] *Ibidem*, IV, 73: „Alam Caninefatum et quod peditum Germanorum inter nostros merebant“.

[3] *Ibid.* IV, 47.

Мы находимъ варварскіе отряды въ самой Италіи, даже въ Римѣ. Ихъ было не мало въ императорской гвардіи, расквартированной во дворцѣ [1], и эти Германцы также выказывали себя постоянно вѣрными слугами. Надписи сообщаютъ о Германцахъ, которые прожили въ Римѣ всю жизнь, были тамъ похоронены, и эпитафіи, написанныя по-латыни, обозначаютъ ихъ «тѣлохранителями императора» [2]. Именно одинъ изъ такихъ Германцевъ, Тунгръ по происхожденію, нанесъ первый ударъ императору Пертинаксу [3].

Въ войскѣ Вителлія находились германскіе вспомогательные отряды [4], такъ же какъ и въ войскѣ Веспасіана. Сарматы всѣ предлагали слѣдовать за нимъ, но онъ предпочелъ Германцевъ и взялъ къ себѣ на службу двухъ свевскихъ королей, по имени Сидо и Италика, «которые, какъ ему было извѣстно, издавна отлича-

[1] *Ibid.* I, 24: „Robora Germanorum, qui tum custodes imperatori aderant“.—*Ibid.* XIII, 18: „Germanos (matri imperatoris) custodes additos“.—*Ibid.* XV, 58: „Permixti Germanis, quibus fidebat princeps quasi externis.“—*Suet.* Aug. 49: „Manum Germanorum usque ad cladem Varianam inter armigeras circa se habuerat“.—Cfr. *Dio Cass.* LVI, 23.—*Suet.* Callig. 55: „Germanis corporis custodibus.“—*Idem*, Nero, 34; Galba, 12: „Germanorum cohortem a Caesaribus olim ad custodiam corporis institutam: multisque experimentis fidelissimam dissolvit“.—Они вновь появились послѣ Гальбы. См. *Herod.* IV, 13, 6: „Γερμανοὶ ἱππεῖς οἷς ὁ Ἀντωνῖνος ἔχαιρε φρουροῖς τε τοῦ σώματος ἐχρῆτο“.—Cfr. *Capitol.* Max. et Balb. 14: „In palatio soli cum Germanis“.

[2] *Orelli*, 2923, 3538, 3397. *Wilmanns*, 1518. См. *Henzen*, Annali dell'inst. di corr. arch. 1850, p. 16.—*Corp. inscr. lat.* VI 4338: „Bassus Tiberii Germanici, Germanus“; 4334: „Felix Tiberii Germanici, eques“; 4339: „Macro Germaniciano, Tiberii Caesaris, Germano“.—Ср. „Bulletin épigraphique“, t. III, p. 61.

[3] *Iul. Capitolin.* Pertin. 11.

[4] *Tacit.* Histor. I, 61.

лись покорностью Риму и принадлежали къ народу болѣе вѣрному, чѣмъ Сарматы» [1]. Эти Свевы, дѣйствительно, сражались въ первыхъ рядахъ въ битвѣ при Кремонѣ [2].

Маркъ Аврелій, во время войны противъ Германцевъ, держалъ въ своемъ войскѣ наемные германскіе же отряды [3]. Постумъ, готовясь провозгласить себя императоромъ Галліи, собралъ вокругъ себя войско изъ Франковъ [4]. Въ битвѣ у мульвійскаго моста войско Константина состояло главнымъ образомъ изъ Германцевъ [5]. Въ то время, какъ многочисленныя вооруженныя шайки изъ Аламанновъ опустошали Галлію, одинъ сильный отрядъ выходцевъ изъ того же самаго народа находился на службѣ у Имперіи и былъ расквартированъ въ Бретани [6].

Документы даютъ возможность различить двѣ категоріи германскихъ воиновъ, находившихся тогда на службѣ у Рима. Одни изъ нихъ вступали въ импер-

[1] *Ibidem.* III, 5: „Sido atque Italicus, reges Sueborum, quis vetus obsequium erga Romanos, et gens fidei commissae patientior“.

[2] *Ibidem*, 21: „Sido atque Italicus Suebi cum delectis popularium primori in acie versabantur“.

[3] *Iul. Capitolin.* Marcus, 21: „Emit Germanorum auxilia contra Germanos“.

[4] *Treb. Poll.* Gallieni, 7: „Cum multis auxiliis Postumus iuvaretur Celticis atque Francicis“. Извѣстно, что слово *auxilia* не обозначало по-латыни понятія „помощь“ въ общемъ смыслѣ. Оно прилагалось вполнѣ опредѣленно къ именованію отряда, составленнаго изъ не гражданскихъ элементовъ. Оно соотвѣтствовало современному французскому термину—„les contingents“.

[5] *Zosim.* II, 15: „Ὁ Κωνσταντῖνος συναγαγὼν δυνάμεις ἔκ τε ὧν ἔτυχεν ἔχων δορικτήτων βαρβάρων καὶ Γερμανῶν καὶ τῶν ἄλλων Κελτικῶν ἐθνῶν“.

[6] *Ammian.* XXIX, 4, 7.

скія арміи добровольно, другіе—помимо своего желанія, насильно.

1.—Первые служили Имперіи по свободному договору, обозначавшемуся писателями IV вѣка словомъ *foedus*; поэтому ихъ называли «федератами» [1].

Амміанъ Марцеллинъ упоминаетъ объ этомъ видѣ военнаго договора и отмѣчаетъ одно изъ наиболѣе часто включавшихся въ него условій: когда императоръ Констанцій предписалъ Юліану, находившемуся въ Галліи, прислать ему на востокъ для войны съ Парѳянами нѣсколько отрядовъ Батавовъ и Геруловъ, равно какъ отборную часть другихъ германскихъ отрядовъ, Юліанъ отвѣчалъ ему, что «эти люди покинули свою родину, находящуюся по ту сторону Рейна, лишь подъ условіемъ, которое гарантировало имъ, что ихъ никогда не заставятъ нести службу за Альпами» [2]. Къ этому онъ еще прибавилъ, «что подобная оговорка часто включается варварами въ добровольно принимаемыя ими на себя обязательства по отношенію къ Имперіи, и что если она будетъ нарушаться, то Римъ рискуетъ утерять возможность пользоваться ихъ услугами въ будущемъ» [3]. Достойно вниманія, что Германцы принимали предосторожности противъ того, какъ бы имъ не пришлось сражаться съ жителями

[1] „Cum barbaris quibusdam, qui quondam in foedus recepti atque in militiam allecti Honoriaci vocabantur".—*Oros.* VII, 40.

[2] *Ammian. Marcellin.* XX, 4, 4. „Qui relictis laribus transrhenanis, sub hoc venerant pacto, ne ducerentur ad partes umquam transalpinas".

[3] *Ibidem:* „Verendum esse adfirmans, ne voluntarii barbari militares saepe sub eiusmodi legibus adsueti transire ad nostra, hoc cognito, deinceps arcerentur".

Италіи или съ Парѳянами, но предоставляли римскому правительству посылать ихъ на бой именно противъ другихъ Германцевъ, даже только противъ послѣднихъ.

Историкъ Іорданъ говоритъ также объ одномъ договорѣ, заключенномъ совершенно по формѣ между Константиномъ и Готами, въ силу котораго послѣдніе впредь обязывались поставлять для римскаго войска цѣлый корпусъ изъ 40,000 вооруженныхъ людей. Онъ долженъ былъ служить Имперіи противъ всѣхъ ея враговъ, каково бы ни было ихъ племенное происхожденіе [1]; Готы эти назывались «союзниками», *foederati*. Одинъ фактъ, передаваемый Амміаномъ, обнаруживаетъ, что, спустя тридцать лѣтъ послѣ смерти Константина, готскій народъ выполнялъ еще указанныя обязательства, и время отъ времени посылалъ новыхъ людей для пополненія кадровъ упомянутаго отряда [2]. Ѳеодосій возобновилъ договоръ [3], такъ что до времени Юстиніана на службѣ римской Имперіи всегда имѣлось готское союзное войско [4]. Законы упоминаютъ также о союзныхъ германскихъ вой-

[1] *Iordan.* De rebus geticis, c. 21, § 112: „Gothi, foedere inito cum imperatore, quadraginta suorum milia illi contra gentes varias obtulere".

[2] *Ammian.* XXVII, 5: „Gens amica Romanis foederibusque ingenuae pacis obstricta".

[3] *Iordan.* De rebus geticis, c. 28: „Defuncto Athanarico, cunctus eius exercitus, romano se imperio subdens, cum milite velut unum corpus effecit, militiaque illa dudum sub Constantino principe foederatorum renovata, et ipsi dicti sunt foederati".

[4] *Ibidem*, c. 21: „Quorum et numerus et militia usque ad praesens in republica nominantur, id est foederati" (ср. примѣчаніе къ данному мѣсту въ изданіи Клосса, стр. 86—87).

скахъ на западѣ [1]. У Граціана среди его тѣлохранителей находились Аламанны [2].

2.—Другіе Германцы служили Риму вопреки собственному желанію. Практика насильственнаго введенія варваровъ въ составъ войска такъ же стара, какъ сама Имперія. Тацитъ сообщаетъ о Ѳракійцахъ, «которыхъ принудили поставлять въ войско вооруженныхъ людей, отдавая на службу Риму свое самое сильное юношество» [3]. То же самое повторялось съ жителями Бретани, которыхъ насильно уводили съ родины, «чтобы заставить служить Риму вдали отъ нея» [4]. Такъ же точно Батавы, Маттіаки и Убіи несли воинскую повинность Имперіи [5]. Во время войны въ Британіи насильственно завербовали когорту Узипіевъ, которая, правда, впослѣдствіи отложилась отъ Рима [6]. Еще позже стали отыскивать воиновъ даже въ глубинѣ собственной Германіи. Маркъ Аврелій послѣ своихъ великихъ побѣдъ надъ Германцами выбралъ самыхъ сильныхъ изъ плѣнниковъ и заставилъ ихъ нести

[1] *Cod. Theod.* VII, 13, 16: „Praecipue sane eorum servos, quos militia armata detentat, foederatorum nihilominus et dediticiorum“ (законъ 406 года изданный въ Равеннѣ).—*Novell. Valentin*, tit. IX, ed. Haenel, p. 159: „Tam militum atque foederatorum tuitionem urbibus atque littoribus non desinit ordinare“ (законъ 440 года). Сидоній Аполлинарій (Epist. I, 8; II, 13) говоритъ о *foederati* на западѣ.

[2] *Ammian.* XXXI, 10, 3.

[3] *Tacit.* Annales, IV, 16: „Pati dilectus et validissimum quemque militiae nostrae dare“.

[4] *Idem*, Agricola, 13; 31: „Liberi ac propinqui per dilectus alibi servituri auferuntur“.

[5] *Idem*, Germania, 29; Histor. I, 59; IV, 18.

[6] *Idem*, Agricola, 28.

военную службу [1]. Онъ даровалъ Язигамъ миръ лишь подъ условіемъ, что они выдадутъ ему 8,000 человѣкъ изъ своего плеиени, чтобы сдѣлать изъ нихъ римскихъ воиновъ. Получивъ послѣднихъ, онъ отправилъ ихъ въ Британію [2]. Коммодъ требовалъ отъ Маркоманновъ и Квадовъ, чтобы тѣ поставляли ему отряды вооруженныхъ людей [3]. Подобнаго рода пріемъ пополненія войска становится, слѣдовательно, обычнымъ въ Имперіи. Александръ Северъ послѣ своихъ побѣдъ въ Азіи и Африкѣ раздѣлилъ плѣнныхъ Армянъ и Мавровъ каждыхъ на двѣ части, однихъ роздалъ, какъ рабовъ, другихъ завербовалъ въ войско [4]. Зосимъ, разсказывая о разгромѣ 300,000 Готовъ, которые разъ наводнили Имперію и были побѣждены Клавдіемъ II либо его полководцами, утверждаетъ, что всѣ, избѣгшіе смерти, были посажены на земли въ качествѣ колоновъ, или присоединены къ арміи въ качествѣ воиновъ [5]. Авреліанъ, побѣдитель вторгшихся Вандаловъ, разрѣшилъ послѣднимъ возвратиться въ ихъ страну, лишь по заключеніи съ ними правильнаго договора, въ силу котораго они предоставляли въ распоряженіе императора 2,000 отборныхъ всадниковъ [6]. Императоръ Пробъ

[1] *Dio Cass.* LXXI, 11: „Οἱ μὲν ἐστρατεύσαντο, ἄλλοσέ ποι πεμφθέντες, ὥσπερ καὶ τῶν ἁλισκομένων οἱ δυνάμενοι“.

[2] *Idem*, LXXI, 16.

[3] *Idem*, LXXII, 2.

[4] *Lamprid.* Alexander, 58: „Captivos diversarum nationum amicis donavit; si qui nobiliores fuerunt, eos militiae deputavit“.

[5] *Zosim.* I, 46: „Ὅσοι διεσώθησαν, ἢ τάγμασι Ῥωμαίων συνηριθμήθησαν, ἢ γῆν λαβόντες εἰς γεωργίαν ταύτῃ προσεκαρτέρησαν“.

[6] *Dexipp.* Fragmenta, (edit. Didot, t. III, p. 685, 686): „Οἱ Βανδῆλοι κατὰ κράτος ἡττηθέντες παρὰ Ῥωμαίων πρεσβείαν ἐποιήσαντο περὶ διαλύσεως πολέμου, καὶ αἱ σπονδαὶ ἐγένοντο. Συνεμάχουν δὲ ἀπὸ τῆσδε Ῥωμαίοις Βανδήλων ἵππεις εἰς δισχιλίους, οἱ μὲν αἱρετοὶ ἐκ

послѣ одного похода въ Германію привелъ съ собою оттуда, кромѣ большого количества скота и рабовъ, 16,000 набранныхъ воиновъ, которыхъ онъ распредѣлилъ по различнымъ вспомогательнымъ отрядамъ своей арміи [1]. Въ слѣдующемъ вѣкѣ мы видимъ, что побѣжденные Сарматы, желая спасти свое существованіе, «предлагали императору Констанцію кромѣ постоянной дани еще право ежегодно вербовать изъ нихъ вооруженный отрядъ» [2]. Юліанъ, побѣдивъ Саліевъ и Квадовъ, часть ихъ причислилъ къ своему войску [3]; историкъ, сообщающій объ этомъ, шестьдесятъ лѣтъ спустя, присоединяетъ къ разсказу слѣдующее любопытное замѣчаніе: «Отряды (Саліевъ и Квадовъ) остаются въ римскомъ войскѣ еще до сихъ поръ». Наконецъ, императоръ Граціанъ, уничтоживъ въ одномъ сраженіи почти весь народецъ Лентіевъ, даровалъ миръ оставшимся въ живыхъ лишь подъ условіемъ, что ихъ молодежь будетъ подлежать набору въ римское войско [4].

τοῦ πλήθους καταλεχθέντες, οἱ δὲ ἐθέλοντες ἑκούσιον στρατίαν ὑποδυόμενοι".

[1] *Vopisc.* Probus, 14: „Accepit praeterea sedecim milia tyronum, quos omnes per provincias sparsit, ita ut numeris vel limitaneis milibus quinquagenos et sexagenos intersereret".

[2] *Ammian. Marcell.* XVII, 13, 3: „Vitam precati, tributum, annuum et dilectum validae iuventutis et servitium spoponderunt".

[3] *Zosim.* III, 8: „Σαλίους τε καὶ Κουάδων μοῖραν τάγμασιν ἐγκατέλεξεν, ἃ καὶ νῦν ἔτι δοκεῖ περισώζεσθαι". Точно также въ 375 году Квады отправили пословъ просить о мирѣ. См. *Ammian.* XXX, 6, 1: „Pacem suppliciter obsecrantes, quam ut adipisci possent, tirocinium pollicebantur".

[4] *Ammian.* XXXI, 10, 17: „Lentienses, post deditionem, quam inpetravere supplici prece, oblata (ut praeceptum est) iuventute valida nostris tirociniis permiscenda, ad genitales terras ire permissi sunt".

Германцамъ было, какъ кажется, безразлично сражаться за Римъ или противъ него. Одинъ аламаннскій король, Вадомаръ, началъ свою дѣятельность съ вторженій въ Галлію, а кончилъ ее на службѣ у Имперіи въ должности начальника военныхъ силъ (*dux*) въ провинціи Финикіи [1].

Почти невозможно опредѣлить, каково было въ общемъ положеніе Германцевъ, служившихъ въ римскомъ войскѣ, такъ какъ оно безпрестанно измѣнялось [2]. Среди нихъ весьма явственно различаются двѣ категоріи. Въ то время, какъ отряды вооруженныхъ людей, вступавшіе на службу по добровольному договору, носили почетное званіе федератовъ или союзниковъ (*foederati*), Германцы, принужденные къ военной службѣ въ пользу Имперіи силою, повидимому, обыкновенно обозначались именемъ *dedititii* [3], которое указывало на то, что они находились въ положеніи полнаго подданства. Нѣкоторые назывались еще германскимъ словомъ *laeti*, которое, кажется, прилагалось къ людямъ низшаго соціальнаго положенія [4].

[1] *Ammian.* XXI, 3; XXVI, 8, 2; XXIX, 1.

[2] См. *Boecking*, Notitia dignitatum.—*Léotard*, De la condition des barbares au IV siècle (1873).—*Brambach*, Dissertatio iuris publici de laetis.—*Guérard*, Polyptyque d'Irminon, Prolégomènes (P. 1840), p. 275;—*Opitz*, Die Germanen im Römischen Imperium (1867).

[3] *Cod. Theod.* VII, 13, 16: „Militia foederatorum et dedititiorum".—Слову *dedititii* соотвѣтствуетъ слово δορίκτητοι, употребляемое Зосимомъ (II, 15).

[4] Лэты упоминаются въ концѣ III вѣка въ одномъ, правда, оспариваемомъ текстѣ Евменія. См. Panegyricus (V) Constantio Caesari dictus, 9.—Они обнаруживаются въ IV вѣкѣ у Аммiана (XX, 8, 13): „Adolescentes laetos quosdam cis Rhenum editam barbarorum progeniem". Лэты, повидимому, отличались отъ дедитиціевъ; въ 361 году одинъ отрядъ ихъ служилъ во Ѳракіи (*Ammian.* XXI, 13, 16).

Федератамъ обыкновенно платилось жалованіе деньгами и хлѣбомъ. Дедитиціи и лэты вмѣсто жалованья получали земли для обработки. Съ ними жили ихъ жены и дѣти. Указанные отряды войска являлись, такимъ образомъ, постоянными частями римской арміи, и служба въ нихъ была наслѣдственною обязанностью: сынъ лэта не могъ пользоваться лэтскимъ надѣломъ, если самъ не становился въ свою очередь лэтомъ, то-есть, военнымъ поселенцемъ[1]. Каждый изъ этихъ отрядовъ размѣщался на постоянныхъ квартирахъ въ какой-нибудь провинціи, образуя одновременно и военный отрядъ, и земледѣльческій поселокъ.

Сборникъ—*Notitia dignitatum et administrationum*, нѣчто въ родѣ имперскаго административнаго альманаха, составленный въ первые годы V вѣка, опредѣленно указываетъ, что и тогда римское войско включало на ряду съ легіонами и провинціальными когортами значительное число германскихъ отрядовъ. Мы видимъ изъ этого документа, что группы Батавовъ, Геруловъ, Маттіаковъ, Маркоманновъ, Алановъ были расквартированы въ Италіи[2]; что въ Испаніи стоялъ отрядъ Саліевъ[3]; въ Реціи—Батавовъ[4], въ Панноніи—Маркоманновъ[5]. Въ войскахъ и гарнизонахъ

[1] *Cod. Theod.* VII, 20, 12: „Quisquis laetus, Alamannus, Sarmata, vagus vel filius veterani aut cuiuslibet corporis dilectui obnoxius, tirociniis castrensibus inbuatur". Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что слово *laetus* является въ приведенномъ текстѣ исправленіемъ издателей, въ рукописяхъ стоитъ *luctus*. — *Cod. Theod.* XIII, 11, 9: „Quoniam ex multis gentibus sequentes romanam felicitatem se ad nostrum imperium contulerunt, quibus terrae laeticae administrandae sunt..."

[2] *Notitia dignitatum et administrationum*, ed. Seeck, p. 133

[3] *Ibidem*, p. 138.

[4] *Ibidem*, p. 200.

[5] *Ibidem*, p. 197.

Галліи между множествомъ служащихъ людей мѣстнаго, а также италійскаго, далматинскаго и африканскаго происхожденія встрѣчаемъ Маттіаковъ, Батавовъ, Саліевъ, Бруктеровъ, Ампсиваріевъ[1]. Одинъ отрядъ тевтонскихъ лэтовъ стоялъ въ Сансѣ; въ Мансѣ, въ Байё, въ Кутансѣ и въ Оверни, были расквартированы лэты изъ племени Свевовъ; въ Реннѣ находимъ лэтовъ изъ Франковъ, въ Аррасѣ обнаруживаются лэтскія поселенія изъ Батавовъ; еще другіе германскіе лэты отыскиваются въ Реймсѣ и Санлисѣ[2]; на тѣхъ же условіяхъ поселены были Сарматы въ Пуатье, Парижѣ, Аміенѣ и Лангрѣ[3].

Многіе изъ подобныхъ союзныхъ или лэтскихъ отрядовъ образовали изъ себя въ Галліи очень прочныя военныя поселенія. Одинъ отрядъ Тайфаловъ, помѣщенный распоряженіемъ имперскаго правительства въ окрестностяхъ Пуатье, удержался здѣсь надолго, обитая изъ поколѣнія въ поколѣніе на томъ же самомъ мѣстѣ; мы открываемъ его тамъ же полтора вѣка послѣ первоначальнаго испомѣщенія[4]. То же самое повторилось съ однимъ отрядомъ Саксовъ, который былъ расквартированъ близъ Байё: онъ остался тамъ навсегда; варвары приняли здѣсь христіанство, и ихъ племенное имя надолго соединилось съ краемъ[5]. То,

[1] *Ibidem*, p. 135.

[2] *Ibidem*, p. 216—217.

[3] *Ibidem*, 219.

[4] Ср. *Notitia dignitatum* и *Greg. Tur.* IV, 18; V, 7. Названіе *Taifalia* осталось связаннымъ съ данною мѣстностью: оно узнается нынѣ въ имени *Tiffauges-sur-Sèvre*.

[5] *Greg. Tur.* V, 27.—Наименованіе *Otlinga Saxonum*, данное этому военному поселенію, находится еще въ одномъ эдиктѣ Карла Лысаго. См. *Ducange*, Glossarium, подъ словомъ—„otlinga". Ср. *Longnon*, Géographie de la Gaule, p. 173.

что намъ извѣстно о судьбѣ разсмотрѣнныхъ двухъ германскихъ отрядовъ, пересаженныхъ на римскую почву, должно было происходить со многими другими, подобными имъ. Нѣкоторыя мѣстности, гдѣ, по свидѣтельству *Notitia*, стояли сарматскіе гарнизоны, сохранили до нашего времени географическое наименованіе *Sarmaise*.

Та же *Notitia* даетъ намъ указанія, что и въ восточной части Имперіи испомѣщались отряды Батавовъ, Саліевъ, Ангриваріевъ [1]. Нѣкоторые стояли въ самомъ Константинополѣ, входя въ составъ отборныхъ дворцовыхъ войскъ, такъ называемыхъ *auxilia palatina*. Въ Египтѣ мы находимъ Вандаловъ, Франковъ, Квадовъ, Хамавовъ, Аламанновъ; тамъ встрѣчались точно также галльскія когорты [2]. Военныя части, состоявшія изъ Франковъ, Аламанновъ, Саксовъ располагались еще въ Иллиріи; одна когорта Готовъ стояла въ Сиріи, когорта Франковъ—въ Месопотаміи [3]. Германскій отрядъ вскрывается даже въ Арменіи [4].

Кромѣ того надобно отмѣтить, что Германцы не были единственными иноплеменниками, которыхъ римская Имперія заставляла служить въ своей арміи; въ ея войскахъ были части, пополнявшіяся изъ Мавровъ, Арабовъ и Парѳянъ. Мы находимъ, напримѣръ, вооруженную группу Мавровъ, расположенную на постояхъ въ мѣстности около нынѣшняго Ванна въ Бретани, другой отрядъ изъ того же народа былъ расквартированъ также въ Галліи, именно въ странѣ Осисміевъ, нынѣшнемъ—Saint-Pol-de-Léon.

[1] *Notitia dignitatum*, ed. Seeck, p. 13, 14.
[2] *Ibidem*, p. 59, 60, 64, 65, 66.
[3] *Ibid*. p. 78.
[4] *Ibid*. p. 84.

2.

Почему Имперія вербовала вооруженныхъ людей среди Германцевъ? Это былъ способъ покоренія Германіи.

Естественно задать себѣ вопросъ, по какимъ причинамъ императорское правительство набирало такое большое количество воиновъ изъ чужестранцевъ. Въ отвѣтъ на него прежде всего приходитъ на умъ предположеніе, что это дѣлалось вслѣдствіе недостатка собственнаго мужского населенія; но ни одна строка въ документахъ не даетъ повода къ подобному заключенію. Мысль объ уменьшеніи населенія Имперіи, если не говорить о нѣсколькихъ пограничныхъ областяхъ, лишь чистая догадка, въ подтвержденіе которой не удалось найти ни малѣйшаго доказательства. Если число жителей Имперіи не превышало даже цифры восьмидесяти милліоновъ, легко вычислить, что она свободно могла выставить армію въ милліонъ человѣкъ [1].

Можно высказать еще другое предположеніе, что населеніе Имперіи, изнѣженное продолжительнымъ миромъ, потеряло воинское мужество. Однако, читая историковъ IV и V вѣка, мы замѣчаемъ, что подобное представленіе безусловно не соотвѣтствуетъ истинѣ. Въ частности, Аммианъ описываетъ достаточное количество битвъ и схватокъ, чтобы мы могли судить на основаніи его словъ о боевыхъ качествахъ воиновъ Имперіи; изъ его описаній видно, что Галлы, Испанцы, Иллирійцы и другіе народы, изъ которыхъ рекрутировалась армія императоровъ обладали въ достаточной

[1] Правда, по закону рабы не имѣли доступа въ армію, но на дѣлѣ они пополняли ее при помощи отпуска ихъ на волю.

мѣрѣ храбростью, искусствомъ, дисциплиною [1]. Спеціально о жителяхъ Галліи историкъ говоритъ, что «они во всякомъ возрастѣ были хорошими воинами, что молодые и старые несли у нихъ службу съ одинаковымъ мужествомъ, что ихъ тѣла закалялись суровымъ климатомъ и постояннымъ упражненіемъ, и что они смѣло шли на всѣ опасности» [2]. Фактическія подробности событій исторіи изучаемой эпохи заключаютъ въ себѣ обильныя доказательства положенія, что римскіе легіонеры IV вѣка значительно превосходили Германцевъ совокупностью своихъ воинскихъ качествъ.

Надобно, слѣдовательно, искать въ иныхъ условіяхъ или обстоятельствахъ основаній, приводившихъ императорское правительство къ необходимости привлекать для обороны государства такое значительное

[1] См. особенно у Аммiана книги XVI, XVII и XXIV, гдѣ историкъ разсказываетъ о событіяхъ одной войны противъ Германцевъ и одной противъ Персовъ. См. также у него—XXVII, 2, 5. Авторъ изображаетъ здѣсь одно сраженіе и представляетъ въ немъ Римлянъ „numero inferiores, viribus pares“ сравнительно съ врагами; онъ прибавляетъ (§ 7): „Resistens animorum acri robore miles ita lacertis eminuit, ut hostium interficeret sex milia, ipse vero non amplius mille ducentis amitteret“—Въ другомъ мѣстѣ историкъ рисуетъ Аламанновъ „disiectos Romanorum ardore“ (XXVII, 10, 15); онъ говоритъ еще (XXIX, 6, 13) о двухъ легіонахъ—„valida proeliis manus“.—Вегецій (I. 28), писавшій при Валентиніанѣ II, также не жалуется на недостатокъ храбрости въ римскомъ войскѣ: „Non degeneravit in hominibus Martius calor“. Онъ укоряетъ его только въ пренебреженіи военными упражненіями во время мира.

[2] *Ammian*. XV, 12, 3: „Ad militandum omnis aetas aptissima; et pari pectoris robore senex ad procinctum ducitur et adultus, gelu duratis artubus et labore adsiduo, multa contempturus et formidanda“.—Cf. XXIX, 16: Gallicani militis validum robur“. — См. у того же автора (XIX, 6; XXIII, 5) примѣры отваги и пылкости Галловъ

количество вспомогательныхъ силъ изъ среды варваровъ. Мнѣ кажется, что можно усмотрѣть нѣсколько причинъ этого явленія.

1.—Прежде всего, здѣсь обнаруживается одно побужденіе спеціально военнаго характера.—Набѣги Германцевъ на римскую территорію, совершавшіеся въ теченіе III и IV вѣковъ, равно какъ и одновременныя войны противъ Персовъ, разумѣется, измѣнили правила римской тактики. Противъ непріятеля, движенія котораго трудно было предвидѣть, необходимы были войска, которыя отличались бы чрезвычайною подвижностью. А римскіе легіоны IV вѣка передвигались довольно медленно. Въ битвахъ они оказывались болѣе тверды, чѣмъ быстры. Они плохо выносили большіе переходы, во-первыхъ, потому, что были тяжело вооружены [1], во-вторыхъ, потому, что люди, привыкавшіе во время мирныхъ стоянокъ къ удобствамъ жизни, должны были тащить за собою въ походъ тяжелые грузы [2], наконецъ, потому, что за воинами слѣдовали ихъ жены и дѣти, съ которыми они не любили разлучаться [3]. Вооруженіе варваровъ было легче и сами они менѣе взыскательны. Чтобы обезпечить въ своей

[1] Только со времени Граціана легіонеровъ освободили отъ металлической каски и панцыря. См. *Veget*. I, 20. — Авторъ прибавляетъ, что въ легіонахъ оружіе было всегда тяжелѣе, чѣмъ въ вспомогательныхъ войскахъ (auxilia), состоявшихъ изъ чужеземцевъ (II, 3).

[2] Аммiанъ (XVII, 9) разсказываетъ любопытный случай, рисующій, какъ сильно римскіе легіонеры заботились о своемъ продовольствіи: въ другомъ мѣстѣ (XXII, 12, 6) онъ даетъ примѣръ ихъ необычайной прожорливости.

[3] Эту бытовую черточку также отмѣчаетъ Аммiанъ (XX 4, 10): онъ говоритъ, что воины лишь съ сильнымъ неудовольствіемъ покидали своихъ „*caritates*“.

арміи наличность извѣстнаго числа отрядовъ, которые могли бы быстро передвигаться и сражаться съ легкостью противъ спустошительныхъ варварскихъ нападеній, лучше всего было брать на службу самихъ варваровъ. Поэтому военныя власти Имперіи придумали довольно удобную систему, соединять въ одно цѣлое легкіе отряды, составленные изъ Германцевъ и африканцевъ съ болѣе тяжелыми регулярными силами, пополнявшимися изъ людей, которые вербовались внутри Имперіи и обучались на римскій ладъ [1].

2.—Затѣмъ, можно подмѣтить и финансовыя основанія, побуждавшія римское правительство обращаться при организаціи войска къ варварскимъ контингентамъ. Извѣстно, что наборъ осуществлялся въ формѣ какъ бы особаго налога, составлявшаго повинность землевладѣльцевъ: они обязаны были давать ежегодно въ видѣ рекрутовъ опредѣленное число своихъ крестьянъ. Имъ, впрочемъ, часто разрѣшалось переводить подать на деньги, то-есть, вмѣсто поставки людей уплачивать назначенное количество золотыхъ монетъ. Изъ такой практики правительство легко должно было вывести разсчетъ, что чѣмъ меньше они будутъ набирать рекрутовъ, тѣмъ больше окажется въ казнѣ денегъ [2]. Далѣе представлялось яснымъ, что содержаніе и жалованіе римскаго солдата превосходило содержаніе и жалованіе варвара-союзника. Наконецъ, легіонеръ-Римлянинъ къ сорока годамъ вмѣстѣ съ званіемъ ветерана

[1] На томъ же самомъ основаніи многіе французскіе военные начальники въ Алжирѣ думаютъ и теперь, что необходимо держать тамъ наряду съ болѣе тяжелыми французскими войсками, болѣе легкіе и всегда готовые къ передвиженію арабскіе отряды.

[2] У насъ есть свидѣтельство, что подобное вычисленіе дѣйствительно было сдѣлано (*Ammian*. XXXI, 4, 4).

получалъ отставку съ наградою или пенсіею въ томъ или другомъ видѣ, и это, безъ сомнѣнія, стоило государству довольно дорого. Понятно, стало быть, что императорскому правительству было прямо выгодно замѣщать часть своихъ національныхъ войскъ отрядами варваровъ, которые при меньшемъ количествѣ затратъ на нихъ оказывали ему такія же услуги.

3.—Существовали наконецъ и политическія причины, приводившія къ укрѣпленію разсматриваемой системы пополненія арміи. Императорскому правительству всегда представлялось затруднительнымъ, пріучить къ строгому послушанію властямъ не только легіоны, но даже такъ называемые вспомогательные корпуса (auxilia) туземнаго войска. Изъ этого не слѣдуетъ, что римскій воинъ являлся сознательнымъ врагомъ императорскаго строя вообще: онъ былъ только склоненъ возводить на престолъ постоянно новыхъ императоровъ, чтобы какъ можно чаще пользоваться наградами (*donativum*), которыя при этомъ раздавались счастливымъ узурпаторомъ тѣмъ, кто помогъ ему завладѣть властью. Армія мало-по-малу стала считать своимъ правомъ провозглашать императоровъ. Надобно прочитать разсказы объ избраніи Юліана и Валентиніана I, чтобы понять, насколько легіоны были убѣждены въ такомъ своемъ правѣ и особенно въ своей силѣ [1]. Другой весьма характерный примѣръ того же настроенія арміи представляетъ исторія узурпатора Прокопія: этотъ неизвѣстный никому человѣкъ обратился къ случайно находившимся въ данномъ мѣстѣ солдатамъ; такъ какъ ихъ оказалось возможно подкупить (*vendibiles*), то онъ предложилъ имъ денегъ, и они

[1] *Ammian*. XX, 4: XX, 9; XXVI, 2.

объявили его императоромъ [1]. Когда читаешь сочиненія историковъ того времени, поражаешься, въ какой степени государи считали тогда своею обязанностью быть снисходительными съ солдатами и льстить имъ. Установился обычай, что императоры привѣтствуютъ ихъ рѣчью [2]; они называли ихъ «своими товарищами по оружію» (*commilitones*) [3], а тѣ отвѣчали на рѣчи государей двумя способами: свое одобреніе они выражали, ударяя щитомъ по колѣну, неодобреніе, стуча копьемъ по щиту [4]. Съ легіонерами власти совѣтовались относительно всего: ихъ спрашивали о выборѣ императора, о назначеніи наслѣдника престола [5], о военномъ походѣ [6]; безъ ихъ согласія не рѣшались ничего предпринимать. Если мы вглядимся во всѣ приведенные факты и имъ подобные, если мы оцѣнимъ значеніе обнаруживающихся изъ нихъ отношеній, то не удивимся, что императоры стремились обезпечить себя большимъ количествомъ воиновъ-иностранцевъ для пріобрѣтенія нѣкоторой безопасности и независимости отъ своеволія собственныхъ. Они разсчитывали,

[1] *Idem*, XXVI, 6, 12—16; cfr. XXVI, 7, 9.

[2] *Ammian*. XIV, 10; XV, 8; XVII, 13; XX, 5; XXIV, 3; XXVI 2; XXVII, 6.—*Zosim*. II, 44; II, 46.

[3] *Vopisc*. Tacitus, 8: „Sanctissimi commilitones".

[4] *Ammian*. XV, 8, 15.—Замѣтимъ, что здѣсь дѣло идетъ не объ иноземныхъ, а о римскихъ войскахъ.

[5] *Idem*, XXVII, 6, 5: „Dextra puerum adprehensum productumque in medium oratione contionaria exercitui commendabat..." Валентиніанъ говоритъ о своемъ сынѣ Граціанѣ, что онъ надѣлилъ его высшею властью „meo commilitonumque nostrorum arbitrio" (XXVII, 6, 12).

[6] *Zosim*. III, 13. Ср. объ отношеніяхъ командующаго войсками къ своимъ солдатамъ въ Vita S. Martini (у *Sulpic. Sever*. edit. Halm, p. 114).—*Zosim*. III, 26.

что всѣ эти выходцы изъ Германіи, Африки, Азіи, чувствуя себя совсѣмъ чужими въ римскомъ государствѣ и обществѣ, не найдутъ въ себѣ смѣлости возводить и низводить императоровъ. Ихъ разсчетъ оставался вѣрнымъ въ теченіе почти цѣлаго IV вѣка; только позже германскіе солдаты пріучились въ свою очередь дѣлать то, что всегда дѣлали римскіе легіоны.

Таковы были разнообразныя основанія, заставившія императоровъ призывать къ себѣ на службу большое число варваровъ. Такой обычай, изумляющій современныхъ людей съ точки зрѣнія ихъ нынѣшнихъ взглядовъ, рѣзко отличающихся отъ понятій изучаемой нами эпохи, казался простымъ и естественнымъ римскимъ императорамъ IV вѣка и ихъ совѣтникамъ; онъ рѣшительно никого не удивлялъ. Къ тому же существованіе иностранныхъ вспомогательныхъ когортъ рядомъ съ легіонами было у Римлянъ тысячелѣтней традиціею; ни Республика, ни Имперія не находили ее худою и потому не стремились ее разрушить.

Воины иноземнаго происхожденія никогда не смѣшивались въ Римѣ съ туземными [1]. Легіоны, составлявшіеся изъ римскихъ гражданъ, продолжали считаться лучшими войсками [2]. Можно даже замѣтить, что почетное званіе воиновъ, *milites*, предоставлялось, по крайней мѣрѣ въ оффиціальномъ языкѣ, только именно туземнымъ легіонерамъ [3].

[1] Въ видѣ исключенія нѣкоторые императоры вводили варваровъ даже въ легіоны (*Zosim*. IV, 12; IV 30); но это безусловно шло въ разрѣзъ съ преданіемъ: когда авторъ говоритъ, что было разъ допущено такое смѣшеніе варваровъ съ Римлянами, онъ характеризуетъ фактъ, какъ крупный безпорядокъ, почти какъ неприличіе.

[2] См. *Veget*. II, 2, о превосходствѣ легіоновъ надъ *auxilia*.

[3] *Novell. Valent*. IX (ed. Haenel, p. 159) опредѣленно раз-

Императорское правительство не стремилось уничтожить въ варварахъ-воинахъ, призванныхъ на римскую службу, ихъ національныхъ особенностей. Оно не заботилось о томъ, чтобы они перемѣшались между собою, и, чтобы такимъ образомъ изгладилась у нихъ память о ихъ мѣсторожденіи. Наоборотъ, каждый отрядъ составлялся изъ людей одной и той же національности. Имперія не считала нисколько опаснымъ слѣдовать правилу, примѣнявшемуся къ провинціальнымъ арміямъ, такъ же и при организаціи военныхъ силъ изъ иноземцевъ. Какъ существовали отряды, состоявшіе цѣликомъ изъ Галловъ, Испанцевъ, Ѳракійцевъ, Италійцевъ, Сирійцевъ, точно такъ же устраивались сплошные отряды изъ Батавовъ, Саксовъ, Франковъ, Готовъ. Начальникъ каждаго изъ такихъ отрядовъ или корпусовъ, хотя и назначался римскимъ правительствомъ, но по происхожденію всегда являлся ихъ единоплеменникомъ [1]. Нѣсколько отрядовъ, расположенныхъ въ одномъ и томъ же военномъ округѣ, какъ и національныя войска, подчинялись римскому главному командиру, носившему званіе *dux* или *comes*. Всѣ военныя силы Имперіи какъ національныя, такъ и набранныя изъ чужеземцевъ, находились подъ главнымъ начальствомъ высшихъ чиновъ военнаго вѣдомства, такъ называемыхъ *magistri militum*, назначавшихся императоромъ.

личаетъ *milites* и *foederati*. Зосимъ (IV, 7) противополагаетъ „τάγματα Ῥωμαίων“ и „πλῆθος βαρβάρων“. Точно такъ же и въ греческомъ языкѣ терминъ „στρατιώτης“ прилагался только къ Римлянамъ легіонерамъ. Примѣръ см. у Зосима, VI, 12: „Καί βαρβάρους μετὰ τῶν στρατιωτῶν ἐκπέμψαι“. Другой примѣръ *Ibid*. IV, 57: „Τῶν μὲν ρωμαϊκῶν στρατοπέδων ἡγεῖσθαι Τιμάσιον, τοὺς δὲ συμμαχοῦντας βαρβάρους ὑπὸ Γαΐνῃ“. Еще одинъ, V, 5: „Ἀλάριχος ἠγανάκτει ὅτι μὴ στρατιωτικῶν ἡγεῖτο δυνάμεων, ἀλλὰ μόνους εἶχε τοὺς βαρβάρους“.

[1] *Zosim*. V, 5: „Ἀλάριχος εἶχε μόνους τοὺς βαρβάρους, οὓς Θεοδόσιος ἔτυχεν αὐτῷ παραδούς“.

Варвары-воины были склонны къ грабежу. Мы видимъ, напримѣръ, какъ одинъ изъ ихъ отрядовъ пытался взять городъ Ліонъ и, найдя ворота его запертыми, безжалостно опустошилъ окрестности [1]. Населеніе не любило ихъ: изъ многихъ мѣстъ Амміана, Зосима, Орозія легко заключить, что мѣстные жители были сильно возбуждены противъ нихъ, императорское правительство подвергалось упрекамъ за будто бы чрезмѣрную благосклонность къ этимъ своимъ иностраннымъ вспомогательнымъ войскамъ [2]. Можно наблюдать съ конца IV вѣка, что они иногда возставали противъ императоровъ и переносили свою присягу съ одного государя на другого, напримѣръ, съ Гонорія на Константина, съ Константина на Геронтія [3]. Но если они и возмущались такимъ образомъ противъ того или другого императора, то оставались вѣрны Имперіи. Хотя они и не были склонны къ постоянной субординаціи, но они вмѣстѣ съ тѣмъ и не стремились освободиться отъ императорской власти. Еще болѣе поразительно то, что введенные въ римское войско варвары никогда не оказывали помощи напа-

[1] *Ammian*. XVI, 11, 4: „Laeti barbari ad tempestiva furta sollertes invasere Lugdunum incautam, eamque populatam concremassent ni clausis aditibus repercussi, quicquid extra oppidum potuit inveniri vastassent“.

[2] Національныя и иностранныя войска часто заводили ссоры между собою (примѣры у Зосима, IV, 33; IV, 40; V, 33).

[3] *Zosim*. VI, 5. Изъ другого примѣра у того же автора (IV, 45) видимъ, какъ завербованные въ войско варвары измѣнили Ѳеодосію въ пользу узурпатора Максима—поддавшись обѣщанію послѣдняго увеличить ихъ жалованіе.

давшимъ извнѣ непріятелямъ. Они часто устраивали бунты противъ властей государства, но никогда не переходили на сторону внѣшнихъ враговъ. Они не дѣйствовали сообща съ послѣдними, даже когда вторгавшіеся принадлежали къ ихъ единоплеменникамъ. Они никогда не уклонялись отъ обязанности защищать Имперію, особенно противъ другихъ Германцевъ.

Можно, наконецъ, задать себѣ еще одинъ вопросъ, какъ случилось, что римское правительство, допускавшее и даже привлекавшее столькими способами въ предѣлы Имперіи такія крупныя массы варваровъ, проявляло такъ мало недовѣрія по отношенію къ людямъ чужой расы, вводимымъ во множествѣ въ римское общество. Это обстоятельство поражаетъ современнаго человѣка. Поэтому наши историки проникнуты убѣжденіемъ, что императорское правительство необходимо должно было стараться избавить себя отъ такихъ внѣдрявшихся Германцевъ, и что, если оно этого не дѣлало, то лишь вслѣдствіе необъяснимаго ослѣпленія, или потому, что чувствуя себя побѣжденнымъ варварами, оно пыталось такимъ образомъ скрыть свое безсиліе отразить враговъ. Подобная предвзятая мысль натолкнула историковъ на предположеніе, что въ теченіе четырехъ вѣковъ римская Имперія постоянно терпѣла пораженія отъ варваровъ. Но рѣзкія различія, которыя мы теперь устанавливаемъ между отдѣльными расами, было на самомъ дѣлѣ чуждо сознанію людей той эпохи, и они не испытывали по отношенію къ варварамъ того антагонизма, который мы считаемъ чуть ли не естественно необходимымъ между представителями разныхъ племенъ. Когда мы говоримъ о расовой враждѣ, то ведемъ рѣчь о чувствѣ, совершенно непонятномъ для Римлянина. *Populus romanus* искони представлялъ собою смѣшеніе всевозможныхъ племенъ. Онъ постепенно включалъ въ свой составъ Латинянъ, Этрусковъ, Грековъ, Галловъ, Иберовъ, Сирійцевъ. Онъ съ давняго времени открылъ свое лоно и для Германцевъ: Арминій, Сегестъ и множество другихъ германскихъ вождей становились членами римскаго народа. Римъ никогда не выдвигалъ въ своей политикѣ расовыхъ противоположностей, какъ будто не признавая послѣднихъ: тамъ имѣли значеніе лишь различія между государствами или классами. Термины, «римлянинъ», «латинянинъ», «перегринъ» обозначали государственныя и правовыя, а не расовыя отличія. Слово «римлянинъ» не понималось въ томъ смыслѣ, что человѣкъ, къ которому оно прилагалось, родился въ Римѣ или даже въ Имперіи. Оно относилось къ тому, кто былъ облеченъ званіемъ гражданина, къ какой бы расѣ онъ ни принадлежалъ. Рабъ, родившійся въ Римѣ не былъ римляниномъ, человѣкъ же родившійся въ племени Херусковъ или Вандаловъ могъ сдѣлаться имъ, получивъ гражданскія права. Если мы вдумаемся въ понятія и умственныя привычки Римлянъ и всего населенія Имперіи изучаемой эпохи, мы сообразимъ, какъ неправильно приписывать имъ нашъ образъ мыслей и наши національныя антипатіи, и мы не будемъ болѣе удивляться, что они безъ страха и недовѣрія открыли доступъ въ Имперію людямъ, почти всегда хорошо имъ служившимъ [1].

[1] Иногда въ исторической литературѣ высказывалось мнѣніе, что между Римлянами и Германцами не допускались брачные союзы; если вглядѣться ближе въ дѣло, станетъ ясно, что это невѣрно. Правда въ кодексѣ Θеодосія (III, 14, 1) одинъ законъ, относящійся къ 370 году, запрещалъ *coniugium* между *provinciales*. то-есть, подданными Имперіи, и тѣми, кто назы-

Резюмируя все предыдущее, слѣдуетъ сказать, что до первыхъ годовъ V вѣка враждебныя германскія вторженія не имѣли успѣха, и въ Имперіи утверждались только тѣ Германцы, которые являлись туда въ качествѣ рабовъ, колоновъ или воиновъ.

Современные историки, судившіе о событіяхъ изученной эпохи по событіямъ эпохи, за нею слѣдовавшей, были склонны представлять себѣ, что уже съ IV вѣка Германцы овладѣли Имперіею. Но если мы перенесемся

вался *gentiles*, то-есть, одною категоріею поселенныхъ варваровъ-воиновъ. Но съ другой стороны, множество фактовъ указываетъ намъ на постоянно заключавшіяся супружества между Римлянами и Германцами. Племя Убіевъ вообще пользовалось правомъ *connubium* съ италійцами и провинціалами (*Tacit.* Hist. IV, 65). Одинъ изъ полководцевъ Авреліана, Бонозъ, вступилъ въ бракъ съ женщиною изъ готскаго племени и сдѣлалъ это не тайно, а напротивъ, съ большой пышностью и съ разрѣшенія государя (*Vopisc.* Bonosus, 2 ed. H. Peter, IV, p. 213—214).—Готъ Фравита (или Фраютъ) женился на римлянкѣ съ разрѣшенія императора Ѳеодосія (*Eunap.* ed. Didot, IV, p. 41).—Стилихонъ, Вандалъ по происхожденію, взялъ въ жены Серену, племянницу императора, а Гонорій вступилъ въ бракъ съ дочерью Стилихона. Такіе смѣшанные браки были, повидимому, очень многочисленны и въ низшихъ классахъ общества. Кассіодоръ, писавшій при Теодерихѣ остготскомъ, сообщаетъ о „бывшихъ варварахъ“, которые до него женились на римлянкахъ; авторъ говоритъ объ этомъ въ такомъ тонѣ, что заставляетъ предполагать обычное повтореніе подобныхъ случаевъ (*Cassiodor.* Variar. V, 14). Вспомнимъ, наконецъ, данныя Пруденція, писавшаго въ первые годы V вѣка, еще до начала завоеваній, когда твердо примѣнялись императорскіе законы (*Prudent.* Symmach. II, v. 615 ss.). Съ перваго взгляда можетъ показаться, что существуетъ противорѣчіе между такимъ большимъ количествомъ ясно устанавливаемыхъ фактовъ съ одной стороны и приведеннымъ закономъ кодекса Ѳеодосія съ другой. Но противорѣчіе это легко устраняется. Римское государство всегда воспрещало браки не между людьми различнаго

мысленно въ 410 годъ и постараемся не думать о послѣдующихъ годахъ, изгнать изъ своего ума образъ побѣдоносной Германіи, если мы попытаемся судить о событіяхъ такъ, какъ долженъ былъ судить о нихъ Римлянинъ или Галлъ, жившій именно въ этомъ году, они предстанутъ передъ нами чрезвычайно простыми и вполнѣ ясными. Въ самомъ дѣлѣ, такой Римлянинъ или Галлъ могъ видѣть два или три раза въ теченіе цѣлой своей жизни какъ варвары вторгались въ его страну и разоряли ее; но онъ никогда не видѣлъ, чтобы они въ ней оставались, какъ господа. Въ Галліи прочно основались лишь тѣ изъ Германцевъ, которые были захвачены на войнѣ и отданы въ рабство или стали колонами или, наконецъ, тѣ, которые вступили на службу въ императорское войско. Если бы у этого Римлянина или Галла спросили, кто былъ сильнѣе— Римъ или Германія, онъ не поколебался бы въ отвѣтѣ: если онъ не былъ одаренъ рѣдкимъ свойствомъ историческаго предвидѣнія [1], онъ сказалъ бы, что Имперія

племенного происхожденія, а между членами различныхъ соціальныхъ группъ или классовъ. Законъ 370 года является лишь приложеніемъ такого стараго принципа, запрещавшаго *connubium* между двумя лицами различнаго общественнаго положенія; онъ совершенно не имѣетъ въ виду различія расъ. Германецъ могъ сдѣлаться римскимъ гражданиномъ; въ особенности, если онъ служилъ въ римскомъ войскѣ, по прошествіи нѣкотораго времени онъ пріобрѣталъ сначала полугражданство, которое давало уже право connubium'а. Стилихонъ, хотя и былъ по происхожденію Вандаломъ, пользовался безъ сомнѣнія правами римскаго гражданства, разъ Ѳеодосій назначилъ его опекуномъ одного изъ своихъ сыновей. Готъ Фравита также былъ римскимъ гражданиномъ, такъ какъ оказалось возможнымъ возвести его въ консульское достоинство (*Eunap.* fr. 82, Didot, p. 50).

[1] Говорили, что Амміанъ присутствовалъ при разрушеніи Имперіи и торжествѣ Германцевъ. Достаточно безпристрастно

побѣдить и покорить варваровъ Да и не являлся ли въ самомъ дѣлѣ побѣдою тотъ фактъ, что Имперія отбирала у нихъ самыя сильныя руки, которыя приспособлялись къ римскому земледѣлію или усиливали крѣпость римскихъ армій? Если бы Германія сдѣлалась римской провинціей, что же больше могла бы она дать Риму? Не является-ли вѣрнѣйшей формой завоеванія та, когда для занятія страны не дѣлается крупныхъ затратъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшія средства этой страны обращаются на службу Имперіи. Человѣкъ нашего времени едва-ли будетъ думать такимъ образомъ, потому что намъ извѣстно, что произошло изъ этихъ событій, но человѣкъ той эпохи, не предвидя будущаго, разсуждалъ именно такъ.

ГЛАВА VIII.

Какъ вступили въ Галлію Вестготы?

До сихъ поръ мы видѣли, что Германцы вступали въ Имперію, во-первыхъ, какъ завоеватели и враги, во-вторыхъ, какъ подданные Имперіи, въ-третьихъ,

прочитать его послѣднюю, то-есть, XXXI книгу, чтобы убѣдиться въ противномъ. Онъ порицаетъ проступки римскихъ государственныхъ дѣятелей, онъ оплакиваетъ адріанопольское пораженіе, разсказываетъ съ горечью объ опустошеніяхъ, причинявшихся набѣгами Готовъ. На этомъ прерывается его сочиненіе; автору не приходитъ мысли видѣть въ этихъ временныхъ несчастіяхъ паденіе Имперіи. Цитируемая обыкновенно фраза—„orbis romani pernicies ducebatur" (XXXI, 4, 6), представляетъ собою намекъ на печальныя опустошенія, свидѣтелемъ которыхъ былъ Амміанъ. Унылый тонъ писателя дѣлается яснымъ, когда мы вспомнимъ, что таково было послѣднее видѣнное и разсказанное имъ событіе.

какъ рабы или колоны, въ-четвертыхъ, какъ воины императоровъ. Мы приступаемъ теперь къ разсмотрѣнію пятой категоріи Германцевъ, вступившихъ въ предѣлы Имперіи; къ ней мы причисляемъ Вестготовъ, Бургундовъ и Франковъ. Мы не могли присоединить ихъ къ завоевателямъ, потому что они были воинами Имперіи; но не могли также отнести ихъ къ послѣднимъ просто, потому что они все же являлись завоевателями. Они обнаруживаютъ въ своихъ отношеніяхъ къ Риму дѣйствительно такую двойную природу. Они попеременно, иногда даже одновременно оказывались воинами и врагами Имперіи. Они служили ей и въ то же самое время разрушали ее. Такое особенное и странное положеніе можетъ быть понято только тѣми, кто одаренъ историческимъ чутьемъ, то-есть, способенъ отрѣшиться отъ современнаго образа мышленія и отвлечься отъ формъ нынѣшняго социальнаго строя въ достаточной мѣрѣ, чтобы сумѣть почувствовать и возстановить всѣ оттѣнки мысли и поведенія людей, жившихъ въ изучаемую нами эпоху.

Впрочемъ, мы придемъ къ уразумѣнію истинныхъ особенностей указанной комбинаціи отношеній не путемъ отвлеченныхъ доводовъ, а посредствомъ возможно болѣе близкаго знакомства съ документами того времени и внимательнаго наблюденія открывающихся въ нихъ фактическихъ подробностей.

I.

Пребываніе Готовъ за предѣлами Имперіи.

Первоначально Готы [1] появляются на сцену въ качествѣ завоевателей. Въ III вѣкѣ при императорахъ Филиппѣ, Деціи и Галліенѣ ихъ вооруженныя толпы, то переправляются черезъ Дунай, то плаваютъ на судахъ по Черному морю; они опустошаютъ Мизію, Ѳракію, Грецію и острова Эгейскаго моря. Однако, эти шайки грабителей были уничтожены одна за другою либо голодомъ, либо римскими войсками; избѣжавшіе смерти были обращены въ рабовъ или колоновъ [2]; послѣ великихъ побѣдъ Клавдія II отъ нихъ не осталось ничего, и одинъ историкъ сообщаетъ, что «съ этого момента въ теченіе жизни нѣсколькихъ поколѣній Готы оставались спокойны и не давали повода вспоминать о нихъ («siluerunt inmobiles») [3]. Отказавшись отъ попытокъ завоеванія, они превратились въ воиновъ Имперіи. Когда Галерій шелъ противъ Персовъ, въ его войскѣ находился отрядъ Готовъ, и Іорданъ говоритъ, что они вѣрно служили въ рядахъ его арміи [4]. Затѣмъ мы видимъ, что они слу-

[1] Писатели иногда называютъ ихъ именемъ Скиѳовъ. *Treb. Poll.* Gallieni, 6.—*Dexipp.* Fragmenta historicorum graecorum, ed. Didot, t. III, p. 674.—*Zosim.* I, 23; IV, 20.

[2] *Treb. Poll.* Claudius, 8, 9.—*Zosim.* I, 46.

[3] *Ammian.* XXXI, 5, 17: „Vagati per Epirum Thessaliamque et omnem Graeciam licentius hostes externi; sed adsumpto in imperium Claudio... per longa saecula siluerunt inmobiles".

[4] *Iordan.* De rebus geticis, c. 21, § 110: „Post haec a Maximiano imperatore (Galerius Maximianus) rediguntur in auxilium Romanorum contra Parthos rogati, ubi omnino datis auxiliariis fideliter decertati sunt".

жатъ въ войскѣ Константина противъ Ликинія [1]. Спустя нѣсколько лѣтъ Константинъ заключилъ съ ними правильный договоръ, по которому племя Вестготовъ обязывалось на вѣчныя времена поставлять Имперіи 40,000 воиновъ [2]. Еще черезъ тридцать лѣтъ мы видимъ готскій отрядъ въ войскѣ Юліана, когда онъ велъ войну съ Персами [3]. Въ 365 году готскій король опять посылаетъ Имперіи воиновъ [4], а въ 367 году императоръ, отправляя къ Готамъ своего посла, напоминаетъ имъ, что они «народъ, дружественный Римлянамъ и связанный съ ними мирнымъ и союзнымъ договоромъ» [5]. Такимъ образомъ, въ теченіе цѣлаго вѣка съ царствованія Авреліана до правленія Валента готскій народъ поддерживалъ съ Им-

[1] *Ibidem*, § 111: „Sub Constantino rogati sunt et contra Licinium arma tulerunt eumque devictum trucidarunt".

[2] *Ibidem*, § 112: „Foedere inito cum imperatore quadraginta suorum milia in solacio contra gentes varias obtulere; quorum et numerus et militia usque ad praesens in republica nominatur, id est foederati".

[3] *Zosim.* III, 25.

[4] *Idem*, IV, 10: „Οὗτοι δὲ ἦσαν, οὓς ὁ τῶν Σκυθῶν ἡγούμενος ἔτυχε Προκοπίῳ συμμάχους ἐκπέμψας". — Правда, этотъ Прокопій былъ узурпаторомъ, но Готы впослѣдствіи оправдывались, утверждая, справедливо или нѣтъ, будто они думали, что повинуются приказанію законнаго государя.—*Ammian.* XXVII, 5, 1: „Ut factum purgarent litteras Procopii obtulere, ut generis Constantiniani propinquo imperium sibi debitum sumpsisse commemorantis, veniaque dignum adserentes errorem."—Ср. *Ibid.* XXVI, 10, 3.—То же самое разсказываетъ Зосимъ: этотъ готскій отрядъ, будучи разбитъ и взятъ въ плѣнъ Валентомъ, увѣрялъ, что онъ явился въ качествѣ союзника, а не врага.

[5] *Ammian.* XXVII, 5, 1: „Victor magister equitum ad Gothos est missus, cogniturus, quam ob causam gens amica Romanis foederibusque ingenuae pacis obstricta..."

періей миръ и правильно поставлялъ ей военныя силы [1].

Такое положеніе вещей измѣнилось въ 375 году. Но произошло это не по волѣ самихъ Готовъ, а вопреки ей. Вторгшіеся изъ Азіи Гунны напали на нихъ и разгромили ихъ. Аммiанъ упоминаетъ о цѣломъ рядѣ понесенныхъ ими пораженій [2]; Зосимъ говоритъ объ избіеніи безчисленныхъ массъ изъ ихъ племени [3]. Евнапій сообщаетъ, что Готы были раздавлены и совершенно уничтожены; тѣ изъ нихъ, которые не погибли въ сраженіяхъ, были захвачены въ плѣнъ и перерѣзаны вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми; сохранилось лишь населеніе тысячъ въ двѣсти человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Изъ послѣднихъ одна часть осталась въ зависимости отъ Гунновъ, другая—бѣжала далеко отъ прежней родины [4]. Такъ

[1] Замѣтимъ, однако, что даже тогда, когда главная часть всего племени находилась въ мирѣ съ Имперіей и даже брала обязательство служить ей, отдѣльные вооруженные отряды изъ Готовъ, отрываясь отъ основного зерна народа, нерѣдко покидали свои поселенія и производили опустошенія въ римскихъ предѣлахъ.—См. *Ammian.* XXXI, 5, 17: „Latrocinales globi vicina incursabant". Ср. точно также *Excerpta de Constantino* (изданы вслѣдъ за текстомъ Аммiана, ed. Erfurdt, p. 613, ed Gardthausen, § 31—33): здѣсь упоминается о вторженіи Готовъ въ Имперію при самомъ Константинѣ.

[2] *Ammian.* XXXI, 3.

[3] *Zosim.* IV, 20: „Οὔννοι ἄπειρον τῶν Σκυθῶν εἰργάσαντο φόνον. Εἰς τοῦτο τὸ Σκυθικὸν περιέστησαν τύχης ὥστε τοὺς περιλελειμμένους, ὧν εἶχον ἐκστάντες οἰκήσεων, ἐκδοῦναι μὲν τοῖς Οὔννοις ταύτας οἰκεῖν, αὐτοὶ δὲ φεύγοντες..."—*Oros.* VII, 33: „Gens Hunorum Gothos passim conturbatos ab antiquis sedibus expulit".

[4] *Eunap.* (ed. Dindorf, p. 237; ed. C. Müller, Didot, t. IV, p. 31): „Τῶν Σκυθῶν ἡττηθέντων καὶ ὑπὸ τῶν Οὔννων ἀναιρεθέντων καὶ ἄρδην ἀπολλυμένων, οἱ μὲν ἐγκαταλαμβανόμενοι σὺν γυναιξὶ καὶ τέκνοις διεφθείροντο καὶ οὐδεμία φειδὼ τῆς περὶ τοὺς φόνους ἦν ὠμότητος. Τὸ δὲ συναλισθὲν καὶ πρὸς φυγὴν ὁρμῆσαν πλῆθος μὲν ἦν οὐ πολὺ τῶν εἴκοσι μυριάδων ἀποδέουσαι..."

или иначе, готскій народъ оказался уничтоженнымъ [1]. Теперь мы приступаемъ къ событіямъ, о которыхъ сохранились богатыя свидѣтельства въ многочисленныхъ, достовѣрныхъ и согласныхъ между собою документахъ. Относящіяся къ этимъ событіямъ подробности весьма опредѣленно разсказаны Аммiаномъ, который самъ пережилъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе раннія изъ нихъ. О нихъ же сообщаетъ историкъ Евнапій, который является также ихъ современникомъ, и еще три другихъ историка—Зосимъ, Сократъ и Созоменъ, которые писали спустя пятьдесятъ лѣтъ и, благодаря этому, знали не только самыя событія, но и ихъ послѣдствія. Повѣствованіе о тѣхъ же событіяхъ мы находимъ еще у Орозія и Идатія, которые, живя въ другой части Имперіи, могли разсматривать тѣ же факты съ иной точки зрѣнія, чѣмъ выше упомянутые авторы. Наконецъ, данныя о томъ же можно найти у Іордана, который писалъ полтора вѣка позже, но могъ знать многое лучше, чѣмъ современники, такъ какъ самъ принадлежалъ по происхожденію къ готской расѣ. Всѣ названные, очень отличающіеся другъ отъ друга писатели согласны между собою въ разсказѣ объ интересующихъ насъ событіяхъ, и вотъ сущность того, что они намъ сообщаютъ.

[1] Іорданъ (De rebus geticis, 24) ослабляетъ картину перенесенныхъ Готами бѣдствій; онъ говоритъ только, что убійство Германриха „occasionem dedit Hunnis praevalere in Ostrogothis", и что испуганные Вестготы массами удалились въ области, принадлежавшія Имперіи.

Вестготовъ нельзя считать завоевателями: это были бѣглецы, искавшіе убѣжища [1]. Они появились на сѣверномъ берегу нижняго Дуная, составлявшаго римскую границу, но не переправлялись черезъ него, какъ непріятели, а просили разрѣшенія римскихъ властей. Амміанъ говоритъ, «что они послали своихъ людей къ императору, смиренно ходатайствуя о томъ, чтобы ихъ пустили на римскую землю» [2]. Зосимъ изображаетъ, какъ они «простирали руки подобно просителямъ» [3]. «Они стояли на берегу, говоритъ и другой историкъ [4], протягивая руки съ плачемъ, крикомъ и всевозможными знаками мольбы, добиваясь, чтобы имъ разрѣшили переправиться черезъ рѣку». Римскіе военачальники объявили, что надобно дождаться распоряженій императора [5]; но императоръ былъ далеко: онъ находился тогда въ Антіохіи. Приходилось, стало быть, ждать долго, и Готы ждали. Нѣкоторые изъ нихъ, потерявъ терпѣніе, отважно пытались пробить себѣ дорогу силою; но они были перебиты всѣ до послѣдняго [6]. Чтобы получить доступъ въ предѣлы Имперіи, варвары изъявляли готовность выполнить слѣдующія три условія: они предоставляли императору расквартировать ихъ по его желанію или во Өракіи или въ Мизіи для воздѣлыванія земли [1]; обѣщали поставлять ему воиновъ, въ размѣрѣ его надобности [2]; наконецъ, обязывались повиноваться всѣмъ его повелѣніямъ какъ настоящіе подданные [3]. Валентъ прибавилъ еще одно условіе: онъ потребовалъ отъ варваровъ, чтобы тѣ выдали свое оружіе [4]; они покорились и такой необходимости.

[1] *Ammian.* XXXI, 3, 8: „Quaeritabat domicilium remotum ab omni notitia barbarorum (id est Hunnorum), diuque deliberans, quas eligeret sedes, cogitavit Thraciae receptaculum sibi convenientius“.

[2] *Idem,* XXXI, 4, 1: „Missis oratoribus ad Valentem, suscipi se humili prece poscebant“.—*Idem,* 4, 4: „Legati precibus et obtestatione petentes citra flumen suscipi plebem extorrem“.

[3] *Zosim.* IV, 20: „Τὰς χεῖρας ἀνατείναντες ἱκετεύειν“.

[4] *Eunap.* p. 237: „Καὶ ταῖς ὄχθαις ἐπιστάντες χεῖράς τε ὤρεγον πόῤῥωθεν μετ' ὀλοφυρμῶν καὶ βοῆς, καὶ προέτεινον ἱκετηρίας, ἐπιτραπῆναι τὴν διάβασιν παρακαλοῦντες“.

[5] *Eunap.* p. 237: „Οἱ δὲ ταῖς ὄχθαις ἐπιτεταγμένοι Ῥωμαίων οὐδὲν ἔφασαν πρᾶξειν ἄνευ βασιλέως γνώμης“.

[6] *Ibidem*: „Οἱ τολμηρότατοι καὶ αὐθάδεις βιάσασθαι τὸν πόρον ἔγνωσαν, καὶ βιαζόμενοι κατεκόπησαν“.

Тогда имъ было даровано разрѣшеніе переправиться черезъ рѣку; императорское правительство предоставило имъ баржи [5], и они были перевезены на правый берегъ Дуная подъ руководствомъ римскихъ военачальниковъ.

---

[1] *Iordan.* c. 25, § 131: „Legatos direxerunt ad Valentem imperatorem, ut partem Thraciae sive Moesiae si illis traderet ad colendum...“ Конечно, излишнимъ будетъ разъяснять, что слова „tradere ad colendum“ нисколько не означали, что поселенцы получали право земельной собственности. Дѣло идетъ тутъ о предоставленіи имъ правъ воздѣлывать землю или быть колонами; другіе случаи подобныхъ пожалованій упоминались выше.

[2] *Ammian.* XXXI, 4, 1: „Daturos, si res flagitasset, auxilia“ На языкѣ IV вѣка терминъ „*auxilia*“ не понимался въ общемъ смыслѣ „помощи“; онъ всегда точно обозначалъ варварскіе вспомогательные отряды.

[3] *Zosim.* IV, 26: „Ὑπηκόων πληρώσαντας χρείαν, ὑπηρετησομένους πᾶσιν, οἷς ἂν ὁ βασιλεὺς ἐπιτάξειε.“—*Socrat.* IV, 34. — *Sozomen.* VI, 37.—*Cassiodor.* Historia tripartita, VIII, 13: „Servire volentes imperatori“.—*Iordan.* De rebus geticis, c. 25: „Ut eius legibus viverent eiusque imperiis subderentur“.

[4] *Zosim.* IV, 20: „Δέχεσθαι τούτους Οὐάλης ἐπέτρεπε πρότερον ἀποθεμένους τὰ ὅπλα“.—*Eunap.* Ibidem: „Δεχθῆναι κελεύει τοὺς τὰ ὅπλα καταθεμένους“.

[5] *Ammian.* XXXI, 4, 5; „Mittuntur diversi (ab imperatore), qui cum vehiculis plebem (Gothorum) transferant, et navabatur opera diligens. Proinde permissu imperatoris transeundi Danubium copiam

2.

Вступленіе Готовъ въ Имперію на правахъ подданныхъ.

Писатели того времени обстоятельно сообщаютъ намъ, каково было намѣреніе императорскаго правительства, когда оно рѣшило допустить Готовъ на почву Имперіи. Въ совѣтѣ Валента долго обсуждали данный вопросъ [1] и въ результатѣ остановились на томъ мнѣніи, что «вступленіе Вестготовъ открываетъ для Имперіи новый источникъ военной силы» [2]. Правда, нѣкоторые военачальники предлагали встрѣтить варваровъ, какъ непріятелей, но большинство «покрыло ихъ насмѣшками, какъ людей, ничего не понимающихъ въ государственномъ дѣлѣ» [3]. Вестготы должны были пополнить земледѣльческое рабочее населеніе, въ особенности же увеличить собою составъ арміи: «То были новые рекруты, посылавшіеся Риму судьбою» [4].

adepti transferebantur in dies et noctes". — О томъ же косвенно свидѣтельствуетъ Евнапій: „Ὁ βασιλεὺς ἐξ Ἀντιοχείας ἐπέτρεπε μὴ πρότερον τὰ πλοῖα παρασχεῖν ἐς τὴν περαίωσιν εἰ μὴ τὰ ὅπλα καταθέμενοι γυμνοὶ διαβαίνοιεν." — *Zosim.* IV, 20: „Τῶν ταξιαρχῶν καὶ ὅσοι τῶν στρατιωτῶν ἡγεμονίαν εἶχον διαβάντων ἐφ' ᾧ τοὺς βαρβάρους ἐπὶ τὰ Ῥωμαίων ὅρια διαπέμψαι". Аммiанъ разсказываетъ также о военачальникахъ, на которыхъ была возложена обязанность перевезти этихъ варваровъ („infaustos transvehendi barbaram plebem ministros", и которыхъ онъ упрекаетъ въ томъ, что они не узнали даже числа переправлявшихся (*Ammian.* XXXI, 4, 6).

[1] *Eunap.* p. 238: „Πολλῆς ἀντιλογίας γενομένης καὶ πολλῶν ἐφ' ἑκάτερα γνωμῶν ἐν τῷ βασιλικῷ συλλόγῳ ῥηθεισῶν".

[2] *Idem*: „Ὡς μεγάλη προσθήκη τὸ Ῥωμαϊκὸν αὐξήσων".

[3] *Idem*: „Πολιτικοὺς οὐκ ἔφασαν εἶναι".

[4] *Ammian.* XXXI, 4, 4: „Fortunam principis extollentibus, quod ex ultimis terris tot tirocinia trahens ei offerret".— *Sozomen.* Hist.

Благодаря имъ, не придется больше обращаться къ кореннымъ жителямъ провинцій, и ежегодный наборъ можетъ быть замѣненъ денежнымъ налогомъ [1]. Въ появившихся варварахъ склонны были видѣть такимъ образомъ не враговъ и ужъ подавно не завоевателей, а новыхъ подданныхъ императоровъ. Такимъ образомъ, какъ прямо говоритъ одинъ современникъ, «вмѣсто того, чтобы бояться—всѣ радовались» [2].

Такъ были приняты въ предѣлы Имперіи 400 или 500,000 варваровъ, около половины которыхъ могли носить оружіе. Ихъ предварительно расквартировали въ Мизіи. Тамъ они оставались въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ управленіемъ римскихъ начальниковъ. Послѣднее обстоятельство засвидѣтельствовано намъ всѣми историками того времени. Они даже единодушно указываютъ, что императорскіе военачальники обращались съ Вестготами очень плохо, злоупотребляя своею властью. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ и безсиліемъ бѣдствующей толпы, они завладѣвали ихъ женами и дѣтьми [3], вымогали отъ

eccles. V,I 37: „Οἰηθεὶς αὐτῷ χρησίμους ἔσεσθαι τοὺς Γότθους".— *Socrat.* Hist. eccl. IV, 34: „Ἤλπιζε γὰρ βαρβάρους Ῥωμαίων φοβερωτέρους ἔσεσθαι φύλακας".—*Iordan.* c. 25, § 132: „Valens susceptos in partibus Moesiae Getas quasi murum regni sui contra ceteras statuit gentes".

[1] *Ammian.* XXXI, 4, 4: „Pro militari supplemento, quod provinciatim annuum pendebatur, thesauris accederet auri cumulus magnus".

[2] *Ammian.* XXXI, 4, 4: „Negotium laetitiae fuit potuis quam timori".—Іорданъ идетъ еще дальше: „Valens gratulabundus annuit, quod ultro petere voluisset".

[3] *Zosim.* IV, 20: „Μηδενὸς γενομένου ἑτέρου πλὴν γυναικῶν εὐπροσώπων ἐπιλογῆς καὶ παίδων ὡραίων εἰς αἰσχρότητα θήρας".— *Eunap.* Ibidem: „Ὁ μὲν ἐκ τῶν διαβεβηκότων ἤρα παιδαρίου τινὸς λευκοῦ καὶ χαρίεντος τὴν ὄψιν, ὁ δὲ γυναικὸς εὐπροσώπου τῶν αἰχμαλωτων".

болѣе богатыхъ приношенія [1], наконецъ, хватали многихъ изъ нихъ, чтобы запереть, какъ рабовъ, въ собственныхъ домахъ или прикрѣпить къ своимъ землямъ, какъ колоновъ [2]. Даже дѣти изъ знатныхъ готскихъ семействъ обращались въ неволю [3].

Ни отъ кого, однако, не ускользало сознаніе опасности, и всѣмъ было ясно, что оставлять такое множество варваровъ, скопившимся въ одномъ мѣстѣ, значило рисковать бѣдою. Поэтому императоръ отправилъ приказъ о томъ, чтобы всякими возможными способами добиться разобщенія между ними и расселенія ихъ мелкими группами. Прежде всего предлагалось увести дѣтей и, вообще, всю слабосильную часть вестготскаго народа. Ихъ предписано было распредѣлить по различнымъ провинціямъ Имперіи, гдѣ они должны были служить заложниками и отвѣчать за вѣрность той части племени, которая способна была сражаться [4]. Большое число варваровъ оказалось, благодаря такому распоряженію, переправлено въ Малую Азію и водворено тамъ въ цѣломъ рядѣ городовъ. Но разселеніе 500,000 варва-

[1] *Ibidem.* „Τοὺς δὲ τὸ μέγεθος κατεῖχε τῶν δώρων, τά τε λινᾶ ὑφάσματα καὶ τὸ τῶν στρωμάτων θυσανοειδές“.

[2] *Zosim.* ibidem: „Ἡ οἰκετῶν ἢ γεωργῶν κτήσεως“.—*Eunap.* Ibidem: „Ἕκαστος δὲ ὑπελάμβανε καὶ τὴν οἰκίαν καταπλήσειν οἰκετῶν καὶ τὰ χώρια βοηλατῶν“.

[3] *Ammian.* XXXI, 4, 11: „Inter mancipia et filii ducti sunt optimatum‘.

[4] *Eunap.* ibidem: „Ὁ βασιλεὺς ἐπέτρεπεν αὐτοῖς τὴν ἀχρεῖον ἡλικίαν πρῶτον ὑποδεξαμένοις καὶ παραπέμψασιν εἰς τὴν Ῥωμαϊκὴν ἐπικράτειαν, καὶ ταύτην εἰς ὁμηρείαν ἀσφαλῶς κατέχουσιν... Ἡ ἄχρηστος ἡλικία εἰς τὰ ἔθνη κατεχεῖτο καὶ διεσπείρετο“.

[5] *Zosim.* IV, 26: „Ὁ βασιλεὺς οἰηθεὶς τῆς αὐτῶν πίστεως ἐχέγγυον ἀσφάλειαν ἔχειν εἰ τοὺς αὐτῶν παῖδας ἐν ἑτέρᾳ διαιτᾶσθαι χώρᾳ πα-

ровъ на территоріи нѣсколькихъ спеціально назначенныхъ для такой цѣли провинцій оказалось операціею длинною и трудною. Сначала дѣло пошло удовлетворительно, но его не удалось благополучно довести до конца. Въ данномъ случаѣ, историки опять въ одинъ голосъ возлагаютъ отвѣтственность за такую неудачу на императорскихъ чиновниковъ, выставляя на видъ ихъ небрежность и корыстолюбіе. Особенно сильно нападаютъ они на нѣкоего Лупицина, носившаго высокое званіе «comes», и на военачальника («dux») Максима, которые нагло уклонялись отъ выполненія полученныхъ точныхъ приказаній [1]. Они даже разрѣшили значительному числу варваровъ сохранить при себѣ ихъ оружіе [2]. Правительство съ своей стороны, повидимому, совершило неосторожность, ослабивъ личный составъ своихъ легіоновъ; кромѣ того, оно отмѣнило наборъ рекрутовъ въ томъ году и отпустило въ отставку многихъ ветерановъ, разсчитывая на то, что вновь принятые варвары окажутся вѣрными воинами [3].

ρασκευάσειε, πλῆθος πολὺ παιδαρίων εἰς τὴν ἑῴαν ἐκπέμψας Ἰούλιον ἐπέστησε τῇ αὐτῶν φυλακῇ“. То же говоритъ Аммiанъ (XXXI, 16, 8).

[1] *Ammian.* XXXI, 4, 9—10: „Potestatibus castrensibus praefuere homines maculosi, quibus Lupicinus antistabat et Maximus, alter per Thracias comes, dux alter exitiosus... quorum insidiatrix aviditas materia malorum omnium fuit... Cum traducti barbari victus inopia vexarentur, turpe commercium duces invisissimi agitarunt“.— *Zosim.* IV, 20.—*Oros.* VII, 33, § 11: „Propter avaritiam Maximi ducis, fame et iniuriis adacti“.—*Iordan.* De rebus geticis, c. 26.

[2] *Zosim.* IV, 20: „Ὥστε ἀμέλει μετὰ τῶν ὅπλων ἔλαθον οἱ πλείους περαιωθέντες“.—*Oros.* VII, 33, § 10: „Ne arma quidem tradidere Romanis“.—*Eunap.* „Μετὰ τῶν ὅπλων ἐδέξαντο“.

Socrat. Historia ecclesiastica, IV, 34: „Καὶ διὰ τοῦτο ἠμέλει

болѣе богатыхъ приношенія [1], наконецъ, хватали многихъ изъ нихъ, чтобы запереть, какъ рабовъ, въ собственныхъ домахъ или прикрѣпить къ своимъ землямъ, какъ колоновъ [2]. Даже дѣти изъ знатныхъ готскихъ семействъ обращались въ неволю [3].

Ни отъ кого, однако, не ускользало сознаніе опасности, и всѣмъ было ясно, что оставлять такое множество варваровъ, скопившимся въ одномъ мѣстѣ, значило рисковать бѣдою. Поэтому императоръ отправилъ приказъ о томъ, чтобы всякими возможными способами добиться разобщенія между ними и разселенія ихъ мелкими группами. Прежде всего предлагалось увести дѣтей и, вообще, всю слабосильную часть вестготскаго народа. Ихъ предписано было распредѣлить по различнымъ провинціямъ Имперіи, гдѣ они должны были служить заложниками и отвѣчать за вѣрность той части племени, которая способна была сражаться [4]. Большое число варваровъ оказалось, благодаря такому распоряженію, переправлено въ Малую Азію и водворено тамъ въ цѣломъ рядѣ городовъ. Но разселеніе 500,000 варва-

[1] *Ibidem.* „Τοὺς δὲ τὸ μέγεθος κατεῖχε τῶν δώρων, τά τε λινᾶ ὑφάσματα καὶ τὸ τῶν στρωμάτων θυσανοειδές“.

[2] *Zosim.* ibidem: „Ἢ οἰκετῶν ἢ γεωργῶν κτήσεως“.—*Eunap.* Ibidem: „Ἕκαστος δὲ ὑπελάμβανε καὶ τὴν οἰκίαν καταπλήσειν οἰκετῶν καὶ τὰ χώρια βοηλατῶν“.

[3] *Ammian.* XXXI, 4, 11: „Inter mancipia et filii ducti sunt optimatum‘.

[4] *Eunap.* ibidem: „Ὁ βασιλεὺς ἐπέτρεπεν αὐτοῖς τὴν ἀχρεῖον ἡλικίαν πρῶτον ὑποδεξαμένοις καὶ παραπέμψασιν εἰς τὴν Ῥωμαϊκὴν ἐπικράτειαν, καὶ ταύτην εἰς ὁμηρείαν ἀσφαλῶς κατέχουσιν... Ἡ ἄχρηστος ἡλικία εἰς τὰ ἔθνη κατεχεῖτο καὶ διεσπείρετο“.

[5] *Zosim.* IV, 26: „Ὁ βασιλεὺς οἰηθεὶς τῆς αὐτῶν πίστεως ἐχέγγυον ἀσφάλειαν ἔχειν εἰ τοὺς αὐτῶν παῖδας ἐν ἑτέρᾳ διαιτᾶσθαι χώρᾳ πα-

ровъ на территоріи нѣсколькихъ спеціально назначенныхъ для такой цѣли провинцій оказалось операціею длинною и трудною. Сначала дѣло пошло удовлетворительно, но его не удалось благополучно довести до конца. Въ данномъ случаѣ, историки опять въ одинъ голосъ возлагаютъ отвѣтственность за такую неудачу на императорскихъ чиновниковъ, выставляя на видъ ихъ небрежность и корыстолюбіе. Особенно сильно нападаютъ они на нѣкоего Лупицина, носившаго высокое званіе «comes», и на военачальника («dux») Максима, которые нагло уклонялись отъ выполненія полученныхъ точныхъ приказаній [1]. Они даже разрѣшили значительному числу варваровъ сохранить при себѣ ихъ оружіе [2]. Правительство съ своей стороны, повидимому, совершило неосторожность, ослабивъ личный составъ своихъ легіоновъ; кромѣ того, оно отмѣнило наборъ рекрутовъ въ томъ году и отпустило въ отставку многихъ ветерановъ, разсчитывая на то, что вновь принятые варвары окажутся вѣрными воинами [3].

ρασκευάσειε, πλῆθος πολὺ παιδαρίων εἰς τὴν ἑῴαν ἐκπέμψας Ἰούλιον ἐπέστησε τῇ αὐτῶν φυλακῇ“. То же говоритъ Аммiанъ (XXXI, 16, 8).

[1] *Ammian.* XXXI, 4, 9—10: „Potestatibus castrensibus praeiuere homines maculosi, quibus Lupicinus antistabat et Maximus, alter per Thracias comes, dux alter exitiosus... quorum insidiatrix aviditas materia malorum omnium fuit... Cum traducti barbari victus inopia vexarentur, turpe commercium duces invisissimi agitarunt“.— *Zosim.* IV, 20.—*Oros.* VII, 33, § 11: „Propter avaritiam Maximi ducis, fame et iniuriis adacti“.—*Iordan.* De rebus geticis, c. 26.

[2] *Zosim.* IV, 20: „Ὥστε ἀμέλει μετὰ τῶν ὅπλων ἔλαθον οἱ πλείους περαιωθέντες“.—*Oros.* VII, 33, § 10: „Ne arma quidem tradidere Romanis“.—*Eunap.* „Μετὰ τῶν ὅπλων ἐδέξαντο“.

Socrat. Historia ecclesiastica, IV, 34: „Καὶ διὰ τοῦτο ἠμέλει

Въ концѣ года Вестготы, все еще сосредоточенные большою массою въ одномъ мѣстѣ, жаловались на римскихъ начальниковъ, заставлявшихъ ихъ терпѣть голодъ [1]. Чтобы получить возможность закупать хлѣбъ, мясо и вино, они продавали своихъ рабовъ, многіе даже собственныхъ дѣтей [2]. Раздраженные лишеніями варвары возмутились. Въ Мизіи тогда стоялъ лишь незначительный отрядъ римскаго войска: они разбили его на голову [3] и обратили въ бѣгство его начальниковъ. Съ этихъ поръ варвары, не встрѣчая сопротивленія и убѣдившись, что въ сосѣдней Ѳракіи также не было регулярныхъ войскъ [4], принялись

τοῦ λοιποῦ, τοὺς Ῥωμαίων στρατιώτας αὐξῆσαι".—*Sozomen.* VI, 37: „Ἀντὶ τῶν εἰωθότων εἰς στρατείαν ἐπιλέγεσθαι ἐκ τῶν ὑπὸ Ῥωμαίους πόλεων, χρυσίον εἰσεπράττετο".

[1] *Ammian.* XXXI, 4, 10—11: „Cum traducti barbari victus inopia vexarentur, turpe commercium duces (рѣчь идетъ здѣсь о римскихъ полководцахъ Лупицинѣ и Максимѣ) invisissimi agitarunt: canes pro singulis dederunt mancipiis..."—*Oros.* VII, 33: „Propter intolerabilem avaritiam Maximi ducis, fame et iniuriis adacti, in arma surgentes".

[2] *Iordan.* De rebus geticis, c. 26: „Quibus evenit, ut adsolet gentibus necdum bene loco fundatis, penuria famis, coeperuntque primates eorum negotiationem a Lupicino Maximoque Romanorum ducibus expetere. Coeperunt duces, avaritia compellente, ovium boumque carnes et canum eis pro magno contradere, adeo ut quemlibet mancipium in uno pane mercarent; sed, iam mancipiis et supellectili deficientibus, filios eorum avarus mercator exposcit". — *Ammian.* XXXI, 4, 11: „Commercium romani duces agitarunt... canes pro singulis dederunt mancipiis, inter quae et filii ducti sunt optimatum." *Idem*, XXXI, 6, 5: „Quos vino exili vel panis frustis mutavare vilissimis".

[3] Изображеніе этого событія, какъ бунта (ἐπανάστασις), находимъ у историка того времени Евнапія. Іорданъ также говоритъ „rebellare coacti sunt" (De successione temporum, c 14, § 313).

[4] *Ammian.* XXXI, 5, 9.—*Iordan.* De rebus geticis, 26.

грабить эту страну. Императоръ Валентъ велъ тогда войну съ Персами [1]. Онъ спѣшно отправилъ въ угрожаемую провинцію нѣсколько легіоновъ изъ Арменіи, къ которымъ присоединено было нѣсколько когортъ, вызванныхъ изъ Галліи. Амміанъ описываетъ ожесточенную битву, въ которую вступило это маленькое войско [3] съ множествомъ Готовъ [4], и въ которой оно сначала одержало побѣду [5]. Римлянамъ удалось было оттѣснить варваровъ въ горныя ущелья Гема (Балканъ) и запереть ихъ тамъ [6]. Но Готы призвали къ себѣ на помощь отряды Алановъ и Гунновъ, и всѣ соединились въ одну толпу грабителей. Вооруженныя силы, находившіяся въ распоряженіи императорскихъ полководцевъ, оказались слишкомъ недостаточны для обороны всѣхъ проходовъ черезъ горы. Вся масса варваровъ легко пробилась черезъ нихъ, обрушилась на Ѳракію, которую жестоко разграбила, и двинулась къ Константинополю. Хотя одна изъ ихъ наступавшихъ ордъ была уничтожена римскимъ военачальникомъ Фригери-

[1] *Евнап.* „Ἀξιομάχου μὴ παρούσης δυνάμεως εἰς ἄμυναν".

[2] *Idem.* „Βασιλεὺς δὲ, ἐπειδὴ τούτων ἐπύθετο κακῶν, πρὸς μὲν τοὺς Πέρσας εἰρήνην συνθέμενος."—*Ammian.* XXXI, 7, 1.—*Zosim.* IV, 21: „Ὁδε τὰ πρὸς Πέρσας ὡς ἐνῆν διαθέμενος, ἀπὸ τῆς Ἀντιοχείας διαδραμών..."

[3] *Ammian.* XXX, 7, 9: „Numero satis inferiores".

[4] XXXI, 7, 16: „In numero longe minores Romanos cum copiosa multitudine conluctatos". Битва произошла около мѣста, называемаго *Salices*, къ сѣверу отъ Гема. Начальствовали римскимъ войскомъ тогда Профутуръ, Траянъ и Рихомеръ.

[5] Амміанъ (XXXI, 7, 16) говоритъ, что Римляне прогнали варваровъ съ поля битвы („exagitaverunt barbaram plebem"), но что эта побѣда была куплена очень чувствительными потерями. Дѣйствительно, это былъ блестящій, но безполезный успѣхъ.

[6] *Ammian.* XXXI, 8.

домъ [1], другая—Севастіаномъ [2], варвары распространились повсюду. Наконецъ, самъ Валентъ прибылъ изъ Антіохіи; онъ быстро явился въ Константинополь, прогналъ варваровъ изъ окрестностей столицы [3] и преслѣдовалъ ихъ до Адріанополя. При приближеніи императора Готы стали просить мира [4]; но Валентъ отказался вести переговоры. Не дожидаясь прибытія войска, которое велъ его соправитель Граціанъ изъ Галліи къ нему на помощь, онъ самъ напалъ на непріятеля. У Амміана можно прочитать разсказъ объ этой битвѣ, въ которой обѣ стороны долго и упорно сражались другъ съ другомъ, грудь съ грудью, проявляя одинаковую храбрость. Отсутствіемъ плана сраженія и всякаго порядка среди Римлянъ, а также численнымъ превосходствомъ варваровъ легко объясняется пораженіе Валента, который потерялъ при Адріанополѣ и самую жизнь (378 г.) [5].

Не слѣдуетъ думать, что Имперія погибла послѣ этого пораженія. Прежде всего, изъ разсказа Амміана

[1] *Idem*, XXXI, 9.

[2] *Eunap.* Fragm. 47.—*Zosim.* IV, 23. Эти два историка согласно утверждаютъ, что Севастіанъ пожелалъ взять съ собою только 2,000 воиновъ, но послѣдніе являлись по истинѣ отборнымъ отрядомъ; и съ небольшимъ, но смѣлымъ и хорошо руководимымъ войскомъ онъ разбилъ одно за другимъ нѣсколько скопищъ варваровъ.

[3] *Zosim.* IV, 22.

[4] *Ammian.* XXXI, 12, 8: „Presbyter christiani ritus missus a Fritigerno legatus cum aliis humilibus venit ad principis castra, susceptusque leniter, eiusdem ductoris obtulit scripta petentis, ut sibi suisque, quos extorres patriis laribus rapidi ferarum gentium exegere discursus, habitanda Thracia sola cum pecore omni concederentur et frugibus“.

[5] *Ammian.* XXXI, 13.—*Zosim.* IV, 23—24.—Ср. *Sozomen.* VI, 40.—*Socrat.* IV, 38.

можно видѣть, что у Готовъ также не существовало никакого опредѣленнаго плана дѣйствій, и, безъ сомнѣнія, они ни въ какомъ случаѣ не стремились къ прочному завоеванію страны или утвержденію въ ней на постоянное жительство. Въ битвѣ при Адріанополѣ они только защищались изъ опасенія, что у нихъ будетъ отнята награбленная добыча. Одержавъ неожиданно [1] рѣшительную побѣду, они замышляли лишь новые грабежи, а такъ какъ города были богаче деревень, то они стали пытаться захватывать именно ихъ [2]. На слѣдующій день послѣ побѣды, они произвели нападеніе на Адріанополь, но были отражены. Затѣмъ варвары бросились на Периноъ, но были отброшены и оттуда. Они приблизились къ Константинополю, и здѣсь снова потерпѣли неудачу. Указанные три дѣла стоили имъ большого количсства человѣческихъ жертвъ [3]. Трудно сказать, насколько уменьшилось численно готское войско послѣ двухъ отмѣченныхъ пораженій, затѣмъ побѣды при Адріанополѣ и трехъ сейчасъ упомянутыхъ неудачныхъ осадъ; достовѣрно одно, что всѣ оставшіеся цѣлыми отряды разбились на мелкія группы и безпорядочно разсѣялись по сѣвернымъ провинціямъ Имперіи [4]. Эти люди, не будучи въ состояніи утвер-

[1] *Ammian.* XXXI, 12, 14.

[2] Всѣ три попытки историкъ объясняетъ одною причиною: инстинктомъ хищничества. См. *Ammian.* XXXI, 15, 2; 16, 1; 16, 4: „Copiarum cumulis inhiantes amplissimis“.

[3] *Ammian.* XXXI, 15, 16.—Авторъ настаиваетъ на большихъ потеряхъ Готовъ, см. XXXI, 16, 7: „Post accepta maiora funera quam inlata“.

[4] *Idem*, XXXI, 16, 7: „Exinde digressi sunt effusorie per Arctoas provincias“.—Надо прибавить, что тысячи Готовъ, водворенныя въ Малой Азіи, были при первомъ же движеніи истреблены всѣ до послѣдняго по приказу императорскихъ начальниковъ (*Zosim.* IV, 26.—*Ammian.* 16, 8).

диться на занятыхъ мѣстахъ, занимались лишь опустошеніями.

Между тѣмъ Θеодосій, только что объявленный соправителемъ императора, собиралъ въ Θессалоникахъ новую армію. Онъ вербовалъ также и самихъ Готовъ. Это показываетъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь передъ глазами не переселявшееся готское племя, а отдѣльные обрывки его, вооруженныя толпы, искавшія счастья; если однѣ изъ нихъ нападали на Имперію, другія находили выгоднымъ поступать къ императору на службу. Одинъ изъ готскихъ вождей, по имени Модаресъ, происходившій изъ рода племенныхъ королей и достигшій, благодаря своей вѣрности Риму, самыхъ высокихъ должностей на имперской службѣ[1], былъ даже поставленъ во главѣ римскаго войска. Ему пришлось биться именно съ единоплеменниками; онъ громилъ ихъ, захватилъ обратно награбленную ими добычу овладѣлъ 4000 ихъ повозокъ, взялъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей[2]. «Послѣ этой побѣды, говоритъ историкъ, во Θракіи утвердился миръ, такъ какъ варвары были уничтожены[3]». Зосимъ упоминаетъ въ данной связи только объ одномъ сраженіи съ Готами. Согласно Орозію, Идатію и Іордану,

[1] *Zosim.* IV, 25: „Μοδάρης ὢν ἐκ τοῦ βασιλείου τῶν Σκυθῶν γένους πρὸς Ῥωμαίους αὐτομολήσας καὶ δι' ἣν ἐπεδείξατο πίστιν στρατιωτικῆς προβεβλημένος ἀρχῆς". Послѣдніе термины обозначаютъ командованіе римскимъ войскомъ и соотвѣтствуютъ оффиціальному званію ***magister militum***.

[2] *Ibidem*: „Ἐπεὶ τῶν ἀνδρῶν οὐδὲν ὑπελείφθη, τοὺς μὲν πεσόντας ἐσκύλευον, ἐπὶ δὲ τὰς γυναῖκας καὶ τοὺς παῖδας ὁρμήσαντες ἁμάξας μὲν εἷλον τετρακισχιλίους, αἰχμαλώτους δὲ ὅσους ἦν εἰκὸς ἐπὶ τοσούτων ἁμαξῶν φέρεσθαι".

[3] *Ibidem*: „Τὰ τῆς Θρᾴκης τέως ἦν ἐν ἡσυχίᾳ τῶν ἐν ταύτῃ βαρβάρων ἀπολομένων".

Θеодосій или его полководцы дали варварамъ нѣсколько битвъ, которыя всѣ окончились для нихъ побѣдою[1]. Зосимъ прибавляетъ, что остатки шаекъ, сражавшихся при Адріанополѣ, бродили въ теченіе нѣкотораго времени на пространствѣ между Галліею и Панноніею[2], и мы не знаемъ навѣрно, что съ ними сталось[3]. Можно лишь утверждать, что они больше не производили нападеній, и что два другія скопища Готовъ, пытавшіяся еще разъ перейти Дунай и вступить насильно въ предѣлы Имперіи, были разбиты и уничтожены римскимъ полководцемъ Промотомъ[4]. Наконецъ, всякія попытки нашествія со стороны Вестготовъ прекратились, и начиная съ 380 года въ указанныхъ провинціяхъ вновь водворились миръ и благосостояніе[5].

Такимъ образомъ, несмотря на побѣду Вестготовъ

[1] *Oros.* VII, 34, 5: „Maximas illas gentes incunctanter adgressus magnis multisque proeliis vicit". — *Idat.* Descriptio consulum annis 379—380 (въ *Patrolog. lat.* t. LI, p. 911),—*Iordan.* De rebus geticis, c. 27: „Gothos Thraciae finibus pellunt". *Idem*, De successione temporum, § 315: „Theodosius Gothos diversis proeliis vicit".— *Marcellinus comes*, Chronicon, annis 379—380.

[2] *Zosim.* IV, 34: „Δύο μοῖραι, ἡ μὲν ἡγεμόνι Φριτιγέρνῳ χρωμένη ἡ δὲ ὑπὸ Ἄλλοθον καὶ Σάφρακα τεταγμένη, τοῖς Κελτικοῖς ἔθνεσιν ἐπικείμεναι..." Это были тѣ же вожди, которые предводительствовали Готами при Адріанополѣ.

[3] Зосимъ, указавъ, что Готы, отброшенные въ Паннонію Граціаномъ, готовились къ новому вторженію въ Имперію, больше не упоминаетъ о нихъ, и изъ продолженія разсказа явствуетъ, что такое намѣреніе не было осуществлено. По Іордану, вооруженные отряды варваровъ должны были бы поступить на службу Имперіи въ качествѣ федератовъ.

[4] *Zosim.* IV, 35; 39.

[5] *Idem*, IV, 34: „Ἀνιέναι τε γεωργοῖς τὴν ἐκ τῆς γῆς ἐπιμέλειαν καὶ ὑποζυγίοις καὶ θρέμμασι νομὴν ἄφοβον".

при Адріанополѣ, которая является единственнымъ ихъ успѣхомъ за шесть лѣтъ войны, они ничего не завоевали и не достигли господства въ какой-нибудь изъ областей Имперіи.

3.

Готы—воины Имперіи.

Съ 380 года мы не видимъ въ Имперіи Ѳеодосія иныхъ Вестготовъ, кромѣ тѣхъ, которые служили въ ея войскахъ. Зосимъ и Іорданъ говорятъ о вождѣ этого народа, носившемъ титулъ короля, Атанарихѣ [1], который сдѣлался союзникомъ, другомъ и поклонникомъ Ѳеодосія. Іорданъ спеціально описываетъ наивный восторгъ варвара при видѣ великолѣпія Константинополя, особенно при появленіи императора, «который казался ему сошедшимъ на землю божествомъ» [2]. Съ этого времени всѣ историки утверждаютъ, что оставшіеся въ Имперіи Готы сдѣлались воинами ея государя и жили въ Имперіи на службѣ у послѣдняго. «Готы, говоритъ Зосимъ, не вносили больше никакихъ смутъ въ жизнь Римлянъ, и всѣ служившіе Атанариху люди съ тѣхъ поръ обязались защищать границы Имперіи» [3]. «Всѣ готскіе отряды, говоритъ

[1] *Ibidem*: „Ἀθανάριχον παντὸς τοῦ βασιλείου τῶν Σκυθῶν ἄρχοντα γένους“.—*Ammian.* XXVII, 5, 10.

[2] *Iordan.* De rebus geticis, c. 28: „Regiam urbem ingressus est miransque: En, inquit, cerno, quod saepe incredulus audiebam, famam videlicet tantae urbis; et huc illuc oculos volvens, nunc situm urbis commeatumque navium, nunc moenia clara prospectans miratur... Deus, inquit, sine dubio terrenus est imperator“.

[3] *Zosim.* IV, 34: „Σκύθας μηκέτι Ῥωμαίοις παρενοχλεῖν, ὅσοι δὲ ἅμα τῷ τελευτήσαντι Ἀθαναρίχῳ παρεγένοντο τῇ τῆς ὄχθης φυλακῇ προσεγκαρτερήσαντες ἐπὶ πολὺ κωλῦσαι τὰς κατὰ Ῥωμαιων ἐφόδους“.

Орозій, подчинились императорской власти [1]». Іорданъ, который былъ, какъ извѣстно, самъ Готомъ по происхожденію, выражается еще болѣе точно: «Все готское войско поступило на службу къ Ѳеодосію, подчинилось римской Имперіи и подъ именемъ союзниковъ (федератовъ) соединилось съ арміею Имперіи» [2]. Одинъ упоминаемый этимъ авторомъ фактъ хорошо выясняетъ такое положеніе вещей: когда Ѳеодосій пошелъ противъ Евгенія, захватившаго въ свои руки императорское достоинство въ Галліи въ 392 году, онъ взялъ съ собой около 20.000 готскихъ вспомогательныхъ войскъ, «вѣрность и преданность которыхъ были ему хорошо извѣстны [3]».

Такъ доходимъ мы до исторіи прославленнаго Алариха. Совершенно невозможно представлять себѣ его вождемъ цѣлаго народа. Отъ готскаго племени тогда уже ничего не осталось; существовали только союзныя готскія войска, находившіяся на службѣ у Имперіи. Въ 392 году Аларихъ, тогда еще почти юноша, получилъ отъ Ѳеодосія начальствованіе надъ однимъ

[1] *Oros.* VII, 34, 7: „Universae Gothorum gentes romano sese imperio dediderunt.“—Идатій и Латинъ Пакатъ говорятъ то же самое. См. *Idat.* Descriptio consulum, anno 382: „Universa gens Gothorum cum rege suo in Romaniam se tradiderunt“.—*Latinus Pacat.* Panegyr. XII, 22: „Receptos servitum Gothos castris tuis militem, terris cufficere eultorem“.—*Marcellinus comes*, Chronicon, anno 382: „Hoc anno universo gens Gothorum se romano imperio dedit“.

[2] *Iordan.* De rebus geticis, c. 28: „Cunctus Gothorum exercitus in servitio Theodosii imperatoris perdurans, romano se imperio subdens, cum milite velut unum corpus effecit, et dicti sunt Foederati“.

[3] *Idem*: „E quibus imperator contra Eugenium tyrannum plus quam viginti milia armatorum fideles sibi et amicos intellegens duxit“.

изъ такихъ вспомогательныхъ отрядовъ [1] и сопровождалъ его въ походахъ противъ Евгенія. Повидимому, Аларихъ возвратился изъ Галліи съ небольшимъ числомъ воиновъ, потому что историкъ, разсказывающій о войнѣ съ Евгеніемъ, сообщаетъ, что императоръ потерялъ въ ней большую часть союзныхъ варваровъ [2]. Какъ бы то ни было, за оказанныя услуги Аларихъ былъ вознагражденъ крупнымъ повышеніемъ по службѣ и дарованіемъ римскихъ почетныхъ званій [3]. Тѣмъ не менѣе, спустя три года, мы видимъ, что онъ сталъ обнаруживать большое неудовольствіе за то, что ему не предоставляли еще болѣе высокаго назначенія. Онъ выражалъ притязаніе командовать регулярными римскими войсками съ титуломъ *magister militum* [4]. Желаніе его удовлетворено не было. Однако глав-

[1] *Zosim.* V, 5: „Μόνους εἶχε τοὺς βαρβάρους, οὓς Θεοδόσιος ἔτυχεν αὐτῷ παραδοὺς ὅτε σὺν αὐτῷ τὴν Εὐγενίου τυραννίδα καθεῖλε.“ Рѣчь идетъ здѣсь объ одномъ союзномъ отрядѣ, находившемся подъ общимъ командованіемъ Гайнаса (IV, 57). (ср. *Socrat.* Hist. eccles. VII, 10: „Ἀλάριχός τις βάρβαρος, ὑπόσπονδος ὢν Ῥωμαίοις καὶ τῷ βασιλεῖ Θεοδοσίῳ εἰς τὸν κατὰ τοῦ Εὐγενίου πόλεμον συμμαχήσας καὶ διὰ τοῦτο Ῥωμαϊκῇ ἀξίᾳ τιμηθείς“.

[2] *Zosim.* IV, 58: „Τὸ πολὺ μέρος τῶν συμμαχούντων ἀποθανεῖν“. Дѣйствительно, можно видѣть, что въ одинъ день произошли двѣ битвы—одна вслѣдъ за другою; въ первой выступили одни варвары и были отбиты съ большими потерями; во второй—побѣдителями оказались римскія войска.

[3] *Socrat.* Histor. ecclesiastica, VII, 10: „Ῥωμαϊκῇ ἀξίᾳ τιμηθείς“. —*Cassiodor.* Histor. tripartita, XI, 9: „Alaricus romanae ditioni subiectus et romanis dignitatibus honoratus“.

[3] *Zosim.* V, 5: „Ἠγανάκτει ὅτι μὴ στρατιωτικῶν ἡγεῖτο δυνάμεων ἀλλὰ μόνους εἶχε τοὺς βαρβάρους, οὓς Θεοδόσιος ἔτυχεν αὐτῷ παραδούς.“ Выраженіе „ἡγεῖσθαι στρατιωτικῶν δυνάμεων“ означаетъ, какъ у Зосима, такъ и у Созомена и Лида, должность и званіе „magister militum“.

ный правитель Имперіи, всемогущій Руфинъ, разсчитывая воспользоваться Аларихомъ для успѣха личной интриги, предоставилъ ему присоединить къ его войскамъ другихъ варваровъ изъ всякихъ племенъ [1] и покинуть мѣста, опредѣленныя ему для постоя. Тогда Аларихъ сталъ производить набѣги на Ѳессалію, среднюю Грецію и Пелопоннесъ. Онъ поступалъ такъ не потому, чтобы замышлялъ овладѣть этими странами и утвердиться въ нихъ. Разграбивъ всѣ названныя области, онъ вернулся со своими вооруженными силами въ Эпиръ. Согласно показанію нѣкоторыхъ писателей, его обратили въ бѣгство нѣсколько римскихъ отрядовъ, посланныхъ противъ Готовъ съ запада Стилихономъ [2].

Былъ ли онъ дѣйствительно побѣжденъ или нѣтъ, но онъ во всякомъ случаѣ заключилъ съ Имперіею миръ и получилъ дозволеніе расквартировать свои войска во Ѳракіи или въ Иллиріи. Тамъ онъ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пользуясь властью, которую одинъ современный авторъ признаетъ законною, то-есть, врученною ему приказомъ императорскаго правительства [3]; населеніе повиновалось ему, какъ имперскому чиновнику; онъ былъ военачальникомъ Восточной Имперіи. Черезъ нѣкоторое время, однако, какъ бы утомившись такою службой, Аларихъ попытался произвести завоеваніе, вторгнувшись со

[1] *Ibidem*: „Τοὺς σὺν αὐτῷ βαρβάρους ἢ ἄλλως σύγκλυδας ὄντας ἐξαγαγεῖν“.

[2] *Zosim.* V, 7.—*Claudian.* De bello getico, v. 513—517.

[3] *Claud.* De bello getico, v. 535 ss. Поэтъ приписываетъ Алариху слѣдующія слова:

At nunc Illyrici postquam mihi tradita iura...
Inque meos usus vectigal vertere ferri
Oppida legitimo iussu Romana coegi...

своими Готами въ Италію; но его войско было разбито при Полленціи императорскою арміею, находившеюся подъ начальствомъ Стилихона [1].

Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, и мы вновь находимъ Алариха въ Эпирѣ [2]; онъ, какъ и раньше, признается начальникомъ вспомогательнаго войска, но теперь онъ вступаетъ въ соглашеніе съ главнымъ совѣтникомъ западнаго императора; онъ тайно сговаривается съ нимъ отнять у восточнаго императора провинцію Иллирію, чтобы отдать ее Гонорію. Вторженіе Радагайса въ Италію [3] и узурпація Константина въ Галліи принудили его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ откладывать выполненіе этого предпріятія; тѣмъ не менѣе изъ раз-

[1] *Prosper. Aquit.* anno 400: „Gothi Italiam Alarico et Radagaiso ducibus ingressi... Pollentiae adversus Gothos vehementer pugnatum est“.—*Claudian.* ibid.—*Cassiodor.* Chronicon: „Gothi Hararico et Radagaiso regibus ingrediuntur Italiam“.—*Oros.* VII, 37, 2: „Taceo de Alarico rege cum Gothis saepe victo, saepe concluso, semperque dimisso“. Между свидѣтельствами авторовъ, описывающихъ битву при Полленціи, замѣтно рѣзкое противорѣчіе. Клавдіанъ (*ibid.*) и Пруденцій (Contra Symmach. II 695 ss.) воспѣваютъ ее, какъ великую побѣду Стилихона; Орозій, Іорданъ и Кассіодоръ говорятъ о ней, какъ о пораженіи. Просперъ Аквитанскій говоритъ просто: „Pollentiae adversus Gothos vehementer utriusque partis clade pugnatum est“ Достовѣрно одно, что Аларихъ оказался не въ силахъ утвердиться въ Италіи.

[2] *Zosim.* V, 26: „'Αλλάριχος διατρίβων ἐν 'Ηπείροις τὸ παρὰ Στελίχωνος ἀνέμενε σύνθημα τοιόνδε· ὁ Στελίχων διενοεῖτο, κοινωνῷ χρησάμενος 'Αλλαρίχῳ, τῇ 'Ονωρίου βασιλείᾳ τὰ ἐν 'Ιλλυρίοις ἔθνη πάντα προσθεῖναι, συνθήκας τε περὶ τούτου πρὸς αὐτὸν ποιησάμενος...“—*Olympiodor.* (edit. Didot, t. IV, p. 58): „'Αλάριχος, ὃν Στελίχων μετεκαλέσατο ἐπὶ τῷ φυλάξαι τῷ 'Ονωρίῳ τὸ 'Ιλλυρικόν“.—*Oros.* VII, 38, 2: „Stilico Alaricum occulto foedere fovens“.

[3] *Zosim.* V, 26: „Προσδεχομένου δὲ 'Αλλαρίχου τῷ παραγγέλματι πειθαρχήσειν, 'Ροδογάϊσος...“

сказа историковъ вытекаетъ, что и въ эти годы Аларихъ оставался начальникомъ федератовъ, оффиціально числясь на службѣ у восточнаго императора; тайно же онъ заключилъ, какъ сказано, союзный договоръ съ правительствомъ западнаго [1]. Поэтому въ 408 году Аларихъ потребовалъ отъ послѣдняго жалованья, которое ему обѣщали платить [2]. Собрался государственный совѣтъ въ присутствіи императора. Повидимому, сенаторы, не посвященные въ тайны высшей политики, были возмущены тѣмъ, что неизвѣстный имъ варварскій вождь требуетъ отъ Имперіи денегъ; но Стилихонъ, уже давно игравшій роль высшаго правителя, заявилъ, что Аларихъ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Эпирѣ, дѣйствительно по приказанію императорскаго правительства и въ виду цѣлей политики послѣдняго, а потому имѣетъ право на жалованіе. Ему назначили 4,000 фунтовъ золота [3]. Такимъ образомъ, Аларихъ былъ оффиціально признанъ состоящимъ на воинской службѣ у Имперіи. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что онъ явился требовать свое жалованіе въ сопровожденіи собственнаго войска, готовый во главѣ его насильственно вторг-

[1] *Idem*, V, 26; 27.

[2] *Idem*, V, 29: „Πρὸς Στελίχωνα πρεσβείαν ἐκπέμπει, χρήματα αἰτῶν ὑπέρ τε τῆς ἐν ταῖς 'Ηπείροις τριβῆς, ἣν ἔλεγεν αὐτῷ, Στελίχωνι πεισθέντι γενέσθαι“.

[3] *Idem*, V, 29: „Διὰ γὰρ τὸ τῷ βασιλεῖ συνοῖσον, ἔφη ὁ Στελίχων, τοσοῦτον ἐν ταῖς 'Ηπείροις διέτριψε χρόνον, ὡς 'Ιλλυριοὺς τῇ 'Ονωρίου ἀρχῇ προσθείη.... Πᾶσι τοίνυν δόξαντος δίκαια λέγειν Στελίχωνος, ἐδόκει τῇ γερουσίᾳ χρυσίου τετρακισχιλίας 'Αλλαρίχῳ δ δοσθαι λίτρας.“—Деньги эти были на самомъ дѣлѣ выданы ему въ качествѣ недоимки жалованія. Такъ прямо свидѣтельствуетъ Олимпіодоръ (Fragm. ed. Didot, XIV, p. 58): „'Αλάριχος, ἔτι ζῶντος Στελίχωνος, τεσσαράκοντα κεντηνάρια μισθὸν ἔλαβε τῆς ἐκστρατείας“.

нуться въ Италію, такъ что жители полуострова не могли хорошенько различить, былъ ли онъ союзникомъ Имперіи или ея врагомъ.

Слѣдя дальше за отношеніями между Римомъ и Вестготами, мы встрѣчаемся съ важнымъ внутреннимъ переворотомъ на западѣ, который неудовлетворительно описанъ историками того времени, и характеръ котораго намъ потому трудно распознать. На основаніи тѣхъ весьма недостаточныхъ свѣдѣній, какія у насъ имѣются для ознакомленія съ этимъ событіемъ, можно сказать, что религіозныя распри сыграли въ немъ болѣе существенную роль, чѣмъ національный или расовый антагонизмъ. Во время происшедшей здѣсь кровавой смуты погибъ Стилихонъ и цѣлый рядъ другихъ высокихъ должностныхъ лицъ. Противники обвинили могущественнаго правителя въ томъ, что онъ намѣревается вновь воздвигнуть языческія святилища [1].

Въ пылу охватившей всѣхъ ярости населеніе убивало женщинъ и дѣтей германскихъ наемниковъ и союзныхъ отрядовъ, которые въ это время сами по

[1] Лучшій разсказъ объ этомъ событіи находимъ у Зосима (V, 32—35). Изъ него обнаруживается, что устроителемъ заговора былъ христіанинъ Олимпій; орудіемъ же его оказались преимущественно туземныя войска, дѣйствовавшія, повидимому, на основаніи почти не скрывавшагося одобренія императора. Началось дѣло съ умерщвленія высшихъ сановниковъ Назарія, Патронія и Сальвія, военачальника Харіобауда и префекта преторія Лименія. Варвары-федераты раздѣлились между сторонниками Олимпія и Стилихона; послѣдній, наконецъ, былъ схваченъ и убитъ Готомъ Саромъ, точно такъ же какъ кубикуларій Девтерій и начальникъ нотаріевъ Петръ.—Разсказъ Орозія (VII, 38) не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно характера столкновенія: язычники разсчитывали на Стилихона и ждали отъ него возстановленія своихъ храмовъ.

себѣ не подавали никакого повода для неудовольствія противъ нихъ [1]. Раздраженные Германцы покинули тогда императорскую службу; охваченные жаждою мести, они стремились начать войну съ Римомъ, а такъ какъ имъ нуженъ былъ вождь, они и направились къ Алариху. Эти возмутившіеся федераты, среди которыхъ можно было найти представителей отъ всѣхъ варварскихъ племенъ, общимъ числомъ доходили до 30,000 [2].

Всѣ приведенныя подробности чрезвычайно характерны; онѣ указываютъ, изъ какихъ элементовъ составлялись силы Алариха. Совершенно очевидно, что онъ стоялъ во главѣ только войска, а не цѣльнаго народа [3]. Самое это войско, первоначальное ядро котораго образовалось изъ Вестготовъ-федератовъ, мало по-малу увеличивалось отъ приростанія къ нему союзныхъ отрядовъ изъ различныхъ другихъ германскихъ племенъ [4]. За Аларихомъ шелъ не независимый переселяющійся варварскій народъ, а полки имперскихъ воиновъ, возмутившіеся противъ законной

[1] *Zosim.* V, 35. Германцы-союзники оставили своихъ женъ и дѣтей въ сосѣднихъ городахъ.

[2] *Ibidem*: „Πάντες ἔγνωσαν Ἀλλαρίχῳ προσθέσθαι καὶ τοῦ κατὰ τῆς Ῥώμης πολέμου αὐτῷ κοινωνῆσαι· καὶ συναχθεῖσθαι πρὸς τοῦτο πλείους ὀλίγῳ τριῶν μυριάδες συνέθεον“

[3] Не слѣдуетъ выводить невѣрнаго заключенія изъ того, что Аларихъ носилъ титулъ короля: уже давно этотъ титулъ утратилъ значеніе племеннаго вождя; онъ давался тогда всѣмъ начальникамъ, болѣе или менѣе значительныхъ варварскихъ вооруженныхъ силъ. Греческіе историки никогда не прилагаютъ къ этимъ людямъ имени βασιλεύς, а называютъ ихъ: ἡγεμών, φύλαρχος, ῥήξ (*Olympiod.* Fragmenta, 26, 31, 35 etc.).

[4] Къ нему присоединились даже Гунны, приведенные Атаульфомъ. *Zosim.* V, 37.

власти. Надобно, кромѣ того указать, что другіе Готы-союзники, съ особымъ вождемъ Саромъ, остались вѣрны римскому правительству.

Аларихъ, выставляя себя мстителемъ за Стилихона и опираясь въ особенности на то, что ему не была вручена условленная сумма [1], пошелъ прямо на Римъ. Какой замыселъ направлялъ его волю? Спрошенный самъ объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что «хочетъ захватить все золото и все серебро, которое найдетъ въ этомъ городѣ, равно какъ и другіе драгоцѣнные предметы и всѣхъ рабовъ-варваровъ» [2]. Онъ удовольствовался, однако, 5,000 фунтами золота, 30,000 фунтами серебра, 4,000 шелковыхъ одеждъ и 3,000 фунтами перцу. Варваръ отступилъ съ такою добычей, обѣщая притомъ оставаться впредь вѣрнымъ союзникомъ и служить римской Имперіи противъ всѣхъ ея враговъ, кто бы они ни были [3]. Съ другой стороны, императоръ обѣщалъ ему ежегодное жалованіе, опредѣленное количество продовольствія и право жительства вмѣстѣ съ его людьми въ Венеціи, Норикѣ и Далмаціи [4].

Кромѣ того, Аларихъ сталъ просить, черезъ посредничество префекта преторія Іовія, чтобы ему пожаловано было высшее имперское военное званіе —

[1] *Olympiodor*. Fragmenta, 3: „'Αλάριχος διά τε φό.ον Στελίχωνος καὶ ὅτι ἃ συνέκειτο οὐκ ἐλάμβανε".

[2] *Zosim*. V, 40: „Ἔλεγε οὐκ ἄλλως ἀποστήσεσθαι τῆς πολιορκίας εἰ μὴ τὸν χρυσὸν ἅπαντα, ὅσον ἡ πόλις ἔχοι καὶ τὸν ἄργυρον λάβοι, καὶ ὅσα ἐν ἐπίπλοις εὕροι καὶ ἔτι τοὺς βαρβάρους οἰκέτας".

[3] *Idem*, V, 42: „Χωρήσειν ὁμόσε Ῥωμαίοις κατὰ παντὸς ἐναντία τούτοις φρονεῖν βουλομένου".

[4] *Zosim*. V, 48: „'Απῄτει χρυσίον μὲν ἔτους ἑκάστου δίδοσθαί τι ῥητὸν καὶ σίτου τι μέτρον, οἰκεῖν δὲ αὐτὸν ἅμα τοῖς σὺν αὐτῷ πᾶσι Βενετίας ἀμφὼ καὶ Νωρικοὺς καὶ Δαλματίαν".

magister militum, которое давало бы ему въ руки командованіе не только варварами-союзниками, но и римскими регулярными войсками. Императоръ отвѣчалъ, что соглашается на выдачу готскому вождю жалованія и провіанта, но что онъ никогда не уступитъ ему почетной должности magister militum [1]. Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ отказъ Аларихъ снова двинулся на Римъ.

Впрочемъ, онъ вскорѣ пріостановилъ наступленіе и уполномочилъ нѣсколькихъ епископовъ возобновить переговоры; на этотъ разъ, если вѣрить Зосиму, онъ отказывался отъ званія главнокомандующаго, просилъ для расквартированія своего войска только Норикъ и предоставлялъ на усмотрѣніе императора вопросъ о цифрѣ жалованія и продовольствія, предлагая вновь свои силы въ качествѣ подчиненнаго союзника Имперіи и обѣщая защищать ее противъ всякаго непріятеля. Его условія были снова отвергнуты. Любопытно, что Зосимъ и Орозій, писавшіе нѣсколько лѣтъ спустя послѣ рокового исхода этихъ событій, вмѣсто того, чтобы одобрить императорское правительство за мужественное рѣшеніе отвергнуть опаснаго слугу, ставятъ ему это въ упрекъ [2].

Такимъ образомъ, Аларихъ рѣшительно направился на Римъ, но не для того, чтобы завоевать городъ, а

[1] *Idem*, V, 49.—*Sozomen*. IX, 7: „'Ιόβιος δηλοῖ Ὁνωρίῳ τὴν 'Αλαρίχου αἴτησιν, καὶ ὡς δέοι δέλτοις αὐτὸν τιμῆσαι στρατηγοῦ δυνάμεως ἑκατέρας... Ὁ δὲ βασιλεὺς ἀξίας οὔποτε μεταδώσειν αὐτῷ ἀντεδήλωσεν".

[2] *Idem*, V, 50: „Ταῦτα ἐπιεικῶς καὶ σωφρόνως 'Αλλαρίχου προτεινομένου, καὶ πάντων τὴν τοῦ ἀνδρὸς μετριότητα θαυμαζόντων". — *Oros*. VII, 38, 2: „Alaricum pro pace optima et quibuscumque sedibus suppliciter orantem, oculto foedere fovens, publice autem et belli et pacis copia negata..."

чтобы заставить его избрать другого императора. По приказанію Алариха сенатъ облекъ пурпуромъ Аттала [1], а послѣдній тотчасъ же наградилъ Алариха званіемъ римскаго главнокомандующаго [2]. Аларихъ, возведенный на этотъ высокій постъ, принесъ клятву въ вѣрности новому императору [3] и обезпечилъ повиновеніе ему италійскихъ городовъ. Вскорѣ, однако, онъ поссорился и съ Атталомъ, отнялъ у него діадему и пурпуровую мантію и отослалъ эти знаки верховной власти Гонорію [4], котораго какъ бы снова призналъ императоромъ, и которому сталъ предлагать новыя условія замиренія [5]. Но договоръ все-таки не удалось заключить, и Аларихъ, въ третій разъ окружилъ Римъ. Взявъ городъ, варваръ отдалъ его своимъ полчищамъ на разграбленіе; всѣ дома были при этомъ опустошены, золото расхищено [6]; но все это произошло безъ

[1] *Zosim.* VI, 7: „Οἱ Ῥωμαῖοι, κατὰ τὸ κελευόμενον, Ἄτταλον εἰς τὸν βασίλειον ἀναβιβάζουσι θρόνον, ἁλουργίδα καὶ στέφανον περιθέντες“.—*Sozomen.* IX, 8: „Βιάζεται Ῥωμαίους βασιλέα ψηφίσασθαι τὸν Ἄτταλον“.

[2] *Ibidem*: „Ἄτταλος παραχρῆμα τὰς τῶν δυνάμεων στρατηγίας αὐτῷ τε Ἀλλαρίχῳ καὶ Οὐάλεντι παραδέδωκεν“.

[3] *Idem*, VI, 10: „Ἀλλαρίχου δὲ τέως ἐμμένειν τοῖς πρὸς Ἄτταλον ὅρκοις ἐθέλοντος...“

[4] *Idem*, VI, 12: „Ἀλλάριχος ἐξαγαγὼν τὸν Ἄτταλον, περιελὼν τὸ διάδημα καὶ τῆς ἁλουργίδος ἐκδύσας, ταῦτα ἔπεμψεν Ὁνωρίῳ τῷ βασιλεῖ“.

[5] *Idem*, 13: „Ἀλλαρίχου ἐπὶ Ῥάβενναν ὡρμηκότος, ὡς δὴ βεβαίως αὐτῷ πρὸς Ὁνώριον ἐσομένης εἰρήνης“.—*Sozomen.* IX, 9: „Εἰς λόγους ἦλθε τῷ βασιλεῖ περὶ τῆς εἰρήνης“.

[6] *Sozomen.* IX, 9: „Τοῖς αὐτοῦ πλήθεσιν ἐπέτρεψεν τῶν Ῥωμαίων πλοῦτον ἁρπάζειν καὶ πάντας τοὺς οἴκους ληΐζεσθαι“. — *Iordan.* De rebus geticis. c. 30, § 156: „Gothi, Halarico iubente, spoliant tantum, non autem ignem supponunt“. Орозій (VII, 39, 15) говоритъ, что пожаровъ было немного: „Facto quidem aliquantarum aedium incendio“.

пролитія крови [1]. Грабежъ съ разрѣшенія вождя продолжался три дня (410 г.). Самымъ страннымъ въ этихъ необычайныхъ событіяхъ является то обстоятельство, что у историковъ, разсказывающихъ о взятіи Рима Аларихомъ, у Орозія и Созомена—повѣствованіе Зосима останавливается нѣсколько раньше—мы не читаемъ ни одного слова проклятія или ненависти по отношенію къ хищнику. Указанные христіанскіе писатели довольны варваромъ потому, что онъ не предалъ огню церкви и, можетъ быть, еще въ большей мѣрѣ за то, что онъ не приказалъ возстановить языческіе храмы [2]. Орозій прибавляетъ, что Римъ вовсе не былъ разрушенъ, населеніе осталось многочисленнымъ, городъ сохранился почти въ полной цѣ-

[1] *Oros.* VII, 39: „Alaricus Romam inrumpit dato praecepto prius, ut... in quantum possent praedae inhiantes, a sanguine temperarent“.—Орозій изображаетъ, между прочимъ, одного Гота, который, обращаясь къ одной женщинѣ, „ab ea aurum argentumque honeste exposcit“. Несомнѣнно, однако, что должны были произойти рѣзня и насилія.

[2] *Oros.* VII, 39. *Sozomen.* IX, 9—10. *Cassiodor.* Variar. XII, 20. Аларихъ будто бы отдалъ приказъ относиться съ уваженіемъ къ христіанскимъ храмамъ и даже не трогать принадлежавшихъ имъ драгоцѣнностей. Ср. *Iordan.* De rebus geticis, c. 30. Орозій старается показать, что грабежи и пожары 410 года нельзя было сравнить съ тѣмъ, что Римъ претерпѣлъ при галльскомъ нашествіи 390 г. до Р. Х. и во время царствованія Нерона. Авторъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что церкви были пощажены, и что даже среди грабежа христіане совершали свои религіозныя процессіи съ пѣніемъ гимновъ. Что же касается язычниковъ, то, если вѣрить Орозію, единственнымъ спасеніемъ для нихъ въ эту грозную годину было смѣшаться въ одной толпѣ съ христіанами.—Идатій также отмѣчаетъ, что церкви были пощажены.—Кассіодоръ въ своей хроникѣ выражается слѣдующимъ образомъ: „Roma a Gothis Alarico duce capta est, ubi clementer usi sunt victoria“.

лости и, въ концѣ-концовъ, если не считать слѣдовъ нѣсколькихъ пожаровъ, при видѣ города нельзя было бы подумать, что онъ недавно былъ добычею варваровъ [1]. Къ тому же Аларихъ оставался въ Римѣ лишь столько времени, сколько надо было, чтобы забрать всю возможную добычу. По истеченіи трехъ дней [2], удовлетворенный тѣмъ, что ему удалось захватить много золота и другихъ богатствъ [3], онъ очистилъ городъ и повелъ свое войско на югъ Италіи. Онъ пытался переправиться въ Сицилію, но море поглотило часть его войска [4], а смерть скоро похитила его самого [5].

---

[1] *Idem*, VII, 40, 1: „Cuius rei quamvis recens memoria sit (Орозій писалъ восемь лѣтъ спустя), si quis populi romani multitudinem videat, nihil factum, sicut etiam ipsi fatentur, arbitrabitur, nisi aliquantis adhuc existentibus ex incendio ruinis forte doceatur“.—См. еще небольшое сочиненіе, написанное въ послѣдующіе годы, подъ заглавіемъ: *Descriptio urbis Romae, quae aliquando desolata, nunc gloriosior piissimo imperio restaurata* („Patrologia latina“, t. XVIII, p. 437); изъ этого описанія видно, что почти всѣ древнія зданія въ Римѣ остались неповрежденными, стало быть, городъ не былъ сожженъ. Пожары, о которыхъ говоритъ Орозій, представляли собой отдѣльныя случайности, не повліявшія на жизнь великаго цѣлаго.—*Iordan*. c. 30: „Urbem spoliant tantum, non autem ignem supponunt“.

[2] *Idem*, VII, 39, 15: „Tertia die barbari sponte discedunt“. Если вѣрить Сократу (Histor. eccles. VII, 10), Аларихъ спѣшно, какъ бѣглецъ, удалился изъ Рима, благодаря приближенію римскаго войска, посланнаго съ востока; тоже объясненіе повторяется у Кассіодора (Historia tripartita, XI, 9).

[3] *Cassiodor*. Variarum, XII, 20: „Alaricus urbis Romae depraedatione satiatus... qui tanta se urbis vastatione ditavit“.

[4] *Oros*. VII, 43, 12: „Vallia memor illius acceptae sub Alarico cladis cum in Siciliam Gothi transire conati in conspectu suorum miserabiliter demersi sunt“.

[5] *Olympiodor*. Fragmenta, 10 (ed. Didot, p. 59), 15 (p. 60).—*Iordan*. De rebus geticis, c. 30.

4.

Утвержденіе Вестготовъ въ Галліи по договору съ римскимъ императоромъ.

Послѣ смерти Алариха Готы признали королемъ Атаульфа. Нельзя точно опредѣлить, что дѣлалъ послѣдній между 410 и 412 годами; по показанію Іордана, онъ вернулся въ Римъ и снова разграбилъ его. Въ 412 г. онъ направился въ Галлію; но ни одинъ изъ писателей, свидѣтельствующихъ о его прибытіи въ эту страну, не указываетъ, чтобы онъ вступилъ въ нее съ цѣлями завоеванія [1]. Если вѣрить Іордану, онъ явился туда подъ видомъ союзника императора, дѣйствующаго по соглашенію съ послѣднимъ; онъ прибылъ лишь для того, чтобы напугать Франковъ и Бургундовъ и освободить Галлію отъ ихъ опустошеній [2]. Съ большою вѣроятностью можно, впрочемъ, предположить, что сами Готы совершили въ странѣ немало безчинствъ [3]. Когда Іовинъ провозгласилъ себя императоромъ, Атаульфъ сталъ на его сторону. Однако, онъ измѣнилъ ему, въ слѣдующемъ же году осадилъ его въ Валенціи, взялъ

[1] *Prosper. Aquit.* anno 412: „Gothi, rege Adaulpho, Gallias ingressi“.—*Cassiodor*. Chronicon: „Gothi, rege Ataulpho, Gallias intraverunt“.

[2] *Iordan*. De rebus geticis, c. 31: „Ataulphus Placidiam suo matrimonio copulavit, ut gentes hac societate conperta, quasi adunata Gothis republica, efficacius tenerentur, Honoriumque augustum, quamvis opibus exhaustum, tamen iam quasi cognatum grato animo derelinquens, Gallias tendit. Ubi cum advenisset, vicinae gentes perterritae in suis se coeperunt finibus continere, quae dudum crudeliter Gallias infestassent, tam Franci quam Burgundiones“.

[3] *Prosper. Tyron*. Chronicon: „Alia praedatio Galliarum, Gothis Alpes transgredientibus“.

этотъ городъ приступомъ и выдалъ Іовина императору Гонорію [1].

Вслѣдъ затѣмъ мы находимъ его въ Нарбоннѣ, но трудно выяснить, зачѣмъ или на какихъ правахъ [2]. Онъ пытался хитростью овладѣть Марселемъ, но былъ отраженъ съ большими потерями римскимъ полководцемъ Бонифаціемъ [3]. Въ Нарбоннѣ онъ вступилъ въ бракъ съ сестрою императора Гонорія, Плацидіею. Интересно замѣтить, что свадьба была отпразднована съ большою пышностью и по римскимъ обычаямъ; готскій король выступалъ въ одѣяніи римскаго образца, и Римляне, присутствовавшіе на торжествѣ, очень довольные, радостно пѣли въ честь его брачный гимнъ [4].

[1] *Olympiodor*. Fragmenta, 19 (ed. Didot, p. 61): „Πέμπει Ἀδάουλφος πρὸς Ὀνώριον πρέσβεις, ὑποσχόμενος τάς τε τῶν τυράννων (эти два узурпатора были Іовинъ и Севастіанъ) κεφαλὰς καὶ εἰρήνην ἄγειν. Ὧν ὑποστρεψάντων καὶ ὅρκων μεσιτευσάντων, Σεβαστιανοῦ μὲν πέμπεται τῷ βασιλεῖ ἡ κεφαλή. Ἰοβῖνος δὲ ὑπὸ Ἀδαούλφου πολιορκούμενος ἑαυτὸν ἐκδίδωσι καὶ πέμπεται τῷ βασιλεῖ“.—*Prosp. Tyron*. Chronicon: „Valentia civitas a Gothis effringitur, ad quam se fugiens Iovinus contulerat“.

[2] *Idat*. anno 413: „Gothi Narbonam ingressi vindemiae tempore“.

[3] *Olympiodor*. Fragmenta, 21 (ed. Didot, p. 62).

[4] Олимпіодоръ сообщаетъ любопытный разсказъ объ этой свадебной церемоніи; вотъ латинскій переводъ его отрывка (*Olympiodor*. Fragmenta, 24, ed. Didot, p. 62): „Adaulpho, studio ac consilio Candidiani, nuptiae cum Placidia celebrantur, in Narbone, in domo Ingenii, primarii eius urbis viri. Hic digniore loco residente Placidia in thalamo, Romano more adornato, habituque imperiali (βασιλικῷ), assedit ipsi Adaulphus laena indutus ceteroque amictu romano... Deinde versus epithalamii canuntur, Attalo praecinente, dein Rusticio atque Phaebadio, nuptiaeque peraguntur lusu gaudioque ingenti barbarorum simul et Romanorum“. Отъ брака Атаульфа съ Плацидіею родился сынъ, названный Θеодосіемъ.

Вскорѣ потомъ, вновь разссорившись съ Гоноріемъ, Атаульфъ рѣшилъ выдвинуть другого императора и провозгласилъ опять Аттала [1]; но вскорѣ онъ покинулъ послѣдняго и вернулся къ союзу съ Гоноріемъ, обязавшись «вѣрно служить ему и употреблять силы Готовъ на защиту римскаго государства» [2]. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и историки того времени говорятъ намъ, что римскій военачальникъ Констанцій, занимавшій въ это время мѣсто перваго сановника Имперіи въ южной Галліи, прогналъ Готовъ изъ Нарбонны и заставилъ ихъ переправиться въ Испанію, чтобы сражаться тамъ съ Вандалами и Свевами [3]. Согласно Іордану, Атаульфъ перешелъ въ Испанію по собственной волѣ. Такъ или иначе, Вестготы, несомнѣнно, покинули Галлію [4].

[1] *Prosper. Aquit.* anno 414: „Attalus Gothorum consiliis et praesidio tyrannidem resumit in Galliis“. См. *Paulin. Pell.* Eucharisticos.

[2] *Oros*. VII, 43, 3: „Militare fideliter Honorio imperatori ac pro defendenda romana republica inpendere vires Gothorum“.

[3] *Oros*. VII, 43, 1: „Constantius comes, apud Arelatem consistens, Gothos a Narbona expulit atque abire in Hispaniam coegit.“—*Idat*. anno 415: „Ataulphus a Constantio patricio pulsatus, ut relicta Narbona Hispanias peteret“.—Относительно этого Констанція, который позже захватилъ императорскую власть, см. показанія Орозія (VII, 42), выражавшаго къ нему восторженное удивленіе. Іорданъ не говоритъ опредѣленно, что Атаульфъ былъ вытѣсненъ изъ южной Галліи; по его сообщенію, которое надо признать вѣроятнымъ, онъ дѣйствовалъ самостоятельно, отправляясь въ Испанію, но согласился нести тамъ службу Имперіи. См. у него главу 31, § 163, гдѣ слова „confirmato regno“ означаютъ римское государство, которое Іорданъ часто называетъ *regnum*; фраза Іордана означаетъ, что Атаульфъ, упрочивъ положеніе Имперіи въ Галліи, хотѣлъ оказать ей ту же услугу въ Испаніи, сражаясь со Свевами.

[4] См. также у Паулина Пелльскаго разсказъ о томъ

Атаульфъ, послѣ нѣсколькихъ столкновеній съ варварами, занимавшими Испанію, погибъ отъ руки убійцы изъ числа людей его же племени. Этотъ вождь довольно сильно походилъ на его предшественника Алариха: настоящій предводитель дружины, а не племенной правитель, онъ старался всегда оставаться на службѣ Имперіи; онъ охотно мѣнялъ императоровъ, перенося свою вѣрность съ Гонорія на Іовина и Аттала, чтобы вслѣдъ затѣмъ вновь возвратить ее Гонорію; но онъ всегда домогался быть непремѣнно слугою какого-нибудь римскаго императора, которому, правда, повиновался въ возможно меньшей степени, грабилъ и позволялъ грабить своимъ воинамъ, но воевалъ охотнѣе съ другими Германцами, чѣмъ съ Имперіей.

Орозій, который могъ знать его лично и во всякомъ случаѣ видѣлъ людей, знавшихъ его, передаетъ одни интересныя слова его, въ которыхъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: «Въ юности у меня было стремленіе, говорилъ будто бы варварскій король, уничтожить самое имя Рима и на его мѣстѣ утвердить готское владычество; но опытъ научилъ меня, что Готы не сумѣли бы повиноваться законамъ, и что безъ законовъ не можетъ быть государство; тогда я задался цѣлью поднять могущество имени Рима съ силами Готовъ, и я горжусь славою называться возстановителемъ римской Имперіи» [1]. Можно сомнѣваться въ

как Готы покинули Бордо; они постарались разграбить городъ, какъ люди, которые не были увѣрены въ своемъ возвращеніи.

[1] *Oros.* VII, 43: „Se imprimis ardenter inhiasse, ut oblitterato romano nomine Romanum omne solum Gothorum imperium et faceret et vocaret essetque Gothia, quod Romania fuisset, et fieret nunc Athaulfus quod quondam Caesar Augustus. At ubi multa experientia

томъ, что эти слова были дѣйствительно произнесены буквально; однако, они довольно хорошо согласуются съ извѣстными намъ дѣяніями варварскаго вождя, во всякомъ случаѣ, они выясняютъ намъ, каково было представленіе такихъ Римлянъ, какъ Орозій, о характерѣ политики Атаульфа и Готовъ [1].

Исторія Валліи, преемника Атаульфа, изображена намъ тремя современными ему писателями, жившими въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ—Орозіемъ, Идатіемъ и Проспepомъ Аквитанскимъ, кромѣ того еще двумя писателями позднѣйшей эпохи—Іорданомъ и Исидоромъ Севильскимъ. Для нашей цѣли лучше всего точно воспроизвести, что каждый изъ нихъ говорилъ о немъ.

Согласно Орозію, Валлія пытался переправиться изъ Испаніи въ Африку, но большая часть его войска погибла въ морѣ [2], и съ тѣхъ поръ онъ только думалъ о заключеніи мира съ императоромъ Гоноріемъ, выдавъ ему въ качествѣ заложниковъ самыхъ именитыхъ изъ своихъ подданныхъ [3]; онъ обязался съ тѣхъ поръ, пренебрегая всѣми опасностями, защищать рим-

probavisset neque Gothos ullo modo parere legibus posse propter effrenatam barbariem neque reipublicae interdici leges oportere, sine quibus respublica non est respublica, elegisse saltem, ut gloriam sibi de restituendo in integrum augendoque Romano nomine Gothorum viribus quaereret habereturque apud posteros Romanae restitutionis auctor, postquam esse non potuerat immutator“.

[1] По Олимпіодору (Fragmenta, 26) Атаульфъ передъ смертью совѣтовалъ своему брату „насколько возможно, окружать себя дружбою Римлянъ“.

[2] *Oros.* VII, 43: „Cum magna Gothorum manus transire in Africam moliretur, tempestate correpta miserabile exitu perierat“.

[3] *Idem*: „Pacem optimam cum Honorio imperatore, datis lectissimis obsidibus, pepigit“.

скую Имперію и сражаться со всѣми варварами, утвердившимися въ Испаніи» [1].—Идатій перечисляетъ главныя дѣянія Валліи. Въ 415 году онъ возобновилъ договоръ съ патриціемъ Констанціемъ, который оставался представителемъ императорской власти въ Галліи и воевалъ въ Испаніи противъ Алановъ и Вандаловъ [2]. Въ 416 г. «готскій король, дѣйствуя отъ имени римской Имперіи производилъ великое избіеніе варваровъ въ Испаніи» [3]. Въ 417 г. онъ раздавилъ Вандаловъ и истребилъ Алановъ [4]. Въ 419 Констанцій вызвалъ его въ Галлію и предоставилъ ему для постоя его войска провинцію Аквитанію отъ Тулузы до Океана [5].—Въ одномъ отрывкѣ историка Филосторгія мы читаемъ просто, что Готы заключили съ Гоноріемъ мирный договоръ, возвратили ему сестру его Плацидію и получили отъ него продовольствіе и часть Галліи для поселенія [6].—Просперъ Аквитанскій сообщаетъ только о договорѣ 416 г., за-

1 *Idem*: „Romanae securitati periculum suum obtulit, ut adversum ceteras gentes, quae per Hispanias consedissent, sibi pugnare et Romanis vinceret“.

2 *Idat.* anno 415: „Wallia cum Constantio patricio pace mox facto, Alanis et Wandalis adversatur“.

3 *Idem*: „Wallia, rex Gothorum, Romani hominis causa, intra Hispanias caedes magnas efficit barbarorum“.

4 *Idem*: „Wandali Silingi per Walliam regem in Boetica omnes exstincti.—Alani adeo caesi sunt a Gothis, ut pauci, qui superfuerant Gunderici regis Wandalorum se patrocinio subiugarent“.

5 *Idem*: „Gothi, intermisso certamine quod agebunt, per Constantium ad Gallias revocati, sedes in Aquitanica a Tolosa ad Oceanum acceperunt“.

6 *Philostorg.* ex libro XII, c. 4 (Bouquet, t. I, p. 601): „Ἐκ τούτου τὸ βάρβαρον πρὸς Ὀνώριον σπένδεται, καὶ τὴν οἰκείαν ἀδελφὴν καὶ τὸν Ἄτταλον τῷ βασιλεῖ παρατίθενται, σιτήσεσί τε δεξιωθέντες καὶ μοῖράν τινα τῆς τῶν Γαλατῶν χώρας εἰς γεωργίαν ἀποκληρωσάμενοι“.

тѣмъ, опуская войны въ Испаніи, указываетъ, что въ 419 г. Валлія получилъ отъ Констанція «для жительства вторую Аквитанію» [1]. Любопытно отмѣтить, что эти лѣтописцы—современники событій—ничего не говорятъ о завоеваніи страны. Исидоръ Севильскій также изображаетъ Валлію союзникомъ Гонорія: «Едва сдѣлавшись королемъ, онъ заключилъ съ императоромъ договоръ, обязуясь поддерживать Имперію во всѣхъ ея войнахъ; будучи посланъ Констанціемъ въ Испанію, онъ далъ варварамъ нѣсколько крупныхъ сраженій, ведя войну отъ имени Рима; затѣмъ окончивъ ее, онъ вернулся въ Галлію, и императоръ даровалъ ему въ благодарность за его услуги вторую Аквитанію съ нѣсколькими сосѣдними городами» [2].—Согласно Іордану, императорское правительство сначала было обезпокоено избраніемъ Валліи въ готскіе вожди и отправило Констанція съ значительными силами, чтобы сражаться съ нимъ [3]; оба войска стояли лицомъ къ лицу у пиренейскихъ про-

1 *Prosper. Aquit.* anno 411: „Placidiam Wallia pacem expetens reddit.“—Anno 419: „Constantius patricius pacem firmat cum Wallia data ei ad inhabitandum Secunda Aquitania et quibusdam civitatibus confinium provinciarum“.

2 *Idem*, Bouquet, t. II, p. 701: „Mox ut regnare coepit, foedus cum imperatore Honorio pepigit promittens imperatori propter rempublicam omne certamen implere. Itaque ad Spanias per Constantium evocatus, Romani nominis causa caedes magnas barbaris intulit. Confecto bello, Gallias repetit, data ei ab imperatore ob meritum victoriae Secunda Aquitania“.

3 *Iordan.* De rebus geticis, c. 32: „Contra Valliam Honorius imperator Constantium, virum industria militari pollentem multisque proeliis gloriosium, cum exercitu dirigens, veritus, ne foedus dudum cum Ataulfo initum turbaret... Constantius cum copia armatorum Spanias petit“.

ходовъ; но вмѣсто того, чтобы дать битву Валлія заключилъ договоръ, по которому онъ возвращалъ Плацидію Гонорію и обязывался «поставлять вспомогательные отряды Имперіи противъ какихъ бы то ни было ея враговъ»[1]. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ ожесточенную войну съ Вандалами, и, возвративъ римской Имперіи многія освобожденныя отъ враговъ провинціи, снова вернулся въ Тулузу[2].

Всѣ эти разсказы находятся въ согласіи между собой; они рисуютъ намъ съ одной стороны Констанція, представляющимъ императорскую власть въ Галліи, съ другой—Валлію, командующимъ вестготскимъ войскомъ въ Испаніи. Валлія никогда не сражается съ Констанціемъ; онъ ведетъ войну только съ варварами, преслѣдуя ихъ во имя Имперіи. Если онъ въ 419 г. возвращается въ Галлію и утверждается въ ней, то дѣлаетъ это потому, что самъ Констанцій призываетъ его туда въ награду за услуги, оказанныя Имперіи въ Испаніи, жалуетъ ему то, что обыкновенно давалось союзникамъ Имперіи, то-есть, земли для обработки и провинцію въ управленіе.

Истиннымъ основателемъ готскаго королевства въ въ Галліи является, такимъ образомъ, не Атаульфъ, а именно Валлія, такъ какъ съ 415 по 419 годъ Вестготы находились въ Испаніи, а основаніе этого королевства ведетъ начало съ пожалованія имъ земли отъ императора.

[1] *Idem*: „Convenit pacisci, ut sua solacia (это слово на языкѣ VI вѣка сдѣлалось синонимомъ auxilia) romanae reipublicae, ubi usus exegerit, non denegaret“.

[2] *Iordan*. c. 33, § 175: „Valia adeo cum suis in Vandalos saeviebat ut...Tolosam revertitur, Romano imperio fugatis hostibus aliquantas provincias, quod promiserat, derelinquens“.

Таковы факты, доставляемые намъ документами. Намъ важно было опредѣлить, какимъ способомъ и на основаніи какого права Готы вступили и утвердились въ Галліи. Мы прослѣдили длинный путь, пройденный ими отъ устья Дуная до Гаронны. Мы не встрѣтились здѣсь съ переселеніемъ цѣлаго племени; передъ нами проходили едва узнаваемые остатки разбитаго народа. Готы, попавшіе въ Галлію, не являются даже потомками своихъ единоплеменниковъ, побѣдителей при Адріанополѣ; онѣ происходятъ отъ небольшого отряда вооруженныхъ варваровъ, находившихся на службѣ у Ѳеодосія. Этотъ отрядъ мало по малу выросъ, благодаря присоединенію къ нему другихъ воиновъ изъ разныхъ національностей и различнаго происхожденія. Въ теченіе двадцати лѣтъ они оказывались бродячимъ войскомъ, услуги котораго то отвергались, то принимались Имперіею, и которое по этой причинѣ то занималось грабежомъ, то несло вспомогательную службу. Случай или интересъ минуты передвигали ихъ изъ Ѳракіи въ Пелопоннесъ, изъ Пелопоннеса въ Иллирію, изъ Илліріи въ Римъ, изъ Рима въ Галлію, изъ Галліи въ Испанію; наконецъ, оффиціальный актъ императорской власти утвердилъ ихъ на почвѣ Галліи.

5.

Характеръ договора, заключеннаго между Вестготами и Имперіей.

Природа этого пожалованія римскаго правительства варварамъ остается для насъ къ несчастью неясною и неопредѣленною. При изслѣдованіи текстовъ,

упоминающихъ о немъ, нельзя найти въ нихъ указанія на то, чтобы Констанцій совершилъ актъ полной уступки страны Вестготамъ, отдалъ ее имъ въ собственность и организовалъ изъ нея независимое государство. Писатели говорятъ только слѣдующее: «Готы получили мѣста осѣдлости» (*sedes acceperunt*) [1]; «Готамъ дали для жительства Аквитанію» (*ad inhabitandum*) [2]; «они получили отъ Имперіи продовольствіе и земли для обработки» [3]. Ни въ одномъ изъ этихъ выраженій не подразумѣвается мысль, что императорское правительство формально отказывалось бы отъ всѣхъ правъ на свою провинцію, или что оно образовало для Валліи независимое государство. Подобныя рѣченія заставляютъ думать о римской системѣ военнаго постоя, объ установкѣ мѣстъ расквартированія, которыя императорское правительство имѣло обыкновеніе назначать вспомогательнымъ войскамъ изъ чужеземцевъ, поступавшихъ къ ней на службу.

Достовѣрно извѣстно, что Готы водворились не силою, а по нѣкоторому договору о союзѣ, *foedus* [4]. Мы не знаемъ, въ какихъ выраженіяхъ былъ составленъ этотъ договоръ; но, когда мы читаемъ писателей V вѣка, въ особенности когда они говорятъ о Вестготахъ, намъ постоянно и рѣзко бросаются въ глаза

[1] Такъ говоритъ Идатій.

[2] Таковы слова Проспера.

[3] Это выраженіе Филосторгія.

[4] У Амміана и у писателей слѣдующаго вѣка слово *foedus* не всегда означаетъ формальный договоръ между правительствами двухъ самостоятельныхъ государствъ. Чаще всего имъ обозначается родъ соглашенія, связывавшаго мелкіе отряды варваровъ съ Имперіей и дѣлавшіе изъ нихъ федератовъ, то-есть, совершенно подчиненныхъ Имперіи вооруженныхъ силъ.

упоминанія о *foedus*, то-есть, о трактатѣ, опредѣлявшемъ ихъ отношенія къ Имперіи. Нельзя надѣяться, что мы сможемъ возстановить текстъ этого договора, отъ котораго не осталось никакого оффиціальнаго и точнаго слѣда. Тѣмъ не менѣе, мы въ правѣ предполагать, что въ немъ заключалось обоюдное обязательство, связывавшее и ту, и другую сторону. Если правительство римскаго императора давало варварамъ право жительства въ одной изъ лучшихъ провинцій, если оно предоставляло рядомъ съ этимъ ихъ вождямъ, какъ можно предполагать, еще право взымать налоги съ туземнаго населенія, а также, вѣроятно, пользоваться государственными землями, то мы легко догадываемся что варварскій вождь съ своей стороны обѣщалъ императору вѣрность, почтеніе, повиновеніе, весьма вѣроятно — военную службу и, можетъ быть, также обязательство слѣдить за тѣмъ чтобы мѣстное населеніе исполняло законы Имперіи. Готскіе короли являлись поэтому нѣкоторымъ образомъ подданными Имперіи. Такое подчиненіе, вытекавшее изъ договора, свободно заключеннаго двумя сторонами, должно было походить на то, что впослѣдствіи будутъ называть вассалитетомъ. Можетъ быть, правильно будетъ сказать, что по мысли императорскаго правительства и, можетъ быть, въ глазахъ населенія, бывшаго свидѣтелемъ описанныхъ событій, готское королевство должно было признаваться вассальнымъ государствомъ по отношенію къ Имперіи.

Въ теченіе послѣдовавшихъ шестидесяти лѣтъ мы видимъ, что указываемый договоръ иногда выполнялся, иногда нарушался. Въ 422 г. Готы выставили вспомогательное войско, которое отправилось подъ начальствомъ римскаго полководца въ Испанію, чтобы

сражаться тамъ снова со Свевами[1]. Четыре года спустя они, наоборотъ, вели войну съ Имперіей и осаждали Арль; но здѣсь имъ пришлось потерпѣть пораженіе, и они были отброшены[2]. Договоръ оказался возстановленнымъ. Спустя восемь лѣтъ онъ былъ нарушенъ опять, и Готы осадили Нарбонну, хотя имъ и не удалось овладѣть ею[3].

Полководцы Имперіи нанесли имъ нѣсколько пораженій, и въ одномъ изъ нихъ пало 8,000 Готовъ[4]; они осаждали даже центръ собственнаго государства варваровъ—Тулузу[5]. Договоръ былъ опять возобновленъ въ 439 г.[6]. Въ 451 году Готы находились въ войскѣ Аэція, выступившаго противъ Аттилы[7]. Нѣ-

[1] *Idatius*, anno 422.

[2] *Prosper Aquitan.* Chronicon: „Arelas nobile oppidum Galliarum a Gothis multo vi oppugnatum est, donec imminente Aetio non impuniti discederent".

[3] *Idem*: „Gothi pacis placita perturbant et pleraque municipia sedibus vicina occupant, Narbonensi oppido maxime infesti, quod cum diu obsidione et fame laboraret, per Littorium comitem ab utroque periculo liberatum est; siquidem strenuissime hostes in fugam vertit".

[4] *Idem*, anno 437: „Bellum adversus Gothos Hunnis auxiliantibus geritur." 438: „Adversus Gothos in Gallia quaedam prospere gesta."—*Idatius*, 430: „Per Aetium comitem haud procul de Arelate quaedam Gothorum manus extinguitur". 437: „Narbona obsidione liberatur, Aetio duce". 438: „Gothorum caesa octo millia sub Aetio duce".

[5] *Idat.* 439. — *Salvian.* De gubernatione Dei, VII, p. 164 (c. 11).

[6] *Prosper. Aquit.* Chronicon: „Pax cum Gothis facta, cum eam humilius quam unquam antea poposcissent".

[7] Замѣтьте, что они дѣйствуютъ не въ качествѣ независимаго и союзнаго народа, а въ качествѣ вспомогательныхъ отрядовъ, то-есть, солдатъ, находящихся на жалованіи.—*Sidon. Apoll.* Avitus, v. 341—352.

сколько позже они «по распоряженію императорскаго правительства» послали отрядъ въ Испанію для укрощенія багаудовъ тарраконской области[1]; немного спустя, готскій король предпринялъ походъ въ Испанію противъ Свевовъ «по волѣ и приказанію императора Авита»[2].

Къ несчастью, ихъ вѣрность, благодаря неустойчивости самого императорскаго правительства, колебалась. Послѣ Гонорія правилъ узурпаторъ Іоаннъ; послѣ Валентиніана III пріобрѣтали власть цѣлый рядъ государей, между которыми не легко распознать самаго законнаго. Готы высказывали свое предпочтеніе нѣкоторымъ изъ нихъ. Они всего охотнѣе соглашались подчиняться римскому императору подъ условіемъ, что будутъ сами избирать его. Такимъ-то образомъ, они возвели въ императоры Авита[3], обѣщая служить ему и только ему[4]. Но, впрочемъ, они требовали платы за свою службу. Неизвѣстно, что уступилъ имъ Авитъ; Маіоріанъ позволилъ имъ произвести нѣсколько завоеваній въ Испаніи на счетъ Свевовъ.

[1] *Idat.* anno 454: „Per Fredericum Theuderici regis fratrem Bacaudae Tarraconenses caeduntur ex auctoritate romana".

[2] *Idem*, anno 456: „Rex Gothorum Theudoricus cum ingenti exercitu suo et cum voluntate et ordinatione Aviti imperatoris Hispanias ingreditur".

[3] *Prosper. Aquit.* anno 456.

[4] Вспомнимъ сцену, описанную Сидоніемъ Аполлинаріемъ (Panegyr. Avito, v. 500 ss.). Эти стихи были написаны зятемъ самого Авита черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ событіе совершилось.—Форма разсказа заключаетъ въ себѣ мало историческаго, но изъ подъ нея можно довольно легко различить факты и мысли людей того времени. Избраніе Авита произвели Готы, затѣмъ оно было подтверждено собраніемъ знати въ Галліи.

Наиболѣе смѣлые сановники Имперіи оспаривали другъ у друга союзъ съ Готами; въ 462 г. между Эгидіемъ, управлявшимъ сѣверною Галліею съ титуломъ *comes*, Агриппиномъ, управлявшимъ южною частью провинціи съ тѣмъ же званіемъ, происходили раздоры; Агриппинъ, желая привлечь Готовъ на свою сторону, впустилъ ихъ въ Нарбонну и предоставилъ имъ во владѣніе первую нарбонскую область до Роны [1]. Въ 468 году префектъ преторія Арвандъ, вступалъ съ ними въ переговоры, цѣль которыхъ намъ неизвѣстна, и обѣщалъ имъ еще болѣе увеличить ихъ территорію [2]. Эти люди не были настоящими измѣнниками и бунтовщиками противъ императора; они не думали, что отдаютъ свою страну въ руки иноплеменниковъ: въ готскомъ вождѣ они видѣли въ нѣкоторомъ родѣ императорскаго военачальника, съ которымъ можно затѣвать интриги, какъ и съ другими могущественными должностными лицами. Сидоній Аполлинарій, котораго, разумѣется, нельзя заподозрить въ недостаткѣ любви къ родинѣ, восхвалялъ готскаго короля Теодериха и называлъ его «поддержкой и спасеніемъ римской державы» [1]. Онъ дѣлалъ это не потому, что любилъ Готовъ, но потому, что уважалъ договоръ, въ силу котораго Нарбонна была имъ уступлена императорскимъ правительствомъ; то, что кажется намъ лестью, быть можетъ, являлось лишь выраженіемъ оффиціальныхъ отношеній между этими военными вождями и Имперіей [2].

[1] *Idat.* Chron. anno 462: „Agrippinus Gallus et comes et civis, Aegidio comiti inimicus, ut Gothorum mereretur auxilia, Narbonam tradit Theudorico“.— Согласно общепризнанному мнѣнію, это пожалованіе было совершено по повелѣнію императора Севера, или, по крайней мѣрѣ, оно было подтверждено имъ. См. *Vita S. Lupicini* (у болландистовъ, 21 марта, dom Bouquet t. I, p. 646).

[2] См. довольно длинный, но все-таки неопредѣленный разсказъ объ этомъ дѣлѣ у Сидонія Аполлинарія (Epistolae, I, 7). Арванда укоряли въ томъ, что онъ написалъ будто бы готскому королю письмо съ цѣлью отговорить его поддерживать соглашеніе съ императоромъ Анѳиміемъ, предлагая имъ „cum Burgundionibus iure gentium Gallias dividi debere“. Наиболѣе замѣчательно, что именно на пословъ провинціи Галліи мѣстными жителями было оффиціально возложено порученіе обвинить Арванда предъ римскимъ сенатомъ.

Можно легко догадаться, что это подчиненіе было скорѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, и что оно не могло долго сохраниться. Но оно прекратилось только при королѣ Эйрихѣ, который съ первыхъ же лѣтъ своего правленія произвелъ завоеванія въ Испаніи; императоръ Непотъ уступилъ ему нѣсколько областей въ Галліи, въ числѣ ихъ Овернь [3]; наконецъ, «наблюдая постоянную смѣну императоровъ и колебаніе могущества Имперіи, онъ занялъ съ тѣхъ поръ Галлію и Испанію въ качествѣ верховнаго властителя

[1] *Sid. Apoll.* Carmina, XXIII, v. 71: „Romanae columen salusque gentis“.

[2] Замѣтьте, что эти стихи Сидонія адресованы не къ Теодериху, а къ одному римскому сенатору, Консенцію. Это совершенно интимная пьеса, въ которой авторъ говоритъ то, что онъ думаетъ. Мы заключаемъ изъ нея о томъ, какъ Римляне говорили между собою о Готахъ. Сидоній въ одномъ письмѣ къ Лампридію (Epistolae, VIII, 9) повторяетъ болѣе или менѣе то же самое о королѣ Эйрихѣ.

[3] *Iordan.* De rebus geticis, c. 45: „Eurichus... Arvernam occupat civitatem... Nepos imperator praecipit Ecdicio, ut relictis Galliis ad se veniret“.—Ср. *Sid. Apoll.* Epistolae, VII, 6, 7, и въ особенности *Vita s. Epiphanii ab Ennodio* (Bollandistes, январь, t. II; Patrologia, t. LXIII, p. 221; ed. Hartel, 1882). Эта біографія является документомъ почти современнымъ той эпохѣ. См. *Tillemont*, Histoire des empereurs, VI, p. 429.

(*iure suo*) [1]. Императорская власть перестала существовать для него.

Таковы послѣдовательныя фазы, черезъ которыя прошли Вестготы по пути къ образованію своего независимаго государства. Ясно видно, что изображенный процессъ не похожъ ни на переселеніе народа, ни на насильственное завоеваніе. Лѣтописи не указываютъ, чтобы Готы одержали какую-нибудь рѣшительную побѣду надъ римскими войсками; они сообщаютъ, что провинціи были отданы имъ добровольно: Аквитанія—Гоноріемъ, Нарбонская область — Северомъ, Овернь—Непотомъ. Онѣ указываютъ на *foedus*, то-есть, договоръ, заключенный между варварами и Имперіею въ 476 году, и говорятъ объ оффиціально выдѣлившемся королевствѣ лишь съ этого времени. Быть можетъ возразятъ, что Готы достигли бы тѣхъ же результатовъ, если бы съ самаго начала завоевали страну. Но существуетъ большая разница между утвержденіемъ, совершающимся постепенно въ теченіе шестидесяти лѣтъ, и внезапнымъ нашествіемъ, которое осуществлено было бы путемъ рѣзкаго насилія.

---

[1] *Iordan.* De rebus geticis, 45: „Eurichus, crebram mutationem principum Romanorum cernens, Gallias suo iure nisus est occupare" (ed. Closs, p. 160; ed. Mommsen, p. 118).—„Tantas varietates mutationesque Eurichus cernens..."—C. 47: „Eurichus, Romani regni vacillationem cernens... totas Hispanias Galliasque sibi iam iure proprio tenens" (p. 164—165; ed. Mommsen, p. 119—121).—*Procop.* De bello gothico, I, 12: „Οὐισίγοτθοι τὴν Ῥωμαίων ἀρχὴν βιασάμενοι, Ἱσπανίαν καὶ Γαλλίας τὰς ἐκτὸς Ῥοδανοῦ κατηκόους σφίσιν ἐς φόρου ἀπαγωγὴν ποιησάμενοι ἔσχον".—*Sid. Apollin.* Epistolae, VII, 6: „Evarix, rex Gothorum, rupto dissolutoque foedere antiquo..."

6.

Наличность и составъ войска Вестготовъ.

Желательно было бы знать численность Вестготовъ въ данный моментъ, но цифръ у насъ нѣтъ. Въ первомъ войскѣ Алариха въ 394 г. не могло быть болѣе 3,000—4,000 человѣкъ, такъ какъ оно являлось лишь однимъ изъ союзныхъ отрядовъ, находившихся подъ общимъ предводительствомъ Гайнаса [1] и наполовину истребленныхъ въ сраженіи съ Евгеніемъ [2]. Правда, позже правитель Имперіи—Руфинъ разрѣшилъ Алариху присоединить къ его войскамъ многіе другіе отряды изъ всякихъ племенъ [3], и у него тогда оказалось достаточное количество людей, чтобы напасть на Грецію, гдѣ въ то время не было никакой военной силы [4]. Но и это войско все еще должно было быть очень малочисленнымъ, если правда, что оно, по утвержденію Зосима, принуждено было обратиться въ бѣгство при приближеніи Стилихона съ небольшимъ числомъ легіонеровъ, на-скоро привезенныхъ на судахъ [5]. Во время довольно продолжительнаго пребыванія въ Эпирѣ онъ могъ увеличить количество своихъ солдатъ; его силы умножились въ особенности отъ того, что при вступленіи въ Италію къ нему присоединились почти всѣ варвары-союзники, расквартированные на сѣверѣ полуострова; историкъ опредѣляетъ ихъ число въ

[1] *Zosim.* IV, 57.
[2] *Idem*, IV, 58.
[3] *Idem*, V, 5: „Σύγκλυδας ὄντας".
[4] За исключеніемъ одного гарнизона въ Θермопилахъ.
[5] *Zosim.* V, 7: „Στελίχων ναυσὶ στρατιώτας ἐμβιβάσας καὶ τῇ Πελοποννήσῳ προσχὼν εἰς Φολόην συμφυγεῖν τοὺς βαρβάρους ἠνάγκασε".

30,000 [1]. Такимъ образомъ, его войско являлось сборищемъ варваровъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ народамъ, и если его продолжали называть вестготскимъ войскомъ, то, очевидно, потому, что вождь его и, быть можетъ, самый отборный отрядъ были изъ Вестготовъ. Годъ спустя, Аларихъ соединился еще съ Атаульфомъ, который привелъ ему въ Паннонію подкрѣпленіе изъ Готовъ и Гунновъ [2].

Слѣдовательно, мы можемъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ опредѣлить количество войска Алариха въ 60,000 человѣкъ, изъ которыхъ приблизительно треть состояла изъ Готовъ.

Съ другой стороны, это войско должно было съ теченіемъ времени потерять много солдатъ. Множество ихъ погибло во время бури въ сицилійскомъ проливѣ [3]: надо вспомнить, что это несчастье отвратило Алариха отъ его похода въ Африку. Войско Валліи потерпѣло подобное же несчастье въ Гибралтарскомъ проливѣ, и множество Готовъ погибло тамъ [4]. Мы имѣемъ основаніе думать, что много людей пало въ многочисленныхъ битвахъ въ Испаніи противъ Алановъ, Свевовъ и, въ особенности, Вандаловъ [5]. Прибавимъ еще, что при этихъ длинныхъ переходахъ черезъ Грецію, Италію, Галлію и Испанію смерть должна была скосить многихъ изъ людей Алариха:

1 *Idem*, V, 35.
2 *Idem*, V, 37.
3 *Oros.* VII, 43.
4 *Idem*, VII, 43, 11. „Cum magna Gothorum manus tempestate correpta miserabili exitu perierat“.—*Iordan.* De rebus geticis, c. 33: „Vallia voluisset Vandalos in Africa persequi nisi eum casus, qui dudum Halarico in Africam tendenti contigerat, revocasset“.
5 *Idem*, VII, 43: „Nunc cottidie geri bella gentium et agi strages ex alterutro barbarorum crebris certisque nuntiis discimus“.

извѣстно, сколько больныхъ и умирающихъ оставляетъ на своемъ пути даже хорошо организованное войско. Можно спросить себя, осталось-ли у Валліи въ 419 году больше половины изъ тѣхъ 60,000 воиновъ, которые находились подъ начальствомъ Алариха въ 409 году?

Есть лишь одно основаніе допустить, что силы Валліи со времени его утвержденія въ Тулузѣ превосходили 30,000 человѣкъ: весьма вѣроятно, что много туземцевъ присоединилось къ нему. Въ такомъ предположеніи нѣтъ дѣйствительно ничего неправдоподобнаго. Писатели того времени упоминаютъ о возстаніяхъ рабовъ [1]; они прибавляютъ, что даже свободные люди присоединялись къ варварамъ [2], а такъ какъ варварскіе вожди допускали къ себѣ Галловъ въ качествѣ совѣтниковъ, то они должны были также допускать ихъ и въ войско. Здѣсь могло произойти нѣчто аналогичное норманнскимъ набѣгамъ IX и X вѣковъ, когда каждая шайка пиратовъ увеличивалась силами изъ мѣстныхъ крестьянъ, дѣлавшихся «норманнами» для грабежа. По тѣмъ же мотивамъ можно было сдѣлаться Вестготомъ. Только такимъ образомъ вестготскія войска могли поддерживать свою численность. Но если мы примемъ это предположеніе, то поневолѣ придемъ къ мысли, что въ жилахъ людей, называвшихъ себя Вестготами и представлявшихъ собою смѣсь изъ нѣсколькихъ германскихъ народовъ,

1 Рабы присоединялись къ варварамъ: *Sid. Apoll.* Epistolae, III, 9; *Zosim* V, 42.
2 *Oros.* VII, 41; *Salvian.* passim (см. *Paulin. Pell.* Eucharisticos и *Orientius*, Commonitorium, II, v. 273). Лже-императоръ Атталъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ лагерѣ Атаульфа и Валліи; мы можемъ думать, что тамъ оставались и другіе Галлы — сторонники Аттала.

было еще много италійской, галльской и испанской крови.

Единство между столькими различными элементами заключалось лишь въ повиновеніи ихъ одному вождю. Мы не находимъ здѣсь ни расовой, ни племенной общности: это было сборное войско.

ГЛАВА IX.

Какъ вступили въ Галлію Бургунды?

I.

Бургунды за предѣлами Имперіи.

Наши свѣдѣнія о Бургундахъ или Бургундіонахъ менѣе обильны и достовѣрны, чѣмъ свѣдѣнія о Вестготахъ [1].

Бургунды не были извѣстны Тациту среди народцевъ Германіи. Плиній упоминаетъ ихъ наименованіе и относитъ ихъ къ группѣ, которую онъ называетъ *Vandili*[2]. Географъ Птолемей приводитъ одно пле-

[1] Даже ихъ наименованіе твердо не установлено. Наиболѣе обычнымъ начертаніемъ его является форма *Burgundiones*; однако, не слѣдуетъ утверждать, какъ это дѣлали нѣкоторые историки, будто форма *Burgundii* совершенно неправильна; *Burgundii* мы встрѣчаемъ у Амміана Марцеллина (XVIII, 2, 15; XXVIII, 5, 9; XXX, 7, 11); у Зосима (I, 68) находимъ Βουργούνδοι; въ *lex Gombetta* (XXIV, 1; *Pertz*, Leges, t. III, p. 543; и Additamentum primum, ibid. p. 573) можно видѣть женскій родъ отъ формы *Burgondius*.

[2] *Plin*. His. Nat. IV, 28, 99: „Germanorum genera quinque: Vindili, quorum pars Burgodiones (въ другихъ спискахъ Burgondiones), Varini, Carini, Gutones“.—Нѣтъ ничего невозможнаго въ

менное имя, довольно близко подходящее къ ихъ названію [1]. Ни одинъ историкъ не упоминаетъ о нихъ ранѣе III вѣка. Вопросъ о ихъ происхожденіи и первоначальномъ мѣстожительствѣ настолько-же трудно разрѣшимъ, какъ тотъ же вопросъ о Франкахъ, Аламаннахъ и Саксахъ [2].

Историкъ не долженъ пренебрегать народными легендами и преданіями, даже когда они совершенно неправдоподобны. Амміанъ Марцеллинъ, писавшій въ IV вѣкѣ, говоритъ, будто Бургунды утверждаютъ, что «въ древнѣйшія времена они произошли отъ римской расы» [3]. На первый взглядъ—это утвержденіе кажется страннымъ; но надо припомнить, что на языкѣ того времени слова—«принадлежать къ римской расѣ» не означали—быть уроженцемъ Италіи; Бургунды хотѣли сказать, что по своему происхожденію они принадлежатъ къ народу, составлявшему часть римскаго государства. Стало быть, историкъ Орозій

томъ, что эти Burgondiones, которыхъ Плиній отмѣчаетъ подъ 50 годомъ нашей эры, представляютъ то же самое племя, которое появляется черезъ два вѣка; странно также, что это имя никогда не упоминается ни Тацитомъ, ни какимъ-либо другимъ писателемъ двухъ послѣдующихъ вѣковъ. Что касается родства Бургундовъ и Вандаловъ, родства, которое какъ бы вытекаетъ изъ указаннаго мѣста Плинія, то о немъ не говоритъ ни тотъ, ни другой авторъ, и Іордану, повидимому, о немъ ничего не было извѣстно.

[1] У Птолемея находимъ Βουγοῦντες (II, 11, 15, 18) и Βουργιῶνες (III, 5, 20). Отвѣтить на вопросъ, Бургунды-ли это, невозможно.

[2] Орозій замѣчаетъ, что въ концѣ IV вѣка ихъ имя было ново. *Oros*. VII, 32, 11: „Burgundionum quoque novorum hostium novum nomen“.

[3] *Ammian*. XXVIII, 5, 11: „Iam inde a temporibus priscis subolem se esse Romanam Burgundii sciunt“.

выражаетъ въ другой формѣ ту же мысль, что и Амміанъ; мы читаемъ у него: «Въ то время, когда Друзъ и Тиберій завоевали Германію, люди этого племени были распредѣлены по римскимъ лагерямъ; а такъ какъ поселенія на военныхъ границахъ Имперіи назывались въ народной рѣчи *burgi*, то они и заимствовали отсюда свое наименованіе Бургундовъ» [1]. То же мнѣніе относительно происхожденія интересующаго насъ народа и этимологіи его имени повторяется Исидоромъ Севильскимъ [2] и авторами житія святого Сигизмунда [3] и святого Фарона [1]. Оно снова встрѣчается у Ліутпранда [2], отчего можно заключить, по крайней мѣрѣ, что съ IV по X вѣкъ думали, будто Бургунды, являясь по крови Германцами, были подчинены Риму и составляли часть Имперіи, границы которой они были обязаны защищать.

[1] *Oros.* VII, 32, 12: „Hos quondam, subacta interiore Germania a Druso et Tiberio, adoptivis filiis Caesaris, per castra dispositos, in magnam coaluisse gentem; atque ita etiam nomen ex opere praesumpsisse, quia crebra per limitem habitacula constituta burgos vulgo vocant".

[2] *Isidor. Sevil.* Origines, IX, 2, 99 (ed. Migne, col. 338): „Burgundiones quondam, a Romanis subacta interiore Germania, per castrorum limites positi a Tiberio Caesare in magnam coaluerunt gentem atque ita nomen ex locis sumpserunt, quia crebra per limites habitacula constituta burgos vulgo vocant. Illi postea rebelles Romanis effecti..."—Ср. *Paul. Diacon.* Historia miscella, XII (ed. Migne, t. XCV, col. 930).—Надо, впрочемъ, отмѣтить, что самый древній списокъ даннаго сочиненія Павла Діакона не упоминаетъ объ этой легендѣ; пять позднѣйшихъ списковъ приводятъ ее, но послѣднія рукописи представляютъ въ данномъ случаѣ лишь копіи съ Орозія.

[3] *Vita S. Sigismundi* (Acta Sanctorum, I, p. 86 (ed. Krusch, 1889, p. 333): „Tempore Tiberii senioris Augusti egressa est gens de insula cuius vocabulum est Scanadavia, qui ex vocabulo quoque regionis Scanadavii nuncupati sunt. Cumque alia regna vel regiones cum mulieribus et prolis suis penetrassent et Renum usque pervenissent, ibi a iussione imperatoris Tiberii burgos ultra flumen Renum per multorum spacia annorum custodire coacti sunt. Unde et Burgundofarones nuncupati sunt et usque hodie Burgundiones vocantur. Qui tempore Valentiniani egressi de ipsis burgis, Gallias petierunt". См. *Alb. Jahn*, t. II, p. 504—512, 513, 518).

Достовѣрно одно, что если искать въ данныхъ отъ трехъ первыхъ вѣковъ Имперіи наименованіе Бургундовъ среди именъ множества германскихъ народцевъ, которые воевали съ Римомъ, то его найти не удастся.

Они появляются въ исторіи лишь въ 245 году, и притомъ выступаютъ безъ всякаго блеска. Они воевали съ Гепидами, которые «истребили ихъ почти до послѣдняго» [3]. Однако, тридцать лѣтъ спустя, мы видимъ Бургундовъ на Рейнѣ. Составляли-ли они организованный и цѣльный народъ или воинскую дружину,

[1] *Vita S. Faronis* (Bouquet, t. III, p. 501): „Olim a Romanis devicta est Germania... in qua fuit constitutum quoddam genus per limites castrorum a Tiberio Caesare pro officio militari... atque in magnam coaluit gentem et ex locis nomen sumpsit, quia pro limitibus crebra habitacula constituta burgos vulgo vocant. Unde sunt Burgundiones vulgo dicti. Hi praeterea rebelles Romanis effecti..."

[2] *Liutprand.* Antapodosis, III, 44 (Pertz, t. III, p. 313): „Burgundiones ideo dictos, quoniam dum Romani, orbe devicto, ex gente hac captivos ducerent multos, constituerunt eis, ut extra urbem domos sibi sustollerent, a quibus paulo post a Romanis ob superbiam sunt expulsi, et quoniam ipsi domorum congregationem, quae muro non clauditur, burgum vocant Burgundiones a Romanis, quod est a burgo expulsi, appellati sunt". Слѣдуетъ отмѣтить, что Ліутпрандъ влагаетъ эти слова въ уста врага Бургундовъ; поэтому-то онъ присовокупляетъ къ легендѣ нѣкоторыя черты, которыя мы не находимъ у предшествующихъ писателей.

[3] *Iordan.* De rebus geticis, c. 17 (ed. Closs, p. 76; ed. Mommsen, p. 83): „Gepidarum rex Fastida... Burgundiones paene usque ad internecionem delevit".

этого источники намъ не разъясняютъ. Мы знаемъ только, что императоръ Пробъ далъ имъ сраженіе, перебилъ большое ихъ множество, и что «всѣ, которые остались въ живыхъ, сдались безусловно и были перевезены на островъ Британію, чтобы служить тамъ Имперіи въ качествѣ вспомогательнаго войска» [1].

Въ концѣ III вѣка другіе Бургунды пытались произвести набѣгъ на Галлію; но они были уничтожены голодомъ и болѣзнями [2]. Затѣмъ, этотъ народъ на 80 лѣтъ какъ бы теряется изъ вида; извѣстно только, что въ этотъ промежутокъ времени они вели войну съ Готами, которые побѣдили ихъ и нанесли имъ большой уронъ [3]. Живя по сосѣдству съ Аламаннами, они часто вели съ послѣдними войны; главнымъ поводомъ такой борьбы между ними было то, что оба народа спорили изъ-за обладанія нѣсколькими солеварнями [4].

Въ 370 г. императоръ Валентиніанъ, желая начать войну съ Аламаннами, стремился привлечь къ себѣ Бургундовъ; онъ отправилъ къ ихъ королямъ письма, чтобы побудить ихъ напасть на Аламанновъ съ тыла въ то время, какъ онъ самъ со своимъ войскомъ долженъ былъ перейти Рейнъ. «Эти предложенія, говоритъ историкъ, были приняты благосклонно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что Бургундамъ было извѣстно о принадлежности ихъ въ древности къ римской расѣ, во-вторыхъ, потому, что они находились въ постоянной враждѣ съ Аламаннами» [1]. Эти слова автора очень выразительны; изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, вытекаетъ, что Бургунды предпочитали враждовать съ Аламаннами, чѣмъ съ Имперіей, и что, не питая совершенно никакой расовой ненависти къ Римлянамъ, они, наоборотъ, имѣли притязаніе на извѣстнаго рода родство съ ними.

[1] *Zosim.* I, 68.

[2] *Mamertin.* Panegyr. Maximiano dictus, II, § 5. „Cum barbarae nationes excidium Galliae minarentur, neque solum Burgundiones et Alamanni... ire passus es in profundam famem, et ex fame in pestilentiam“.

[3] *Mamertin.* III, 16, 17: „Gothi Burgundios excidunt“.

[4] *Ammian. Marcell.* XVIII, 2, 15: „Ubi terminales lapides Alamannorum et Burgundiorum confinia distinguebant“.

[5] *Idem*, XXVIII, 5, 11: „Quod salinarum finiumque causa Alamannis saepe iurgabant“.

Дѣйствительно, они выказали въ служеніи Риму больше усердія, чѣмъ то было даже желательно Валентиніану. Прежде чѣмъ послѣдній собралъ войско, они уже разсѣяли силы Аламанновъ, перешли черезъ ихъ страну и появились на Рейнѣ. Императоръ былъ испуганъ прибытіемъ подобныхъ союзниковъ, которыхъ онъ считалъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ многочисленными и алчными, и онъ отказался принять ихъ на свою территорію. Простоявъ въ теченіе нѣкотораго времени на берегу рѣки, они повернули назадъ къ своимъ прежнимъ поселеніямъ, совершенно обманутые въ своихъ надеждахъ и недовольные тѣмъ, что ихъ не приняли на службу Имперіи [2].

До тѣхъ поръ, стало быть, они не занимали береговъ Рейна, будучи отдѣлены отъ нихъ Аламаннами; но послѣдніе оказались ослабленными бургунд-

[1] *Idem*, XXVIII, 5, 10—11.

[2] Амміанъ Марцеллинъ говоритъ: „Catervas misere lectissimas, quae, antequam milites (romani) congregarentur, adusque ripas Rheni progressae, terrori nostris fuere vel maximo. Igitur paulisper morati... maesti exinde discesserunt et indignati... genitales repetunt terras“.

скимъ набѣгомъ 370 г. и пораженіемъ, нанесеннымъ имъ римскимъ войскомъ [1], а потому Бургундамъ было нетрудно занять ихъ мѣсто. Въ 373 г. они утвердились на правомъ берегу рѣки [2]. Были-ли эти Бургунды правильно устроеннымъ племенемъ или опять лишь вооруженною толпою, которую сопровождали только жены и дѣти, мы не можемъ рѣшить опредѣленно; историки говорятъ только, что 80,000 бургундскихъ воиновъ [3] утвердились на берегу рѣки. Это было опасное для Рима сосѣдство; но одинъ хроникеръ говоритъ, что они жили здѣсь вполнѣ мирно [4], и намъ извѣстно, кромѣ того, что въ теченіе тридцати лѣтъ ни разу не переходили границы и не нарушали цѣлости Имперіи.

Бургунды поименованы въ числѣ участниковъ такъ называемаго великаго вторженія 406 г. [5]. Повидимому, дѣйствительно одинъ отрядъ ихъ присоединился къ Вандаламъ, Севамъ и Аланамъ въ ихъ

[1] *Ibidem*: „Per hanc occasionem Alamannos Burgundionum metu dispersos adgressus Theodosius magister equitum, pluribus caesis, quoscumque cepit ad Italiam iussu principis misit".

[2] *Chronic. S. Hieronym.* anno 373: „Burgundionum octoginta millia, quod nunquam ante, ad Rhenum descenderunt".—*Oros.* VII, 32: „Burgundionum quoque novorum hostium novum nomen, qui plus quam octoginta milia armatorum ripae Rheni insederunt".

[3] „Octoginta millia armatorum".

[4] Рѣчь идетъ здѣсь о хроникѣ, приписываемой Фредегару (II, 46, ed. Krusch): „Ad Renum descenderunt et ibi castra posuerunt ibique nihil aliud nisi quantum praecium ementes a Germanis eorum stipendia accipiebant".

[5] *Oros.* VII, 38.—*Sanct. Hieronym.* Epistola ad Ageruchiam.—*Iordan.* De rebus geticis, c. 31.—Ни Просперъ Аквитанскій, ни Идатій, ни Зосимъ не упоминаютъ о нихъ; кажется, ихъ роль въ движеніи сравнительно съ Вандалами и Севами была довольно незначительна.

набѣгѣ, предпринятомъ для разграбленія Галліи; но они не отправились вмѣстѣ съ этими племенами въ Испанію, и никто не сообщаетъ намъ, что съ ними сталось. Намъ извѣстно только, что Константинъ уничтожилъ одни изъ скопищъ завоевателей, другихъ взялъ на службу за жалованье, а остальныхъ заставилъ уйти въ Испанію [1]. А такъ какъ Бургунды не ушли въ Испанію, то остается предположить одно изъ двухъ: или Константинъ также истребилъ ихъ, или же онъ присоединилъ ихъ къ своимъ силамъ. А такъ какъ въ 411 г. самъ Константинъ со своими союзниками былъ разбитъ полководцами Гонорія, ясно, что отъ этого вторженія Бургундовъ не осталось никакого слѣда. Бургунды, основавшіе впослѣдствіи свое особое государство, были совсѣмъ не тѣ, что участвовали во вторженіи 406 г.

Въ 412 г. мы подмѣчаемъ нѣкоторое количество Бургундовъ уже на лѣвомъ берегу Рейна. Одинъ греческій писатель, разсказывая объ узурпаціи престола Іовиномъ, говоритъ, что онъ добился провозглашенія его императоромъ въ Майнцѣ, благодаря поддержкѣ двухъ варваровъ—аламаннскаго начальника Гоара и готскаго вождя Гунтара [2]. Онъ не сообщаетъ, были ли эти два лица предводителями нашествій, врагами Имперіи или вождями ея союзниковъ, вродѣ тѣхъ Германцевъ, которые готовы были служить, какъ узурпаторамъ, такъ и законнымъ государямъ. Авторъ не говоритъ, что этотъ бургундскій вождь царствовалъ

[1] *Zosim.* VI, 2, 3.

[2] *Olympiodor.* Fragm. 17 (ed. Dindorf, p. 456; ed. Didot, p. 58): „Ἰοβῖνος ἐν Μουνδιακῷ κατὰ σπουδὴν Γωὰρ τοῦ Ἀλαμανοῦ (Ἀλανοῦ въ рукописяхъ) καὶ Γυντιαρίου, ὃς φύλαρχος ἐχρημάτιζε τῶν Βουργουντιόνων".

въ Майнцѣ. Изъ словъ его скорѣе вытекаетъ, что Майнцъ былъ еще въ рукахъ Имперіи, такъ какъ Іовинъ избралъ этотъ городъ, какъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ быть объявленъ императоромъ. Извѣстно, кромѣ того, что ни Іовинъ, ни Гунтаръ не имѣли успѣха [1]. Для Бургундовъ эта смута являлась, быть можетъ, только поводомъ произвести новые грабежи; но она не привела ни къ какому результату, который бы измѣнилъ ихъ судьбу.

2.

Расквартированіе Бургундовъ въ Галліи.

Только въ 413 г., наконецъ, Бургунды пріобрѣли часть Галліи по сосѣдству съ Рейномъ [2]. Лѣтописцы, сообщающіе объ этомъ фактѣ, не говорятъ, что племя это захватило новыя земли силою; они не указываютъ точно также, какую страну они заняли, на какихъ основаніяхъ они въ ней утвердились. Орозій въ концѣ своего сочиненія упоминаетъ, что въ тотъ моментъ, когда онъ писалъ, то-есть, въ 418 г., Бургунды находились въ Галліи; но онъ не поясняетъ, какимъ образомъ они туда вступили. Онъ изображаетъ ихъ сильнымъ и опаснымъ народомъ, который захватилъ

[1] *Oros*. VII, 42.—*Chronic. Idatii*, anno 413.—*Prosper. Aquit.* и *Prosper. Tyron.* eodem anno.—Ср. *Iordan.* De rebus geticis, c. 31, § 160: „Ataulfus Honorium augustum quasi cognatum grato animo derelinquens Gallias tendit; ubi cum advenisset, vicinae gentes perterritae in suis se finibus coeperunt continere, quae dudum crudeliter Gallias infestassent, tam Franci quam Burgondiones“.

[2] *Prosper. Aquit.* ibidem: „Burgundiones partem Galliae propinquam Rheno obtinuerunt“.—*Chronic. Cassiodor.* (anno 413): „Burgundiones partem Galliae Rheno tenuere coniunctam“.

во владѣніе Галлію и сдѣлалъ себѣ изъ нея постоянное обиталище [1]. Онъ прибавляетъ, что всѣ варвары были христіанами, католиками, что они приняли римскихъ священниковъ и повиновались имъ, что они жили тихо и обращались съ Галлами не какъ съ подданными, а какъ съ братьями [2].

Историкъ Сократъ, писавшій въ серединѣ V вѣка, говоритъ о Бургундахъ, какъ о народѣ преимущественно мирномъ. «Они ведутъ жизнь очень спокойную; почти всѣ они занимаются ремесломъ каменьщиковъ или плотниковъ и живутъ заработками, доставляемыми имъ этими ремеслами» [3]. Онъ прибавляетъ также, что они—христіане и разсказываетъ о войнахъ, которыя они вели, но не противъ Имперіи, а съ ордами Гунновъ, которые, начиная съ 430 года, стали подвигаться къ Рейну.

Въ 435 или 436 годахъ, по сообщенію четырехъ лѣтописцевъ, эти Бургунды «взбунтовались» противъ римской Имперіи; полководецъ Имперіи, Аэцій, совершенно побѣдилъ ихъ (debellavit), почти совсѣмъ

[1] *Oros.* VII, 32, 12: „Eorum esse praevalidam et perniciosam manum Galliae hodieque testes sunt, in quibus praesumpta possessione consistunt“.

[2] *Idem*, 13: „Quamvis providentia Dei christiani omnes facti catholica fide, nostrisque clericis quibus oboedirent, receptis, blande, mansuete, innocenter vivant, non quasi cum subiectis Gallis, sed vere cum fratribus christianis“.

[3] *Socrat.* Historia ecclesiastica, VII, 30: „Βίον ἀπράγμονα ζῶσιν ἀεί· τέκτονες γὰρ σχεδὸν πάντες εἰσί, καὶ ἐκ ταύτης μισθὸν λαμβάνοντεις ἀποτρέφονται“. Сократъ писалъ около 440 г. Событія, о которыхъ онъ здѣсь говоритъ, относятся къ 13-му консульству Θеодосія II, то-есть, къ 430 г.—Кассіодоръ въ своей Historia tripartita, XII, 4, повторяетъ данныя Сократа: „Quaedam gens ultra Rhenum fluvium est Burgundionum; isti vitam quietam agunt et pene omnes fabri lignorum sunt ex qua arte pascuntur“.

истребилъ (paene delevit) и даровалъ имъ миръ лишь вслѣдствіе настойчивой ихъ мольбы (pacem supplicantibus dedit) [1]. Вскорѣ послѣ этого жестокаго разгрома они испытали и другой со стороны Гунновъ; послѣдніе произвели среди нихъ кровавую рѣзню, въ которой погибла вся королевская семья Бургундовъ [2].

«Остаткамъ бургундскаго ополченія была дана Сабаудія для поселенія, на основаніи раздѣла съ мѣстными жителями».—Такъ выражается лѣтописецъ подъ 443 годомъ [3]. Этотъ текстъ далеко не свидѣтельствуетъ о завоеваніи Бургундами части римской территоріи. Изъ него можно лишь вывести, что уцѣлѣвшая послѣ двухъ кровопролитныхъ войнъ часть этого народа получила въ видѣ милости отъ римскаго правительства небольшую область. Авторъ не говоритъ, на какихъ

[1] *Idat.* anno 436: „Burgundiones, qui rebellaverant, a Romanis duce Aetio debellantur".—*Prosper. Tyron.* anno 436: „Bellum contra Burgundionum gentem memorabile exarsit, quo universa pene gens cum rege per Aetium deleta".—*Prosper. Aquitan.* anno 435: „Gundicarium Burgundionum regem intra Gallias habitantem Aetius bello obtinuit pacemque ei supplicanti dedit". — *Cassiodor.* Chronicon: „Cundicharium regem Burgundionum Aetius bello subegit pacemque ei reddidit supplicanti".—Сидоній дѣлаетъ намекъ на эту войну и еще на одно вторженіе Бургундовъ въ Бельгію, отраженное Аэціемъ (*Sidon. Apoll.* Panegyr. Avit. v. 233).

[2] *Prosper. Aquit.* ibidem: „Qua pace non diu potitus est (rex Gundicharius); siquidem illum Chuni cum populo suo ac stirpe deleverunt".—*Idat.* anno 437: „Burgundionum caesa viginti millia".—*Cassiodor.* Chronicon: „Quem mox Hunni peremerunt". — *Paul. Diac.* De episcopis Mettensibus (ed. Migne, t. XCV, p. 715; dom Bouquet, t. I, p. 649): „Eo tempore, rex Attila postquam Gundicharium Burgundionum regem sibi accurrentem protriverat..."

[3] *Prosper. Tyro,* anno 443: „Sabaudia Burgundionum reliquiis datur cum indigenis dividenda".—О *Sabaudia* или *Sapaudia* см. *Ammian.* XV, 11, 17.

условіяхъ они ее пріобрѣли. Что касается самого «раздѣла» съ туземными жителями, вопросъ о немъ и его формахъ мы попытаемся разрѣшить въ особомъ мѣстѣ.

Что же сталось съ Бургундами въ теченіе двадцати послѣдующихъ лѣтъ? Ни одинъ писатель того времени не упоминаетъ о какихъ-нибудь нападеніяхъ ихъ на Имперію, ни тѣмъ болѣе о какихъ-нибудь завоеваніяхъ, совершенныхъ имъ. Сидоній Аполлинарій, жившій тогда въ Ліонѣ и писавшій ежедневно кому-нибудь изъ друзей, совсѣмъ ничего не говоритъ о вторженіяхъ Бургундовъ. Они не отмѣчаются также ни въ сочиненіяхъ Сальвіана, ни у Евхерія, ни у Паулина Пелльскаго или Паулина Перигорскаго, ни, наконецъ, въ письмахъ римскихъ епископовъ той эпохи, которые, однако, занимаются дѣлами Галліи, ни въ хроникахъ Идатія или Кассіодора. Григорій Турскій также не указываетъ ни одного вторженія и довольствуется однимъ только упоминаніемъ о нихъ, именно поясняя, что въ 450 году Бургунды жили по ту сторону Роны, то-есть, на лѣвомъ берегу [1]. Фредегаръ также не сообщаетъ о нихъ новыхъ подробностей. Самые законы Бургундовъ не заключаютъ ни единаго слова, которое обозначало бы завоеваніе и обнаруживало бы утвержденіе ихъ на имперскихъ земляхъ, совершенное силою оружія.

Мысль о бургундскомъ завоеваніи выражена только въ двухъ текстахъ, которые относятся къ эпохѣ на полтора или два вѣка более поздней, чѣмъ самое

[1] *Greg. Tur.* Historia Francorum, II, 9, in fine: „Burgundiones habitabant trans Rhodanum".

событіе, о которомъ они сообщаютъ. Марій изъ Авентика пишетъ, «что въ 456 году Бургунды заняли часть Галліи и раздѣлили земли съ крупными галльскими владѣльцами» [1].—У одного гагіографа, автора житія св. Сигизмунда, мы читаемъ слѣдующія слова: «Во времена императора Валентиніана, Бургунды вступили въ Галлію и по обычаю варваровъ опустошили страны, подчиненныя императорской власти; выбравъ себѣ короля, по имени Гундіоха, они перебили всѣхъ жившихъ въ Галліи Римлянъ, которые не могли спастись бѣгствомъ; небольшое же число послѣднихъ, которому удалось избѣжать ихъ меча, стало жить подъ ихъ владычествомъ» [2].—Такое свидѣтельство гагіографа, бывшаго жестокимъ врагомъ аріанъ, кото-

[1] *Mar. Avent.* (edit. Arndt, 1878, p. 9): „His consulibus deiectus est Avitus imperator a Maioriano... Eo anno Burgundiones partem Galliae occupaverunt terrasque cum Gallicis senatoribus diviserunt".—Марій, епископъ города Авентика, умеръ въ 594 г. Было бы большою ошибкою думать, что изъ факта его мѣстожительства въ Бургундіи мы должны выводить предположеніе, что онъ долженъ былъ пользоваться источниками бургундскаго происхожденія. При составленіи этой части своей хроники онъ руководился исключительно данными, заключающимися въ Арльскихъ анналахъ (см. *Wattenbach*, p. 87).

[2] *Vita S. Sigismundi* (въ Acta Sanctorum, t. I, p, 88): „Tempore Valentiniani Augusti (Valentiniani III, съ 425 до 455), egressi de ipsis burgis, Gallias petierunt, et more barbarico terras vel populos imperialibus dicionibus subiugatos invaserunt; atque ex suo genere levato rege nomine Gundiocho (alias Gundiuco), Romanos Galliarum habitatores, quos ab ipsorum conspectibus fuga non celavit, gladiorum manus interfecit, paucisque relictis et suis dicionibus subiugatis, ipsi sub eorum dominatione positi sunt".—О цѣнности *Vita S. Sigismundi* см. *Binding* Geschichte des Burgundisch-Romanischen Koenigreichs, p. 278. Мы слѣдуемъ здѣсь тексту Болландистовъ, предпочитая его тексту Круша, 1889 г.

рый для наибольшаго восхваленія своего святого охотно обвиняетъ его предшественниковъ, нельзя принимать безъ оговорокъ и безъ критики. Въ немъ, безъ сомнѣнія, заключается нѣчто достовѣрное; изъ словъ его явствуетъ, что Бургунды произвели сильныя опустошенія и вызвали къ себѣ горячую ненависть, въ особенности въ католическомъ духовенствѣ; но въ документахъ V вѣка нѣтъ слѣдовъ, которые бы обнаруживали, что здѣсь произошло настоящее завоеваніе и, въ особенности, что совершено было общее истребленіе населенія.

Бургунды, конечно, не завоевали лугдунской Галліи, въ промежутокъ между 456 и 461 годами. Дѣйствительно, изъ писемъ и стихотвореній Сидонія Аполлинарія видно, что главнѣйшимъ событіемъ 457 г. для всей этой части Галліи, была попытка Марцелліана провозгласить себя императоромъ [1]. Галльская знать стала на его сторону [2]; за него высказался самъ Сидоній [3], ліонская муниципальная община стала также на его сторону. Императоръ Маіоріанъ долженъ былъ предпринять походъ въ Галлію, чтобы низложить своего соперника; въ 458 году [4] онъ перешелъ черезъ Альпы и быстрыми переходами подошелъ къ Ліону, овладѣлъ имъ и произвелъ въ городѣ

[1] *Sid. Apoll.* Epist. I, 11 (Montio): „Cum de capessendo diademate coniuratio Marcelliano coqueretur... vacante aula turbataque republica".—Объ узурпаціи Марцелліана, стараго друга Авита, говоритъ еще нѣсколько словъ Прокопій, De bello vandalico, I, 6 (см. Bouquet, I, p. 786).

[2] *Ibidem*: „Nobilium iuventuti Paeonius signiferum sese in factione praebuerat".

[3] Это вытекаетъ изъ предисловія къ Panegyr. Maioriano v. 11: „Sic mihi diverso nuper sub marte cadenti".

[4] *Sid. Apoll.* Panegyr. Maioriano dictus, v. 510.

большія разрушенія [1]. Мятежная община добилась прощенія цѣною увеличенія налоговъ. Сидоній также умолялъ императора о прощеніи и получилъ его [2], но долженъ былъ для этого произнести въ самомъ Ліонѣ панегирикъ въ честь императора-побѣдителя. Всѣ разсмотрѣнные факты показываютъ, что Ліонъ не принадлежалъ тогда Бургундамъ. Въ длинной рѣчи поэта о Бургундахъ нѣтъ даже упоминанія. Они какъ бы совсѣмъ не появляются на сценѣ. Очевидно, изъ словъ Сидонія, что онъ и ліонцы были тогда подданными не какого-нибудь варварскаго короля, а императора Маіоріана. Ліонъ платилъ налоги Имперіи.— Въ 460 году, когда Сидоній просилъ объ уменьшеніи налоговъ, онъ обращался со своей челобитной къ тому же императору Маіоріану [3]. Наконецъ, въ одномъ письмѣ, написанномъ, какъ полагаютъ, въ 461 году, тотъ-же писатель извѣщаетъ одного друга, что ліонская курія продолжала свои засѣданія, какъ и въ самыя мирныя времена, и что она, по обычаю, избрала посла, чтобы передать свои пожеланія императору [4]. Одно мѣсто этого письма заставляетъ думать, что послѣдній на пути изъ Ліона въ Арль, не долженъ былъ встрѣтить никакихъ враговъ, и что императорская почта функціонировала правильно [5]. Если бы Бургунды дѣйствительно побѣдоносно завоевали и лугдунскую Галлію, могло-ли ихъ имя не упоминаться

1 *Ibidem*, v. 573—585.
2 *Idem*, Praefatio, v. 12; Panegyr. v. 598.
3 *Sid. Apoll.* Carmina, XIII.
4 *Idem*, Epistolae, V, 20 (письмо, быть можетъ, относится ко времени нѣсколько позднѣйшему).
5 Въ 467 г. все оставалось безъ измѣненія; см. *Sidon.* Epist. I, 5.

на страницахъ, писанныхъ въ этотъ самый моментъ, и возможно-ли себѣ представить, чтобы въ приведенныхъ текстахъ не встрѣтилось хоть самаго легкаго намека, если не на ихъ жестокости, то хоть бы на ихъ присутствіе?

Около этого времени бургундскіе короли находились въ Испаніи. Дѣйствительно, Іорданъ сообщаетъ, что у вестготскаго короля Теодериха, бывшаго тогда въ дружбѣ съ Имперіею и сражавшагося со Свевами, въ войскѣ находились два бургундскихъ короля, Гундіохъ и Хильперихъ, въ «качествѣ союзниковъ и вѣрныхъ людей» [1]. Никто не подумаетъ, что дѣло идетъ здѣсь о переходѣ въ Испанію цѣлаго бургундскаго племени; можно предполагать тутъ лишь присутствіе двухъ военныхъ дружинъ, поступившихъ къ вестготскому королю на службу за жалованіе, чтобы помогать ему вести войну съ другими Германцами.

3.

Бургундскіе короли—полководцы Имперіи.

Однако, важно было бы знать, какимъ образомъ эти Бургунды, отъ которыхъ въ 443 году сохранялись лишь «остатки», спустя двадцать пять лѣтъ оказались въ силахъ образовать государство, которое пріобрѣло извѣстное могущество. Мы разберемъ един-

1 *Iordan.* De rebus geticis, 44 (ed. Closs, p. 156; § 231, ed. Mommsen): „Theodoricus arma movit in Suevos, Burgundionum reges Gundiuchum (въ рукописяхъ—Gnudiuchum) et Hilpericum auxiliarios habens et sibi devotos. Ventum est ad certamen iuxta flumen Urbicum, qui inter Asturicam Hiberiamque pretermeat".—Этотъ походъ совершился въ 456 году (*Idati* Chron. dom Bouquet, t. I p. 620).

ственныя свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть для разъясненія этого пункта въ источникахъ.

Изъ одного письма папы Иларія отъ 463 г. намъ извѣстно, что въ это время Гундіохъ, возвратясь изъ Испаніи, находился въ Галліи. Его мѣстопребываніемъ была вьенская провинція. Онъ былъ облеченъ званіемъ—*magister militum* [1]. Вѣроятно, ему принадлежала и гражданская власть; можно видѣть, что онъ занимался и религіозными дѣлами галльскаго населенія; онъ, напримѣръ, взялъ на себя довести до свѣдѣнія римскаго епископа о неправильностяхъ, сопровождавшихъ епископскіе выборы въ городѣ Діи. Прибавимъ, что папа называетъ его «своимъ сыномъ», а это обстоятельство совершенно не согласуется съ тѣмъ, что объ этомъ самомъ Гундіохѣ говорилъ впослѣдствіи авторъ житія св. Сигизмунда.

Около того же времени о Хильперихѣ упоминается въ одномъ письмѣ С и д о н і я А п о л л и н а р і я. Этотъ бургундскій вождь величается здѣсь совершенно римскимъ званіемъ—magister militum [2]. Галльскій писатель говоритъ о немъ съ почтеніемъ и отзывается, какъ о человѣкѣ, облеченномъ законною властью въ вьенской и лугдунской провинціяхъ. Онъ не говоритъ, чтобы Хильперихъ игралъ тамъ роль завоевателя или тиранна [2].

[1] *Epistola Hilari papae ad Leontium episcopum Arelatensem* (въ „Patrologia“, t. LVIII, col. 27): „Quantum enim filii nostri, viri illustris, magistri militum Gunduici sermone est indicatum, praedictus episcopus, invitis Deensibus, occupans civitatem episcopum consecrare praesumpsit“.

[2] *Sid. Apoll.* Epist. V, 6: „Magistro militum Chilperico, victoriosissimo viro“. См. также V, 7, гдѣ авторъ отзывается съ похвалой о женѣ Хильпериха, сравнивая ее съ женою Германика.

[2] Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ С и д о н і я, ка-

Я не думаю, чтобы изслѣдователи обратили достаточное вниманіе на оба эти письма — папы Иларія и Сидонія Аполлинарія. Въ нихъ заключаются первыя свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ относительно бургундскаго государства и той королевской династіи, которая начинается съ Гундіоха и кончается Сигизмундомъ. Дѣйствительно, было бы ошибкою представлять себѣ, что эти Бургунды, поселившіеся въ вьенской провинціи и лугдунскомъ краю были тѣмъ же народомъ, который сначала въ 375 году появился на Рейнѣ, въ 406 году завоевалъ Галлію, въ 443 году занялъ Сабаудію, а затѣмъ распространилъ свои владѣнія и по долинѣ Роны. Не было замѣчено, что документы, упоминающіе объ этихъ различныхъ, хронологически слѣдовавшихъ одно за дргуимъ событіяхъ, далеки отъ того, чтобы устанавливать между ними преемственную связь. При ближайшемъ разсмотрѣніи можно ясно увидѣть, что въ перечисленныхъ событіяхъ дѣйствовали не одни и тѣ же люди, и они отнюдь не являются послѣдовательными этапами движенія и развитія могущества одного и того-же народа. Въ самомъ дѣлѣ, между утвержденіемъ Бургундовъ на Рейнѣ и потомъ въ Сабаудіи происходятъ два жестокія пораженія ихъ и истребленіе всего ихъ королевскаго рода. Затѣмъ, между утвержденіемъ въ Сабаудіи и занятіемъ вьенской провинціи совершается походъ въ Испанію. Гундіохъ и Хильперихъ являются въ Галлію не изъ Сабаудіи, а изъ Испаніи. Не они

сается заговора, происшедшаго въ городѣ Вэзонѣ въ пользу одного узурпатора императорскаго престола. Хильперихъ разыскиваетъ вождей заговора, какъ это сдѣлало бы каждое римское должностное лицо, которое старалось поддерживать права законнаго государя.

были тѣми королями, которые согласно Марію Аваншскому, заняли въ 456 году часть Галліи, потому что въ томъ же самомъ году они дѣйствовали въ качествѣ начальниковъ вспомогательныхъ войскъ при вестготскомъ королѣ, союзникѣ Имперіи. Ихъ подданные имѣютъ не болѣе прямое отношеніе къ Бургундамъ Сабаудіи или Бургундамъ береговъ Рейна, чѣмъ сами они къ древней королевской фамиліи, исчезнувшей около 437 г. Занятіе вьенской и лугдунской провинцій не представляло собою, какъ это говорили нѣкоторые ученые, территоріальнаго расширенія народа, расположившагося предварительно въ Сабаудіи, а потомъ размножившагося и усилившагося. Ошибка историковъ, положившихъ начало такому воззрѣнію, состояла именно въ установленіи связи между фактами, совершенно независимыми другъ отъ друга.

Говоря о древнихъ Германцахъ, слѣдовало бы пріучить себя точно различать въ ихъ общественномъ строѣ между племенемъ и дружиною.

Когда рѣчь идетъ о нихъ въ источникахъ, одно и то же племенное наименованіе не всегда обозначаетъ одну и ту-же группу населенія. Одни Бургунды произвели нашествіе въ 406 г.; другіе въ 443 г. пріобрѣли Сабаудію. Въ 451 г. одинъ бургундскій отрядъ выступилъ противъ Аттилы подъ начальствомъ одного полководца Имперіи. Наконецъ, другой отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Гундіоха и Хильпериха, послѣ побѣды надъ Свевами въ Испаніи, утвердился на юго-востокѣ Галліи.

Бургундская королевская династія, извѣстная исторіи, начинается съ этого Гундіоха. При немъ же начинается занятіе Бургундами вьенской и лугдунской провинцій. Когда произошло послѣднее — не извѣстно, но во всякомъ случаѣ послѣ 456 г. Какъ и въ какой формѣ осуществилось это поселеніе, — также никому не извѣстно. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ, которые бы доказывали, что Гундіохъ, возвратясь изъ Испаніи, прошелъ, какъ врагъ, черезъ всю южную Галлію и вступилъ въ Вьенну и Ліонъ завоевателемъ; надо даже признать, что въ теченіе царствованія Маіоріана, такое завоеваніе было бы дѣломъ, совершенно невозможнымъ. Но, быть можетъ, этотъ самый Гундіохъ, возвращаясь изъ Испаніи, куда онъ водилъ за собою не цѣлый народъ, а лишь военную дружину, пришелъ вмѣстѣ съ послѣднею въ Галлію и поступилъ на службу въ Маіоріану. Возможно предположить это потому, что намъ извѣстно присутствіе Бургундовъ въ войскѣ Маіоріана [1]. То обстоятельство, что тѣ же вожди были облечены римскими титулами *vir illuster* и *magister militum* — ясно свидѣтельствуетъ о происшедшемъ соглашеніи между ними и императоромъ. Безъ сомнѣнія, такую догадку нельзя считать вполнѣ достовѣрною; но она лучше согласуется съ документами, чѣмъ гипотеза о завоеніи юго-восточной Галліи Бургундами.

Въ одномъ стихотвореніи, время составленія котораго не можетъ быть точно установлено [2], Сидоній Аполлинарій пишетъ одному другу, что онъ видитъ Бургундовъ вокругъ себя. Если прочитать вещь всю, въ ней не найдешь ни одного слова, которое указывало бы, что Бургунды были завоевателями страны или ея господами, что они угнетали кого бы то ни было. Они, повидимому, образовали военные

[1] *Sid. Apoll.* Panegyricus Maioriano dictus, v. 476.

[2] *Idem*, Carmina, XII.

гарнизоны и взяли на себя охрану порядка [1]. Варвары, какъ кажется, выражали Сидонію полное почтеніе; они даже утомляли его своими усердными привѣтствіями, равно какъ и своею плохою музыкою.

Одинъ случай, разсказанный позже Григоріемъ Турскимъ, наводитъ на мысль, что около 472 г. Бургунды произвели нашествіе на Овернь; но при ближайшемъ разсмотрѣніи текста становится очевиднымъ, что дѣло идетъ здѣсь не о бургундскомъ народѣ или его короляхъ, а лишь о группѣ или отрядѣ Бургундовъ («*quidam de Burgundionibus*»); эта вооруженная толпа разграбила одну деревню, но вслѣдъ затѣмъ сама была разбита на голову нѣкимъ благочестивымъ христіаниномъ, по имени Гиллидіемъ [2].

Поселенные Бургунды, несомнѣнно, причиняли туземнымъ жителямъ много безпокойства и непріятностей. Около 474 г. Сидоній, тогда занимавшій постъ овернькаго епископа, жаловался, что его епархія по несчастію расположена между Вестготами и Бургундами. Оба народа часто воевали между собою, и галльское населеніе, отдѣлявшее ихъ другъ отъ

[1] Таково, повидимому, значеніе слова „patronos“ въ стихѣ 11.

[2] *Greg. Tur.* Miracula S. Iuliani, 7 (ed. Krusch, p. 567): „Venientes quidam de Burgundionibus ad Brivatinsim vicum, eum cum armorum multitudine copiosa circumdant, captoque populo, viros gladio interficere, reliquum vulgus sorte dividere parant. Tunc Hillidius quidam a Vellavo veniens et, ut aiunt, commonitione columbae incitatus, super eos inruit, hortatusque socios ita hostes ad internicionem caecidit, ut captivis laxatis, triumphans in laude martyris, ad beatam cellulam cum omni populo canendo revertitur“. — Лѣтописецъ легко могъ преувеличить число вторгшихся Бургундовъ, чтобы ярче оттѣнить чудо побѣды.

друга, оказывалось, обыкновенно, первою жертвою ихъ столкновеній [1].

Нужно только сказать, что они не вели открытой борьбы съ Имперіей. Исторія говоритъ о нихъ, какъ о союзникахъ Римлянъ [2]. Ихъ вожди домогались римскихъ званій и получали ихъ. Гундіохъ носилъ титулъ «vir illuster» и занималъ должность «magister militum». Хильперихъ пріобрѣлъ ту же должность. Когда люди галльскаго происхожденія, какъ Гиларій и Сидоній, говорятъ о нихъ, они обозначаютъ ихъ не королевскимъ титуломъ, а званіемъ magister militum, какъ бы видя въ нихъ скорѣе людей, находящихся на военной службѣ Имперіи, чѣмъ варварскихъ государей. Кажется, они являлись одновременно и тѣмъ, и другимъ. Сынъ Гундіоха, Гундобальдъ провелъ въ Италіи нѣсколько лѣтъ своей юности, и, оказывается, занималъ тамъ должности, настолько важныя, что онѣ позволяли ему вмѣшиваться въ дѣла Имперіи. Онъ именно возвелъ въ 473 г. на императорскій тронъ Гликерія [3]; въ предшествовавшемъ году императоръ

[1] *Sid. Apoll.* Epistolae, III, 4 (Felici): „Oppidum nostrum quasi quamdam sui limitis oppositi obicem circumfusarum nobis gentium arma terrificant. Sic aemulorum sibi in medio positi populorum lacrimabilis praeda, suspecti Burgundionibus, proximi Gothis, nec impugnati ira nec propugnantum caremus invidia“. Ср. предисловіе Моммзена, стр. LII.

[2] Іорданъ, De rebus geticis, c. 45. говоритъ, что одинъ под-бретонскій отрядъ, находившійся на службѣ у Имперіи, бѣ-вергнувшійся нападенію Вестготовъ и побѣжденный ими, жалъ „ad Burgundionum gentem Romanis eo tempore foederatum“ (около 470 года).

[3] *Cassiodor.* Chronicon: „Gundibado hortante, Glycerius Ravennae sumpsit imperium“. — *Iohannis Antiocheni*, fragmenta (coll. Didot, t. IV, p. 618): „Γουνδουβάλης ἀνέψιος ὢν Ῥικίμερος Γλυκέριον ἐπὶ τὴν βασιλείαν ἄγει“.

Олибрій даровалъ ему самый высокій въ имперской іерархіи титулъ «патриція»[1]. Все это не мѣшало ему оставаться бургундскимъ королемъ и, быть можетъ, помогало въ управленіи галльскимъ населеніемъ.

Впослѣдствіи сынъ Гундебальда, Сигизмундъ, выражалъ свою вѣрность и подчиненіе Имперіи. Въ письмѣ къ императору Анастасію, написанномъ рукою его главнаго совѣтника Авита, онъ говоритъ слѣдующее: «Мои предки всегда были преданы Имперіи; они ничего не считали для себя болѣе почетнымъ, чѣмъ титулы и званія, жаловавшіеся имъ вашимъ величествомъ; всѣ мои предки домогались достоинствъ, полученныхъ отъ отцовъ»[2].—Бургундскій король при вступленіи во власть считалъ своею обязанностью совершить актъ признанія своего подданства римскому императору; онъ отправлялъ ко двору послѣдняго особаго уполномоченнаго съ собственноручнымъ письмомъ, какъ бы испрашивая разрѣшенія царствовать. Въ одномъ изъ такихъ посланій мы читаемъ слѣдующія слова: «Послѣ смерти моего отца, который былъ вамъ очень преданъ, и который являлся однимъ изъ высокихъ вельможъ вашего двора, я послалъ къ вамъ одного изъ моихъ совѣтниковъ, какъ то было моимъ долгомъ, чтобы поставить подъ ваше покровительство первые шаги моей службы»[1].— Нельзя отрицать, что фразеологія здѣсь нѣсколько неопредѣленна, но она вытекаетъ, очевидно, изъ неопредѣленности, характеризовавшей самое положеніе бургундскихъ королей въ тѣ времена. Король Сигизмундъ такъ кончалъ приведенное обращеніе: «Мой народъ принадлежитъ вамъ; управляя имъ, я въ то же время подчиняюсь вамъ, и мнѣ пріятнѣе подчиняться вамъ, чѣмъ править имъ. Среди своихъ единоплеменниковъ я являюсь королемъ, но я—только вашъ воинъ. Черезъ меня вы управляете странами, наиболѣе удаленными отъ вашей резиденціи. Я ожидаю приказаній, которыя вы соблаговолите дать мнѣ»[2]. Правда, государь, съ которымъ

[1] *Anonymus Cuspiniani*, anno 472, dom Bouquet, t. III, p. 683 (см. Wattenbach, p. 49): „Gundobadus factus est patricius ab Olybrio imperatore". — Этотъ фактъ оспаривается учеными, и дѣйствительно трудно допустить, чтобы мелкій варварскій вождь, къ тому же такой молодой, могъ достигнуть такого высокаго сана. Несомнѣнно, что Гундобальдъ получилъ какое-то почетное званіе, такъ какъ его сынъ Сигизмундъ говорилъ впослѣдствіи, что всѣ его предки добивались римскихъ достоинствъ и получали ихъ. См. *Avitus*, Epistolae, 83 (ed. Peiper, 93).

[2] *Avit.* Epistolae, 83 (ed. Peiper, 93): „Traxit illud a proavis generis mei apud vos decessoresque vestro semper animo romana devotio, ut illa nobis magis claritas putaretur quam Vestra per militiae titulos porrigeret Celsitudo. Cunctis auctoribus meis semper ambitum (habitum?) est, quod a principibus sumerent magis quam quod a patribus attulissent". Эти письма Авита написаны по приказу и отъ имени бургундскаго короля; они являются какъ бы бумагами, вышедшими изъ канцеляріи послѣдняго. Отсюда — ихъ важность какъ оффиціальныхъ документовъ, хотя само собою разумѣется, что дѣйствительность и практика могли значительно отличаться отъ легальнаго порядка и теоріи.

[1] *Avitus*, Epistolae, 84 (ed. Peiper, 94): „Post obitum fidelissimi vobis patris mei, proceris vestri, ad commendanda meae militiae rudimenta" (на языкѣ того времени *militia* означаетъ имперскую службу вообще, какъ гражданскую, такъ и военную) sicut debebam, unum de consiliariis meis (misi)".

[2] *Avitus*, Epistolae, 83 (ed. Peiper, 94): „Vester quidem est populus meus; plus me servire vobis delectat quam illi praeesse. Cum gentem nostram videamur regere, non aliud nos quam milites vestros credimus ordinari Per nos administratis remotarum spatia regionum. Ambio si quid sit quod iubere dignemini". — Въ другомъ письмѣ (69, ed. Peiper 78) Сигизмундъ благодаритъ императора за дарованіе ему трехъ вещей: *militiae fasces*, то-есть, высшаго начальство-

онъ говорилъ въ такомъ тонѣ, находился очень далеко; надо вспомнить, что во всей римской Имперіи былъ тогда только одинъ императоръ, жившій въ Константинополѣ. Указанныя выраженія покорности, направленныя къ лицу, отдѣленному отъ страны такимъ большимъ разстояніемъ, не должны были на дѣлѣ стѣснять слишкомъ сильно независимость варварскихъ королей. Они оставались какъ бы слѣдомъ прежняго, очевидно, существовавшаго подчиненія и свидѣтельствовали объ уваженіи къ Имперіи, которое они продолжали питать.

Нами собраны всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о Бургундахъ. Мы наблюдаемъ ихъ утвержденіе на берегу Рейна въ 373 г., безрезультатное вторженіе 406 года, подавленный «бунтъ» 436 г., почти полное уничтоженіе большой массы Бургундовъ въ 437 году; затѣмъ мы обнаруживаемъ отрядъ Бургундовъ въ римскомъ войскѣ Аэція; знаемъ о другомъ бургундскомъ отрядѣ, дѣйствовавшемъ въ Испаніи, наконецъ, о вождяхъ, которые будучи облечены одновременно варварскимъ титуломъ королей и римскимъ—magister militum, управляютъ вьенской и лугдунской провинціями. Среди перечисленныхъ фактовъ источники не сообщаютъ ни о какой другой войнѣ Бургундовъ съ

ванія надъ войскомъ, *aulae contubernium*, то-есть, придворнаго званія и титула, подобнаго „comes“ или „patricius“; наконецъ, *venerandam romani nominis participationem*, священной принадлежности къ римскому имени.—Мы охотно допускаемъ, что Сигизмунду было бы нѣсколько тяжело писать подобныя вещи своею собственною рукою, хотя онъ получилъ совершенно римское воспитаніе; онъ заставлялъ писать это своего высшаго совѣтника, котораго и выбралъ себѣ изъ числа Римлянъ, чтобы тотъ умѣлъ это дѣлать. Всѣ приведенные факты не должны оставляться безъ вниманія историками, изслѣдователями эпохи.

Имперіей, кромѣ «бунта» 436 года; они не указываютъ ни одной ихъ побѣды надъ императорскимъ войскомъ. Правда, одинъ агіографъ приписываетъ имъ завоеваніе Галліи и истребленіе туземнаго ея населенія, но это извѣстіе несовмѣстимо съ тѣмъ, что мы знаемъ объ исторіи Бургундовъ; оно не совпадаетъ съ постоянно высказывавшимся бургундскими королями желаніемъ считаться слугами Имперіи.

ГЛАВА X.

Какъ вступили въ Галлію Франки?

1.

Франки до Хлодовеха.

Теперь мы должны изучить исторію вступленія въ Галлію Франковъ совершенно такъ же, какъ изучили выше вступленіе въ нее другихъ германскихъ племенъ. Разсматривая этотъ вопросъ, мы будемъ стараться выяснить, могло ли поселеніе ихъ привести къ коренному измѣненію соціальнаго и политическаго строя страны и къ зарожденію феодальныхъ порядковъ.

Прежде всего можно констатировать, что имя Франковъ не встрѣчается ни у Тацита, ни у Плинія, ни у Птолемея, ни у Діона Кассія, ни у одного другого писателя двухъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Въ источникахъ не обнаруживается никакихъ признаковъ существованія древне-германскаго народа, который бы носилъ наименованіе Франковъ.

Въ первый разъ имя это появляется въ 242 г.; по носительницею его является лишь военная дружина,

пытавшаяся тогда совершить вторженіе въ Галлію [1]. Въ послѣдующія времена это имя начинаетъ повторяться часто, но оно, какъ кажется, и тогда не представляло этническаго или племенного обозначенія, а прилагалось къ нѣсколькимъ различнымъ народамъ, изъ которыхъ каждый сохранялъ рядомъ свое спеціальное племенное названіе. Такимъ образомъ, среди Франковъ встрѣчались Бруктеры, Хамавы, Ампсиваріи, Хатты [2], Саліи [3], Сикамбры, быть можетъ, также Хавки и Херуски [4]. Все это — имена древняго происхожденія, тогда какъ слово «Франки» оказывается новымъ образованіемъ: первые служатъ обозначеніемъ древнихъ германскихъ народовъ, или, по крайней мѣрѣ, того, что оставалось отъ нихъ въ IV вѣкѣ.

Почему же эти народы, все еще сохраняя свои племенныя наименованія, называются также Франками? Современные историки обыкновенно объясняютъ это тѣмъ, что они образовали между собою союзъ, и что слово «Франки» составляло общее обозначеніе такой федераціи. Это—чистая гипотеза: ни одинъ документъ не подтверждаетъ, чтобы перечисленные народы дѣйствительно заключили между собою постоянный союзъ. Мы совершенно не замѣчаемъ у нихъ общаго собранія или совѣта и вообще не знаемъ о

[1] *Vopisc.* Aurelian. 7.

[2] *Sulpic. Alexander* (у Григорія Турскаго), II, 9: „Gnarus omnes Franciae recessus penetrandos urendosque, Bricteros, ripae proximos, pagum etiam, quem Chamavi incolunt depopulatus est, nullo occursante, nisi quod pauci ex Ampsivariis et Chatthis...“

[3] *Ammian. Marcell.* XVII, 8. — *Zosim III*, 6.

[4] Это именно, какъ кажется, выводится изъ *tabula Peutingeriana*; но мы высказываемъ такое предположеніе не безъ оговорокъ.

какомъ-нибудь соглашеніи между ними. Если они нападаютъ на враговъ, то почти никогда не дѣлаютъ этого сообща; если они сами подвергаются нападенію,—то защищаются каждый самостоятельно [1].

Такимъ образомъ, терминъ «Франки» не представляетъ собою ни наименованія древняго народа, ни названія союза племенъ. Это былъ только эпитетъ, означавшій, можетъ быть, понятіе «бродяги» (*warg*, *wrang*), либо понятіе «храбраго» (*frak*, *ferox*), и его присвоили себѣ нѣсколько народовъ, въ особенности же воинственныя дружины, выходившія изъ этихъ народовъ.

Хотя это имя въ послѣдующей исторіи и пріобрѣло знаменитость, не надо тѣмъ не менѣе предполагать, чтобы оно съ самаго же начала обозначало нѣчто крупное и сильное. Эти Бруктеры, Хамавы и Хатты не представляли собою въ изучаемую эпоху даже прежнихъ могущественныхъ народовъ. Уже во времена Тацита Бруктеры были совершенно уничтожены [2], Ампсиваріи перебиты, а оставшіеся въ живыхъ обращены въ рабство [3]. Хавкамъ не принадлежали болѣе обширныя пространства, которыя были «переполнены» [4] ими во времена Тацита. Херуски, понесшіе столько пораженій, сошли съ исторической сцены уже два вѣка тому назадъ. Всѣ указанныя имена прилагались, такимъ образомъ, въ III-мъ и IV вѣкахъ лишь къ жалкимъ остат-

[1] См., напримѣръ, у Амміана Марцеллина — XVII, 18 и XX, 10.

[2] *Tacit.* Germania, 33: „Bructeri penitus excisi“.

[3] *Idem*, Annales, XIII, 56: „Ampsivariorum... quod iuventutis erat caeduntur, imbellis aetas in praedam divisa est“.

[4] *Idem*, Germaniae, 35: „Immensum terrarum spatium non tenent tantum, sed et implent“.

камъ древнихъ племенъ. О ихъ слабости можно судить по той легкости, съ которою Юліанъ, а затѣмъ Арбогастъ раздавили ихъ въ собственной странѣ и покорили почти безъ борьбы [1].

Среди Франковъ существовала еще одна группа, которую обыкновенно называли «Саліями» [2]. Это выраженіе историка заставляетъ предполагать, что слово *Salii* не было древнимъ племеннымъ именемъ; быть можетъ, это былъ также эпитетъ или еще географическій терминъ. Эти Саліи, утвердившіеся въ Токсандріи, повидимому, были народомъ весьма слабымъ, если судить по тому малому сопротивленію, которое они оказали Юліану [3].

Къ Франкамъ, обыкновенно, причисляютъ еще племя Сикамбровъ; наименованіе это—древнее, но надо замѣтить, что они со временъ императора Августа находились въ подчиненіи отъ Имперіи. Тацитъ выразительно говоритъ, что они вычеркнуты изъ списка народовъ; позже на нихъ ссылались, какъ на самый разительный примѣръ исчезнувшаго народа [4]. Часть его, избѣгшая истребленія, была переведена въ Галлію и обращена въ положеніе дедитиціевъ [5]. Сикамбры настолько окончательно потеряли свою племенную самостоятельность, что Тацитъ, перечисляя

1 *Ammian. Marcell.* XX, 10, 2. — *Sulpic. Alexander*, ap. *Greg. Tur.* Historia Francorum, II, 9.

2 *Idem*, XVII, 8, 3: „Petit Francos, eos videlicet, quos consuetudo *Salios* appellavit".

3 *Ibidem.*

4 *Tacit.* Annales, XII, 39: „Ut quondam Sugambri excisi et in Gallias traiecti forent, ita Silurum nomen penitus extinguendum".

5 *Ibid.* II, 26: „Sugambros in deditionem acceptos". — *Sueton.* Augustus 21: „Sigambros dedentes se traduxit in Galliam".

народы Германіи, ни разу не упоминаетъ о нихъ. Ихъ уже не существовало тогда въ Германіи; остатки ихъ жили въ Галліи въ полной неизвѣстности. Они не были независимымъ народомъ, а являлись подданными Рима, и если они еще упоминаются въ источникахъ, то только въ числѣ вспомогательныхъ отрядовъ римскаго войска [1]. Историческая традиція не говоритъ о нихъ почти ничего въ теченіе четырехъ вѣковъ. Никто не называетъ ихъ, ни какъ враговъ, ни какъ союзниковъ Имперіи. Ихъ имя снова появляется въ V вѣкѣ, но уже у поэтовъ—Клавдіана [2], Сидонія Аполлинарія [3], Фортуната [4], наконецъ, въ житіяхъ св. Ремигія и св. Сигизмунда [5]. Одно изъ двухъ: или это имя являлось лишь украшеніемъ поэтическаго языка, потому что оно казалось звучнымъ, и потому что съ нимъ связывались воспоминанія о древней славѣ, вслѣдствіе этого оно и прилагалось къ Хлодовеху; или же послѣдній дѣйствительно былъ Сикамбромъ по происхожденію, — и въ такомъ случаѣ велъ свой родъ отъ тѣхъ жалкихъ

1 *Tacit.* Annales, IV, 47.

2 *Claudian.* De laude Stiliconis, I, v. 222; De consulatu Honorii, v. 446; De bello getico, v. 419.

3 *Sid. Apoll.* Carmina, XIII; VII. v. 42; 114; XXIII, v. 245. Epistolae, IV, 1.

4 *Fortunat.* Carmina, VI, v. 4. Ср. *Greg. Tur.* II, 31. См также *Lydus*, De magistratibus, III, 36.

5 *Acta Sanctorum*, май, t. I, p. 88. *Flodoard.* I, 20. — Терминъ „Сикамбръ" употребляется въ качествѣ синонима со словомъ „Франкъ" также въ *Vita S. Arnulfi* и въ *Vita Sanctae Salabergae.* Съ VI вѣка слово „Сикамбръ" входитъ все больше въ употребленіе, и *Gesta regum Francorum* (c. I) придумываетъ даже какой-то древній городъ, будто бы называвшійся *Sicambria.*

остатковъ, которые уцѣлѣли отъ истребленія, произведеннаго Тиберіемъ, и сдѣлались подданными Имперіи, подданными, соблюдавшими покорность въ теченіе четырехъ вѣковъ.

Прежде чѣмъ овладѣть Галліею, Франки довольно часто выступали въ роли простыхъ грабителей. Въ 242 году вооруженная толпа ихъ совершила набѣгъ на провинцію, но для ея отраженія оказались достаточными силы, находившіяся подъ начальствомъ одного трибуна легіона[1]. Другому отряду Франковъ удалось въ 263 г. пройти черезъ Галлію и Испанію, но что съ ними сталось — неизвѣстно[2]. Еще группы Франковъ, предававшіяся опустошеніямъ, потерпѣли пораженіе отъ императора Проба въ 277 г.[3], отъ Констанція въ 293[4]. Въ 342 и 344 гг. имъ были нанесены новые удары[5]. Прибывъ въ Галлію, Юліанъ нашелъ тамъ толпы Франковъ, которыя занимались грабежомъ. Не ограничиваясь отраженіемъ ихъ изъ Галліи, Юліанъ задумалъ совершить наступательный походъ въ самыя страны, гдѣ жили эти народы. Сначала онъ обратился противъ Саліевъ; маленькій народецъ не оказалъ сопротивленія; они умоляли его о

[1] *Vopisc.* Aurelianus, 7: „Idem apud Mogontiacum tribunus legionis Sextae Gallicanae Francos inruentes sic adflixit, ut trecontos ex his captos, septingentis interemptis, sub corona vendiderit".

[2] *Aurel. Victor.* De Caesaribus, 33.

[3] *Zosim.* I, 68.

[4] *Panegyricus in Maximianum et Constantinum.* VI, § 4 (y dom Bouquet, I, 714); „Multa Francorum milia, qui Bataviam aliasque cis Rhenum terras invaserunt, interfecit, cepit, abduxit".

[5] *Cassiodor.* Chronicon: „Franci a Constante perdomiti in pacem suscepti sunt". — *St. Hieronym.* chronicon, anno 341: „Vario eventu adversum Francos a Constante pugnatur". — Anno 342: „Franci a Constante perdomiti et pax cum eis facta".

пощадѣ и сдались ему безусловно со своими семьями и со всѣмъ своимъ имуществомъ[1]. Хамавы боролись нѣсколько лучше; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, многіе захвачены въ плѣнъ; остальные «смиренно просили мира»[2]. Спустя два года Аттуаріи, жившіе на правомъ берегу Рейна, въ свою очередь подверглись

[1] *Ammian. Marcell.* XVII, 8, 3 — 4: „Petit Salios.. precantes potius quam resistentes, dedentes se cum opibus liberisque suscepit". Ср. *Iulian.* Epistola ad Athenienses. — Можно согласиться съ тѣмъ, что въ разсказахъ современниковъ, благопріятно относившихся къ Юліану, чувствуется нѣкоторое преувеличеніе; но до странности смѣло предполагать, что эти разсказы могутъ быть совершенною противоположностью истинѣ. Надежнѣе всего опираться на документы въ томъ видѣ, какъ они есть. Мнѣ хорошо извѣстна обычная ссылка на римское тщеславіе, благодаря которому ихъ историки сообщали будто бы лишь о вещахъ, свидѣтельствующихъ въ ихъ пользу. Многіе указываютъ еще на раболѣпіе писателей временъ Имперіи, которые будто бы разсказывали только то, что было лестно для ихъ государей. Но человѣкъ, читавшій подлинные тексты, не можетъ принять во вниманіе такихъ аргументовъ, тасъ какъ ему хорошо извѣстно, что писатели Имперіи на самомъ дѣлѣ не стѣснялись говорить объ императорахъ дурное, и что, начиная съ Тацита, они часто предпочитали даже восхвалять варваровъ. Недостатокъ писателей изучаемой эпохи заключается не въ раболѣпствѣ и не въ патріотическомъ тщеславіи, а въ стилистическихъ преувеличеніяхъ; но они вносятъ это преувеличеніе столько же въ свои порицанія, сколько и въ похвалы, и украшаютъ свою рѣчь въ пользу какъ варваровъ, такъ и Римлянъ.

[2] *Ammian Marcell.* XVII, 8, 5: „Chamavos adortus partim cecidit, partim acriter repugnantes vivosque captos conpegit in vincula; alios praecipiti fuga trepidantes... legatis postea missis, humi prostratis sub obtutibus eius pacem tribuit". — *Eunap.* fragm, 12 (ed. Didot, t. IV p. 17—19): „Βαρβάρων πάντα ποιεῖν ὄντων ἑτοίμων „προσεκύνησαν ἅπαντες καὶ ἀνευφήμουν θεόν τινα ἡγούμενοι". Такое суевѣрное почтеніе варваровъ къ личности императора — фактъ многозначительный.

нападенію римскаго войска. Они были легко побѣждены и приняли предложенныя имъ условія мира [1]. Правда, подчиненіе франкскихъ народовъ никогда не мѣшало образованію дружинъ, вновь производившихъ набѣги. Въ 388 году Франки еще разъ наводнили римскую провинцію Германіи, угрожали Кельну; хотя они были побѣждены римскими полководцами въ «угольномъ лѣсу», все же имъ удалось возвратиться къ себѣ на родину [2].

Въ то время, какъ одни изъ Франковъ пытались грабить Галлію, другіе поступали на службу Имперіи. Постумъ, въ теченіе нѣкотораго времени занимавшій императорскій престолъ, составилъ свое войско большею частью изъ франкскихъ вспомогательныхъ отрядовъ [3]. Во времена Юліана Саліи, прогнанные Квадами изъ ихъ небольшой территоріи, нашли пріютъ на римской землѣ съ личнаго разрѣшенія императора. Явившись къ Юліану въ видѣ просителей, они отдались въ подданство Имперіи со всѣмъ тѣмъ, что что имъ принадлежало [4]. Юліанъ принялъ ихъ на службу

[1] *Idem*, XX, 10, 2: „Rheno transmisso, regionem Francorum pervasit, quos Athuar[illegible] vocant... quos superavit negotio levi, captisque plurimis et oc[illegible]rantibus aliis qui superfuere pacem ex arbitrio dedit".

[2] *Sulpic. Alexander* (у Григорія Турскаго): „Franci in Germaniam prorumpere, ac pluribus mortalium limite inrupto caesis, fertiles maxime pagos depopulati, Agrippinensi etiam Coloniae metum incusserunt. Nanninus et Quintinus militares magistri collecto exercitu apud Agrippinam convenerunt; sed onusti praeda hostes Rhenum transierunt... multis Francorum apud Carbonariam ferro peremptis".

[3] *Trebell. Poll.* Gallieni, 7.

[4] *Zosim.* III, 6: „Σάλιοι... ἱκέται τοῦ Καίσαρος ἅπαντες καθιστάμενοι καὶ ἐθελοντὶ τὰ καθ' ἑαυτοὺς ἐνδιδόντες". Разсказъ Зосим

Имперіи и образовалъ изъ нихъ отряды, продолжавшіе служить Имперіи еще пятьдесятъ лѣтъ спустя [1]. Это продолжительное существованіе отрядовъ варварскихъ войскъ не будетъ удивлять насъ, если мы вспомнимъ, что съ ними переселялись на римскую почву ихъ жены и дѣти. Когда въ 407 году вторглись въ Галлію Свевы и Вандалы, граница, на которой не стояло совсѣмъ римскихъ регулярныхъ войскъ, защищалась лишь франкскими вспомогательными отрядами [2].

Франки вступали въ Имперію еще, какъ колоны и земледѣльцы. Мы не должны понимать буквально все то, что говоритъ ораторъ Евменій, но надо думать, что должна заключаться доля истины въ его словахъ, сказанныхъ въ публичной рѣчи, произнесенной въ Галліи. Онъ указываетъ тамъ, что землевладѣльцы нервійской и трирской общинъ, не имѣя достаточно рабочихъ рукъ для воздѣлыванія своихъ земель, получили для этой цѣли Франковъ по волѣ Максиміана [3]. Въ другомъ мѣстѣ авторъ даетъ своимъ

отличается отъ разсказа Аммiана, но каждая изъ нихъ, можетъ быть, относится къ различнымъ, слѣдовавшимъ другъ за другомъ событіямъ.

[1] *Idem*, III, 8: „Ὁ Καῖσαρ Σαλίους... τάγμασιν ἐγκατέλεξεν, ἃ καὶ νῦν ἐφ' ἡμῖν ἔτι δοκεῖ περισώζεσθαι". Вмѣстѣ съ Саліями, какъ и со всѣми воинами той эпохи, находились ихъ жены и дѣти

[2] *Oros.* VII, 40.

[3] *Eumen.* Panegyricus Constantio dictus, 21: „Tuo nutu, Maximiane Auguste, Nerviorum et Trevirorum arva iacentia... Francus excoluit".—*Arva iacentia* не означаетъ, какъ объясняли нѣкоторые историки, земли пустынныя, оставленныя ихъ владѣльцами; это было обычное выраженіе для наименованія полей подъ паромъ, или земель, на которыхъ число рабовъ-земледѣльцевъ было слишкомъ мало. Ср. слова—„agri iacent" у Петронія (c. 44, in

описаніемъ довольно точное представленіе объ этихъ Франкахъ, подданныхъ Имперіи, которые являлись одновременно и земледѣльцами, и воинами: «Посмотри на этого Хамава: онъ пашетъ для меня; изъ грабителя онъ сдѣлался землевладѣльцемъ; онъ пригоняетъ своихъ овецъ на наши рынки, и мы видимъ, какъ, благодаря сборамъ съ его полей, падаютъ цѣны на хлѣбъ. Затѣмъ, когда его призываютъ къ военному набору, онъ охотно приходитъ отбывать службу; онъ покорно выполняетъ всевозможныя повинности: если же онъ заслужилъ наказанія, его плечи смиренно принимаютъ удары; хотя онъ и называется воиномъ, но это настоящій слуга, и онъ счастливъ такимъ положеніемъ» [1].

Подъ подобными прикрашенными и, безъ сомнѣнія, преувеличенными риторикою выраженіями мы узнаемъ однако совершенно точно юридическое положеніе лэтовъ, то-есть, варварскихъ поселенцевъ, оказывавшихся наполовину колонами, наполовину воинами и находившихся всегда въ суровомъ подчиненіи. Изъ *Notitia dignitatum* дѣйствительно убѣждаемся, что въ

fine). Когда, ссылаясь на фразу Евменія, говорятъ, что обители территорій нервійскаго и трирскаго муниципіевъ покинули свои опустѣвшія земли, то впадаютъ въ грубую ошибку.

[1] *Eumen.* Panegyricus (V) Constantio dictus, 9: „Arat ergo nunc mihi Chamavus, et ille praedator exercitio squalidus operatur, et frequentat nundinas meas pecore venali, et cultor barbarus taxat annonam; quin etiam si ad dilectum vocetur, accurrit, obsequiis teritur, et tergo cohercetur et servire se militiae nomine gratulatur".— *Idem*, Panegyricus (VII) Constantino dictus, 6: „Quid loquar intimas Franciae nationes a propriis sui sedibus avulsas, ut in desertis Galliae regionibus collocatae, et pacem Romani imperii cultu iuvarent et arma dilectu".

первые годы V вѣка въ Галліи и именно въ Реннѣ находился гарнизонъ Франковъ-лэтовъ.

Въ Галліи были расквартированы отряды Саліевъ, Бруктеровъ, Ампсиваріевъ; одинъ конный отрядъ Франковъ и такой же Хамавовъ служили въ Египтѣ; одна когорта Франковъ стояла въ видѣ гарнизона въ Месопотаміи. Быть можетъ, во главѣ каждаго изъ этихъ отрядовъ находился вождь, принадлежавшій къ одному съ ними племени; но они были подчинены высшимъ имперскимъ начальникамъ, провинціальнымъ *duces* или *magistri militum*. Такимъ образомъ, франкскіе отряды въ Галліи подчинялись пограничнымъ военачальникамъ, *duces* или *comites* и, въ концѣ концовъ, высшему военному сановнику — *magister militum*, которому принадлежало высшее руководство военными силами въ странѣ [1].

Отдѣльные Франки своею вѣрностью Риму и служебнымъ рвеніемъ могли сами достигать такихъ высокихъ должностей. Такъ, напримѣръ, извѣстенъ одинъ изъ нихъ, именовавшій себя Бонитомъ, который усердно служилъ императору Константину во время его борьбы противъ Лицинія [2]; сынъ его принялъ совсѣмъ латинское имя Сальвіана, дѣйствительно сдѣлался *magister peditum*, пытался даже захватить императорскую власть [3]. Другой Франкъ, сохранившій свое германское имя Малариха, былъ сначала начальникомъ иноземныхъ военныхъ силъ въ Галліи, затѣмъ все повышался и, наконецъ, пріобрѣлъ должность *magister militum* въ той же провинціи [4]. Нѣ-

[1] *Notitia dignitatum* (ed. Seeck).

[2] *Ammian. Marcell.* XV, 5, 33.

[3] *Idem*, XV, 5, 2—31.

[4] *Idem*, XXX, 8, 11 Этого Малариха авторъ называетъ ро-

сколько позднѣе, въ 377 году, Малобаудъ являлся франксимъ королемъ и одновременно носилъ римское званіе *comes domesticorum*[1], то-есть, былъ начальникомъ гвардіи тѣлохранителей императора, что давало ему въ римской іерархіи титулъ—*vir illuster*. Многіе Франки служили въ самомъ дворцѣ (*palatium*) императора[2]. Одинъ, по имени Баудо, «большой другъ Римлянъ», командовалъ одною изъ армій императора Граціана[3]. При Валентиніанѣ II почти всѣ высшія военныя должности въ Галліи находились въ рукахъ людей франкскаго происхожденія[4]. Арбогастъ, управлявшій нѣкоторое время Имперіей съ титуломъ *magister militum*, былъ Франкомъ[5]. Его можно упрекнуть въ томъ, что онъ поднялъ гражданскую смуту, съ цѣлью возвести новаго императора, но не въ томъ, что онъ измѣнилъ Имперіи, ни особенно въ томъ, что онъ оказывалъ помощь своимъ единоплеменникамъ, являвшимся въ Галлію для грабежа: никто не прилагалъ большаго, чѣмъ онъ, усердія къ тому, чтобы задерживать набѣги Германцевъ и въ частности Франковъ въ предѣлы Имперіи[6].

pularis Silvani" (XV, 5, 11), что указываетъ на франкское происхожденіе его. Мы не говоримъ здѣсь о Харіетто, который былъ, безъ сомнѣнія, варваромъ, потому что нельзя доказать спеціально франкское его происхожденіе; послѣдній достигъ должности *comes* обѣихъ Германій (*Ammian*. XXVII, 1, 2).

[1] *Idem*, XXXI, 10, 6. Онъ началъ карьеру съ должности военнаго трибуна (*Idem*, XIV, 11, 21).

[2] *Idem*, XV, 5, 11: „Adhibitis Francis, quorum ea tempestate in palatio multitudo florebat".

[3] *Zosim*. IV, 33: „Βαύδων, Φράγκος γένος καὶ εὔνους σφόδρα Ῥωμαίοις".

[4] *Sulpicius Alexander*, ap. Greg. Tur. II, 9.

[5] *Zosim*. IV, 33.

[6] *Sulpicius Alexander*, ap. Greg. Tur. II. 9: „Arbogastes Sunnonem et Marcomerem subregulos Francorum gentilibus odiis insectans... Gnarus omnes Franciae recessus penetrandos urendosque..."

Необходимо указать здѣсь географическое положеніе Франковъ наканунѣ великихъ нашествій, то-есть, опредѣлить занимавшуюся ими тогда территорію:—1) на правомъ берегу Рейна располагалось нѣсколько независимыхъ народцевъ, обозначавшихся часто этимъ общимъ наименованіемъ. То были—Бруктеры, Хамавы, Ампсиваріи, Хатты[1], Хаттуаріи[2]. Все это были племенныя группы, чрезвычайно слабыя[3], изъ которыхъ, однако, выходили иногда шайки грабителей; 2) на лѣвомъ берегу Рейна и около Шельды жили франкскіе народцы, уже признававшіе свою зависимость отъ Имперіи: можно указать среди нихъ—древнихъ Сикамбровъ, часть Хамавовъ[4] и подчиненныхъ Юліаномъ Саліевъ; кромѣ нихъ на почвѣ Имперіи сидѣло въ различныхъ мѣстностяхъ множество колоновъ франкскаго происхожденія мало-по-малу поселившихся на помѣстьяхъ Римлянъ въ теченіе предшествующаго вѣка: 3) наконецъ, во всѣхъ частяхъ Галліи и во всѣхъ провинціяхъ Имперіи расквартированы были отряды Франковъ, составлявшіе часть императорскихъ войскъ. Теперь намъ и пред-

[1] *Idem*, ibidem.

[2] *Ammian*. *Marcell*, XX. 10, 2.

[3] Ихъ слабость ясно видна изъ разсказа Сульпиція Александра о походѣ Квинтина, который былъ остановленъ въ своемъ движеніи по странѣ, занятой этими племенами, лишь болотистою природою ея: Арбогастъ также не встрѣтилъ съ ихъ стороны замѣтнаго сопротивленія.

[4] Хамавы, на которыхъ напалъ Юліанъ, и которыхъ онъ покорилъ, жили на лѣвомъ берегу (*Ammian*. XVII, 8, 9, 10); но и на правомъ находился одинъ pagus, населенный Хамавами (*Sulpic*. *Alexander*, ibidem).

ставляется задача узнать, какова была судьба всѣхъ поименованныхъ трехъ категорій Франковъ, опредѣлить, что сдѣлала каждая изъ нихъ въ V вѣкѣ, и какая изъ нихъ трехъ основала новую монархію?

1. — Намъ очень мало извѣстно о франкскихъ народцахъ праваго берега Рейна. Сначала мы видимъ, что они живутъ въ полной покорности Риму во время управленія Стилихона, который цѣлый рядъ лѣтъ былъ фактическимъ носителемъ верховной власти въ Имперіи[1]. Нѣсколько позже мы замѣчаемъ, что тѣ же народцы доставляютъ своими выходцами вспомогательныя войска узурпатору Константину, а еще нѣсколько времени спустя узурпатору Іовину[2]. Извѣстно также, что одна франкская вооруженная толпа разграбила городъ Триръ[3]. Но ни одинъ документъ не упоминаетъ въ эту эпоху имени Бруктеровъ, Ампсирваріевъ, Хаттуаріевъ, Хаттовъ, Хамавовъ. Ни одинъ писатель не сообщаетъ намъ, чтобы эти народцы пришли въ Галлію въ видѣ громадныхъ полчищъ завоевателей. Наоборотъ, повидимому, они сами и ихъ имена исчезли къ этому времени. Мы обнаруживаемъ только одинъ новый фактъ, что въ 427 г. Франки «заняли часть Галліи около Рейна», но тотчасъ же

[1] *Claudian.* De quarto consulatu Honorii, v. 440:
Rhenum pacare iubes...
...Totum properare per amnem
Attonitos humili reges cervice videres.
Ante ducem nostrum flavam sparsere Sigambri
Caesariem pavidoque orantes murmure Franci
Procubuere solo.
Ср. *De laudibus Stiliconis*, I, v. 237 ss.

[2] *Renatus Frigeridus*, ap. Greg. Tur. II. 9.

[3] *Ibidem.*

убѣждаемся, что римскій полководецъ Аэцій разбилъ ихъ и «снова вступилъ во владѣніе этою территоріей»[1]. Правда, надобно отмѣтить слѣдующее: лѣтописцы не говорятъ, что, побѣдивъ Франковъ, онъ прогналъ ихъ на другой берегъ; слѣдовательно, можно думать, что, присоединяя снова эту территорію къ Имперіи, Аэцій разрѣшилъ Франкамъ оставаться на ней въ качествѣ подданныхъ[2]. Предполагали, что рипуарскіе Франки пришли оттуда, и въ такомъ предположеніи не заключается ничего неправдоподобнаго. Во всякомъ случаѣ, мы не встрѣчаемъ въ разсмотрѣнныхъ событіяхъ никакого признака завоеванія Галліи Франками.

2. Мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ отряды Саліевъ или Франковъ, находившихся на службѣ у Имперіи и расквартированныхъ во всѣхъ провинціяхъ до Азіи включительно. Исторія не говоритъ о нихъ. Ни откуда не видно, чтобы они измѣняли Риму; они исчезли или растворились въ другихъ вооруженныхъ силахъ Имперіи совершенно незамѣтно.

3. Остается разсмотрѣть судьбу тѣхъ Франковъ, которые, распадаясь на нѣсколько мелкихъ народцевъ, занимали пространство между Шельдой и Рейномъ; они признавали себя подданными Имперіи, и если у

[1] *Prosper. Aquitan.* anno 426: „Pars Galliarum propinqua Rheno quam Franci possidendam occupaverant, Aetii comitis armis recepta“. — *Cassiodor.* Chronicon: „Aetius, multis Francis caesis quam occupaverant propinquam Rheno partem Galliarum recepit“.— *Idatius*, anne 432: „Superatis per Aetium in certamine Francis et in pace susceptis“.

[2] Это именно означаетъ выраженіе Идатія—„in pace susceptis“. Слово „suscepti“ на языкѣ V вѣка всегда служитъ терминомъ для понятія кліентелы, патронатнаго подчиненія.

нихъ существовали собственные племенные короли, то послѣдніе правили, кажется, всегда съ согласія императоровъ; повидимому, Стилихонъ, бывшій въ началѣ пятаго вѣка представителемъ римскаго могущества передъ варварами, самъ даже назначалъ королей этихъ мелкихъ франкскихъ народцевъ [1]. Но изъ сказаннаго не вытекаетъ, чтобы всѣ эти вожди оставались всегда безусловно покорны Имперіи. Одинъ изъ нихъ, называемый у Сидонія Аполлинарія — Клойо, видя, что римскія войска были выведены [2] изъ области Атребатовъ, вторгся въ нее; впрочемъ, скоро явился Аэцій и прогналъ его съ захваченной территоріи [3]. Тотъ же самый вождь завладѣлъ позднѣе областью Камбрэ и занялъ страну до Соммы [4]; но нельзя съ увѣренностью сказать, что онъ удержалъ ее въ своихъ рукахъ. Можно утверждать съ полною опредѣленностью во всей этой темной исторіи только одинъ единственный фактъ — подчиненіе Франковъ Имперіи. «Аэцій, говоритъ Іорданъ, до такой степени смирилъ франкскихъ варваровъ, что заставилъ ихъ служить римской Имперіи» [5]. Такъ свидѣтель-

[1] *Claudian.* De laudibus Stiliconis, I, 237: „Provincia missos expellet potius fasces quam Francia reges quos dederis“.—*Libanius,* Orationes, III, p. 137 (Bouquet, I. p. 732): „Ἐδέξαντο παρ' ἡμῶν ἄρχοντας ὥσπερ ἐπόπτας τῶν δρωμένων“.

[1] *Sidon Apoll.* Panegyr. Maiorian. v. 212: „Francus qua Cloio patentes Atrebatum terras pervaserat“. — Французскіе историки обыкновенно называютъ его Клодіономъ.

[2] *Ibidem,* v. 221: „Hos ergo, ut perhibent, stravit... Hostis terga dedit“.

[3] *Greg. Tur.* II, 9 in fine.

[5] *Iordan.* De rebus geticis, c. 34 (ed. Closs, p. 126, ed. Mommsen, p. 104): „Aetius patricius tunc praeerat militibus, romanae reipublicae singulariter natus qui Francorum barbariem immensis caedibus servire romano imperio coegisset“.

ствуетъ не одинъ Іорданъ; мы находимъ подтвержденіе его показанія въ Салическомъ законѣ. Въ прологѣ къ этому своду вспоминается «о томъ времени, когда суровое иго Римлянъ тяготѣло надъ головами Франковъ» [1].

Писатель, современный изучаемымъ событіямъ, Прискъ, разсказываетъ, что послѣ смерти одного франкскаго короля, два его сына оспаривали другъ у друга королевскую власть: старшій отправился къ Атиллѣ, чтобы заручиться его поддержкой, второй предпочелъ обратиться къ римскому императору и предпринялъ самъ путешествіе въ Римъ. «Я видѣлъ его,—говоритъ Прискъ,—въ этомъ городѣ; онъ былъ еще очень юнъ, и въ глаза бросались его длинные бѣлокурые волосы, ниспадавшіе до плечъ» [2]. Аэцій принялъ его благосклонно, даже усыновилъ его; молодой вождь получилъ многочисленные подарки отъ Аэція и отъ императора и сдѣлался другомъ и союзникомъ Имперіи. Таковъ любопытный эпизодъ, бросающій нѣкоторый свѣтъ на положеніе Франковъ и ихъ королей въ срединѣ V вѣка.

Исторія франкскаго короля Хильдериха еще интереснѣе. Ее слѣдуетъ разсказать не изъ пустого при-

[1] *Lex Salica* (ed. Pardessus, p. 345; ed. Behrend, p. 125): „Romanorum jugum durissimum de suis cervicibus excusserunt“.

[2] *Priscus,* Fragmenta 16 (ed. Didot, t. IV, p. 98—99): „Ἡ τοῦ Φράγκων βασιλέως τελευτὴ καὶ ἡ τῆς ἀρχῆς τῶν ἐκείνου παίδων διαφορά, τοῦ πρεσβυτέρου μὲν Ἀττήλαν, τοῦ δὲ νεωτέρου Ἀέτιον ἐπὶ συμμαχίᾳ ἐπάγεσθαι ἐγνωκότος· ὃν κατὰ τὴν Ῥώμην εἴδομεν πρεσβευόμενον, μήπω ἰούλου ἀρχομένου, ξανθὸν τὴν κόμην τοῖς αὐτοῦ περικεχυμένην διὰ μέγεθος ὤμοις. Θετὸν δὲ αὐτὸν ὁ Ἀέτιος ποιησάμενος παῖδα καὶ πλεῖστα δῶρα δοὺς ἅμα τῷ βασιλεύοντι ἐπὶ φιλίᾳ καὶ ὁμαιχμίᾳ ἀπέπεμψε“.—Прискъ не говоритъ, въ которомъ году онъ встрѣтился съ этимъ франкскимъ вождемъ; думали, что рѣчь идетъ тутъ о Меровигѣ; это возможно, но не удостовѣрено.

страстія вдаваться въ частности, потому что именно внимательное наблюденіе мелкихъ подробностей даетъ возможность понять настоящій характеръ самыхъ крупныхъ событій.

Григорій Турскій[1] изображаетъ Хильдериха королемъ одной группы Франковъ, наименованія которой писатель не приводитъ; но это былъ тотъ же народецъ, вождемъ котораго сдѣлался впослѣдствіи Хлодовехъ, и главное мѣстопребываніе котораго было, кажется, въ области Турнэ[2]. Черезъ нѣкоторое время «Франки низложили его»[3] и единогласно избрали королемъ Римлянина Эгидія, носившаго званіе magister militum Имперіи. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Хильдерихъ, нашедшій пріютъ «въ Тюрингіи» вернулся и «былъ возстановленъ Франками въ королевскомъ достоинствѣ»[4]. — Прежде всего въ

[1] *Greg. Tur.* Histor. Francorum, II, 9, in fine; II, 12.

[2] Лѣтописецъ говоритъ—„super gentem Francorum". Но не слѣдуетъ думать, что Хильдерихъ былъ королемъ всѣхъ Франковъ. Было бы неточно переводить *gentem Francorum* словами—„франкскій народъ". Слово *gens* на языкѣ IV, V и VI вѣковъ почти никогда не понималось въ смыслѣ „народъ"; оно прилагалось къ очень незначительнымъ группамъ людей, къ простымъ дружинамъ, каково бы ни было ихъ настроеніе и образъ дѣйствій, то-есть, грабили-ли они Имперію, или служили ей.

[3] *Greg. Tur.* II, 12: „De regno eum eiciunt". По словамъ хроникера, подданные Хильдериха упрекали его въ томъ, что онъ „filias eorum stuprose detrahere". Любовныя исторіи, въ которыхъ играютъ роль женщины, часто прикрывали собою тогда политическія основанія, непонятныя народной массѣ.

[4] *Ibidem*: „Franci, hunc eiectum, Egidium sibi, quem superius magistrum militum a republica missum diximus, unanimiter regem adsciscunt... Qui, cum octavo anno (быть можетъ, вмѣсто числа восемь" слѣдуетъ читать „четыре") super eos regnaret... Childericus, Francis rogantibus, in regno suo est restitutus".

этомъ разсказѣ поражаетъ то, что Франки признали королемъ Римлянина, чиновника Имперіи. Это обстоятельсто покажется менѣе удивительнымъ, если мы вспомнимъ, что утвердившіяся въ предѣлахъ Имперіи и подчиненныя ей франкскія группы всегда признавали надъ собою власть высокихъ римскихъ должностныхъ лицъ, представлявшихъ императора въ провинціи, и считали ихъ выше своихъ племенныхъ вождей. Черезъ посредство своихъ королей они подчинялись Стилихону, Аэцію, Эгидію. Когда ихъ король Хильдерихъ удалился, они естественно подчинялись прямо римскому военачальнику (magister militum), носившему въ странѣ высшую власть. Единственно неправдоподобнымъ представляется здѣсь фактъ принятія Эгидіемъ королевскаго титула у Франковъ: неправдоподобно это потому, что его римскій титулъ являлся безконечно болѣе высокимъ, чѣмъ титулъ маленькаго короля маленькой группы варваровъ. Но франкское преданіе о провозглашеніи его королемъ свидѣтедьствовало только о покорности, которую ему выражали члены племени. Въ дѣйствительности дѣло происходило, нужно думать, слѣдующимъ образомъ. Когда Хильдерихъ былъ устраненъ по волѣ Франковъ, или по требованію самого Эгидія, послѣдній не пожелалъ назначать Франкамъ новаго племенного вождя, оставилъ, такъ сказать, королевскій престолъ свободнымъ и потребовалъ, чтобы Франки повиновались непосредственно ему.

Фредегаръ прибавляетъ къ разскзу Григорія Турскаго нѣсколько лишнихъ чертъ[1]. Эгидій, у ко-

[1] Историки обыкновенно обозначаютъ именемъ Фредегара автора „Historia Francorum epitomata", сочиненіе, которое не всегда является сокращеніемъ Григорія Турскаго, и которое

тораго было много другихъ дѣлъ, помимо заботы объ управленіи маленькимъ франкскимъ государствомъ, поставилъ тамъ какъ бы «вице-короля» (*subregulus*), правившаго у Франковъ вмѣсто него [1]. Послѣдній взималъ съ Франковъ налоги, которые передавались въ императорскую казну черезъ посредство Эгидія. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ увеличилъ эти налоги, доведя до трехъ золотыхъ монетъ (солидовъ) съ каждой семьи, и что Франки покорились этому нововведенію [2]. Авторъ прибавляетъ, что Эгидій осудилъ на смерть человѣкъ сто изъ этихъ Франковъ: это заставляетъ насъ предполагать, что ему принадлежала высшая юрисдикція надъ Франками, то-есть, право распоряжаться ихъ жизнью и смертью въ случаѣ преступленія [3]. Разсмотрѣнные факты, сообщенные намъ лишь лѣтописцами, жившими два вѣка спустя, не могутъ быть приняты съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ достовѣрности; но съ другой стороны было бы также

составлено на основаніи другого источника. Нужно, впрочемъ, сказать, что у автора этой хроники совершенно отсутствуетъ всякое критическое чутье или пониманіе. См. текстъ Фредегара у *dom Bouquet*, t. II, p. 396, или вслѣдъ за сочиненіями Григорія Турскаго, въ изданіи *Guadet*, t. II, p. 292. Ср. еще изданія — *G. Monod* и *Krusch* въ „Monumenta Germaniae historica“ (1889).

[1] *Fredegar*. (ed. Krusch, III, 11, p. 95): „Franci Aegidium unanimiter regem adsciscunt; Wiomadus subregulus ab Aegidio Francis instituitur“.—Въ рукописяхъ имя читается—Eiegius или Egegius.

[2] *Ibidem*: „Francos singulis aureis tributavit; adquiescentes impleverunt. Dicens iterum ad Aegidium Wiomadus, iube ut ternos solidos tributeutur. Quod cum factum fuisset, adquiescentes Franci“.

[3] *Ibidem*: „Wiomadus iterum ad Aegidium dicens: rebelles existunt tibi Franci; nisi praeceperis ex eis plurimos iugulari, eorum superbiam non mitigas. Electos a Wiomado centum... Aegidius interficere iussit“.

неоправдываемою ничѣмъ смѣлостью считать ихъ безусловно ложными. Очень удобно было бы, можетъ быть, сказать, какъ сдѣлалъ Юнгганс ъ, что всѣ эти разсказы представляютъ чистый вымыселъ; именно такимъ образомъ, ученые, поддерживающіе предвзятыя теоріи, освобождаются отъ фактовъ, противорѣчащихъ послѣднимъ. Несомнѣнно, что въ приведенныхъ разсказахъ присутствуютъ элементы легендарные [1]; но необходимо обратить вниманіе, что легенда, въ которой Франки разсматриваются, какъ подданные и трибутаріи Имперіи, не могла возникнуть въ народѣ послѣ крупныхъ побѣдъ Хлодовеха. Если мы и встрѣчаемся здѣсь съ преданіемъ, то оно могло сложиться лишь во времена Хильдериха или очень немного времени спустя, а такъ какъ народъ вставляетъ въ свои легенды только то, что онъ принимаетъ за истину, то можно заключить, что фактъ подчиненія Франковъ Имперіи былъ тогда общеизвѣстною дѣйствительностью. Прибавимъ, наконецъ, что упомянутое повышеніе налоговъ и указанные смертные приговоры довольно хорошо согласуются съ картиною того «тяжелаго ига Римлянъ», воспоминаніе о которомъ уже въ слѣдующую эпоху сохранилось въ прологѣ къ Салическому закону.

Лѣтописецъ разсказываетъ еще, что Хильдерихъ возстановленъ былъ въ королевскомъ достоинствѣ у Франковъ по волѣ самого римскаго императора. Онъ будто бы явился въ столицу Имперіи и, представъ передъ великимъ государемъ, сказалъ ему: «Прикажи

[1] Вымышленною здѣсь является, конечно, діалогическая форма; придуманы слова, приписываемыя различнымъ дѣйствующимъ лицамъ, и въ особенности описаніе видѣнія въ концѣ.

мнѣ, слугѣ твоему, отправиться въ Галлію, и я отомщу за тебя Эгидію»[1]. Подобный поступокъ не покажется намъ необычайнымъ, если мы вспомнимъ, что въ то время Эгидій отказывался признать императора Севера, и что послѣдній привлекъ къ себѣ Вестготовъ и Бургундовъ, чтобы въ Галліи образовалась общая коалиція противъ военачальника, объявившаго императора незаконнымъ похитителемъ престола [2]. Вотъ почему Северъ принялъ Хильдериха благосклонно, далъ ему матеріальныя средства, необходимыя для путешествія въ Галлію [3]. Скажутъ еще, что вся исторія вообще неправдоподобна; но врядъ ли это будетъ справед-

[1] *Historia Francorum epitomata*, ibidem: „Iobe me servo tuo ire in Gallis; ego fororem indignationis tuae super Aegidio ulciscor". — Такой способъ выраженія Франка по отношенію къ императору не представляетъ ничего удивительнаго; Теодерихъ подобнымъ же способомъ обращался къ императору Зенону: „Ego qui sum servus vester", *Iordan*. De rebus geticis, c. 57, p. 194).

[2] Важное мѣсто для пониманія разбираемаго эпизода въ исторіи Эгидія находится у П р и с к а, Fragmenta, 30, ed. Dido. p. 104. Оттуда видно, что Эгидій — другъ Маіоріана и врагъ его преемника—думалъ идти сражаться съ послѣднимъ въ самую Италію, но что Вестготы помѣшали ему выполнить это намѣреніе.

[3] Лѣтописецъ, жившій въ VII вѣкѣ и привыкшій смотрѣть на Константинополь, какъ на столицу всей Имперіи, полагаетъ, что Хильдерихъ отправился именно туда; онъ не знаетъ, что резиденціей западныхъ императоровъ была тогда Равенна. Затѣмъ, благодаря грубому анахронизму, онъ называетъ царствовавшаго тогда императора Маврикіемъ. Данный лѣтописецъ вообще отличается невѣжественностью и дѣлаетъ много промаховъ; но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что въ неточно разсказываемыхъ имъ фактахъ совсѣмъ нѣтъ вѣрнаго основанія.

ливое сужденіе. Такова исторія многихъ германскихъ вождей, напримѣръ, Теодериха Великаго или Меровинга Гондовальда, о которомъ подробно разсказываетъ Григорій Турскій. Никому не приходило въ голову оспаривать послѣднихъ фактовъ: почему же признавать невѣроятнымъ то, что передается о Хильдерихѣ?

Въ теченіе нѣкотораго времени Хильдерихъ воевалъ съ Эгидіемъ и съ римскими войсками, находившимися подъ командой послѣдняго [1]. Позже Эгидій примирился съ императоромъ Северомъ и точно такъ же съ франкскимъ вождемъ, который, въ свою очередь, призналъ его власть. Предполагаютъ, что Хильдерихъ служилъ подъ начальствомъ Эгидія во время битвы, которую тотъ далъ близъ Орлеана Вестготамъ [2]. Впослѣдствіи мы видимъ, что онъ, находясь

[1] *Historia Francorum epitomata*, ibidem: „Multa prilia cum Aegido egit; plures strages ab ipso facti sunt in Romanis". — Ср. *Gesta regum Francorum* (Bouquet, II, p. 546; Krusch, § 8, p. 250): „Coeperunt Franci Agrippinam civitatem super Renum multumque populum Romanorum a parte Egidii occiderunt". — Любопытно, что хроники изображаютъ эти битвы не столько въ видѣ вторженія варваровъ въ Имперію, сколько въ видѣ борьбы Франковъ противъ тѣхъ изъ Римлянъ, которые являлись сторонниками Эгидія.

[2] Объ этой битвѣ см. *Idat.* anno 463: „Advesus Aegidium in Armoricana provincia Fritericus frater Theoderici regis insurgens, superatus occiditur". — *Marius Avent.* — anno 463: „Pugna facta est inter Aegidium et Gothos iuxta Aurelianis, ibique interfectus est rex Gothorum".—*Greg. Tur.* Historia Francorum. II, 18: „Childericus Aurelianis pugnas egit.".—*Pseudo-Sulpicius Severus* (хроника эта относится лишь въ первой половинѣ VIII вѣка, но авторъ ея пользовался арльскими анналами): „Fredericus frater Theudorici regis pugnans cum Francis occiditur iuxta Ligerim" (ср. *Junghans*, p. 158).

на римской службѣ, отражалъ вторженіе Саксовъ и долженъ былъ при этомъ выступитить довольно далеко отъ границъ своего маленькаго королевства [1]. Вслѣдъ затѣмъ онъ служилъ подъ начальствомъ римскаго полководца (comes) Павла; онъ вновь овладѣлъ Анже- ромъ, взявъ этотъ городъ у занявшихъ его Саксовъ; однако ему, повидимому, не удалось сохранить его въ собственныхъ рукахъ, такъ какъ онъ захватилъ его, вѣроятно, лишь въ пользу Имперіи [2]. Затѣмъ мы ви- димъ его лишь въ сраженіи съ отрядомъ Аламанновъ; онъ умираетъ въ Турнэ. Тамъ нашли его могилу съ королевской печатью, на которой стояла латинская надпись: *Childerici regis* [3].

---

[1] *Greg. Tur.* ibidem.

[2] *Ibidem*: „Paulus vero comes cum Romanis ac Francis, Gothis bello intulit et praedas egit. Veniente vero Adovacrio Andecavis Childericus rex sequenti die advenit, interemptoque Paulo comite, civitatem obtinuit.“—Слова „interempto Paulo“ не значатъ непре- мѣнно, что послѣдній былъ убитъ Хильдерихомъ. Можно пред- ставить себѣ, что дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: когда Одоакръ овладѣлъ Анжеромъ, Хильдерихъ поспѣшилъ на зовъ своего начальника Павла, но опоздавъ на день и найдя Павла убитымъ въ сраженіи съ Саксами, происшедшемъ нака- нунѣ, онъ принялъ команду надъ всѣмъ войскомъ и взялъ об- ратно городъ. — Авторъ сокращенной хроники понялъ, будто Павелъ былъ убитъ по приказанію Хильдериха (III, 12, ed. Krusch): „Childericus Odovacro superato Paulum comitem interfecit, Andegavo obtinuit“. — Прибавимъ, что житіе св. Ремигія (Bouquet, IV, p. 374) передаетъ, что Хильдерихъ захватилъ и разграбилъ города Орлеанъ и Анжеръ.

[2] См. *Chiflet*, Anastasis Childerici regis (1655). — *Cochet*, Le tombeau de Childéric 1-er (1859). — *Deloche*, Revue archéologique. 1891, 1-er sémestre.

2.

Природа власти Хлодовеха въ началѣ его правленія.

Исторія Хлодовеха является однимъ изъ самыхъ тем- ныхъ эпизодовъ въ исторіи Франковъ. Ни одинъ со- временникъ не оставилъ о ней повѣствованія, и осо- бенно невыясненными остаются обстоятельства, при которыхъ Хлодовехъ завладѣлъ сѣверною частью Гал- ліи. Постараемся собрать въ одно цѣлое, по крайней мѣрѣ, всѣ свѣдѣнія, какія сообщаютъ намъ доку- менты [1].

[1] Дѣйствительно не существуетъ ни одной исторіи Хлодо- веха, написанной современникомъ. Въ распоряженіи Григорія Турскаго, жившаго восемьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, находились лишь воспоминанія и преданія, которыя уже нѣ- сколько изгладились или исказились; поэтому онъ даже не пы- тается начертать настоящую историческую картину его царство- ванія; но, находясь въ сношеніяхъ какъ съ Римлянами, такъ и съ Германцами, онъ могъ всетаки собрать воспоминанія тѣхъ и другихъ.—*Historia Francorum epitomata* въ извѣстіяхъ, ка- сающихся Хлодовеха, лишь воспроизводитъ въ сокращеніи Гри- горія Турскаго. Марій изъ Авентика упоминаетъ о Хло- довехѣ только по поводу его борьбы съ Бургундами. Проко- пій, писавшій около 560-го года, мало освѣдомленъ объ инте- ресующихъ насъ событіяхъ и говоритъ о нихъ съ большою не- опредѣленностью. Исидоръ Севильскій, испанецъ по про- исхожденію, писавшій только въ VII вѣкѣ, занимается Хлодо- вехомъ совершенно случайно. Въ *Gesta regum Francorum*, хро- никѣ, составленной около 720-го года какимъ-нибудь монахомъ въ Парижѣ или Санъ-Дени заключается много воспоминаній и легендъ, но онѣ всѣ разсказаны безъ всякой критики. Ср. мнѣніе *Krusch*, p. 217, который предпочитаетъ для даннаго памятника заглавіе „*Liber historiae Francorum*“ и относитъ его происхож- деніе къ 727 году).--Къ указаннымъ источникамъ надобно при- совокупить еще многочисленныя житія Святыхъ, какъ, на-

Въ 481 году Хлодовехъ стоялъ во главѣ только одной части Франковъ. Рядомъ съ нимъ упоминаются еще другіе франкскіе короли: Рахнахаръ правилъ въ Камбрэ[1], Сигибертъ въ Кельнѣ[2], Рихномеръ въ

примѣръ. св. Ремигія (Acta Sanctorum, 1 октября) и св. Женевьевы (3 января), которыя можно назвать наиболѣе важными. Отдѣльныя историческія черты попадаются въ житіяхъ св. Меланія (6 января), св. Клотильды (3 іюня), св. Вааста (6 января) св. Елевоерія епископа турнесскаго (20 января), св. Фридолина (6 марта), св. Регула (30 марта), св. Деодата (21, апрѣля), св. Сацердота (5 мая), св. Гермера (16 мая), св. Маиксента (26 іюня), св. Экстадія (24 августа), св. Цезарія арльскаго (27 августа). — Еще болѣе важны нѣсколько писемъ епископа вьеннскаго, Авита (Aviti opera, ed. *Sirmond*, 1648 и „Monumenta Germaniae“, ed. *Peiper*), папы Анастасія и св. Ремигія (*Bouquet*, IV, 50—54), остготскаго короля Теодериха въ извѣстныхъ *Variae* Кассіодора.—Необходимо также, чтобы быть знакомымъ со всѣми памятниками, прочитать акты соборовъ—агдскаго 506 года, орлеанскаго 511 года, а также акты ліонскаго совѣщанія 499 года (*dom Bouquet*, IV, p. 99), имѣвшихъ мѣсто по поводу вопроса объ аріанствѣ.—Наконецъ, среди многихъ, очевидно, подложныхъ дипломовъ, находится одинъ, который нѣкотрые ученые считаютъ достовѣрнымъ въ основѣ, и другой, полная подлинность котораго безспорна: первый относится къ 497 году, онъ изданъ въ пользу Іоанна реомейскаго (*Pardessus*, Diplomata, I, p. 30). Пардессю считаетъ его по существу подлиннымъ, хотя нѣкоторыя выраженія вставлены въ его текстъ позднѣе; Юнгансъ же отвергаетъ его (см. р. 145 французскаго перевода книги автора); другой дипломъ относится къ 510 году и пожалованъ Евспицію и Максимину (*Pardessus*, I, p. 57). Онъ сталъ вызывать сомнѣнія лишь въ послѣднее время.

[1] *Greg. Tur.* Historia Francorum, II, 27: „Ragnacharius et ipse regnum tenebat.“ II, 42: „Erat tunc Ragnacharius rex apud Camaracum“.

[2] *Ibidem*, II, 37; II, 40.

Мансѣ[1]. Кромѣ нихъ называютъ еще Харариха и многихъ другихъ[2]. Современные историки усвоили систему дѣлить франкское племя на двѣ группы: салическихъ, жившихъ на сѣверѣ, и рипуарскихъ, обитавшихъ на востокѣ; но нужно отмѣтить, что такое раздѣленіе должно быть названо чисто гипотетическимъ. Ни одинъ документъ не указываетъ, что Хлодовехъ былъ вождемъ салическихъ Франковъ, а Сигибертъ—рипуарскихъ; слѣдовало бы отмѣтить внимательно, что оба эти названія не встрѣчаются ни въ одномъ текстѣ: въ памятникахъ VI вѣка никогда не говорится ни о салическомъ, ни о рипуарскомъ племени. Каждый изъ этихъ королей обладалъ, какъ кажется, довольно слабою властью; каждый изъ нихъ, кромѣ Хлодовеха, владѣлъ только территоріею одной изъ прежнихъ римскихъ муниципальныхъ общинъ, и не видно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ замышлялъ или начиналъ какое-нибудь значительное предпріятіе. Въ началѣ самъ Хлодовехъ[3], повидимому, не былъ очень

[1] *Ibidem*, II, 42.—Нѣкоторые изъ этихъ королей (только не Сигибертъ) были родственниками (propinqui) Хлодовеха. Лѣтописецъ не опредѣляетъ природы этого родства.

[2] *Ibidem*, II, 42: „Et aliis multis regibus“.—Надо замѣтить, что титулъ *rex* раздавался писателями той эпохи весьма щедро, и, повидимому, онъ дѣйствительно находился въ широкомъ употребленіи. Его присваивалъ себѣ всякій самый незначительный вождь варварской военной дружины; кромѣ того и сыновья такихъ князьковъ называли себя также королями.

[3] *Примѣчаніе редактора перевода.*—Фюстель де-Куланжъ въ текстѣ своей книги придерживается обычнаго во французскомъ языкѣ начертанія имени этого короля—*Clovis*, хотя и признаетъ, что эта форма неправильна. Онъ приводитъ въ оправданіе такого подчиненія традиціонной ореографіи и транскрипціи слѣдующія основанія, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ

могуществен. Невозможно съ точностью опредѣлить, число Франковъ, находившихся подъ его властью Однако, у Григорія Турскаго мы находимъ одну любопытную и характерную цифру. Этотъ писатель говоритъ, что въ 496 году «весь франкскій народъ

различныя формы этого имени, встрѣчающіяся въ источникахъ. Вотъ его слова:

„Григорій Турскій пишетъ Chlodovechus, такъ же какъ и Merovechus, Guntchramnes, Chrotechildis и т. д.—Въ *Historia epitomata* читаемъ—Chlodoveus; въ *Gesta regum Francorum*—также Chlodoveus; въ *Lex Salica*—Chlodeveus или Chlodoveus (*Pardessus*, p. 345; *Behrend*, p. 125); въ *Epistol. St. Remig.* находимъ Chlodoveus (Bouquet, IV, p. 51), тогда какъ въ *Vita Remigii*—Chlodovichus (Bouquet, III, p. 377); въ *Vita Genovefae*—Chlodoveus. У Кассіодора нѣсколько неожиданно встрѣчаемъ форму Luduin (Epistolae, II, 40; III, 4; ср. *Pardessus*, Diplomata, t. I, p. 29, n. 7); Іорданъ пишетъ Lodoin (De rebus geticis, 57, ed. Closs, p. 197; § 296, ed. Mommsen); Исидоръ Севильскій—Hluduicus или Fluduius. Въ *Gesta Dagoberti* чередуются Hludowius и Hludowicus (c. 32); въ житіи св. Хлотильды—Ludovicus, qui et Flodoveus (Bouquet, III, p. 599; Krusch, p. 345); въ житіи св. Меланія, принадлежащемъ перу современника, стоитъ Clodovaeus. Наконецъ, впослѣдствіи это имя приняло двѣ формы: съ одной стороны Floovant, съ другой—Loys и Louis.—Что касается первоначальной формы этого имени, формы, въ какую оно вылилось въ то время, когда жило лицо, о которомъ мы теперь говоримъ, и которое его носило, то этой формы нельзя опредѣлить въ точности. Франкская форма имени, вѣроятно, никогда не начертывалась письменно; латинская же, какъ извѣстно намъ изъ двухъ имѣющихся дипломовъ, была, повидимому, *Chlodoveus* (Pardessus, I, p. 30; I, p. 57). Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе не разрѣшимъ, что мы не знаемъ, какъ Франки произносили звукъ *ch* въ началѣ и въ концѣ словъ.—Современные нѣмецкіе ученые предпочитаютъ самую грубую форму—*Chlodovech*; мы только что убѣдились, что она не можетъ считаться болѣе вѣрною, чѣмъ другія. Писать и произносить Chlodovech, значитъ предполагать, что такимъ образомъ писали и произносили Франки

объявилъ о своей готовности поклоняться христіанскому Богу»; авторъ прибавляетъ, что «болѣе 3,000 Франковъ получили крещеніе». Такимъ образомъ, по

V вѣка, но этого доказать нельзя. Въ силу невозможности найти вполнѣ достовѣрную древнюю форму имени короля, мнѣ кажется, нѣтъ никакого серьезнаго основанія измѣнять вошедшую издавна въ употребленіе во французской рѣчи, хотя и условную, форму—*Clovis*.—Употребленіе послѣдней имѣетъ даже одно преимущество: когда мы пишемъ *Clovis*, мы знаемъ, что это форма неточная, позднѣйшая, принятая, и мы поэтому никому не внушаемъ никакихъ иллюзій и не выставляемъ притязаній на точность; если же мы напишемъ *Chlodovech*, мы какъ бы вселяемъ въ читателя мысль, что нашли несомнѣнно древнюю форму, а это можетъ только ввести въ обманъ.—Скажемъ въ дополненіе еще одно: историческое пониманіе дается намъ гораздо болѣе, когда мы точно воспроизводимъ факты, обычаи и идеи каждой эпохи, чѣмъ когда мы добиваемся точныхъ начертаній собственныхъ именъ: многіе думаютъ, что если они напишутъ Chlodovech, то ближе подойдутъ къ исторической истинѣ, и это невольно влечетъ ихъ освободить себя отъ дальнѣйшаго дѣйствительно упорнаго ея исканія. Ничего нѣтъ болѣе произвольнаго, чѣмъ собственныя имена, и ничего—менѣе произвольнаго, чѣмъ факты и учрежденія".

Какъ бы ни были справедливы нѣкоторые изъ доводовъ автора о трудности найти вполнѣ правильную современную транскрипцію для имени знаменитаго короля Франковъ, на русскомъ языкѣ невозможно сохранить предпочтительную для него, черезчуръ рѣзко „офранцуженную" форму—*Clovis*, которая у насъ не оправдывается никакимъ преданіемъ; поэтому намъ приходится, вопреки его желанію, переводить—Хлодовехъ, то-есть, избрать начертаніе, наиболѣе непріятное для Фюстель де Куланжа, но вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе приближающееся къ германскому произношенію V вѣка, насколько о немъ возможно предполагать, Эта именно форма освящена и великимъ предшественникомъ Фюстель де Куланжа—Огюстэномъ Тьерри, всегда особенно заботившемся о сохраненіи „характера эпохи", между прочимъ, при помощи возможно точной передачи собственныхъ именъ. *Ив. Гр.*

мысли лѣтописца, 3,000 Франковъ представляли собою какъ бы единогласное мнѣніе всего франкскаго племени, разумѣется, если не считать дѣтей и женщинъ [1]. Если подъ начальствомъ Хлодовеха въ 496 году, то-есть, въ эпоху, когда онъ пріобрѣлъ уже значительную силу, было не болѣе указаннаго здѣсь числа Франковъ, способныхъ носить оружіе, то въ 481 году ихъ, вѣроятно, было еще меньше.

Григорій Турскій не даетъ никакихъ разъясненій о характерѣ власти Хлодовеха при его вступленіи. Онъ не упоминаетъ о его избраніи въ короли, а просто говоритъ: «Когда Хильдерихъ умеръ, сынъ его, Хлодовехъ, сталъ править вмѣсто него» [2]. Подобный способъ выраженія свидѣтельствуетъ о томъ, что, по мнѣнію Григорія Турскаго, Хлодовехъ принялъ власть естественнымъ образомъ по праву наслѣдованія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Хлодовехъ былъ тогда лишь пятнадцатилѣтнимъ юношей [3]. Такимъ образомъ, королевское достоинство у Франковъ было, какъ кажется, болѣе или менѣе наслѣдственнымъ. Таковымъ оно являлось во всякомъ случаѣ у кельнскихъ Франковъ, такъ какъ мы видимъ, что Хлодовехъ писалъ сыну ихъ короля—Сигиберта: «Если твой отецъ умретъ, его королевство по праву станетъ твоимъ» [1].

[1] *Greg. Tur.* Historia Francorum, II, 31: „Omnis populus adclamavit: Deum quem Remigius praedicat, sequi parati sumus.... Baptizati sunt amplius tria milia".—Житіе св. Ремигія (Bouquet, III, 377) подтверждаетъ цифру 3000 за вычетомъ женъ и дѣтей, и нѣсколько дальше прибавляетъ, что Хлодовехъ былъ крещенъ „cum gente integra"; біографъ, однако, замѣчаетъ, что многіе Франки, оставшіеся язычниками, жили подъ властью Рахнахара. *Historia epitomata* (c. 21) указываетъ 6000.

[2] *Greg. Tur.* II, 27: „Mortuo Childerico, regnavit Chlodovechus filius eius pro eo".

[3] Дѣйствительно, Григорій Турскій (II, 43) говоритъ, что онъ умеръ (въ 511 году), процарствовавъ тридцать лѣтъ и въ сорокапятилѣтнемъ возрастѣ.

Каково же было положеніе Хлодовеха по отношенію къ римскому населенію той страны, въ которой онъ правилъ? Единственное показаніе относительно этого пункта мы заимствуемъ изъ одного письма, адресованнаго Хлодовеху реймскимъ архіепископомъ Ремигіемъ [2]. Хотя подлинность этого письма никѣмъ не оспаривается [3], но, правда, въ его текстѣ нѣтъ указанія на время его отправки, и нѣкоторые ученые предполагали, что оно было написано лишь въ концѣ правленія Хлодовеха. Однако единственнымъ основаніемъ для такого мнѣнія оказывается то, что въ письмѣ содержатся слова: «уважай твоихъ епископовъ («*sacerdotes tuos*») и совѣтуйся съ ними» [4]; отсюда и заключали,

[1] *Greg. Tur.* II, 40: „Si pater tuus moreretur, recte tibi regnum illius redderetur" (reddebatur—въ рукописяхъ).

[2] Св. Ремигій былъ епископомъ реймскимъ отъ 459 до 530 года.

[3] Это письмо было раньше всѣхъ опубликовано Фрегеромъ (*Freher*) въ „Corpus Historiae Francicae" (p. 184)—ex codice Nazariano bibliothecae palatinae, послѣ него въ „Historiae Francorum scriptores" Дюшэномъ (*Duschesne*), I, p. 849; ср. *Bouquet*, IV, p. 51.—Не слѣдуетъ удивляться, если епископъ писалъ Хлодовеху, когда тотъ былъ еще язычникомъ; подобные случаи происходили тогда очень часто. Авторъ житія св. Северина указываетъ, что этотъ святой находился въ такихъ же сношеніяхъ съ королемъ Руговъ, какъ св. Ремигій съ королемъ Франковъ.

[4] На языкѣ V вѣка слово „*sacerdos*", несомнѣнно, означаетъ „епископъ"; см., напримѣръ, завѣщаніе Перпетуя, епископа турскаго: „Ego Turonicae ecclesiae sacerdos" (*Pardessus*, Diplomata, 49, anno 375). У св. Августина и св. Амвросія слово—„sacerdos" почти всегда служитъ терминомъ для

что въ то время Хлодовехъ былъ христіаниномъ. Но слова—«sacerdotes tuos» не означаютъ непремѣнно служителей религіи самого короля, а могутъ относиться къ христіанскимъ епископамъ королевства Хлодовеха, то-есть, духовнымъ руководителямъ римской части населенія его территоріи. Въ самомъ дѣлѣ, франкскіе короли, которымъ приходилось управлять христіанами, хотя сами они были язычниками, по необходимости находились въ частыхъ сношеніяхъ съ епископами, въ совѣтахъ которыхъ они нерѣдко нуждались. Тонъ письма св. Ремигія, содержащіяся въ немъ увѣщанія съ очевидностью свидѣтельствуютъ, что онъ обращается къ неопытному юношѣ; письмо не заключаетъ никакого намека ни на одно событіе царствованія Хлодовеха; въ немъ нѣтъ ссылки ни на одну изъ его побѣдъ, ни также на рано достигнутое имъ великое могущество [1], ни даже на его обращеніе въ христіанство; наконецъ, можно замѣтить, что св. Ремигій не обращается къ Хлодовеху ни въ качествѣ постояннаго и ближайшаго совѣтника, каковымъ онъ сталъ лишь съ 486 года, ни даже въ качествѣ его

обозначенія „епископа“. Однако, именемъ „sacerdotes“ или „secundi ordinis sacerdotes“ уже начали называть пресвитеровъ, то-есть, простыхъ священниковъ, но высшаго разряда (примѣръ находимъ у *Sid. Apoll.* Epistolae, IV, 25). Въ письмѣ св. Ремигія это слово можно понимать въ обоихъ указанныхъ значеніяхъ.

[1] Это становится въ особенности удивительнымъ, если сравнить съ даннымъ письмомъ другое, которое тотъ же Ремигій писалъ тому же Хлодовеху по поводу смерти Альбофледа; тамъ онъ ему говоритъ: „Gloria vestra, populorum caput estis“; ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ разсматриваемомъ здѣсь письмѣ.

подданнаго [1], которымъ онъ тоже сдѣлался лишь съ того же времени. Такимъ образомъ, намъ кажется, что письмо относится къ началу царствованія Хлодовеха; во всякомъ случаѣ и по меньшей мѣрѣ оно написано до 486 года [2].

Письмо составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Епископъ Ремигій къ знаменитому и великолѣпному государю, королю Хлодовеху. До насъ дошелъ слухъ,

[1] Кромѣ того что въ текстѣ письма ни одно слово не указываетъ на такое подданство, надо еще обратить вниманіе на слѣдующее выраженіе: „Rumor ad nos pervenit“. Если бы епископъ находился въ предѣлахъ государства Хлодовеха, было бы непонятно, какъ онъ могъ знать о его восшествіи лишь по молвѣ людской.—Употребляемый св. Ремигіемъ терминъ *dominus* не указываетъ непремѣнно на подданство; это было выраженіе вѣжливости, употреблявшееся въ V вѣкѣ очень широко при подписяхъ во всякаго рода письмахъ, какъ можно видѣть по перепискѣ Сидонія Аполлинарія.—Неопредѣленность характера этого письма и отсутствіе въ немъ конкретнаго дѣлового содержанія указываетъ, что это было одно изъ тѣхъ поздравительныхъ обращеній, которыя были очень обычны въ римскомъ обществѣ; обстоятельство же, по поводу котораго въ данномъ случаѣ приносится поздравленіе—не побѣда, а вступленіе во власть.

[2] Юнгансъ выставилъ гипотезу, что письмо адресовано не къ самому Хлодовеху, а къ одному изъ его сыновей. Но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не носилъ имени отца, то надо для этого предположить ошибку въ текстѣ, что всегда слѣдуетъ дѣлать съ осторожностью. Кромѣ того, въ настоящемъ письмѣ нѣтъ ни одного намека на четырехъ сыновей Хлодовеха, ни на произведенный имъ раздѣлъ королевства; не встрѣчается въ немъ также никакого воспоминанія о великихъ побѣдахъ Хлодовеха, что было бы весьма естественно, почти необходимо въ обращеніи къ его сыновьямъ. Мнѣніе Юнгганса потому приходится назвать скорѣе остроумною и искусною догадкою, чѣмъ основательнымъ выводомъ.

что ты взялъ въ свои руки высокое званіе [1] верховнаго военнаго вождя [2]. Неудивительно что ты становишься тѣмъ, чѣмъ всегда были твои предки [3]. Теперь ты долженъ поступать такимъ образомъ, чтобы милость Божія продолжала оказывать тебѣ поддержку, ибо Господь далъ тебѣ возможность достигнуть столь высокой власти въ награду за твое смиреніе [4]. Ты долженъ приближать къ себѣ совѣтниковъ, которые создали бы тебѣ добрую славу. Твое благорасположеніе должно быть неподкупно и чисто [5]. Ты долженъ по-

[1] „Administrationem (rei) bellicae" (въ рукописяхъ нѣтъ слова „rei").—Чтобы вѣрно передать значеніе слова *administratio* въ V вѣкѣ, надобно вспомнить заглавіе *Notitia dignitatum atque administrationum imperii tam civilium quam militarium* Тогда этимъ словомъ обозначали, стало быть, то, что теперь называется „должностью", и оно прилагалось одинаково какъ къ военнымъ, такъ и къ гражданскимъ должностямъ. См. также *Symmach.* Epistolae, V, 76 и въ другихъ мѣстахъ.

[2] Я опускаю слово secundum, которое является, какъ думаютъ, ошибкой переписчика и плохо согласуется съ контекстомъ; быть можетъ, его надо понимать въ смыслѣ secunde, то-есть, feliciter—счастливо. Недавно была предложена поправка: вмѣсто „secundum (rei) bellicae"—„administrationem Secundae Belgicae". Ср. Neues Archiv, XIII, p. 380.

[3] Авторъ пишетъ то „вы", то—„ты"; обычай говорить „ты" уже исчезалъ, но исчезъ еще не вполнѣ. Въ этомъ письмѣ преобладаетъ „ты", тогда какъ въ письмѣ того же св. Ремигія, писанномъ Хлодовеху по поводу смерти Альбофледа, спустя пятнадцать лѣтъ послѣ перваго, преобладаетъ обращеніе на „вы".

[4] Латинскій подлинникъ здѣсь почти нельзя объяснить или, по крайней мѣрѣ, точно перевести: „Hoc in primis agendum, ut Domini iudicium a te non vacillet, ubi tui meriti qui per industriam humilitatis tuae ad summum culminis pervenit".

[5] „Beneficium tuum castum et honestum esse debet". Дюбо и Петиньи объясняли слово *beneficium* въ смыслѣ пожалованія земли за воинскую службу. Они переводятъ такъ: „Не до-

читать твоихъ епископовъ и прибѣгать къ ихъ совѣтамъ. Если ты будешь находиться въ согласіи съ ними, все пойдетъ хорошо въ твоемъ государствѣ. Заботься о гражданахъ [1], поддерживай угнетенныхъ, покрови-

пускай себя до произвола или притѣсненій въ своихъ пожалованіяхъ воинамъ" или: „будь неподкупенъ и чистъ при награжденіи за службу". Но терминъ „beneficium" никогда не встрѣчается съ такимъ именно значеніемъ въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ V вѣка, потому и я не рѣшаюсь такъ его толковать. Въ пятомъ томѣ настоящаго сочиненія („Происхожденіе феодальнаго строя") будетъ подробно разсмотрѣнъ вопросъ о возникновеніи „бенефицієвъ". — Мнѣ кажется болѣе естественнымъ придавать термину „beneficium" его обычный смыслъ въ латинскомъ языкѣ и переводить его словомъ—„милость", въ особенности, когда рѣчь идетъ о совѣтникахъ короля—„consiliarii". Послѣдовательность мыслей здѣсь такова: „Окружи себя совѣтниками, которые создали бы тебѣ добрую славу и не допускали бы возможности говорить, будто твоя милость продажна, и что она покровительствуетъ пороку и корысти; кромѣ того, совѣтуйся больше съ епископами, чѣмъ съ твоими обычными сотрудниками".

[1] „Cives tuos erige".—Дюбо переводитъ: „Дѣлай добро тѣмъ, кто принадлежитъ къ одному племени съ тобою". Онъ, такимъ образомъ, прилагаетъ слово *cives* къ Франкамъ. Но неужели Ремигію нужно было говорить франкскому вождю о томъ, чтобы тотъ соблюдалъ интересы Франковъ? Кромѣ того, я никогда на встрѣчалъ въ памятникахъ IV и V вѣковъ слова *civis* въ примѣненіи къ варварамъ; для обозначенія соплеменниковъ Хлодовеха Римлянинъ употребилъ бы скорѣе всего слово *populares*. Такой человѣкъ, какъ Ремигій, могъ придавать слову *civis* только одно значеніе—римскаго гражданина. Оговариваемся, впрочемъ: мы предлагаемъ такое объясненіе письма св. Ремигія лишь съ большимъ колебаніемъ и безъ увѣренности въ его правильности. Текстъ съ трудомъ поддается точному пониманію. Очень жаль, что Юнггансъ, который считаетъ, повидимому, что онъ знаетъ о „Хлодовехѣ" рѣшительно все, не примѣтилъ всѣхъ этихъ затрудненій.

тельствуй вдовамъ, корми сиротъ, чтобы всѣ тебя любили и въ то же время страшились. Пусть справедливость исходитъ изъ твоихъ устъ, не бери ничего у бѣдныхъ и чужеземцевъ; не принимай даровъ. Да будетъ твое жилище открыто для всѣхъ, какъ домъ правосудія и пусть никто не выходитъ оттуда съ печальнымъ сердцемъ. Употребляй оставленныя тебѣ отцомъ богатства на выкупъ плѣнныхъ и освобожденіе рабовъ. Пусть никто не ощущаетъ себя чужимъ и одинокимъ, когда ему придется предстать передъ твоими очами. Развлекайся съ молодыми людьми, но дѣла обсуждай со старцами; если ты хочешь царствовать, надо, чтобы въ тебѣ признавали человѣка высокой доблести».

Таково разбираемое посланіе. Меня поражаетъ въ немъ прежде всего неопредѣленность и банальность преподающихся въ немъ совѣтовъ и самыхъ выраженій, въ которыя они воплощены. Вы не находите въ его текстѣ ни одной черты, которая прилагалась бы спеціально къ Хлодовеху. Вотъ именно такой безличный характеръ кажется мнѣ особенно заслуживающимъ вниманія. Дѣйствительно, я склоненъ думать, что это письмо является не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ тѣхъ, требуемыхъ правилами оффиціальной учтивости, обращеній, которыя епископы, въ качествѣ городскихъ магистратовъ, обыкновенно писали лицамъ, получавшимъ высшую власть. Быть можетъ, согласно обычаю того времени, такія письма составлялись даже по навсегда установленной формулѣ, въ которой переставлялось или измѣнялось лишь нѣсколько словъ, чтобы данное обращеніе могло подойти къ каждой данной личности. Я былъ пораженъ, увидавъ, что слово «Франки» не попадается въ немъ ни разу, и что нѣтъ

въ текстѣ также ни одного слова, которое указывало бы, что самъ Хлодовехъ былъ Франкомъ. Нѣтъ здѣсь ни одного намека на варварскую королевскую власть. Въ этомъ письмѣ все римское. Термины—*administratio*, *consiliarii*, *provincia*, *praetorium* составляли принадлежность чисто оффиціальнаго языка Имперіи, и всѣ другія выраженія являлись особенностями стиля или рѣчи образованнаго общества того времени [1], или взяты изъ языка церкви. Нѣтъ ни одной черты, которая давала бы чувствовать, что здѣсь дѣло идетъ о варварѣ и еще менѣе—о завоевателѣ. Если бы въ заголовкѣ не стояли имена Хлодовеха и Ремигія, мы могли бы подумать, что это письмо послано было какимъ-нибудь епископомъ какому-нибудь чиновнику Имперіи или, болѣе точно, чиновнику, облеченному военнымъ званіемъ [2]. Только одно мѣсто въ концѣ,

[1] Подобнымъ же характеромъ отличается выраженіе: „ut caeperis esse quod maiores tui fuerunt". Это была формула, весьма употребительная въ такое время, когда должности и достоинства часто становились фактически наслѣдственными. Въ письмахъ Симмаха и Сидонія Аполлинарія можно найти не одинъ десятокъ аналогичныхъ примѣровъ.

[2] Легче всего было бы предположить, что оно направлялось къ которому-нибудь изъ *comites* или *duces*, напримѣръ, бельгійской провинціи или къ *magister militum* Галліи. Я, однако, не могу согласиться съ утвержденіемъ аббата Дюбо, повтореннымъ Петиньи, будто разсмотрѣнное письмо заставляетъ предположить, что Хлодовехъ обладалъ званіемъ *magister militum* при вступленіи своемъ во власть. Гаскэ также склоняется къ такому толкованію. Обращенія, совершенно обязательныя въ оффиціальномъ посланіи къ лицу, облеченному такою высокою должностью, были бы совершенно иными сравнительно съ тѣми, къ которымъ прибѣгаетъ здѣсь авторъ: эпитеты—*insignis* и *magnificus* явились бы недостаточными; болѣе того, Ремигій употребилъ бы тогда для обозначенія самаго

именно слова—«*si vis regnare*» указываетъ, что адресатъ былъ одновременно и варварскимъ королемъ, и имперскимъ сановникомъ. Въ остальныхъ же частяхъ письма рѣчь идетъ лишь о такихъ актахъ, которые приходилось совершать всякому видному должностному лицу Имперіи. Хлодовехъ, если судить по данному тексту, стоитъ во главѣ не королевства, а провинціи; онъ управляетъ, онъ судитъ въ своемъ преторіи, у него есть свои совѣтники, свои епископы, наконецъ, онъ завѣдуетъ администраціею надъ гражданами.

Правда, ни Имперія, ни императоръ не упоминаются въ письмѣ; въ немъ нѣтъ ни одной фразы, дающей намъ основаніе думать, что санъ, которымъ былъ облеченъ Хлодовехъ, былъ пожалованъ ему римскимъ государемъ. Поэтому, я не сказалъ бы, какъ аббатъ Дюбо, что здѣсь дѣло идетъ о должности, данной императоромъ. Я говорю только, что по мысли и съ точки зрѣнія Ремигія, епископа, стоявшаго во главѣ одной изъ епархій римскаго государства, рѣчь идетъ о тѣхъ же самыхъ должностяхъ, которыя незадолго передъ тѣмъ раздавались императорами, то-есть, о должностяхъ, входившихъ въ составъ имперской админи-

званія не слово *administratio*, а выраженіе *magisterium*. Замѣтьте, кромѣ того, что тонъ пишущаго разбираемое посланіе обнаруживаетъ человѣка, равнаго по положенію съ тѣмъ, къ кому оно адресовано, даже, можетъ быть, скорѣе высшаго, чѣмъ онъ; епископъ могъ дѣйствительно считать себя равнымъ военному начальнику, носившему титулъ *dux*; но онъ, безъ сомнѣнія, стоитъ ниже, чѣмъ *magister militum*. Выраженіе „*summum culminis*“ слишкомъ неопредѣленно, чтобы изъ него можно было выводить какія-нибудь черезчуръ точныя заключенія, и значеніе его очень умалено предшествующимъ ему словомъ „*humilitas*“.

страціи. Хлодовехъ, вѣроятно, самъ возвелъ себя въ такую должность, и никто не былъ этимъ удивленъ, такъ какъ единственный царствовавшій въ то время императоръ обиталъ въ Константинополѣ; но функціи, которыя онъ исполнялъ, тѣмъ не менѣе, оставались формально, какъ бы органами римской имперской администраціи. Если бы въ 481 году выпущено было новое изданіе *Notitia dignitatum atque administrationum*, вѣроятно, Хлодовехъ фигурировалъ бы въ ней, по крайней мѣрѣ, въ общей формулѣ, обозначающей его званіе. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что въ разсмотрѣнномъ письмѣ Ремигія не отыскивается никакихъ признаковъ, которые показывали бы, что произошло насиліе, вооруженное вторженіе, что въ Галліи совершена была явная узурпація власти. Ремигій не видитъ въ Хлодовехѣ завоевателя или сына завоевателей. Онъ не говоритъ ни о побѣдителяхъ, ни о побѣжденныхъ. Власть, которою Хлодовехъ пользовался надъ римскимъ населеніемъ, неисходила, по его мнѣнію, изъ акта насилія: она являлась законною юрисдикціей, проистекавшей изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ права, какіе дѣйствовали въ государствѣ при жизни предшествующихъ поколѣній. Если и произошелъ какой-нибудь переворотъ въ природѣ власти, Ремигій, повидимому, не замѣтилъ или не подчеркнулъ его.

Разъ мы хотимъ попытаться стать по отношенію къ Хлодовеху на точку зрѣнія его современниковъ, мы должны думать, что, являясь среди Франковъ королемъ, надъ Римлянами, жившими въ подчиненной ему области, онъ пользовался властью прежнихъ имперскихъ намѣстниковъ. Не надо упускать

изъ вида, что всѣ Франки, обитавшіе въ сѣверной Галліи, съ давнихъ поръ считались римскими федератами. Эти небольшія группы людей, представлявшіяся нѣкоторымъ ученымъ народами, оказывались на самомъ дѣлѣ отрядами войскъ, которые были расквартированы въ Турнэ, Кельнѣ и Камбрэ и болѣе или менѣе покорно служили Имперіи. Съ давнихъ поръ также Имперія не назначала болѣе гражданскихъ чиновниковъ рядомъ съ военными начальниками, по крайней мѣрѣ, на окраинахъ, занятыхъ варварскими вспомогательными силами. Поэтому вожди упомянутыхъ небольшихъ отрядовъ становились какъ бы съ согласія или по полномочію Имперіи правителями извѣстной территоріи вообще и пріобрѣтали административныя права надъ туземнымъ населеніемъ, жившимъ въ предѣлахъ послѣдней. Такіе вожди въ кругу своихъ воиновъ дѣйствовали согласно германскимъ обычаямъ; по отношенію же къ туземцамъ, обитавшимъ въ ихъ провинціяхъ, они примѣняли законы римской Имперіи; они судили и взымали подати не какъ завоеватели, а какъ государственные чиновники. Ихъ независимость, которая уже была весьма значительной, когда особые западные императоры пребывали въ Равеннѣ, сдѣлалась полною, когда оставались только тѣ, которые пребывали въ далекомъ Константинополѣ. Но эта независимость не была пріобрѣтена ими сразу и насильственнымъ путемъ. Начало ей было положено постепенно прогрессировавшимъ ослабленіемъ императорской власти, а завершеніе ея произошло, благодаря удаленію мѣстопребыванія или центра этой власти. Такъ совершилось почти незамѣтнымъ образомъ измѣненіе формы государственнаго объединенія; администрація, повидимому,

продолжала двигаться своимъ обычнымъ, давно установившимся ходомъ. Варварскіе вожди также продолжали судить въ своихъ преторіяхъ и взымать налоги, какъ будто они судили именемъ императора и для него же собирали подати. Населеніе едва замѣтило происшедшій переворотъ; поэтому не должно удивляться, что черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ верховная власть надъ западными провинціями перенесена была на восточнаго императора, пребывавшаго въ Константинополѣ, галльскій епископъ, въ посланіи къ Хлодовеху, употреблялъ термины, которыми онъ могъ пользоваться съ большимъ основаніемъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

3.

Какимъ образомъ Хлодовехъ завоевалъ Галлію?

Первыя территоріальныя пріобрѣтенія Хлодовеха представляются источниками какъ результатъ борьбы его съ Сіагріемъ [1]. Чтобы понять истинный характеръ этой борьбы, надобно установить съ точностью, кто такой былъ Сіагрій; между тѣмъ, именно на этотъ вопросъ документы не даютъ яснаго отвѣта. Извѣстно, правда, что онъ былъ Римляниномъ по происхожденію и принадлежалъ къ фамиліи Сіагріевъ, то-есть, къ одной изъ самыхъ знатныхъ галльскихъ фамилій, члены которой издавна достигали консульскаго достоинства и, вообще, занимали самыя высокія должности въ Имперіи. Но намъ важно было бы знать совершенно опредѣленно,

[1] *Greg. Tur.* II, 27.—*Histor. epitomata*, III, 15.—*Gesta regum Francorum*, 9.—*Vita S. Remigii.*

какое положеніе занималъ этотъ человѣкъ по отношенію къ императору такъ же какъ и по отношенію къ жителямъ страны, которою онъ правилъ. Отецъ его, Эгидій, былъ сначала *comes*, потомъ *magister militum* Имперіи [1]. По смерти Эгидія Сіагрій не унаслѣдовалъ, повидимому, его званія [2], но, какъ кажется, удержалъ подъ своимъ начальствомъ подчинявшіяся отцу военныя силы и правительственную власть послѣдняго надъ областью города Суассона [3]. Съ 464 года по 486-й никто не говоритъ о немъ; затѣмъ, въ 486 году, онъ появляется предъ нами со страннымъ титуломъ, который никогда не упоминался раньше въ табели званій установившейся въ римской Имперіи іерархіи ранговъ. Григорій Турскій называетъ его «государемъ Римлянъ» [4]. Правда, другіе памятники именуютъ его

[1] *Greg. Tur.* II, 12: „Egidium, magistrum militum a republica missum". — Извѣстно, что слово *respublica* въ V вѣкѣ всегда обозначаетъ римскую Имперію.

[2] Ни одинъ документъ не указываетъ, чтобы онъ унаслѣдовалъ должность и титулъ magister militum. Григорій Турскій (II, 18) говоритъ только: „Mortuus est Egidius et reliquit filium, Syagrium nomine". — Продолженіе главы заставляетъ думать, что истиннымъ преемникомъ Эгидія въ его званіи военачальника былъ нѣкій Павелъ, который, однако, вскорѣ умеръ.

[3] *Greg. Tur.* II, 27: „Apud civitatem Sessionas, quam Egidius tenuerat, sedem habebat".

[4] *Ibidem*: „Syagrius Romanorum rex". Въ *Gesta regum Francorum* мы находимъ подобныя же выраженія. Слово „*rex*" въ теченіе пятаго вѣка употреблялось довольно часто для обозначенія императора, но никакъ не въ оффиціальномъ языкѣ. Однако, нѣтъ достаточныхъ основаній думать, что Сіагрій узурпировалъ императорское достоинство, хотя *Vita S. Remigii* называетъ его также *princeps*, то-есть, опять же титуломъ, прилагавшимся съ самаго начала къ особѣ императора.

dux и *patricius* [1], то-есть, терминами, существовавшими въ числѣ правильныхъ титуловъ римскихъ должностныхъ лицъ или сановниковъ. Все это убѣждаетъ насъ, что во времена Григорія Турскаго уже хорошо не знали или не помнили, какое политическое или правительственное положеніе занималъ Сіагрій. Являлся ли онъ римскимъ чиновникомъ, получившимъ свои званія по формальному назначенію равеннскаго или константинопольскаго двора, или же онъ уже сдѣлался независимымъ верховнымъ правителемъ въ своей области? Вотъ, что мы не можемъ выяснить, и чего, быть можетъ, уже не понимали вполнѣ твердо его современники. Высказывалось предположеніе, что онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ самостоятельнымъ мѣстнымъ вождемъ, избраннымъ для себя населеніемъ центральной Галліи; но такая догадка не опирается рѣшительно ни на какое основаніе. Наиболѣе вѣроятно дѣло представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Сохранивъ въ своемъ распоряженіи войско, которое было подчинено его отцу, и удержавъ въ рукахъ административныя полномочія въ Суассонскомъ округѣ, Сіагрій создалъ себѣ политическое положеніе, довольно неясное и неопредѣленное по праву, но очень могущественное на дѣлѣ: онъ фактически оказывался независимымъ господиномъ въ предѣлахъ территоріи нѣсколькихъ прежнихъ имперскихъ муниципальныхъ общинъ [2], хотя номинально признавалъ, вѣроят-

[1] *Historia epistomata*, III, 15: „Syagrius, Romanorum patricius". — Въ *Vita S. Remigii* Хлодовехъ называется то *princeps*, то *dux*.

[2] Нѣкоторые предполагали, что Сіагрій управлялъ всею страною между Соммой и Луарой; Григорій Турскій далеко не утверждаетъ ничего подобнаго. Быть можетъ, онъ управлялъ

но, надъ собою императорскую власть, уполномоченнымъ и представителемъ которой онъ, должно быть, себя объявлялъ. Кажется, возможно провести большую аналогію между характеромъ власти Сіагрія и тѣми политическими прерогативами, которыя въ то же время были присвоены Хлодовехомъ. Варварскій король принялъ внѣшнее обличіе римскаго чиновника римскій чиновникъ усвоилъ независимый образъ дѣйствій варварскихъ королей. Оба, выйдя изъ разныхъ корней и выросши подъ вліяніемъ различныхъ традицій сблизились другъ съ другомъ въ одномъ пунктѣ, то-есть, выработали себѣ власть одинаковой природы; произошло это единственно по той причинѣ, что императорскій авторитетъ ослабѣлъ, и сфера его вліянія сузилась, предѣлы ея примѣненія отступили постепенно назадъ безъ рѣзкихъ толчковъ и острыхъ потрясеній.

И Хлодовехъ, и Сіагрій, повидимому, въ одинаковой степени оба признавали верховную власть императора теоретически, и оба фактически одинаково мало повиновались ей. Можно было бы сравнить ихъ съ двумя крупными вассалами XI вѣка, которые такъ

лишь территоріей прежней суассонской муниципальной общины болѣе вѣроятно, что онъ управлялъ Суассономъ и нѣсколькими сосѣдними подобными же муниципальными округами. Только *Vita Remigii* (Bouquet, IV, p. 374) указываетъ, что его власть простиралась очень далеко кругомъ: „Circa Rhenum usque Ligerim habitabant Romani, quorum princers erat Aegidius, et successit in principatum Romanorum, qui habitabant in Gallis, filius eiuc Syagrius" (Bouquet, IV, p. 374); но послѣдующіе факты указываютъ, что его область была на самомъ дѣлѣ довольно ограничена, и пораженіе его не повлекло за собою подчиненія побѣдителю всей страны.

же признавали существованіе надъ ними короля, высшаго сюзерена, но въ своихъ владѣніяхъ вели себя сами, какъ настоящіе короли.

Лѣтописатели того времени не сообщаютъ намъ, чтобы Хлодовехъ велъ войну съ Имперіей; они не говорятъ также, чтобы онъ воевалъ съ населеніемъ Галліи. Справедливо или нѣтъ—историки, упоминающіе объ изучаемыхъ нами событіяхъ въ своихъ сочиненіяхъ изображаютъ ихъ въ видѣ личной борьбы между Хлодовехомъ и Сіагріемъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что Имперія, глава и властитель которой пребывалъ тогда, какъ уже было сказано, въ Константинополѣ, оставалась въ сторонѣ отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ столкновеніе. Современники не усмотрѣли въ немъ борьбы между варварской монархіей и римскою Имперіею; тѣмъ болѣе никто не чувствовалъ въ этомъ дѣлѣ проявленія вражды между двумя расами. Борьба понималась и разсматривалась, какъ соперничество между двумя честолюбивыми вождями. «Хлодовехъ, отправляясь въ походъ противъ Сіагрія, предложилъ ему самому назначить поле для битвы. Завязался бой. Сіагрій, видя пораженіе своего войска, бѣжалъ къ королю Вестготовъ Алариху въ Тулузу. Хлодовехъ послалъ къ королю Готовъ требованіе выдать ему Сіагрія; Аларихъ, опасаясь Франковъ, дѣйствительно выдалъ его, закованнымъ въ цѣпи. Хлодовехъ сначала повелѣлъ бросить его въ заключеніе, но потомъ, захвативъ его государство, тайно приказалъ казнить его мечомъ [1]. Изо-

[1] *Greg. Tur.* Historia Francorum, II, 27: „Anno quinto regni eius... super Syagrium Chlodovechus veniens, campum pugnae praeparari deposcit... Inter se utrisque pugnantibus, Syagrius elisum cer-

бражать Сіагрія представителемъ Имперіи или римскимъ патріотомъ, защищавшимъ Галлію отъ иноземцевъ, было бы вдвойнѣ фантастично, такъ какъ для подобнаго предположенія въ разсказѣ Григорія Турскаго нѣтъ никакого основанія.

Разгромъ Сіагрія не предалъ, однако, во власть Хлодовеха всю сѣверную Галлію; ему потребовалось еще нѣсколько лѣтъ, чтобы, осаждая городъ за городомъ, подчинить ее себѣ [1]. Григорій Турскій ничего не говоритъ намъ объ этихъ дальнѣйшихъ событіяхъ. Намъ интересно было бы знать, какъ Хлодовехъ представлялъ свое право, когда являлся съ оружіемъ въ рукахъ передъ стѣнами каждаго города. Дѣйствовалъ-ли онъ просто въ качествѣ побѣдителя по праву сильнаго чужеземнаго завоевателя, стремившагося овладѣть всѣмъ краемъ, или же онъ поступалъ, какъ варварскіе короли въ началѣ пятаго вѣка, которые, объявляя себя начальниками вспомогательныхъ войскъ, вступившихъ на службу Имперіи, расширяли мало-по-малу пространства, будто бы предоставленныя имъ римскимъ правительствомъ для по-

nens exercitum terga vertit et ad Alaricum regem Tholosa perlabitur. Chlodovechus ad Alaricum mittit, ut eum redderet... Ille metuens... vinctum legatis tradidit. Quem Chlodovechus receptum custodiae mancipari praecepit, regnoque eius accepto, eum gladio clam feriri mandavit". — *Gesta regum Francorum*, 9: „Chlodovechus iussit eum occidere, totumque regnum eius et thesauros in suo dominio recepit".

[1] Согласно житію св. Ремигія, только черезъ пять лѣтъ послѣ побѣды надъ Сіагріемъ, Хлодовехъ распространилъ территорію своего королевства до Сены: „dilatavit regnum usque Sequanam"; еще позже довелъ онъ предѣлы его до Луары: „sequenti tempore usque Ligerim occupavit".

стоя и продовольствія, и заставляли провинціальныя городскія общины признавать ихъ своими правителями и платить себѣ налоги? Ни Григорій Турскій, ни какой-нибудь другой изъ писателей того времени не даютъ намъ на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Я отмѣчаю только, что единственный историкъ, разсказывающій о занятіи сѣверной Галліи Хлодовехомъ, не изображаетъ этого событія въ видѣ завоеванія страны [1].

Авторъ не лучше разъясняетъ намъ и вопросъ о положеніи, въ которомъ оказалось галло-римское населеніе подъ властью Хлодовеха. Вѣроятно, въ отношеніяхъ господствовала сначала большая пестрота. Документы не указываютъ на то, чтобы установилось сразу какое-нибудь общее, прочное настроеніе, которое опредѣляло бы связь между туземцами и пришельцами; не говорятъ они также, чтобы было заключено какое-нибудь общее соглашеніе, санкціонировавшее взаимныя права. Хлодовехъ, вѣроятно, встрѣтилъ на своемъ пути не одного епископа, который подобно Ремигію готовъ былъ признать его власть, и не одинъ городъ, который считалъ выгоднымъ отворить ему ворота. Быть можетъ, у него въ Галліи оказалось столько же союзниковъ, сколько враговъ. Во всякомъ случаѣ, каждый городъ дѣйствовалъ на свой

[1] Григорій Турскій говоритъ только о разграбленіи язычниками, воинами короля Франковъ многихъ христіанскихъ церквей; см. Hist. Franc. II, 27: „Eo tempore multae ecclesiae a Chlodovecho exercitu depraedatae sunt, quia erat ille adhuc fanaticis erroribus involutus". Фактъ разграбленія церквей, въ которыхъ всегда находились драгоцѣнные предметы, не свидѣтельствуетъ непремѣнно о томъ, что жители оказывали сопротивленіе, и что городъ былъ взятъ силою.

страхъ самъ за себя, заключая съ нимъ договоръ или оказывая сопротивленіе. Впрочемъ, источники упоминаютъ о сопротивленіи лишь Парижа и Нанта, а потомъ еще о возмущеніи Вердена [1]. Если и происходила на самомъ дѣлѣ національная борьба римской Галліи съ чужестранцемъ и варваромъ, то писатели, современники ея, не сохранили о ней никакого воспоминанія [2].

Мы съ нашими теперешними понятіями, всегда склонные составлять сужденіе о совершавшихся въ прежніе вѣка событіяхъ на основаніи характера тѣхъ, которыя близки намъ, легко можемъ представить себѣ и здѣсь насильственное завоеваніе: намъ трудно допустить мысль, чтобы цѣлая страна была занята чужеземцами иначе, какъ послѣ упорнаго сопротивленія, если не предполагать въ ея жителяхъ совершенно невѣроятной трусости. Въ подлинныхъ же документахъ мы не обнаруживаемъ ни того, ни другого.

[1] Если вѣрить *Vita Genovefae*, Парижъ претерпѣлъ десятилѣтнюю осаду (Bouquet, III, p. 370); въ одной рукописи житія указано пять лѣтъ, что уже является болѣе вѣроятнымъ.—Согласно Григорію Турскому (De gloria martyrum, I, 59), Нантъ также былъ осажденъ, но благодаря чуду жители его отразили всѣ нападенія.— *Vita Maximini* упоминаетъ о возмущеніи Вердена (Bouquet, III, p. 393). — Хорошо видно, что агіографы болѣе склонны преувеличивать, чѣмъ ослаблять картину сопротивленія, чтобы выдвинуть особенно отчетливо описываемыя ими чудеса.

[2] *Gesta regum Francorum* не упоминаютъ даже о завоеваніи области между Соммой и Луарой; въ этой лѣтописи говорится только (см. § 14) послѣ разсказа о бракѣ Хлодовеха съ Хлотильдой, слѣдующее: „In illis diebus dilatavit Chlodovechus amplificans regnum suum usque Sequanam; sequenti tempore usque Ligere fluvio occupavit".

Мы должны думать, что эти, далекія отъ насъ поколѣнія людей мыслили и чувствовали иначе, чѣмъ мы. Политикѣ Имперіи ужъ съ давнихъ поръ удалось замѣнить повсюду въ душахъ своихъ подданныхъ мѣстный или племенной патріотизмъ привязанностью къ Риму. Живымъ оставался въ провинціяхъ рядомъ съ нею лишь патріотизмъ муниципальный. Съ давнихъ поръ также народонаселеніе могло соединяться въ тѣ или иныя группы, только по повелѣнію или съ разрѣшенія высшей власти. Наконецъ, весьма вѣроятно, что жители Галліи вовсе не смотрѣли на Хлодовеха, какъ на вождя чужого племени, явившагося для завоеванія. Успѣвъ привыкнуть въ теченіе ряда вѣковъ къ тому, что въ ихъ средѣ поселились германскія войска, и что начальники ихъ оффиціально облекались административными должностями, они не были особенно удивлены, когда франкскій вождь потребовалъ отъ нихъ подчиненія, покорности и денегъ. Очень естественно и правдоподобно, что каждая курія при этомъ собиралась на совѣщаніе, чтобы опредѣлить, должна-ли она выполнять подобныя требованія и если должна, то въ какой мѣрѣ. Вопросъ, который здѣсь представлялся умамъ Галло-римлянъ того времени, заключался не въ томъ, завоевана-ли Галлія или нѣтъ, а въ томъ останутся-ли отношенія мѣстныхъ муниципальныхъ общинъ къ высшей правительственной власти прежними или должны будутъ измѣниться, и въ какомъ именно смыслѣ произойдетъ такое измѣненіе. За неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній мы можемъ высказывать только предположенія. Мнѣ кажется, что въ тѣ времена правительство каждой городской общины Галліи, видя, что Имперія выводитъ изъ провинціи свои соб-

ственныя военныя силы, озабочивалась тѣмъ, чтобы сохранить, такъ или иначе, независимость своей мѣстной жизни подъ отдаленнымъ сюзеренитетомъ Рима. Муниципальныя власти находили свой интересъ и ставили цѣлью своихъ усилій защиту своего самоуправленія или неприкосновенности уже признанной власти своего епископа; онѣ добивались еще, всѣми возможными силами, сохраненія въ своихъ рукахъ части платимыхъ общиною налоговъ, продленія компетентности собственнаго суда. Онѣ хотѣли, наконецъ, конечно, насколько было можно, меньше подчиняться какой-нибудь выше ихъ стоявшей силѣ, но бороться противъ вторженія чужого народа онѣ не собирались, да оно и не представлялось имъ угрожающимъ.

Сопротивленіе, оказанное нѣсколькими городами, вызывалось, быть можетъ, несогласіями при распредѣленіи налоговъ и повинностей, недовольствомъ по поводу угнетенія жителей обязательствами со стороны высшей власти, которая была представлена тогда франкскими вождями, какъ въ другихъ мѣстностяхъ она находилась въ рукахъ вождей вестготскихъ или бургундскихъ; причемъ не существуетъ никакихъ признаковъ, чтобы современники видѣли въ такихъ фактахъ борьбу двухъ расъ. Если бы подобная борьба, дѣйствительно, происходила въ тѣ времена, какимъ бы образомъ въ документахъ могло не сохраниться никакого воспоминанія о ней? Какъ могло случиться, что именно только такое воспоминаніе не оставило окончательно никакихъ слѣдовъ, тогда какъ источники передаютъ намъ очень многое изъ того, что совершалось тогда въ Галліи, и что переживало населеніемъ?

На ряду съ мирными жителями въ странѣ всегда располагались императорскія войска и, нужно думать, что эти войска должны были бы, по крайней мѣрѣ, защищать Имперію. Но ни одинъ изъ галльскихъ писателей не упоминаетъ о томъ, чтобы имъ приходилось сражаться съ Хлодовехомъ. Единственное свѣдѣніе, которое мы получаемъ о положеніи и образѣ дѣйствій этого римскаго войска, исходитъ отъ автора греческаго. Не придавая его показанію абсолютной вѣры, мы должны, тѣмъ не менѣе, разсмотрѣть его свидѣтельство съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Писатель, о которомъ идетъ рѣчь,—извѣстный историкъ, Прокопій.—«Внутри Галліи, говоритъ онъ, находились имперскія войска, на которыхъ была возложена обязанность охранять наиболѣе отдаленныя части страны. Эти то воины, не видя болѣе возможности возвратиться въ Римъ, такъ какъ они были отрѣзаны отъ него Готами и Бургундами, и не желая также присоединяться къ Готамъ, которые были аріанами и врагами Имперіи, отдались со своими военными знаменами подъ власть Франкамъ; въ то же время они предали въ ихъ руки земли, которыя они должны были защищать по приказанію императорскаго правительства отъ вторженія непріятелей [1]. Впрочемъ, эти отряды римской регулярной арміи продолжали жить

[1] *Procop.* De bello gothico, I, 12 (боннское изд. томъ II, стр. 64): „Καὶ στρατιῶται Ῥωμαίων ἕτεροι ἐς Γάλλων τὰς ἐσχατιὰς φυλακῆς ἕνεκα ἐτετάχατο. Οἳ δὴ οὔτε ἐς Ῥώμην ὅπως ἐπανήξουσιν ἔχοντες οὔτε προσχωρεῖν Ἀρειανοῖς οὖσι τοῖς πολεμίοις βουλόμενοι, σφᾶς τε αὐτοὺς ξὺν τοῖς σημείοις καὶ χώραν, ἣν πάλαι Ῥωμαίοις ἐφύλασσον Αρβορύχοις τε καὶ Γερμανοῖς ἔδοσαν". — Слово—Γερμανοὶ означаетъ у Прокопія Франковъ, какъ это видно изъ текста его разсказа нѣсколькими строками выше разбираемаго мѣста.

по обычаямъ своей родины и передали ихъ своимъ дѣтямъ, которыя соблюдаютъ ихъ еще въ мое время [1]. Теперь еще эти отряды пополняются новыми воинами по прежнимъ рекрутскимъ спискамъ, по матрикулярнымъ регистрамъ, служившимъ прежде для составленія подобныхъ списковъ; они ходятъ въ бой еще подъ своими прежними военными значками; среди нихъ еще продолжаютъ примѣняться законы ихъ отечества, и они носятъ даже старинную форму римскихъ воиновъ» [2].

Вотъ именно присоединеніе этихъ-то римскихъ отрядовъ, вѣроятно, и увеличило войско Хлодовеха и дало ему возможность отважиться съ тѣхъ поръ на крупныя предпріятія [3]. Четыре войны наполняютъ собою остающуюся часть его царствованія; первая изъ нихъ направлена была противъ Турринговъ, вторая—противъ Аламанновъ, третья—противъ Бургундовъ, четвертая—противъ Вестготовъ. Нѣтъ надобности разсказывать о ходѣ событій во время этихъ походовъ, достаточно отмѣтить, что всѣ указанныя войны велись королемъ Франковъ противъ германскихъ же народовъ.

[1] Извѣстно, что обыкновенно при частяхъ римской арміи находились и семьи служившихъ воиновъ; къ концу Имперіи установился обычай наслѣдственности занятій и профессій: воинъ проводилъ долгіе годы, значительную часть жизни подъ оружіемъ; получая отставку съ почетнымъ званіемъ ветерана, онъ ставилъ на свое мѣсто сына, и такъ вырабатывались цѣлые ряды поколѣній воиновъ. Сынъ ветерана даже обязанъ былъ служить въ войскѣ. Это было условіемъ передачи сыну ветерана владѣнія землею, жаловавшеюся обыкновенно отставнымъ воинамъ за долгую и безпорочную службу.

[2] *Procop.* De bello gothico, I, 12: „Ἐς ἀπογόνους τοὺς σφετέρους ξύμπαντα παραπέμψαντες διεσώσαντο τὰ πάτρια ἤθη, ἃ δὴ σεβόμενοι καὶ ἐς ἐμὲ τηρεῖν ἀξιοῦσιν· ἔκ τε γὰρ τῶν καταλόγων ἐς τόδε τοῦ χρόνου δηλοῦνται, ἐς οὓς τὸ παλαιὸν ταττόμενοι ἐστρατεύσαντο, καὶ σημεῖα τὰ σφέτερα ἐπαγόμενοι οὕτω ἐς μάχην καθίστανται, νόμοις τε τοῖς πατρίοις ἐς ἀεὶ χρῶνται· καὶ σχῆμα τῶν Ῥωμαίων ἔν τε τοῖς ἄλλοις ἅπασι καὶ ἐν τοῖς διαδήμασι (alias ὑποδήμασι) διασώζουσιν“.

[3] Войско Хлодовеха состояло не только изъ Франковъ. Хроники упоминаютъ объ Авреліанѣ, начальникѣ отряда, набраннаго изъ Галло-римлянъ, который сражался за Хлодовеха при Тольбіакѣ (Цюльпихѣ) и впослѣдствіи взялъ для него городъ Меленъ и былъ назначенъ его правителемъ (*dux*). См. *Hincmar.* Vita Remigii. c. 32; 34.—*Historia epitomata*, (III), 18.—*Gesta regum Francorum*, 14.

Настроеніе, въ которомъ находилось галльское населеніе во время войнъ Хлодовеха, и отношеніе, которое оно къ нимъ выражало, довольно хорошо выясняется документами. Бургунды и Готы были аріанами; Галлы или Римляне придерживались правовѣрнаго ученія римской Церкви. Хлодовехъ также принялъ христіанство отъ Рима. Это обстоятельство не являлось, конечно, достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы вся Галлія проникласъ чувствомъ преданности королю Франковъ и готовностью принадлежать ему; но оно, безъ сомнѣнія, способствовало тому, что Хлодовехъ повсюду находилъ въ ней извѣстное количество союзниковъ. Еще до рѣшительнаго нападенія на государство Бургундовъ онъ уже заводилъ тайныя сношенія съ галло-римскимъ населеніемъ ихъ территоріи и даже съ отдѣльными Бургундами [1].

[1] Это ясно выводится изъ отчета о совѣщаніи, происходившемъ въ Ліонѣ въ 499 году между бургундскими епископами въ присутствіи короля Гундебальда. Текстъ его можно прочитать у *Bouquet*, IV, p. 99—102.—Гундебальдъ жаловался на то, что франкскій король соединился съ его врагами („se cum inimicis meis sociavit“). Епископы заявляли, что они не находятся ни въ какихъ сношеніяхъ съ Хлодовехомъ, но даютъ

Григорій Турскій придаетъ войнѣ противъ Вестготовъ исключительно религіозную окраску. «Король Хлодовехъ сказалъ своимъ: мнѣ не нравится, что эти люди, исповѣдующіе аріанство, владѣютъ частью Галліи; пойдемте съ Божіей помощью и покоримте ихъ страну нашей власти» [1]. Не знаю, произнесъ-ли дѣйствительно Хлодовехъ приведенныя авторомъ слова, но Григорій Турскій, почерпнувшій ихъ изъ народныхъ воспоминаній, вѣритъ, что дѣло дѣйствительно такъ происходило [2]. Если даже разсказъ его не воплощаетъ на самомъ дѣлѣ совершившагося факта, то въ немъ отлично передано впечатлѣніе современника отъ совершившихся событій, и этимъ историкъ отнюдь не долженъ пренебрегать. Для тѣхъ поколѣній людей религіозные вопросы имѣли первенствующее значеніе. Имъ казалось не особенно важнымъ, былъ-ли человѣкъ Франкомъ или Готомъ, Германцемъ или Галломъ, ихъ занималъ вопросъ былъ ли онъ католикомъ или аріаниномъ.

ясно понять, что если король не отречется отъ аріанства, послѣдній будетъ побѣдителемъ.—Извѣстно, что братъ бургундскаго короля, Годегизелъ, помогалъ Хлодовеху въ борьбѣ его противъ собственнаго брата, и Григорій Турскій указываетъ, что были римскіе магнаты и знатные Бургунды, дѣйствовавшіе за одно съ Годегизеломъ и Хлодовехомъ. См. *Hist. Franc.* II, 33: „Interfectis senatoribus Burgundionibusque, qui Godegiselo consenserant".

[1] *Greg. Tur.* II, 37: „Chlodovechus rex ait suis: Valde molestum fero, quod hi Arriani partem teneant Galliarum; eamus cum Dei adiutorio et superatis redigamus terram in ditionem nostram. Cumque placuisset omnibus hic sermo..."

[2] Нѣсколько писемъ короля Теодериха у Кассіодора (*Varior.* III, 1—4) позволяютъ замѣтить, что борьба возникла по другимъ причинамъ, которыхъ галльское населеніе могло не знать.

Григорій Турскій не говоритъ, что въ борьбѣ между Франками и Готами галльское населеніе все единодушно поднялось за Франковъ. Оно не въ состояніи было бы это сдѣлать. Напротивъ, авторъ показываетъ, что когда Галло-римляне были призваны готскимъ королемъ къ военной службѣ [1], то они не только не измѣнили ему и не перешли на сторону Хлодовеха въ битвѣ при Вугле, а наоборотъ храбро сражались подъ руководствомъ своихъ особыхъ начальниковъ и понесли большія потери [2]. Однако, несомнѣнно, что у Хлодовеха были сторонники въ государствѣ Бургундовъ, по крайней мѣрѣ, среди духовенства: «Многіе горячо желали имѣть своими господами Франковъ» [3], говоритъ Григорій Тур-

[1] Это хорошо обнаруживается изъ *Vita S. Aviti eremitae* (Acta Sanctorum, 17 іюня; Bouquet, III, p. 390): „Quisque ex miliari ordine viribus potens, donativum regis (Alarici) volens nolens accepturus per praecones urgente sententia invitatur. Beatus ergo Avitus, licet invitus, militare inter ceteros praenotatur, contra Francorum aciem pugnaturus."—Естественно, что агіографъ настаиваетъ на томъ, что Галлы служили по неволѣ: ему надо было показать, что святой долженъ былъ взять мечъ лишь вопреки собственному желанію. Но цитируемое нами ниже мѣсто Григорія Турскаго заставляетъ думать, что они не противились службѣ.

[2] *Greg. Tur.* II, 37, p. 125 (p. 101, ed. Arndt): „Maximus ibi Arvernorum populus (*populus* на языкѣ V вѣка является синонимомъ съ *exercitus*), qui cum Apollinare venerat, et primi, qui erant ex senatoribus, corruerunt."—*Gesta regum Francorum*, 18: „Maximus ibi Arvernorum populus, qui cum Apollonare duce ibi venerat, corruit in gladio Francorum cum multis senatoribus."

[3] *Greg. Tur.* II, 35: „Multi iam tunc ex Galliis habere Francos dominos summo desiderio cupiebant."

скій; правда, онъ приводитъ въ подтвержденіе лишь примѣръ одного человѣка, епископа родезскаго Квинтіана; къ тому же онъ прибавляетъ еще, что жители этого города изгнали епископа и сами донесли на него готскому королю, «потому что онъ хотѣлъ подчиниться владычеству Франковъ» [1]. Мы поэтому не будемъ представлять себѣ дѣло слишкомъ просто, какъ утверждали нѣкоторые современные историки, что Хлодовеху въ его побѣдахъ прямо помогало правовѣрное или католическое населеніе Галліи; но приходится констатировать уже несомнѣнно, что послѣ того, какъ побѣда была одержана, оно очень охотно приняло власть франкскаго короля. Вестготскій король послѣ одного только пораженія въ битвѣ при Пуатье увидѣлъ, что вся Галлія до Пиренеевъ отпала отъ подчиненія ему за исключеніемъ одной лишь провинціи, которая осталась въ покорности, благодаря вооруженному вмѣшательству и помощи Остготовъ Теодериха изъ Италіи [2]. Не считая этой области, Вестготы должны были очистить всю Галлію совершенно такъ, какъ войско въ случаѣ необходимости очищаетъ страну, въ которой оно было расквартировано [3].

[1] *Ibidem*, 36: „Unde factum est, ut Quintianus Ruthenorum episcopus per hoc odium ab urbe pelleretur; dicebant enim ei: Quia desiderium tuum est, ut Francorum dominatio possideat terram hanc.... Orto inter eum et cives scandalo ...exprobrantibus civibus, quod velit se Francorum ditionibus subiugare....“

[2] *Isidor.* ed. Bouquet, t. II, p. 702.—*Iordan.* De rebus geticis, c. 58.—*Vita S. Caesarii*, ed. Bouquet, III, p. 384.—*Cassiodor.* Epistolae, III, 32; III, 44; VIII, 10; I, 24; IV, 17; V, 10; III, 16.

[3] *Greg. Tur.* II, 37.—*Historia epitomata*, (III), 24.—*Procop.* De bello gothico, I, 12.—Епископы различныхъ городовъ, расположенныхъ на прежней территоріи вестготскаго королевства въ Галліи, принимали въ 511 году участіе въ совѣщаніяхъ орлеанскаго собора, уже какъ подданные Хлодовеха.

Такимъ то образомъ Хлодовехъ завоевалъ Галлію. Онъ не отнялъ ея у римской Имперіи; онъ не подчинилъ также своей власти независимаго галльскаго народа [1]; онъ отобралъ у другихъ, подобныхъ ему, германскихъ вождей земли, которыя уже раньше были заняты послѣдними. Разсказъ о его войнахъ, результатомъ которыхъ явилось пріобрѣтеніе имъ Галліи, въ томъ видѣ, какъ намъ сообщаетъ его Григорій Турскій, разумѣется, весьма неполонъ; но если въ немъ и заключаются, можетъ быть, фактическія неточности, то онъ совершенно отчетливо и правильно передаетъ намъ общее впечатлѣніе о характерѣ происходившихъ тогда событій. Григорій Турскій писалъ не на основаніи оффиціальныхъ письменныхъ историческихъ памятниковъ, онъ излагалъ народныя воспоминанія, отчасти прикрашенныя, можетъ быть, уже слагавшеюся легендою. Онъ пересказывалъ своимъ читателямъ то, что хранилось въ памяти народа именно такъ, какъ пережившіе эти событія современники видѣли ихъ, какъ они ихъ поняли и какъ передали ихъ потомкамъ. То, что произошло въ Галліи, рисовалось въ умахъ людей того времени вовсе не нашествіемъ иноплеменныхъ завоевателей, а только смѣщеніемъ одного вождя другимъ. Всѣ перипетіи борьбы казались народу событіями чисто

[1] Мы не хотимъ сказать, что не совершалось при этомъ грабежей и опустошеній. Наоборотъ, авторъ прямо говоритъ „Multae ecclesiae devastatae sunt;“ но насилія вторгнувшейся арміи вовсе не такъ же страшны, какъ неистовства чужеземцевъ завоевателей, и не могутъ быть сравниваемы съ ними.

личнаго характера: Хлодовехъ «напалъ на Сіагрія»; Хлодовехъ «отомстилъ за смерть отца Хлотильды»; Хлодовехъ «вытѣснилъ аріанъ — Вестготовъ»; Хлодовехъ «захватилъ въ свои руки государство Сіагрія»; Хлодовехъ «заставилъ Гундебальда платить себѣ дань» [1]; Хлодовехъ «завладѣлъ сокровищами Алариха и, выгнавъ Готовъ изъ занятыхъ ими городовъ, подчинилъ послѣдніе своей власти» [2]. Такимъ образомъ, современники франкскаго короля не усмотрѣли въ его побѣдахъ варварскаго вторженія, еще менѣе переселенія народовъ [3]. Всѣ сохранившіяся въ ихъ памяти

[1] *Greg. Tur.* II, 32: „Missa legatione ad Gundobadum, ut et per singulos annos tributa inposita reddere debeat, iubet.“

[2] *Idem*, II, 37: „Cunctos thesauros Alarici a Tholosa auferens... Exclusis Gothis urbem suo dominio subiugavit.“ Интересно замѣтить. что Григорій Турскій изображаетъ завоеваніе Галліи Хлодовехомъ тѣми же самыми выраженіями и тѣмъ же самымъ тономъ, какъ онъ описываетъ подчиненіе имъ своей власти мелкихъ франкскихъ народцевъ. См., напримѣръ, II, 41: „Quibus mortuis, regnum eorum cum thesauris et populo acquisivit“.

[3] Любимое слово историковъ-германистовъ — „*Völkerwanderung*“ должно быть въ данномъ случаѣ вычеркнуто изъ науки. Между тѣмъ авторъ одного изъ новѣйшихъ трудовъ о завоеваніяхъ Хлодовеха, появившихся въ нѣмецкой ученой литературѣ, самымъ опредѣленнымъ и рѣшительнымъ образомъ становится именно на такую точку зрѣнія. Я имѣю въ виду сочиненіе В. Зиккеля „Die Reiche der Völkerwanderung“ (1890). „Хлодовехъ, пишетъ авторъ въ концѣ своей книги, прибылъ въ Галлію, какъ завоеватель, и основалъ тамъ помимо воли римскаго императора свое независимое государство.“ Хлодовехъ представляется ему не только завоевателемъ; онъ является у него, какъ законодатель, учредитель новаго государства: „Франкское государство—оригинальное и могучее созданіе. Хлодовеха занимала мысль основать всемірную монархію; и эта основная идея оказывается идеею чисто германскаго происхожденія“. Кажется, раньше еще никогда не формулировалась въ данномъ пунктѣ такъ рѣзко и категорически германистская теорія.

впечатлѣнія, всѣ воплотившіяся въ преданіи черты воспроизводятъ тамъ въ счастливомъ побѣдителѣ образъ честолюбиваго и ловкаго военачальника окруженнаго преданнымъ ему войскомъ; ни одна изъ нихъ не вызываетъ представленія передвигающагося племени. Галлію завоевалъ не франкскій народъ, а франкскій король съ своимъ войскомъ.

4.

Хлодовехъ получилъ власть, какъ уполномоченный римскаго императора.

Можно было вывести изъ предыдущаго нашего изложенія, что во всей исторіи Хлодовеха нельзя найти ни одного факта, который рисовалъ бы его врагомъ римской Имперіи. Слѣдуетъ теперь отмѣтить, что, наоборотъ, легко указать, по крайней мѣрѣ, одно свидѣтельство, изъ котораго явствуетъ, что онъ формально признавалъ надъ собою, хотя бы номинально, верховную власть императора. «Послѣ своей побѣды надъ Готами, читаемъ мы у Григорія Турскаго, Хлодовехъ возвратился въ Туръ. Онъ получилъ тамъ отъ императора Анастасія дипломъ на консульское достоинство [1]. Онъ вступилъ тогда въ бази-

[1] *Greg. Tur.* II, 38: „Chlodovechus ab Anastasio imperatore codicillos de consulatu accepit et... tunica blatea indutus est et chlamyde, inponens vertici diadema“.—Ср. *Gesta regum Francorum* (§ 17 ed. Krusch; (Bouquet, II, p. 555): „Ab Anastasio imperatore codicillos pro consulatu“.— *Vita Remigii* (Bouquet, III, p. 379): „Ab Anastasio imperatore codicillos pro consulatu accepit; cum quibus codicillis etiam illi Anastasius coronam auream cum gemmis et tunicam blatteam misit“.

лику св. Мартина, одѣтый въ пурпурную тунику, съ консульскою мантіею на плечахъ; голова его была украшена діадемой. Затѣмъ, сѣвъ на коня, онъ проѣхалъ при большомъ стеченіи народа весь путь между атріемъ базилики и городскою церковью, бросая собравшейся толпѣ золотыя и серебряныя монеты. Съ этого времени всѣ стали называть его консуломъ и Августомъ».

Различные ученые то преувеличивали, то ослабляли значеніе этого текста, потому что не давали себѣ труда разсмотрѣть его, такъ сказать, вблизи. Григорій Турскій не говоритъ, что Хлодовехъ былъ дѣйствительно консуломъ. Поэтому не надо удивляться, что имя этого короля не находится въ консульскихъ фастахъ, въ которыя вносились лишь имена consules ordinarii. Историкъ говоритъ только, что императоръ послалъ ему консульскій дипломъ. Обычай же давать какъ бы почетный дипломъ на это званіе лицу, которое не отправляло его обязанностей, часто практиковался въ позднюю эпоху Имперіи. Можно даже сказать, что онъ былъ довольно древняго происхожденія [1]. Нерѣдко наблюдается также въ источникахъ, что императоръ посылалъ награжденному почетнымъ

[1] О такихъ почетныхъ дипломахъ „codicilli dignitatum“ или таковыхъ же должностяхъ—„dignitates codicillariae“ см. въ особенности *Cod. Theod.* VI, 22, leges 5—7, и *Ibidem*, XII, 1, 41.—У Кассіодора (Variar. VI, 1) можно прочесть довольно длинную формулу дипломовъ подобнаго рода; ср. еще *ibidem*, II, 2; въ установившейся при такихъ пожалованіяхъ пышной фразеологіи можно подмѣтить двѣ черты: во-первыхъ, что почетныя достоинства весьма цѣнились въ обществѣ, являлись даже предметомъ усиленнаго исканія; во-вторыхъ, что онѣ не давали обыкновенно носителю ихъ никакой реальной власти.

консулатомъ и внѣшніе знаки отличія консульскаго достоинства [1]. Таковыми и являлись во времена Имперіи тѣ самые знаки или «инсигніи», которые, по указанію Григорія Турскаго были препровождены Хлодовеху по приказанію императора [2]. Обычай требовалъ еще, чтобы человѣкъ, вновь облеченный достоинствомъ консула, появился народу въ торжественномъ видѣ и проѣхалъ нѣкоторое пространство среди привѣтственныхъ возгласовъ толпы. Такая церемонія называлась—*processus consularis*. Вотъ Григорій Турскій и изображаетъ, какъ совершенъ былъ Хлодовехомъ подобный выѣздъ послѣ полученія имъ «инсигній консулата».

[1] Объ *ornamenta consularia* или *insignia* см. въ особенности. *Tacit.* Annales, XVI, 17.—*Spartian*, Hadrianus, 8.—*Cod. Theod.* XII, 1, 122: „Hi quos ornavimus insignibus dignitatum...“

[2] Консулы носили пурпурное одѣяніе во время церемоніи вступленія ихъ въ достоинство и еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. См. *Herodian.* I, 16, 3. Ср. *Vopisc.* Aurelianus, 13.—Подъ „хламидой“ или мантіей Григорій Турскій разумѣетъ *paludamentum*, которое писатели временъ Имперіи обозначаютъ иногда этимъ словомъ.—Діадема не была постояннымъ знакомъ консульскаго достоинства, но въ ней нельзя искать также эмблемы королевской власти.—См. *Iuven.* X, 39—43. Она являлась наградою тріумфаторовъ (insignia triumphalia). Въ концѣ Имперіи обычай даровать полководцамъ украшенія тріумфатора настолько распространился, что дѣлается понятнымъ, почему Анастасій послалъ и ее вмѣстѣ съ консульскими украшеніями Хлодовеху—побѣдителю Вестготовъ. Можетъ возникнуть вопросъ, почему Григорій Турскій, перечисляя знаки консульскаго достоинства, присланные Хлодовеху, не упоминаетъ о связкѣ прутьевъ (*fasces*). Можетъ быть, франкскій король дѣйствительно не получилъ послѣднихъ, потому что они, равно какъ скипетръ, посылались не императоромъ, а сенатомъ (*Vopisc.* Aurelian. 13); сенатъ же, вѣроятно, не дѣлалъ этого, когда жаловался лишь почетный консулатъ (*Vopisc.* Aurelian. 13).

Нельзя допустить, чтобы франкскій вождь былъ оффиціально названъ augustus въ дипломѣ, полученномъ отъ императора, такъ какъ это былъ титулъ, исключительно принадлежавшій владыкѣ римской Имперіи; дарованіе его означало бы, что Анастасій пріобщалъ Хлодовеха къ управленію Имперіей; но Григорій Турскій говоритъ только, что съ тѣхъ поръ всѣ стали его именовать такъ, «какъ будто онъ былъ на самомъ дѣлѣ консуломъ и Августомъ» [1]. Слова эти слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что означенные титулы придавались ему народомъ послѣ разсказаннаго событія, то-есть, ему оказывались такіе же знаки почитанія и покорности, какіе обычно примѣнялись въ римской Имперіи по отношенію къ консуламъ или даже императорамъ [2]. Въ приведенномъ разсказѣ турскаго епископа все объясняется римскими обычаями, все принадлежитъ административнымъ традиціямъ Имперіи, все носитъ римскій государственный характеръ [3]. Сначала подобные факты могутъ поразить

[1] „Tanquam consul et augustus est vocitatus". Та-же фраза воспроизведена въ *Gesta*. Въ *Vita Remigii* опущено только слово—„tanquam". Другіе источники называютъ Хлодовеха еще патриціемъ. См. *Gasquet*, L'empire byzantin et la monarchie franque (P. 1888), p. 149. Въ Муассакской хроникѣ (Bouquet, II, p. 650) стоитъ: „Tanquam consul apud Augustum est appellatus".

[2] Такъ, напримѣръ, папа Анастасій называетъ его—*Serenitas Tua* (Bouquet, IV, p. 50).

[3] Юнггансъ (см. стр. 131—133 франц. перевода) ошибается, когда говоритъ, что христіанское духовенство сдѣлало изъ церемоніи возведенія въ почетное консульское достоинство религіозный праздникъ. Въ разсказѣ Григорія Турскаго мы не видимъ ничего подобнаго: обрядъ является чисто римскимъ и свѣтскимъ; онъ походитъ вообще на торжественныя шествія, которыя съ давнихъ поръ устраивались высшими сановниками Имперіи.—См. по вопросу о консульствѣ Хлодовеха только что цитированное изслѣдованіе *Gasquet*, а также нашу работу „Les titres romains de la monarchie franque" (въ сборникѣ „Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire").

насъ; но историкъ не долженъ поддаваться удивленію; въ особенности же, онъ не долженъ тотчасъ же отвергать, какъ недостовѣрное, то, что его изумляетъ съ перваго взгляда; онъ обязанъ стремиться все понять и объяснить; разсмотрѣнные же факты объясняются легко, если обратить вниманіе на рядъ аналогичныхъ имъ, которые, можно сказать, наполняютъ V вѣкъ.

Дѣйствительно, для самого Хлодовеха, какъ и для сознанія его современниковъ, римская Имперія еще продолжала существовать. У насъ до сихъ поръ многіе думаютъ, что западная Имперія исчезла въ 476 году; но люди, жившіе въ V вѣкѣ, такъ вовсе не полагали. Они издавна привыкли къ тому, что Имперія раздѣлялась между нѣсколькими императорами, причемъ никто однако не представлялъ себѣ, чтобы въ силу этого появилось нѣсколько Имперій. При сыновьяхъ Константина, или во времена Валентиніана и Валента совершались раздѣлы провинцій Имперіи между двумя и болѣе правителями, но, тѣмъ не менѣе, никогда не появлялось двухъ Имперій [1]. Одинъ историкъ, бывшій почти современникомъ разсказываемыхъ событій, сообщаетъ намъ, что послѣ смерти Ѳеодосія, сыновья его, Аркадій и Гонорій, сообща управляли Имперіею, избравъ только каждый себѣ особую резиденцію [2]. Въ теченіе восьмидесяти слѣдующихъ лѣтъ Римъ и

[1] *Zosim.* II, 39; IV, 3; IV, 19.

[2] *Oros.* VII, 36: „Commune imperium, divisis tantum sedibus tenere coeperunt".

Константинополь являлись двумя столицами одного и того же нераздѣлимаго государства, которое всѣ называли *Romana respublica* или *Romanum imperium*. Все, что входило, какъ часть, въ его составъ, называлось *Romania* [1]; всѣ населявшіе его народы были равно Римлянами. Тогда часто говорили «восточные Римляне» [2], «западные Римляне». Оба государя носили совершенно одинаковый титулъ «императора Римлянъ». Одного обозначали «восточнымъ императоромъ», другого—«западнымъ» [3]. Но они царствовали вмѣстѣ, и каждый подданный Имперіи признавалъ одновременно обоихъ императоровъ своими повелителями и теоретически былъ обязанъ повиноваться одному въ такой же мѣрѣ, какъ и другому. Для выбора двухъ консуловъ на каждый годъ оба входили въ соглашеніе между собою. Законодательные акты подписывались обоими государями [4]. Два сената — римскій и константинопольскій — въ принципѣ считались лишь частями единаго высшаго учрежденія [5], и оба властителя являлись въ сущности

[1] *Iordan.* De rebus geticis, c. 25, p. 99; c. 50, p. 178 (§ 131, 206, ed. Mommsen).

[2] *Prisc.* Fragmenta, 40, ed. Didot, p. 109: „Οἱ ἑῷοι Ῥωμαῖοι".

[3] *Iordan.* c. 45, p. 160 (§ 236, ed. Mommsen).

[4] Такъ, одинъ указъ Гонорія, относящійся къ Галліи и предписывающій провинціальному собранію впредь сходиться въ Арлѣ, озаглавленъ—„edictum Honorii et Theodosii" (*Pardessus*, Diplomata, №. 5)

[5] Такъ, кодексъ Θеодосія, составленный въ Константинополѣ, былъ внесенъ въ римскій сенатъ и вслѣдъ затѣмъ утвержденъ и принятъ въ качествѣ свода законовъ, общаго для всей Имперіи: до насъ дошелъ протоколъ засѣданія *acta senatus*, на которомъ происходило голосованіе и принятіе

по смыслу государственнаго устройства единымъ императоромъ въ двухъ лицахъ. Въ глубинѣ своего сердца они могли оказываться врагами другъ другу, но они были обязаны проявлять единую волю и единую душу; это-то именно и называлось тогда *unanimitas imperii*. Каждый изъ обоихъ императоровъ доженъ былъ царствовать въ полномъ согласіи съ другимъ. Можно даже замѣтить, что изъ двухъ столицъ Имперіи Константинополь пользовался, какъ кажется, сначала нѣкоторымъ первенствомъ; быть можетъ, происходило это потому, что въ этомъ городѣ болѣе распространено и сильно было христіанство [1]; но, можетъ быть, также и потому, что Аркадій былъ старшимъ изъ сыновей Θеодосія, наконецъ, можетъ быть, еще потому, что восточной столицѣ меньше угрожали варвары. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что каждый западный императоръ, вступая во власть, долженъ былъ испросить и получить на то согласіе императора, царствовавшаго на востокѣ. Такъ Θеодосій II не разрѣшилъ Гонорію пріобщить Константина къ императорской власти [2]. По смерти Гонорія «Θеодосій II облекъ Валентиніана III пурпуромъ» [3] Чтобы сдѣ-

этого кодекса. См. *Cod. Theod.* ed. Haenel, p. 82—88. Ср. то, что говоритъ *Ch. Lécrivain*, Le sénat à Rome et à Constantinople de Constantin à Justinien (P. 1888).

[1] Предубѣжденіе христіанъ противъ Рима и ихъ предпочтеніе къ Константинополю представляетъ собою поразительное явленіе въ IV—V вѣкѣ; этою особенностью настроенія объясняется очень многое въ теченіи событій.

[2] *Olimpiodor.* Fragmenta, 34, ed. Didot, p. 65.

[3] *Idem*, Fragmenta, 46, ed. Didot, p. 68. Ср. *Prosper. Aquitan.* (ed. Migne, p. 593): „Valentinianus decreto Theodosii Augustus appellatur".—Былъ даже моментъ, когда Θеодосій II одинъ но-

латься императоромъ, Авиту недостаточно было поддержки Готовъ и Галловъ, ни даже признанія его римскимъ сенатомъ: онъ отправилъ посольство къ императору, царствовавшему въ Константинополѣ, чтобы просить его объ *unanimitas* [1], и, получивъ санкцію, «онъ по соглашенію съ Марціаномъ раздѣлилъ съ нимъ управленіе Имперіей» [2]. Послѣ него Маіоріанъ «получилъ по приказу императора Марціана въ управленіе западную Имперію» [3]. Затѣмъ «императоръ Левъ поставилъ Анѳимія римскимъ императоромъ» [4]. Такой порядокъ, который, можетъ быть, не разъ нарушался на дѣлѣ, безспорно, какъ кажется, признавался правомъ.

Такъ какъ не существовало особой Западной Имперіи, отдѣльной отъ Восточной, то Одоакру и не пришлось разрушать первую, какъ часто говорили и повторяли историки новаго времени. Измѣненіе, произведенное имъ, выражалось только въ томъ, что до него другіе варварскіе вожди признавали императора,

силъ высшій титулъ Августа, а Валентиніанъ былъ лишь Цезаремъ. См. постановленіе 425 г. у *Bouquet*, I, 767, и хронологію кодекса Ѳеодосія (ed. Haenel), p. CXCIII.

[1] *Idat.* Chronicon: „Per Avitum, qui a Romanis et evocatus et susceptus fuerat imperator, legati ad Marcianum pro unanimitate mittuntur imperii“.

[2] *Ibidem*: „Marcianus et Avitus concordes principatu Romani utuntur imperii“.

[3] *Iordan.* De rebus geticis, c. 45, ed. Closs. p. 159 — 160 (§ 236, ed. Mommsen): „Iussu Marciani imperatoris orientalis, Maiorianus occidentale suscepit imperium gubernandum“.

[4] *Ibidem*: „Leo imperator, qui in orientali regno Marciano successerat, Anthemium, patricium suum, ordinans Romae principem destinavit“.

обитавшаго въ Римѣ или вообще въ Италіи, и часто возводили тамъ на императорскій престолъ по своему выбору людей, имъ угодныхъ. Одоакръ предпочелъ признавать своимъ государемъ императора, пребывавшаго въ Константинополѣ и не видѣть слишкомъ близко отъ себя въ Италіи верховнаго правителя, хотя бы только номинальнаго. Подъ его давленіемъ римскій сенатъ отправилъ къ императору Зенону на востокъ посольство съ заявленіемъ, что «западъ не нуждается въ особомъ императорѣ, и что для обѣихъ половинъ Имперіи достаточно одного общаго императора» [1]. Тѣмъ самымъ римскій сенатъ и Одоакръ обязывались признавать надъ собою высшую власть Зенона. Болѣе того, Одоакръ одновременно съ этимъ ходатайствовалъ для себя отъ императора титулъ патриція и право управленія Италіей [2]; Зенонъ даровалъ все то, о чемъ его просили [3], и Одоакръ сталъ, такимъ образомъ, править италійскимъ населеніемъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ константинопольскаго императора; самый титулъ патриція, который былъ ему предоставленъ, дѣлалъ изъ него, по крайней мѣрѣ, по видимости, чиновникомъ Имперіи.

Итакъ, въ 476 году произошло лишь одно измѣненіе: вмѣсто прежнихъ двухъ императоровъ въ Им-

[1] *Malchus*, Fragmenta, 10 (ed. Didot, p. 119): „Ἠνάγκασε τὴν βουλὴν ἀποστεῖλαι πρεσβείαν Ζήνωνι σημαίνουσαν ὡς ἰδίας μὲν αὐτοῖς βασιλείας οὐ δέοι, κοινὸς δὲ ἀποχρήσει μόνος ὢν αὐτοκράτωρ ἐπ᾽ ἀμφοτέροις τοῖς πέρασι“. Малхъ былъ современникомъ разсматриваемыхъ событій.

[2] *Ibidem*: „Καὶ δεῖσθαι πατρικίου τε αὐτῷ ἀποστεῖλαι ἀξίαν καὶ τὴν τῶν Ἰταλῶν τούτῳ ἐφεῖναι διοίκησιν“.

[3] *Ibidem*: „Βασίλειον γράμμα πέμπων τῷ Ὀδοάχῳ, πατρίκιον ἐν τούτῳ τῷ γράμματι ἐπωνόμασε“.

періи остался одинъ. Римское и даже варварское населеніе запада перенесло на государя, пребывавшаго въ Константинополѣ, почтеніе, которое оно оказывало раньше римскому или равеннскому императору, и весь западъ продолжалъ вѣрить въ существованіе Имперіи. Константинополь сдѣлался столицей всего извѣстнаго тогда міра [1], и императоръ въ теоріи считался верховнымъ главою его. Такое воззрѣніе ясно обнаруживается изъ исторіи Теодериха Великаго. Этотъ начальникъ остготскаго войска, который уже въ началѣ своей карьеры достигъ сана римскаго консула и назначенъ былъ членомъ константинопольскаго сената [2], получилъ затѣмъ отъ восточнаго императора разрѣшеніе отнять Италію у Одоакра и управлять сенатомъ и народомъ римскимъ [3]; императоръ же предоставилъ ему право «совлечь съ себя платье частнаго человѣка и свою племенную одежду и облечься въ царственную мантію, въ качествѣ государя Готовъ и Римлянъ» [4].—Точно также бургундскіе короли находились въ подобныхъ же сношеніяхъ съ императоромъ Анастасіемъ: они просили у него и получали римскія должности; они писали ему, что считаютъ себя его слугами и воинами, что управляютъ страною отъ его имени и на основаніи его приказаній [1].

Хлодовехъ, слѣдовательно, сдѣлалъ только то, что на его глазахъ дѣлали всѣ германскіе вожди. Какъ другіе добивались титула патриція, онъ стремился получить консульскій, который онъ—Германецъ объявилъ «высшимъ благомъ и самымъ высшимъ достоинствомъ въ этомъ мірѣ» [2]. Онъ гордился пріобрѣтеніемъ такого сана, или, по крайней мѣрѣ, считалъ нужнымъ показывать, что испытываетъ чувство гордости [3].

Нельзя сказать про него спеціально, что онъ былъ

[1] Константинополь назывался съ тѣхъ поръ „urbs regia" (*Iordan*, c. 57).

[2] *Iordan.* De rebus geticis, c, 57: „Theodericum Zeno inter proceres sui palatii conlocavit... Factus est consul ordinarius".—*Procop.* De bello gothico, I, 1: „Θευδερίχου ἀνδρὸς πατρικίου καὶ ἐς τὸν ὑπάτων δίφρον ἀναβεβηκότος ἐν Βυζαντίῳ... αὐτῷ ἐπ' ἀξίωμα βουλῆς ἥκοντι".

[3] *Iordan.* c. 57: „Zeno cum dimisit senatum populumque et commendans Romanum".

[4] *Idem*, c. 57: „Ingressus in Italiam, Zenone imperatore consulto, privatum habitum suaeque gentis vestitum seponens, insigne regii amictus (въ рукописяхъ „regio amictu"), quasi iam Gothorum Romanorumque regnator, adsumit".—Слова *regius amictus* означаютъ знаки внѣшняго отличія императорскаго сана, а не сана готскаго короля, такъ какъ Теодерихъ какъ разъ отказывался отъ національнаго одѣянія. Извѣстно, что слова *regnum*, *rex*, *regius* у Іордана прилагаются къ римской Имперіи.

[1] „Per nos administratis remotarum spatia regionum. Ambio si quid sit quod iubere dignemini".—Это письмо Авита, написанное къ императору отъ имени короля Сигизмунда. См. Epistolae, 83 (alias, 93).

[2] *Iordan.* De rebus geticis, c. 57, p. 193: „Theodericus factus est consul, quod summum bonum primumque in mundo decus edicitur".

[3] Старое мнѣніе аббата Дюбо, который думалъ, что Григорій Турскій написалъ „консульство" вмѣсто „патриціатъ", ничѣмъ не подтверждается. Новѣйшій историкъ — Зибель, съ нѣсколько большимъ правдоподобіемъ, предполагалъ, что рѣчь идетъ здѣсь о проконсульской власти. См. статью его въ „Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande, t. IV, p. 306. Прологъ къ *lex Salica* величаетъ, дѣйствительно, Хлодовеха званіемъ проконсула. Впрочемъ, патриций, консулъ или проконсулъ—все это были римскіе титулы, званія, взятыя изъ имперской табели о рангахъ, именно это намъ и важно установить въ настоящей связи.

человѣкомъ, слишкомъ ужъ много заботившимся о почетныхъ званіяхъ; но онъ хорошо зналъ, что извлечетъ изъ подобныхъ титуловъ пользу для себя. Вслѣдствіе пріобрѣтенія и принятія имъ консульскаго титула, онъ выражалъ съ своей стороны признаніе императорской власти, и самъ какъ бы санкціонировался послѣднею въ своихъ политическихъ притязаніяхъ. Между тѣмъ римское населеніе Галліи привыкло смотрѣть на императора, какъ на носителя верховной власти, даже, какъ на источникъ, отъ котораго получала свою компетенцію всякая власть въ государствѣ вообще [1]. Для людей того времени Имперія составляла то, чѣмъ станетъ въ умахъ позднѣйшихъ поколѣній наслѣдственное или божественное право: она воплощала въ себѣ единственный законный порядокъ. Представляя жителямъ Галліи письмо императора Анастасія, Хлодовехъ доказывалъ имъ такимъ образомъ законность своей власти надъ ними. Право

[1] Въ другомъ мѣстѣ (въ самомъ началѣ настоящаго тома) мы установили, что никогда не существовало въ Галліи самостоятельной арморикaнской республики. Она является измышленіемъ Дюбо, выросшимъ въ его воображеніи вслѣдствіе невѣрнаго толкованія имъ одного текста. Нигдѣ не видно, чтобы жители Галліи или какой-нибудь ея части когда бы то ни было помышляли объ утвержденіи у себя республиканскаго строя; никогда не думали они также, хотя нѣкоторые историки и утверждаютъ это, объ образованіи галльской имперіи, кромѣ развѣ только одного особаго случая во времена Веспасіана (см. въ первомъ томѣ настоящаго сочиненія—„Римская Галлія" кн. I-ую, главу 8-ю). Всѣ тѣ, кто силою захватывали въ Галліи высшую власть, всѣ, даже Постумъ, принимали титулъ римскихъ императоровъ. Идея національной имперіи, независимаго областного государства никогда не осуществлялась въ Галліи и, повидимому, очень мало занимало сознаніе ея населенія.

управлять ими по понятіямъ галло-римскаго населенія не могло вытекать ни изъ его титула короля Франковъ, не имѣвшаго въ ихъ глазахъ никакого значенія, ни изъ факта завоеванія, такъ какъ въ дѣйствительности такого завоеванія не происходило. Единственнымъ обще-принципіальнымъ основаніемъ, на которое онъ могъ сослаться, если хотѣлъ, чтобы притязанія его стали понятны населенію, было именно посланіе императора, которое, объявляя его сановникомъ Имперіи, предоставляло ему въ нѣкоторомъ смыслѣ полномочія намѣстника провинціи, которая теоретически оставалась частью римской Имперіи. То, что современному человѣку покажется пустою, можетъ быть, даже ребяческою формальностью, въ глазахъ людей той эпохи было, возможно, самымъ значительнымъ событіемъ въ правленіе Хлодовеха.

Историкъ не долженъ заниматься изученіемъ однихъ только матеріальныхъ или внѣшнихъ фактовъ, происходящихъ въ жизни какого-нибудь общества; онъ обязанъ также наблюдать, какъ эти факты понимаются его членами. Бываетъ, что событія сами по себѣ оказываютъ меньше вліянія на ходъ исторіи, чѣмъ то, какъ они были приняты переживавшими ихъ современниками. Именно отъ того, какія мысли, чувства или желанія вызвали эти факты въ сознаніи общества, зависитъ ихъ значеніе и проистекающія изъ нихъ послѣдствія.

5.

Отпаденіе франкскихъ королей отъ Имперіи.

Сыновья и внуки Хлодовеха дѣйствовали подобно ему самому. Они поддерживали частыя сношенія съ

константинопольскимъ дворомъ; лѣтописцы нерѣдко упоминаютъ о посольствахъ, отправлявшихся ими туда [1].

Сохранилось нѣсколько писемъ, адресованныхъ ими императорамъ; въ нихъ короли называютъ императоровъ именемъ „господина" (*dominus*), которое было на римскомъ оффиціальномъ языкѣ той эпохи обычнымъ терминомъ при обращеніи подданнаго къ государю. Теодебертъ, напримѣръ, писалъ такъ: „Знаменитому и преславному господину, побѣдоносному и вѣчно августѣйшему императору Юстиніану". Хильдебертъ, обращаясь къ императору Маврикію, называетъ его: „свѣтлѣйшій государь римской Имперіи, нашъ отецъ и нашъ императоръ" [2].

Когда Теодебертъ, захватилъ въ свои руки Провансъ, онъ не считалъ, что владѣетъ имъ на законныхъ основаніяхъ, пока не получилъ эту область отъ императора Юстиніана въ правильной формѣ пожалованія по особому диплому. Шестьдесятъ лѣтъ спустя, другой франкскій король заводилъ съ императоромъ Маврикіемъ переговоры въ томъ разсчетѣ, чтобы послѣдній уступилъ еще нѣсколько мелкихъ областей, расположенныхъ на южномъ склонѣ Альпъ и не вошедшихъ въ первоначальное пожалованіе [3].

Императоры давали инструкціи меровингскимъ ко-

[1] *Greg. Tur.* III, 33; IV, 39 (alias 40): VI, 2; XI, 2, 4. Gloria martyrum, 31 (alias 30).—*Fredegar.* Epitomata (III), 18; Chronic. (IV) 62 ss.—*Flodoardus*, Historia ecclesiae remensis, I, 25.

[2] Письма эти находятся въ сборникѣ *dom Bouquet*, t. IV, p. 58, 59.—Пардессю (t. I, p. 93, 153) приписываетъ ихъ Теодебальду.

[3] *Procop.* De bello gothico, III, 33. Ср. письма Григорія Великаго lib. XIII, epist. 6, 7, 47.

ролямъ. „Я,—пишетъ Теодебертъ, — съ глубокимъ благоговѣніемъ получилъ письмо, адресованное мнѣ Вашимъ Всемогуществомъ". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же самый Теодебертъ извиняется, что не исполнилъ одного приказанія императора, ссылаясь при этомъ на слишкомъ позднее его полученіе. Когда Гераклій задумалъ выкрестить или истребить Евреевъ во всей Имперіи, онъ послалъ соотвѣтствующія указанія, касающіяся этого дѣла, франкскому королю Дагоберту I, который безъ возраженій обѣщалъ подчиниться [1].

Весьма замѣчательно еще то обстоятельство, что въ теченіе жизни цѣлаго ряда послѣдующихъ поколѣній монеты, чеканившіяся въ Галліи, именно въ Ліонѣ, Реймсѣ, Мецѣ, Трирѣ, Кельнѣ—носили изображенія константинопольскихъ императоровъ; вмѣсто именъ франкскихъ королей, на нихъ читаются имена Анастасія, Юстина I, Юстиніана, Юстина II [2]. По

[1] *Dom Bouquet*, t. IV, p. 59.—*Fredegar.* Chronic. (IV), 65.—См. въ особенности о сношеніяхъ Франковъ съ Востокомъ превосходную выше названную книгу *Gasquet*, стр. 159 и слл. гдѣ всѣ затронутые здѣсь вопросы прекрасно разсмотрѣны и вполнѣ основательно разрѣшены.

[2] См. *Digot*, Histoire d'Austrasie, t. III, p. 38. — Въ различныхъ королевствахъ Меровинговъ было отчеканено значительное количество золотыхъ солидовъ и монетъ, цѣнностью въ треть солида. На нихъ начертаны имена императоровъ Анастасія, Юстина, Юстиніана, Юстина II и Маврикія. То же самое происходило въ государствѣ Вестготовъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. До эпохи Юстиніана включительно обычнымъ типомъ монеты, принятымъ во франкскомъ королевствѣ, является форма, представляющая бюстъ императора въ шлемѣ и съ оружіемъ; кругомъ выбивалось его имя; на обратной сторонѣ находилось изображеніе побѣды со словами „Victoria Augustorum" и рядомъ наименованіе или инициалы монетной мастерской. Только на двухъ

мнѣнію людей того времени, римская Имперія вовсе не погибла; она не только продолжала существовать, но именно только по санкціи верховнаго авторитета ея императоровъ можно было законно править, въ частности надъ Галліею.

изъ всѣхъ извѣстныхъ монетъ читаются имена Теодеберта I и Сигеберта I.—Послѣ Юстиніана изображеніе побѣды исчезаетъ и замѣняется крестомъ надъ символомъ земного шара (державою), что также является императорскою эмблемою; крестъ этотъ также окруженъ словами—„Victoria Augustorum". Таковы нѣсколько монетъ съ именами Юстина II и Маврикія, Ѳоки и даже Гераклія. Фигура креста замѣняетъ мѣсто образа побѣды въ Галліи въ то же самое время, какъ и въ монетныхъ мастерскихъ Востока. Монетная мастерская, гдѣ данныя деньги чеканились, обыкновенно отмѣчалась на нихъ нѣсколькими начальными буквами ея имени; позднѣе подписывается даже прямо имя монетчика. Всѣ эти монеты не могутъ быть названы римскими въ собственномъ смыслѣ слова, и онѣ не были выбиты по приказанію императоровъ. Это—монеты галльскія, меровингскія, монеты, выбитыя по приказу франкскихъ королей и подъ ихъ гарантіей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сдѣланы всѣ по римскимъ образцамъ. Франкскіе короли въ такой же мѣрѣ, какъ вестготскіе, не думали измѣнять типовъ денегъ и не рѣшились помѣщать на монетахъ свои собственныя изображенія. Они сохранили изображенія, эмблемы и имена римскихъ императоровъ не по духу особой покорности государямъ, пребывавшимъ въ Константинополѣ, а по привычкѣ въ угоду общераспространеннымъ понятіямъ, изъ уваженія къ священному характеру, который сообщался монетѣ императорскимъ изображеніемъ, наконецъ, изъ-за выгоды и для того, чтобы монета сохранила свободное обращеніе во всемъ римскомъ мірѣ. Франкскимъ королямъ не было разсчета измѣнять типы; у нихъ не было для этого средствъ, быть можетъ, даже они не чувствовали и желанія произвести подобную перемѣну. См. *Ch. Robert*, Sur la prétendue restauration du pouvoir de l'empereur Maurice dans la Province, 1883, и *A. de Barthélemy*, Numismatique de la France, (1891). Надо сдѣлать оговорку, какъ уже было замѣчено, относительно Теодеберта, который подъ конецъ своего царствованія сталъ бить деньги со своимъ именемъ и изображеніемъ; но его преемникъ, кажется, не послѣдовалъ такому примѣру. Повидимому, франкскіе короли вернулись къ этому прецеденту около 555 года и съ того времени изображеніе варварскаго государя уже часто замѣщаетъ изображеніе римскаго императора на монетахъ, чеканенныхъ въ Галліи; но только съ 613 года имя императора исчезаетъ совсѣмъ.

Нельзя сомнѣваться, что Константинополь, по понятіямъ того времени, считался истинною столицею міра [1]. Легко, конечно, предположить, что варварскіе короли не долго принуждали себя къ повиновенію, которое имъ такъ легко было нарушить. Одинъ лѣтописецъ опредѣлилъ такую перемѣну выраженіями, замѣчательными по своей ясности. Разсказывая о 524 годѣ, то-есть, о четырнадцатомъ годѣ послѣ смерти Хлодовеха, онъ говоритъ: «Это было время, когда Галлія находилась подъ владычествомъ императора Юстина». Повѣствуя вслѣдъ затѣмъ о 539 годѣ, онъ пишетъ: «Тогда короли, не обращая вниманія на права Имперіи и не думая о верховной власти римской Республики, управляли отъ своего собственнаго имени и дѣйствовали силою своей личной власти» [2].

[1] Хроники по прежнему часто называютъ Константинополь „urbs regia". Папа Григорій II въ письмѣ къ восточному императору именуетъ его—„caput christianorum" (см. *Labbe*, t. VII, col. 10).

[2] *Vita S. Treverii* (Bouquet, t. III, p. 411: „Eo tempore quo Gallia sub imperii iure Iustini exstitit... Quum Galliarum Francorumque sublato Imperii iure et postposito reipublicae dominatione, propria fruerentur potestate, evenit, ut Theodebertus rex..." Моно думаетъ, соглашаясь съ Юнгансомъ, что *Vita Treverii*, изъ которой здѣсь сдѣлана цитата, разъясняющая вопросъ,

Такимъ образомъ, люди VI вѣка отличали одинъ отъ другого два періода—первый, когда герман-

списана съ *Vita Iohannis Reomensis*. Но оба эти житія на самомъ дѣлѣ совершенно не сходны между собою. Нѣкоторыя выраженія, какъ, напримѣръ, слова — „postposita republica“, встрѣчающіяся въ обоихъ этихъ памятникахъ, не должны вводить въ заблужденіе: это были обычныя выраженія разговорнаго языка VI и VII вѣковъ. Что же касается спеціально занимающихъ насъ текстовъ, то мы замѣтимъ существенныя отличія въ обоихъ житіяхъ. — *Vita Iohannis*, говоря о началѣ проповѣднической дѣятельности святого, отводитъ его къ тому, времени, когда Хлодовехъ предпринялъ вооруженное вторженіе въ Галлію: „Quo tempore Franci cum Chlodoveo rege postposita republica terminos Romanorum irrumpentes Galliam invaserunt“. Это событіе должно было произойти около 486 г.; всѣ позднѣйшіе факты царствованія Хлодовеха оставлены безъ вниманія. Наоборотъ, *Vita Treverii* выдвигаетъ двѣ другія даты: 519 или 524 г., когда означенный святой основалъ свой монастырь, и 539 годъ когда Теодебертъ совершилъ походъ въ Италію. Любопытно, что, говоря о первомъ фактѣ, авторъ житія выражается слѣдующими словами: „Tempore quo Gallia sub imperii iure Iustini consulis exstitit“; вторую же дату онъ обозначаетъ такъ: „Tempore quo reges Francorum propria fruerentur potestate“. Ясно видно изъ сопоставленія приведенныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ двухъ агіографовъ, что общими въ нихъ являются лишь вышеуказанныя слова— „postposita republica“; по сущности же своего содержанія они совершенно отличаются другъ отъ друга и трактуютъ о различныхъ вещахъ. Намъ нѣтъ надобности предупреждать читателя, что не слѣдуетъ понимать буквально разсмотрѣнной фразы изъ *Vita Treverii* и думать, что въ 519 году Галлія дѣйствительно была „sub imperii iure“. Самое большее, если такое положеніе признавалось еще номинально. Права Имперіи являлись лишь фиктивными. Но такая фикція имѣла еще достаточно значенія въ глазахъ людей того времени, и историки не должны пренебрегать этимъ наблюденіемъ. Я считаю фактомъ, достойнымъ вниманія, что одинъ лѣтописецъ такъ или иначе признавалъ еще въ 519 году, что Галлія составляла часть римской Имперіи.

скіе вожди управляли въ качествѣ уполномоченныхъ отъ римскихъ императоровъ, второй —, когда они царствовали, какъ независимые владыки. Первый періодъ, если брать за исходную точку 406-й годъ, продолжался приблизительно триста лѣтъ; онъ захватываетъ время управленія вестготскихъ и бургундскихъ королей, царствованія Хлодовеха и его сыновей. Такимъ образомъ, четыре или пять поколѣній, жившихъ послѣ вступленія Германцевъ въ Галлію, считали себя еще подданными Имперіи; до извѣстной степени и въ дѣйствительности они оказывались таковыми. Поколѣнія, бывшія свидѣтелями разсказанныхъ событій, представляли себѣ послѣднія въ иномъ видѣ, чѣмъ ихъ потомки. Они не чувствовали въ нихъ чужеземнаго завоеванія. Безъ сомнѣнія, они сильно страдали отъ нихъ въ своемъ благосостояніи и потому много о нихъ сокрушались; они являлись жертвами множества безпорядковъ, хищеній, жестокихъ насилій; но они никогда не смотрѣли на себя, какъ на народъ, покоренный игу другого побѣдоноснаго народа. Картина, въ которой рисовались всѣ эти факты въ ихъ сознаніи, представлялась имъ совсѣмъ другою.

Галльское населеніе продолжало вѣрить въ существованіе Имперіи и считать римскаго императора своимъ верховнымъ повелителемъ. Мы можемъ даже думать, что оно тѣмъ болѣе питало привязанности къ этой отдаленной власти, чѣмъ меньше чувствовалась ея тяжесть. Она представлялась этому населенію не игомъ, подъ которымъ приходилось сгибаться, но почитаемою и священною властью, которая не могла причинять вреда; она рисовалась какъ бы отдаленнымъ провидѣніемъ, къ которому обращались взоры всѣхъ,

которое должно было служить для бѣдствующихъ какъ бы послѣднимъ утѣшеніемъ, опорою и надеждою [1].

Повѣствованія лѣтописцевъ VI и даже VII вѣковъ обнаруживаютъ одну особенность, которая сначала кажется удивительною. Хотя они пишутъ въ Галліи и являются подданными франкскихъ королей, они заботливо отмѣчаютъ восшествіе на престолъ римскихъ императоровъ въ Константинополѣ; они внимательно относятся къ тому, что происходитъ въ столицѣ Имперіи. Они считаютъ годы по константинопольскимъ консуламъ или по царствованіямъ императоровъ. Х р о н и к а с в. В а а с т а, напримѣръ, выражается такъ: «Онъ былъ назначенъ епископомъ въ пятый годъ царствованія Юстиніана, въ консульство Дедиція и Паулина, въ 1283 году отъ основанія Рима».—Та же хроника сообщаетъ въ другомъ мѣстѣ: «Св. Бертинъ умеръ въ первый годъ царствованія императора Тиберія II (578)». — «Король Франковъ Дагобертъ скончался въ третій годъ царствованія императора Льва» [2].—Такая хронологическая система у

[1] Многіе люди въ Галліи на самомъ дѣлѣ постоянно думали о далекомъ Константинополѣ. Изъ нѣсколькихъ эпизодовъ, разсказанныхъ у различныхъ авторовъ, видно, что недовольные, честолюбцы, люди, воодушевлявшіеся различными политическими притязаніями, обращались за помощью, совѣтомъ и санкціею къ императору (*Greg. Tur.* VI, 24 и 26; VII, 36.— *Fredegar.* Chronic. 5).

[2] Хроника с в. В а а с т а въ той формѣ ея, какая дошла до насъ, составлена лишь въ XI вѣкѣ; ясно, что она заимствуетъ способъ обозначать даты изъ рукописей VII вѣка. Едва-ли нужно при этомъ указывать спеціально, что лѣтописецъ часто ошибается при опредѣленіи годовъ и транскрипціи именъ. Въ различнаго рода а к т а х ъ консульскія даты довольно рано замѣнены годами царствованія франкскихъ королей.—Въ надписяхъ хронологія устанавливается по консульствомъ и проконсульствамъ до 606 года; но съ первой половины V вѣка онѣ обозначаются также по годамъ царствующаго короля. Очень возможно, что авторъ Vita Treverii, въ цитируемомъ выше мѣстѣ, сдѣлалъ намекъ на измѣненіе способа лѣтосчисленія.

франкскихъ хроникеровъ очень интересна: въ ней отражаются самые взгляды людей той эпохи на государственныя отношенія.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что римское населеніе Галліи сохранило у себя римскіе законы, бывшіе у него до Хлодовеха. Но особенно достойно вниманія, что въ то самое время, когда оно вошло въ составъ франкскаго королевства а именно спустя тридцать лѣтъ послѣ смерти Хлодовеха, оно еще принимало и на своей территоріи новые законы, обнародывавшіеся константинопольскими императорами, и считало себя обязаннымъ соблюдать ихъ. Наукою доказано, что юстиніановы законодательные сборники сохраняли силу въ Галліи до глубины среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ уже въ теченіе цѣлаго вѣка Германцы были господами страны, населеніе ея все еще направляло взоры въ сторону столицы римской Имперіи и слѣдовало законамъ, вышедшимъ и продолжавшимъ исходить оттуда; законодательствовали въ Галліи не франкскіе короли, а константинопольскіе императоры.

ГЛАВА XI.

Исчезновеніе императорской власти.

Мы показали, что среди Германцевъ надобно различать двѣ категоріи людей: во-первыхъ, группы, нападавшія на Имперію и, во-вторыхъ, группы находившіяся у нея на службѣ. Первыя въ результатѣ оказались либо отброшенными назадъ, либо уничтоженными; уцѣлѣли только вторыя. Слѣдовательно, римская Имперія не была ниспровергнута тѣми Германцами, которые на нее нападали; разрушеніе ея было совершено тѣми, которые раньше сами вошли въ составъ ея войска.

Однако, и у Германцевъ послѣдней категоріи не было, собственно говоря, сознательнаго намѣренія ниспровергнуть Имперію. Эта мысль являлась въ умахъ развѣ только нѣкоторыхъ изъ ихъ вождей. Вестготскій король Атаульфъ признавался, будто одно время онъ замыщлялъ разрушить римскую Имперію и воздвигнуть на ея развалинахъ готскую державу; но говоря это, онъ, какъ разсказываетъ традиція, прибавлялъ слѣдующее: «Увидѣвъ, однако, что Готы были еще слишкомъ грубы, чтобы подчиняться правильнымъ законамъ, и убѣдившись съ другой стороны, что безъ законовъ невозможно основать государство, онъ пришелъ къ рѣшенію попытаться направить силы Готовъ на возстановленіе блеска и могущества римской Имперіи [1].

Такимъ образомъ, и варвары питали къ Имперіи

[1] *Oros.* VII, 43.—Историкъ прибавляетъ, что оба преемника Атаульфа думали совершенно такъ же, какъ и онъ.

совершенно особое почтеніе. Одинъ изъ вестготскихъ королей, когда онъ былъ принятъ однимъ изъ императоровъ, воскликнулъ: «Да, императоръ—это земной богъ, и поднявшій руку на него долженъ заплатить за такое преступленіе своею кровью» [1]. Одинъ бургундскій король писалъ другому императору: «Мнѣ пріятнѣе повиноваться тебѣ, чѣмъ повелѣвать моему народу» [2].

Королевскій титулъ, который принимали обыкновенно эти германскіе вожди не долженъ вводить насъ въ заблужденіе. Онъ воплощалъ тогда не совсѣмъ то понятіе, какое сталъ обозначать позже: никто не думалъ сравнивать королевское достоинство съ императорскимъ. Титулъ короля считался даже значительно ниже имперскихъ званій патриція, консула и высшаго начальника военныхъ силъ (magister militum) [3].

Когда подобные короли обращались къ императорамъ лично или письменно, они говорили чрезвычайно смиреннымъ тономъ: они называли себя ихъ слугами, даже рабами («famulus vester, vester servus») [4]. Нельзя

[1] *Iordan.* De rebus geticis, c. 28.

[2] *Avit.* Epist. 83.

[3] Германское слово („к о н у н г ъ“), передаваемое латинскими писателями посредствомъ слова „*rex*“, служило общимъ обозначеніемъ вождей всякаго рода группъ: какъ можно видѣть изъ А м м і а н а, этотъ титулъ прилагался къ начальникамъ самыхъ мелкихъ варварскихъ военныхъ отрядовъ; греческіе же авторы никогда не давали такимъ вождямъ имени βασιλεύς, а присваивали имъ безъ измѣненія латинское наименованіе—ῥήξ. П р о к о п і й (De bello gothico, I, 1) говоритъ о великомъ Теодерихѣ: „Οὐ τοῦ ὀνόματος βασιλέως ἐπιβατεῦσαι ἠξίωσεν, ἀλλὰ ῥὴξ διεβίω καλούμενος“.

[4] *Hist. Francorum epitomata*, III, 11 (ed. Krusch, p. 95).—*Iordan.* De reb. get. c. 57.

найти у нихъ ни малѣйшаго признака ненависти или презрѣнія къ Имперіи; нигдѣ не обнаруживается, чтобы эти германскіе правители видѣли свою славу въ томъ, чтобы воевать съ Римомъ, никогда они не величали себя его побѣдителями.

Правда, союзные съ Римомъ германскіе князьки часто производили возмущенія противъ имперскаго правительства съ цѣлью добиться увеличенія количества предоставлявшихся имъ жизненныхъ припасовъ или надѣленныхъ имъ земель; ихъ поведеніе въ этомъ случаѣ напоминало поведеніе, усвоенное уже давно и коренною римскою арміею, которая со временъ Тиберія устраивала возстанія, требуя увеличенія жалованья. Но подобнаго рода столкновенія никогда не принимали характера попытокъ ниспровергнуть власть Имперіи. Если какой-нибудь германскій вождь способствовалъ низверженію какого-нибудь императора, онъ спѣшилъ поставить на его мѣсто другого и объявить себя его подданнымъ. Варвары сражались между собою, чтобы доставить побѣду такимъ государямъ, избраннымъ ими самими. Такъ, Вестготы сначала поддерживали Аттала, позже—Авита въ то время, какъ Свевы сражались за Маіоріана, а Бургунды за Гликерія. Эти германскіе короли никогда не помышляли захватить въ свои руки императорское достоинство, они всегда избирали кого-нибудь изъ Римлянъ: сами они какъ бы не осмѣливались облачаться въ пурпуръ.

Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что въ изучаемую нами эпоху въ природѣ императорской власти произошло одно измѣненіе. Со временъ Цезаря и Августа императоры стояли одновременно во главѣ войска

и гражданскаго населенія. Такое положеніе вещей продолжалось до Ѳеодосія. Начиная же съ правленія его сына Гонорія на западѣ оставались почти одни только варварскія войска; ими командовали ихъ племенные вожди, императоры же потеряли надъ ними непосредственную власть. Высшая военная и гражданская власть, стало быть, съ тѣхъ поръ не сосредоточиваются болѣе въ однѣхъ рукахъ.

Можно съ достаточной ясностью опредѣлить направленіе императорской политики даже среди смутъ первой половины V вѣка. Принимая къ себѣ на службу варварскіе вспомогательныя отряды войска, они въ то же время стремились сохранить существованіе и римскаго регулярнаго войска или, по крайней мѣрѣ, его кадровъ; они особенно заботились о поддержаніи въ ея неприкосновенности системы іерархическаго подчиненія высшихъ должностныхъ лицъ низшимъ, установившейся и въ военной организаціи. Они хотѣли приравнять вождей союзныхъ германскихъ отрядовъ къ положенію прежнихъ начальниковъ провинціальныхъ римскихъ военныхъ корпусовъ (такъ называемыхъ, *duces*) и поставить ихъ, стало быть, въ зависимость отъ высшихъ представителей военной власти въ Имперіи, то-есть, отъ *magistri militum*. Поэтому Аркадій и Гонорій такъ упорно отказывали Алариху въ чинѣ высшаго начальника войскъ; правительство императоровъ предпочитало тогда допустить скорѣе опустошеніе своихъ провинцій, чѣмъ сдѣлать уступку въ этомъ отношеніи притязаніямъ варварскихъ предводителей. Все правленіе Гонорія и Валентиніана III представляло собою рядъ продолжительныхъ усилій удержать германскихъ вождей подъ властью Имперіи.

Но послѣдніе также рядомъ усилій, какъ бы направленныхъ въ противоположную сторону, добились двухъ результатовъ: во-первыхъ, они достигли того, что изъ мѣстностей, гдѣ они получили постои мало-по-малу были выведены римскія войска [1]; во-вторыхъ, они заставили императоровъ предоставлять имъ самыя высокія назначенія по службѣ, то-есть, награждать ихъ почетнѣйшими званіями военной іерархіи.

Съ этого момента императоръ утратилъ всякую власть надъ арміею. Онъ оставался главою гражданскаго управленія, варварскіе вожди стали на его мѣстѣ главными начальниками военнаго. Тогда произошло то, что и должно было неизбѣжно совершиться: тотъ, кто держалъ въ своихъ рукахъ военную силу, подчинилъ себѣ и гражданскую власть. Одинъ вестготскій король фактически царствовалъ и въ Италіи за мѣсто ритора Авита, который номинально признавался императоромъ; одинъ свевскій вождь руководилъ на западѣ дѣлами Имперіи отъ имени императоровъ Севера и Анѳимія; варварскіе короли возводили и низвергали императоровъ. Тоже самое, мы можемъ убѣдиться, повторилось при аналогичныхъ обстоятельствахъ въ другую эпоху и въ другой странѣ, когда турецкіе султаны заточили арабскихъ халифовъ въ глубинѣ ихъ дворцовъ. Никто не помышлялъ объ уничтоженіи Имперіи; варвары продолжали питать къ ней уваженіе; но они не оставили ей никакой власти.

[1] Они пріобрѣли такое положеніе шагъ за шагомъ, какъ бы въ силу самаго хода вещей. Такъ именно свидѣтельствуетъ Прокопій (De bello gothico, I, 1): „Ὅσῳ τὰ τῶν βαρβάρων ἐν αὐτοῖς ἤκμαζε, τοσούτῳ τὸ τῆν Ῥωμαίων στρατιωτῶν ἀξίωμα ὑπέληγε“.

Тѣ же самыя событія, что въ Италіи, происходили въ западныхъ провинціяхъ римской Имперіи. Правительство стремилось поддержать тамъ существованіе и авторитетъ своихъ гражданскихъ чиновниковъ; поэтому мы видимъ, что въ Галліи до половины V вѣка назначались префекты преторія [1]. Такимъ образомъ, у гражданскаго населенія были свои римскіе правители, у военнаго — свои германскіе вожди. Но такой порядокъ вещей не могъ долго продолжаться. Легко понять, какое столкновеніе должно было неминуемо произойти между двумя указанными органами власти; не трудно предвидѣть, которой изъ нихъ пришлось пойти на уступки. Гражданскія власти были вскорѣ затерты и оттѣснены, а, обезсилѣвъ, онѣ должны были кончить тѣмъ, что исчезли.

Ихъ мѣсто заняли варварскіе короли. Въ теченіе всего V вѣка мы видимъ, какъ эти короли домогались титуловъ консула или патриція и усердно хлопотали изъ-за нихъ передъ императорскимъ правительствомъ. Достиженіе подобныхъ желаній не было съ ихъ стороны лишь пустымъ удовлетвореніемъ тщеславія. Тѣмъ самымъ они пріобрѣтали въ странахъ, въ которыхъ утвердились, компетенцію высокихъ гражданскихъ должностей. А такой результатъ приводилъ къ распространенію высшихъ полномочій гражданскаго управленія на варварскихъ королей, въ тѣхъ же са-

[1] Префектовъ преторія въ Галліи, принадлежавшихъ, какъ видно по ихъ именамъ, къ галло-римскимъ фамиліямъ, можно встрѣтить до 476 г. См. *Dom-Vaissette*, Histoire générale de Languedoc, nouv. ed. t. II, p. 114—115.—Нужно, впрочемъ, замѣтить, что у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, насколько и какъ эти послѣдніе префекты могли пользоваться своими правами.

мыхъ территоріяхъ, гдѣ они уже пользовались совершенно самостоятельно военною властью.

Съ тѣхъ поръ германскій король становился одновременно предводителемъ войска и правителемъ мирнаго населенія провинціи. Онъ завѣдывалъ администраціею; онъ взымалъ налоги; городскія куріи посылали ему свои платежи. Онъ отправлялъ правосудіе; онъ подобно прежнимъ префектамъ и другимъ императорскимъ чиновникамъ, являлся въ преторій, и жители должны были обращаться къ нему со своими жалобами и просьбами. Онъ совмѣщалъ въ себѣ такимъ образомъ всѣ аттрибуты верховной власти; правда, онъ юридически самъ получалъ ихъ какъ бы изъ рукъ римскаго императора, уполномоченнымъ и чиновникомъ котораго онъ, собственно, являлся по буквѣ закона; но на дѣлѣ онъ оказывался должностнымъ лицомъ совсѣмъ особаго рода: его нельзя было отставить или отозвать; въ его рукахъ находились вооруженная сила и деньги въ видѣ налоговъ, которые онъ собиралъ; онъ былъ всемогущъ и распоряжался въ своей провинціи, какъ безусловный ея господинъ. Императоры въ тѣ времена попали въ положеніе, довольно аналогичное тому, въ какую жизнь поставила впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, франкскихъ королей. Вожди, повидимому, находившіеся въ зависимости отъ ихъ верховной власти сдѣлались несравненно могущественнѣе ихъ самихъ. Не располагая болѣе ни финансами, ни арміями, императоры должны были утерять непосредственную, реальную власть надъ подданными: они сохраняли лишь номинальный суверенитетъ, они пользовались внѣшнимъ почетамъ, но были совершенно безсильны въ политическомъ отношеніи.

Въ 476 г. одинъ изъ германскихъ вождей, правившихъ въ Италіи, Одоакръ, происходившій изъ племени Геруловъ, назвалъ себя государемъ Италіи. Чтобы достигнуть такой цѣли, онъ не считалъ вовсе необходимымъ уничтожать римскую Имперію; но не желая чувствовать и видѣть слишкомъ близко отъ себя особу императора, онъ придумалъ перенести императорскія прерогативы и надъ западною частью государства, на государя, царствовавшаго въ Константинополѣ. Римскій сенатъ, считавшійся тогда еще оффиціальнымъ и легальнымъ представителемъ римскаго міра, отправилъ къ императору Зенону посольство съ заявленіемъ, что во главѣ Имперіи долженъ стоять одинъ только правитель, и что онъ объявляется единственнымъ императоромъ Востока и Запада. Одоакръ, съ своей стороны, препроводилъ къ нему императорскія регаліи или инсигніи, что было равносильно признанію его верховной власти и со стороны варварскаго вождя. Еще болѣе яснымъ формальнымъ доказательствомъ такого признанія является то обстоятельство, что Одоакръ ходатайствовалъ у императора о дарованіи ему «званія римскаго патриція и права управлять населеніемъ Италіи». Онъ дѣйствительно получилъ то, чего домогался. Съ тѣхъ поръ Одоакръ сдѣлался одновременно варварскимъ королемъ и римскимъ патриціемъ то-есть, военнымъ и гражданскимъ главою Италіи, номинально лишь подчиняясь мало стѣснительной верховной власти императора.

Германскіе вожди, занимавшіе Галлію, дѣйствовали совершенно такъ же, какъ Одоакръ: они признавали императоромъ государя, царствовавшаго въ Константинополѣ. Въ особенности, бургундскіе ко-

роли положительно расточали ему знаки своего подчиненія. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ каждый изъ нихъ ходатайствовалъ о пожалованіи ему званія начальника войскъ и достоинства патриція. По ихъ собственнымъ словамъ, они царствовали, лишь повинуясь императору; они гордились своимъ положеніемъ имперскихъ чиновниковъ. Точно такъ же власть Хлодовеха надъ Галліей, которую онъ захватилъ въ свои руки, пріобрѣла законность, именно благодаря письму, полученному имъ отъ императора; въ Константинополь же долго еще обращались для санкціонированія своихъ завоеваній и его сыновья. Франкскіе короли смотрѣли на императоровъ, какъ на своихъ верховныхъ государей и естественныхъ владыкъ.

Слѣдовательно, не вполнѣ правильно утверждать, что римская Имперія была уничтожена въ 476 году; въ глазахъ современниковъ существованіе ея не прекращалось и послѣ этого. Современникамъ не представлялось важнымъ, пребываетъ-ли ея глава въ Римѣ или въ Константинополѣ: римская Имперія, обнимавшая весь древній міръ, продолжала существовать въ сознаніи ея жителей.

Что исчезло несомнѣнно,—это была сила Имперіи. Живымъ и цѣлымъ оставался нѣкоторый отвлеченный образъ высшей власти, священной и неприкосновенной. Имя Имперіи въ одинаковой мѣрѣ почитали и Германцы, и Галлы, но никто не оказывалъ ея властителю повиновенія. Сила и власть принадлежали германскимъ вождямъ; отъ нихъ исходили указы, которымъ должно было подчиняться населеніе. Однако, тотъ фактъ, что варварскіе вожди смотрѣли на себя, какъ на уполномоченныхъ высшей власти, не прошелъ безъ значенія въ ходѣ исторіи не осталось безъ послѣдствій и то обстоятельство, что великое имя Имперіи продолжало въ ихъ умахъ какъ бы парить надъ ихъ государствами и властью.

ГЛАВА XII.

Отношенія Германцевъ и галльскаго населенія.

До сихъ поръ мы разсматривали лишь отношенія между императорской властью и германскими военными силами. Остается теперь выяснить вопросъ, въ какой формѣ сложились отношенія между варварами и галло-римскимъ населеніемъ. Въ первой книгѣ настоящаго тома мы изучили послѣдовательно политическій строй Имперіи, установившіеся въ ней аграрные порядки и положеніе личностей; мы познакомились съ римскимъ государствомъ и галльскимъ обществомъ во времена начинавшихся германскихъ вторженій. Послѣ этого мы только что описали, какія формы связи выработались между Германцами, вступившими въ предѣлы Имперіи и императорскимъ правительствомъ; мы попытались убѣдиться, въ какой мѣрѣ варварское нашествіе являлось дѣйствительно побѣдою ихъ надъ Имперіей. Посмотримъ теперь, наконецъ, какъ эти Германцы поступали въ занятыхъ ими областяхъ съ людьми и землями? Оказалось-ли въ самомъ дѣлѣ ихъ утвержденіе на римской почвѣ настоящимъ завоеваніемъ земель, и привело ли оно къ порабощенію людей?

Чтобы опредѣлить, какъ сложились съ самаго начала легальныя отношенія между туземнымъ населеніемъ и поселенными среди него варварскими войсками,

надобно представить себѣ нормальный порядокъ, установленный законами Имперіи еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ для распредѣленія и содержанія ея собственныхъ армій.

Прежній обычай собирать военныя силы въ большія массы и располагать ихъ на границахъ государства, былъ вообще оставленъ преобразованною Имперіею послѣднихъ вѣковъ; теперь отдавалось предпочтеніе системѣ раздѣленія армій на небольшіе отряды, которые расквартировывались въ разныхъ мѣстностяхъ внутри страны. Для этой цѣли территорія Имперіи была разбита іерархически на рядъ военныхъ округовъ, подобно тому, какъ она уже раньше дѣлилась на префектуры и діоцезы по отношенію къ гражданской администраціи. Вся Галлія образовывала одну большую военную область, во главѣ которой стоялъ высшій главнокомандующій, называвшійся, какъ извѣстно,—*magister militum*. Далѣе она подраздѣлялась на нѣсколько меньшихъ военныхъ округовъ; каждый изъ послѣднихъ находился подъ завѣдываніемъ начальниковъ, носившихъ наименованіе *dux* или *comes*, власть которыхъ походила на полномочія современныхъ дивизіонныхъ генераловъ. Такіе округа дробились еще на болѣе мелкіе военные участки, въ каждомъ изъ которыхъ располагался на постоянное жительство одинъ римскій легіонъ, или отрядъ (*ala*) кавалеріи, или, наконецъ, корпусъ варваровъ-федератовъ.

Указанныя вооруженныя силы обязывались защищать ту страну, гдѣ они были расквартированы; въ отплату за это мирное населеніе каждой данной области должно было продовольствовать своихъ военныхъ защитниковъ и давать имъ мѣсто для постоя. Въ силу такого принципа на дѣлѣ территорія такой-то муниципальной общины какъ бы «ассигнировалась» такой-то военной части и тѣмъ превращалась извѣстнымъ образомъ какъ бы въ собственность послѣдней. Дѣйствительно, область фактически составляла принадлежность войска не въ томъ смыслѣ, чтобы землевладѣльцы ея территоріи подвергались экспропріаціи, а въ томъ, что они должны были удовлетворять всѣмъ нуждамъ солдатъ. Послѣдніе пріобрѣтали право на даровыя квартиры; это называлось *hospitalitas*. Они могли также требовать для себя провіантъ, фуражъ для скота, даже лошадей и одежду.

Каждый начальникъ отряда самъ производилъ эти обязательные сборы съ населенія. Для такой цѣли въ его распоряженіи всегда находилась группа особыхъ должностныхъ лицъ, довольно похожихъ на чиновниковъ гражданской администраціи: одни изъ нихъ занимались подыскиваніемъ помѣщеній для постоя; другіе опредѣляли количество провіанта и фуража, признававшееся необходимымъ. Эти должностныя лица раздавали солдатамъ купоны или билеты (*pittacia*), по которымъ плательщики обязаны были выдавать продовольствіе [1].

Указанныя повинности ложились исключительно на землевладѣльцевъ. По установленному правилу, каждый изъ нихъ долженъ былъ отдать треть своего дома и извѣстное количество провіанта пропорціонально цѣнности или доходности своихъ владѣній.

[1] *Cod. Theod.* VII, 8, De metatis; II, 4, De erogatione militaris annonae.—*Novell. Theod.* II, tit. 25.

Чтобы хорошо понять устройство описываемыхъ порядковъ, надо вспомнить, что военные люди того времени не были похожи на современныхъ солдатъ. Воиномъ являлся не юноша, отнимавшійся на нѣсколько лѣтъ отъ участія въ гражданской жизни и принуждавшійся подчиниться на этотъ періодъ условіямъ общаго казарменнаго быта. Римскій солдатъ временъ Имперіи оставался подъ оружіемъ почти всю свою жизнь; онъ вступалъ въ бракъ и пріобрѣталъ семью, не переставая служить. Онъ не долженъ былъ обитать въ одномъ мѣстѣ съ другими. Каждый воинъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми и со своими стариками, иногда даже съ однимъ или двумя рабами помѣщался на извѣстной части помѣстья какого-нибудь крупнаго собственника и содержался тамъ на доставлявшееся послѣднимъ продовольствіе.

Войско, стало быть, пользовалось чѣмъ-то въ родѣ права сбора съ земель, которыя оно какъ бы обязывалось за это защищать. Территорія, назначавшаяся каждому военному отряду, становилась въ нѣкоторой степени его имуществомъ. Она не превращалась въ его полную собственность въ строгомъ и юридическомъ смыслѣ слова, но на нее, по крайней мѣрѣ отчасти, распространялось его право владѣнія. Такое пользованіе частью доходовъ съ земель, на которыхъ войско расквартировывалось, замѣняло ему жалованіе.

Впрочемъ, императорское правительство заботилось о томъ, чтобы соблюдалась строгая мѣра между правами собственниковъ и помѣщенныхъ на постой вооруженныхъ людей. Оно требовало въ особенности, чтобы всѣ письменныя разрѣшенія на постой и на

полученіе продовольствія, выдававшіяся солдатамъ ихъ военными начальниками, контралировались гражданскими властями. Текстъ многихъ законовъ доказываетъ также, насколько внимательно это правительство старалось защищать землевладѣльцевъ противъ злоупотребленій, насилій и излишней алчности войска.

Когда Вестготы и Бургунды были допущены къ поселенію въ предѣлахъ Имперіи, римское правительство разсматривало ихъ, какъ вспомогательныя арміи, и они были испомѣщены по обычнымъ уставамъ о военномъ постоѣ. Жители мѣстностей, гдѣ варвары были расквартированы, обязывались ихъ кормить и одѣвать. Имъ не платили никакого жалованья деньгами, но предоставили занять опредѣленныя полосы въ назначенной для нихъ провинціи. Въ такомъ именно смыслѣ лѣтописцы и говорятъ, что римское правительство послѣ того, какъ оно побѣдило Бургундовъ, опредѣлило имъ Сабаудію для поселенія. Вестготамъ также были отданы въ видѣ вознагражденія за оказанныя ими услуги территоріи городскихъ общинъ Бордо Пуатье, Перигора, Ангулема и Тулузы. Это не значитъ, что перечисленныя области были отдѣлены отъ Имперіи, и что вестготскіе и бургундскіе вожди образовали изъ нихъ самостоятельныя государства. При этомъ только подразумѣвалось, что варварскіе предводители пріобрѣтали въ предоставленныхъ имъ странахъ власть, подобную той, какою прежде тамъ пользовались римскіе военные начальники (*duces*). Это не означало, стало быть, что территорія названныхъ провинцій становилась собственностью Германцевъ; соглашеніе съ ними имѣло лишь тотъ смыслъ, что варварскимъ союзнымъ войскамъ присваивалось право на

такъ называемое «гостепріимство» (hospitalitas) [1], и они могли разсчитывать на даровое содержаніе отъ туземныхъ жителей. Землевладѣльцы занятыхъ округовъ обязаны были продовольствовать ихъ и давать имъ квартиры, подчиняясь дѣйствовавшимъ постановленіямъ о военномъ постоѣ. Часть сбора съ провинціальной почвы замѣняла имъ жалованье. Варвары «получали извѣстнаго рода право пользованія или владѣнія» землями, на которыхъ они были помѣщены («praesumebant possessionem»), какъ говоритъ лѣтописецъ. Вестготскій и бургундскій короли являлись въ предоставленныхъ имъ областяхъ тѣмъ, чѣмъ раньше были римскіе корпусные командиры (*duces*): назначавшіеся ими начальники завѣдывали точнымъ распредѣленіемъ между людьми помѣщеній и провіанта [1].

Новопришельцы оказались, однако постояльцами (гостями—*hospites*), болѣе неудобными, чѣмъ были прежніе солдаты Имперіи. Сидоній Аполлинарій оставилъ намъ описаніе тѣхъ непріятностей, которыя онъ претерпѣлъ, когда ему пришлось раздѣлить съ варварами свой домъ. Если мы будемъ себѣ представлять, что авторъ здѣсь жалуется на униженія, причиня-

[1] Вѣроятно, имъ давали въ пользованіе также и государственныя земли.

[2] Существуютъ письма Теодериха Великаго, которыя объясняютъ намъ всѣ установившіеся тогда порядки, опредѣлившіе отношенія между варварами и Римлянами. Въ одномъ изъ нихъ онъ совѣтуетъ жителямъ Прованса „ut exercituales iuventur expensae; invalidus est enim ieiunus defensor“.—Въ другомъ, наоборотъ, онъ освобождаетъ ихъ отъ этой повинности: „Iusseramus, ut Provincia Gothis nostris alimonia praestaret; sed ne nimia possessores illatione graventur, ex Italia destinamus exercituales expensas“ (*Dom Bouquet*. t. II, p. 7, 10).

вшіяся ему врагами-завоевателями, на притѣсненія и грабежи вторгнувшагося непріятеля, то мы очень ошибемся. Ничего подобнаго Сидоній не говоритъ. Его страданія ограничивались слѣдующимъ. Въ отвѣтъ на просьбу одного друга написать ему свадебный гимнъ, поэтъ посылаетъ ему изящно построенное посланіе въ такихъ выраженіяхъ: «Какъ хочешь ты, чтобы я сложилъ для тебя свадебную пѣснь, когда я окруженъ толпою этихъ длинноволосыхъ людей, и меня оглушаютъ хриплые звуки ихъ языка? Я слышу пѣніе пьянаго Бургунда, и мой поэтическій пылъ замерзаетъ. Моя муза не умѣетъ болѣе создавать шестистопные стихи съ тѣхъ поръ, какъ она видитъ около себя семиногихъ покровителей («ex quo septipedes videt patronos»). Счастливъ ты, что не приходится тебѣ десять разъ въ утро нюхатъ ихъ чесночный запахъ: а мы съ самаго разсвѣта получаемъ привѣтствія этихъ исполиновъ, которые являются къ намъ съ поклонами, будто бы къ своимъ почтеннымъ прародителямъ» [1]. Это была назойливая почтительность, дань уваженія, безъ котораго невольные хозяева охотно бы обошлись. Все это вѣрно, но какъ далеко такое отношеніе варваровъ къ Римлянамъ отъ грубой надменности новыхъ господъ! Настоящимъ господиномъ остается все-таки тотъ, кого пришельцы являются привѣтствовать каждое утро, то-есть, гало-римскій крупный землевладѣлецъ.

Несомнѣнно, чтобы понять, какъ осуществлялся установленный между варварами и Римлянами раздѣлъ жилища въ видѣ какъ бы принудительнаго гостепрі-

[1] *Sid. Apoll.* Carmina, XII.

пріимства (hospitalitas), надо постараться представить его себѣ не на образцѣ нашихъ теперешнихъ домовъ; слѣдуетъ вспомнить устройство домовъ того времени. Не будемъ упускать изъ вида, что тогда господствовала повсюду крупная собственность. Жилища владѣльцевъ обширныхъ имѣній, называвшихся на языкѣ той эпохи сенаторами, являлись обыкновенно сложнымъ и громаднымъ комплексомъ зданій, большою «виллою»; это было нѣчто вродѣ цѣлой деревни, въ которой можно было найти многочисленныя казармы для слугъ всевозможныхъ категорій, затѣмъ помѣщенія для друзей и личныхъ гостей хозяина и отдѣльное просторное жилье для самого господина и его семьи. Небольшой отрядъ Бургундовъ могъ свободно расположиться въ такомъ обиталищѣ, стѣсняя владѣльца дѣйствительно лишь шумными пѣснями и слишкомъ усердными привѣтствіями.

Другой современный писатель разсказываетъ намъ, каковыми представлялись постояльцы-Вестготы. Мы читаемъ о нихъ у поэта Паулина Пелльскаго, аквитанскаго собственника: «Мой домъ былъ полонъ красоты и удобства; важною прелестью его являлось еще то, что онъ одинъ оказался избавленъ отъ обязанности принять постояльца изъ готскаго племени; но такая милость судьбы стала причиною моего несчастья, такъ какъ, уходя изъ страны, варварское войско не преминуло разграбить ее; не имѣя подъ своимъ кровомъ никакого защитника, моя усадьба пострадала особенно жестоко; наоборотъ, мнѣ извѣстно, что вестготскіе постояльцы часто заботились объ охранѣ домовъ, въ которыхъ они были поселены» [1].

[1] *Paulin. Pell.* Eucharisticos, v. 283—290.

Такимъ образомъ, постоялецъ-варваръ часто являлся опаснымъ, иногда онъ приносилъ и пользу, но всегда былъ стѣснителенъ; однако изъ всѣхъ описаній, оставленныхъ намъ современниками, съ очевидностью выводится заключеніе, что онъ ни въ какомъ случаѣ не становился хозяиномъ въ новомъ мѣстѣ жительства.

Впрочемъ, легко догадаться, къ какимъ еще болѣе важнымъ излишествамъ и къ какимъ безпорядкамъ могло часто приводить такое принудительное сожительство. Можно представить себѣ неизбѣжность столкновеній между людьми, которые не понимали другъ друга, и интересы или стремленія которыхъ были совершенно противоположны. Нѣтъ нужды говорить, что контролирующая власть органовъ гражданскаго управленія оказывалась почти всегда безсильною; вскорѣ она даже исчезла совсѣмъ.

Такимъ-то образомъ утвердились Германцы среди Галло-римлянъ. Послѣдніе не были завоеваны въ точномъ смыслѣ слова, такъ какъ Германцы явились къ нимъ подъ именемъ союзныхъ войскъ и часто предъявляли въ оправданіе своихъ притязаній оффиціальный приказъ императорскаго правительства; но тѣмъ не менѣе въ странѣ помѣстилось новое вооруженное населеніе, которое должно было жить тамъ на счетъ прежняго, мирнаго. Не произошло, собственно говоря, ни вторженія, ни завоеванія, но совершилось зло, очень похожее на то, которое причиняютъ обыкновенно завоеваніе и вторженіе.

Новѣйшіе историки были чрезвычайно поражены тѣмъ, что галльское населеніе не оказало никакого сопротивленія вступленію Германцевъ въ ихъ страну.

Одни изъ нихъ объясняли обстоятельство это трусостью жителей Галліи, другіе ихъ ненавистью къ Имперіи. Но ни то, ни другое толкованіе не соотвѣтствуютъ показаніямъ имѣющихся у насъ документовъ эпохи.

Факты совсѣмъ не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы туземное населеніе Галліи отличалось трусостью. Историки того времени не разъ указываютъ, что изъ Галловъ составлялись самыя лучшія военныя силы Имперіи. «Они могутъ носить оружіе во всякомъ возрастѣ, говоритъ Амміанъ Марцеллинъ; молодые и старые, они бросаются въ битву съ одинаковымъ жаромъ, и нѣтъ ничего такого, чего не пересилили бы эти тѣла, закаленныя въ постоянныхъ воинскихъ упражненіяхъ; уловка, къ которой прибѣгаютъ Италійцы, часто отрубающіе себѣ большой палецъ руки, чтобы избѣжать воинской повинности, совершенно чужда и неизвѣстна Галламъ» [1].—Въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ говоритъ о ихъ физической силѣ, равно какъ и о ихъ мужествѣ («corporum robur audaciaque»). Такимъ образомъ, Галло-римляне отнюдь не представляли собою выродившейся расы. Амміанъ съ восхищеніемъ разсказываетъ исторію двухъ галльскихъ легіоновъ, которые съ неукротимымъ пыломъ сражались противъ цѣлой персидской арміи за тысячу миль отъ своей родины. Не менѣе мужества обнаруживали они и у себя дома. Именно, стоя во главѣ Галловъ, императоръ Юліанъ множество разъ побѣждалъ сильно превосходившихъ по числу его войска

[1] *Ammian*. XV, 12.—Юліанъ (Panegyr. Constant. c. 31) говоритъ еще, что никто не видѣлъ, чтобы галльскій воинъ обернулся къ непріятелю спиною.

Германцевъ, и историкъ говоритъ по этому поводу, что «никогда не наблюдалось, чтобы галльскій воинъ, разъ напавъ на врага, не истребилъ его въ конецъ или не заставилъ молить о пощадѣ».

Тѣ, кто утверждаетъ, что эти люди ненавидѣли Имперію и присутствовали при ея паденіи съ тайной радостью, высказываютъ еще другое предположеніе, которое также не опирается рѣшительно ни на какомъ фактическомъ основаніи. Если и наблюдалось нѣсколько возстаній багаудовъ и рабовъ, это нисколько не мѣшало обществу въ его цѣломъ оставаться по настроенію совсѣмъ римскимъ. Сопротивленіе податного населенія правительственнымъ финансовымъ чиновникамъ при сборѣ налоговъ вовсе не доказываетъ, чтобы оно вообще предпочитало владычество Германцевъ власти римскихъ императоровъ. Одна фраза греческаго историка Зосима могла навести на мысль, что часть Галліи добровольно отложилась отъ Имперіи въ 408 году; но другой галльскій писатель, самъ уроженецъ Галліи, открываетъ намъ, что въ 417 году эта провинція спокойно подчинялась римскому областному намѣстнику, а пятьдесятъ лѣтъ спустя Прокопій отмѣчаетъ еще, что эта же самая страна обнаруживала даже мужественную привязанность къ Имперіи [1]. Въ теченіе всего разсматриваемаго вѣка нельзя найти ни одного факта, привести ни одной фразы, которые являлись бы признаками чувства ненависти жителей Галліи къ Риму или императорскому правительству.

[1] *Rutil.* Itiner. I, v. 213. — *Procop.* De bello gothico, I, 12.

Очень просто опредѣлить причину, почему Галлы не сопротивлялись варварамъ. Германцы вступали въ предѣлы провинціи, какъ вспомогательныя войска Имперіи; они двигались подъ ея знаменами, и ея чиновники распоряжались ихъ расквартированіемъ. Гражданскому населенію оставалось только подчиниться императорскому приказу. Оно получало право сопротивляться федератамъ только въ томъ случаѣ, если послѣдніе переходили за границу назначенныхъ имъ мѣстъ для поселенія; многія галльскія городскія общины поступали именно такимъ образомъ. Онѣ много разъ боролись противъ притязаній варварскихъ вождей: мы видимъ, что Арль, Нарбонна, Клермонъ выдерживали нападенія и отражали приступы. Подобные случаи не принимали и не могли принять характера великой національной борьбы; это были просто столкновенія между военною и гражданскою частями населенія. Императорское правительство выступало въ роли верховнаго посредника между ними, и много разъ, можно видѣть это по источникамъ, оно высказывалось противъ дѣйствій городовъ, осуждало ихъ за сопротивленіе Германцамъ и заставляло ихъ подчиняться. Легко понять, какую неувѣренность должно было чувствовать населеніе, какъ должны были путаться даже чиновники среди такого сложнаго положенія вещей. Естественно зарождались сомнѣнія относительно устойчивости подобныхъ порядковъ, сомнѣнія вызывали усиленную заботу о самосохраненіи и всякаго рода происки и интриги. Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить извѣстная исторія Арванда, который былъ обвиненъ въ замыслѣ раздѣлить Галлію между Вестготами и Бургундами [1].

[1] Она разсказана была выше.

Въ самыхъ областяхъ, которыя были отданы Бургундамъ и Вестготамъ для поселенія, Галло-римляне оставались подданными Имперіи. Они подчинялись императорскимъ чиновникамъ, намѣстникамъ, префектамъ преторія. Они выполняли денежныя и вообще матеріальныя повинности по отношенію къ германскимъ союзникамъ именно въ качествѣ подданныхъ Имперіи и въ силу императорскихъ постановленій.

Послѣднее не смягчало, конечно, трудности ихъ положенія. Они не пережили настоящаго вражескаго нашествія и завоеванія, но все-таки чувствовали, что тягости ихъ увеличились, а существованіе становилось все болѣе тревожнымъ. Эти вооруженные чужеземцы, внѣдрившіеся въ страну, были грубы и жадны. Противъ нихъ нельзя было найти ни въ комъ защиты, такъ какъ императорскіе чиновники были, очевидно, безсильны, и населеніе находилось въ полной власти варваровъ-воиновъ. Письма Сидонія Аполлинарія даютъ ясное понятіе о томъ совершенно необычайномъ положеніи населенія, которое оффиціально считалось еще находящимся въ подданствѣ у Имперіи, но принуждено было постоянно склонять голову передъ капризами начальника иноплеменныхъ союзныхъ отрядовъ и не могло добиться охраны отъ своего законнаго правительства.

Варвары-федераты дѣйствительно присваивали себѣ странныя вольности и привилегіи. Сидоній Аполлинарій разсказываетъ, что во время полнаго мира одинъ изъ ихъ вождей, въ то время какъ подъ начальствомъ римскаго полководца участвовалъ въ походѣ противъ Готовъ для защиты Имперіи, безъ всякаго повода зарѣзалъ помощника какого-то римскаго должностного лица [1].

[1] *Sid. Apoll.* Panegyric. Avit. v. 245 ss.

Другой современникъ, Паулинъ Перигорскій, говоритъ объ этихъ варварахъ, что «ихъ едва можно было выносить, какъ союзниковъ, и что они причиняли болѣе зла, чѣмъ тѣ, противъ кого ими приходилось пользоваться» [2]. Таковы были эти удивительные воины, которыхъ Имперія принуждена была брать себѣ на службу; провинціи почти одинаково страдали отъ ихъ вѣрности, какъ и отъ ихъ возмущеній.

Такимъ образомъ, несчастья населенія были очень велики; всѣ современные писатели свидѣтельствуютъ о нихъ. «Мы находимся подъ игомъ варваровъ», говоритъ Сальвіанъ, писавшій, однако, въ городѣ, который, безъ сомнѣнія, оставался римскимъ: «Мы платимъ имъ дань; мы чувствуемъ себя среди нихъ, какъ среди непріятелей; мы живемъ въ вѣчной опасности и страхѣ, какъ плѣнники; они—хозяева римской земли» [1]. Сидоній Аполлинарій разсказываетъ о бѣдствіяхъ его области — Оверни, которая была расположена по несчастью, между территоріями, занятыми Вестготами и Бургундами, и являлась поэтому полемъ для ихъ столкновеній, а часто становилась и добычею ихъ алчности: «Варвары разнузданы, и провинціи подвергаются постояннымъ разбоямъ», сообщаетъ одинъ хроникеръ. «Въ настоящемъ году, говоритъ другой лѣтописецъ, состояніе Имперіи было еще бѣдственнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было; не было ни одной провинціи, которая оставалась бы свободною отъ варваровъ» [1].

[1] *Paulin.* Vita S. Martini, VI, v. 216.

[2] *Salv.* De gubernatione Dei, l. IV, V, VI: „Inundarunt Gallias gentes barbarae. Vectigales barbaris sumus. Nulla iam pax, nulla securitas. Barbari, quos Deus in medio reipublicae sinu positos possessores fecit ac dominos soli romani“. Чтобы истолковать приведенные отрывки въ истинномъ смыслѣ, надобно принять въ разсчетъ обычный напыщенный языкъ Сальвіана и его склонность къ преувеличеніямъ. Городъ Марсель, въ которомъ жилъ этотъ писатель, былъ совершенно свободенъ отъ варварскаго владычества.

Послѣ всего этого съ перваго раза трудно понять, почему же ни одинъ писатель той эпохи не разсказываетъ ничего о томъ, чтобы произошло завоеваніе, тогда какъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они въ одинъ голосъ согласно описываютъ бѣдствія современниковъ. Для населенія, оказывается, не представляло особеннаго различія, вступали-ли эти чужеземцы въ качествѣ воюющаго непріятеля, или въ качествѣ наемниковъ Имперіи; ихъ жадность надо было удовлетворять одинаково въ обоихъ случаяхъ. Такъ или иначе, приходилось оплачивать изъ своихъ средствъ ихъ содержаніе. Всякое сопротивленіе, всякое недоброжелательство вызывало ихъ гнѣвъ и давало поводъ для жестокихъ насилій съ ихъ стороны. Поколѣнія людей того времени терпѣли такія же несчастья, какъ если бы они были покорены внѣшнимъ врагомъ; но, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изученія, послѣдствія того порядка, какимъ Германцы утвердились на почвѣ римскихъ провинцій, оказались въ будущемъ совершенно иными, чѣмъ если бы варвары овладѣли тѣми же странами открытымъ завоеваніемъ.

---

[1] *Chronic. Idatii et Prosper. Tironis*, anno 450: „Quum ne una quidem sit absque barbaro cultore provincia“.

ГЛАВА XIII.

Римское населеніе Галліи не было лишено свободы.

Обыкновенно представляютъ себѣ исторію Франціи, начинающеюся съ страшнаго катаклизма, произведеннаго будто бы громаднымъ вторженіемъ Германцевъ. Воображаютъ себѣ Галлію наводненною Германцами, раздавленною, порабощенною ими. Неоспоримо, что большое число Германцевъ, дѣйствительно, вступило въ Имперію; несомнѣнно также, что они различными способами захватили ее. Все это такъ, но характеръ, который придается обыкновенно тому, что тогда происходило, и великія послѣдствія, какія приписываются совершившемуся, подлежатъ, напротивъ, большому спору.

Можетъ казаться, что вступленіе Германцевъ должно было измѣнить всю физіономію страны и дать ея судьбамъ такое направленіе, какого онѣ не приняли бы помимо этого факта. Большинству историковъ и публикѣ вторженіе Германцевъ рисуется источникомъ происхожденія всего такъ называемаго стараго порядка. Такъ думали многіе и въ прежнія времена. Феодальные сеньоры еще хвалились своимъ происхожденіемъ отъ завоевателей; горожане и крестьяне полагали, что они были прикрѣплены къ землѣ и обращены въ зависимое положеніе мечомъ побѣдителя. Стало быть, всѣ ставили исходною точкою и основою исторіи Франціи первоначальное завоеваніе, отъ котораго произошло благополучіе однихъ и злоключенія другихъ, богатство однихъ и нищета другихъ, господство однихъ и порабощеніе другихъ.

Такимъ образомъ, завоеваніе, то-есть, актъ насилія являлось будто бы единственнымъ источникомъ происхожденія древне-французскаго общественнаго строя. Всѣ великія событія исторіи Франціи оцѣнивались и судились въ свѣтѣ этого первичнаго насилія; феодализмъ изображался какъ время господства завоевателей, освобожденіе коммунъ,—какъ пробужденіе покоренныхъ, революція 1789 года, какъ воздаяніе ихъ поработителямъ.

Надобно, однако, прежде всего обратить вниманіе на то, что такой взглядъ на исторію Франціи возникъ и утвердился не особенно давно, не больше трехъ вѣковъ тому назадъ. Древніе лѣтописцы, бывшіе современниками утвержденія Германцевъ на римской почвѣ и видѣвшіе этотъ фактъ своими глазами, упоминаютъ часто, безъ всякаго сомнѣнія, о множествѣ грабежей и насилій, но ни одинъ изъ нихъ ни разу не говоритъ о покореніи всего населенія чужимъ племенемъ, о порабощеніи одной расы другою [1]. До насъ

[1] Нѣкоторые, хотя, впрочемъ, очень немногіе документы какъ, напримѣръ, житія св. Сигизмунда и св. Волузіана, изображаютъ, нападавшихъ въ крайне невыгодномъ свѣтѣ; но относительно этого слѣдуетъ сдѣлать два замѣчанія во-первыхъ, ни одинъ изъ разсматриваемыхъ документовъ не восходитъ раньше VIII вѣка; во-вторыхъ, при внимательномъ изученіи ихъ видно, что они дышатъ ненавистью скорѣе противъ аріанской ереси, чѣмъ противъ германской расы. Когда читаемъ Григорія Турскаго и видимъ въ его повѣствованіи раздраженіе католическаго духовенства VI вѣка противъ вѣрованій Вестготовъ и Бургундовъ, намъ легко объяснить себѣ, какъ образовалась традиція ненависти по отношенію къ еретикамъ, которая, наростая изъ вѣка въ вѣкъ, наконецъ. вылилась въ легендахъ, образцами которыхъ служатъ названныя житія. Разсказы о притѣсненіяхъ туземцевъ, которыми сопровождалось утвер-

дошло безконечное количество письменныхъ документовъ того времени; въ нихъ никогда не выражается мысли о подчиненіи Римлянъ Германцамъ. Въ средніе вѣка писали много, но ни въ хроникахъ, ни въ легендахъ, ни въ поэтическихъ произведеніяхъ этой эпохи мы никогда не видимъ, чтобы германское завоеваніе поработило Галлію. Въ нихъ безпрестанно говорится о господахъ и крѣпостныхъ людяхъ, но никогда не сообщается, что первые были потомками чужеземныхъ побѣдителей, а вторые—сынами побѣжденныхъ Галло-римлянъ. Филиппъ Бомануаръ въ XIII в., Комминъ въ XVI-мъ и многіе другіе писатели стремились объяснить происхожденіе соціальнаго неравенства во Франціи и искали его причинъ, но имъ не приходило въ голову, чтобы феодализмъ и серважъ произошли отъ исконнаго завоеванія Галліи Германцами. Средневѣковые люди не сознавали этнографическаго различія между Франками и Галлами. Въ теченіе десяти вѣковъ мы не встрѣчаемъ въ странѣ ничего похожаго на расовую вражду. Населеніе Галліи не сохранило никакихъ ненавистныхъ воспоминаній ни о Франкахъ, ни о Бургундахъ; ни одинъ истори-

деніе Германцевъ, передававшіеся въ преувеличенномъ видѣ уже у Григорія Турскаго, мало-по-малу превратились въ ту картину полнаго истребленія стараго населенія, которая изображается въ началѣ житія св. Сигизмунда; но подобная картина, столько же мрачная, сколько неточная, слишкомъ противорѣчитъ памятникамъ VI и VII вѣка, и безпристрастная исторія не должна особенно считаться съ нею. Къ тому же, ничего такого не говорится о Франкахъ. Прибавимъ, наконецъ, что самые эти разсказы, характеризуя жестокости, которыя они приписываютъ такъ называемымъ завоевателямъ, не сообщаютъ ничего ни о порабощеніи народа, ни о раздѣлѣ земель.

ческій дѣятель, принадлежавшій къ одному изъ этихъ народовъ, не изображается въ народныхъ легендахъ, какъ врагъ. Ни письменные памятники, ни устныя преданія, слагавшіяся въ ту эпоху, не носятъ никакого слѣда скорби, которая ложится всегда на душу побѣжденныхъ, когда они видятъ себя во всеобщемъ порабощеніи у побѣдителей.

Теорія, согласно которой исторія нашей родины открывается съ великаго завоеванія, рѣзко раздѣлившаго населеніе будущей Франціи на двѣ неравноправныя половины—господствующихъ Германцевъ и зависимыхъ Галло-римлянъ, стала зарождаться лишь съ XVI вѣка и пріобрѣла особенное значеніе въ XVIII. Она явилась отраженіемъ антагонизма между классами и выросла вмѣстѣ съ его усиленіемъ. Этотъ взглядъ все еще тяготѣетъ надъ представленіями современнаго общества: это — вредное мнѣніе, которое породило въ умахъ совершенно ложное понятіе о процессѣ образованія соціальнаго строя; оно способствовало также утвержденію въ сердцахъ дурныхъ чувствъ—злобы и мщенія. Ненависть посѣяла такую идею, и она въ свою очередь увѣковѣчиваетъ ненависть.

Германцы не обратили галльскаго населенія въ рабство. Они не являлись по отношенію къ послѣднему ни побѣдителями, ни господами. У нихъ не могло быть у самихъ даже мысли поработить туземцевъ, такъ какъ они вступили въ страну не какъ враги, а приняли имя вспомогательныхъ войскъ римской Имперіи: никогда не нападали они открыто на Имперію, а сражались только между собой.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они совершали много безчинствъ. Ихъ алчности и насилію дѣйствительно ни-

кто не могъ сопротивляться безнаказанно. Неоднократно должно было происходить, очевидно, то, что Григорій Турскій разсказываетъ объ одномъ городѣ въ овернской области, который отказался открыть варварамъ свои ворота. «Бургунды перебили мужчинъ и обратили въ рабство женщинъ и дѣтей» [1]. Подобныя проявленія гнѣва и мести должны были повторяться, навѣрно, часто; но, какъ бы постоянно ни происходили такіе случаи, отъ нихъ еще чрезвычайно далеко до массоваго порабощенія галльскаго населенія Германцами. Думать, что Германцы низвели всѣхъ Галловъ на положеніе «сервовъ», значитъ предполагать, что они совершили нѣчто такое, на что они не имѣли никакого права, и чего они не въ силахъ были выполнить.

Всѣ документы того времени свидѣтельствуютъ, что за немногими несчастными исключеніями Галло-римляне остались въ тѣхъ же условіяхъ соціальной жизни, въ какихъ они находились до прибытія Германцевъ. Свободные люди продолжали оставаться свободными, рабы или колоны также не измѣнили своего прежняго состоянія.

Галлы, носившіе до вторженія званіе римскихъ гражданъ, продолжали сохранять и его. По законо-

[1] *De virtutibus S. Iuliani*, c. 7. — Несомнѣнно, германскіе вооруженные отряды захватывали очень много плѣнныхъ, но никогда не производился ими массовый захватъ всего населенія. Отдѣльные вожди брали и держали у себя много плѣнниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не взялъ въ плѣнъ цѣлый народъ. Всѣ подобные факты являлись индивидуальными насиліями, а не правильнымъ актомъ, совершеннымъ по повелѣнію какой-нибудь опредѣленной власти. Письмо Хлодовеха къ епископамъ (Bouquet, IV, p. 54) ясно доказываетъ это.

дательнымъ актамъ и формуламъ можно видѣть, что этотъ терминъ, а стало быть и понятіе сохранялись въ теченіе двухъ вѣковъ, и что они продолжали обозначать свободное состояніе въ противоположность рабскому.

Ни рабство, ни крѣпостничество не получили начала отъ вторженія варваровъ: они безконечно древнѣе послѣдняго. Къ тому же они тяготѣли не надъ однимъ только населеніемъ Галліи. У Галловъ рабы существовали и въ первобытныя времена; были они и у Германцевъ до переселенія. Что же касается крѣпостничества («серважа»), то-есть, смягченной формы рабства, то и оно въ одинаковой мѣрѣ имѣло мѣсто искони въ древнемъ общественномъ строѣ по обѣ стороны Рейна. Прикрѣпленные къ почвѣ земледѣльцы, которые сохранялись въ Германіи въ видѣ особаго класса до новыхъ временъ, были, конечно, германскаго же происхожденія; тѣ же крѣпостные, которые находились въ Галліи, принадлежали къ обѣимъ расамъ безъ различія. Германцы, вступая въ Имперію, привели вслѣдъ за собою своихъ рабовъ и крѣпостныхъ, и они столь же мало думали объ освобожденіи этихъ рабовъ, происходившихъ изъ ихъ собственнаго племени, какъ и о порабощеніи свободныхъ людей галльскаго рода.

Германскія «Правды», своды обычаевъ, записанные въ VI и въ VII вѣкахъ, упоминаютъ о рабахъ-варварахъ и свидѣтельствуютъ, что послѣдніе подчинялись тѣмъ же условіямъ существованія, что и римскіе рабы.

Даже позднѣе во время владычества Франковъ Германія поставляла въ Галлію много рабовъ. Въ житіи св. Германа, епископа парижскаго, читаемъ:

«Сколько рабовъ онъ выкупилъ! всѣ племена могутъ это засвидѣтельствовать: Готы, Бретонцы, Саксы, Бургунды умоляли его освободить ихъ отъ рабства».

До насъ дошли завѣщанія отъ VI и VII вѣковъ; нѣкоторыя изъ нихъ отличаютъ среди часто многочисленныхъ рабовъ завѣщателя «рабовъ римскаго и рабовъ варварскаго происхожденія». Въ текстѣ такихъ завѣщаній можно насчитать сотни именъ рабовъ; они почти поровну принадлежатъ латинскому и германскому языкамъ.

ГЛАВА XIV.

Отнята-ли была у Галло-римлянъ земельная собственность?

Германскіе воины явились въ Галлію лишь съ намѣреніемъ отыскать земель и денегъ. Нѣтъ сомнѣнія, какъ мы уже много разъ говорили и видѣли, что они сильно предавались грабежу; нельзя также сомнѣваться въ томъ, что они при помощи оружія завладѣли многими землями. Если бы требовалось доказать это положеніе, достаточно было бы сослаться на нѣсколько хартій, изъ которыхъ мы убѣждаемся, что меровингскимъ королямъ приходилось понуждать своихъ Франковъ къ возвращенію прежнимъ владѣльцамъ, захваченныхъ у нихъ помѣстій. Бургундская Правда также упоминаетъ о захватахъ чужой собственности и грозитъ за нихъ карами. Въ тѣ смутныя времена совершалось и оставалось безнаказаннымъ множество насилій.

Нѣкоторые современные историки пошли дальше того, что констатируется памятниками: имъ казалось

правдоподобнымъ предположить, что германскіе вожди путемъ правильно изданныхъ постановленій отобрали у галльскаго населенія двѣ трети его земель, и затѣмъ распредѣлили на этихъ земляхъ по жребію участки между своими воинами. Такое мнѣніе не находитъ подтвержденія въ источникахъ.

До насъ дошли многочисленные письменные памятники отъ того времени: историческія сочиненія, хроники, житія святыхъ, поэтическія произведенія, письма, королевскіе дипломы, различные акты, касающіеся частно-правовыхъ отношеній, своды законовъ и обычаевъ—и нигдѣ, ни въ одномъ изъ всѣхъ этихъ текстовъ нельзя найти ни единой фразы, въ которой упоминалось бы о полномъ отобраніи земель побѣдителями у побѣжденныхъ и объ общемъ раздѣлѣ этихъ земель между новопришельцами.

Можно-ли вообразить себѣ, чтобы о такомъ важномъ переворотѣ, какъ тотъ, о которомъ только что говорилось, и который такъ рѣзко затронулъ бы интересы всего населенія, такъ глубоко разстроилъ бы всѣ установившіяся формы быта и такъ сильно потрясъ бы сознаніе всѣхъ, — чтобы о такомъ событіи не упоминалось ни единымъ словомъ ни у одного историка? Іорданъ, Павелъ Орозій, Прокопій, Сидоній Аполлинарій, Паулинъ Пелльскій, Авитъ, Кассіодоръ, Сальвіанъ, Фортунатъ, Григорій Турскій нарисовали намъ очень полную картину изучаемой эпохи; но никто изъ нихъ не сообщаетъ ни о подобной всеобщей экспропріаціи, ни о послѣдовавшемъ будто бы за нею новомъ раздѣлѣ отобранной собственности.

Дѣйствительно, попытаемся представить себѣ, что

было бы вызвано такимъ перемѣщеніемъ собственности, сколько непреодолимыхъ затрудненій встрѣтило бы оно при своемъ осуществленіи на практикѣ, сколько времени и какихъ громадныхъ усилій потребовало бы оно со стороны производившей самую операцію власти, чтобы оказалось возможнымъ выполнить ее сколько-нибудь послѣдовательно. Подумаемъ также о томъ, сколько вещественныхъ слѣдовъ долженъ былъ бы оставить послѣ себя подобный переворотъ; сколько горя и затаенной злобы онъ надолго поселилъ бы въ сердцахъ. Сообразивъ все это, мы признаемъ удивительнымъ и невѣроятнымъ, чтобы среди столькихъ писателей и вообще свидѣтелей всякаго рода ни одинъ не сохранилъ намъ даже никакого признака подобныхъ столкновеній и замѣшательствъ, никакого упоминанія о мѣрахъ и актахъ, при помощи которыхъ административные органы новыхъ государей производили конфискацію и раздѣлъ, ни единаго слова, обнаруживающаго ненависть, которая неминуемо должна была бы загорѣться въ побѣжденныхъ противъ завоевателей.

Въ языкѣ памятниковъ той эпохи встрѣчается дѣйствительно слово *sors*, употребляемое для обозначенія какого-то вида земли; и только на основаніи одной наличности этого слова многіе ученые заключили, что осуществлено было надѣленіе новыхъ поселенцевъ землями въ Галліи по жребію. Вспомнимъ, однако, что слово *sors* уже нѣсколько вѣковъ служило въ латинскомъ языкѣ терминомъ для обозначенія недвижимостей, находившихся въ полной собственности частнаго лица. Оно прилагалось поэтому ко всякой землѣ, переданной по наслѣдству [1]. Слово это пріобрѣло такое значеніе въ языкѣ римской Имперіи и сохранило его въ языкѣ меровингской эпохи. Поэтому, оно и встрѣчается именно какъ обозначеніе наслѣдственной собственности въ большомъ числѣ актовъ. Владѣнія Римлянъ назывались *sortes* такъ же, какъ владѣнія, которыя могли находиться въ рукахъ варваровъ, но ни одинъ документъ не упоминаетъ ни о какой раздачѣ участковъ по жребію.

Въ сводахъ Вестготовъ и Бургундовъ находятся двѣ фразы, которыя могутъ быть различно истолкованы; и вотъ нѣкоторые ученые полагали, что въ нихъ отыскиваются указанія или намеки на земельные раздѣлы, произведенные будто бы въ древнія времена. Въ памятникахъ, относящихся къ исторіи Франковъ, не было найдено даже такихъ отдаленныхъ и сомнительныхъ свидѣтельствъ. Во всей суммѣ многочисленныхъ текстовъ, оставшихся отъ франкской старины, не заключается, такимъ образомъ, ни единаго слова, которое могло бы быть объяснено, хотя бы съ большою натяжкою как неопредѣленный намекъ на земли, конфискованныя у Галловъ и подѣленныя между варварскими воинами. Безполезно было бы искать какого-нибудь указанія подобнаго рода и въ франкскихъ «Правдахъ», и въ королевскихъ дипломахъ, и въ хроникахъ того времени.

Монтескьё когда-то утверждалъ, что франкскіе воины навѣрно захватили себѣ все, что хотѣли; но документы свидѣтельствуютъ какъ разъ объ обратномъ. До насъ дошло нѣсколько судебныхъ рѣшеній,

[1] Доказательства и ссылки см. въ первой части IV-го тома настоящаго сочиненія.

произнесенныхъ королемъ, изъ которыхъ мы видимъ, что, если какой-нибудь франкскій воинъ забиралъ насильно чужую землю и владѣлецъ приносилъ жалобу въ судъ, то король принуждалъ воина возвратить неправильно захваченное имущество.

Съ другой стороны можно замѣтить, что среди памятниковъ дарственные акты королевскихъ земельныхъ пожалованій попадаются въ очень большомъ числѣ; разсматривая ихъ, мы можемъ убѣдиться, что ни одинъ изъ нихъ не относится къ землѣ, отнятой у частныхъ лицъ: предметомъ даренія всегда является государственная земля, которая перешла въ распоряженіе франкскихъ королей отъ императорскаго фиска, и количество которой было совершенно достаточно для того, чтобы короли могли щедро вознаградить всѣхъ своихъ воиновъ [1].

Право войны, какъ оно понималось Германцами, допускало грабежъ, захватъ золота, движимостей, даже рабовъ, но оно не признавало дозволеннымъ отобраніе земли. Воины короля Теодериха говорили ему въ 532 году: «Если ты отказываешься идти вмѣстѣ съ твоими братьями противъ Бургундіи, мы бросимъ

[1] Пожалованія земель, упоминающіяся въ житіяхъ святыхъ той эпохи, ясно свидѣтельствуютъ, что даруемыя королями помѣстья принадлежали къ казеннымъ имуществамъ — „ex fisco“. Когда Хлодовехъ жалуетъ землю святому Фридолину (*Bouquet*, III, p. 389), лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ имѣетъ право дарить ее: „Nam ad regalem potestatem ab antiquis temporibus locus pertinere non ambigebatur“. — Когда тотъ же государь даритъ Іоанну, аббату реомейскому, столько земли, сколько послѣдній можетъ обойти въ одинъ день, онъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „Qantumcumque de fiscis nostris circuisset“ (*Diplomata*, p. 32.).

тебя и отправимся съ ними». — Теодерихъ отвѣчалъ имъ: «Идите за мной, и я приведу васъ въ страну, гдѣ вы въ изобиліи захватите стада, рабовъ, одѣянія». Онъ не обѣщаетъ имъ земли побѣжденныхъ. Завоеваніе Оверни было самымъ жестокимъ событіемъ во всей исторіи Франковъ; но даже тогда ихъ воины не помышляли завладѣть землями побѣжденныхъ враговъ. Они убивали людей, грабили ихъ имущество, уносили съ собою все, что могли, но они оставили землю въ собственности прежнихъ владѣльцевъ [1].

Въ неисчислимыхъ по количеству письменныхъ памятникахъ того времени мы никогда не видимъ ни одного указанія на то, чтобы человѣкъ франкскаго происхожденія владѣлъ землею въ силу завоеванія или по праву меча. Никогда не встрѣчается въ нихъ ни одного выраженія, изъ котораго можно было бы вывести что-либо подобное. Нѣсколько сотъ дипломовъ и хартій доказываютъ точными терминами, что люди владѣли тогда землею на основаніи наслѣдованія, купли или дара; ни одинъ изъ этихъ документовъ не даетъ намъ повода предполагать, что источникомъ владѣнія ею являлся принудительный раздѣлъ, какъ слѣдствіе завоеванія.

Писавшіе въ ту эпоху лѣтописцы и агіографы изображаютъ намъ интимнѣйшимъ образомъ внутреннюю жизнь многихъ галльскихъ семействъ; но и здѣсь вы не встрѣтите указанія, чтобы имъ пришлось претерпѣть насильственную экспропріацію, по приказу германскихъ королей, которая лишила бы ихъ земель

[1] *Greg. Tur.* De virtutibus St. Iuliani 25: „Neque relictum est aliquid praeter terram, quam secum ferre non poterant“.

ныхъ владѣній. Всѣ эти авторы сообщаютъ намъ родословныя таблицы цѣлаго ряда фамилій, члены которыхъ были богаты до вторженія и остались такими же и послѣ него. Сидоній Аполлинарій владѣлъ многочисленными помѣстьями; ни въ своихъ стихахъ, ни въ письмахъ онъ не говоритъ, что лишился ихъ. Онъ продолжаетъ писать своимъ богатымъ друзьямъ и никогда не упоминаетъ тамъ, чтобы и эти послѣдніе потеряли собственность. До прибытія Германцевъ христіанская церковь владѣла очень большими землями; нѣтъ основаній предполагать, чтобы ея собственность щадилась болѣе, чѣмъ недвижимость частныхъ лицъ, такъ какъ Германцы были въ то время либо идолопоклонниками, либо еретиками-аріанами. Но ея земельныя владѣнія, однако, не были отняты у нея ни Франками, ни Вестготами.

Разсмотримъ различныя грамоты, содержащія завѣщанія и дарственныя записи VI-го и VII-го вѣковъ: при помощи ихъ можно на сотняхъ примѣровъ видѣть, что прежняя галло-римская *villa*, то-есть, частное сельское помѣстье, осталась нетронутою послѣ утвержденія варваровъ. Поселеніе Германцевъ не измѣнило распредѣленія земельной собственности. Если иногда вилла раздѣлялась на части (*portiones*), то это происходило вслѣдствіе перехода по наслѣдству къ нѣсколькимъ лицамъ или вслѣдствіе нѣсколько разъ совершавшихся продажъ, передававшихъ ее въ разныя руки, а не благодаря принудительному раздѣлу; никогда не видимъ мы случая, чтобы вилла дѣлилась между прежнимъ галльскимъ владѣльцемъ и германскимъ завоевателемъ.

Германцы сдѣлали лишь то, что было естественно и возможно сдѣлать. Способъ ихъ вступленія въ Галлію лишалъ ихъ всякаго предлога отнять у населенія его имущество: если бы они и захотѣли это сдѣлать, то оказались бы не въ состояніи, потому что не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно сильны. Имъ не было даже надобности отнимать землю у частныхъ лицъ: государственныя владѣнія могли удовлетворить даже самую ненасытную алчность новопришельцевъ.

Утвердившееся издавна право собственности галло римскаго населенія никогда не оспаривалось. Сами германскіе своды предоставляли собственности Галло-римлянъ тѣ же законныя обезпеченія и то же покровительство, какое давалось собственности Германцевъ.

Невозможно, конечно, сколько-нибудь твердое изслѣдованіе явленій той эпохи статистическимъ путемъ. Безполезно было бы пытаться произвести подсчетъ, сколько земель перешло въ руки вновь-пришедшихъ. Многіе изъ послѣднихъ, безъ всякаго сомнѣнія, захватывали землю силою; нѣкоторые покупали ее на награбленныя деньги; наибольшая часть пріобрѣла ихъ черезъ пожалованіе отъ королей. Невозможно точно опредѣлить, въ какой пропорціи земли подѣлились постепенно незамѣтнымъ образомъ между Германцами и Галло-римлянами. Но когда читаешь хроники и акты той эпохи, поражаешься богатствомъ именно галло-римскихъ фамилій.

Значительное число завѣщаній, купчихъ или дарственныхъ актовъ рисуютъ намъ цѣлый рядъ Галло-римлянъ владѣльцами по наслѣдству собственностью въ пятнадцать или двадцать крупныхъ помѣстій; въ каждомъ изъ послѣднихъ указываются значительныя

пахатныя поля, виноградники, луга, лѣса, и они обслуживались многочисленнымъ рабочимъ персоналомъ.

Сальвіанъ писалъ свое сочиненіе—«*De gubernatione Dei*»—во времена господства варваровъ: онъ обвиняетъ своихъ согражданъ въ томъ, что они ведутъ жизнь изнѣженную и распутную, проводятъ время въ праздности, украшаютъ себя одеждами изъ блестящихъ шелковыхъ тканей и увѣшиваютъ золотомъ. Справедливо ли это обвиненіе или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ оно доказываетъ, что Галлы остались богатыми людьми. Авторъ, дѣйствительно, упрекаетъ ихъ въ «накопленіи сокровищъ». Онъ говоритъ, что жители Трира послѣ разграбленія ихъ города Германцами «сохранили болѣе богатства, чѣмъ добрыхъ нравовъ» [1].

Писатели V вѣка даютъ намъ очень живую картину общества, находившагося передъ ихъ глазами: это было изысканное и утонченное общество; среди него были люди, которые жили великолѣпно и пышно; въ обстановкѣ ихъ быта еще можно было видѣть повсюду театры, школы, книжныя торговли; среди нихъ видное мѣсто занимали многочисленные учителя различныхъ наукъ и славившіеся поэты. Словомъ, здѣсь обнаруживаются всѣ признаки повседневнаго существованія богатаго общества, а, однако, къ этому времени Германцы живутъ въ Галліи уже около пятидесяти лѣтъ. Писателямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, часто приходится сравнивать Галловъ съ варварами: при этомъ они именно варваровъ изображаютъ бѣдными, а Галло-римлянъ — богатыми. Если они преслѣдуютъ излишества роскоши, то указываютъ, что они обнаруживаются именно въ жизни Галловъ. Они не только не говорятъ никогда о всеобщей конфискаціи у послѣднихъ земли, но изъ начертанной ими картины вѣка явствуетъ, что наибольшая часть земельныхъ богатствъ осталась въ рукахъ туземнаго населенія. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Григорій Турскій сообщаетъ генеалогію многихъ Галловъ: авторъ всегда пересчитываетъ, сколькими виллами или помѣстьями они владѣютъ, и мы узнаемъ, что въ общемъ земельная собственность осталась въ тѣхъ же рукахъ, въ какихъ она находилась до вторженія Германцевъ.

[1] Вотъ какъ Сальвіанъ говоритъ о Галло-римлянахъ (*Adversus avaritiam*, III, 19): „Circumstant locupletes matresfamiliae, nobiles viri, sericis atque auratis vestibus... Opulentissimi ac splendidissimi cultus homines. Thesauri eorum cumulantur“.

ГЛАВА XV.

Галло-римляне не были поставлены въ положеніе низшей породы людей.

Ни одинъ лѣтописецъ не говоритъ, что Галло-римляне находились въ состояніи угнетенія, а Германцы являлись господами. Когда мы стараемся, читая Григорія Турскаго и Фортуната, мысленно представить себѣ описываемое ими общество, мы дѣйствительно ясно видимъ, что въ странѣ живутъ рядомъ двѣ расы или породы людей, но совершенно не наблюдаемъ, чтобы одна изъ нихъ стояла въ подчиненіи у другой. Когда лѣтописцы разсказываютъ намъ о какомъ-нибудь лицѣ, они отмѣчаютъ обыкновенно его галль-

ское или германское происхожденіе; но они никогда не говорятъ, что Франки были тогда выше Галловъ. Мы должны помнить, что когда историки утверждаютъ зависимость Галло-римлянъ и господствующее положеніе Германцевъ, они устанавливаютъ фактъ или тезисъ, о которомъ люди того времени не имѣли ни малѣйшаго понятія. Правда, короли, которымъ всѣ жители страны должны были повиноваться, принадлежали къ германской расѣ, но всѣ Германцы вообще не могли требовать отъ Галло-римлянъ покорности. Сами же короли, какъ мы видѣли, управляли Галліею не въ качествѣ франкскихъ вождей; по отношенію къ Галламъ они являлись носителями должностей или полномочій совершенно римскаго характера.

Множество отдѣльныхъ фактовъ и эпизодовъ, разсказанныхъ въ хроникахъ и въ житіяхъ святыхъ, обнаруживаетъ, что во всевозможныхъ случаяхъ соприкосновенія другъ съ другомъ, происходившихъ въ повседневной жизни, Галлы стояли на равной ногѣ съ Франками. Мы не схватываемъ ни малѣйшаго признака взаимной ненависти между двумя расами, а она неминуемо должна была бы вырости между господами-завоевателями и порабощеннымъ населеніемъ. Мы никогда не видимъ, ни чтобы Галлы проклинали Франковъ, какъ притѣснителей, ни чтобы Франки презирали Галловъ, какъ покоренный народъ [1].

Имя Галла или, вѣрнѣе, имя Римлянина, которое

[1] Подробная разработка и обстоятельное доказательство всѣхъ разсматриваемыхъ въ настоящихъ главахъ вопросовъ будетъ представлена въ трехъ слѣдующихъ томахъ настоящаго сочиненія. Тамъ же будутъ приведены всѣ необходимыя ссылки. (Это замѣчаніе дѣлается разъ навсегда).

сохранило для себя потомство стараго населенія страны, отнюдь не сдѣлалось презрительнымъ названіемъ. Германцы въ своихъ оффиціальныхъ актахъ и даже въ своемъ ежедневномъ разговорномъ языкѣ продолжали въ теченіе жизни еще нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній называть себя «варварами». Туземцевъ они именовали «Римлянами», и въ документахъ VI и VII вѣковъ мы не находимъ ни одного слова, которое указывало бы, что послѣднее имя было менѣе почетно, чѣмъ имя варваровъ.

Галльское населеніе сохранило свой прежній языкъ, а такимъ языкомъ былъ латинскій. Въ особенности достойно вниманія то, что латинскій языкъ не превратился въ говоръ низшаго класса, или въ народное нарѣчіе; онъ не былъ отведенъ на второй планъ, какъ то случилось позже на британскихъ островахъ съ языкомъ Англо-саксовъ послѣ норманнскаго завоеванія. Онъ остался не только господствующимъ языкомъ населенія страны, но и являлся единственнымъ органомъ оффиціальныхъ актовъ въ новомъ государствѣ. Франкскіе короли писали по-латыни, по-латыни же они отправляли правосудіе; на латинскомъ языкѣ редактировались ихъ указы, которыя они направляли къ своимъ чиновникамъ. Когда стали составляться и записываться своды германскихъ обычаевъ, то кодификаторы и для этого опять воспользовались языкомъ Римлянъ. Сохранились дарственныя записи и завѣщанія, составленныя въ частной жизни Франками въ пользу людей изъ той же національности: и эти послѣдніе акты всегда писаны на латинскомъ языкѣ.

Галльское населеніе сохранило свои прежніе законы; подчиненіе правиламъ и обычаямъ варварскихъ

«Правдъ» никогда не возлагалось на нихъ, какъ обязанность. Ни изъ чего также не обнаруживается, чтобы римскіе законы считались тогда ниже германскихъ[1]. Если Галлъ и варваръ вели между собою какую-нибудь тяжбу, варваръ не могъ требовать для себя никакого преимущества.

Если бы Галлы были низведены на положеніе подчиненнаго народа, мало вѣроятно, чтобы имъ разрѣшено было употребленіе оружія; между тѣмъ старые римскіе города сохраняли свои милиціи, находившіяся подъ командою начальниковъ, которые носили прежніе римскіе титулы. Галлы, какъ и Франки, подлежали воинской повинности, и Меровинги не боялись пользоваться ими какъ воинами. Отряды изъ Галло-римлянъ часто обнаруживаются въ разсказахъ лѣтописцевъ при повѣствованіи о распряхъ королей и вообще о сраженіяхъ; нельзя отыскать ни одного признака, который убѣждалъ бы изслѣдователя, что къ нимъ относились съ презрѣніемъ или недовѣріемъ.

Галлы не только могли быть простыми, рядовыми воинами; они появляются нерѣдко въ качествѣ полководцевъ. Меровинги неоднократно поручали имъ самыя высокія военныя должности. Замѣчательно даже,

[1] Нѣкоторые современные ученые представляютъ фактъ такого сохраненія для Галло-римлянъ римскаго права, какъ признакъ болѣе низкаго положенія побѣжденныхъ сравнительно съ побѣдителями: Франки будто-бы отказались раздѣлить съ ними свое право. Это — невѣрное толкованіе. Въ источникахъ нѣтъ никакого указанія на то, чтобы туземное населеніе стремилось пользоваться правомъ Германцевъ, или чтобы послѣдніе хоть сколько-нибудь презирали римскій законъ. Наоборотъ, объ этомъ законѣ всегда говорили съ почтеніемъ даже люди германскаго происхожденія.

что искуснѣйшій и счастливѣйшій полководецъ VI вѣка былъ именно Галломъ; онъ назывался Эвніемъ Муммоломъ. Когда короли Хильперихъ и Гунтрамнъ оспаривали другъ у друга обладаніе Аквитаніей, во главѣ ихъ войскъ стояло два Галла—этотъ Муммолъ и еще другой—Дезидерій.

Галлы засѣдали въ судебныхъ совѣтахъ на одинаковыхъ правахъ съ Франками. То, что на германскомъ языкѣ называлось *Mall*, или то, что по-латыни носило наименованіе *conventus*, состояло изъ людей, принадлежавшихъ къ обѣимъ народностямъ безъ различія. Засѣдатели въ судебныхъ трибуналахъ назывались тогда — *rachinburgi* на одномъ языкѣ, «*boni homines*» — на другомъ. Франки составляли большинство въ составѣ судилища только при томъ случаѣ, если изъ нихъ составлялось большинство обезпеченныхъ земельною собственностью жителей данной области. Въ каждомъ процессѣ обращалось вниманіе на происхожденіе отвѣтчика или истца, а не національность судьи. Могло случиться, что Франка судилъ трибуналъ, большинство котораго состояло изъ Галловъ.

Многіе историки утверждали, что Франки были свободны отъ налоговъ, и одни Галлы платили ихъ; но это положеніе до сихъ поръ не подтверждено ни однимъ вполнѣ надежнымъ доказательствомъ. Въ королевскихъ актахъ нѣтъ ни одного слова, которое бы указывало, что люди франкской расы пользовались иными правами, чѣмъ Галлы. Всѣ законодательные акты Меровинговъ обращаются безразлично и одинаково къ обѣимъ народностямъ.

Презрѣніе къ галло-римскому населенію нисколько не проявляется въ документахъ германскаго происхожденія. Вестготская и бургундская «Правды» въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ высказываютъ, что Римляне во всемъ равны Германцамъ[1]. «Салическая Правда» ни единымъ словомъ не даетъ возможности предположить, что Галлы разсматривались какъ побѣжденные и покоренные чужеземцы. Она начинается прологомъ, который представляетъ собою нѣчто въ родѣ народной пѣсни: франкскій народъ восхваляетъ въ ней свои достоинства, повѣствуетъ о своихъ побѣдахъ; здѣсь вспоминается, что Франки были прежде подчинены Имперіи, а потомъ освободились отъ подчиненія; но въ текстѣ пролога не высказывается мнѣнія, что франкскій народъ сдѣлался въ свою очередь побѣдителемъ и властелиномъ.

Въ числѣ приближенныхъ Хлодовеха и его преемниковъ Галлы занимали такое же мѣсто, какъ и Франки. Короли обращались въ равной мѣрѣ къ тѣмъ и къ другимъ, когда искали себѣ совѣтниковъ, отправляли посланниковъ, назначали чиновниковъ и полководцевъ. Св. Ремигій и Авреліанъ были главными совѣтниками Хлодовеха; ближайшими сотрудниками Хлотара I были Платонъ и Сабаудъ; высшими должностными лицами въ правительствѣ Теодеберта послѣдовательно являются Секундинъ, Астеріолъ, Пароеній и Аридій, родомъ аквитанецъ[1]. Нѣсколько позднѣе мы видимъ, что Римляне—Протадій и Клавдій сдѣлались палатными мерами въ Бургундіи; два другіе Римлянина занимали ту же должность

[1] *Lex Wisigoth.* III, 1, 1; *Lex Burgund.* XIII, XV, XXVI.

даже въ Австразіи[1]. Различные и другіе административные посты занимались постоянно людьми галло-римскаго происхожденія; можно привести много примѣровъ такихъ людей, облеченныхъ званіемъ областныхъ намѣстниковъ — «графовъ» (comites), высшихъ военныхъ начальниковъ — «герцоговъ» (duces), носившихъ титулъ патриціевъ. Приказъ одного бургундскаго короля обращается ко всѣмъ намѣстникамъ-графамъ его государствъ «какъ Римлянамъ, такъ и Бургундамъ»[1]. Даже въ сѣверныхъ областяхъ франкскаго королевства многіе герцоги и графы были Галло-римлянами по происхожденію. Если возстановить и разсмотрѣть списокъ высшихъ сановниковъ франкскихъ королей, имена которыхъ дошли до насъ, въ немъ можно будетъ насчитать даже больше Галловъ, чѣмъ Германцевъ[2]. Такимъ образомъ, часто случалось, что населеніе, состоявшее изъ Франковъ, управлялось графомъ галло-римскаго происхожденія, который вызывалъ ихъ на судъ и налагалъ наказанія; наконецъ, подъ его командою тѣ же Франки должны были двигаться на войну и безпрекословно повиноваться ему, какъ своему законному начальнику. Таковъ былъ обычный порядокъ вещей, установившійся

[1] *Lex Burgund.* CVI: „Comites tam burgundiones quam romani".

[2] Графами въ области Тура были послѣдовательно Альпинъ, Лейдастъ, Эвномій, Эннодій, Берульфъ; въ качествѣ патриціевъ въ бургундскомъ королевствѣ упоминаются: Цельзъ, Аматъ, Муммолъ; въ Провансѣ должность областныхъ правителей (rectores) занимали Іовинъ и Альбинъ; еще въ другой части страны, какъ графы, указываются двое лицъ, носившія имена Палладія и Романа; въ Оверни одно время графомъ былъ Гортензій. См. *Greg. Tur.* passim.

съ самаго основанія франкскаго королевства, и мы не видимъ, чтобы онъ изумлялъ и возмущалъ современниковъ.

Браки между обѣими расами допускались закономъ, и они повторялись весьма нерѣдко. Лѣтописцы и въ особенности авторы «житій святыхъ» часто отмѣчаютъ подобные браки въ VI и VII вѣкахъ [1]. Ничѣмъ не оправдывается предположеніе, что союзъ Франка съ женщиной изъ галло-римской семьи считался неравнымъ бракомъ; все заставляетъ думать, что, наоборотъ, Франки очень добивались подобныхъ браковъ, и они считались весьма почетными. Каролингская фамилія насчитывала въ числѣ своихъ предковъ нѣсколько Галло-римлянъ [2].

Обѣ народности не отличались другъ отъ друга одеждою; Франки, по крайней мѣрѣ въ мирное время, привыкли носить платье римскаго покроя, то-есть, тогу или длинную мантію, иногда они надѣвали хламиду [3]; нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ, что даже и во время войны вооруженные люди изъ Франковъ одѣвались иначе, чѣмъ призванные къ воинской повинности Галло-римляне. Люди, принадлежавшіе къ

[1] Напримѣръ, авторъ житія Св. Медарда говоритъ, что его отецъ былъ „Nectardus, de Francorum genere", мать же — „romana, nomine Protagia" (*Bouquet*, III, p. 451). Также въ житіи Св. Мавра мы видимъ, что Франкъ Гардерадъ женился на Галло-римлянкѣ Цециліи (*ibidem*, p. 415); отецъ Св. Дезидерія носилъ имя Сальвія, а мать—Герхенефриды (*Bouquet*, III, p. 527). Бургундская Правда разрѣшала бракъ между обѣими народностями (XII, 5).

[2] *Dom Bouquet*, t. II, p. 698; III, p. 677. *Pertz*, t. II, p. 309—313.

[3] См. *Vita S. Medardi*, c. 7.

той или другой расѣ, не отличались даже другъ отъ друга по именамъ. Было бы большою ошибкою думать, что всѣ лица, носившія тогда германскія имена, были непремѣнно Германцами и по крови. Встрѣчаются въ источникахъ люди, именующіе себя Рихомеромъ, Арбогастомъ, Гаугерихомъ, Бодегизиломъ, Гундульфомъ, Лейдастомъ, Хремнолэномъ, Садрегизиломъ, о которыхъ однако лѣтописцы спеціально говорятъ, что они римскаго, то-есть, галльскаго происхожденія [1]. Многіе Франки, напротивъ, носятъ совершенно римскія имена. Такъ какъ эти имена передавались по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, то они видоизмѣнялись по вкусу, капризу или на основаніи требованій моды; много разъ случалось, что Германецъ давалъ своему сыну совершенно римское имя, а Галлъ своимъ дѣтямъ — германскія прозвища [2]. Встрѣчается примѣръ двухъ братьевъ, имена которыхъ принадлежатъ каждое къ одному изъ двухъ названныхъ языковъ; иногда у одного и того же лица оказывается два имени: одно германское, другое—латинское [3].

[1] Рихомеръ, бургундскій патрицій, былъ „genere Romanus" (*Fredegar*. 29); Бодегизилъ былъ Римляниномъ, несмотря на свое имя (*Greg. Tur.* X, 2); Гундульфъ, герцогъ и палатный мэръ, также, оказывается, былъ „genere senatorio" и находился въ родствѣ съ Григоріемъ Турскимъ (*ibidem*, VI, 11); Садрегизилъ, аквитанскій герцогъ, также называется Римляниномъ (*Gesta Dagoberti*, 6 и 35).

[2] Отецъ Ригоберта, бывшаго въ концѣ VI вѣка архіепископомъ реймскимъ, носилъ имя Константина (*Flodoard*. Historia ecclesiae remensis, II, 11).

[3] Слѣдуетъ также отбросить мысль, что германскія имена считались болѣе благородными; они очень часто давались, какъ это доказываютъ многочисленныя грамоты, рабамъ (см. *B. Guérard*, Polyptyque d'Irminon, Prolégomènes, p. 420). Каждый могъ

Итакъ, Франки и Галлы жили вмѣстѣ; семьи ихъ соединялись и перемѣшивались. Черезъ два или три поколѣнія стало очень трудно отличать однихъ отъ другихъ. Въ VII вѣкѣ находилось уже мало людей, о которыхъ можно было съ увѣренностью сказать, Галлы ли они или Германцы по происхожденію.

ГЛАВА XVI.

Послѣдствія германскаго вторженія.

Германское вторженіе остается тѣмъ не менѣе очень значительнымъ событіемъ въ древней исторіи страны, которая будетъ Франціею. Несомнѣнно, оно сильно поразило сознаніе поколѣній, жившихъ въ ту эпоху, и оказало замѣтное вліяніе на ходъ событій и развитіе учрежденій. Поэтому необходимо было внимательно изслѣдовать, какимъ образомъ это вторженіе осуществилось, чтобы избѣжать ошибочнаго сужденія относительно самой природы тѣхъ результатовъ, которые оно могло произвести.

Если утвержденіе Германцевъ на римской почвѣ измѣнило складъ галльскаго общества, то эта перемѣна обязана своимъ происхожденіемъ вовсе не дѣйствію германской крови, введенной въ его составъ, такъ какъ самое число Германцевъ, поселившихся въ странѣ, было, собственно, незначительно. Надо отказаться отъ мысли, что общество и населеніе были пополнены большими количествами вступившихъ въ страну чужеземцевъ. Вестготы, которые рисуются самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ вошедшихъ въ Галлію варварскихъ народовъ, представляли собою, однако, при переходѣ ихъ черезъ Дунай лишь сравнительно небольшую массу около 200,000 человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей; далѣе число ихъ должно было еще значительно уменьшиться послѣ тѣхъ разбойническихъ набѣговъ, которые они совершали во Ѳракію, Грецію и Италію, потому что такія предпріятія вообще всегда ослабляютъ самихъ грабителей еще болѣе, чѣмъ тѣхъ, кому они наносятъ удары. Когда Вестготы перебрались въ Галлію и Испанію, они и тамъ продолжали жить въ состояніи непрерывной войны съ Вандалами, Свевами, Бургундами и Франками; ихъ численность отъ этого не могла, разумѣется, возрости. Лѣтописецъ не сообщаетъ намъ, каково было ихъ число въ битвѣ при Вугле; но онъ разсказываетъ, будто для того, чтобы противостоять нападенію Франковъ, имъ понадобилось подкрѣпленіе изъ галльскихъ отрядовъ.

Число Бургундовъ доходило до 80,000, когда они появились на берегу Рейна. Нельзя высчитать, какъ велики были понесенныя ими потери при многочисленныхъ перемѣщеніяхъ и въ безпрерывныхъ битвахъ съ Вестготами; но извѣстно, что когда въ 435 году Аэцій одержалъ надъ ними побѣду и по ихъ просьбамъ заключилъ съ ними миръ, на нихъ внезапно напала одна изъ гуннскихъ ордъ, и здѣсь «бургундскій король оказался убитымъ со всѣмъ его родомъ, да и весь народъ уничтоженнымъ».

принять то имя, которое ему больше нравилось: таковъ былъ порядокъ. Ни одинъ текстъ не позволяетъ думать, что были имена, обязательно предназначавшіяся для члена такой-то народности или класса.

Однако, несмотря на такое показаніе источника, не всѣ погибли, такъ какъ другой лѣтописецъ прибавляетъ, что императорское правительство предоставило область Сабаудію «остатку Бургундовъ». Эти люди впослѣдствіи обосновались въ долинѣ Роны, воспользовавшись страшнымъ безпорядкомъ, который утвердился тогда повсюду въ западныхъ провинціяхъ Имперіи; они получили эту страну для поселенія въ благодарность за услуги, оказанныя одному изъ претендентовъ на императорскій престолъ. Но этотъ фактъ еще не можетъ служить доказательствомъ, что племя ихъ вновь размножилось.

Что касается Франковъ, то всѣ цифры, которыя приводятъ намъ лѣтописцы, опредѣляютъ въ высшей степени незначительный составъ ихъ племени. Кажется, въ моментъ крещенія Хлодовеха у него было не болѣе 6,000 воиновъ франкскаго происхожденія[2].

Изъ деталей, разсказываемыхъ авторами о событіяхъ того времени, открывается одна особенность, которая ускользнула отъ вниманія историковъ. Когда германскій вооруженный отрядъ проходилъ съ огнемъ и мечемъ черезъ какую-нибудь область въ Имперіи, то множество туземныхъ жителей сами сбѣгались къ варварамъ и увеличивали собою ихъ ряды. Это были бѣглые рабы, оставившіе свои участки, колоны, люди, потерявшіе свое состояніе, вообще всякаго рода недовольные, которые непремѣнно встрѣчаются въ каждомъ обществѣ. Одни бросались въ лагерь варваровъ, надѣясь избавиться отъ власти своихъ господъ, другіе—стремясь освободиться отъ тяготившаго ихъ труда, третьи, желая уйти отъ кары суроваго суда или отъ

[1] Объ этомъ уже было говорено выше.

непосильныхъ налоговъ. Сальвіанъ даетъ намъ возможность ясно убѣдиться, что многіе люди, ссылаясь на притѣсненія императорскихъ чиновниковъ и жалуясь на жестокость сборщиковъ податей, не стыдились идти навстрѣчу чужеземнымъ врагамъ и присоединяться къ ихъ грабительскимъ набѣгамъ, чтобы получить долю добычи[1]. Быть можетъ даже, эти люди являлись самыми жадными и жестокими среди опустошителей. Они подстрекали варваровъ къ грабежу, руководили ихъ движеніями, направляя ихъ къ наиболѣе богатымъ городамъ или открывая варварамъ ихъ ворота. Быть можетъ, они составляли главную силу въ составѣ разбойничьихъ шаекъ. Многіе среди этихъ Вестготовъ, Бургундовъ, Вандаловъ, о которыхъ повѣствуетъ традиція, были на самомъ дѣлѣ выходцами изъ Италіи, Галліи, Испаніи, Африки, давними подданными римскихъ императоровъ. Примыкая къ Германцамъ, вмѣшиваясь въ ихъ толпу, эти отчаянные люди сами собою заставляли современниковъ думать, что число нападавшихъ варваровъ становилось все многочисленнѣе, и такое представленіе невольно было передано потомству лѣтописателями.

Въ Галлію, если исключить сѣверовосточную ея часть, вошло немного Германцевъ, и въ жилы ея на-

[1] *Salvian.* De gubernatione Dei, VII, c. 16: „Etiam adventum hostium postulantes".—*Ammian.* XXXI, 6, 6: „Quibus accessere non pauci... Magno usui iis fuere ignota peragrantibus loca et latebras hominum et receptacula secretiora monstrando".— *Sozomen.* IX, 9: „Τὴν Ῥώμην εἷλε προδοσίᾳ".—Рабы въ особенности пользовались такими смутами. См. *Paulin. Pell.* Eucharisticos, v. 334.—Интересно еще одно письмо Теодериха Великаго у *dom-Bouquet*, IV, 7.— Ср. еще *Orient.* Commonitorium, II, 273: „Multis causa fuit mortis civica proditio",

селенія мало влилось варварской крови. Равнымъ образомъ надо замѣтить, что утвержденіе Германцевъ не внесло почти никакихъ измѣненій въ языкъ, на которомъ говорило населеніе Галліи. Въ общемъ народная рѣчь осталась тамъ такою же, какъ въ послѣднія времена существованія Имперіи. Не было принесено новыхъ корней, не перемѣнились ни грамматическія правила, ни выговоръ. Впослѣдствіи мало-помалу языкъ, конечно, перерабатывался изъ вѣка въ вѣкъ, согласно естественнымъ законамъ развитія человѣческой рѣчи, но, повидимому, германское вторженіе не сыграло никакой роли въ такой медленной, совершенно правильной эволюціи. Можно даже прибавить, что, если во французскомъ языкѣ встрѣчается довольно много словъ германскаго происхожденія, то большая часть въ ихъ числѣ не была принесена Германцами V вѣка, а вошла въ употребленіе лишь значительно позже. Населеніе Нейстріи IX вѣка въ извѣстной страсбургской клятвѣ оставило намъ подлинный образчикъ языка, на которомъ оно тогда говорило: въ немъ не удается найти ни единаго слова, которое не было бы чисто латинскаго происхожденія. И нужно сказать, что здѣсь обнаруживаются не обрывки вымиравшей въ Галліи старой рѣчи, обреченные на быструю дальнѣйшую порчу и полное исчезновеніе. Это были элементы цѣлаго новаго языка, уже вырабатывавшаго свой организмъ, получившаго жизненность, проявлявшаго естественное и сильное развитіе изъ вѣка въ вѣкъ. Съ другой стороны необходимо отмѣтить, что мы наблюдаемъ въ этомъ памятникѣ не глухой мѣстный народный говоръ (patois), который затеривался въ глубинѣ Галліи. Обратите

вниманіе, что на томъ же языкѣ говорятъ въ Италіи и Испаніи. Если вы пересмотрите опять же писателей всѣхъ этихъ различныхъ странъ въ изучаемое время— Григорія Турскаго, Григорія Великаго, Исидора Севильскаго—вы увидите, что всѣ они пользуются совершенно одинаковымъ языкомъ. Послѣдній оказывается при этомъ не вполнѣ прежнимъ латинскимъ языкомъ стараго Рима, но основа его не измѣнилась, и онъ развивался дальше и по одинаковому направленію въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ послѣ варварскихъ вторженій въ названныхъ трехъ странахъ, населеніе которыхъ жило подъ скипетромъ различныхъ властей.

Языкъ этотъ менѣе испортился, чѣмъ естественно измѣнился; въ него вошло мало иностранныхъ словъ, хотя проникло значительное число народныхъ выраженій. Его корни и большинство старинныхъ оборотовъ рѣчи продолжали существовать; если исчезли старыя окончанія и возникли нѣкоторыя раньше неизвѣстныя сочетанія словъ, то все-таки приходится убѣдиться, что все это было необходимымъ результатомъ естественнаго развитія, а не искусственной ломки, потому что мы встрѣчаемся съ тѣмъ же процессомъ образованія и перерожденія этого языка въ Испаніи и Италіи въ такой же мѣрѣ, какъ въ Галліи. Латинскій языкъ видоизмѣнился потому, что всякій живой языкъ видоизмѣняется съ теченіемъ времени. Очень вѣроятно, что такое измѣненіе совершалось во франкскій періодъ именно по тому направленію, по какому оно должно было идти сообразно законамъ его внутренней природы. Такая переработка осуществилась бы въ томъ же видѣ, даже если бы не происходило германскаго вторженія.

Много мужскихъ именъ приняло, правда, германскую форму, потому что каждый человѣкъ—будь то Франкъ или Галлъ—произвольно выбиралъ имена для своихъ дѣтей. Отсюда и вытекаетъ то смѣшеніе германскихъ, латинскихъ, даже греческихъ именъ, которое мы встрѣчаемъ въ грамотахъ III вѣка, и которое не допускаетъ распознавать по этимъ именамъ племенное происхожденіе тѣхъ, кто ихъ носилъ. Что же касается географическихъ названій, которыя не измѣняются по требованіямъ моды, то эти наименованія, именно тѣ, какія Галло-римляне дали своимъ горамъ, рѣкамъ и городамъ, остались за ними и въ франкскую эпоху. Ни Вогезы, ни Арденны, ни Рейнъ, ни Маасъ, ни Мозель не приняли другихъ именъ. Кельнъ, Триръ, Кобленцъ, Майнцъ, Верденъ, Мецъ, Туль, Савернъ сохранили тѣ же наименованія, какія носили до вторженія Германцевъ[1]. Еще болѣе замѣчательно то, что простыя сельскія усадьбы — *villae*, даже въ долинѣ Рейна, въ теченіе двухъ вѣковъ, какъ это можно ви-

[1] Кельнъ—это древняя *Colonia Agrippina*; Триръ—*Civitas Trevirorum*; нѣмецкій Julich это—римскій *Iuliacum* (*Ammian*. XVII, 2); Кобленцъ образовался изъ римскаго *Confluentes* (*Sueton*. Caligula, 7; *Ammian*, XVI, 3); Бингенъ это — *Bingium* (*Tacit*. Historiae, IV, 70); Боннъ—*Bonna* (*Tacit*. Historiae, IV, 19); Нейсъ—*Novesium* (*idem*, IV, 26); Мецъ—*Mediomatrici*, измѣнившійся позже въ *Mettis*; Туль — *Tullum Leucorum*; Зельцъ — *Saletio* (*Ammian*. XVI, 2; 12); Савернъ — *Tabernae*; Бруматъ — *Brocomagus* (*Ptolem*. II, 9, 18; *Ammian*. XVI, 2); въ Аугстѣ, близъ Базеля, узнается *Augusta Rauracorum* въ области „Civitas *Basiliensium*". Такъ, даже въ этой восточной полосѣ большинство городовъ сохранили свои старинныя наименованія съ нѣкоторымъ измѣненіемъ только ихъ формы. См. Таблицу Пейтингера, изд. Desjardins.

дѣть изъ купчихъ и дарственныхъ актовъ, сохраняли свои латинскія наименованія.

Германцы не оказали также никакого вліянія на религіозныя вѣрованія населенія. Франки не помышляли устанавливать въ Галліи своихъ старинныхъ культовъ; ни Вестготамъ, ни Бургундамъ не удалось насадить тамъ аріанство. Ничего не исчезло ни изъ вѣрованій, ни изъ обрядовъ, ни даже изъ области религіозной дисциплины галльской церкви. Вступившіе въ Галлію, Испанію и Италію Германцы не помѣшали «католичеству» развиваться дальше, сообразно съ особенностями настроенія и духовными навыками коренныхъ жителей этихъ странъ.

Что касается нравовъ и характера населенія, то также не замѣтно, чтобы Германцы наложили на нихъ свою печать. Высказывавшееся въ наукѣ мнѣніе, что римское общество было испорчено, а варвары возродили его, должно быть названо измышленіемъ современныхъ намъ умовъ: его не высказывалъ ни одинъ изъ писателей той эпохи: ни Григорій Турскій, ни Іорданъ, ни Сальвіанъ, ни одно изъ многочисленныхъ «житій святыхъ» не восхваляетъ германскихъ добродѣтелей. Ни Галламъ, ни самимъ Германцамъ, кажется, не приходило въ голову ставить новопришельцевъ выше прежнихъ жителей страны. Если, кромѣ того, разсмотрѣть всѣ имѣющіеся факты и сравнить по документамъ съ полнымъ безпристрастіемъ нравственное состояніе Галліи до и послѣ вступленія Германцевъ, то необходимо придется признать, что до этого событія домашняя жизнь протекала спокойнѣе, частный бытъ былъ лучше, правильнѣе устроенъ, а послѣ — проявлялось въ обществѣ гораздо больше алчности, раз-

врата и преступленій. Это не значитъ, что Германцы дали Галліи новые, свойственные именно ихъ расѣ пороки; но, какъ всегда случается при соціальныхъ неурядицахъ, всѣ пороки человѣческой природы оказались разнузданными.

Германцы не произвели также большихъ измѣненій въ законахъ страны. Правда, что въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній они сохраняли для себя свои собственные законы, и что германское право жило нѣкоторое время на ряду съ римскимъ; но по мѣрѣ того, какъ такая двойственность сглаживалась, германское право исчезало. Вторгшіеся Германцы не удержали долго въ судебномъ законодательствѣ ни денежнаго выкупа за уголовное преступленіе, ни отвѣтственности родичей за противозаконный актъ, совершенный однимъ изъ членовъ семьи, ни раздѣла виры, полученной за убитаго, между родственниками потерпѣвшаго, ни системы поручительства на судѣ.

Съ другой стороны совершенно неправильно утверждать, будто указанные обычаи являются специфическими особенностями именно германскаго древняго права. Они характеризуютъ первобытную ступень общественнаго строя всѣхъ народовъ вообще: въ Греціи и Римѣ практиковалась система поручительства или соприсяжничества (*coniuratores*) на судѣ и вира, денежная пеня (*compositio*), какъ наказаніе за уголовное преступленіе, въ самыя древнія эпохи. Въ Римѣ эти обычаи никогда вполнѣ не утратились даже впослѣдствіи. О вирѣ говорится въ сочиненіяхъ юрисконсультовъ. Конечно, такого рода возмездіе за проступокъ допускалось тамъ рѣдко, пока сильна была власть государства, но въ IV-мъ вѣкѣ, когда могущество центральнаго правительства пало, оно широко распространилось въ Галліи, и тогда можно было постоянно наблюдать, какъ подобнаго рода частное правосудіе, выкупная сдѣлка, заступала мѣсто государственной юстиціи. Церковь приняла и поддерживала систему денежной пени за убійство изъ отвращенія къ смертной казни. Оказывается, что наиболѣе враждебно относились къ этому обычаю именно германскіе короли. Если бы система виры дѣйствительно являлась обычаемъ, чисто и исключительно германскаго происхожденія, очень сомнѣваюсь, чтобы она могла сохранить преобладаніе.

Чтобы измѣрить степень вліянія, которое Германцы могли обнаружить на образованіе французскаго права, надобно вспомнить главныя особенности ихъ древняго быта, находившіяся въ силѣ до переселенія ихъ на римскую почву. Мужчины покупали тамъ дѣвушекъ себѣ въ жены у ихъ родителей, и будущій мужъ платилъ ея отцу при этомъ выкупъ. Дочь не участвовала тогда въ раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства и, въ особенности, не могла наслѣдовать землю. Свободы завѣщанія не существовало, и наслѣдованіе совершалось въ пользу родичей согласно строго опредѣленному обычаемъ порядку. Что осталось отъ всѣхъ указанныхъ правовыхъ началъ въ позднѣйшемъ правѣ тѣхъ государствъ европейскаго запада, которыя были раньше римскими провинціями? Сами Германцы даже покинули и забыли ихъ и восприняли противоположные имъ принципы, найденные ими въ римскомъ правѣ [1].

[1] Все это будетъ подробно разработано въ IV томѣ настоящаго сочиненія, спеціально въ главѣ 3-й второй части.

Ученые нерѣдко разсуждали слѣдующимъ образомъ: французское право заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя положенія, которыя не были извѣстны римскому праву; слѣдовательно, такія нововведенія принесены были изъ Германіи. Чтобы подобная аргументація была справедлива, надо сначала доказать, что данные институты или порядки дѣйствительно существовали въ обычномъ правѣ древнихъ Германцевъ. Въ послѣднемъ находили будто бы, напримѣръ, правило нераздѣльности имущества между супругами; но такое общее пользованіе собственностью со стороны мужа и жены свойственно германскому праву не болѣе, чѣмъ римскому. Благоразумнѣе всего предполагать, что это обычай не римскаго и не германскаго происхожденія, а что онъ устанавливался въ различныхъ обществахъ подъ дѣйствіемъ опредѣленныхъ условій развитія правового сознанія и нравовъ. То же самое можно повторить и относительно многихъ другихъ особенностей средневѣкового права. Если отеческая власть не являлась тогда уже такою строгою, какъ въ древнемъ Римѣ, то это произошло потому, что самое римское право послѣднихъ вѣковъ уже стремилось ослабить ее. Если мать обладала тамъ правомъ опеки надъ своими дѣтьми, то это также легче всего объясняется тѣмъ, что императорскіе законы начали уже предоставлять ей это полномочіе. Такія и многія другія измѣненія въ основаніяхъ римскаго права классической эпохи, которыя замѣчаются въ франкской Галліи, должны разсматриваться, не какъ слѣдствіе вліянія чужеземныхъ завоевателей, а какъ результатъ самопроизвольнаго развитія прежняго права.

Остается вопросъ — установили-ли Германцы въ Галліи новыя государственныя учрежденія и новый порядокъ управленія? Дальнѣйшія части нашего изслѣдованія отвѣтятъ на этотъ вопросъ [1]: слѣдуетъ сдѣлать опытъ его разрѣщенія путемъ подробнаго и тщательнаго изученія фактовъ, а не помощью словесной комбинаціи общихъ мѣстъ. Безъ сомнѣнія, не трудно говорить a priori, что Германцы уничтожили римскій деспотизмъ и принесли съ собою свободу; но гораздо лучше поискать въ подробностяхъ совершавшихся тогда историческихъ фактовъ доказательства, дѣйствительно-ли они сами пользовались свободою. Изъ того факта, что Тацитъ упоминаетъ о существованіи у германскихъ племенъ вѣчевыхъ сходокъ (*concilia*), можно, пожалуй, поспѣшно заключить, что національныя собранія современныхъ обществъ происходятъ отъ этихъ вѣчъ, и что прототипъ будущихъ представительныхъ учрежденій открывается въ лѣсахъ древней Германіи; но благоразумнѣе будетъ всмотрѣться въ факты, сообщаемые текстами, и такимъ путемъ разъяснить вопросъ, правда-ли, что варвары принесли въ Галлію и утвердили въ ней практику «національныхъ собраній» и народныхъ судовъ съ «присяжными» [2].

Мы, впрочемъ, уже видѣли выше, что Германцы, утвердившіеся въ Галліи, представляли собою только вооруженные отряды или шайки — остатки уничтоженныхъ прежнихъ народцевъ, которые покидали свою родину, чтобы вступать на службу къ римской Имперіи или, еще проще, грабить ее. Трудно допустить мысль, чтобы эти грабители могли установить

[1] См. томъ третій—„Франкская Монархія“.

[2] Такое мнѣніе дѣйствительно высказывалось „старыми германистами“, начиная съ Монтескьё. Прим. ред.

въ Галліи политическіе порядки древней Германіи, такъ какъ сами они утратили ихъ уже за нѣсколько поколѣній до тѣхъ поръ, какъ стали переселяться на римскую почву. Въ предѣлы Имперіи не вступилъ ни одинъ народъ, правильно организованный въ тѣхъ формахъ, какія описаны Тацитомъ.

Такимъ образомъ, намъ кажется, что значеніе германскихъ вторженій V вѣка сильно преувеличено историками. Оно не внесло въ западныя провинціи римской Имперіи ни новой крови, ни новаго языка, ни новыхъ религіозныхъ представленій, ни особаго права, ни учрежденій, шедшихъ непосредственно изъ Германіи. Оно не замѣнило въ Галліи римскаго характера и «духа» германскимъ.

Я не хочу сказать, что это крупное событіе не произвело важныхъ послѣдствій въ дальнѣйшей исторіи; но эти послѣдствія были такого же рода, какія произвело-бы всякое другое вторженіе, совершенное всякою другою расою. Оно отразилось на ходѣ позднѣйшаго развитія общественнаго строя, какъ всякое подобное потрясеніе, а не какъ опредѣленное торжество новаго народа или побѣда его духа надъ цивилизаціею покоренныхъ будто бы враговъ. Оно внесло въ общество смуту, и именно такъ главнымъ образомъ обнаружило весьма значительное дѣйствіе на теченіе жизни въ послѣдующіе вѣка. Низвергнувъ верховную власть римскаго императора, германское вторженіе уничтожило также, правда, не сразу, а постепенно тѣ правила, которыми общество привыкло руководиться въ своей жизни. Безпорядокъ, порожденный повсюду нашествіемъ и поселеніемъ варваровъ, привилъ къ людямъ новыя привычки, которыя въ свою очередь дали начало новымъ учрежденіямъ.

Надобно, впрочемъ, еще разъ замѣтить, что вліяніе вторженія обнаружилось не вдругъ, не въ видѣ рѣзкой перемѣны. Если разсмотрѣть исторію ста пятидесяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Хлодовеха, если изслѣдовать, какъ управлялись подданные франкскихъ королей, какъ они жили, и что думали, то тогда станетъ ясно, что всѣ указанныя стороны ихъ существованія мало отличались отъ того положенія вещей, которое наблюдалось въ послѣдній вѣкъ Имперіи. Если, наоборотъ, перенестись въ VIII и IX вѣка, то нельзя будетъ не увидѣть, что общество, которое пріобрѣло опять, можетъ быть, внѣшность болѣе римскую, сдѣлалось, однако, совершенно непохожимъ на то общество, которое находилось подъ властью римскихъ императоровъ. Великіе результаты германскаго вторженія, темные еще въ шестомъ вѣкѣ, проявятся и выяснятся въ восьмомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ[1].

Въ два послѣдніе вѣка владычества римскихъ императоровъ Галлія являлась полемъ для той встрѣчи или того столкновенія римскаго и варварскаго міровъ, которыя условлено называть германскимъ нашествіемъ или переселеніемъ. Вслѣдствіе этого событія власть надъ названною страною перешла въ руки новыхъ господъ:

[1] Составлено К. Жюлліаномъ на основаніи набросковъ, найденныхъ въ бумагахъ Фюстель де-Куланжа.

Прим. ред.

франкскіе короли смѣнили римскихъ императоровъ. Съ перваго взгляда можетъ даже показаться, что государственныя учрежденія должны были въ силу того же измѣниться такъ же, какъ и правители: историки усвоили привычку считать эту эпоху за начало новой Франціи. Слѣдовательно, весьма важно разыскать происхожденіе, опредѣлить характеръ и результаты этого предполагаемаго завоеванія.

Такая задача составляла предметъ настоящей книги. Рѣшая ее, прежде чѣмъ изучать самую борьбу, оказалось необходимымъ разобрать внимательно сущность и особенности учрежденій обоихъ обществъ—римскаго и варварскаго, останавливаясь особенно подробно на тѣхъ, которыя образовались въ римскомъ мірѣ, такъ какъ, надо признать это, Галлія была поглощена Имперіею и въ теченіе трехъ вѣковъ оставалась подъ ея исключительнымъ вліяніемъ.

Природа и пріемы императорскаго правительства сохранились, собственно говоря, безъ коренного измѣненія до конца Имперіи несмотря на преобразованія, происшедшія въ самомъ устройствѣ монархіи въ III вѣкѣ, несмотря на совершившіяся политическія событія, гражданскія войны и варварскія нашествія, несмотря на повторявшіеся экономическіе кризисы. Императоръ присвоилъ себѣ новые титулы и окружилъ себя большимъ количествомъ чиновниковъ; часто нѣсколько «августовъ» одновременно надѣвали пурпуръ и правили вмѣстѣ, но власть государя юридически оставалась и тутъ болѣе абсолютною, чѣмъ когда бы то ни было, и никогда въ другое время его особа не пользовалась такимъ почитаніемъ. Онъ всегда являлся земнымъ богомъ —

такъ именно уже называлъ его Вергилій, говоря о первомъ императорѣ; то же самое будутъ провозглашать варварскіе короли, обращаясь къ послѣднимъ. Централизація оставалась въ послѣднюю эпоху, какъ и раньше, основнымъ признакомъ административнаго устройства Имперіи; ни одно государство въ мірѣ не обладало, быть можетъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, такимъ стройнымъ развитіемъ, какъ мы сказали бы теперь, бюрократической системы, чѣмъ именно римская Имперія въ послѣднюю эпоху, если мы будемъ разсматривать ее сквозь описанія знаменитой Notitia dignitatum. Нельзя также, какъ кажется, утверждать, что муниципальныя и провинціальныя вольности были тогда легально стѣснены закономъ; таково не было, по крайней мѣрѣ, сознательное стремленіе политики императоровъ. Повинности населенія также не были увеличены настолько, какъ историки любятъ доказывать. Была установлена свобода для всѣхъ религіозныхъ вѣрованій. Право собственности пользовалось такими же гарантіями, какъ и раньше. Личность въ своей жизни и отношеніяхъ подчинялась тѣмъ же самымъ правовымъ принципамъ, и если не было сдѣлано шага впередъ въ смыслѣ развитія равенства, если соціальныя различія оставались не менѣе рѣзки, чѣмъ прежде, если соціальныя дѣленія не стали менѣе глубоки, если общество должно быть признано столько же аристократически построеннымъ, то нельзя никакъ сказать, чтобы законы сдѣлались суровѣе, нравы — хуже, рабы несчастнѣе, чтобы свобода пріобрѣталась труднѣе, чтобы вольноотпущенники были менѣе многочисленны, а вступленіе въ составъ знати менѣе доступно.

Не слѣдуетъ, стало быть, при изображеніи Имперіи послѣднихъ, константиновскихъ вѣковъ преувеличивать отличій между нею и Имперіею первыхъ преемниковъ Августа. Необходимо сосредоточиться больше на томъ, что составляло дѣйствительно характерную черту общества поздней имперіи: это былъ именно упадокъ, притупленіе соціальной энергіи. Политическая слабость старыхъ центровъ древняго міра была одною изъ причинъ завоеванія ихъ Римомъ; но и впослѣдствіи она лишь возрастала, благодаря тому, что условія мирнаго существованія оказались матеріально обезпечены за массою населенія громадной державы силами самого правительства: незачѣмъ было думать о самозащитѣ. Къ такому же истощенію политической активности и соціальной упругости приводило вліяніе разгоравшихся религіозныхъ страстей и не въ мѣру разросшейся потребности спасенія души, которыя все болѣе и болѣе захватывали и подчиняли сознаніе и совѣсть. Центръ тяжести общаго интереса перемѣщался изъ области государственной жизни въ сферу религіи. Юридически Имперія оставалась всемогущею; на дѣлѣ всѣ стремились какъ бы покинуть ее. Отъ воинской службы гражданское населеніе бѣжитъ, и правительство по неволѣ предоставляетъ защиту Имперіи варварамъ. Чиновники встрѣчаютъ въ странѣ очень мало повиновенія; знать, окружая себя все растущею массою кліентовъ, отбираетъ у государства очень значительное количество непосредственныхъ подданныхъ. Люди любятъ Имперію, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда бы то ни было, и всѣ чрезвычайно почитаютъ императора; но все-таки можно сказать, что суверенитетъ императора какъ бы отдаляется; возрастая въ своей славѣ, онъ теряетъ силу.

Подъ верховною властью императора въ галло-римскомъ обществѣ наибольшимъ могуществомъ пользовалась земельная знать. Она въ теоріи вполнѣ зависѣла отъ государства, должна была подчиняться общимъ законамъ Имперіи, но фактически нравы и обычаи, установившіеся въ жизни общества приравнивали ее по значенію и авторитету къ императорскому правительству, и аристократія крупныхъ собственниковъ обращалась, такъ сказать, въ конкурирующую, соперничающую съ нею власть. Имперія въ сущности никогда не боролась противъ аристократическаго принципа; она стремилась только въ началѣ подчинить республиканскую знать манархической конституціи, но за то она и сама съ своей стороны признала ее какъ бы составнымъ элементомъ государства и пользовалась ея службою. Въ Галліи еще до завоеванія ея Римомъ, то-есть, въ періодъ ея первоначальной независимости, установился аристократическій строй: аристократія сохранила въ ней свое значеніе во все протяженіе римскаго господства и играло руководящую роль въ моментъ германскихъ вторженій. Стало быть, въ римской абсолютной монархіи населеніемъ правила знать. Она незамѣтно захватывала мѣсто императорскаго правительства. Она сохранила свое обаяніе и возстановила свои силы. Средніе классы падали все глубже; надъ рабами и вольноопущенниками поднималась въ составѣ общества лишь одна знать. Знать владѣла землею и управляла людьми. Устанавливая патронатную зависимость надъ своими вольнотпущенниками, она въ теченіе

жизни нѣсколькихъ поколѣній удерживала подъ своей властьюдаже тѣхъ, кому давала свободу. Черезъ патронатныя связи она создала себѣ подданныхъ, которые были подчинены ей гораздо болѣе, чѣмъ государству. Классъ свободныхъ людей не только не увеличивался, а съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшался въ то время, какъ челядь знатныхъ семействъ увеличивалась все новыми элементами, попадавшими въ частную кабалу. Вольноотпущенники, кліенты, колоны, все это были лишь различныя наименованія зависимаго люда, служившаго знати; почти весь народъ въ IV вѣкѣ былъ подчиненъ сенаторскимъ фамиліямъ и какъ-бы захваченъ въ рамки ихъ частныхъ домовъ. Дѣйствительно, свободныхъ людей осталось очень мало; свободны были только члены аристократіи, и эти свободные являлись на разныхъ основаніяхъ, господами множества другихъ потерявшихъ свободу людей. Надо къ тому же прибавить, что эти магнаты были образованы и дѣятельны, они пользовались вѣсомъ; вслѣдствіе того они должны были неминуемо скоро пріобрѣсти нравственное руководительство въ обществѣ, наложивъ руку на епископскій санъ. Чтобы быть полными господами, имъ не хватало только оружія.

Дѣйствительно, сенаторскій классъ оставался пока лишь «гражданскимъ». Военная сила принадлежала варварамъ. Рядомъ съ описанною знатью отдѣльно отъ нея стояло войско; какъ и она, войско являлось всемогущимъ соперникомъ той императорской власти, которой оба были номинально подчинены. Въ изучаемую нами эпоху это войско почти исключительно состояло изъ отрядовъ германскихъ федератовъ, осѣдавшихъ постепенно на почвѣ Имперіи варварскихъ дружинъ или полчищъ.

Захватъ высшей гражданской власти и фактическаго управленія въ западныхъ провинціяхъ Имперіи вождями этихъ германскихъ воинскихъ силъ и составляетъ сущность историческаго переворота, который называется германскимъ завоеваніемъ.

Слово «вторженіе» наводитъ на мысль о переселеніи людей, о передвиженіи цѣлаго племени, о завоеваніи одного государства какимъ-нибудь другимъ народомъ. И вотъ, дѣйствительно, многіе охотно рисуютъ себѣ картину какъ бы громаднаго наводненія, произведеннаго огромными массами Германцевъ на территоріи Имперіи. Представляютъ варваровъ сильными и многочисленными, объединенными болѣе ненавистью къ римскому имени чѣмъ жаждою добычи или какою-нибудь иною жизненною потребностью, обрушивающимися всею своею тяжестью на Галлію. Таково до сихъ поръ очень распространенное воззрѣніе на характеръ событія, именуемаго «великимъ переселеніемъ народовъ» (*Völkerwanderung*). На самомъже дѣлѣ такое всеобщее единеніе германскихъ племенъ въ борьбѣ съ Римомъ, такая патріотическая ненависть къ нему, такая сила натиска древней Германіи, все это—миѳъ, ничего такого мы не открываемъ въ текстахъ, современныхъ событію. Между германскими племенами точно такъ же, какъ раньше между народцами независимой Галліи не существовало никакого единства. У себя на родинѣ они вели постоянную борьбу другъ противъ друга. Тоже самое происходило, когда они проникли на римскую почву и затѣмъ утвердились на ней. Германскаго отечества

тогда не было совсѣмъ. Къ тому же на Имперію обрушились вовсе не организованныя государства. Въ Германіи I-го вѣка существовали, конечно, болѣе или менѣе правильно, хотя и элементарно устроенные политическіе союзы: въ описываемомъ Тацитомъ германскомъ мірѣ можно подмѣтить зародыши возникающаго общества, формирующихся народностей, начинающейся соціальной жизни. Но въ началѣ V вѣка мы уже видимъ этотъ міръ въ состояніи полнаго разложенія: политической организаціи больше нѣтъ никакой, кажется даже, что нѣтъ болѣе и народовъ. На ихъ мѣстѣ выступаютъ безпорядочные комплексы вооруженныхъ людей, которые, разрушивъ у себя дома, въ своей странѣ всѣ слагавшіяся тамъ и упрочивавшіяся учрежденія, стали угрожать спокойствію римскаго міра.

Еще менѣе, чѣмъ національное единство, у этихъ Германцевъ можно наблюдать ненависть къ Римлянамъ. Съ самаго начала Римъ находилъ въ Германіи союзниковъ подобно тому, какъ Цезарь встрѣчалъ ихъ и въ Галліи. Прославленный герой германской независимости—Арминій, прежде чѣмъ сталъ сражаться съ римскими легіонами, долго былъ, подобно Верцингеториксу, другомъ Римлянъ: онъ обладалъ званіемъ римскаго гражданина, даже всадника, и получая жалованіе отъ Имперіи, сначала воевалъ съ ея врагами. Германцы IV и V вѣковъ дѣйствовали совершенно такъ же. Они дѣлались врагами Рима только тогда, когда имъ не удавалось сдѣлаться или остаться его воинами и подданными. Даже, когда они впадали въ состояніе звѣрскаго изступленія, у нихъ не проявлялось противъ Имперіи ни гнѣвной злобы, ни

патріотической ярости. Когда Аларихъ одержалъ верхъ надъ римскимъ войскомъ, онъ поспѣшилъ назначить новаго Августа. Первымъ дѣломъ Хлодовеха послѣ окончанія его завоеваній было принятіе имъ внѣшнихъ знаковъ отличій и достоинствъ, пожалованныхъ ему императоромъ.

Нельзя, разумѣется, отрицать, что въ самомъ дѣлѣ совершались крупные набѣги, производившіеся вооруженными массами, которыя объявлялись какъ открытые враги Рима; приходится также согласиться, что тѣ изъ варварскихъ группъ, которыя всегда являлись врагами Рима, оказываются самыми сильными и самыми многочисленными. Но надо, однако, замѣтить, что эти именно германскія военныя силы, которыя, являлись наиболѣе опасными, наиболѣе жестокими и наиболѣе склонными къ наступленію, не утвердились въ предѣлахъ Имперіи и оставили въ ней всего меньше слѣдовъ послѣ своего прохода черезъ страну. Готы временъ Галліена, Вестготы временъ Валента, варвары, пришедшіе съ Радагайсомъ, а потомъ съ Аларихомъ, Гунны Аттилы образовывали собою цѣлыя громадныя полчища; но отъ нихъ ничего не осталось, они ничего не основали.

Тѣ изъ Германцевъ, которые осѣли на римской землѣ, утвердились на ней въ качествѣ земледѣльцевъ, рабовъ, въ особенности же въ качествѣ подданныхъ и военныхъ наемниковъ. Единственными предпріятіями Германцевъ, которыя окончились удачею, оказались тѣ, которыя были совершены ими въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ Имперіи. Истинные завоеватели Галліи сражались подъ знаменами Имперіи. Вестготы, Бургунды, Франки были воинами-федератами, находившимися на службѣ у римскаго государ-

ства такъ же, какъ тѣ мелкіе варварскіе отряды, которые въ IV вѣкѣ были испомѣщены въ Галліи императорскимъ правительствомъ, или тѣ отдѣльные выходцы изъ Германіи, которыхъ брали себѣ въ тѣлохранители императоры перваго вѣка. Идетъ-ли рѣчь объ отдѣльныхъ личностяхъ или о значительныхъ массахъ людей, все равно приходится сказать, что отношеніе варваровъ къ Имперіи оставалось однимъ и тѣмъ же на протяженіи пяти вѣковъ: они почитали императорское величество и желали принадлежать къ римскому имени.

Такимъ образомъ, завоеваніе Галліи тремя крупными германскими вооруженными массами является въ исторіи римскаго государства завершеніемъ двоякаго перерожденія, начавшагося еще въ эпоху самаго возникновенія Имперіи.

Прежде всего, этотъ фактъ знаменуетъ собою окончательный переходъ къ системѣ защиты государства вспомогательными войсками изъ чужеземныхъ наемниковъ надъ системою охраны его гражданскою арміею. Такой результатъ можно было заранѣе предвидѣть, такъ какъ коренные Римляне, а затѣмъ и романизованные провинціалы уже давно все болѣе и болѣе стремились сложить на плечи такихъ союзниковъ заботу о своей защитѣ. Первыми союзниками Римлянъ были жители завоеваннаго ими Лація, а потомъ и остальной Италіи; послѣ нихъ появились обитатели провинцій. Когда послѣднія слились съ старымъ центромъ, наступила очередь варваровъ служить охраною безопасности Имперіи.

Такое введеніе варваровъ въ римскій міръ началось вмѣстѣ съ утвержденіемъ Имперіи и продолжалось столько же времени, сколько существовала послѣдняя; такъ называемыя вторженія Германцевъ лишь довершили этотъ процессъ. Онѣ, стало быть, представляли собою также послѣднюю ступень долгой эволюціи, которую можно резюмировать въ одной формулѣ, назвавъ ее превращеніемъ Германцевъ въ подданныхъ Рима. Галлія не была завоевана варварами: они были включены въ Имперію.

Впослѣдствіи, однако же, новые подданные легко сдѣлались господами. Ихъ отряды поселились на постоянное жительство въ провинціяхъ. Ихъ вожди захватили въ свои руки гражданскую власть, подобно тому, какъ они получили уже раньше военную. Все это произошло безъ потрясеній: власть императоровъ и безъ того была уже очень слаба. Многія изъ этихъ вооруженныхъ группъ уже раньше навязали римскимъ государямъ свои воинскія услуги: затѣмъ онѣ какъ бы узурпировали званіе подданныхъ, заставили платить себѣ жалованіе, захватили мѣста постоя, завладѣли землями, отданными подъ военныя поселенія. Вожди Германцевъ узурпировали, наконецъ, и гражданскую власть; но они всегда дѣйствовали при этомъ въ качествѣ начальниковъ вспомогательныхъ войскъ, находившихся на службѣ Имперіи. Населеніе подчинялось варварскимъ правителямъ, которые стали назначать въ странѣ другихъ должностныхъ лицъ, взымали налоги, изъ простыхъ военныхъ командировъ, какими они были сначала, превратились въ настоящихъ представителей верховной политической власти.

Такимъ-то образомъ совершилось въ Галліи окончательное разложеніе прежняго государственнаго строя

и полный упадокъ самостоятельныхъ политическихъ силъ. Римское государство, отдавъ варварамъ оружіе, тѣмъ самымъ подготовило захватъ ими власти. Изъ подданныхъ они обратились въ господъ, не переставая формально состоять на службѣ у государства.

Сперва казалось, что ничего не перемѣнилось ни въ правѣ, ни въ жизни. Хлодовехъ и его сыновья, бургундскіе вожди, первые вестготскіе короли — всѣ признавали верховный суверенитетъ Августовъ и неприкосновенность Имперіи. Государственное устройство и управленіе не были затронуты, право оставалось прежнимъ. Галлы сохранили свои земли и свою свободу. Не было покоренныхъ, потому что не происходило завоеванія. Совершилась перемѣна только въ личностяхъ правителей.

Изучая Имперію IV и V вѣковъ, мы обнаружили въ ней признаки политическаго перерожденія: могущество аристократіи росло, могущество государства ослаблялось. Вторженіе варваровъ не способствовало исчезновенію этихъ признаковъ. Аристократія ничего не потеряла — ни своихъ земель, ни своего могущества. Государство ничего не выиграло ни въ силѣ, ни въ правѣ. Наоборотъ, вслѣдствіе утвержденія варваровъ, оба эти факта не могли не обозначиться сильнѣе.

Франкскіе короли въ теченіе долгаго времени оказывались неспособными стать государями, болѣе сильными и болѣе уважаемыми, чѣмъ были римскіе императоры, и аристократія только пользовалась для своей выгоды такимъ упадкомъ могущества государства и ослабленіемъ его авторитета. Разложеніе соціальной союзности и политическаго единства продолжало усиливаться ко благу богатыхъ и знатныхъ господъ. Вспомнимъ, что идея государства послѣ смерти Хлодовеха еще была представлена римскимъ императорствомъ: Цезарь-Августъ почитался, какъ и прежде, но образъ его суверенитета затеривался тогда въ дали Константинополя, его новой столицы.

Итакъ, германское вторженіе въ римскую Имперію не можетъ быть названо завоеваніемъ: самое большее, если можно признать его замѣною одной власти другою; прежній политическій порядокъ продолжаетъ жить при новыхъ государяхъ. Произошла не рѣзкая революція, а только нѣкоторое ускореніе эволюціи явленій, зародившихся уже давно. Въ римской Имперіи государство истощалось все больше и больше съ каждымъ днемъ на глазахъ у возвышавшейся аристократіи; германское вторженіе было только новою, лишнею, можетъ быть, самою могущественною причиною быстраго прогресса уже далеко зашедшаго разложенія.

Въ послѣдующихъ томахъ нашего труда мы будемъ изучать дальнѣйшія, вторичныя послѣдствія варварскаго вторженія, и для этого намъ надо будетъ разсмотрѣть, что станется во франкской Галліи съ римской монархіей и земельной аристократіей.

